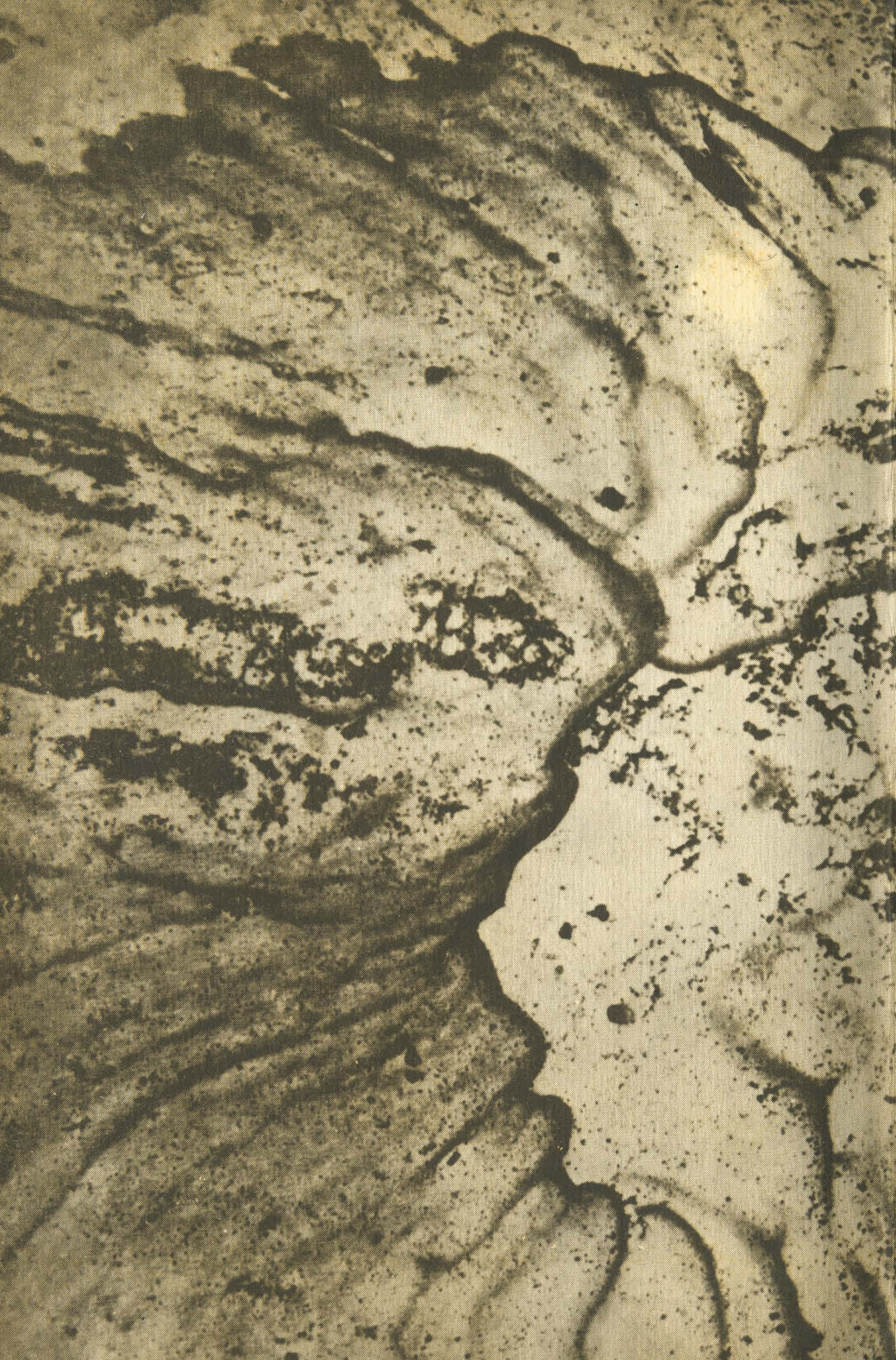

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ

КНИГА XXII

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ
В ВОСЕМНАДЦАТИ
КНИГАХ

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ
В ВОСЕМНАДЦАТИ
КНИГАХ

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1998

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ

КНИГА XXII
ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ

РАБОТЫ
РАЗНЫХ
ЛЕТ

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1998

ББК 63.3(2)
С 60

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Указатель составлен Е. В. ЖЕЛОБАНОВОЙ

Художник издания А. Б. КОНОПЛЕВ

ISBN 5-244-00075-6
ISBN 5-244-00912-5

© Издательство «Мысль». 1998
© Ю. В. Сокортова. Составление
и подготовка текста. 1998
© В. Ю. Станковская. Перевод ино-
странных текстов. 1998
© А. Б. Коноплев. Оформление. 1998

ЗАМЕЧАНИЯ О СЛОВЕ «ДУМА»*

Дума в старину не принималась в значении государственного совета, и слово это не происходит от *думать, рассуждать*, хотя с ним однокоренное; *Дума* означала *верх* в смысле Двора, Дворца государева, как после «*быть на верху*» означало быть во Дворце. *Дом, дым, дум* означает первоначально возвышение, нечто возвышающееся: отсюда *дом*—здание, *дым*—фимиам, восходящий к небу, вверх; отсюда и *дума*—гордость, возвышение в некоторых славянских наречиях, и *дума*—акт мышления, ибо мысль, существо человека возносится наверх, живет головою.

Что *Дума* означала не иное что, как здание Дворца или Двор государев, лучшим доказательством служит следующее место в Статейном списке посольских сношений Польского короля Сигизмунда и Литовской Рады с Московским великим князем Иоанном Васильевичем (см. «Акты, относящиеся к Истории Западн. России», т. II, № 175, стр. 252): «А князь великий сидел в брусняной избе, а у него бояре, и околничие, и дворецкие, и *дети боярские, которые живут в Думе*, и дети боярские прибыльные, *которые не живут в Думе*».

* Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. М., 1855. Кн. 2. Ч. 1. С. 154.

О ПРАВАХ И ОБЫЧАЯХ, ГОСПОДСТВОВАВШИХ В ДРЕВНЕЙ РУСИ ОТ ВРЕМЕН ЯРОСЛАВА I ДО НАШЕСТВИЯ МОНГОЛОВ *

(Читано 26 января 1846 г.)

При исследовании нравов и обычаев предков наших в означенный период времени нас прежде всего останавливает господство религиозного направления. Бояре оставляли веселую жизнь в дружине княжеской и постригались в монахи¹. Но не только бояре, даже самые князья поступали подобным же образом: так, Святослав (Николай) Давидович Черниговский, названный за свое благочестие Святошею, отказался от мира и заключился в обители Печерской, где удивлял своей суровой подвижнической жизнью². И между княгинями бывали также инокини: Анна, или Янка, дочь великого князя Всеволода Ярославича, постриглась в киевском Андреевском монастыре³. Предслава, дочь полоцкого князя Георгия, постриглась под именем Евфросинии в монастыре у тетки своей, сама основала два монастыря и постригла родную сестру, двоюродную и двух племянниц⁴. Обычай постригаться перед смертью господствовал между князьями и княгинями⁵.

Некоторые князья насилу могли быть удержаны от пострижения советами благоразумного духовенства; вот что рассказывает летописец о Ростиславе Мстиславиче: «Егда бо отходя житья сего маловременного и мимотекущего, молвяше Семьюнови попови отцу своему духовному: тебе воздати слово о том к Богу, занеже възборони ми от пострижения. Молвяше бо Ростислав часто то слово к игумену Печерьскому Поликарпу: тогда, игумене, взях мысль от пострижения, егда же приде ми вестъ из Чернигова о Святославли смерти Олговича; молвяше же и то всегда к игумену: постави ми, игумене, келью добру, боюся напрасныя смерти; а что си о мне Бог устроит и ваша молитва. Уставил же я и сю добродетель в себе: у великий пост, во всякую субботу и неделю, сажаше на обеде у себя 12 черньца, третий надесят игумен Поликарп и тако тех накорми, не ттих отпушаше; сам же по вся недели причащение имаше, слезами омывая лице свое, и въздыханием частым смиряя себе, и стенание от сердца своего испущая, всим видящим его в толицы смиреньи стояща, и тако не можаху удержатися от слез»⁶.

* Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете № 1. М., 1846. С. 46—60.

На беспрестанные просьбы Ростислава о пострижении умный игумен Поликарп говорил ему: «Вам Бог тако велел быти: правду деяти на сем свете, в правду суд судити и в хрестном целованьи вы стояти»⁷. Эти слова Поликарпа еще более для нас уяснятся, если мы обратим внимание на известие, сообщенное Татищевым об этом Ростиславе: «Чин святительский чтил (Ростислав) и многу милостыню давал, о воинстве и судах не радел: того ради в воинстве мало щастия имел, и в судах тиуны его мздою богатились, и было от них убогим утеснение»⁸.

Вообще духовенство наше сильно восставало на ложно понимаемую религиозность; это видно не из одних слов Поликарпа, но также из следующего любопытного места: к известию о кончине благочестивого князя Давида Святославича Черниговского прибавлено: «Мнози невеличави глаголют: не име жены, и кроме мира пребывая, заповеди Господни исправити может; а с женою и с чады живуще не может спастися. Сей же князь, иже бе четвертый от Святого Владимира, не в мире ли пребывая, не всей ли земли Черниговстей господствуя, еже тогда бяхше большее княжение кроме Киева? И како заповедь владычню исправи во всем, не име ли жены, не чада ли породы, како спасесе и каковой славе сподоблен бысть от Бога?»⁹

Для показания тогдашней религиозности приведу еще известие о кончине Ярослава Осмомысла, князя Галицкого: «И ко преставлению своему в болезни тяжьце познася худ, и созва мужи своя и всю Галичкую землю, созваже и сборы вся и монастыре, и пишая, и сильныя и худыя; и тако глаголаше плачася ко всем: «Отци, и братья, и сынове! Се уже отхожу света сего суетного и иду ко Творцю своему, а греших паче всех якоже ин никтоже сгреши; а отци и братья! Простите и отдайте!»

И тако плакашеться по три дни, передо всеми сборы и передо всеми людми, и повеле раздавати имение свое монастырем и нищим; и тако даваше по всему Галично по три дни, и не могоша раздавати»¹⁰. Особенное усердие князя и народ имели к монастырю Печерскому; так, летописец говорит, что князь Ярополк Изяславич «вда (в Печерский монастырь) всю жизнь свою, Небльскую волость и Деревьскую и Лучьскую, и около Киева; Глеб же (зять его, князь Полоцкий) вда в животе своем, с княгинею, 600 гривен серебра, а 50 гривен золота; а по княжи животе княгини вда 100 гривен серебра, а 50 гривен золота; а по своему животе вда княгини 5 сел с челядью, и все да и до повоая»¹¹. Князя северные имели особенное усердие ко Владимирской церкви Богоматери; в ней было такое обилие риз, шитых золотом и жемчугом, что во время праздников вешали их на двух веревках, начиная от Золотых ворот до церкви, и потом в две же веревки, от церкви до епископского дома¹².

Князя, приезжая в какой-нибудь город на свидание с родственниками, давали обед духовенству, после чего богато дарили его¹³. О князе Рюрике Ростиславиче сказано, что он имел

«хотение к монастырем и ко всем церквам, и любви несытну о зданьих»¹⁴, а жена его «ни начтоже ино упражняшеса, но токмо о церковных потребах». Обыкновенная похвала князю в летописи состоит в том, что он «монастыри набдя и черньце утешевая, и мирские церкви набде, и попы и весь святительский чин достойною честию чтяше»¹⁵.

Любопытно, что в описываемое нами время встречаем следы особенного уважения к Св. Николаю, а именно в Галицком княжестве. Так, читаем под годом 1227: «Еха Данил в Жидичин кланятися и молитися Святому Николе, и зва и Ярослав к Лучьску; и реша ему бояре его: приими Луческ, zde ими князя их; оному же отвещавшу, яко приходил zde молитву створити Святому Николе, и не могу того створити»¹⁶. В другом месте читаем: «Нача посылати Михаил и Изяслав грозяча: дай нашу братью, или придем на тя войною. Данилове же молящуся Богу и Святому архиерею Николе, иже каза чудо свое»¹⁷. Или: «Едушу же ему (Данилу) до Грубешева, и уби вепрев шесть, сам же уби и рогатиноу 3, а три отроци его, и вдасть мяса воем на путь, а сам помолвился Святому Николе, и рече воем своим: «Аще сами будут татарове, да не внидет ужас во сердце ваше»»¹⁸.

Идя в поход, князья совершали религиозные обряды; так, читаем, что русские князья, идя на половцев в 1111 году, «хрест целоваша и възложиша всю свою надежу на хрест... и князь Володимир пристави попы своя, едучи пред полком, пети тропари и кондаки хреста честного и канун Святой Богородици»¹⁹. Любопытно убеждение, господствовавшее в то время у князей и народа, что воин, убитый на войне с неверными, получает венец мученический. Так, собранные князья говорят Мстиславу: «Бог ти, брате, помози в том, оже ти Бог вложил таку мысль в сердце; а нам дай Бог за крестьяны и за Рускую землю головы свое сложити и к мучеником причтенном быти»²⁰. Мстислав Храбрый говаривал воинам: «Братье! Ничтоже имете во уме своем, аще ныне умрем за крестьяны, то очистився грехов своих и Бог вменит кровь нашу в мученикы»²¹.

Еще любопытнее здесь то, что у нас считали мучениками не только своих православных воинов, но и латинских крестоносцев; вот замечательное место в летописи: «Иде Царь Немецкий, со всею своею землею, битися за Гроб Господень, проявил бо бяшетъ ему Господь ангелом, веля ему ити... сии же немцы, яко мученицы святии, прольяше кровь свою за Христа, со цари своими... о сих бо воля Господня сбытсѧ, и причте я к избранному своему стаду, в лик мученицкий»²².

Это сочувствие к западным крестоносцам объяснится нам, если обратим внимание на страсть к паломничеству, господствовавшую на Руси в то время и доходившую до крайности; и здесь,

как везде, благоразумное духовенство сочло обязанностью вооружиться против этой непомерной страсти; в известных вопросах Кирика читаем: «А иже се, рех, идут в сторону, в Ерусалим к святым, а другим — аз бороню, не велю ити: сде велю доброму ему быти»²³. В другом месте: «Ходили бяху роте, хотяче в Иерусалим. Повеле ми опитемью дати: та бо, рече, рота губить землю сию»²⁴. Вооружаясь против излишней ревности к посещению святых мест, духовенство в то же время должно было вооружаться против многих языческих обычаев, еще удержанных новопросещенным народом.

Так, митрополит Иоанн, в своих правилах, вооружается против людей, которые имеют по две жены — знак, что в его время еще не вывелся древний славянский обычай многоженства²⁵. В тех же правилах встречается известие о людях, «иже жрут бесом и болотом и колодязем»²⁶. Митрополит упоминает также об обычае простого народа не брать для супружества благословения церковного, ибо считают его церемонией, установленной только для князей и бояр, и довольствуются одним каким-то языческим обрядом плескания²⁷. В упомянутых выше вопросах Кирика встречаем известие о следующих суеверных обычаях того времени: «А се есть у жен: аже не взлюбят их мужи, то омывают тело свое водою, а ту воду дают мужем»²⁸. «А еже детей деля жены творят что любо; а еже взлюбят, к влхвм несут, а не к попови на молитву?»²⁹

Вооружаясь против приверженности к древнеязыческой религии, духовенство должно было вооружиться также против безразличия между православием и латинством, против обычая носить детей на молитву к латинскому священнику вместо православного³⁰. Благочестивый летописец жалуется на пристрастие народа к старинным языческим суевериям и обычаям в следующих словах: «Нарицающесе хрестьяне, а погански живуще; се бо не погански ли живем? Аще бо кто усрящет черноризца единиц ли, свинью ли, или конь лыс, то възвращается. Се бо по дяволю наученью коб сию держать. Друзии же и зачиханью веруют, еже бывает на здравие главе... Дявол льстит, превабля ны от Бога трубами и скоморохи, гусльми и русальче: видим бо игрища утолочены и людей много множество, яко упихати начнуть друг друга, позоры деюще, а церкви стоять. Егда же бывает год молитвы, мало их обретається в церкви»³¹.

Но если, с одной стороны, народ не успел еще освободиться от языческого обычая и привычек, то, с другой стороны, грамотность — неразлучный спутник христианства — делала замечательные успехи в нашем древнем обществе. Религиозное направление, тогда господствовавшее, определяло и характер

образования, источником которого были книги Священные, следовательно, всего более должны были быть образованны лица духовные; в одном сочинении XII века автор, лицо духовное, говорит: «Аще бо мира сего властели, и в житейских вещех тружуются человеци, прилежно требуют книжного почитания; колми паче нам подобает учиться в них, и всем сердцем възыскати сведения словес Божиих, о спасении душ наших писанных»³².

Здесь духовное лицо поощряет своих собратий к изучению Св. Писания примером властителя мира сего, в самом деле, наши князья мало уступали духовенству в образованности. О прародителе наших князей, Ярославе I, встречаем в летописи следующие известия: «И бе Ярослав любя церковные уставы, и презвитеры любяще повелику, и книги прочитая. И собра писцы многи, и прелагаше от грек на словенское писание, и списаше книги многи...» И в другом месте: «Ярослав же сей любяще книги зело, и многи написав». Сравнивая Ярослава с отцом его, Владимиром, летописец говорит: «Владимир просветил Россию крещением, Ярослав насеял книжными словесами сердца верных людей»³³. Кажется, на Ярослава намекает Иларион, говоря: «Не к неведущим бо пишет, но преизлиха насыщаемся сладости книжныя»³⁴.

Страсть Ярослава к книгам перешла в потомство: сын его Святослав собирал книги, которыми наполнил свои клетки, и приказывал переводить для себя с греческого языка; до нас дошло также собрание статей, известный Сборник Святославов. В предисловии составитель Сборника говорит: «[Святослав] аky бычела любодельна с всякого цвета псанию събрав, аky в един сеть в вельмысльное сердце свое проливает аky сеть сладек из усть своих пред Боляры на вразумение тех мыслем, являяся им новый Птолемеи». Другой сын Ярослава I, Всеволод, говорил на пяти иностранных языках, по свидетельству сына его, Мономаха; религиозная начитанность последнего видна из его сочинений.

Если мы сообразим все сказанное, то нам не покажутся невероятными следующие свидетельства об образованности наших князей, находимые у одного Татищева; так, о Святославе Ростиславиче встречаем у него известие: «Учен был греческого языка и книги охотно читал»³⁵. О Святославе Юрьевиче: «Учен писанию, много книг читал, и людей ученых, приходящих от грек и латин, милостиво принимая, с ними почасту беседовал и состязания имел»³⁶. О Романе Ростиславиче Смоленском: «К учению многих людей понуждал, устроая на то училища и учителей, греков и латинистов своею казною содержал, а не хотел иметь священников неученых; и так на оное имение свое истошил, что на погребение его принуждены были смольяне серебро и куны давать по изволению каждого; и как народ все его любили, то сбораи такое множество, что более было, нежели в год князю

приходило»³⁷. О Михаиле Юрьевиче: «Вельми изучен был писанию, с греки и латины говорил их языки, яко руским, но о вере никогда прения иметь не хотел и не любил»³⁸.

Для нас не покажется странным, что Михаил Юрьевич говорил по-гречески, как природный грек, если вспомним, что он, будучи изгнан братом Андреем, провел молодость в Греции. О Константине Всеволодовиче Ростовском летопись говорит: «Всех умудряя духовными беседами, часто бо чтяще книги с прилежаньем»³⁹. Татищев прибавляет: «Великий был охотник к чтению книг и научен был многим наукам; того ради имел при себе и людей ученых, многие древние книги греческие ценою высокою купил и велел переводить на русский язык; многие дела древних князей собрал и сам писал, також и другие с ним трудились. Он имел одних греческих книг более 1000, которые частью покупал, частью патриархи, ведая его любомудрие, в дар присылали»⁴⁰.

Это-то постоянное сношение с Грецией и греческим духовенством и поддерживало образованность на Руси; паломничество, дошедшее, как мы видели, до крайности, не могло остаться без влияния; мы видим, что даже княгини наши отправляются в Византию и к святым местам, так, например, Янка, дочь Всеволода I, Св. Евфросиния Полоцкая; постоянные родственные связи наших князей с византийскими императорами также поддерживали сношения с Грецией; самый народ в Древней Руси свыкся с греческим языком; так, например, в торжественных случаях, для ознаменования радостных событий, он восклицал греческое: «Кириеелейсон»; под 1146 годом читаем в летописи: «Бог же и Святая Богородица избави город (Звенигород) от лютые рати: и взваша курии елисон, с радостью великою славище Бога»⁴¹. В 1151 году, после Рутского сражения, когда воины нашли своего князя Изяслава Мстиславича: «И то слышавше мнози, и всхитиша и руками своими с радостью, яко царя и князя своего, и тако взваша кирелейсон вси полци радующесея»⁴².

Кроме религиозности и греческой образованности были другие общие черты в характере древних князей наших; большая часть из них носят характер непобедимых вождей дружины, необыкновенно щедрых, раздающих все окружавшим их, братски живущих с дружиною, братски обходящихся с народом. И в это время князь повторяли дружине слова древнего героя Святослава: «Оже ны будет не бившиися возворотитися, то сором ны будеть пущей смерти»⁴³.

Летописец приводит другие, не менее прекрасные речи князей пред сражением, например речь Изяслава Мстиславича перед сражением с Владимиром Галицким: «Братья и дружина! Бог всегда Рускыя земле и руских сынов в бесчестьи не положил есть, на всих местах честь свою вимали суть; ныне же, братья, ревнуемы тому вси, у сих землях и перед чужими языки дай ны Бог честь свою взяти»⁴⁴. В летописи мы встречаем похвалу всем

добрым князьям в одинаких словах, вот она: «Съи же благоверный князь бе украшен всякою добродетелью, и бяше храбор на рати, и любовь имеяше ко всим; паче же милостыни прилежаще, и монастыри набдя и чернцые утешевая, и мирские церкви набдя, и попы и весь святительский чин достойною честью чтяше; бе бо любя дружину и имения не шадяше, не сбираше злата и сребра, но даваше дружине, овоже правяше души своей»⁴⁵.

Летописец, писавший уже при монголах, жалуясь на искажение древних нравов князей и дружин, так говорит об них: «Вас молю, стадо Христово, с любовью, приклоните ушеса ваша разумно: како быша древни князи и мужи их, и как отбороняху Русьские земля, и иные страны приимаху под ся. Ти бо князи не сбираху много имения, ни творимых вир, ни продажъ вскладаху на люди; но оже будяше правая вира, и ту взма, даяше дружине на оружие. А дружина его кормляхуся, воюючи иные страны, биющися: братия потягнем по своем князи и по Русьской земли. Не жадаху, мало ми есть, княже, серебряных гривен; не кладаху на свои жены златых обручей, но хожяху жены их в серебре, и расплодили были землю Русьскую. За наше несытьство навел Бог на ны поганые, а и скоти наши и села наша, и имения за теми суть; а мы злых своих не останем»⁴⁶.

К сожалению, мы не встречаем в летописи общих характеристических черт, которыми отличалось целое русское народонаселение того времени; только раз летописец приводит отзыв иностранного полководца о характере русских воинов: Фильний, вождь Венгерский, так говорит о русских полках: «Русь тщиви суть на брань, да стерпим устремление их, не стерпим и бо суть на долго время на сечю»⁴⁷.

Тут же встречаем известие, что предки наши отличались от других соседних народов большими бородами; так, поляки говорят перед сражением: «Поженем на великыи бородаы»⁴⁸. Обхождение с побежденными во время войн было и на Руси, как везде в то время, варварское; по взятии города избивали иногда не только мужчин, но даже жен и детей, обыкновенно же последних забирали в плен⁴⁹. Для примера я приведу описание взятия Киева войсками Андрея Боголюбского: «Взят же бысть Киев месяца марта в 8, и грабиша за 2 дни весь град, Подолья и Гору, и монастыри, и Софью, и Десятинную Богородицу; и не бысть помилования никому же ни откуду же, церквам горящим, крестьяном убиваемым, другим вяжемым, жены ведоми быша в плен, разлучаеми нужею от мужий своих, младенци рыдаху зряще материй своих; и взяша имения множество, и церкви обнажиша иконами и книгами и ризами, и колоколы изнесоша все, смольняне и суждальцы и черниговцы, и Олгова дружина, и вся святыня взята бысть»⁵⁰. Вот почему обыкновенно целое народонаселение городов, слыша о приближении неприятеля, оставляло родину и бежало в другие города, крепчайшие и отдален-

нейшие; так, читаем: «И взяша Всеволожь град на щит, и ина в нем бяста два города вошла. Слышавше инии грады, Уненеж, Белавежа, Бохмачь, оже Всеволожь взят, и побегоша Чернигову, а инии грады мнози бежаша»⁵¹.

Впрочем, и в это время встречаем некоторые положения народного права; например, под годом 1229 читаем: «Створиша же межи собою клятву русь и ляхове: аще по сем коли будеть межи ими усобица, не воевати ляхом руское челяди, ни руси лядьской»⁵². Убить посла считалось делом беззаконным⁵³, хотя не всегда князья и народ удерживались от этого беззакония; послу обыкновенно давались подводы и все продовольствие от того князя, к которому правил посольство⁵⁴.

Представив, по возможности, общие, главные черты нравов в описываемое время, обращаюсь к семейным, домашним обычаям наших предков. И здесь я должен ограничиться только образом жизни князей наших, потому что об обычаях остального народонаселения летописцы не сообщают нам почти никаких известий. При рождении младенец княжеского рода получал родовое имя, в честь одного из предков или родичей, например Владимир, Святослав, Рюрик. Это имя называлось *мирское* или *княжое*; при святом же крещении давалось другое, греческое, в честь какого-нибудь святого⁵⁵. Тот же обычай соблюдался и касательно младенцев женского пола; в продолжение описываемого нами отдела мы постоянно встречаем языческие имена княгинь — Верхуслава, Мальфрид и др.⁵⁶ Употреблялись также прозвания, например для мужчин — Храбрый, Удатный, Святоша; для женщин также, например, читаем: «Родися дщи у Ростислава у Рюриковича, и нарекоша имя ей Ефросенья, прозванием Изморагд, еже наречеться дорогой камень»⁵⁷.

Если молодой князь носил имя старшего князя, в живых находящегося, то назывался уменьшительным, например Владимирко, Василько, Ярославец; старшие же князья назывались *великими*; следовательно, название Ярослава, Мономаха, Мстислава, Всеволода III великими не должно принимать в теперешнем смысле, как, например, Петр Великий, Фридрих Великий, но только в родовом; эти князья назывались великими как родоначальники, в различие от всех младших Ярославов, Владимиров, Мстиславов и Всеволодов; увеличительные же имена остались за лицами, старшими по преимуществу, то есть за духовными; отсюда впоследствии встречаем, что духовные лица подписываются: поп Кузмище, старец Аврамьще и т. п. Для воспитания молодого князя назначались кормильцы или дядьки⁵⁸. На четвертом или пятом году от рождения князей с великим торжеством постригали и сажали на коней: этот обряд назывался *постригом*⁵⁹. В летописях находим также известия о свадьбах княжеских, вот самое пространное описание:

«Посла князь Рюрик Глеба князя шюрина своего с женою, Славна тысяцкого с женою, Чюрыню с женою, инии многи бояре с женами, ко Юрьевичу к великому Всеволоду, в Суждаль, по Верхуславу, за Ростислава; а на Боришь день отда Верхуславу дщерь свою великий князь Всеволод, и да по ней многое множество, без числа, злата и сребра, а сваты подари великими дары и с великою честью отпусти; еха же по милой своей дочери до трех станов, и плакася по ней отец и мати: занеже бе мила има и млада суочи осми лет; и тако многи дары дав и отпусти в Русь с великою любовью, за князя за Ростислава; посла же с нею сестричича своего Якова с женою, и ины бояры с женами; приведоша же ю в Белгород на Офросеньин день, а за утра Богослова и венчаше у св. Апостол, у деревяной церкви, блаженным епископом Максимом. Створи же Рюрик Ростиславу велми силу свадьбу, акоже несть бывала в Руси, и быша на свадьбе князи мнози, за 20 князей; сносе же своей дал многи дары и город Брячин; Якова же свата и с бояры отпусти ко Всеволоду в Суждаль, с великою честью и дары многими одарив»⁶⁰.

В этом известии боярин Яков назван сестричичем Всеволода Юрьевича, следовательно, одна из сестер великого князя была за простым боярином. Невеста Верхуслава имела восемь лет от роду; обыкновенный же возраст невест в то время был 12 лет; это видно из жития Св. Евфросинии, где читаем: «И пришедши ей в возраст, и бысть двенадцать лет, и виде отец ея, и нача глаголати княгине своей: уже нам лепо дати за Предислава князя»⁶¹.

При свидании друг с другом князья имели обычай дариться; так, например, читаем: «И приде Изяслав ко брату Ростиславу, и пребыста у велице любви и в весельи, с мужи своими и смольяны; и ту дариста ся дарми многими: Изяслав да дары Ростиславу, что от Рускыи земле и от всих царьских (то есть греческих) земель, а Ростислав да дары Изяславу, что от верхних земель и от Варяг»⁶². Или: «Ростислав позва Святослава к собе на обед; и бысть же радость в те день межи има и дарове мнози, да бо Ростислав Святославу соболми, и горностайми, и черными кунами, и песци, и белыми волкы, и рыбьими зубы; на заутрие же позва Святослав Ростислава к собе на обед, и тамо быша весело паче вчерашнего дни; да Святослав Ростиславу пердус (то есть кожу барса) и два коня борза у ковану седлу»⁶³.

Бывали примеры, что князья сзывали на пир и граждан; так, читаем, что великий князь Изяслав, будучи в Новгороде с сыном Ярославом, «посласта подвойскеи и бориче по улицам кликати, зовучи к князю на обед от мала и до велика; и тако обедавшe, веселишася радостию великою и честью разъидошася в своя дома»⁶⁴. Под 1151 годом встречаем известие: «Вячьслав же уха в Киев и еха к святее Софьи, и седе на столе деда своего

и отца своего, и позва сына своего Изяслава к себе на обед, и кияны все»⁶⁵.

Средства к таким пирам давали огромные хозяйственные запасы, складывавшиеся на княжеских дворах, городских и сельских; описывая войну великого князя Изяслава Мстиславича с Ольговичами, летописец говорит: «По дьяволно научению, не бе то и еще до сыта, не идоста на Игореве сельце, идеже бяше устроил двор добре; бе же ту готовизни много в бретьяницах, и в погребех вина и медове, и что тяжкого товара всякого до железа и до меди, не тягли бяхуть от множества всего того вывозити»⁶⁶. Потом, описывая взятие Путивля, летописец говорит: «И ту двор Святославль раздели на 4 части, и скотьнице, бретьянице, и товар, иже бе не мочно двигнути, и в погребях было 500 берковьсков меду, а вина 80 корчаг»⁶⁷.

Во время пиров у князей обыкновенно играла музыка; так, когда однажды Св. Феодосий пришел к великому князю Святославу Ярославичу, то нашел: «Овых гуслиныя гласы испущающих, иных органныя песни гласящих, иных же иныя мусикийския, и тако всех веселящихся, якоже обычай есть князем»⁶⁸. Уже в это время встречаем в летописи известие о складчинных пирах между гражданами, которые носили название *братовицин* или *братчин*; так, описывая борьбу полоцких граждан с князем Ростиславом, летописец говорит: «И начаша Ростислава звати льстью у братьщину к Святей Богородице к старей, на Петров день, да ту имуть и»⁶⁹. В позднейших актах слово «братчина» встречается очень часто; в уставных грамотах читаем постоянный запрет «тиуном и наместничым людем на пир и на братчину незваным не ходити»⁷⁰. В Сольвычегодском уезде *братчина* до сих пор еще означает общее пиво, общим иждивением сваренное на какой-нибудь праздник, особливо на масленицу⁷¹.

Есть следы, что и женщины допускались на пиры, следовательно, до монголов они не были заключенницами. Митрополит Иоанн в своих правилах говорит следующее: «О горе вам, яко имя мое в вас ради хулу приимает в языцех! Иже в монастырех часто пиры творять, съзывают мужа вкупе и жены, и в тех пирех друг другу преспевают, кто лучше творить пиры».

Обыкновенная забава князей в это время была охота; на нее собирались, как в поход: в отдаленные места шли князья с своими дружинами, иногда сухим путем, иногда водою⁷². О страсти наших князей к охоте можно иметь понятие из Поучения Мономахова, где великий князь описывает опасности, которым он подвергался при этой забаве. Духовенство не слишком благосклонно смотрело на такое пристрастие, что можно видеть из следующих слов Степенной книги, где описывается знамение, бывшее великому князю Всеволоду на охоте: «И тако ради многих его добродетельных исправлений, хотя ему

человеколюбивый Бог возбранити от самоутешного в человецех обычая, иже в ловитвах животных позоров Вавилонские прелести, иже с богопротивным волхвованием начат, таковые позоры проклятый отчеругатель Хама сын, именем Неврот, гигант, создавый Вавилон, и таковые позорныя ловитвы и донныне паче всякия игры сладостны и утешны сменяхуся, не токмо нечестивым, паче благочестивым, сих же ради не токмо многотщета человеком бываше, но и самая пагуба, и сим мнози прельстишася, и в грех того не вменяху, и покаяние тому не полагаху»⁷³.

В заключение статьи упомяну об обычаях, соблюдавшихся по кончине и при погребении князей. По смерти князя движимое имущество его раздавалось церквам, монастырям и нищим; так, читаем, что Ростислав по смерти дяди своего Вячеслава: «Съзва мужи отца своего Вячеславлі и тивуны и ключники, каза нести именье отца своего перед ся, и порты, и золото, и серебро; и снес все, и нача раздавати по монастырем, и по церквам, и по затворам, и нищим, и тако раздая все, а себе не прия ничто, токмо крест честный взя на благословление себе, и прок имения да чим же над ним деяти на последния дни, чим свечу и просфуру его побдети». При похоронах несли стяг (знамя) и вели коня покойного князя⁷⁴.

Примечания

¹ В то время прииде к преподобному Антонию блаженный Варлаам, сын Иоанна Болярина Великаго, по сем Ефрем, евнух княжий: их же преподобный, по желанию, повеле пострещи.— Патер. Печер., житие Св. Антония.

² Степ. кн. I, стр. 235.

³ Там же, стр. 228.

⁴ Там же, стр. 269.

⁵ Ипатьев., 143, 151; Никон. II, 344; Кенигсб., 301.

⁶ Ипатьев., 94, 95.

⁷ Там же.

⁸ Татищ. III, 151.

⁹ Степ. кн. I, 235.

¹⁰ Ипатьев., стр. 133.

¹¹ Там же, стр. 82.

¹² Там же, стр. 127.

¹³ Там же, стр. 144.

¹⁴ Там же, стр. 153.

¹⁵ Там же, стр. 102.

¹⁶ Там же, стр. 167.

¹⁷ Там же, стр. 174.

¹⁸ Там же, стр. 192.

¹⁹ Там же, стр. 2.

²⁰ Там же, стр. 97, 98.

²¹ Там же, стр. 121.

²² Там же, стр. 139.

²³ Памятн. Слов. XII в., стр. 176.

- ²⁴ Там же, стр. 203.
²⁵ Русск. Достопамят. I, стр. 91: «Тоже створи, иже бес труда и бестраха и бесрама две жене имеют».
²⁶ Там же, стр. 94.
²⁷ Там же, 101.
²⁸ Памят. Слов. XII в., стр. 202.
²⁹ Там же.
³⁰ Там же.
³¹ Карамз. I, примеч. 113.
³² Памят. Слов. XII в., стр. 133.
³³ Никон. I, 134.
³⁴ Твор. Св. отцев в русск. перев. Т. II, кн. 2.
³⁵ Татищ. III, 177.
³⁶ Там же, стр. 196.
³⁷ Там же, стр. 238.
³⁸ Там же, стр. 220.
³⁹ Карамз. III, примеч. 179.
⁴⁰ Татищ. III, стр. 416.
⁴¹ Ипатьев., стр. 22.
⁴² Там же, стр. 64.
⁴³ Так говорил дружине Игорь Святославич Северский.— Ипатьев., стр. 130.
⁴⁴ Ипатьев., стр. 267.
⁴⁵ Там же, стр. 102, 106, 121, 134, 151.
⁴⁶ Соф. Врем. I, 11.
⁴⁷ Ипатьев., стр. 183.
⁴⁸ Там же, стр. 184.
⁴⁹ Густин. летоп., стр. 270.
⁵⁰ Ипатьев., стр. 100.
⁵¹ Ипатьев., 36.
⁵² Ипатьев., 169.
⁵³ Там же, 156.
⁵⁴ Там же, 72.
⁵⁵ Там же, 58, 142, 143, 136.
⁵⁶ Там же, 94.
⁵⁷ Там же, 152.
⁵⁸ Ипатьев., 61.
⁵⁹ Там же, 141.
⁶⁰ Там же, 136; там же, стр. 19.
⁶¹ Степен. кн. I, 270.
⁶² Ипатьев., 39.
⁶³ Там же, стр. 86, 144.
⁶⁴ Там же, стр. 40.
⁶⁵ Там же, 57.
⁶⁶ Там же, 26.
⁶⁷ Там же, 27.
⁶⁸ Патер. Печерский, житие Св. Феодосия.
⁶⁹ Ипатьев., 83.
⁷⁰ Акты арх. эксп. Т. I., № 123 и др.
⁷¹ Словарь сольвычегодских слов, собранный Алексеем Мудровым и помещенный в Журнале департамента народного просвещения, 1823, генварь.
⁷² Ипатьев., 20, 139, 140.
⁷³ Степен. кн. I, стр. 229.
⁷⁴ Ипатьев., стр. 76.
⁷⁵ Там же, стр. 101, 115.

ВЗГЛЯД НА СОСТОЯНИЕ ДУХОВЕНСТВА В ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО ПОЛОВИНЫ XIII ВЕКА *

(Читано 28 декабря 1846 г.)

У нас нет известий, из которых можно было бы почерпнуть сведения о характере языческих жрецов у восточных славянских племен, об их отношениях к народу. С достоверностью можно положить, что при таком разрозненном, родовом быту этих племен, в каком представляет нам их отечественный летописец, общественное богослужение¹ не могло развиваться, а следовательно, не могло образоваться и жрецеское сословие: ясно, что при означенной форме быта богослужение должно было замениться частным, родовым, причем родоначальник был вместе и священником².

Так, летописец, говоря об языческих обычаях древних славян, нисколько не упоминает о жрецах, которые должны были явиться уже в последнее время, при большем развитии общественного быта в городах, но и тут являются они с характером гадателей, кудесников, волхвов, с которым остаются и после введения христианства... Владимир, который воздвиг столько идолов, не призывал жрецов на совет вместе с городскими старцами. «Реша старцы и бояре: мечем жребий на отрока и на девицу; на кого же падеть, того зарежем богам»³.

О жрецах ни слова! Таким образом, духовенство христианское появилось у нас совершенно с новым для народа характером; откуда же и как появилось оно? Разумеется, что оно явилось в первый раз не при Владимире только. Патриарх Фотий в своем послании говорит, что Русь уже приняла епископа; Багрянородный говорит, что император Василий Македонянин отправил к ней также архиепископа; при Игоре Русь разделялась на христианскую и нехристианскую; при Святославе мать князя была христианка и держала при себе священника⁴; после этого ясно, что христианство было на Руси и до Св. Владимира, не будучи только религией господствующей. Но если христианство было распространено, то долженствовало иметь место общественного богослужения, долженствовало существовать духовенство, книги

* Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. № 6. М., 1847. С. 1—18.

богослужebные: только такое давнее существование духовенства на Руси и неразлучной с ним грамотности может объяснить нам явление митрополита Илариона при сыне Св. Владимира. Но с торжественным признанием христианской религии господствующей, с распространением круга деятельности духовенства явилась потребность в скором увеличении числа деятелей, и мы встречаем известие, что при Владимире духовные лица являются к нам из Греческих областей⁵.

Однако, как бы ни было велико число пришлого духовенства, все оно было недостаточно для настоящих потребностей, для крещения и наставления без числа людей, как говорит летопись, следовательно, главную массу духовенства должны были составлять русские духовные, которых число быстро и постоянно увеличивалось... «И нача (Владимир) ставити по градом церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всем градом и селом»⁶. Здесь разумеются города и села, ближайшиe к Киеву; но скоро деятельность духовенства распространилась и на отдаленнейшиe: «Посла (Владимир) с ними (с сыновьями своими) и священники, заповедаея сыном своим, да каждо по всей области своей повелевает учити и крестити людей, и церкви ставити, еже и бысть»⁷.

Приглашая из Греции духовных, князь прежде всего должен был позаботиться о том, чтоб впредь не было недостатка в способных, грамотных священнослужителях, и потому летописец упоминает о первых училищах, явившихся при Владимире⁸. Близость Византии и тесная связь с нею помогли церковному благолепию: из Корсуни привезены были иконы и священные сосуды, оттуда же явились и певцы, по некоторым известиям⁹. Говорится даже, что еще при Владимире явились из Греции монахи, хотя мы не видим монастырей до времен Ярослава I; любопытно, что Иларион относит первое появление монастырей и черноризцев также непосредственно за крещением: «Монастырехе на горах стаха; черноризцы явишася»¹⁰. При Ярославе I распространение христианства и грамотности продолжалось: есть известие, что великий князь основал училище в Новгороде, набрав туда детей священнических и старостовских; при нем черноризцы начали умножаться, говорит летопись¹¹: из этих слов можно заключить, что они были и прежде, только в малом числе. Владимир, говорит летопись, просветил Русь крещением: Ярослав насаея книжными словесами сердца верных людей¹².

Доказательством успехов книжного учения во время Ярославово служит явление Илариона, первого Киевского митрополита из русских: в 1051 году Ярослав, охлажденный к Византии недавней распрее, захотел видеть русского в челе церкви¹³. С этой целью собранные в Киеве епископы посвятили Илариона, пресвитера и монаха; выбор был удачен, ибо никто, кроме

Илариона, не может дать более выгодного понятия о своем веке. У современников он был известен за мужа благого, книжного и постника¹⁴; мы видим в нем замечательного писателя церкви.

По смерти Ярослава христианство распространялось неослабно, но вместе с тем встречало себе сильные препятствия в язычестве, глубоко еще вкорененном в народе, в нравах того времени. Язычество еще не отказалось от своего господства и высылало из северных пустынь и лесов фанатиков для прельщения народа, не окрепшего в новой религии. Так, в 1071 году явился в Киеве волхв, или языческий жрец древних славян и финнов; он разглашал, что пять богов внушили ему следующее: поведай людям, что через четыре года Днепр потечет назад и страны переменят свое положение, что Греческая земля очутится на месте Русской, а Русская на месте Греческой. Невежды слушали его, прибавляет летописец, но верные смеялись, и в одну ночь волхв пропал без вести¹⁵: быть может, насмешники нашли средство от него отделаться. В Киеве, где уже давно было распространено христианство и где вследствие частых сношений с Грецией было больше просвещения, волхвы находили верных, которые смеялись над их лесными вдохновениями.

Не так было на Севере, куда христианство едва проникло и где финское язычество было еще в силе. В том же 1071 году в Ростовской области произошел голод. Волхвы явились на сцену, разгласили в народе, что женщины виноваты в бедствии, и убивали несчастных; потом с огромной толпой фанатики пробрались на Белоозеро, распространяя всюду те же самые нелепости и преследуя женщин; здесь, на Белоозере, воевода великого князя Святослава Ян с опасностью собственной жизни едва успел схватить злодеев и пресечь народное волнение. Но это явление еще ничего не значит в сравнении с той опасностью, какою грозило язычество христианству в Новгороде. Здесь явился также волхв, который обольстил почти всех жителей города — так еще было слабо христианство на Севере!¹⁶ Этот волхв хвалился, что одарен предвидением, явно хулил христианскую веру, обещал чудеса; мятеж встал в городе, смерть грозила епископу Феодору. Тогда последний вышел к народу в полном облачении, с крестом в руке, и сказал: «Кто верит волхву, тот пусть идет за ним; кто же верует во Христа, пусть идет ко мне». Князь Глеб Святославич с дружиной стали на стороне епископа, но все остальное народонаселение пошло к волхву. Только необыкновенное присутствие духа князя Глеба спасло епископа. Глеб подошел к волхву и спросил его: «Знаешь ли, что с тобою будет нынче?» «Все знаю,— отвечал волхв,— я сотворю великие чудеса». Князь, не говоря ни слова, вынул топор и разрубил волхва. Это открыло глаза народу, и толпа рассеялась. Вытесняемое все более и более из пределов славянских, язычество нашло приют у финнов: в Чудь

ходили из Новгорода советоваться с прежними жрецами своими¹⁷.

Против всех этих препятствий христианство, как везде, так и у нас на Руси, выставило ряд борцов, которые дивными духовными подвигами могли внушить благоговение к религии, давшей им силы к этим подвигам, могли, во имя религии, обуздывать грубые страсти в новообращенном народе: я разумею древних иноков. Достоверное и прямое свидетельство указывает нам монастыри при Ярославе I; дети его и даже бояре их также строили новые монастыри, обогащали старые. Но монахи этих княжеских и боярских монастырей, как видно, не были способны внушить к себе благоговение, не были способны благотельно действовать на общество. Для этого нужны были другого рода монастыри, другого рода монахи. «Мнози бо монастыри,— говорит летописец,— от царь и от бояр и от богатства поставлени, но не суть тацѣ, кацѣ суть поставлени слезами, пощеньем, молитвою, бденъем»¹⁸.

Таков был знаменитый монастырь Киево-Печерский, которому принадлежит самое высокое место в истории русской гражданственности. Он был основан при великом князе Изяславе Ярославиче Антонием¹⁹, родом из Любеча. Этот Антоний, еще будучи мирянином, отправился на Афонскую гору и постригся там. Постригший его игумен отправил его назад в Русь, чтобы он был там образцом иноков; Антоний пришел в Киев и поселился в пещере, где некогда уединялся знаменитый митрополит Иларион, еще будучи простым священником. Скоро узнали в Киеве, что в Иларионовой пещере живет монах, который ни днем ни ночью не знает покоя, ест через день сухой хлеб и копает пещеру. В тот век народной юности, побуждавшей людей выше обыкновенных к чрезвычайным подвигам, в этот век подвиги Антония не могли не поразить воображение. Как подле знаменитого князя, вождя собиралась многочисленная дружина храбрецов, во всем ему подобных, так вокруг великого подвижника христианства скоро собралась многочисленная братия, подобная своему игумену. Знаменитые дружинники великокняжеские увидели, что их воинские подвиги ничто в сравнении с подвигами иноческой дружины Антония; бояре великого князя являлись в Печерский монастырь, сбрасывали боярскую одежду к ногам святого игумена и давали обет нищеты и подвигов духовных.

Но слава нового монастыря еще более усилилась при игумене Феодосии. Это был человек, одаренный непоколебимою силою воли, которая не знает препятствий и дает человеку царственную власть над умами и волею собратий. Еще в ранней молодости Феодосий преодолел все препоны, которые поставляла ему воля родных, принял иноческий образ и был поставлен от Антония игуменом нового Печерского монастыря. Еще Антоний вступил

во враждебное столкновение с великим князем Изяславом. Последний, видя, что вельможи покидают его двор для тесной пещеры Антония, озлобился на печерских иноков, грозился выгнать их из Киева и раскопать их пещеру. Несмотря, однако, на такие неприязненные отношения Изяслава к монастырю, Феодосий не усумнился взять сторону этого князя против брата его Святослава. Когда черниговский князь отнял стол у старшего брата и все признали право сильного, один только игумен печерский не признал этого права, в одном Печерском монастыре на ектениях продолжали поминать Изяслава как стольного князя и старшего в роде: Святослав терпел и с благоговением слушал увещания Феодосия. Не один изгнанник Изяслав находил в печерском игумене своего ходатая: обиженный в суде шел с жалобой к Феодосию, и судья должен был перерешать дело, раз уже им решенное. Но и этим не удовлетворялась ревность Феодосия: ночью, когда все успокаивалось, он ходил в жидовскую часть города и там вступал в споры с врагами своей веры, а между тем в его келии день и ночь сидел монах и переписывал книги. Ревность Феодосия перешла и к братии. Отдаленный Тмутаракань, убежище изгнанных князей, был убежищем и монахов печерских. Туда явился один из них, Никон, убегая гнева Изяслава. Христианство было очень слабо распространено в Тмутаракани, об монахах не имели там никакого понятия. Дикий народ объят был изумлением, когда увидел иноческие подвиги Никона, толпами сходилась смотреть на дивного человека и скоро подчинился его влиянию: скоро мы видим этого Никона в челе народа, посредником в сношениях его с князьями.

Кроме этого Никона Печерский монастырь выставил ряд проповедников христианства, епископов, летописцев. Инок этого монастыря Св. Кукша пошел к полудиким вятичам проповедовать христианство и увенчался венцом мученическим. Другой, Св. Леонтий, пошел далее, в Ростов, где также пал жертвою своей ревности. Но ему на смену не побоялся пойти Св. Исайя, также инок Киево-Печерского монастыря. Когда пришел Исайя в Ростов, то, увидя там, по словам автора жития его, «свирепеющих свои овцы, людей глаголю новокрещенных, не удобре утвержденных в вере, содрагашася сердцем»²⁰. Исайя исходил всю область, уча народ, пожигая идолов, разоряя капища. Но и ревности этого епископа, равно как знаменитого игумена Авраамия (умершего в 1010 году), не было достаточно для совершенного искоренения язычества в Ростове: в XII веке в самом Ростове кланялись идолам на *Чудской* улице — свидетельство, как еще силен был на севере финский элемент, который гораздо упорнее стоял за язычество, чем славянский.

Означенные подвиги не замедлили произвести свое действие: они снискали духовенству всеобщее уважение. В одном сочинении, относящемся к XII веку, говорится: «Сиа внутренняя добро-

детели святых мнихов житие паче мирской власти сияют чудесы, и тех ради мирския вельможи свою поклоняют главу мнихом»²¹. Епископ Симон пишет к чернецу Поликарпу: «Се виждь; яко блажим еси зде от князь и от боляр и от всех друг твоих»²². Вот почему духовенство было способно стать одним из главных деятелей в нашей древней истории: оно принимает ревностное участие в примирениях князей, в утишении народных восстаний.

Приведу несколько примеров: после ослепления Василька киевляне отправили митрополита Николая к Мономаху, которой уговорил его примириться с Святополком: «И послуша митрополита (Мономах), також чтя сан святительский, не преслуша мольбы его»²³. Игумен Григорий предотвратил войну между Мстиславом Великим и Всеволодом Ольговичем Черниговским²⁴; Вячеслав употребил митрополита для переговора с тем же Всеволодом Ольговичем²⁵. Видим митрополита утишающим народ во время восстания киевлян на Игоря Ольговича²⁶. Белгородский епископ Феодор и печерский игумен Феодосий были посредниками при заключении мира между великим князем Изяславом и черниговскими князьями²⁷. Когда Юрий Долгорукий хотел выдать Ярославу Галицкому несчастного двоюродного брата его, Ивана Берладника, на верную гибель, то митрополит стал говорить князю: «Трех ти есть, целовавши к нему крест держити, в толице нужи, а и еще хочещи выдати на убийство» — и Юрий послушался митрополита²⁸. В то время когда венгры завладели Галицким княжеством, митрополит поднял князей отнять русскую область у иноплеменников; он говорил им: «Се иноплеменницы отняли отчину вашю; а лепо вы бы потрудитися»²⁹.

Когда князь Рюрик Ростиславич находился в недоумении, что предпринять относительно требования великого князя Всеволода, то призвал на совет митрополита, и тот сказал ему следующие замечательные слова: «Княже! Мы есмы приставлены в Русской земли от Бога востягивати вас от кровопролития; ожь ся прольяти крови крестьянской в Русской земле, ажь еси дал волость моложьшему, в облазне пред старейшим, и крест еси к нему целовал, а ныне аз снимаю с тебе крестное целование и взимаю на ся; а ты послушай мене, возма волость у зята у своего дай же старшему, а Романови даси иную в тое место»³⁰.

Тот же самый митрополит Никифор помирил после Романа с Рюриком³¹. Тимофей, духовник Мстислава Удалого, помирил этого князя с боярами³². Не говорю уже о Новгороде, где архиепископ постоянно является утишителем народных восстаний, примирителем враждующих сторон, посредником между гражданами и князьями³³. В тот век, когда понятия о народном праве были слабы и не стыдились убивать послов, если речи их не нравились, послами обыкновенно отправляются священники, потому что они только при всеобщем уважении к их сану были

безопасны³⁴. Всеобщему уважению к духовенству соответствовала щедрость князей, бояр и вообще всего народа к церквям и монастырям³⁵; такая щедрость к духовенству имела свою вредную сторону, привлекая в это звание людей, вовсе к нему не призванных, которые вместо исполнения своих обязанностей думали только о мирских благах: так, в духовных посланиях XII века встречаем сильные укоры монахам, которые приходят в монастырь жить по-мирски, например:

«Аще ли прилепихся, аки к Авироньскому снму, к милующем тело свое мнихом, и ризы изменяющих, и изветом праздника особную трапезу с пивом творяща, и тамо на лица събирающася, и до поздънаго пребывающа, и ищюща над старейшиньствы взяти свою волю, а не бога ради, ни о ползе совет творяща, яростный държаща супруг, и бестудно на иконома и на келаря нападающа»³⁶.

Я не должен здесь умолчать и о том странном или, лучше сказать, страшном явлении, какое представляет история нашей церковной иерархии во Владимирском епископе Феодоре, которого преступление и наказание равно ужасны; явление подобного лица так поразительно, что мы не можем не войти здесь в подробности касательно его обсуждения: я приведу вполне подлинны слова летописца³⁷:

«Том же лете (1172) чюдо створи Бог и святая Богородица новое Володимири городе: изгна Бог и святая Богородица Володимирьская злаго и пронырьливого и гордого лестьца, лживого, владыку Федорьца, из Володимирия, от святое Богородици церкви Златоверхой и ото вся земля Ростовская. Не всхоте благословения, удалиси от него: и тако и сьи нечествивый не всхоте послушати христоробивого князя Андрея, велящю ему ити ставиться к митрополиту Киеву, не всхоте, паче же Богу не хотящю его и святое Богородици, извърже его из земли Ростовское: Бог бо егда хочеть показнити человека, отъиметь у него ум; такоже и над сим сътвори Бог, отъя у него ум. Князю же о нем добромыслящю и добра хотя ему, с же не токмо не всхоте поставления от митрополита, но и церкви вси Володимири затвори и ключе церковные взя и не бы звонения ни пения по всему граду и в сборней церкви, в ней же чюдотворная Мати Божия, ина всяка святыни ея, к ней же вси крестьяне страхом пририщють утеху и заступницу имуще ту и целения от нея приемлюще душам и телом своим — и ту церковь дързну затворити, и тако Бога разъгневи и святую Богородицю; том бо дни изъгнан бысть, месяца мая в 8 день, на память святого Ивана Богословьца. Много пострадаша человеци от него, в держание его, и сел избыша, оружья и конь, друзии же работы добыша, заточенья же и грабления не токмо простьцем, но и мнихом, игуменом, иереем; безъмилостив сый мучитель, другим человеком головы порезывая и бороды, а другим очи выжигаше и языки вырезывая,

другья же распиная по стене и муча немилостивне, хотя въсхытити от всех имение: имения бо не бе сыт, яко ад. Посла же его князь Андрей к митрополиту Киеву; митрополит же Константин обини его всеми винами, и повеле его вести в Песий остров, и тамо его осекоша и языка урезаша, яко злодею еретику, и руку правую отсекоша и очи ему выняша, зане хулу измолви на святую Богородицю, и потребятся грешници от земли яко не быти им. И сбыться слово еугангельское на нем, глаголющее: ею же мерою мерите, възмерится вам; им же судом судите, судится вам, суд бо без милости не створшему милости. Другое же слово молвить; аще кто незаконно мучен будет, не венчается; грешный бо и zde по греху мучится, а на суде в муку осудится. Тако же и сий без покаяния пребысть и до последнего издыхания, уподобився злым еретиком не кающимся, погуби душу свою и с телом и погипе память его с шюмом. Тако же чтут беси чтущая их, якоже и сего доведоша беси, възнесоша мысль его до облак, устроиша в нем второго Сотонаила, и сведоша и в ад; обратилося болезнь на главу его и на верх его неправда снидеть, ров изры, ископа яму и впадется веню. То бо зле испроверже живот свой; а хрестьяне избавлени Богом и святою Богородицею... Видя бо (Бог) озлобление людей своих сих кротких Ростовьских земля, от звероядивого Федорьца погибающих от него, посетив спасе люди своя, рукою крепкою, мышцею высокою, рукою благочестивою царскою правдивого, благоверного князя Андрея. Се же писахом, да не наскакають неции на святительский сан, но его же позовет Бог, всяк бо дар свыше исходить от тебя Отца светов; его же благословят человеци на земле, будет благословляем, а его же проклянуть человеци, и будет проклят. Тако и сесь Федорець не въсхоте благословения и удалися от него, злый бо зле погибнетъ»³⁸.

При внимательном исследовании этого места нетрудно открыть, что это официальный современный акт, именно послание митрополита, извещающее о преступлении и наказании епископа Феодора и занесенное в летопись ее составителем, с переменою некоторых немногих форм: в этом мнении утверждает меня сличение приведенного места с изданными посланиями митрополитов и других духовных лиц. Впрочем, я далек от того, чтоб настаивать на непреложности предложенного мнения: пусть оно остается только одною догадкою; для нас важнее вникнуть в историческое значение этого явления. В летописи встречаем известие³⁹, что великий князь Андрей Юрьевич Боголюбский, желая высвободить Северную Русь из-под влияния Руси Южной, которое поддерживалось митрополитом всея Руси, жившим в Киеве, Андрей Боголюбский хотел иметь для Владимира Клязменского особого митрополита и просил об этом Цареградского патриарха, но тот не согласился. Великий князь покорился решению патриарха, но не хотел покориться ему епископ Феодор: этот

владыка из личного ли честолюбия, стремления к независимости или из общей неприязни новой, Северной Руси к старой, Южной,—неприязни, которой следы ясны в истории, никак не хотел подчиниться киевскому митрополиту, и когда сам князь стал уговаривать его покориться решению патриарха, то Феодор затворил церкви во Владимире⁴⁰; тогда Андрей послал его насильно в Киев. Митрополит Константин II, грек, решился неслыханною строгостию задать попытку северного духовенства к отложению от Киева: Феодора обвинили всеми винами и наказали страшным образом. Из приведенного места летописи видно, что лежало в основе обвинения: бесы вознесли мысль Феодора до облак и устроили в нем второго Сатаниила. «Мы написали это,—говорится в заключение,—дабы вперед не дерзали насканывать на святительский сан; Феодор не захотел благословения и удалился от него, и проч.». Феодора наказали жестоко, ибо ему приписаны преступления ужасные: «Ею же мерою мерите, взмеритесь вам; им же судом судите, судится вам, суд бо без милости не сотворшему милости».

Но скажем несколько слов о возможности таких преступлений: Феодор был немилостивый мучитель, говорит известие, кроткие люди Ростовской земли были озлоблены этим звероядным владыкою; но история представляет нам ростовцев вовсе не кроткими; та же летопись говорит, что в 1159 году ростовцы и суздальцы выгнали епископа Леона: «За не умножил бяше церкви, грабляй попы»⁴¹. Но если ростовцы не могли снести поведения Леонова, то как же они могли терпеть злодейства Феодора? С другой стороны, и князь Андрей не отличался, как мы знаем, снисходительностью, а между тем то же известие говорит, что князь Андрей хотел добра епископу. Наконец, разбираемое известие обвиняет Феодора в ереси, в хуле на Св. Богородицу; но мы оставим церковным историкам исследовать это дело; для нас же в поведении Феодора важно стремление высвободить Северную Русь из-под церковного влияния Руси Южной.

Что касается до церковной иерархии в описываемое нами время, то главою духовенства был митрополит, живший обыкновенно в Киеве. Митрополиты в то время были большей частью греки и ставились в Константинополе от патриарха. Но это поставление не было без согласия великого князя, который иногда протестовал против него. Так, в 1164 году великий князь Ростислав Мстиславич возвратил назад митрополита Иоанна, присланного патриархом без его воли; много труда стоило императору убедить Ростислава принять этого Иоанна; есть свидетельство, что великий князь отвечал императорскому послу: «Ежели патриарх без ведома нашего впредь поставит в Русь митрополита, не токмо не прииму его, но и закон сделаем

вечный, избирать и ставить митрополитов епископам Русским с повеления великого князя».

Эти слова находятся только в своде летописей Татищева, но что ответ великого князя находился и в других списках, доказательством служит его изглажение, или пропуск в них: так, Археографическая комиссия свидетельствует, что после слов императорского посла Ростиславу: «Аще примеши с любовью благословение от святых Софьи» — находится пропуск во всех списках, с пробелом в одном⁴², Карамзин говорит также, что в его экземплярах Киевской летописи в этом именно месте пропуск⁴³. Ростислав мог грозить Византии отделением Русской церкви, имея в виду пример старшего брата своего, Изяслава, который в 1147 году вздумал возобновить поступок Ярослава I, поставить в митрополиты одного из русских духовных собором русских же епископов. Для этого великий князь избрал Клима, родом из Смоленска, который славился философом и книжником, какого еще не было в Русской земле. Созван был собор из семи епископов: некоторые из них были согласны с великим князем, другие же сильно противились. Тогда Онуфрий, епископ Черниговский, предложил средство к соглашению двух сторон, а именно: предложил поставить нового митрополита главою Св. Климента, по примеру греков, которые ставили рукою Св. Иоанна. Епископы согласились, и Клима был посвящен. Один только Нифонт Новгородский упорствовал до конца, за что терпел гонение от великого князя, а от патриарха получал грамоты, где тот прославлял его и причитал к святым; и в летописи Нифонт называется поборником всей Русской земли⁴⁴.

Когда по смерти Изяслава Юрий Долгорукий получил старшинство, то сторона, стоявшая за права патриарха, восторжествовала, Клима был свергнут и на его место прислан из Царяграда Константин I. Первым делом нового митрополита было проклясть память покойного великого князя Изяслава; но этот поступок не остался без вредных следствий для Русской церкви и для самого Константина. Когда по смерти Долгорукого сын Изяслава Мстислав доставил Киевский стол дяде Ростиславу, то требовал непременно свержения Константина за то, что последний клял отца его; с своей стороны великий князь Ростислав не хотел восстановить Клима, как неправильно избранного; наконец, для прекращения смуты князь положили свести обоих митрополитов с престола и послать к патриарху за третьим⁴⁵. Так кончилось это разделение в Русской церкви.

Как великие князья требовали, чтоб патриарх присылал митрополитов с их согласия, так точно младшие князья не допускали митрополита ставить в их области епископов без их согласия. Так, например, когда в 1183 году митрополит Никифор поставил в Ростов епископом грека Николая, то Всеволод III не принял его и послал сказать митрополиту: «Не избираша сего людье земле

нашее, но же еси поставил, ино камо тебе годно, тамо же и держи; а мне постави Луку, смиренного духом и кроткого игумена святого Спаса на Берестовем»⁴⁶. Митрополит сперва отказался поставить Луку, но после принужден был уступить воле Всеволода и киевского князя Святослава и посвятил его в епископы Суздальской земле, а своего Николая Грека послал в Полоцк. К грекам вообще питал народ нерасположение, упрекали их в лукавстве: так читаем в летописи об Антонии, епископе Черниговском: «Се же молвяше им, льсть тая в себе: быше бо родом Гречин»⁴⁷.

Итак, из сказанного должно заключить, что избрание епископов не принадлежало исключительно митрополиту; но как же происходило это избрание? При неопределенности отношений между властью княжеской и народной избрание епископа в тех областях, где народовластие было сильнее, принадлежало вечу, однако не без участия князя: так, в Новгороде при избрании епископа в совещании участвовали: князь, высшее черное духовенство (игумены), духовенство Софийского собора (Софьяны) и остальное белое духовенство (попы); в случае несогласия бросали жребий и избранного таким образом посылали к митрополиту на поставление; в летописи читаем: «Преставися Гаврила архиепископ Новгородский... Новгородцы же, с князем Ярославом, и с игумены, и с Софьяны, и с попы, гадаше промежу себе, сии хотяху поставити Митрофана, а инии Мартуриа, а друзии Гричина: и бысть распря в них, и положиша на святеи трапезе трие жребия, и послаша с веча слепца, да коего нам Бог даст, и выняся Божиюю благодатию Мартуриа, и послаша по него, и абие привезоша его из Русе и посадиша в дворе Святыя София; и послаша о нем к митрополиту, глаголюще: постави нам владыку, и присла по него с великою честию, и иде с предними мужи, и приа их с любовию князь Святослав и митрополит, и поставиша й»⁴⁸.

В других областях выбор зависел большей частью от воли князя, так, читаем: «Преставися епископ Белгородский Максим; Рюрик же (великий князь) в него место постави епископом отца своего духовного, игумена Св. Михаила Андреяна Выдобычского»⁴⁹. Но и тут, однако, князья действовали не совершенно без участия народа, на что указывают слова Всеволода III митрополиту Никифору: «Не избраша сего людье земле нашее».

Какие средства употреблялись иногда при избрании епископов, указывает место из письма епископа Симона к печерскому монаху Поликарпу: «Пишет же ми книги княгини Ростиславля Верхуслава, хотящи тебе поставити епископом Новуграду на Антониево место, или Смоленску на Лазарево место, или Юрьеву на Олексиево место: аще ми и тысяща сребра расточити тебе ради и Поликарпа ради»⁵⁰.

Как при избрании епископов имели влияние то народ, то князь, так точно восстание народа или неудовольствие князя могли быть причинами низложения и изгнания епископов. Так иногда в Новгороде суеверный народ восставал на владыку и изгонял его вследствие каких-нибудь физических бедствий; в летописи читаем: «Тъгдаже окаяньный диявол, исперва не хотяи добра роду челоучю и завидев ему, за не прогоняшетъ его ношным стоянием, пением и молитвами, и въздвиже на Арсения мужа кротка и смирена крамолу велику, простую чадъ; и створше вече на Ярославле дворе, и поидоша на владыщень двор, рекуче: того деля стоять тепло делго, выпроводил Антония владыку на Хутино, а сам сел дав мзду князю; и акы злодея пьхающа за ворот выгнаша, мале ублюде Бог от смерти»⁵¹.

Здесь выражение: «А сам сел дав мзду князю» — указывает также на большое влияние князя в избрании владыки даже в Новгороде. Мы видели, что ростовцы выгнали своего епископа Леона, который, однако, после был возвращен Андреем Боголюбским и через четыре месяца опять изгнан этим князем по следующей причине: «И нача просити у него (Андрей у Леона) от Въскресения Христова до всех Святых ести мяса в среду и в пяток; епископ же повеле ему одну неделю троицкую ести мяса в среду и в пяток, а прочю добре хранити; он же про ту вину погна из своей земли»⁵². При тогдашнем состоянии нравов ни народ, ни князя в минуту гнева не щадили духовенства, невзирая на глубокое к нему уважение; так, читаем: «Ярослав же (Изяславичъ) слышав, яко стоять Кыев без князя, пограблен Олговичи, и приеха опять Кыеву, на гневех замысли тяготу кыяном, река: подвели есте вы на мя Святослава, промышляйте, чем выкупити княгини и дете. О нем же не умеющим что отвещати ему, и попрода вся в Кыеве, игумены и попы, и черньце, латину, и госте, и затвори, все кыяны»⁵³.

Мы видели, как производилось избрание епископов; что же касается до избрания игуменов в монастырях, то оно зависело от братии, причем иногда имели место восстания и насильственные смены игуменов⁵⁴; так было по крайней мере в монастыре Киево-Печерском, о других же монастырях не имеем известий. Иногда монахи избирали себе в игумены из белого духовенства; так, читаем: «Братьи суци без игумена (в Киево-Печерском монастыре), совокупившимся братьи всей, и нарекоша собе игумена Прохора попина, и возвестиша митрополиту и князю Святополку о нем, и повеле князь митрополиту поставити с радостью»⁵⁵. В другом месте летописи читаем любопытный рассказ: «Преставися блажены анхимандрит игумен Печерской именован Поликарп... По смерти же его бысть мятеж в монастыре: по старци бо оном не могоша избрати себе игумена, и бысть скорбь братьи и туга и печаль велья, и не подобашеть бо таковому силну дому поне един час без пастуха быти. Во вторник же,

убо, удариша братья в било, и снидошася во церковь, и почаша молбы творити ко святей Богородице: и се дивно бысть дело, яко едиными усты мнозе рекоша: «Послемся к Васильеву попови на Шековицу, абы был нам игумен и управитель стаду черноризици Феодосьева монастыря Печерского»⁵⁶. И пришедши поклонишася Василью попови, и рекоша: «Мы, вся братья и черноризци кланяемся тебе и хотим тя имети себе отца игумена». Поп же Василей в велице изуменьи быв, поклонися противу им и рече: «Отци и братья! Аз чернечство на сердца имел есмь; игуменство же ради что мыслите о моей худости?»; многоже превься им, и вречеса им. Они же поемше и ведоша в монастырь, в пятницу; пришедши же неделе, и приеха митрополит Микифор на пострижение его» и проч.

Я окончу свою статью замечанием о слове *повелеть*, которое мы встретили в первом из приведенных рассказов о избрании игуменов: «Повеле князь Митрополиту поставити». Слово *повелеть* в нашем древнем языке не имело настоящего определенного значения *приказать*. *Повелеть* есть измененное *поволить*, *поволяю* и значило прежде только обнаруживать свою волю, свое желание, свое согласие; я велю тебе — значит только: я желаю, чтоб ты это сделал; так, читаем: «Оттоле же посол свой посла (кн. Роман) к Рюрикови, ко тьстю своему, кланяясь ему и моляся, и покладывая на себе всю вину свою; и к митрополиту сляся к Микифору, *веля* ему о себе молитися и кланятися о всей вине своей»⁵⁷. Ясно, что здесь Роман Мстиславич Волынский не мог *приказывать* митрополиту, чтоб тот был за него ходатаем у князя Рюрика. Другой пример: «Святослав же Ольгович поча *молитися* свату своему Дюргеви, *веля* ему прияти в любовь сыновьца своего Всеволодича»⁵⁸.

Примечания

¹ Считаю необходимым напомнить, что здесь говорится только о наших восточных племенах славянских, ибо у племен западных славянских при других влияниях встречаем и другие явления.

² Вследствие этого и князь, как верховный старейшина, скоро становится верховным распорядителем в делах веры: отсюда объясняются слова киевлян при крещении: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли (Лавр. 50)», ибо старшины, а потом князь имели решительный голос в делах веры; но из летописи видно, что старшины уже прежде были согласны на принятие христианства.

³ Лавр., 35.

⁴ Там же, 29.

⁵ Лавр. 50: «Володимер же посем поем царицу, и Настаса, и попы Корсуньски». Разумеется, что не всех попов мог он вывести из Корсуна.— Там же: «Наутрия же изыде Володимер с попы царицины и с Корсуньскими на Днепр». — Прибавл. к Ипатьев., стр. 258.

- ⁶ Лавр., 51.
- ⁷ Прибавл. к Ипатьев., стр. 259.
- ⁸ Лавр., 51.
- ⁹ Прибавл. к Ипатьев., стр. 256; Никон. I, 142; Степ. кн. I, 224.
- ¹⁰ Творен. св. Отцев, ч. II, кн. 2, стр. 241.
- ¹¹ Никон. I, 134.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же, стр. 139.
- ¹⁴ Кёнигсб., 108.
- ¹⁵ Лавр., 75.
- ¹⁶ Соф. врем. I, 163 и след.
- ¹⁷ Лавр., 77.
- ¹⁸ Там же, 69.
- ¹⁹ Там же, и Патер. Печер.
- ²⁰ См. обо всем этом Патер. Печер.
- ²¹ Памятн. Слов. XII в., стр. 127.
- ²² Там же, стр. 249.
- ²³ Кёнигсб., стр. 157.
- ²⁴ Ипатьев., стр. 11.
- ²⁵ Там же, стр. 15.
- ²⁶ Там же, стр. 33.
- ²⁷ Там же, стр. 38.
- ²⁸ Там же, стр. 81.
- ²⁹ Там же, стр. 138.
- ³⁰ Там же, стр. 145.
- ³¹ Там же, стр. 146.
- ³² Там же, стр. 165.
- ³³ Новгород. перв., стр. 9, 11, 15, 25, 38.
- ³⁴ Ипатьев., стр. 26, 155.
- ³⁵ См. об этом мою статью «О нравах и обычаях в Древней Руси».
- ³⁶ Памятн. Слов. XII в., стр. 108, 251.
- ³⁷ Ипатьев., стр. 102.
- ³⁸ См. также Лавр., стр. 152.
- ³⁹ Никон. II, 179.
- ⁴⁰ Впрочем, есть известие, что Феодор поставился прежде в Константинополе от самого патриарха и потому не хотел идти принимать благословения у киевского митрополита. Никон. II, стр. 206.
- ⁴¹ Ипатьев., стр. 82.
- ⁴² Полн. собр. рус. лет., т. II, стр. 92.
- ⁴³ Т. II, примеч. 414.
- ⁴⁴ Ипатьев., 30, 79.
- ⁴⁵ Ипатьев., стр. 86.
- ⁴⁶ Там же, стр. 127; Воскрес. (II, 108) прибавляет: «За не поставил бе на мзде Николу Гречина».
- ⁴⁷ Ипатьев., стр. 92.
- ⁴⁸ Новгород. перв., стр. 21.
- ⁴⁹ Ипатьев., стр. 138; Никон. II, 363.
- ⁵⁰ Памятн. Слов. XII в., стр. 255.
- ⁵¹ Новгород. перв., стр. 44.
- ⁵² Ипатьев., стр. 91.
- ⁵³ Там же, стр. 111.
- ⁵⁴ Патер. Печер. житие св. Феодосия, об игумене Стефане.
- ⁵⁵ Ипатьев., стр. 3.
- ⁵⁶ Там же, стр. 126.
- ⁵⁷ Ипатьев., стр. 146.
- ⁵⁸ Там же, стр. 77.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА *

Первое упоминание о Св. Ольге встречаем в начальном летописце Киевском под 903 годом. «Игорь вырос,—говорит летописец,—ходил по Олеге, слушался его, и привели ему жену из Пскова, именем Ольгу»¹. Странно, что летописец, монах, для которого Ольга, *денница спасения*, была уже таким священным лицом, не умел или не хотел сказать о ней ничего подробнее — знак, что в его время уже не существовало более об этом предмете никаких преданий и что подробности о происхождении Ольги, встречающиеся в некоторых второстепенных памятниках, суть позднейшие сочинения. Если бы, впрочем, мы захотели приписать важность этим позднейшим известиям, то не могли бы вывести из них ничего определенного, потому что одни приписывают ей варяжское, а другие славянское происхождение². Каково бы ни было происхождение Ольги, для нас важно то подтверждаемое всеми источниками обстоятельство, что она приведена была в Киев с севера; ибо это указывает на тесную связь, которая существовала в то время между северными и южными русскими владениями.

Но если мы не находим у летописца подробностей о происхождении Ольги, зато он сохранил нам драгоценные народные предания о главных чертах ее деятельности; он записал предание о страшной мести, которой Ольга покарала древлян, убивших ее мужа. Это предание отражает в себе господствующие понятия времени, поставлявшие месть за убийство близкого человека непрременной обязанностью; видно, что и во времена составления летописи эти понятия не потеряли своей силы. При господстве родового быта месть за родича была подвигом по преимуществу: вот почему рассказ о таком подвиге возбуждал всеобщее, живое внимание и потому так свежо и украшенно сохранился в памяти народной. Общество всегда, на какой бы ступени развития оно ни стояло, питает глубокое уважение к обычаям, его охраняющим, и прославляет как героев тех людей, которые дают силу этим охранительным обычаям. В нашем древнем обществе в описываемую эпоху его развития обычай мести был именно этим охранительным обычаем, заменявшим правосудие; и тот, кто свято исполнял обязанность мести, являлся необходимо героем правды, и, чем жесточе была месть, тем больше удовлетворения

* Киевлянин. Кн. 3. М., 1850. С. 51—65.

находило себе тогдашнее общество, тем больше прославляло мстителя как достойного родича; а быть достойным родичем значило тогда в переводе на наши понятия быть образцовым гражданином.

Вот почему в предании показывается, что месть Ольги была достойной мезтью. Ольга, мудрейшая из людей, прославляется именно за то, что умела изобрести достойную месть: она, говорит предание, подошла к яме, где лежали древлянские послы, и спросила их: «Нравится ли вам честь?» Те отвечали: «Ох! Пуще нам Игоревы смерти!» Предание, согласно с понятиями времени, заставляет древлян оценивать поступок Ольги: «Ты хорошо умеешь мстить: наша смерть лютее Игоревоу смерти».

Напрасно Эверс³ думает, что если мстит женщина, то мстит обыкновенно хитростью, вследствие недостатка физической силы; что все знаменитые женщины древности (Семирамида, Дидона, Танаквиль) отличались мудростью и хитростью. Древняя история представляет нам много мужчин мудрых, которые именно отличались хитростями; мудрость в древние времена была синонимом хитрости; вспомним, что древность оставила нам две великие поэмы: одна прославляет подвиги силы, другая — подвиги мудрости или хитрости, и герой последней — многоопытный муж Одиссей; у нас если Ольга хитростью взяла Коростен, то Олег хитростью убил Аскольда и Дира.

Потом должно заметить, что Ольга мстила хитростью вовсе не как женщина по недостатку силы: это не была частная месть, месть частного лица за частное лицо, это была месть князя народу; сам Эверс говорит, что Ольга имела двойную обязанность мстить: как жена Игоря и как опекунша Святослава; месть над послами первыми и вторыми не была вовсе хитростью — малочисленные послы не могли защищаться в Киеве, окруженные враждебным племенем; Ольга могла умертвить их всячески. Способ умерщвления показывает не хитрость, но обдуманную месть, которая бы заставила древлян признаться, что их смерть лютее Игоревоу смерти; древляне напали на Игоря внезапно, когда тот не ждал опасности: послы древлянские погибают в то время, когда готовились принимать почести; убийство над могилою имеет то же значение. Потом Святослав в челе дружины вступает в открытую битву с древлянами, побеждает их; побежденные запираются в городе; хитрость, употребленная Ольгой для взятия города, есть хитрость воинская, следовательно хитрость мужеская. Сам Эверс указывает на подобные хитрости, употребленные мужчинами.

Нас в поступках Ольги останавливает не хитрость женская, но мстительность женская: Ольга не первая женщина, которая в средневековых преданиях прославляется своей неумолимой мстительностью; это явление объясняется из характера женщи-

ны, равно как из значения мести в тогдашнем обществе: женщина постоянно отличается благочестием в религиозном и семейном смысле; обязанность мести за родного человека была тогда, как уже выше сказано, обязанностью религиозной, обязанностью благочестия; Ольга, страшно мстящая за смерть мужа, имеет в нашем предании то же самое значение, какое имеет в греческом предании Антигона, покрывающая землю труп брата под страхом неизбежной смерти: и здесь и там действует одно и то же семейно-религиозное благочестие, столь сильное всегда в женщине...

Вообще характер Ольги, как он представляется в наших древних преданиях, чрезвычайно важен именно относительно понятий того времени. Правление Ольги в малолетство сына ее случилось очень кстати в ту пору, когда оружием первых князей несколько племен, рассеянных на огромном пространстве, приведено было в соприкосновение, но связь между ними была еще очень слаба; нужно было укрепить ее какими-нибудь правительственными распоряжениями, к которым первые князья по своему характеру не были способны; для этого нужно было правление женщины, которая опять по самому характеру своему должна была преимущественно заняться хозяйственными распоряжениями; такого рода деятельность, повторяю, была очень кстати в это время, когда нужно было разобраться, так сказать, в волостях, приобретенных предшествовавшими князьями, и установить сколько-нибудь правильные отношения их к главному сосредоточивающему пункту.

Так, в летописи сохранилось предание о путешествиях Ольги по волостям с целью хозяйственных распоряжений. Эта хозяйственная распорядительность Ольги не могла не поразить новорожденное общество, и потому Ольга перешла в потомство как мудрейшая из людей; разумеется, что народная фантазия овладела этим преданием о мудрости Ольги: в каких же чертах должна была, по тогдашним понятиям, выразиться мудрость знаменитой княгини? В хитрости, ловкости, находчивости, именно в той детской мудрости, какою отличался многоопытный Одиссей; так явилось предание о зажжении города птицами и о том, как Ольга в Константинополе перехитрила императора.

Оставя предание о хитростях, мы должны преимущественно заняться преданиями о хозяйственных распоряжениях Ольги, имевших важное значение для новорожденного общества. Здесь прежде всего останавливают наше внимание распоряжения относительно побежденных древлян; летописец говорит, что немедленно после мести над древлянами Ольга с сыном и дружиной пошла по их земле, устанавливая *уставы* и *уроки*; на *становища* ее и *ловища* (то есть на места, где она останавливалась и охотилась) указывали еще во времена летописца. Старшин, владык, родона-

чальников побежденного народа она схватила, взяла в плен (изыма), остальных или перебила, или отдала в рабство дружинникам своим, или оставила на прежних жилищах платить дань. Здесь, следовательно, находим первое известие о происхождении рабов: рабству были преданы древляне не столько потому, что были покорены, сколько в наказание за преступление, за убийство Игоря.

Если сказано, что Ольга «старейшин града изима, а другие работе предасть мужем своим», то легко догадаться, что старейшин предала она работе себе, сделала своими рабами. Оставшиеся на своих местах древляне должны были платить тяжкую дань: две трети ее шли в Киев, а третья — в Вышгород к Ольге, потому что Вышгород был город Ольгин. Здесь в первый раз встречаем известие об обычае давать княгиням в посмертное владение города, обычай, употребительный после. Как видно, был обычай также, что дань (или некоторая часть ее) с покоренного племени шла тому князю или тому мужу княжескому, который наложил ее: так, известно, что угличи платили дань в пользу Свенельда, их примучившего. Ольга, принимавшая такое сильное участие в окончательном покорении древлян, имела полное право и на дань древлянскую; а если удольствовалась третьей частью, так потому, что распоряжалась именем своего малолетнего сына.

Далее нас останавливают выражения: *Киеву, Вышегороду*, почему не князю *Святославу*, княгине *Ольге*? Для чего вместо лиц места? Естественно употребить имя стольного города вместо имени князя, ибо князья меняются, столицы же остаются, следовательно, именами их гораздо удобнее выражать известную, постоянную подчиненность, известные, постоянные отношения; так, после, например, сказано, что все посадники новгородские платили ежегодно известную сумму денег в Киев, то есть великим князьям, князьям Киевским. Но в разбираемом месте показывается отношение не постоянное, а временное, условленное личностью Ольги, и, несмотря на то, дань шла в Вышгород, хотя известно, что Ольга жила в Киеве: так, после, во время нашествия печенегов, мы видим ее в этом городе с внучатами; следовательно, должно предположить, что казна Ольги хранилась в Вышгороде. Как после видим, что князья имеют свои дворы в разных местах, куда собирают много всякого добра, так, вероятно, и в Вышгороде у Ольги был подобный двор, куда собирались запасы из мест, ей принадлежавших; там же должна была складываться и древлянская дань; а в чем состояла эта дань, нам известно: в мехах и меде.

После завоевания Ольга пошла с сыном и дружиной по древлянской земле, устанавливая *уставы* и *уроки*. Олег, по известиям летописи, установил дани; Ольга устанавливает *уставы* и *уроки*.

Под именем *устава*⁴ должно разуместь всякое определение, как что-нибудь делать. Эверс думает, что под именем уставов разумеются здесь вообще все учреждения, предпринятые Ольгой в земле древлянской, где, по отведении старшин в плен, по уничтожении, следовательно, всех прежних отношений, нужно было установить совершенно новый порядок вещей, дать новый устав, как жить, как делать. Но здесь должно заметить, что мщение Ольги постигло, собственно, один Искоростень, только в одном Искоростене старшины и остальная часть народонаселения были взяты в рабство, тогда как у древлян были другие города, предавшиеся добровольно и не тронутые Ольгой: «Посла ко граду (Ольга) глаголющи: что хочете доседети? А все гради ваши предашася мне, и являся по дань, и делают нивы своя и земли своя». Итак, слова Эверса могут относиться только к Искоростеню, но вовсе не к целой Древлянской земле. *Устав* может относиться ко всякому учреждению, ко всякому определению, следовательно, и к определению дани.

Теперь следует вопрос: что такое *уроки*? Через строку выше говорилось о дани, следовательно, урок не дань. Можно было давать дань уроком; так, после читаем: «Ярославу же сущю Новгороду и *уроком* дающе Киеву две тысяче гривне от года до года». Приняв в соображение настоящее значение слова *урок*, должно положить, что урок есть всякая обязанность, которую должно выполнять к известному сроку, будет ли то уплата известной суммы денег, известного количества каких-нибудь вещей или какая-нибудь работа. Так, новгородские посадники должны были платить известную сумму *уроком*, то есть к определенному сроку, от года до года. Что же касается до слова *оброки*, которое встречается после тут же и которое, по Архангельскому списку, встречается в распоряжениях Олега, то думаем, что надобно согласиться с Эверсом и признавать под ними *кормления*, обязанность содержать, кормить дружину⁵; прибавим только, что под именем оброков не разумелась ли обязанность племен, о которой говорит Константин Багрянородный: «Князья с ноября месяца отправлялись с дружинами своими к разным славянским племенам и кормились у них зиму».

Гораздо затруднительнее для объяснения место, где говорится о распоряжениях Ольги на севере: «Иде Вольга Новгороду и уставы по Мсте повосты (погосты) и дани, и по Лузе оброки и дани; ловища ее суть по всей земле, знаменья и места и повосты, и сани ее стоят в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе». Слово *повосты* читается только в Лаврентьевском, в остальных лучших списках — *погосты*. Есть еще другой вариант: в Архангельском списке вместо *по Мсте* читается: *помости* и *погосты*.

Эверс дает предпочтение последнему чтению. «В высочайшей степени невероятно, — говорит он, — чтоб великая княгиня пред-

приняла означенные учреждения по Лузе, так далеко на севере», и потому принимает *по Лузе* за позднейшее прибавление. Отделавшись таким образом от Луги, Эверс обращается ко Мсте и спрашивает: почему именно берега этой реки должны были быть одни предметом законодательных забот Ольги; почему той же чести не удостоились берега других рек, например Ловати и Великой? ⁶

Но, во-первых, нельзя выбрасывать так легко целые известия из летописи, как выбросил Эверс известие о Луге, потому только, что оно его затрудняло; лучшие списки имеют: *по Мсти* и *Луге*, и нельзя найти причины, почему б это известие могло быть вставлено позже; следовательно, историку остается только объяснить, почему распоряжение Ольги коснулось берегов этих двух рек? Взглянувши на карту, мы видим, что Луга с своими берегами составляет крайнее владение Новгородской области на северо-западе, а Мста — в противоположную сторону на востоке; вспомним, что верховье Мсты и следующий за ним волок, отделявший озерную область от области верхней Волги, был по этому самому границей Новгородской и Ростовской областей, пределом Новгородских владений; вспомним, что деятельность первых князей до Ольги касалась преимущественно великого восточного пути из Варяг в Греки; до стран, лежащих далее к западу и востоку, она мало касалась.

Олег установил дани на севере у славян, кривичей и мери; но, вероятно, эти дани удобно собирались только с народонаселения, живущего по великому пути, которое, так сказать, находилось под руками у Руси; народонаселение же дальнейших стран к востоку и западу могло пользоваться большей независимостью и отбивать от дани, и здесь, следовательно, нужно было сделать для нее точнейшие определения, распорядиться правильным ее сбором. Первые князья Олег и Игорь, занятые делами на юге, отдаленными походами в страны более привлекательные, не имели ни досуга, ни желаний заниматься порядком на отдаленном севере; Ольга же, как женщина, будучи способна заниматься хозяйственными распоряжениями, а не войной, имела досуг посетить и урядить страны, оставленные без внимания ее предшественниками; притом она более, чем последние, имела побуждений путешествовать и распорядиться на севере, ибо там было ее отечество, места знакомые; наконец, может быть, и то, что эти места, при нижних частях Луги на далеком северо-западе и при верхних частях Мсты на востоке, были недавно заняты русскими из Новгорода и потому требовали урядения ⁷. Обратимся же к этому урядению.

Здесь прежде всего останавливает нас вариант: *погосты* и *повосты*; вариант, очень легко могший произойти: полустертая буква *в* образует легко *г*; несколько замазанное *г* легко может

показаться за в. Монах Лаврентий сам признается, что ему трудно было разбирать рукопись, с которой он списывал, потому что *книги были ветшаны*; непонятное окончание *повосты* прямо указывает на то, что это слово испорчено из *погосты*; другое дело, если б было *повозы*: повозом называлась обязанность подчиненных племен доставлять дань или оброк в назначенное от князя место; так, читаем у летописца о радимичах: «И платят дань Руси, *повоз* везут и до сего дне». Но это слово, очень легко объясняясь в первой половине известия: *устави по Мсте повозы и дани*, остается без смысла во второй половине: «Ловища ее суть по всей земле, знаменья и места и *повозы*». Итак, остается принять *погосты*.

Что же такое *погосты*? Мы знаем из свидетельства Багряно-родного, что русские князья в ноябре отправлялись с дружиной к подчиненным племенам на *полюдье*, или *гыры*, и проводили у них зиму; обычай *полюдья* сохранился и после: при младенческом состоянии тогдашнего общества это был для князя единственный способ исполнять свои обязанности относительно народонаселения, именно суд и расправу; разумеется, что для этого суда и расправы князь не мог останавливаться при каждом жилье; он останавливался в каком-нибудь удобном для себя месте, куда окружное народонаселение и позывалось к нему для своих надобностей. Естественно, что для большого удобства эти места княжеской стоянки, *гощения*, эти *погосты*, могли быть определены навсегда, могли быть построены небольшие дворы, где могли быть оставлены княжие тиуны, и таким образом эти погосты могли легко получить значение небольших правительственных центров и передать свое имя округам; впоследствии здесь могли быть построены церкви, около церквей собирались торги и т. д. Хотя летописец упоминает о распоряжениях Ольги только в земле Древлянской и в отдаленных пределах Новгородской области, однако, как видно, путешествие ее с хозяйственной, распорядительной целью обнимало все тогдашние владения русские, по всей земле оставила она следы свои, повсюду виднелись учрежденные ею погосты: «Ловища ее суть по всей земле, знаменья и места и *погосты*».

Мы сказали, что правление Ольги случилось очень кстати, потому что она, как женщина, хозяйственной деятельностью могла укрепить связь племен с центром русских владений. Правление Ольги, как женщины, имеет важное значение в другом еще отношении. Как женщина, она была способнее по своему характеру к принятию первой христианства, к чему князья-воители также были малоспособны. Несмотря на то что Святослав воспротивился увещанию матери, поступок Ольги имел важные следствия: во-первых, христиане уже числили между своими члена княжеской семьи; во-вторых, Ольга была не простая княгиня:

это была мудрейшая из людей, которая долгое время имела самое сильное влияние на судьбу новорожденного общества, приобрела такую знаменитость, следовательно, принятие ею христианства должно было произвести необыкновенно сильное впечатление на умы; это впечатление отозвалось при Владимире. «Если бы дурен был закон Греческий,—говорили бояре этому князю,—то не приняла бы его бабка твоя Ольга, которая была мудрее всех людей».

Каким же образом Ольга приняла христианство? Летописец говорит об этом событии, также основываясь на предании, которое остается до конца верным характеру Ольги: и в Константинополе, во дворце императорском, как под стенами Коростена, Ольга отличается ловкостью, находчивостью, хитростью; перехитряет императора, как прежде перехитрила древлян. О побуждениях, которые заставили Ольгу принять христианство, и принять его именно в Константинополе, мы не находим ничего в лучших известных списках летописи; очень легко могло быть, что великая княгиня отправилась в Царьгород вполне язычницей, без твердого намерения принять новую веру, была поражена в Константинополе величием греческой религии и возвратилась домой христианкой. Мы видим, что везде в Европе, как на западе, так и на востоке, варвары, несмотря на то что опустошали области Империи и брали дань с повелителей обоих Римов, питали везде благоговейное уважение к Империи, к блестящим формам ее жизни, которые так поражали их воображение; таковы бывают всегда отношения народов необразованных к образованным.

Это уважение варваров к Империи способствовало также распространению между ними христианства. Не одна надежда корысти могла привлекать наших варваров в Константинополь, но также и любопытство посмотреть чудеса образованного мира; сколько дивных рассказов приносили к своим очагам бывальцы в Византии, в этом мире чудес, до которых не могло возвыситься самое пламенное воображение детей бедного Севера! Как вследствие этого возвышался тот, кто бывал в Византии, и как у других разгоралось желание побывать там! После этого странно было бы, чтоб Ольга, которую природа и судьба выдвинули вперед, чтоб Ольга, мудрейшая из людей, не захотела побывать в Византии. Она отправляется туда. Что же прежде всего должно было обратить ее внимание? Разумеется, то, что всего резче отличало греков от Руси,—религия; известно, что греки обыкновенно сами обращали внимание варварских князей и послов на свою религию, показывали храмы, их священные сокровища; разумеется, при этом и основные догматы веры были объясняемы искусными толковниками.

Если многие из мужчин, воинов русских, принимали христианство в Греции, то нет ничего удивительного, что обратилась

к нему Ольга, во-первых, как женщина, в характере которой не было препятствия к принятию заповедей любви и смирения; во-вторых, как женщина умная, которая ясно могла понять все превосходство православной веры греческой пред русским язычеством. Но кроме этого объяснения несомненно, что Ольга была уже в Киеве предубеждена в пользу христианства: такую умную женщину, какова была Ольга, и женщину-правительницу, не могло не поразить различие между нравами, образом жизни христиан и язычников; как правительница, Ольга скорее других могла оценить это различие относительно общественного наряда и убедиться в превосходстве греческой веры пред русской; это предубеждение в пользу христианства могло сильно содействовать к принятию его в Цареграде; но от предубеждения в пользу до решительного шага еще далеко.

В одном списке летописи, бывшем в руках у Татищева⁸, говорится, что Ольга еще в Киеве была расположена в пользу христианства, видя добродетельную жизнь исповедников этой религии; даже вошла с ними в тесную связь и хотела креститься в Киеве, но не исполнила своего намерения, боясь язычников. Принимая первую половину известия, мы не можем допустить второй: опасность от язычников не уменьшалась для Ольги и в том случае, когда она принимала крещение в Константинополе; утаить обращение по приезде в Киев было очень трудно, и притом Ольга, как видно, вовсе не хотела таиться: это было не совместно ни с ревностью новообращенной, ни с характером Ольги; не хотела она таиться и равнодушно смотреть, как сын ее, и вся семья, и весь народ остаются в язычестве, следовательно, лишаются вечного спасения. Мы видим, что она тотчас же приступает к обращению сына, но в характере последнего встречает непреодолимые препятствия; она знала, что будут препятствия, будут опасности, и потому говорила патриарху: «Людьє мои погани и сын мой, дабы мя Бог сблюл от всякого зла».

Мы видели, что предание провожает Ольгу в Константинополь и заставляет мудрейшую из всех людей русских перехитрить грека, а греки слыли тогда лукавейшим народом: это считалось самым лучшим доказательством Ольгиной мудрости. Предание провожает мудрую княгиню и домой в Киев, заставляет ее и здесь постыдить греческого императора, охотника до даров и вспомогательного войска, и отомстить ему за то унижение, которому подвергались руссы в Константинопольской гавани и которое, как видно, лежало у них на душе. Мы знаем из Игорева договора, что греки, опасаясь убийства русскими и воинских хитростей с их стороны, выговорили себе право не впускать их в город до тех пор, пока в точности не узнают характера новоприбывших, имена которых должны были находиться на княжеском листе; эти меры предосторожности, как видно, очень

раздражали русских, и вот в предании Ольга мстит за них императору. Когда Ольга, говорит летопись, возвратилась в Киев, то царь греческий прислал сказать ей: «Я тебя много дарил, потому что ты говорила мне: возвращусь на Русь, пришлю тебе богатые дары, челядь, воски, меха, пришлю и войска на помощь». Ольга велела отвечать ему: «Когда ты столько же постойшь у меня в Почайне, сколько я стояла у тебя в гавани Константинопольской, тогда дам тебе обещанное».

Ольга кормила, то есть воспитывала, сына своего до возраста и мужества его, говорит летописец; она, как видно, оставалась полной хозяйкой на Руси и после того, как Святослав возмужал, потому что он думал только о походах и забывал родную землю и семью свою для чужой земли; он едва решился отложить отъезд свой в Болгарию, видя мать при последнем издыхании. Ольга скончалась, по летописи, в 969 году, запретив творить над собою языческую тризну, и была похоронена христианским священником, бывшим при ней.

Примечания

¹ Полн. собр. рус. лет. I, стр. 12.

² Источники Степенной книги, Минеи, говорят о варяжском происхождении; источники Ядра Российской истории и так называемой Иоакимовой летописи, которые могли быть так же древни, как и первые, говорят, что Ольга была родственница Гостомысла, следовательно, славянка.

Летописи молчат вообще о происхождении; сама Псковская летопись ничего о нем не знает. Мнение о варяжском происхождении Ольги может единственно основываться на ее имени, но имя это может быть позднейшее прозвание.

³ Das alt. Recht der Russ., S. 57.

⁴ R. der R., S. 59.

⁵ R. der R., S. 36, 37, 38.

⁶ Ibid., 62.

⁷ У Татищева читаем: «по Мсте и по Поле погосты устроя».

⁸ Ц, стр. 41, примеч. 130.

ПСКОВ И ЛИВОНИЯ *

В то время, когда в Северной Руси происходила сильная внутренняя борьба, произведенная стремлением к государственному единству, когда, с другой стороны, юное государство должно было выдерживать опасную борьбу и с притязаниями ханов монгольских, и с притязаниями литовских князей,— тогда на западных его границах происходила другая борьба, занимательность и следствие которой до сих пор еще недостаточно оценены в нашей истории: и здесь Русь должна была выдержать сильный напор чуждого народа, который не довольствовался одной данью с областей ее, как довольствовались монголы, но хотел стать в них твердой ногой, подчинить русскую жизнь каждому его началу,— и вот защиту Руси от этого опасного напора должна была принять на себя одна небольшая область или, лучше сказать, один город, предоставленный почти всегда только собственным силам; и, несмотря на всю неровность сил, напор сдерживался в продолжение двух веков, до тех самых пор пока Северная Русь достигла государственного единства и получила возможность действовать не только оборонительно, но и наступательно против всех своих врагов. Мы говорим о борьбе Пскова с Ливонским орденом.

Области, которые называются теперь Остзейскими губерниями, с незапамятных пор были населены народами двух племен: чудского, или финского, на севере и латышского на юге. Первые летописные известия о наступательных движениях русских князей на запад от Чудского озера против эстонской чуди встречаем во времена Ярослава I; этот князь стал здесь твердой ногой, построив город, названный по его христианскому имени Юрьевом (Дерпт). Но по смерти Ярослава усобицы между его потомками вместе с известными отношениями Новгорода к князьям своим отняли у стремления русских на чудь характер постоянный, прочный, завоевательный: мы встречаем в летописях ряд известий о походах русских князей на чудь иногда вплоть до моря; но эти походы носят более характер опустошительных набегов, чем прочного утверждения в стране; только такими опустошительными походами новгородские князья могли заставлять чудь *поклониться* и заплатить дань¹.

* Московский сборник Т 1 М, 1852 С 245—315

Гораздо с древнейших пор обложены были данью племена, жившие по Западной Двине до самого ее устья; бесспорно, эта дань наложена была на них изначала князьями Полоцкими, которые и продолжали брать ее до самой половины XII века, то есть до прибытия туда немцев. Таким образом, древние русские владения в прибалтийских областях делились на две части: северную, зависевшую более или менее от Новгорода, и южную, зависевшую от Полоцка. К берегам этой-то южной части русских владений, к устью Двины, в 1158 году прибыл был бурею корабль бременских купцов. Негостеприимно встретили их туземцы; но после схватки, в которой победа осталась на стороне немцев, ливы стали сговорчивее и позволили пришлецам производить мену. Выгода этой мены заставила бременцев несколько раз возвращаться с товарами к устью Двины, наконец, выпросили они себе у туземцев позволение основать постоянную контору; место было выбрано подле Двины на горе, где построили большой дом и острожек, который получил название Уксуль; скоро потом построена была другая фактория — Дален².

Известие о поселениях, завезенных немцами при устье Двины среди языческого народонаселения, обратило на себя внимание бременского архиепископа, который не мог пропустить благоприятного случая для распространения пределов церкви. Он объявил об этом папе Александру III, и тот велел ему отправить в Ливонию искусного миссионера; архиепископ отправил туда Мейнгарда, монаха Августинского ордена³. Мейнгард выпросил позволение у Владимира, князя Полоцкого, проповедовать Евангелие между подвластными ему язычниками, построил церковь в Уксуле и успел обратить несколько язычников. Скоро литовцы напали на окрестности Уксуля; Мейнгард с жителями последнего спрятались в лесах, где имел бой с врагами. По их удалении он начал укорять ливов за то, что они живут так оплошно, не имеют крепостей, и обещал им построить крепкие замки, если они за это обяжутся принять христианство. Ливы согласились, и на следующее лето явились из Готланда строители и каменосечцы.

Еще прежде чем начали строить замок Уксуль, часть народа окрестилась; остальные обещали креститься, как скоро весь замок будет готов. Замок выстроили, Мейнгард посвящен был в епископы, но никто не думал креститься; под условием того же обещания выстроили другой замок — Тольм, и также никто не думал исполнять обещание; мало того, язычники начали явно обнаруживать неприязненные намерения против епископа, грабили его имение, били его домашних; но всего больше огорчило Мейнгарда то, что прежде крещенные стали погружаться в Двину, чтоб смыть с себя крещение и отослать его вниз по реке в Германию⁴.

У Мейнгарда был товарищ в деле проповеди, брат Феодорих, монах Цистерциенского ордена; этого Феодориха ливонцы вздумали однажды принести в жертву богам, чтоб жатва была обильнее, чтоб дожди не повредили ей. Народ собрался, положили копье на землю, вывели священного коня, смотрят, какою ногою прежде ступит конь: правой — определит смерть, левой — жизнь; конь ступает ногой жизни; но волхв противится, утверждает, что тут чары со стороны враждебной религии: опять ведут коня, опять ступает он левой ногой, и Феодорих спасен. В другой раз тот же Феодорих находился в Эстонии, когда в день Св. Иоанна Крестителя случилось солнечное затмение; несчастному монаху грозила опять страшная опасность от язычников, которые приписали затмение ему, говоря, что он съедает солнце.

Когда Мейнгард увидал, что мирными средствами трудно будет распространить христианство между ливами, то отправил посла к папе с представлением о жалком положении юной церкви своей; папа велел проповедовать крестовый поход против ливонских язычников; но Мейнгард не дождался прибытия крестового ополчения: он умер в 1196 году; в этом же году датский король Канут VI пристал к эстонскому берегу и утвердился здесь, принудив туземцев силой принять христианство. Между тем ливонские христиане отправили посольство к бременскому архиепископу с просьбой о присылке преемника Мейнгарду; новый епископ Бартольд явился сперва без войска, собрал старшин и пытался привлечь их к себе угощениями и подарками, однако напрасно — при первом удобном случае они завели спор о том, каким способом погубить нового епископа: сжечь ли его в церкви, или убить, или утопить в Двине. Бартольд тихонько ушел на корабль и отплыл сперва на Готланд, а потом в Германию, откуда послал к папе с известием о своем печальном положении; папа объявил отпущение грехов всем, кто отправится в крестовый поход против ливонцев; около Бартольда собрался значительный отряд крестоносцев, с которым он и отправился назад в Ливонию.

Туземцы вооружились и послали спросить епископа, зачем он привел с собой войско? Когда Бартольд отвечал, что войско пришло для наказания отступников, то ливонцы велели сказать ему: «Отпусти войско домой и ступай с миром на свое епископство: кто крестился, тех ты можешь принудить оставаться христианами, других убеждай словами, а не палками»⁵. Урок не подействовал на Бартольда: он позволил себе принять участие в битве между крестоносцами и туземцами, и когда последние были обращены в бегство, то быстрый конь занес епископа в ряды язычников, которые и изрубили его. Немцы воспользовались своей победой и страшно опустошили страну; туземцы принуждены были к покорности, крестились, приняли к себе священников, определили на их содержание известное количество

съестных припасов с плуга; но только что крестоносцы успели сесть на корабли, как уже ливонцы начали окунываться в Двину, чтоб смыть с себя крещение, ограбили священников, выгнали их из страны; хотели сделать то же и с купцами, но те задарили старшин и остались.

Скоро возвратились также и священники; с ними приехал новый епископ, Альберт, в сопровождении крестового отряда, помещавшегося на 23 кораблях. Альберт принадлежал к числу тех исторических деятелей, которым предназначено изменять быт старых обществ, полагать твердые основы новым; приехавши в Ливонию, он мгновенно уразумел положение дел, нашел верные средства упрочить торжество христианства и своего племени над язычеством и туземцами, с удивительным постоянством стремился к своей цели и достиг ее. Враждебно встретили туземцы нового епископа, он должен был выдержать от них осаду в Гольме; новоприбывшие крестоносцы освободили его; но Альберт хорошо видел, что с помощью этих временных гостей нельзя утвердиться в Ливонии: туземцы не умели выдерживать битв с искусными немецкими ополчениями; потерпев поражение, видя жилища и нивы свои опустошенными, они покорялись, обещаясь принять христианство; но стоило только крестоносцам сесть на корабли, как они возвращались к прежней вере и начинали враждебно действовать против пришельцев. Нужно было, следовательно, вести борьбу не временными, случайными наездами; нужно было стать твердой ногой на новой почве, вывести сильную немецкую колонию, основать город, в стенах которого юная церковь могла бы находить постоянную защиту.

С этой целью в 1200 году Альберт основал при устье Двины город Ригу; но мало было основать, нужно было дать народонаселение новому городу, и Альберт сам ездил в Германию набирать колонистов и привозил их с собой. Но одного города с немецким народонаселением было еще недостаточно; народонаселение это не могло предаваться мирным занятиям, потому что должно было вести постоянную борьбу с туземцами; нужно было, следовательно, постоянное военное сословие, которое бы приняло на себя обязанность постоянно бороться с туземцами, обязанность защищать новую колонию; для этого Альберт сперва начал было вызывать рыцарей из Германии и давать им замки в ленное владение, но это средство могло вести к цели только очень медленно, и потому он скоро придумал другое, более верное — именно основание ордена воинствующих братьев по образцу военных орденов в Палестине; папа Иннокентий III одобрил мысль Альберта, и в 1202 году был основан орден рыцарей Меча, получивший устав храмового ордена; новые рыцари носили белый плащ с красным мечом и крестом, вместо которого после сталишивать звезду; первым магистром их был Винно фон Рорбах.

Таким образом, немцы стали твердой ногой при устьях Двины; как же смотрели на это князья Полоцкие? Мы видели, что они привыкли ходить войной на чужд и брать с нее дань силой, если она не хотела платить ее добровольно. Точно так же хотели они теперь действовать и против немцев; в 1203 году полоцкий князь внезапно явился пред Уксулем и осадил его, не приготовленные к осаде жители предложили ему дань; он взял ее и пошел осаждать другой замок — Гольм; но сюда епископ уже успел послать гарнизон; потеряв много лошадей от стрельбы осажденных, русские отступили от замка. В Ливонии по берегам Двины роду полоцких князей принадлежали две волости — Кукейнос (Жокенгаузен) и Герсик; князь последнего с литовцами (которые для полоцких князей служили тем же, чем половцы служили для остальных русских князей) опустошил окрестности Риги — но все эти набеги не могли нанести большого вреда пришельцам. Наконец, в 1206 году отношения между последними и полоцкими князьями начали, по-видимому, принимать более важный оборот. Альберт, желая беспрепятственно утвердиться в низовьях Двины, решил на время усыпить внимание полоцкого князя и потому отправил к нему аббата Феодориха с подарками и дружескими предложениями. Прибывши в Полоцк, Феодорих узнал, что там находятся посланцы от ливонских старшин, приехавшие жаловаться князю на насилия немцев и просить его об изгнании ненавистных пришлецов.

В присутствии ливонцев князь спросил Феодориха, зачем он пришел к нему, и когда тот отвечал, что за миром и дружбой, то ливонцы закричали, что немцы не хотят и не умеют сохранять мира⁶. Князь отпустил епископских послов, приказав им дожидаться решения в отведенном для них доме: он не хотел отпустить их тотчас в Ригу, чтоб там не узнали о его неприятельских намерениях. Но аббату удалось подкупить одного боярина, который и открыл ему, что русские в согласии с туземцами готовятся к нападению на пришлецов; аббат, узнавши об этом, не терял времени: он отыскал в городе какого-то нищего из замка Гольм и нанял его отнести письмо к епископу в Ригу, в котором извещал его о всем виденном и слышанном. Епископ приготовился к обороне; князь, узнавши, что его намерение открылось, вместо войска отправил послов в Ригу с наказом выслушать обе стороны — как епископа, так и ливонцев и решить, на чьей стороне справедливость.

Послы, приехавши в русский город Кукейнос, послали оттуда дьякона Стефана в Ригу к епископу звать его на съезд с ними и ливонскими старшинами для решения всех споров, а сами между тем рассеялись по стране для созвания туземцев. Альберт оскорбился предложением Стефана и отвечал, что, по обычаю всех земель, послы должны являться к тому владельцу, к которо-

му посланы, а не он должен выходить к ним навстречу. Между тем ливонцы, собравшись в назначенное время и место и видя, что немцы не явились на съезд, решили захватить замок Гольм и оттуда добывать Риги; но их намерение не имело желанного конца: потерпев сильное поражение, потеряв старшин, из которых одни пали в битве, другие были отведены в оковах в Ригу, они принуждены были снова покориться пришельцам; в числе убитых находился старшина Ако, которого летописец называет виновником всего зла: он возбудил полоцкого князя против рижан, он собрал леттов и всю Ливонию против христиан⁷. Епископ после обедни находился в церкви, когда ему один рыцарь поднес окровавленную голову Ако как весть победы.

Когда все опять успокоилось хотя на время, неутомимый Альберт поспешил в Германию, чтоб набрать новых крестоносцев: он предвидел новую, продолжительную борьбу. Его отсутствием воспользовались туземцы и отправили опять послов к полоцкому князю с просьбой освободить их от притеснителей. Князь приплыл с войском по Двине и осадил Гольм; по его призыву встало окружное народонаселение, но мало принесло ему пользы при осаде; гарнизон гольмский при всей своей малочисленности наносил сильный вред русскому войску камнестрельными машинами, употребления которых не знали полочане; они сделали было себе также маленькую машину по образцу немецких, но первый опыт не удался — машина била своих. Несмотря, однако, на это, жители Гольма и Риги недолго могли держаться против русских, потому что должны были бороться также против врагов, находившихся внутри стен, — туземцев, которые беспрестанно сносились с русскими; как вдруг на море показались немецкие корабли; князь, потерявши много народу от камнестрельных машин при осаде Гольма, не решился вступить в борьбу с свежими силами неприятеля и отплыл назад в Полоцк.

Эта неудача нанесла страшный удар делу туземцев; самые упорные из них отправили послов в Ригу требовать крещения и священников; немцы исполнили их просьбу, взявши наперед от старшин их сыновей в заложники. Торжество пришлецов было понятно; в челе их находился человек, одаренный необыкновенным смыслом и деятельностью, располагавший сильными средствами — рыцарским орденом и толпами временных крестоносцев, приходивших на помощь Рижской церкви; против них были толпы безоружных туземцев; что же касается до русских, то епископ и Орден имели дело с одним Полоцким княжеством, которое вследствие известного отделения Рогволодовых внуков от Ярославичей предоставлено было собственным средствам; а средства эти были очень незначительны: князья разных полоцких волостей вели усобицы друг с другом, боролись с Ярославичами, с собственными гражданами, наконец, имели опасных

врагов в литовцах: могли ли они после того успешно действовать против немцев?

Доказательством разъединения между ними и необходимо проистекавшей оттого слабости служит поступок князя Кукейносского Вячеслава; не будучи в состоянии собственными средствами и средствами родичей бороться с Литвой, он в 1207 году явился в Ригу и предложил епископу половину своей земли и города, если тот возьмется защищать его от варваров; епископ с радостью согласился на такое предложение; несмотря на то, однако, из дальнейшего рассказа летописца не видно, чтоб он немедленно им воспользовался; вероятно, Вячеслав обещался принять к себе немецкий гарнизон только в случае литовского нападения. Как бы то ни было, русский князь скоро увидел на опыте, что вместо защитников он нашел в рыцарях врагов, которые были для него гораздо опаснее литовцев.

Между ним и рыцарем Даниилом фон Леневарденом произошла частная ссора: последний напал нечаянно ночью на Кукейнос, овладел им без сопротивления, перевязал жителей, забрал их имение, самого князя заключил в оковы. Епископ, узнав об этом, послал приказ Даниилу немедленно освободить князя, возвратить ему город и все имение; потом позвал Вячеслава к себе, принял с честью, богато одарил лошадьми и платьем, помирил с Даниилом — но при этом припомнил прежнее обещание его сдать немцам половину крепости и отправил в Кукейнос отряд войска для занятия и укрепления города на случай литовского нападения. Князь выехал из Риги с веселым лицом, но в душе затаил месть: он видел, что в Риге все готово было к отъезду епископа и многих крестоносцев в Германию, и решился воспользоваться этим удобным случаем для освобождения своего города от неприятных гостей. Думая, что епископ с крестоносцами уже в море, он посоветовался с дружиной, и вот в один день, когда почти все немцы спустились в ямы, где добывали камень для городских построек, а мечи свои и прочее оружие оставили наверху, отроки княжеские и мужи прибегают к ямам, овладевают оружием и умерщвляют беззащитных его владельцев. Троице из последних, однако, удалось спастись бегством и достигнуть Риги, где они рассказали, что случилось с ними и их товарищами в Кукейносе.

Вячеслав, думая, что положено доброе начало делу, послал к полоцкому князю коней и оружие неприятельское с приглашением идти как можно скорее на Ригу, которую легко взять: лучшие люди перебиты им в Кукейносе, другие отъехали с епископом в Германию. Полоцкий князь поверил и начал уже собирать войско. Но Вячеслав жестоко ошибался в своих надеждах: противные ветры задержали Альберта в двинском устье, и когда пришла в Ригу весть о происшествиях в Кукейносе, то он немед-

ленно возвратился, убедил и спутников своих опять послужить «святому» делу; немцы, рассеянные по всем концам Ливонии, собрались в Ригу. Тогда русские, видя, что не в состоянии бороться против соединенных сил Ордена, собрали свои пожитки, зажгли Кукейнос и ушли далее на восток, а окружные туземцы в глубине дремучих лесов своих искали спасения от мстительности пришельцев; но не всем удалось найти его: немцы преследовали их по лесам и болотам, и если кого отыскивали, то умерщвляли жестокой смертью.

Падение Кукейноса скоро повлекло за собой покорение и другого княжества русского в Ливонии — Герсика. В 1209 году епископ, говорит летописец, постоянно заботясь о защите лифляндской церкви, держал совет с разумнейшими людьми, как бы освободить юную церковь от вреда, который наносят ей Литва и Русь. Решено было вступить в поход против врагов христианского имени — летописец, впрочем, спешит оговориться и прибавляет, что князь Герсика Всеволод был страшным врагом христианского имени, *преимущественно латынян*⁸; он женат был на дочери литовского князя, находился в постоянном с литовцами союзе и часто являлся предводителем их войска, доставлял им безопасную переправу через Двину и съестные припасы. Литовцы тогда, продолжает летописец, были ужасом всех соседних народов: редкие из леттов отваживались жить в деревнях; большая часть их искали безопасности от Литвы в дремучих лесах, но и там не всегда находили ее; литовцы преследовали их и в лесах, били одних, уводили в плен других, отнимали у них все имение. И русские бегали также пред литовцами, многие пред немногими, как зайцы пред охотниками; ливы и летты были пищею литовцев, как овцы без пастыря бывают добычею волков.

И вот Бог послал им доброго и верного пастыря, именно епископа Альберта. Добрый и верный пастырь нечаянно напал с большим войском на Герсик и овладел им; князь Всеволод успел спастись на лодках через Двину, но жена его со всею прислугой попала в плен. Немецкое войско пробыло целый день в городе, собрало большую добычу, снесло изо всех углов города платье, серебро, из церквей колокола, иконы и всякие украшения. На следующий день, когда все было приведено в порядок, немцы собрались в обратный путь и зажгли город. Увидавши с другого берега Двины пожар, князь Всеволод стал вопить: «Герсик! Любимый город, дорогая моя отчина! Пришлось мне увидеть, бедному, сожжение моего города и гибель моих людей!»

Епископ и все войско, поделивши между собой добычу, с княгиней и со всеми пленниками возвратились в Ригу, куда послали звать и князя Всеволода, если хочет получить мир и видеть освобождение своих. Князь приехал в Ригу, называл епископа отцом, всех латынцев братьями, просил только, чтоб выпустили

из плена жену и других русских. Ему предложили условие: «Хочет он отдать свое княжество навеки в дар церкви Св. Богородицы и потом взять его назад из рук епископа, так отдадут ему княгиню и других пленников»⁹. Всеволод согласился; поклялся открывать епископу и Ордену все замыслы русских и литовцев; но когда возвратился домой с женой и дружиной, то забыл обещание, начал опять сноситься с литовцами и подводить язычников против немцев кукейноских.

В то время, когда Полоцкое княжество теряло свои волости в Ливонии, новгородцы продолжали наступательные движения на страны, лежащие к западу от Чудского озера; эти походы новгородцев имели обыкновенно место в минуты лавов их с своими князьями; но такие минуты, к несчастью, были очень редки, и потому движения новгородцев не могли отличаться постоянством: это было причиной того, что они не могли так долго утвердиться в Эстонии; это же было и причиной того, что они не могли успешно спорить с немцами о господстве над нею. В описываемое время новгородцы находились в самом благоприятном положении: у них княжил знаменитый Мстислав Мстиславич Удалой, освободивший их от притеснений Всеволода III Суздальского; псковский стол держал брат его Владимир; и вот в 1212 году, по счету нашего летописца¹⁰, и двумя годами ранее, по счету немецкому, Мстислав с братом вторгнулись в страну чуди тормы, обитавшей в нынешнем Дерптском уезде, и, по обычаю, много людей попленили, скота бесчисленное множество домой привели. Потом на зиму пошел Мстислав с новгородцами на чудской город Медвежьё Голову (Оденпе); истребивши села вокруг, пришли под город; чудь поклонилась, дала дань, и новгородцы поздорову возвратились домой.

Но летописец немецкий гораздо подробнее описывает этот поход: князь Новгородский с князем Псковским и со всеми своими русскими пришли с большим войском в Унганнию и осадили крепость Оденпе; восемь дней отбивалась от них чудь; наконец, почувствовавши недостаток в съестных припасах, запросила мира; русские дали ей мир, окрестили некоторых своим крещением, взяли 400 марок *ногат*¹¹ и отступили в свою землю, обещавшись, что пришлют к ним своих священников, чего, однако, потом не сделали (из страха пред немцами, прибавляет летописец); должно думать, что не столько из страха пред немцами, сколько по недостатку должного внимания к делам эстонским.

Так новгородцы, пока жил у них Мстислав, ходили чрез Чудскую землю к самому морю, села жгли, укрепления брали и заставляли чудь кланяться и давать дань¹²; но Мстислав скоро созвал вече на Ярославовом дворе и сказал новгородцам: «Есть у меня дела в Руси, а вы вольны в князях». Новгородцы по-

прежнему стали ссориться с северными, суздальскими князьями, которые не любили собирать вече и давать им волю выбирать себе князей; чужь была опять забыта; а немцы между тем соединенными силами действовали постоянно в одном направлении, с одной целью. Чтоб удобнее заняться покорением эстов, леттов и других туземцев и чтоб обогатить Ригу торговлей с странами, лежащими при верхних частях Двины и Днепра, они решились заключить мирный договор с полоцким князем, причем епископ обязался вносить последнему ежегодно дань за ливов, порабощенных Рижской церковью и Орденom.

В то время, когда полоцкий князь, довольный данью, заключал мир с опасными пришельцами, Псков впервые обнаруживает к ним ту сильную неприязнь, какую будет отличать во всей последующей истории своей; в 1213 году псковичи выгнали князя своего Владимира за то, что он выдал дочь свою за брата епископа Альберта; изгнанник пошел было сначала в Полоцк, но, найдя там не очень приветливый прием, отправился к зятю в Ригу, где и принят был с честью, по свидетельству немецкого летописца. Владимир скоро имел случай отблагодарить епископа за это гостеприимство. Полоцкий князь, видя, что Орден воспользовался временем мира с русскими для того, чтоб тем удобнее покорить остальных туземцев и принудить их к принятию христианства, назначил в Герсике съехаться Альберту для переговоров. Епископ явился на съезд с князем Владимиром, рыцарями, старшинами ливов и леттов и с толпой купцов, которые были все хорошо вооружены.

Князь сперва говорил с Альбертом ласково, потом хотел угрозами принудить его к тому, чтоб он перестал насильно крестить туземцев, его подданных. Епископ отвечал, что он не отстанет от своего дела, не пренебрежет обязанностью, возложенной на него великим первосвященником Рима. Но кроме насильственного крещения из слов летописца можно заметить, что епископ не соблюдал главного условия договора, не платил дани князю, под тем предлогом, что туземцы, не желая работать двум господам, и немцам и русским, умоляли его освободить их от ига последних¹³. Князь, продолжает летописец, не хотел принимать справедливых причин, грозился, что сожжет Ригу и все немецкие замки, и велел войскам своим выйти из стана и выстроиться к бою; провожатые епископа сделали то же самое; в это время Иоанн, пробст Рижской Богородичной церкви, и псковский изгнанник князь Владимир подошли к полоцкому князю и начали уговаривать его, чтоб он не начинал войны с христианами; представили, как опасно сражаться с немцами, людьми храбрыми, искусными в бою и жаждущими померять силы свои с русскими.

Князь будто бы удивился их отваге, велел войску своему возвратиться в стан, а сам подошел к епископу, называя его духовным отцом; тот с своей стороны принял его как сына; начались мирные переговоры, и князь как будто под внушением свыше уступил епископу всю Ливонию без всякой обязанности платить дань, с условием союза против Литвы и свободного плавания по Двине.

Как ни мало удовлетворителен является этот рассказ немецкого летописца, историк должен принять одно за достоверное, что епископ перестал платить дань полоцкому князю и что тот не имел средств принудить его к этому. Владимир Псковский был награжден за свои услуги местом фохта в одной из провинций ливонских; но, творя суд и расправу над туземцами, он много пожинал такого, чего никогда не сеял, по выражению летописца; не понравился его суд ратцебургскому епископу и всем другим, так что он увидел себя в необходимости отправиться в Россию, исполняя желание многих, прибавляет летописец; скоро, однако, он опять возвратился с женой, сыновьями и всем семейством и вступил снова в исправление своей должности, не к удовольствию подчиненных, прибавляет тот же летописец, потому что скоро опять поднялись жалобы против него, опять он должен был выслушивать упреки немецких духовных; это ему наскучило наконец, и он в другой раз выехал в Россию, где был принят снова псковичами.

Избавившись от Владимира, немцы захотели избавиться и от другого русского князя, остававшегося в Ливонии хотя в качестве подручника епископского, князя Всеволода Герсикского. Кокенгаузенские (кукейноские) рыцари начали обвинять его в том, что он не является к епископу, своему отцу и господину, держит совет с лигвой, подает ей помощь во всякое время. Несколько раз требовали они его к ответу, Всеволод не являлся; тогда рыцари по согласию епископа подступили нечаянно к городу, взяли его хитростью, ограбили жителей и ушли назад; это было в 1214 году; в следующем 1215 году немцы опять собрали войско и в другой раз овладели Герсиком, в другой раз опустошили его; но Всеволод уже успел послать к литовцам за помощью; те явились, принудили немцев оставить город и нанесли им сильное поражение.

Так рассказывает древнейший летописец Ливонский¹⁴; но в позднейших хрониках читаем иное, а именно что князь Всеволод был убит во время второго нападения немцев на его город и последний окончательно разрушен; о литовской помощи не говорится ни слова¹⁵, тогда как в древнейшей летописи под 1225 годом упоминается опять о герсикском князе Всеволоде, который приезжал в Ригу видеться с папским легатом¹⁶. Как бы то ни было, верно одно, что Герсик раньше или позднее подпал

власти немцев. Между тем Владимиру Псковскому удалось отомстить за свои обиды: в 1217 году он отправился с новгородцами и псковичами к постоянной цели русских походов — к Оденпе и стал под городом.

Чудь, по обычаю, начала слать с поклоном, но на этот раз обманывала, потому что послала звать немцев на помощь; новгородцы собрали вече поодаль от стану и начали толковать с псковичами о предложениях чуди, ночные сторожа сошли с своих мест, а дневные еще не пошли им на смену, как вдруг нечаянно явились немцы и ворвались в покинутые палатки; новгородцы побежали с веча в стан, схватили оружие и выбили немцев, которые побежали к городу, потерявши трех воевод; из них двое были убиты а третий попался в плен; новгородцы взяли также 700 лошадей и возвратились поздорову домой¹⁷; немецкий летописец прибавляет, что русские заключили договор с немцами, чтоб последние оставили Оденпе, причем Владимир захватил зятя своего Феодориха, епископского брата, и отвел в Псков.

Вероятно, удачный поход Владимира ободрил эстов, и они решились свергнуть иго пришлецов. С этой целью они отправили послов в Новгород просить помощи; новгородцы обещали прийти к ним с большим войском и не исполнили обещания, потому что у них с 1218 по 1224 год пять раз сменялись князья, происходили постоянные смуты, ссоры князей с знаменитым посадником Твердиславом. Эсты, понадеявшись на новгородские обещания, встали, но не могли одни противиться немцам и принуждены были опять покориться.

Новгородцы явились уже поздно в Ливонию с князем своим Всеволодом¹⁸, в 1219 году; имели успех в битве с немцами, но понапрасну простояли две недели под Венденом и возвратились домой поздорову. Также без следствий остались два другие похода новгородцев: в 1222 году — под Венден и в 1223 году — под Ревель; в обычных выражениях рассказывает летописец, что они повоевали всю Чудскую землю, полона привели без числа, золота много взяли, но городов не взяли и возвратились все поздорову¹⁹. Тут же, в летописи, видим и причины, почему эти походы, кроме опустошения страны, не имели других следствий: после первого похода в 1223 году князь Всеволод тайком ушел из Новгорода со всем двором своим и оставил граждан в печали; после второго — князь Ярослав также ушел в свою постоянную волость, Переяславль Залесский, сколько новгородцы ни упрасивали его остаться.

А между тем немцы действовали: в роковой 1224 год, когда Южная Русь впервые узнала татар, на западе пало пред немцами первое и самое крепкое поселение русское в Чудской земле — Юрьев, или Дерпт. Здесь начальствовал в это время тот самый князь Вячеслав, или Вячко, который принужден был немцами

покинуть свою отчину Кукейнос. Вячко хорошо помнил обиду и был непримиримым врагом своих гонителей: брал он дань со всех окружающих стран, говорит немецкий летописец, а которые не давали дани, на те посылал войско и опустошал, причиняя немцам всякое зло, какое только было в его власти²⁶; в нем находили себе защиту все туземцы, восставшие против пришлецов.

Это особенно возбуждало злобу последних к Вячку; наконец решились они собрать все свои силы, чтоб овладеть ненавистным притоном, где, по словам их летописца, собраны были все злодеи, изменники и убийцы, все враги церкви Ливонской, под начальством того князя, который исстари был корнем всех зол для Ливонии. Отправились под Юрьев все рыцари Ордена, слуги Рижской церкви, пришлые крестоносцы, купцы, граждане рижские, крещеные ливы и летты; 15 августа, в день Успения Богородицы, Юрьев был осажден. Немцы приготовили множество малых осадных машин, из огромных деревьев выстроили башню в уровень с городскими стенами и под ее защитой начали вести подкоп; ночь и день трудилась над этим половина войска, одни копали, другие относили землю. На следующее утро большая часть подкопанного рухнула, и машина была продвинута ближе к крепости. Несмотря на то, осаждающие попытались еще завести переговоры с Вячком: они послали к нему несколько духовных особ и рыцарей предложить свободный выход из крепости со всею дружиной, лошадьми, имением, если согласится покинуть отступников-туземцев; Вячко, ожидая прихода новгородцев, не принял никаких предложений.

Тогда осада началась с новой силой и продолжалась уже много дней без всякого успеха; искусство и мужество с обеих сторон было равное, осаждающие и осажденные равно не знали покоя ни днем, ни ночью: днем сражались, ночью играли и пели. Наконец немцы собрали совет: двое вождей пришлых крестоносцев, Фридрих и Фредегельм, подали мнение. «Необходимо,— сказали они,— сделать приступ и, взявши город, жестоко наказать жителей в пример другим. До сих пор при взятии крепостей оставляли гражданам жизнь и свободу и оттого и остальным не задали никакого страха. Так теперь положим: кто из наших первый взойдет на стену, того превознесем почестями, дадим ему лучших лошадей и знатнейшего пленника, исключая этого вероломного князя, которого мы вознесем выше всех, повесивши на самом высоком дереве».

Мнение было принято. На следующее утро осаждающие устремились на приступ и были отбиты. Осажденные сделали в стене большое отверстие и выкатили оттуда раскаленные колеса, чтоб зажечь башню, которая наносила столько вреда крепости; осаждающие должны были сосредоточить все свои силы,

чтоб затушить пожар и спасти свою башню. Между тем брат епископа Иоганн фон Аппельдерн, неся огонь в руке, первый начинает взбираться на вал, за ним следует слуга его Петр Оге, и оба беспрятственно достигают стены; увидав это, остальные ратники бросаются за ними, каждый спешит, чтоб взойти первому в крепость, но, кто вошел первый, осталось неизвестным; одни поднимали друг друга на стены, другие ворвались сквозь отверстие, сделанное недавно самими осажденными для пропуска раскаленных колес; за немцами ворвались летты и ливы, и началась резня: никому не было пощады; русские долго еще бились внутри стен, наконец были истреблены; немцы окружили отовсюду крепость и не позволили никому спастись бегством. Из всех мужчин, находившихся в городе, оставили в живых только одного — слугу князя Суздальского: ему дали лошадь и отправили в Новгород донести своим о судьбе Юрьева, и новгородский летописец записал: «Того же лета убиша князя Вячка немци в Пюргеве, а город взяша»²¹.

Что же новгородцы? Перенесли спокойно унижение русских владений в Чудской земле? Следующий рассказ летописца всего лучше покажет нам, имели ли возможность новгородцы предпринять что-нибудь решительное. В 1228 году князь Переяславля Залесского Ярослав Всеволодович, призванный княжить в Новгороде, отправился с посадником и тысяцким в Псков. Псковичи, узнавши, что идет к ним князь, затворились в городе и не пустили его к себе: пронеслась весть в Пскове, что Ярослав везет с собой оковы, хочет ковать лучших мужей.

Ярослав возвратился в Новгород, созвал вече на владычном дворе и объявил гражданам, что не мыслил никакого зла на псковичей: «Я,—говорил он,—вез к ним не оковы, а дары в коробьях, ткани дорогие, овощи, а они меня обесчестили»,—и много жаловался на них новгородцам. Скоро после этого он привел полки из Переяславля, с тем чтоб идти на Ригу. Псковичи, узнавши об этом, заключили отдельный мир с немцами, дали им 40 человек в заложники, с тем чтоб они помогли им в случае войны с новгородцами. Но последние также заподозрили Ярослава, стали говорить: «Князь-то нас зовет на Ригу, а сам хочет идти на Псков». Ярослав опять послал сказать псковичам: «Ступайте со мною в поход, я зла на вас не думал никакого, а тех мне выдайте, кто наговорил вам на меня». Псковичи велели отвечать ему: «Тебе, князь, кланяемся и вам, братья новгородцы, но в поход нейдём и братья своей не выдаём, а с рижанами мы помирились; вы к Кольваню (Ревелю) ходили и, взявши серебро, возвратились ничего не сделавши и города не взявши, также и у Кеси (Вендена), и у Медвежьей Головы (Оденпе), и за то нашу братью немцы избии на озере, а других в плен взяли; вы немцев только раздразнили, да сами ушли прочь, а мы поплатились. А теперь

на нас, что ли, идти вздумали? Так мы против вас с Святой Богородицей и с поклоном: лучше вы нас перебейте, а жен и детей наших в полон возьмите, чем поганые; на том вам и кланяемся». Новгородцы сказали тогда князю: «Мы без своей братьи, без псковичей, нейдём на Ригу, а тебе, князь, кланяемся»; много уговаривал их Ярослав, и не пошли; тогда он отпустил свои полки назад в Переяславль. Можно ли было при таких отношениях успешно бороться с немцами?

Смуты в Новгороде и Пскове продолжались; боролись две стороны: одна стояла за князей северных, суздальских, другая — за южных, черниговских; в Новгороде осилила первая сторона, во Пскове — вторая²²; напоследок и псковичи принуждены были мириться с Ярославом Всеволодовичем, пришли к нему с поклоном и сказали: «Ты наш князь!» Эти борьбы сторон и смена князей имели то следствие, что бояре — предводители стороны побежденной — и даже сами князья перебегали к немцам и наводили их на русские волости. Так и в описываемое время, в 1233 году, один из главных приверженцев побежденной черниговской стороны, Борис Негочевич, вместе с князем Ярославом Владимировичем, сыном известного уже нам Владимира Мстиславича, находились у немцев и с их полками овладели нечаянно Изборском; но псковичи немедленно обступили этот город и взяли его обратно.

Время было удобное действовать против немцев: Новгород и Псков в соединении под одним князем, а между тем Ливония лишилась своего великого Альберта, умершего в 1229 году. Магистр Ордена Волквин, которому тяжка была зависимость от Альберта, решился воспользоваться его смертью, чтоб высвободить себя из-под зависимости от преемника Альбертова, которым был назначен Николай из Магдебурга. С этой целью он решился соединить свой Орден с Немецким орденом, который процветал тогда под начальством магистра Германа фон Залца; но Герман отклонил на этот раз предложение Волквина, и, таким образом, орден Ливонский был пока предоставлен собственным силам, которых вовсе не было достаточно для отпора русским, если бы только последние могли сообщить постоянство своим стремлениям. В 1234 году князь Ярослав привел в Новгород множество войска, по выражению летописца, взял новгородцев и всю область их, выступил на немцев под Юрьев и стал недалеко от города, отпустив людей своих воевать окрестную страну для сбора съестных припасов, что называлось тогда «воевать в зажитие». Немцы сделали вылазку из Юрьева, другие — из Оденпе, но русские побили их; несколько лучших немцев пало в битве, но больше погибло их на реке, когда под ними обломился лед; русские, воспользовавшись победой, опустошили их землю, истребили хлеб; тогда немцы поклонились князю, и Ярослав заключил с ними мир *на всей своей правде*.

Последние слова могут вести к тому заключению, что тут-то Ярослав выговорил дань с Юрьева для себя и для всех преемников своих, ту знаменитую дань, которая после послужила Иоанну IV поводом лишить Ливонию независимости. Этот поход Ярослава был, вероятно, одной из главных причин, почему Волквин возобновил старание о соединении обоих Орденов в один. В 1235 году Герман фон Залц для разузнания состояния дел в Ливонии отправил туда Еренфрида фон Неуенбурга, командора Алтенбургского, и Арнольда фон Неуендорфа, командора Нетельстандтского. Они возвратились и привели с собой троих депутатов от ливонских рыцарей. Лудвиг фон Оттинген, наместник великого магистра в Пруссии, собрал капитулу в Марбурге, где ливонские рыцари обстоятельно были допрашиваемы об их правилах, образе жизни, владениях и притязаниях; потом спрошены были командоры, посылавшиеся в Ливонию. Еренфрид фон Неуенбург представил поведение рыцарей Меча вовсе не в привлекательном свете, описал их людьми упрямыми и крामольными, не любящими подчиняться правилам своего Ордена, ищущими прежде всего личной корысти, а не общего блага, «а эти,— прибавил он, указывая пальцем на присутствующих рыцарей ливонских,— да еще четверо мне известных хуже всех там»²³.

Арнольд фон Неуендорф подтвердил слова своего товарища, после чего неудивительно было, что когда стали собирать голося — принимать ли меченосцев в соединение, то сначала воцарилось всеобщее молчание, а потом единогласно решили — дожидаться прибытия великого магистра. Но медлить скоро нельзя стало более: в 1236 году магистр Волквин сделал опустошительный набег на Литву; но скоро был окружен многочисленными толпами туземцев и погиб со всем своим войском. Остальные меченосцы отправили посла в Рим представить папе беспомощное состояние Ордена и церкви Ливонской и настоятельно просить о соединении их с орденом Тевтонским.

Папа Григорий IX признал необходимость этого соединения, и оно воспоследовало в 1237 году; первым провинциальным магистром Ливонским был назначен Герман Балк, известный уже своими подвигами в Пруссии. Но в то самое время как ливонские рыцари получали новые силы вследствие соединения своего с Тевтонским орденом, Русь, казалось, должна была пасть пред усилиями могущественных врагов, поднявшихся на нее со всех сторон. С востока явились монголы, сильно опустошили большую часть русских областей и для избежания будущих нашествий заставили князей платить себе дань и брать от своих ханов ярлыки; Литва, усилившая в последнее время свои опустошительные набеги, скоро перестала довольствоваться одними набегами и начинает наступательные движения с целью прочных завоеваний; с той же целью наступают с северо-запада шведы, с которыми до сих пор

почти не было вовсе неприязненных столкновений; наконец, укрепившийся в силах Ливонский орден требует также своей части в добыче и во что бы то ни стало хочет овладеть по крайней мере Псковом.

В этой борьбе Новгород и Псков были предоставлены большей частью собственным силам: князьям низовым, или владимирским, было много дела у себя вследствие утверждения нового порядка вещей, беспрестанных усобиц для усиления одного княжества на счет всех других и монгольских отношений; Новгород взял на свою долю борьбу со шведами, а Псков, бедный средствами Псков должен был вести борьбу с двумя самыми опасными врагами — Литвой и немцами при внутреннем неустройстве, при частом отсутствии князя, при ссорах с старшим братом своим, Новгородом Великим.

Самым сильным ударам с трех сторон Новгород и Псков подверглись с 1240 года; они выдержали их и этим преимущественно обязаны были знаменитому сыну князя Ярослава, Александру Невскому, который стал княжить у них после отца, с 1236 года. В то самое время как Александр славно отбил на Неве шведов, немцы (опять с князем Ярославом Владимировичем) взяли Изборск. Псковичи вышли к ним навстречу и были разбиты, потеряли воеводу Гаврилу Гориславича²⁴, немцы по следам бегущих подступили ко Пскову, зажгли посады, окрестные села и целую неделю стояли под городом.

Псковичи принуждены были исполнить все их требования и дали детей своих в заложники; в Пскове начал владеть вместе с немцами какой-то Твердило Иванкович, который и подвел врагов, как утверждает летописец; мы уже видели во вражде сторон причину таких измен. Приверженцы побежденной стороны бежали с женами и детьми в Новгород, но жителям последнего было не до них; они поссорились с своим князем, и Александр уехал из Новгорода к отцу в Переяславль. А между тем немцы не были довольны Псковом: вместе с чудью напали они на Вотскую пятину, завоевали ее, наложили дань на жителей и, намереваясь стать твердой ногой в новгородских областях, построили крепость в Копорье-погосте, по берегам Луги взяли всех лошадей и скот: по селам нельзя было земли пахать, да и нечем; по дорогам в тридцати верстах от Новгорода неприятель бил купцов.

Тогда новгородцы послали Владыку своего и бояр опять за Александром, и Ярослав отпустил его к ним. Приехавши в Новгород в 1241 году, Александр немедленно пошел на немцев к Копорью, взял крепость, гарнизон немецкий привел в Новгород, часть его отпустил на волю, только изменников вожан и чудь перевешал. Но нельзя было так скоро освободить Псков: только в следующем 1242 году, когда пришла на помощь рать низовая,

Александр выступил ко Пскову и взял его, причем погибло семьдесят рыцарей со множеством простых ратников, 6 рыцарей взяты в плен и замучены, как говорит немецкий летописец²⁵.

После этого Александр вошел в Чудскую землю, во владение Ордена; войско последнего встретило один из русских отрядов и разбило его наголову; когда беглецы принесли Александру весть об этом поражении, то он отступил к Псковскому озеру и стал дожидаться неприятеля на льду его, который был еще крепок пятого апреля. На солнечном восходе началась знаменитая битва, слышущая в наших летописях под именем *Ледового побоища*. Немцы и чудь пробились *свиньею* (острой колонной) сквозь русские полки и погнали уже бегущих, как Александр обошел их с тыла и решил дело в свою пользу; была злая сеча, говорит летописец, льда на озере стало не видно, все покрылось кровью; русские гнали немцев по льду до берега на расстоянии семи верст, убили у них 500 человек, а чудь—бесчисленное множество, взяли в плен 50 рыцарей. «Немцы,—говорит летописец,—хвалились: возьмем князя Александра руками, а теперь их самих Бог предал ему в руки»²⁶.

Когда Александр возвращался в Псков после победы, то пленных рыцарей вели пешком подле коней их²⁷; весь Псков вышел навстречу к своему избавителю, игумены и священники с крестами. «О псковичи,—говорит автор повести о великом князе Александре,—если забудете это и отступите от рода великого князя Александра Ярославича, то похожи будете на жидов, которых Господь напитал в пустыне, а они забыли все благодеяния Его; если кто из самых дальних его потомков придет в печали к вам жить во Псков и не примет его, не почтете, то назоветесь вторые жиды».

Александр не мог воспользоваться своей победой, ужасом, какой нагнала она на Ливонию; дела отзывали его на восток, во Владимир; в его отсутствие немцы прислали с поклоном в Новгород, послы их говорили: «Что зашли мы мечом, Воть, Лугу, Псков, летголу, от того от всего отступаемся; сколько взяли людей ваших в полон, теми разменяемся: мы ваших пустим, а вы наших пустите». Отпустили также заложников псковских и помирились.

Десять лет после того не поднимались немцы на Русь; только в 1253 году, ободренные удачными войнами с Литвой, они нарушили договор, пришли под Псков и сожгли посад, но самих их много псковичи били, говорит летописец. Видно, впрочем, что осада крепости тянулась до тех пор, пока пришел полк новгородский на выручку; немцы испугались, сняли осаду и ушли. В Новгороде было тихо в то время, и потому решились не довольствоваться освобождением Пскова, а идти пустошить

Ливонию: пошли за Нарову и *положили пусту Немецкую волость*; корела также много ей зла наделала. Псковичи с своей стороны не хотели оставаться в долгу: пошли в Ливонию, немцы поставили против них полк, и псковичи победили его. Тогда немцы послали в Псков и в Новгород просить мира на всей воле новгородской и псковской и помирились. Весь следующий год Новгород и Псков отдыхали, ниоткуда не показывался неприятель, внутри было тихо, урожай хорош, и летописец записал: «Добро было христианам»²⁸.

Но добро было непродолжительно: в следующем же году начались смуты. Новгородцы поссорились с князем Александром; потом наложена была татарская дань, шведы и литва приходили войной; потом опять отдыхали два года (1260 и 1261), и на третий (1262) собрались князья идти к старой отчине своей, к Юрьеву Ливонскому. Этот поход замечателен тем, что здесь в первый раз видим русских князей в союзе с литовскими для наступательного движения против немцев. Русские князья — брат Невского Ярослав и сын Димитрий — сговорились с Миндовгом Литовским, Тройнатом Жмудским и Тевтивилом Полоцким (Полоцк имел тогда уже литовских князей) ударить вместе на Орден. Миндовг явился пред Венденом, но тщетно дожидался русских и возвратился назад, удовольствовавшись одним опустошением страны. Когда ушла литва, явились русские полки и осадили Юрьев; немцы сильно укрепили город. «Был город Юрьев тверд, — говорит летописец, — в три стены, и множество людей в нем всяких, и оборону себе пристроили на городе крепкую»²⁹.

Город был взят приступом, сожжен; русские набрали много полону и товара всякого, но крепости взять не могли и ушли назад. Немецкий летописец прибавляет, что русские оставили Юрьев, слыша о приближении магистра Вернера фон Брейтгузена, и что последний по их следам вторгнулся в русские владения, опустошил их, но болезнь принудила его возвратиться³⁰.

Скоро после этого в Литве произошли события, которые имели важное влияние и на судьбу Пскова. Знаменитый Миндовг, первый собиратель Литовской земли, был убит родичами; убийцы немедленно поссорились при дележе имения убитого, начали усобицу, а между тем вышел из монастыря сын Миндовга, известный Воишелг, и начал страшно мстить убийцам отцовским. Во время этих-то смут прибежал в Псков один из литовских князей, Довмонт, с дружиной и с целым родом, принял крещение под именем Тимофея и был посажен псковитянами на столе Св. Всеволода; здесь в первый раз видим то явление, что русский город призывает к себе в князья литвина вместо Рюриковича; явление любопытное, потому что оно объясняет нам тогдашние понятия и отношения, объясняет древнее призвание самого Рюрика, объясняет ту легкость, с какой и другие западные русские

города в это время и после подчинялись династии князей Литовских. Псковичи не ошиблись в своем выборе: Довмонт своими доблестями, своей ревностью по новой вере и новом отечестве напомнил Руси лучших князей ее из рода Рюрика — Мстиславов, Александра Невского.

Через несколько дней после того, как псковичи провозгласили его своим князем, Довмонт, взявши с собой *три девяноста* дружины, отправился на Литовскую землю и повоевал свое прежнее отечество, пленил родную тетку свою, жену князя Гердена, и с большим полоном возвращался во Псков. Переправившись через Двину и отъехав верст пять от берега, он стал шатрами на бору, расставил сторожей по реке, отпустил два девяноста ратных с полоном во Псков, а сам остался с одним девяностом, ожидая за собою погони. Гердена и других князей не было дома, когда Довмонт пустошил их землю; возвратившись, они погнались с 700 человек вслед за ним, грозясь схватить его руками и предать лютой смерти, а псковичей иссечь мечами. Стража, расставленная Довмонтом на берегу Двины, прибежала и объявила ему, что литва уже переправилась через реку. Тогда Довмонт сказал своей дружине: «Братья мужи псковичи! Кто стар — тот отец, а кто молод — тот брат! Слышал я мужество ваше во всех сторонах; теперь перед нами, братья, живот и смерть. Братья мужи псковичи! Потянем за Святую Троицу, и за святые церкви, и за свое отечество!»

Поехал князь Довмонт с псковичами на литву и одним девяностом семейством победил³¹. Скоро после этого Довмонт принял участие в другой победе русских, более блистательной, смотря по числу сражавшихся и по воинскому искусству врагов. В 1268 году новгородцы, подумавши с посадником своим Михаилом, послали за князем Димитрием Александровичем, сыном Невского, звать его из Переяславля с полками; послали и к великому князю Ярославу; Ярослав прислал сына своего Святослава с полками; новгородцы сыскали мастеров, умеющих делать стенобитные орудия, и начали чинить *пороки* (стенобитные машины) на владычнем дворе. Немцы — рижане, феллинцы, юрьевцы, услыхавши о таких сборах, отправили в Новгород послов, которые объявили гражданам: «Нам с вами мир, переведывайтесь с датчанами-колыванцами (ревельцами) и баковорцами (везенбергцами), а мы к ним не пристаем, на чем и крест целуем» — и точно, поцеловали крест; новгородцы этим не удовольствовались, послали в Ливонию привести к кресту всех *пискупов* и *Божших дворян* (рыцарей), и те все присягнули, что не будут помогать датчанам. Обезопасив себя таким образом со стороны немцев, новгородцы выступили в поход под предводительством семи князей, в числе которых был и Довмонт с псковичами.

В январе месяце вошли они в немецкую землю и начали опустошать ее по обычаю; в одном месте русские нашли

огромную непроходимую пещеру, куда спряталось множество чуди; три дня стояли полки перед пещерой и никак не могли добраться до чуди; наконец один из мастеров, который был при машинах, догадался пустить в нее воду: этим средством чужь принуждена была выбежать из своего убежища и была перебита. От пещеры русские пошли дальше, к Раковору, но когда достигли реки Кеголы 18 февраля, то вдруг увидали перед собою полки немецкие, которые стояли как лес дремучий, потому что собралась вся земля немецкая, обманувши новгородцев ложной клятвой. Новгородцы, однако, не испугались, пошли к немцам за реку и начали ставить полки: псковичи стали по правую руку, князь Димитрий Александрович с переяславцами и с сыном великого князя Святославом стал по правую же руку повыше, по левую стал другой сын великого князя, Михаил, с тверичами³², а новгородцы стали в лицо железному полку против великой свињи и в таком порядке схватились с немцами. Было боище страшное, говорит летописец, какого не видали ни отцы, ни деды³³; русские сломили немцев и гнали их семь верст вплоть до города Раковора; но дорого стоила им эта победа: посадник с тринадцатью знаменитейшими гражданами полегли на месте, много пало и других добрых бояр, а черных людей — без числа; иные пропали без вести, и в том числе тысяцкий Кондрат.

Сколько пало неприятелей — видно из того, что конница русская не могла пробираться по их трупам; но у них оставались еще свежие полки, которые во время бегства остальных успели врезаться свињей в обоз новгородский; князь Димитрий хотел немедленно напасть на них, но другие князья его удержали. «Время уже к ночи, — говорили они, — в темноте смешаемся и будем бить своих». Таким образом, оба войска остановились друг против друга, ожидая рассвета, чтоб начать снова битву; но когда рассвело, то немецких полков уже не было более видно: они бежали в ночь. Новгородцы стояли три дня на костях (на поле битвы), на четвертый тронулись, везя с собой избивенных братьев, честно отдавших живот свой, по выражению летописца³⁴. Но Довмонт с псковичами хотели воспользоваться победой, опустошили Ливонию до самого моря и, возвратившись, наполнили землю свою множеством полона³⁵. Латины³⁶ (немцы), собравши остаток сил, спешили отомстить псковичам: пришли тайно на границу, сожгли несколько псковских сел и ушли назад, не имея возможности предпринять что-нибудь важное; их было только 800 человек; но Довмонт погнался за ними с 60 человек дружины и разбил.

С этим пор видим целый ряд рыцарских походов под Псков, целый ряд осад; иногда немцам удавалось овладевать предместьями, но тем дело и ограничивалось; при жизни Довмонта дорого обходились немцам эти осады: два раза потерпели они от

него сильное поражение; притом же он мстил им вторжением в их собственную землю. С этих пор Псков принимает значение *оплечья* Новгороду и всей Русской земле от ливонских немцев, берет на себя их удары, привыкает к жестоким битвам под своими стенами. В 1299 году умер Довмонт, много пострадавши (потрудившись) за Св. Софию и за Св. Троицу³⁷ — лучшая похвала князю от летописца: литовский выходец сравнился им с Мономахом. Летописец прибавляет, что Довмонт был милостив безмерно, священников любил, церкви украшал, нищих миловал, все праздники честно проводил, за сирот, вдов и всяких обиженных заступался.

По смерти Довмонта для Пскова наступило тяжелое время; помощи ниоткуда не было; на востоке начинаются усобицы — сперва между сыновьями Невского, потом между Тверью и Москвой; Москва усиливается, но сначала ей еще много дела около себя, долго еще она не может обращать внимания на Псков; Новгород занят также этими усобицами и борьбой со шведами; притом же у него с Псковом начинаются неприятности, переходящие иногда в открытую вражду. О причинах ее нельзя получить от летописца ясного понятия: стремление Пскова выйти из-под опеки старшего брата своего, Новгорода, мы замечаем с самого начала; но теперь, как видно, вследствие уже непрерывной борьбы с сильным внешним врагом у псковичей все сильнее и сильнее развивалось сознание собственного достоинства, своего значения для Новгорода и Руси, а вместе с тем усиливалось и стремление к независимости.

Новгородцы, разумеется, не могли смотреть на это равнодушно и не могли сильно принимать к сердцу затруднительное положение младших братьев: отсюда жалобы последних на холодность новгородцев, оставление без помощи, что еще более усиливало размолвку; притом же, не имея возможности дать чувствовать псковичам свое господство в политическом отношении, новгородцы сильно давали чувствовать его в церковном, вследствие того что Псков был подведомствен их владыке: отсюда постоянные неприятности, постоянное стремление псковичей отложиться от новгородского владыки, получить для себя особого епископа — стремление, подавшее повод даже к происхождению известной ереси стригольников, так долго и сильно волновавшей Северо-Западную Русь.

Когда князья русские приезжали во Псков, то граждане принимали их с честью, от всего сердца³⁸; но эти князья не могли долго оставаться у Св. Троицы, не могли ходить с псковичами на немцев или отсиживаться в осаде от последних; в таких обстоятельствах псковичи принуждены бывали посылать в Литву за тамошними князьями. Так, после Довмонта они держали у себя литовского князя Давыда. В 1324 году немцы во время мира

перебили псковских купцов на озере и рыболовов на реке Нарове, опустошили часть их волости: псковичи послали в Литву за князем Давыдовым, пошли с ним за Нарову и опустошили землю до самого Ревеля.

Весною, в марте месяце, пришли немцы подо Псков со всею силою, стояли у города три дня и ушли с позором; но в мае явились опять, загордившись, в силе тяжкой, *без Бога*³⁹: пришли на кораблях, и в лодках, и на конях, с стенобитными машинами, подвижными городками и *многим замышлением*. На первом приступе убили посадника; стояли у города 18 дней, били стены машинами, придвигали городки, приставляли лестницы. В это время много гонцов гоняло из Пскова к великому князю Юрию Даниловичу и к Новгороду, со многою печалию и тугою: очень тяжело было в то время Пскову, как вдруг явился из Литвы князь Давыд с дружиною, ударил со псковичами на немцев, прогнал их за реку Великую, машины отнял, городки зажег, и побежали немцы со стыдом; а князь великий Юрий и новгородцы не помогли, прибавляет летописец.

В 1327 году встала на Псков гроза с другой стороны, с востока: князь Александр Тверской явился во Псков искать убежища от Иоанна Калиты Московского и татарской рати; но Калита нашел его и во Пскове: он поднял всю землю Русскую и Новгородскую и отправил послов во Псков к Александру с требованием, чтоб тот ехал в Орду и не губил христиан погаными. Александр хотел уже ехать, но псковичи сказали ему: «Не езд, господин, в Орду; что б с тобою ни случилось, помрем с тобою на одном месте». Калита догадался, что нельзя взять Александра из Пскова, ни выгнать ратью, и уговорил митрополита Феогноста, чтобы тот положил проклятие на князя Александра и на весь Псков.

Тогда Александр сказал псковичам: «Братья мои и друзья мои! Не будь на вас проклятия ради меня; еду вон из вашего города, снимаю с вас крестное целование, только целуйте крест, что не выдадите княгини моей». Псковичи целовали крест и отпустили Александра, хотя очень горьки были им его проводы: тогда, говорит летописец, была во Пскове туга, и печаль, и молва многая по князе Александре. Через полтора года, впрочем, Александр возвратился опять во Псков и княжил здесь 10 лет, самых спокойных и счастливых для Пскова. Имея особого князя, псковичи хотели получить полную независимость от Новгорода, хотели иметь и особого епископа. В 1331 году псковские послы от князя Александра и литовские от князя Гедимина явились на Волынь к митрополиту Феогносту и привели с собою инок Арсения, прося митрополита поставить его епископом во Псков; митрополит не согласился на такую новость, и новгородцы сильно этому обрадовались. «Псковичи хотели поставить Арсения на владычество, — говорит новгородский летописец, — а Нов-

город считали за ничто уже; вознеслись высокоумием своим, но Бог и Святая София низлагают всегда высокомыслящих, потому что псковичи изменили крестное целование к Новгороду, посадили себе князя Александра из литовской руки»⁴⁰.

Несмотря на долговременное пребывание во Пскове, Александр не мог свыкнуться со своим положением и не переставал тосковать по своей отчине Твери. «Если умру здесь,—говорил он,—то что останется моим детям? Всем известно, что я убежал из своего княжения и умер в чужой волости: так дети мои непременно будут лишены своего княжества»⁴¹. Эта забота о детях заставила его стараться о примирении с ханом, успевши в чем, он возвратился в Тверь, а Псков по-прежнему предоставлен был самому себе; никто не хотел помочь ему в борьбе с немцами.

После осады Пскова в 1323 году до 1341 года мы не встречаем известий о войне Пскова с немцами: причина была та, что уже давно, еще с конца XIII века, в Ливонии происходили усобицы. Мы видели, что главным деятелем при утверждении немецкого владычества в Ливонии был епископ Рижский, по старанию которого был учрежден Рыцарский орден, необходимо становившийся в служебное отношение к рижской церкви. Но легко понять, что мир не мог долго сохраняться между двумя учреждениями, из которых у одного были материальные средства, право силы, меча, у другого же одни права исторические и духовные; легко понять, что первое не могло долго подчиняться последнему; епископы также не хотели уступить магистрам своего первенствующего положения, следствием чего была усобица. Особенно разгорелась она при магистре Бруно и архиепископе Иоанне фон дер Фехте; не имея достаточно собственных материальных средств для борьбы с рыцарями, епископ и рижане призвали себе на помощь литовцев — язычников!

Началась ожесточенная война; в течение 18 месяцев имели место девять битв, большую часть которых выиграли рыцари. В 1298 году литовский князь Витенес вторгнулся в Ливонию, встретился с войском рыцарей на реке Аа и нанес им страшное поражение: магистр Бруно, 60 рыцарей и множество простого войска полегли в битве; ободренные победой, войска рижские и литовцы осадили орденскую крепость Неумюль, но потерпели под нею поражение от тевтонских рыцарей, пришедших на помощь своим собратьям в Ливонии. Не видя возможности одолеть Орден материальными средствами, лифляндские епископы прибегли к другим: в это время, то есть в начале XIV века, внимание всей Западной Европы обращено было на страшный процесс храмовых рыцарей; великий магистр их уже был в оковах вместе с братьями, находившимися во Франции; ненависть Филиппа Красивого грозила печальным окончанием процесса.

Это подало надежду лифляндским епископам, что подобная участь может постигнуть и немецкий Орден в Пруссии и Ливонии. В 1308 году они подали папе обвинительный лист, в котором приписывали Ордену неуспех в обращении литовцев; обвиняли их в истреблении жителей Семигалии, когда те уже были христианами, и прочем; нашлось и обвинение вроде тех, которые тяготели над несчастными тамплиерами: епископы доносили, что когда рыцарь получал рану в битве, то остальные товарищи добивали его и сожигали тело по обычаю язычников. Папа Климент V назначил комиссию на месте для исследования справедливости жалоб; дело, как следовало ожидать, кончилось ничем; но епископы не удовлетворились таким окончанием его, и когда король Польский завел спор с Орденом о земле Поморской, когда архиепископ Гизенский, епископы Куявский, Плоцкий и Познанский встали против Ордена, то архиепископ Рижский соединился с ними в надежде, что такое сильное восстание достигнет наконец своей цели — низложения Ордена.

Всего больше архиепископ и рижане настаивали на том, что князья литовские и народ их давно были бы христианами и католиками, если бы не препятствовали тому рыцари — обвинение, имевшее на своей стороне вероятность: если бы в самом деле Литва приняла христианство, то Орден, которого целью было обращение язычников, тем самым должен был прекратить свое существование. Несмотря, однако, на все старания епископов, великий магистр фон Беффарт выиграл в Авиньоне дело в пользу Ордена, который был оправдан от всех взводимых на него обвинений: самым лучшим доказательством в пользу Ордена послужило представленное Беффартом папе оригинальное письмо архиепископа и рижан к литовскому князю с просьбою напасть на владения Ордена; но дело, решенное в Авиньоне, далеко было до окончания своего в Лифляндии, потому что при такой долгой борьбе за самые существенные интересы ненависть с обеих сторон достигла высшей степени и не могла скоро успокоиться.

Обманувшись в надежде повредить Ордену процессом у папы, рижане обратились опять к прежнему средству и вошли в сношения с литовскими язычниками против рыцарей. Тогда магистр Ливонский Ебергард фон Монгейм решился покончить дело оружием и, собравши большое войско, осадил Ригу. Около году длилась осада; наконец рижане, терпя сильный голод, запросили мира и получили его на тяжелых условиях: лучшие граждане должны были явиться в стан рыцарей и у ног магистра положить все привилегии. Потом, велевши засыпать часть городских рвов и понизить валы, магистр заложил новую крепость, которая должна была сдерживать беспокойное народонаселение.

Прекращение внутренней борьбы дало возможность Ордену возобновить свои наступательные движения на Псков. В 1341 го-

ду без объявления войны немцы убили псковских послов; псковичи отомстили им опустошением ливонских областей и, видя, что скоро должно ожидать сильного нападения, начали много кланяться новгородцам, чтобы дали им наместника и помощь; новгородцы не дали им ни того, ни другого, а между тем немцы пришли со всею силою, поставили городок на псковской земле. Предоставленные самим себе, псковичи начали мелкую войну, ездили воевать немецкие села. Как производилась подобная война, можно видеть из следующего рассказа летописца.

Двое удальцов — Филипп Ледович и Олферий Селкович, подговоривши 60 человек поречан, послали спросить островичей: «Хотите ли ехать воевать Латыгору?»⁴² Островичи согласились и назначили срок, когда собраться всем вместе на княжом селе — Изгоях. Поречане выехали в назначенное место и время; но островичи замедлили, а между тем немецкий отряд, состоявший более чем из 200 человек, явился опустошать Псковскую область; 60 человек псковичей, не дождавшись товарищей, схватились биться с немцами, бились с солнечного восхода до полудня, потеряли Ледовича и Селковича и еще семь человек своих, утомились и отступили: очень было им тогда притужно, говорит летописец⁴³. Немцы не преследовали их, а начали переправлять трупы своих убитых за реку Великую; в это время явились островичи с посадником своим Василием Онисимовичем, ударили с свежими силами на немцев, одних убили, другие потонули в реке, а те, которые переплыли ее с трупами, бросились бежать, покинувши мертвых.

В том же месяце 50 молодых псковичей сговорились идти на немцев под начальством калеки Карпа Даниловича, и в то же самое время немцы переехали Нарову-реку и стали воевать псковские села по берегу; Карпова дружина встретилась с ними на Кушели, у села на болоте, схватилась биться крепко и убила *на припоре* 20 немцев, а остальные побежали прочь со стыдом, бросивши все, что пограбили. Зимой Володша Строилович поднял псковичей воевать немецкие села, поехали по озеру, по льду, и, услышав, что немцы воюют село псковское Ренду, отправились туда и поразили их. Но еще при самом начале неприятельских действий псковичи, видя, что ниоткуда нет помощи, послали в Витебск к литовскому князю, знаменитому Ольгерду Гедиминовичу. «Братья наши новгородцы нас покинули, не помогают нам, помоги нам ты, господине!» — велели сказать ему псковичи.

Ольгерд не оставил псковского слова и приехал во Псков сам, с братом своим Кейстутом и полками литовскими и русскими. Воевода Ольгердов князь Юрий Витовтович, отправившись на границу добывать языка, наткнулся на сильную рать немецкую, которая шла к Изборску. Потерявши 60 человек своей дружины, Юрий прибежал в Изборск, а на другой день явились под этим

городом немцы, «загордившись, в силе тяжкой, без Бога, с пороками, городами и со многим замышлением, и оступили город Изборск, хотя пленить дом Св. Николы. Тяжко было в то время Изборску, послали жители его гонца во Псков «со многою тугою и печалию»»; но князь Ольгерд, и Кейстут, и мужи их литовники отrekliсь идти против немецкой силы; а псковичи одни не могли помочь изборянам. Пять дней стояли немцы под Изборском и вдруг отступили, пожегши пороки и города свои, не зная, что в Изборске воды не было и что он не мог долго держаться. После этого псковичи много приняли труда, уговаривая князя Ольгерда креститься и сесть у них во Пскове на княжение; Ольгерд согласился только на то, чтоб сын его Андрей крестился и остался княжить во Пскове⁴⁴.

В 1342 году псковичи, уговорившись с изборянами, подняли всю область Псковскую и поехали воевать немецкую землю. Пять дней и пять ночей воевали они села немецкие около Медвежьей Головы (Оденпе), не слезая с лошадей, воевали там, где не бывали их отцы и деды, и поехали назад во Псков с большим полоном. Немцы, собравши силу, погнались вслед за ними и догнали недалеко от Нового Городка немецкого, на Малом Борку. Стали псковичи на бой, помолились Святой Троице, святым князьям своим — Всеволоду и Тимофею (Довмонту), простились друг с другом и сказали: «Не опозорим отцов, потянем за Св. Троицу и за святые церкви, за свое отечество!» Была сеча великая, и Бог помог псковичам, побили они немцев и стали на костях, потерявши 17 человек убитыми; кроме того, некоторые из них обеспамятели от бессонницы и погибли, блудя по лесу; иные, впрочем, вышли после рати.

Между тем еще при самом начале битвы с немцами Руда, священник Борисоглебовский, пригнал в Изборск и распустил лихую весть, что всех псковичей и изборян немцы побили; ту же весть перенес и во Псков. Здесь поднялся плач и вопль, какого никогда прежде не бывало; отрядили гонцом в Новгород Фому, старосту поповского, сказать там: «Псковичи все побиты, а вы, новгородцы, братья наши, ступайте скорее, чтоб немцы не взяли прежде вас города». Опаматовавшись, однако, немного, послали проведать, точно ли правду сказал Руда, и нашли, что псковичи, которых считали мертвыми, спокойно спят в стане под Изборском. Сильная радость сменила горе, когда пришла во Псков эта добрая весть.

Лет шесть потом не было слышно о немцах: восстание туземцев в Эстонии и нашествие литвы, которая доходила до самой Риги, препятствовали Ордену думать о войне со Псковом. Но в 1348 году, когда войско псковское находилось в новгородских областях, помогая Новгороду в войне со шведами, немцы начали жечь псковские села, а весной внезапно явился отряд их у Изборс-

ка; в это время жил во Пскове литовский князь Юрий Витовтович; он вышел против немцев и был убит при первой стычке (на первом *сстуне*): была тогда во Пскове скорбь и печаль великая, все духовенство проводило князя, и положили его в церкви Св. Троицы. В том же году немцы поставили новую крепость под рекой Наровою; псковичи поняли опасность, подняли всю область и поехали с посадником Иваном — одни в лодках, другие на лошадях; приехали к Новому Городку, обступили и зажгли его; немцы и чудь, которые в нем были, — одни сгорели, другие пометались из крепости и были побиты псковичами.

Выше было упомянуто, что псковичи, не видя помощи от Новгорода, приняли Ольгердова сына Андрея, думая, что литовский князь будет защищать их от немцев; но Андрей не жил у них, а держал наместника; пока этим наместником был храбрый и любимый Юрий Витовтович, псковичи молчали; но после смерти его они послали сказать Андрею: «Тебе было, князь, сидеть самому во Пскове на княжении, а наместниками Пскова не держать; когда тебе не угодно сидеть у нас, в другом месте княжишь, то наместников твоих не хотим». Этим поступком псковичи накликали на себя новых врагов, не менее опасных, чем немцы: Ольгерд и Андрей немедленно захватили в своих владениях всех купцов псковских, товар у них отняли, самих отпустили только тогда, когда они заплатили окуп; кроме того, Андрей из Полоцка повоевал псковские села; псковичи отомстили Андрею тем же, и началась война с Литвой.

А между тем война с немцами велась уже не так счастливо, как прежде: летописец жалуется на *непособие Божие*: в 1368 году немцы пожгли посад у Пскова, и в то же время была рать в другом месте, и много голов пало добрых людей. В следующем году дела, впрочем, поправились: немцы приходили к Изборску со многим запасом замышлений своих, стояли 18 дней, били пороками в городе и ничего не сделали: ушли, узнав о приближении новгородской помощи; потом приходили ко Пскову, стояли три дня и также ничего не сделали. Псковичи поехали мстить им, сожгли один город и приехали домой со множеством полона.

Немцы после этого заключили мир, но рать встала с другой стороны: вместо немцев и литвы начали приходиться подо Псков новгородцы в силе великой и также должны были уходить с позором; о причинах войны и псковский и новгородский летописцы ничего не объявляют. Шесть лет продолжалась вражда между старшим и младшим братом; наконец в 1397 году заключили они мир: целовали крест с обеих сторон посадники и тысяцкие за Новгород и Псков, за пригороды и за все свои волости. Полная гражданская независимость Пскова от Новгорода была утверждена еще в 1348 году: в награду за помощь, которую псковичи оказали новгородцам в войне шведской, последние

дали жалование городу Пскову: посадникам новгородским во Пскове не сидеть, не судить, а от Владыки судить их брату псковитину; переносу дел из Пскова в Новгороде не быть, и назвали Псков младшим братом Новгороду⁴⁵.

С этих пор, то есть с конца XVI века, начинается перемена в судьбе Пскова: на востоке московские князья успели собрать Русскую землю в одно сильное государство, победили татар на Дону и не могли долее позволять литве и немцам обижать свою извечную отчину, город Св. Ольги. С 1399 года Псков начинает принимать наместников от руки московского князя; помощь последнего была особенно необходима в это время, когда в Литве княжил Витовт, жадными глазами смотревший на соседние русские волости: в 1398 году он заключил договор с Немецким орденом, одним из условий которого было поставлено, что литовский князь не будет иметь притязаний на Псков и поможет Ордену овладеть им, за что с своей стороны Орден поможет ему овладеть Новгородом. В 1406 году безо всякого объявления войны Витовт вошел в Псковскую волость и страшно опустошил ее; кроме убитых повел с собою в неволю 11 000 человек; под городом Вороночем наметали две барки мертвых детей. «Не было такой пакости, как Псков стал»,— говорит летописец.

Московская рать не могла помочь Пскову, потому что нашествие со стороны Витовта было сделано внезапно, без объявления войны, когда посол псковский был в Литве. Озлобленные псковичи не хотели откладывать места: посадник Юрий, набрав малую дружину *охочих людей*, вторгнулся в литовские области и много привел полону. Наместник московский, князь Данила Александрович, посадник Юрий и весь Псков били челом новгородским воеводам: «Пойдемте, господа, с нами на Литву мстить за кровь христианскую», но воеводы отвечали: «Нас Владыка не благословил идти на Литву, и Новгород нам не указал, а хотите, пойдем с вами на немцев». Тогда псковичи подняли всю свою область и начали осаждать Полоцк, но не могли взять его и только что успели возвратиться, как магистр Ливонский пришел со всей силой и ходил две недели по волости их; но известно, что значило тогда ходить по чужой волости.

В следующем году псковичи подняли всю свою область и пошли на немецкую землю, подстерегли немецкую рать, убили у нее 20 человек, да 7 взяли живых; потом пошли за Новый Городок, встретили другую немецкую рать, ударили на нее, убили 315 немцев, потеряли своих 34 человека и возвратились домой со многим добытком. Били тогда псковичи челом Новгороду, чтобы помог им, но трудились понапрасну: новгородцы не помогли им нимало. Тогда псковичи начали бить челом великому князю Московскому, Василию Димитриевичу, чтоб помог им; и князь

великий Василий разорвал с тестем своим великим князем Витовтом за псковскую обиду, а во Псков послал меньшего брата своего Константина.

Первым делом Константина по приезде во Псков было послать слугу своего в Новгород *на добро* Пскову, просить помощи на немцев; но и тут новгородцы отrekliсь, не помогли псковичам ни словом. Тогда князь Константин, *будучи юн верстою*, по выражению летописца, но совершен умом, поднявши всю область Псковскую и пригороды, пошел воевать за Нарову: повоевали много погостов, взяли много добычи: со времен князя Довмонта и князя Давыда псковичи не бывали еще так далеко в немецкой земле. Благополучно возвратились псковичи из счастливого похода; но скоро князь Константин уехал от них, и с его отъездом дела переменились: магистр пришел ко Пскову со всей немецкой силой; псковичи вышли к нему навстречу, четыре дня стояли друг против друга и бились об реку; немцы не отважились перейти ее и пошли уже назад, как псковичи, ободренные этим отступлением, перешли реку и погнались за ними. Немцы оборотились и нанесли им страшное поражение, убили троих посадников, множество бояр и сельских людей, всего 700 человек; немцам победа стоила также дорого, доказательством служит то, что они не могли воспользоваться ею. Это побоище, замечает летописец, было так же сильно, как Ледовое и Раковорское⁴⁶.

В то же самое время другая рать псковская потерпела неудачу за Наровою: принуждена была бросить свои лодки и бежать от неприятеля. А новгородцы, говорит летописец, взяли князя из Литвы, все псковичам наперекор (*в перечину*), вложил им дьявол злые мысли в сердце — любовь держат с литвой и с немцами, а псковичам не помогали ни словом, ни делом. В следующем 1408 году дела поправились; несмотря на соединенное нашествие немцев и литвы, врагам не удалось овладеть ни одним пригородом псковским, мало того, они потерпели неудачи в отдельных сшибках. В 1409 году новое нашествие немцев и литвы, опять безо всяких важных последствий, кроме поражения псковских охочих людей; наконец в 1410 году псковские посадники и бояре съехались с рыцарями и заключили мир по старине, по псковской воле: в чем состояла эта старина и воля — неизвестно.

Десять лет потом псковичи отдыхали от рати: в 1421 году поднялся на них Витовт, прислал объявить войну, а по истечении четырех недель и четырех дней после этого объявления пришел с силой великой литовской и татарами воевать псковские волости. Пришли сначала к Опочке и стали усердно лезть к городу; но опочане отбивались также усердно; Витовт назначил общий приступ, но, потерявши на нем много своей рати понапрасну, отступил от Опочки и пошел к Вороночу; здесь стоял три недели, все бил пороками стены; вороночанам стало очень тяжело, начали

слать вести во Псков: «Господа псковичи! Помогайте нам, думайте, гадайте об нас: нам очень *притужно*».

Псковичи послали бить челом Витовту, но он не хотел принимать их челобитья до тех пор, как в одну ночь поражен был страшным чудом, по выражению летописца: внезапно нашла туча страшная и грозная и дождь сильный, гром страшный, молния беспрестанная⁴⁷; думали, что все будут или потоплены от дождя, или от грома камнем побиты, или от молнии сожжены⁴⁸. Витовт сильно перепугался грозы, призвал вороночон и заключил с ними перемирие; скоро после этого пришла к нему весть, что четыреста псковичей разбили семитысячный отряд его, в другом месте татарские полки его также потерпели поражение. Все это заставило Витовта быть посговорчивее: он принял псковских послов и заключил с ними мир, взявши 1000 рублей. А новгородцы отправили к Витовту своего посла, посол встретил его на дороге, когда он шел на Псковскую волость, пошел вместе с литовской ратью, стоял с Витовтом и под Опочкою, и под Вороночем, а Пскову никакого добра не сделал, только еще большее зло.

Во все это время и долго после, до самых шестидесятых годов XV века, не было слуха о немцах: причиной тому было бедственное положение Немецкого ордена в Пруссии после жестоких поражений, нанесенных ему Польшей и Литвой, внутренние смуты в самой Ливонии, наконец, жестокое поражение, претерпенное магистром Керсдорпом от Витовта, после которого, по собственному признанию ливонских летописцев, Орден очень ослабел⁴⁹.

В 1459 году начинаются опять пограничные ссоры между псковичами и немцами; псковичи не давали в обиду и в 1460 году отправились, по обычаю, в немецкую землю, повоевали ее на 70 верст, три ночи ночевали в немецкой земле, много добра пограбили, погостов немецких много пожгли и божницу великую выжгли, крест с нее сняли и четыре колокола, взяли много немецких голов, и, между прочим, одного попа, а из своих не потеряли ни одного человека; *эту месть*, говорит летописец, псковичи *мстили* за то, что немцы повоевали по реке Нарове и пожгли Березскую волость.

Но псковичи хорошо знали, что немцы не замедлят также прийти мстить свою месть, и потому обратились за помощью к московскому великому князю Василью Васильевичу Темному, который был тогда в Новгороде, приводил новгородцев в свою волю. Псковичи отправили к нему посадников и бояр из всех концов — поднести в дар 50 рублей и бить челом, чтоб господин и государь великий князь жаловал и печаловался своею отчиною, мужами псковичами добровольными людьми, которые обижены от поганых немцев водою, землею и головами, и церкви Божии пожжены от поганых, на миру и на крестном целовании; послы должны были также бить челом великому князю, чтоб он позво-

лил у них быть наместником своим литовскому выходцу князю Александру Чарторыйскому.

Темный отвечал: «Я вас, свою отчину, хочу жаловать и боронить от поганных, как отцы наши и деды наши, князья великие; а что мне говорите о князе Александре Чарторыйском, и тем отчину свою жалую: если только князь Александр поцелует крест мне, великому князю, и моим детям, великим князьям, что ему зла на нас не хотеть, не мыслить; тогда будь он вам князь, а от меня наместник». Чарторыйский отказался и выехал из Пскова в Литву, сказавши на прощанье псковичам: «Когда станут псковичи соколом ворон ловить, тогда и меня, Чарторыйского, помянут».

Узнав об отъезде Чарторыйского, великий князь послал во Псков сына своего Юрия с боярами; псковичи встретили его, как прежде встречали Александра или Довмонта, возвращавшихся после знаменитых побед: посадники, бояре, все духовенство встретили его за городом, ввели в церковь Св. Троицы, пропели многие лета и посадили на стол отца его, великого князя Василия; после того как духовенство осенило его здесь крестом, посадники и весь Псков приняли его честно на княжий двор. В это время приехали послы от магистра Ливонского бить челом князю Юрию Васильевичу о перемирии с жителями Дерпта; Юрий принял челобитье и назначил съезд для окончательных переговоров, после чего, давши наместника псковичам, выехал из их города: посадники и весь Псков чтили и дарили его, дали ему 100 рублей и проводили его с честью 20 верст за псковский рубеж.

Так стало явно присутствие новой могущественной силы, которая должна была положить конец борьбе между Ливонией и Псковом. Влияние этой новой силы становится все более и более ощутительным в рассказе летописца. В 1461 году приехали немецкие послы в Великий Новгород бить челом *послу великого князя* и новгородцам, также и псковскому послу о перемирии, чтоб князь великий дал немцам перемирие со псковичами на пять лет; посол великого князя и Новгород, спросившись со псковичами, послали гонцов к великому князю в Москву объявить ему о челобитье послов немецких. «А впрочем,—говорили гонцы,—полагаем на тебя упование, государь князь великий!»⁵⁰ Великий князь позволил Новгороду и Пскову дать немцам перемирие на пять лет.

В 1462 году в Москве сел на стол Калиты Иоанн III, знаменитый отыскиватель старых прав княжеских; именем старины он заставил Новгород отказаться от старого быта своего; Ливонский орден должен был также вспомнить о старых правах русских князей на Ливонию. В 1463 году начались опять ссоры у псковичей с немцами; в Дерпте посадили в тюрьму посла и гостя

псковского. Псковичи посадили в тюрьму немецкого гостя, и вслед за тем, зимой, явилась немецкая рать к Новому Городку и начала бить пушками в его стены; получивши весть, что немцы под Новым Городком, собравшись наспех с двумя посадниками, в небольшом числе, поехали туда, а немцы, услышав, что идет псковская сила, отбежали от города и запас свой кинули. Но скоро опять пришла весть, что немцы воюют псковские села; тогда псковичи, собравшись с пригорожанами, пошли к Городку, но немцев уже не нашли: те убежали в свою землю. Посадники и псковичи стали думать, куда бы пойти за ними? И решили идти к Воронью Камню; когда вся псковская сила была уже на озере, пришел доброхот из-за рубежа, чужин, сказать, что сила немецкая собралась и хочет в ночь ударить на Колпино; псковичи возвратились, пошли к Колпину и, подошедши к нему на рассвете, увидали, что немцы жгут и воюют по волости, церковь Колпинскую зажгли и добычи много набрали.

Псковичи, не медля нимало, ударили на немцев, обратили их в бегство и гнали 15 верст по двум дорогам; не дивно ли и не достойно ли памяти, говорит летописец: в такой страшной сече из псковской рати не был убит ни один человек, тогда как немецкие трупы лежали мостом. В то же время другая псковская рать, охочие люди, ходила также воевать немецкую волость и возвратилась с большим полоном, а воеводой у них был Ивашко-дьяк; изборяне со своей стороны пожгли и попленили около Нового Городка немецкого. В старину этим и кончилось бы дело, опять до нового набега немцев; но теперь немцы имели дело уже не с одним Псковом; Псков был под властью великого князя Московского, брал наместника от его руки, и вот по челобитью псковичей явился к ним московский воевода Федор Юрьевич с полками и пошел с ними за Великую реку к Новому Городку немецкому; до сих пор немцы приходили осаждать Псков и его пригороды, псковичи довольствовались опустошением сел; но теперь псковичи с московским войском впервые начали осаждать Немецкий город, бить его стены пушками. Осада была неудачна: простоявши четверо суток, псковичи пустили большую пушкой в стену — и пушку разорвало; после этого приключения отошла вся сила от Городка, потому что был он крепок, замечает летописец.

Но в то время как главная псковская рать была с московским воеводой под Городком, во Пскове вспомнили старый обычай и отпустили охочих людей с посадником Дорофеем Елеферьичем в лодках воевать немецкую землю; кроме своих охочих людей набралось много пришлых: в то время удальцы, почуяв рать, возмужность добычи, собирались из разных мест; соединившись с псковскими охочими людьми, эти *прихожие люди* много воевали немецкую землю и, узнав, что главная сила отступила от

Городка, возвратились назад с большим полоном. Потом, услыхав, что немцы напали на берега Наровы, псковичи собрались было ехать туда, как явился гонец от Ордена с просьбой, чтобы немецким послам вольно было приехать во Псков на *поговорку* (переговоры о мире) и опять отъехать; псковичи *дали ему на том руке*, что вольно будет послам приехать и отъехать. *И по той руке* прислал магистр послов своих, честных людей и немцев добрых, бить челом воеводе великого князя, и наместнику, и всему Пскову, чтоб не воевали более с юрьевцами (жителями Дерпта) и не гибли бы головы с обеих сторон. Мир был заключен на 9 лет, и, по обычаю, Москва припомнила старину: епископ Дерптский обязался давать дань великому князю по старине, русский конец в своем городе и русские церкви также держать по старине, по старым грамотам, а не обижать. Воевода великого князя князь Федор Юрьевич сказал псковичам на вече: «Мужи псковичи, отчина великого князя, добровольные люди! Бог жаловал и Святая живоначалная Троица князя великого здоровьем, с немцами управу взяли вы по своей воле, а теперь на вашей чести вам челом бью» — и поехал из Пскова в Москву; псковичи проводили его с большой честью и на прощание дали тридцать рублей, а боярам, которые при нем были, дали всем 50 рублей.

Еще не вышел срок перемирию, как немцы в 1469 году пришли ратью на псковскую землю, побили у псковичей 26 человек и хоромы пожгли; привели их свои переветники — какой-то Иван Подкурский да Иван Торгоша; псковичи сначала никак не могли подозревать этих людей в измене, потому что сам Торгоша и весть привез в город о нападении немцев, за что получил и деньги; только через полтора года открылось, что эти люди, живя на рубеже, передавали немцам об всем, что делается в Псковской области; когда измена их открылась, то Подкурского замучили на бревне, а Торгошу за лытки на льду повесили.

Этот набег немцев не имел, впрочем, никаких следствий; в 1471 году приехал во Псков посол от магистра и объявил на вече, что *князь местер* хочет устроить себе стол в Вельяде (Феллине), переехать туда из Риги, хочет держать со псковичами мир крепкий, но требует, чтоб они поступились ему некоторыми спорными землями и водами. Псковичи дали ответ: «Волен князь местер, где хочет, там и живет, княжение держит, город ему свой, а что нам князь местер о земле и воде говорит, то земля и вода Святой Троицы, псковская вотчина, великих князей всяя Руси *страдание*⁵¹, там у нас теперь и города стоят; что же до мира, то мы хотим его держаться до срока».

В 1473 году был съезд послам ливонским и псковским в Нарве, но не могли ни в чем согласиться и разъехались без мира: тогда псковичи отрядили послов в Москву бить челом великому князю, чтоб оборонил их и на коня сел за дом Святыя Троицы, как

и прежде его прародители стояли против немцев. Иоанну III не нужно было много напоминать о старине и делах прародительских: в 1474 году знаменитый воевода его князь Данило Дмитриевич Холмский явился во Псков с большим войском, какого никогда еще не видывали псковичи: одних князей, говорит летописец, было 22 — из Ростова, Дмитрова, Юрьева, Мурома, Костромы, Коломны, Переяславля и из других городов. Сначала было Пскову от них *притужно* (тяжко), начали было они делать разные насилия, грабить, потому что с ними много приехали татар; но потом все воеводы и ратники стали брать у посадников кормы по уговору.

Убытки псковичей были вознаграждены тем, что немцы испугались московской силы и прислали просить мира на всей воле псковской: князь местер велел объявить, что отступается от земли и воды Св. Троицы и псковичей, своих соседей; обязывается во Псков из своей волости тайно пива и меду не пускать; путь псковским послам и гостям держать чистый; *колоду* (заставу) отложим по всей своей державе. Заключили договор на тридцать лет; договор этот дошел до нас.

«Государи наши,— говорится в грамоте,— благоверные великие князья русские и *цари* Иван Васильевич и сын его Иван Иванович прислали воеводу своего, князя Данило Дмитриевича, со многими князьями и боярами в дом Св. Троицы, в свою отчину, Великий Новгород и Псков, оборонять свою отчину, обид своих поискать на немцах на юрьевцах, своих даней и старых даней, своих залогов, и новгородских старин, и псковских обид и старин. И прислали честной бискуп Юрьевский, и посадники, и все юрьевцы послов своих и прикончили мир на тридцать лет таков: Святыя Божии церкви в Юрьеве, в Русском конце и Русской конец честному бискупу Юрьевскому, посадникам и всем юрьевцам держать честно по старине и по крестному целованью, а не обидеть. Дани благоверных великих князей русских царей, старые залого честному бискупу Юрьевскому за восемь лет отдать тотчас же, по крестному целованью, а от этого времени благоверным великим князьям русским царям на честном бискупе Юрьевском дань свою брать по старине, по тому крестному целованью. А новгородскому послу и гостю по Юрьевской земле путь чист на Юрьев, со всяким товаром, водою и *горою* (сухим путем); между Псковом и Юрьевым земли и воды по старый рубеж»⁵² и проч.

В знаменитый 1480 год, когда Московское государство видело в последний раз нашествие хана Золотой Орды, Псков испытал также нашествие магистра Ливонского: уже прежде начались несогласия, в немецких городах задерживали псковских купцов, отнимали у них товары, но открытого разрыва еще не было, как вдруг 1 января 1480 года немцы явились нечаянно перед Вышгородком, взяли его, сожгли, жителей перебили. Ночью приехал гонец из Псков: «Господа псковичи! Городок немцы взяли»,— и

в ту же ночь посадники дважды собрали вече, где решили выступить немедленно; но, как часто и прежде бывало, псковичи уже не нашли немцев в Вышгородке.

В ту же зиму немецкая рать явилась под Гловом, оступила городок, начала бить пушками, пожгла посад. Псковичи послали гонца к великому князю в Новгород просить силы на немцев; великий князь прислал воеводу, который соединился с псковской ратью, пошел на Юрьевскую волость и взял приступом замок немецкий: много добра вывезли из него псковичи, и пушек, и зелья пушечного, а немцы сами дались руками, увидавши свое изнеможение. Сожегши замок, русские пошли под Юрьев, города не взяли, но страшно опустошили окрестности: воевода великого князя и его сила много добра повезли в Москву с собой, чуди, и чудок, и ребят головами повели многое множество, без числа, говорит летописец; псковичи также возвратились с большой добычей⁵³.

Немцы ждали только ухода московского воеводы, чтоб отплатить псковичам: магистр Бернгард фон дер Борх пришел под Изборск; не маючи взять города, немцы пошли палить окрестности; псковичи увидали дым и огонь, выступили из города и встретились с немцами у озера; после стычки сторожевых полков главная рать, и немецкая и псковская, разошлась по домам без боя. Летом немцы пришли опять и начали жечь псковские городки: в городке Кобыльем погребло в пламени без малого 4000 душ; в августе пришел магистр со всей землей под Изборск, но, простояв понапрасну два дня у города, осадил Псков. Немцы били в стены пушками, подъезжали к ним в лодках, но также ни в чем не успели; псковичи обратили их в бегство и отняли лодки; по свидетельству немецкого летописца, магистр приводил под Псков сто тысяч войска⁵⁴.

На этот раз мстили не одни псковичи ничтожным пограничным набегом: в пределах Ливонии явилась двадцатитысячная московская рать, которая вместе с новгородцами и псковичами гостила четыре недели в немецкой земле, взяла два города — Феллин и Тарвест — и много добра вынесла из этих городов, а другого чего — и счесть нельзя; в плен взяли также бесчисленное множество немцев и немок, чуди, и чудок, и детей малых. Немецкий летописец в тех же чертах описывает это впадение русских войск в Ливонию; он говорит: «Сбылось на магистре фон дер Борхе слово Соломоново: человек и конь готовятся к битве, но победа исходит от Господа; собрал этот магистр против русских силу, какой прежде него никто не собирал, — и что же он с нею сделал?»⁵⁵

Орден ясно видел, что теперь дела приняли другой оборот, что ему приходится иметь дело не с одним Псковом, но с целым Московским государством, против которого нельзя действовать одними пограничными нападениями врасплох, и вот магистр Вальтер фон Плеттенберг заключил союз с литовским князем Александром, чтоб соединенными силами бороться с опасным

врагом. В 1501 году немцы объявили войну тем, что задержали в своих владениях псковских купцов; псковичи послали гонца в Москву с этой вестью, и великий князь выслал к ним на помощь воевод своих — князей Василия Шуйского и Данило Пенко. В 10 верстах за Изборском встретились русские воеводы с Плеттенбергом: псковичи первые схватились с неприятелем и первые побежали, потерявши посадника; немцы, говорит летописец, напустили ветер на русскую силу и пыль из пушек и пищалей; когда после бегства псковичей немцы обратили свои пушки и пищали на московскую силу, то была туча велика, грозна и страшна от стуку пушечного и пищального, что заставило и москвичей обратиться также в бегство.

Из этого описания ясно видно, что дело было решено немецкой артиллерией, с которой тогдашний русский *наряд* никак не мог соперничать. На другой день немцы пошли к Изборску, но изборяне сами сожгли свой посад и отбились; счастливее был Плеттенберг под Островом: ему удалось взять и сжечь город, причем погибло 4000 русских. От Острова немцы возвратились к Изборску, ночевали под ним одну ночь и отступили, оставив засаду: когда на другой день изборяне пришли в неприятельский стан и рассеялись по нем, немцы выскочили из засады и перебили их или перехватили. Но Плеттенберг не мог воспользоваться этой удачей: он спешил назад, потому что в полках его открылся кровавый понос, от которого занемог и сам магистр.

Сильно загоревали ливонцы, когда узнали о возвращении больного магистра с больной ратью; они боялись мести от Москвы, и не напрасно. Великий князь выслал новую рать с князем Александром Оболенским и отряд татарский; под городом Гелмедом встретилась московская рать с немецкой, и, несмотря на то что в первой схватке убит был главный воевода князь Александр Оболенский, русские остались победителями и десять верст гнали немцев; по словам псковского летописца, из неприятельской рати не осталось даже и *вестноши* (вестника), который бы дал знать магистру об этом несчастье; ожесточенный пскович пишет, что москвичи и татары секли врагов не саблями светлыми, но били, как свиней, шестоперами⁵⁶. По словам немецкого летописца, потеря русских в этом сражении простиралась до 1500 человек, но он же говорит, что тогда Ливония лишилась 40 000 жителей, убитых и взятых в плен русскими⁵⁷.

Между тем Плеттенберг оправился и в том же году явился с пятнадцатитысячным войском под Изборском: немцы приступили к городу усердно, но, простояв под ним только одну ночь, отошли и осадили Псков; псковичи сами зажгли предместья и отбивались до тех пор, пока Плеттенберг, заслывав о приближении великокняжеских воевод князей Данила Щени и Василия Шуйского, не отступил от города. На берегах озера Смолина

настигли его московские воеводы и принудили к битве; битва была одна из самых кровопролитных и ожесточенных: небольшой в сравнении с русскими войсками, отряд немцев бился отчаянно и устоял на месте. Со славой отступил Плеттенберг к своим границам; одинаковая слава должна остаться и за Псковом, который со времен Невского умел сдерживать натиски Ордена и оборонять западные русские границы, давая время беспрепятственно с этой стороны совершаться великому делу государственного сосредоточения.

Таков смысл описанной борьбы Пскова с Ливонией, которая окончилась с одинаковой славой для обеих сторон в 1502 году: скоро после того сын Иоанна III уничтожил самостоятельность Пскова, а внук его уничтожил самостоятельность Ливонии.

Примечания

¹ Полн. собр. рус. лет. Т. IV, стр. 176: «Ходи Изяслав Ярославич на сослы, и дань заповеда даити 2000 гривен; они же, поручешя, изгнаша данники. На весну же пришед повоеваше о Юрьеве, и град, и хоромы пожгоша, и много зла сотворше, и до Пскова доидоша воююще; идоша противу им псковичи и новгородцы на сечю, и паде руси 1000, а соль без числа». — Там же, стр. 177: «Ходи Мстислав Мстиславович Володимирчича на чюдь, рекомую торму, с новгородцы и плесковичи, и много плениша их. Потом же князь Мстислав, на зиму, ходи с новгородци к чюдскому городу, к Медвежьи Голове (Оденпе), и села их попустошиша и подступиша под город; и поклонишася чюдь князю, и дань на них взят».

² *Scriptores rerum Livonicarum*, II, 1: *Russow's livländische Chronik*, s. 11.

³ *Ibidem*, I; *Chronicon Livonicum vetus*, s. 50.

⁴ *Chron. Liv. vetus*, p. 52: *Baptismum, quem in aqua susceperant, in Duna se lavando removere putant, remittendo in Teutonium*. [Им] представлялось, что крещение, в воде принятое, [они] снимают с себя, омываясь в Двине и [таким образом] отправляя [его] в Германию (пер. с лат.).

⁵ *Ibidem*, p. 64: *Tu tantum, remisso exercitu, cum tuis ad episcopatum tuum cum pace revertaris, eos, qui fidem susceperunt, ad eam servandam compellas, alios ad suscipiendam cum verbis, non verberibus, alicias*.

⁶ *Chron. Liv. vetus*, p. 95: *Livones e contrario, nec eos pacem velle, nec servare, proclamant. Quorum os, maledictione et amaritudine plenum, magis ad bella struenda, quam ad pacem faciendam cor et animum regis incitat*. Ливонцы [ливы], со своей стороны, громко заявляют, что те [т. е. немцы] не желают и не соблюдают мира. И вот уста их, полные проклятий и злобы, возбуждают сердце и ум князя больше к подготовке войны, чем к установлению мира (пер. с лат.).

⁷ *Chron. Liv. vetus*, p. 100. *Erat autem inter eos Ako, princeps ac senior ipsorum, qui totius traditionis et omnium malorum estiterant auctor*.

⁸ *Chron. Liv. vetus*, p. 134: *Erat namque rex Wessewalik de Gercike Christiani nominis et maxime Latinorum, semper infensus inimicus*.

⁹ *Scriptores rerum Livonic.*, I, 1, p. 409.

¹⁰ Полн. собр. рус. лет. III, 31.

¹¹ *Chron. Liv. vetus*, p. 138. *Et acceperunt ab eis quadringentas marcas nagatarum*. Это наши старые ногаты; эстонское слово *nahk*, gen. *nahha* значит *кожа*.

¹² Полн. собр. рус. лет. III, 32.

¹³ *Sed neque regi tributa sua dari prohibebat, secundum quod dominus in Evangelio suo, iterum ait: Reddite, que sunt Cesaris, Cesari etc. Quia et ipse*

Episcopus versa vice quandoque eundem censum etiam Regi pro Livonibus persolverat. Livones autem, nolentes duobus dominis servire, tam Ruthenis videlicet, quam Teutonicis, suggerebant Episcopo in omni tempore, quatenus eos a jugo Ruthenorum omnino liberaret. (Но [он] не запрещал давать князю полагающуюся ему дань согласно слову Господа в Евангелии своем: «Отдайте кесарево кесарю» и т. д. А потому и сам епископ иногда эту самую подать платил князю вместо ливонцев. Ливонцы же, не желая служить двум господам, а именно, как русским, так и немцам, ходатайствовали перед епископом постоянно, пока он не избавил их совсем от ига русских (пер. с лат.).—Здесь явно предложения не вяжутся одно с другим: епископ платил, а ливонцы не хотели: что-то скрывается.

¹⁴ Chron. Liv. vetus, p. 186.

¹⁵ Monum. Liv. antique, III, p. 78.

¹⁶ Chron. Liv. vetus, p. 296.

¹⁷ Полн. собр. рус. лет. III, 35; ср. Chron. Liv. vet., p. 206.

¹⁸ Сыном Мстислава Романовича Киевского, а не с Мстиславом Мстиславичем Удалым, как рассказывают немецкие историки (см. *Kienitz. Viegun-dzwanzig Bücher der Geschichte Livlands*, I, 92).

¹⁹ Полн. собр. рус. лет. III, 38, 39.

²⁰ Chron. Liv. vetus, p. 280, 284.

²¹ Полн. собр. рус. лет. III, 39. По Татищеву (III, 431), немцы взяли город вероломством.

²² Полн. собр. рус. лет. III, стр. 48.

²³ Что донесения немецких рыцарей относительно поведения меченосцев были справедливы, об этом всего лучше свидетельствуют послания пап: в 1238 году папа Григорий IX писал епископу Моденскому, своему легату в Ливонию, чтоб обращенные в христианство язычники не подвергались рабству (Histor. Russ. Monum. I, № XLVIII); в том же году он писал, чтоб рабам дали облегчение и позволили ходить в церковь (там же, № XLIX). В 1243 году Иннокентий IV писал к рыцарям: «Ne igitur in rapina cedant qui custodiri a potentioribus debuerant, vestris contenti stipendiis ab exactionibus indebitis manus vestras innoxias conservate, conteratis capita humilium populi Domini super terram». «Итак, дабы те, кого следует беречь от более сильных, не стали [их] добычей, сохраняйте чистыми руки ваши от недолжных податей, довольствуясь вашими доходами, и не попирайте о землю головы смиренных народа Божия» (пер. с лат.) (там же, № LX). В 1318 году папа Иоанн XXII писал к ним же: «Quia posteriora non fuerunt confirmata prioribus, sed priora potius posterioribus deformata, dum in primas ecclesias, et alias de novo ad fidem conversas, qui precipuis fuerant prosequendi favoribus, ut ad susceptionem fidei mentes allicerentur aliorum, sic fuisse crudeliter inhumaniter desevertum, quod plerique, volentes, ad fidem converti, se a conversione, hujus modi retraxerunt». «Ибо дела последующие не подтвердились прежними, но скорее прежние были искажены в последующих, когда и на старые и на новые церковные приходы, которые [прежде] одаривались щедрыми дарами с целью склонить к принятию веры помысливших других [веры еще не принявших], обрушился такой жестокий и бесчеловечный произвол, что многие, желающие обратиться к вере, из-за этого воздерживались от обращения» (пер. с лат.) (там же, № XCIX). О поведении завоевателей свидетельствует также следующая песня:

Diss hand den Teutschen gegeben ist,
Schier für Vierhundert Jahren,
Dass sie dein Nahmen Herr Jesu Christ,
Die Heyden solten lehren:
Sie aber haben gesucht vielmehr,
Ihr eigen-Nutz, Lust und Ehr,
Deiner wenig geachtet etc.

Власть эта немцам была дана/На
целых четыреста лет./Дабы они
Твое имя, Господи Иисусе Христе./
Язычникам преподали./Но те ис-
кали скорее/Своей корысти, удо-
вольствия и гордыни./Мало Тебя
почитая, и т. д. (пер. с нем.).

- ²⁴ Немецкие анналисты сделали из этого Гаврилы Гориславича Герпольта, потом князя Ярополка, заставили его жить после битвы и сдавать им Псков.
- ²⁵ Russow's livl. Chron., p. 17: Do sint erschlagen 70 Ordensbröder, mit velem düdeschen Volke, unde 6 Bröder sint gefangen, unde tho dode gemartert worden. В русской летописи: «И изгони князь Пльсков, изъима немци и чюды и сковав, поточи в Новгород». Если известие Руссова справедливо, то, вероятно, рыцари были умерщвлены псковичами, которые хотели отомстить им за свою неволю.
- ²⁶ Полн. собр. рус. лет. V, 181.
- ²⁷ Ведяху ть бо я подле конь иже именуются ритори.
- ²⁸ Полн. собр. рус. лет. III, 33.
- ²⁹ Там же, стр. 37.
- ³⁰ Russow, p. 20.
- ³¹ Полн. собр. рус. лет. IV, 181.
- ³² После Святой, убитый в Орде.
- ³³ Полн. собр. рус. лет. III, 60.
- ³⁴ Полн. собр. рус. лет. III, 61.
- ³⁵ Там же IV, 182.
- ³⁶ Это название, которое дается немцам, уже показывает религиозное различие, которое имеет важное значение в борьбе.
- ³⁷ То есть за Новгород и Псков.
- ³⁸ Полн. собр. рус. лет. IV, 184.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Полн. собр. рус. лет. III, 75.
- ⁴¹ Никон. III, 163.
- ⁴² Жители псковских пригородов.
- ⁴³ Полн. собр. рус. лет. IV, 187.
- ⁴⁴ Новгородский летописец говорит, что граждане его немедленно подали помощь псковичам, но что те возвратили с дороги их войско, объявив, что нет рати. Нам теперь невозможно решить, кто здесь прав, кто виноват.
- ⁴⁵ Соф. врем. I, 330.
- ⁴⁶ Полн. собр. рус. лет. IV, 199.
- ⁴⁷ Полн. собр. рус. лет. V, 25.
- ⁴⁸ Любопытное выражение, показывающее тогдашнее представление о громе.
- ⁴⁹ Russow Chron., s. 29: Twintich dusent Man de Eddelsten unde vornemsten Kryges lüde in einer Schlachtinge erschlagen worden. Kein schade guwerle in Lyfflandt tho der tydt groter gewesen ys, alse disse, dardorch Lyfflandt sehr geschweckt wordt. Двадцать тысяч благороднейших и знатнейших воинов были побиты в одном [лишь] сражении: Никогда не случилось нам в Лифляндии терпеть большего ущерба, чем этот, коим Лифляндия была очень ослаблена (пер. с нижненем.).
- ⁵⁰ Псковский летописец не делает различия между словами *государь* и *господин*, которое так соблюдали новгородцы.
- ⁵¹ Или *устрадание*, то есть земля и вода эти приобретены трудом великих князей всея Руси; *страдать* на древнем языке значило *трудиться*.
- ⁵² Акты, относящиеся к истор. Западн. России. I, № 69.
- ⁵³ Полн. собр. рус. лет. IV, 263.
- ⁵⁴ Russow, p. 31.
- ⁵⁵ Russow, p. 31.
- ⁵⁶ Полн. собр. рус. лет. IV, 275.
- ⁵⁷ Russow, p. 33.

КРЕСТОНОСЦЫ И ЛИТВА *

Когда великое движение западных европейских народов на мусульманский Восток, достигши нечаемых результатов, потеряло силу, тогда видим начало новой крестовой войны, направленной против языческого народонаселения, затаившегося в самой Европе, на границах между восточной и западной ее половинами. Искатели подвигов стекаются из всех краев Западной Европы на пустынные берега Немана, где загорается страшная вековая борьба, представляющая большой интерес в своих подробностях и в своих последствиях, особенно для истории Восточной Европы.

Соприкасаясь, с одной стороны, Балтийскому морю, с другой — окруженное племенами славянскими и финскими, племя литовское с незапамятных пор обитало в стране своей, покрытой реками, озерами, болотами, непроходимыми пушами, с трудом доступной и непривлекательной для завоевателя. Вследствие таких природных причин литовское племя позднее всех других европейских племен познакомилось с христианством. Западные славянские племена познакомились с ним вследствие столкновения с франками, преимущественно со времен Карла Великого; восточные славянские племена, жившие на пути из Северной Европы в Южную, из Балтийского моря в Черное, от Варягов в Грецию, должны были скоро познакомиться с религией последней; но литовские племена в глубине лесов своих оставались непричастными великим переменам, происходившим среди соседних народов в IX и последующих веках, и враждебно выступали против новорожденных славянских государств — Русского и Польского, в разбойнических нападениях опустошая границы их. Князья русские и польские мстят пруссам и литовцам вторжением в их собственные пределы; но ни Русь, ни Польша не могли действовать против варваров с постоянным усилием, и потому походы их не достигали цели: быт пруссов и литовцев оставался нетронутым. Скоро внутренние смуты, произведенные восстаниями прелатов и вельмож против князей, усобицы между самими князьями и раздробление Польши отняли у последней возможность действовать не только наступательно, но даже и оборонительно против пруссов. Конрад, князь Мазовецкий, ближайший сосед пруссов, доведен

* Отечественные записки. 1852. Т. 82. № 5—6. С. 43—62.

был до отчаяния опустошительными набегами последних. Однажды шайка этих грабителей прислала к нему требовать лошадей и платья; Конрад не смел не исполнить требования и между тем не имел средств удовлетворить ему. Что же он сделал в таких обстоятельствах? Зазвал к себе на пир знатнейших панов своих с женами и во время пира велел отобрать их лошадей и верхнее платье и отослать пруссакам.

Но не всегда же можно было употреблять подобные средства, и потому Конрад начал думать о других. В это время в Ливонии рыцари Меча успешно действовали против туземцев. Конраду пришла мысль учредить подобный рыцарский орден на границе своих владений для постоянной борьбы с пруссаками; Орден был учрежден под именем Христова Ордена, и Конрад дал ему во владение замок Добрынь. Пруссак, сведав о новом враге, несколько раз подступали к замку; взять его не могли, но зато нагнали такой страх, что четверо или пятеро язычников спокойно грабили под самыми валами Добрыня и никто не смел остановить их. Конрад видел, что на подвиги добрыньских рыцарей плохая надежда, и потому обратился к другому, более знаменитому своею храбростью Ордену.

В 1192 году во время последних отчаянных попыток христиан удержаться в Палестине Тевтонский орден рыцарей Богородицы получил свое окончательное утверждение. Новые рыцари носили черную тунику и белый плащ с черным крестом на левом плече; кроме обыкновенных монашеских обетов они обязывались ходить за больными и биться с врагами веры; только немец и член старого дворянского рода имел право на вступление в Орден. Устав его был строгий; рыцари жили вместе, спали на твердых ложах, ели скудную пищу за общемо трапезой; не могли без позволения начальников выходить из дому, писать и получать письма; не смели ничего держать под замком, чтоб не иметь и мысли об отдельной собственности; не смели разговаривать с женщиной. Каждого вновь вступающего брата встречали суровыми словами: «Жестoko ошибаешься, если думаешь жить у нас спокойно и весело: наш устав—когда хочешь есть, то должен поститься; когда хочешь поститься—тогда должен есть; когда хочешь бодрствовать, должен идти спать. Для Ордена ты должен отречься от отца, от матери, от брата и сестры, и в награду за это Орден тебе даст хлеб, воду да рубище».

К этому-то Ордену обратился мазовецкий князь с просьбой о помощи против пруссаков. Тевтонские рыцари были славны своими подвигами в Палестине, богаты недвижимым имуществом, которое приобрели в дар от государей в разных странах Европы; но они хорошо видели, что им нельзя долго держаться в Палестине, и потому не могли не согласиться на

предложение Конрада. Оно обещало им новое поприще, новое средство продлить существование Ордена, которое условливалось возможностью постоянной борьбы с врагами Креста Христова. В 1225 году послы Конрада предложили магистру Ордена Герману фон Зальцу землю Хелмскую, или Кульмскую (*terra Culmensis*), с обязанностью защищать польские владения от язычников; в 1226 году император Фридрих II предоставил Ордену владение Кульмскою землею и всеми странами, которые он отнимет вперед у пруссаков, но в виде имперского лена, без всякой зависимости от мазовецких князей; в 1228 году явился в новых владениях Ордена первый областной магистр Пруссии Герман Балк с сильным отрядом рыцарей; в 1230-м последовало окончательное утверждение условий с Конрадом, и Орден начал свою деятельность на новой почве.

Пруссия была поделена на одиннадцать областей, не связанных друг с другом никаким политическим союзом; жители этих областей могли безнаказанно опустошать владения Польши, слабой от раздела, усобиц и внутреннего нестроения, но сами в свою очередь были не способны ни к какому соединенному, дружному предприятию: их нападения на Польшу были набегами разбойничьих шак; при обороне собственной земли они не могли выставить также общего, дружного сопротивления; каждая область, каждое племя боролось поодиночке с своим новым врагом, а этот враг был — военное братство, которое существовало с целью постоянной, неусыпной борьбы с ними и которое обладало всеми средствами к этой борьбе: на его стороне была постоянная, самая строгая дисциплина, на его стороне было военное искусство, на его стороне было религиозное одушевление; потери Ордена были для него нечувствительны; после каждого поражения он восставал с более грозными силами; ряды погибших братьев быстро замещались новыми подвижниками, стекавшимися со всех сторон, чтоб пролить кровь свою в священной борьбе под славной хоругвью Девы Марии и Святого Георгия. Против сурового дикаря Западная Европа выставила столь же сурового рыцаря, но со всеми преимуществами образованности. Верен был успех на стороне Ордена, но Орден дорого заплатил за этот успех.

В 1231 году Висла впервые увидела на себе суда рыцарей. Крестоносцы вышли на правый ее берег у того места, где возвышался священный дуб языческих пруссов, и немедленно обнаружили характер предприятия, намерение с самого начала становиться твердой ногой в земле; на языческом требище воздвиглась христианская твердыня: Торном называли ее завоеватели, как говорят, в знак того, что отворились для них ворота в Пруссию. Окружные язычники тщетно нападали на зачинавшийся город; рыцари положили доброе начало своему делу, и что шаг вперед, то новая твердыня; городки старшин прусских полегли

перед рыцарями, замки последних оставались невредимыми. Но враги еще ни разу не испытывали сил своих в чистом поле; на берегах реки Сиргуны произошла первая битва между рыцарями и пруссаками; последних было вдвое больше числом; мужество было одинаково с обеих сторон, но искусство дало победу крестоносцам. Здесь, на границах между Восточной и Западной Европой, повторились те страшные, кровавые битвы, которые имели место в начале средних веков при великих переселениях и столкновениях народов и от которых Европа давно отвыкла уже в своих феодальных войнах, где употреблялось так мало войска и так мало его тратилось.

Одним построением крепостей в новозанятых странах Орден не ограничился; льготами привлекались немецкие колонисты в новопостроенные города; люди, стекавшиеся из разных стран помогать Ордену в священных войнах, получали от него в лен земельные участки, на которых строили новые замки; туземцы, оставшиеся от истребления, принуждены были или бежать в Литву, или принять христианство и подчиниться игу новых господ. Для утверждения новой веры среди пруссаков Орден отбирал детей у туземцев и отсылал их учиться в Германию, с тем чтоб эти молодые люди, возвратясь потом на родину, содействовали распространению христианства и немецкой народности среди своих соплеменников. Но старые пруссаки не хотели дожидаться возвращения детей своих; озлобленные жестокими притеснениями, тяжкими работами, надменным обхождением победителей, они ждали только случая, чтоб отречься от новой веры, насильно ими принятой, свергнуть иго духовное и материальное. Скоро они нашли себе союзника там, где всего менее могли ожидать: то был Святополк, князь Поморский, или Померанский.

Святополк сначала был самым деятельным союзником Ордена; ему преимущественно последний был обязан сиргунской победой; но поморский князь скоро увидал, что рыцари опаснее пруссаков, и поспешил соединиться с последними для изгнания первых. Он начал тем, что стал препятствовать сообщению между орденскими замками по Висле, доставке в них съестных припасов; потом возбудил народонаселение четырех прусских областей, поработанных рыцарями: новообращенные разом отреклись от христианства и встали против пришлецов; мужчины были избиты, жены и дети отведены в тяжкую неволю; большая часть орденских замков срыта до основания. Папский легат провозгласил крестовый поход против Святополка и его союзников; несколько раз Орден принуждал Святополка к миру и несколько раз опять поморский князь поднимался с новыми силами сам и поднимал пруссаков против завоевателей, пока, наконец, истощив все свои средства в 12-летней борьбе, он принужден был заключить с крестоносцами окончательный мир в 1253 году.

Орден избавился от опасного врага и скоро приобрел могущественного союзника. В 1254 году явился в Пруссию Пршемисл Оттокар, король Чешский, вместе с Оттоном, маркграфом Бранденбургским, и Рудольфом, графом Габсбургским, родоначальником Австрийского дома; из Саксонии, Турингии, с берегов Рейна и из разных других немецких краев пришли толпы крестоносцев и вместе с рыцарями выступили под предводительством чешского короля для завоевания прусской области Самбии, лежавшей к северу за Прегелем. Число крестоносцев полагают до 60 тысяч: против такого ополчения могли ли с успехом бороться жители Самбии, предоставленные, по обычаю, только самим себе? Страшная опасность, грозившая пруссакам со стороны Ордена, не могла приучить их действовать соединенными силами; по-прежнему каждая область боролась одна. Прошедши с огнем и мечом по Самбии, опустошивши ее вконец, принудив слабый остаток ее жителей принять христианство, Оттокар с другими князьями возвратился в отечество, а рыцари среди разоренной области заложили крепость и назвали ее в честь короля Чешского Кёнигсбергом, или Кролевцем. Но в то время, как, по-видимому, Орден стал твердой ногой в Пруссии и нечего было ему бояться с запада со стороны поморского князя, опасность встала для него с востока: там он встретился с племенем, о которое должна была разбиться его сила, которому суждено было отмстить рыцарям за своих единоплеменников, пруссаков: Орден встретился с Литвою.

Какая же была главная причина того явления, что литовцы были счастливее пруссаков в борьбе своей с Орденом? Мы видели, что главная причина неудачи пруссаков — отсутствие единства между областями, отсутствие общего вождя в борьбе с завоевателями; но когда Орден пришел в столкновение с литовцами, то в числе этого племени стоял князь, способный защитить свою землю от завоевателя где можно — силой, где нужно — хитростью: этот князь был знаменитый Миндовг. Внутри страны Миндовг вел борьбу с родичами, отделялся от них, не разбирая средств; но успешному окончанию этой внутренней борьбы мешали два опасные врага внешние: с севера — Ливонский орден, с юга — Русь. В то время, как орден Тевтонский утвердился в Пруссии, соединенный с ним Ливонский орден рыцарей Меча распространял свои завоевания с севера и начал утверждать свою власть в Курляндии; жители последней обратились к литовскому князю с просьбой принять их в свое подданство и защитить от рыцарей. Миндовг охотно согласился, но скоро увидал, что не в состоянии бороться вдруг и с родичами, которые с разных сторон возбуждали против него неприятелей, и с Ливонским орденом, и с русским князем, знаменитым Даниилом Романовичем Галицким. Потерпев неудачу в войне с обоими, Миндовг

предложил ливонскому магистру Андрею фон Штунланду вступить с ним в мирные переговоры. Штунланд отвечал, что он не может вступить ни в какие соглашения с язычником, с которым обязан вести вечную войну; но если литовский князь захочет принять христианство, то получит и мир, и королевскую корону от папы. Миндовг согласился и получил обещанное; но он принял христианство точно так же, как пруссаки принимали его под мечом рыцарей, только для вида, до первой возможности возвратиться к отцовской вере. «Крещение его было ложно,—говорит летописец,—потому что втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам, сожигал мертвецов; а если когда выедет на поле и заяц перебежит дорогу, то уж ни за что не войдет в лес, не посмеет и ветки сломить там».

Миндовг пред рыцарями выказывал себя ревностным христианином, послушным сыном папы, союзником Ордена; уступил последнему значительные земли; мало того, завещал ему свою Литву в случае своей беспотомственной смерти, а между тем толпы литовцев в 1259 году вторгнулись в Курляндию и пустошили там орденские владения; отряд тевтонских рыцарей вышел к ним навстречу; на берегах реки Дурбы произошла битва, которая служила печальным предвещанием для Ордена: литовцы одержали блистательную победу, которую они отпраздновали сожжением пленных рыцарей в жертву богам.

Эта победа Литвы служила знаком к волнению пруссаков, подстрекнутых, как говорят, Миндовгом. Жители каждой области выбрали себе особых вождей, которые все были воспитаны в Германии, куда, как мы видели, Орден отсылал прусскую молодежь; вожди положили срок, когда взяться всем за оружие для истребления христиан, и в 1260 году в условленный день вспыхнуло повсеместное восстание: все христиане, не успевшие скрыться в замках и лесах, были побиты или забраны в неволю; их дома, церкви были сожжены. Миндовг еще медлил, все выжидал, наконец, видя, что час пробил, решился действовать открыто: отрекся от христианства и королевского титула, вступил с войском в Пруссию и страшно опустошил ее. Между тем рыцари получили сильное подкрепление из Германии и выступили против восставших пруссаков, но потерпели от них поражение в двух кровавых битвах; только две области, прежде всех занятые немцами, оставались верными Ордену, за что и были вконец разорены пруссаками и литовцами; в других же областях прусских рыцари едва успели удержать за собою несколько замков, да и те подвергались беспрестанным нападениям от язычников. Такое состояние дел продолжалось 14 лет; казалось, что Орден должен был отказаться от надежды вторично покорить Пруссию, но вышло иначе. Причины этого явления объяснить нетрудно. Орден нельзя было окончательно обессилить опустошением его

прусских владений: он получал свое питание извне, из всей Германии, из всей Европы; пусть Орден лишился бы всех своих замков, всех своих земель в Пруссии: новый приплыв крестоносных дружин с юга и запада вполне возобновлял его силы, давал ему возможность начать снова борьбу. А пруссаки? Благодаря побуждению и подкреплению со стороны Литвы они умели одновременно восстать против пришлецов; но при самом этом единомышленном и единовременном восстании каждая область выбрала особого вождя — дурное предвещание для будущего единства в борьбе!

И точно, когда Орден начал снова наступательное движение, борьба приняла свой прежний характер: каждая область снова защищалась отдельно и, разумеется, при такой особенности не могла устоять перед дружным и постоянным напором рыцарей; а между тем Миндовг умер; в самой Литве начали смуты, усобицы; пруссаки предоставлены были собственным, раздробленным силам, и силы эти, как следует ожидать, оказались недостаточными. Наконец, продолжительное знакомство с христианами, с высшей образованностью пришлецов должно было произвести среди пруссаков свое действие: несмотря на упорную привязанность к родной старине, на жестокую ненависть к пришлецам-поработителям, некоторые из пруссов, разумеется лучшие, не могли не заметить превосходства веры и быта последних; и вот иногда случалось, что среди сильного восстания избранный вождь этого восстания, лучший человек в области, вдруг покидал дело соплеменников, переходил на сторону рыцарей и принимал христианство с целым родом своим: так начала обнаруживаться слабость в самой основе сопротивления со стороны пруссаков в религиозном одушевлении. Второе восстание было последним обнаружением сил прусской народности; третье восстание, имевшее место в последней четверти XIII века, показало только, что эта народность находится уже при последнем своем часе: вспыхнувши вследствие личных, своекорыстных побуждений одного человека, оно тотчас же потухло; четвертое и пятое восстания носили такой же характер; при пятом жители Самбии, видя, что все лучшие люди прямят Ордену, положили истребить сперва их и потом уж броситься на немцев; они выбрали себе в предводители молодого человека именем Наудиота; тот принял это звание для того только, чтоб удобнее предать главных врагов в руки рыцарей; ясны были признаки бессилия пруссов; а между тем рыцари не отдыхали на лаврах, неутомимо и неуклонно преследовали свою цель, и в 1283 году покончили завоевание Пруссии, после 52-летней кровавой борьбы.

Кончив завоевание Пруссии, Орден немедленно начал наступательное движение на Литву. Главная сцена борьбы перенеслась с берегов Вислы и Прегеля на берега Немана. Уже в последних

месяцах 1283 года магистр провинциальный прусский Конрад Тирберг переправился через Неман и спалил на другом берегу его литовский острожек; но уж с самого начала видно было, что война здесь примет другой характер, чем в Пруссии. Последние годы XIII и первые XIV столетия протекли в опустошительных набегах рыцарей на литовские области и литовцев на владения рыцарей; последним не удалось стать твердой ногой на литовском берегу Немана. Некоторые подробности этих набегов любопытны. Однажды отряд рыцарей, плывших вверх по Неману для опустошения Литвы, увидал на берегу женщину, которая громко рыдала и кричала изо всех сил немцам, что она христианка — полька, взятая в плен и измученная литовцами. Начальник отряда сжалился, велел причалить к берегу, но едва вышел на него, как был окружен и умерщвлен вместе с своим отрядом выскочившими из-за засады литвинами; мнимая полька была также переодетый литвин, умевший говорить по-польски.

Между прочим, Неман был свидетелем сокрушения непобедимой армады XIV века: комендант орденской крепости Рагнеты Вернер фон Орселен велел выстроить огромный и высокий корабль в виде плавучего острожка, за ним должны были плыть поменьше барки, полные ратников и съестных припасов; флот поплыл вверх по Неману с целью ударить на литовский острог Юнигеду; но когда приблизился к последнему, то поднялся сильный ветер и плавучая крепость села на мель, с которой никак не могли ее сдвинуть. Литовцы овладели ею и сожгли. Неудачны были речные походы рыцарей на Литву; еще неудачнее были походы, предпринятые сухим путем в глубь страны. Так, в 1314 году рыцари вздумали вторгнуться в области Литовской Руси в землю кривичей; дошли до Новогрудка, сожгли посады, но города взять не могли и, отягченные добычей, со множеством пленных, возвращались уже домой, как почувствовали недостаток в съестных припасах; удвоили шаги, чтоб скорее достигнуть мест, где они сложили запасы под прикрытием военных отрядов, но, пришедши туда, увидали только трупы своих ратников: литовцы успели перебить их и забрать все припасы. Орденское войско осталось без хлеба и в самой ужасной крайности достигло прусских границ: часть умерла с голоду на дороге, часть погибла по возвращении от заразных болезней, причиненных голодом или дурной пищей.

Если и до сих пор покушения Ордена на Литву были большею частью неудачны, то еще менее можно было надеяться на удачу, когда великим князем Литовским стал с 1315 года знаменитый Гедимин, при котором Литва так усилилась присоединением русских областей. Война с обеих сторон продолжает носить характер набегов, не имеющих важных следствий: орденские войска вторгаются в Литву, литовские и русские опустошают

Пруссию и союзную Ордену Бранденбургию. Такой же порядок дел продолжался и при Ольгерде, сыне и преемнике Гедимина. Как трудно было Ордену становиться твердой ногой в Литве, как литовцы умели защищать свои замки, может показать нам известие об осаде Пунэ (Пуллэнэ, Пиллевен): в 1336 году в Пруссию прибыли маркграф Бранденбургский, граф Геннебергский и граф Намурский с многочисленным войском для помощи Ордену в войне с язычниками. Великий магистр воспользовался удобным случаем, двинулся с ними вместе на Литву и осадил Пунэ, острожек, служивший пристанищем для Литвы, возвращавшейся с набегов. На этот раз в нем укрылось 4 тысячи окрестных жителей с женами, детьми и со всем имуществом. В христианском ополчении было множество военных машин, которые так успешно били в стены острожка, что осажденные скоро увидели невозможность защищаться долее и, несмотря на то, решились скорее погибнуть с женами и детьми, чем поддаться; оборонялись до последней крайности, потратили много народа на вылазках; все способные к бою были покрыты ранами, а между тем часть стен уже была раскачена таранами, другая грозила рухнуть от подкопов. Тогда литвины перебили жен и детей, покладили трупы их на огромный костер, сгроможденный среди крепости, зажгли его и потом стали сами умерщвлять друг друга; большую часть перебил Маргер, начальник крепости, поклявшийся, что, по умерщвлении товарищей, сам себя лишит жизни; много помогла Маргеру одна старуха, которая обезглавила топором сто ратников и потом убила сама себя, увидав входящих неприятелей. Немцы, видя горящий костер и валы без защиты, беспрепятственно вступили в крепость; оставшиеся в живых литвины бросались сами под удары их мечей. Маргер исполнил свое слово: он бился еще с горстью отчаянных храбрецов и, когда все они пали, бросился в подземелье, где спрятал жену; убил сперва ее, а потом и самого себя.

В таком положении находились дела до 1345 года, когда великим магистром Ордена был избран Генрих Дусемер фон Арфберг. Арфберг начал действовать решительнее своих предшественников, и борьба началась с обеих сторон с большими усилиями, с большим ожесточением. Великий магистр проник до Трок, страшно опустошил их окрестности; на полях Аукенских встретился с литовскими и русскими полками Ольгерда и поразил их в злой сече, какой еще не было до сих пор между рыцарями и Литвою. Плодом победы было новое опустошение литовских областей. Но Ольгерд недолго заставил ждать мести: с братьями Кейстутом и Наримантом вторгнулся он в пределы орденских владений и с лихвой отплатил за недавнее опустошение Литвы. Литва возвращалась уже домой, обремененная добычей, как на реке Страве была настигнута великим магистром:

произошла новая, злая сеча, и снова литовцы потерпели поражение. Их урон считают до десяти тысяч и больше; но зато и Орден потерял 50 рыцарей и 4000 простых ратников. Так же неудачно для Литвы шли дела и при наследнике Дусемера Винрихе фон Книпроде.

В 1360 году Ольгерд, Кейстут и сын последнего Патрикий сошлись с великим магистром на границах литовских; битва продолжалась целый день; наконец рыцари опять одержали победу. Напрасно Кейстут старался остановить бегущих и возобновить битву: его свалили с коня; Патрикий ринулся в середину неприятелей для спасения отца, но также был сброшен с лошади, поднялся и отбивался до тех пор, пока подоспел отряд литовцев и выручил его из беды, но отца спасти не мог. Кейстута отvezли в Мариенбург, столицу Ордена, и засадили в тесную тюрьму; день и ночь стояла у дверей стража, не пускавшая к пленнику никого, кроме слуги, приносившего пищу; но этот слуга, приближенный к магистру, отличавшийся своею верностью, был родом литвин, в молодости захваченный в плен и окрещенный под именем Адольфа. Ежедневный разговор с Кейстутом на родном языке, злая судьба и знаменитые подвиги литовского богатыря разбудили в Адольфе давно уснувшую любовь к старому отчеству: он дал средства Кейстуту уйти из заключения и достиг двора зятя своего князя Мазовецкого. Литовский князь не хотел возвращаться на родину, не отомстив рыцарям; он взял у них два замка и с добычей возвращался домой, как на дороге был захвачен орденом отрядом, вторично попался в неволю, вторично ушел из нее и опять начал готовиться к вторжению в Пруссию.

Великий магистр, узнав об этих приготовлениях, решил предупредить Кейстута и осадить Ковно—важное место при слиянии Вилии с Неманом. В начале 1362 года выступил он в поход с большим числом крестовых воинов, собравшихся из Англии, Дании, Богемии, Германии, Италии, облегал ковенский замок и начал машинами громить его стены. Литовцы оборонялись отчаянно; наконец стена не выдержала напора орудий и рухнула; орденовое войско вломилось в крепость и внесло в нее огонь; почти все защитники ее погибли от меча или от пламени и дыма. Ольгерд и Кейстут стояли над Неманом, смотрели на гибель Ковно и не могли подать ему помощи. Это случилось в великую субботу. Весело отпраздновав на развалинах светлый праздник, великий магистр отправился назад; идти дальше было нельзя: впереди была обширная страна с воинственным народонаселением, которое управлялось одним князем—братья Ольгерд и Кейстут действовали всегда заодно, и эти-то согласные братья стояли с войском, готовые к защите родной земли. Взятие Ковно придало, однако, дух рыцарям. В продолжение двух следу-

ющих годов (1363 и 1364) они с успехом возобновляли наступательные движения на Литву: но все эти удачи не повели ни к чему. Ольгерд и Кейстут отомстили им троекратным опустошительным нападением на прусские области; простой народ литовцы уводили в неволю, но рыцарей сожигали в жертву богам; рыцари отплатили им опустошением Литвы в 1366 году, а в 1369 году Орден решил стать твердой ногой на литовской почве и в миле от Ковно заложил замок Готтесвердер. Ольгерд и Кейстут поспешили взять его, но принуждены были снова отдать немцам.

В 1370 году огромное ополчение, состоявшее из литвы, жмуди, руси и татар, под предводительством Ольгерда и Кейстута и двоих молодых сыновей их, Ягайла и Витовта, вторгнулось в Пруссию; великий магистр встретил его под замком Рудаваю. Левым крылом литовским, состоявшим большей частью из руси и татар, начальствовал Ольгерд, правым, состоявшим из литвы и жмуди,—Кейстут. Битва с одинаковым счастьем длилась до полудня; наконец, левое крыло заколебалось; великий магистр в челе свежей конницы ударил на него сбоку и после отчаянного сопротивления сломил и принудил к бегству. Кейстут, увидя, что брат оставил поле битвы, обратился и сам в бегство. Но и эта кровавая битва осталась без следствий. Великий магистр не воспользовался своей победой, не сделал ни шага вперед, и, когда прибыли к нему знатные сподвижники из Германии—герцог Австрийский, два герцога Баварские, два князя Польских, ландграф Лейхтенбергский с несколькими тысячами войска,—он для потехи гостей опустошил Жмудь. Кейстут немедленно отплатил ему опустошением Пруссии, и опять несколько лет прошло во взаимных набегах без всякого решительного действия.

Так продолжалось до самой смерти Ольгерда, когда Орден получил надежду осилить Литву вследствие междоусобий между ее князьями. Встала вражда между Кейстутом и племянником его Ягайлом Ольгердовичем; Орден соединился с Ягайлом против Кейстута. Изменой схвачен был старый богатырь, самый страшный враг немцев, задушен в тюрьме, и Орден немедленно увидал для себя плоды от смерти Кейстутовой. В 1382 году на острове реки Дубиссы при впадении ее в Неман имел место съезд сановников Ордена с Ягайлом; литовский князь уступил рыцарям часть Западной Жмуди, обязался в продолжение четырех лет помогать Ордену во всех его войнах, а самому не начинать ни с кем войны без его ведома и согласия. Несмотря на то что здесь невыгода была на стороне Литвы, подобные договоры (этот был уже не первый) разительно показывают нам все различие борьбы Ордена с Литвою от борьбы его с пруссаками: цель существования Ордена—постоянная, непримиримая борьба с язычниками до тех пор, пока последние не будут истреблены или принуждены принять христианство. Вследствие этого Орден не мог входить ни

в какие соглашения с язычниками и князьями их, заключать перемирия; так поступал он и во все продолжение борьбы с пруссаками и в начале борьбы с Литвою; но Литва не была похожа на Пруссию; Орден имел теперь дело с князем обширного объединенного владения, который мог располагать всеми силами своего государства, сообщать им постоянное направление, и Орден принужден был переменить прежний образ своих действий, вступать в переговоры, заключать перемирие с языческим князем, чтоб предохранить собственные владения от опустошительных набегов, чтоб упрочить приобретенные выгоды, наконец, чтоб иметь возможность вмешиваться в усобицы князей, ибо только одним этим средством можно было обессилить Литву.

Ягайло должен был во всем уступить требованиям Ордена, потому что двоюродный брат его, Витовт Кейстутович, успел освободиться из плена, в который попал вместе с отцом; и так как единственным средством спастись от преследований Ягайла и получить волость осталось для него — отдаться под покровительство того же Ордена, то он и вошел с ними в сношения, обязался, в случае если рыцари помогут ему возвратить свою отчину, объявить себя подручником Ордена. Для последнего не могло быть ничего лестнее подобной сделки: без борьбы достигал он верховной власти над Литвою, поделенною между враждебными князьями. Великий магистр послал объявить Ягайле, чтоб он позволил возвратиться в Литву и вступить во владение отчиной Кейстутовичам, находящимся под высокой рукой Ордена. Ягайло на этот раз не заблагорассудил повиноваться приказу Ордена — и война открылась. Сам великий магистр Конрад Цольнер вступил в Литву с сильным войском: но подле хоругви Ордена развевалось знамя литовско-жмудское, под которым шел Витовт с отрядом своих приверженцев. Число этих приверженцев все более и более увеличивалось, когда войско вступило на правый берег Немана. Витовт первый ударил на Троки, стольный город отца своего, за ним явилось ополчение рыцарей с осадными машинами: стена с одной стороны была разбита; гарнизон Ягайла увидал невозможность защищаться долее и сдал город. Таким образом, Витовт получил свою отчину. Как скоро весть об этом разнеслась по краю, толпы литвы и жмуди начали сбегаться к сыну Кейстуту, который скоро увидал себя обладателем почти всего Троцкого княжества; но едва только великий магистр оставил Литву, как под Троками явилось многочисленное войско Ягайла и принудило немецкий гарнизон к сдаче крепости.

В такой беде Витовт решился на самые большие жертвования, чтоб получить более деятельную помощь от Ордена: он принял католицизм, объявил себя вассалом Ордена и уступил последнему в полное владение лучшую часть собственной Литвы и Жмуди. В 1384 году Неман опять покрывся многочисленными

судами, наполненными всякого рода материалом. Положено было возобновить старое Ковно, чтоб из этой крепости удобнее действовать против Ягайла; сам великий магистр опять предводил ополчением; шесть недель без отдыха работало множество народа, и стены нового Ковно поднялись; но крепость уже носила новое, чуждое название — Риттерсвердера. Таким образом, ясно становилось, что Литве готовится участь Пруссии. К счастью для Литвы, эти страшные приметы поразили князей ее, и они решились вовремя прекратить усобицу для спасения общего дела. Ягайло предложил Витовту значительные волости и возобновление прежней братской любви, если он захочет отказаться от союза с общим врагом. Витовт охотно принял предложение, захватил два орденские замка, и оба брата начали сообща собирать силы для борьбы с немцами. Целью их усилий был новый ковенский замок, Риттерсвердер, — ключ ко всей Литве; они осадили его и стали добывать с необыкновенной деятельностью. Немецкий гарнизон, составленный из выборных ратников орденского войска, выставил также упорное сопротивление. Каждый день происходили кровавые стычки: в ловкости брали верх немцы, в смелости, отваге — литва и русь; особенно литовские пушки плохо действовали в сравнении с немецкими. Наконец, после трехнедельных усилий литовцам и русским удалось сделать пролом в стене, и крепость сдалась в виду немецкого отряда, который не мог подать никакой помощи осажденным. Примирение Витовта с двоюродным братом принесло Ордену страшные потери: 150 братьев и рыцарей знатного происхождения, не считая простых ратников, полегли в битвах; 55 орденских рыцарей, 250 светских рыцарей, 1500 простых ратников пошли в неволю; утрачены четыре крепкие замка, в том числе незаменимый и так дорого стоивший Риттерсвердер, и с лишком сто квадратных миль новоприобретенной земли вместе с надеждой дальнейших завоеваний.

Но эти потери были еще только предвестницами страшной опасности, которая начала грозить Ордену от внуков Гедиминовых. Ягайло стал свататься за наследницу польского престола Ядвига, а следствием этого брака должно было быть соединение Польши с Литвою, образование могущественного государства, пред силами которого Орден должен был поникнуть. Рыцари забились сильную тревогу, стали разглашать, что это соединение грозит гибелью христианства, потому что Литва непременно обратит Польшу в язычество; сделали сильное впадение в области литовские, однако ничто не помогло: в 1385 году Ягайло принял католицизм с обещанием распространить его и в наследственных областях, в Литве и на Руси; обвенчался на Ядвиге; короновался королем Польским и, вопреки уверениям Ордена, что новый король обманывает папу и все христианство, начал

ревностно стараться о распространении католицизма в Литве. Королевским наместником здесь был сделан родной брат Ягайла — Свидригайло, который поссорился с Витовтом; для последнего унижительно было находиться в двойной зависимости: сперва от Свидригайла, а потом, через него, от Ягайла и короны Польской; он знал, что примирение его с Ольгердовичами было вынужденное, и потому страшно было ему жить между владениями Ягайла и Свидригайла; меньше было опасности со стороны первого, человека слабохарактерного и недеятельного; но всего можно было ожидать от второго, который отличался характером противоположным и недолго стал бы думать в минуты увлечения. Витовту наговаривали, что Свидригайло хочет известить его каким бы то ни было образом, дабы не иметь соперника в Литве; в нерасположении Ягайла он мог убедиться уже из того, что король не хотел дать ему грамот на уступленные области, а потом это нерасположение обнаружилось еще сильнее: Ягайло заключил в оковы посланца Витовтова и вымучивал у него известия о сношениях его князя с великим князем Московским. Все это заставило Витовта вооружиться снова против двоюродных братьев; он хотел было нечаянно овладеть Вильной, но попытка не удалась, и он принужден был с семейством и двором удалиться в Мазовию, а потом во владения Ордена.

Опять рыцарям открылся удобный случай утвердить свое влияние в Литве; Витовт отдал им Жмудь и Гродно под залог. Ягайле удалось взять Гродно. Чтоб поправить дела, Орден в 1390 году выслал в Литву сильное войско; в числе заграничных гостей находился при нем граф Дерби, после ставший герцогом Ланкастерским и наконец королем Английским под именем Генриха IV. После удачной битвы на берегах Вилии крестоносцы осадили Вильно, изменою приятелей Витовтовых взяли нижний замок; но верхнего взять не могли и принуждены были отступить по причине холодных осенних ночей, недостатка в съестных припасах и болезней. В 1391 году, усиленный толпами новых пришлецов из Германии, Франции, Англии и Шотландии, великий магистр Конрад Валлепрод в числе 46-тысячного войска вступил в Литву. Витовт с своею жмудью и магистр Ливонского ордена соединились также с ним, и все двинулись опять к Вильно; но на дороге получили весть, что вся страна на пять миль в окружности этой столицы опустошена вконец самими литвинами. Великий магистр, потеряв надежду прокормить свое огромное войско в опустошенной стране, не мог более думать об осаде Вильны и возвратился назад, удовольствовавшись построением деревянных острожков на берегах Немана, охрана которых поручена была Витовту. Последний с немецким отрядом осадил Гродно. Королевский гарнизон в крепости состоял большей частью из русских и литвы, потом из поляков. Сначала осажденные оказали

сильное сопротивление; Витовт уже терял надежду взять крепость, как вдруг вспыхнул в ней пожар и вместе с пожаром — ссора между поляками и литовцами, вероятно, вследствие подозрения, что пожар произведен последними, расположенными к Витовту. Литовцы пересилили поляков, заперли их, загасили пожар и сдали крепость Кейстутову сыну.

Между тем члены королевского совета в Кракове действовали благоразумнее гродненского гарнизона: они старались всеми силами оторвать опять Витовта от Ордена и успели в этом, потому что сыну Кейстутову тяжело было видеть себя подручником ненавистных рыцарей и вместе с ними пустошить свою отчину; притом король выполнял все его требования: давал ему грамоту на Великие княжения Литовское и Жмудское. Нечаянно, с значительным отрядом войска, явился Витовт перед Ковно, где был принят как союзник и верный слуга Ордена; но едва успел он войти в крепость, как велел своим людям занять все посты, перехватал рыцарей, немецких купцов, велел разломать мосты на Немане и Вилии, потом также нечаянно овладел Гродном и новыми острожками Ордена.

С этих пор мир между двоюродными братьями не прерывался, но у рыцарей оставалась еще надежда волновать Литву и пользоваться смутю: встала вражда между родными братьями Ягайлом и Свидригайлом Ольгердовичами за материнское наследство — Витебск. Лишенный последнего, Свидригайло по следам Кейстутовича ушел во владения Ордена и отдался под его покровительство. В 1394 году великий магистр Конрад фон Юнгинген, надеясь на связь Свидригайла в Литве, нанял 200 отборных бургундских стрельцов, которых прислал ему герцог Филипп, набрал также гостей военных из Силезии, Германии, Франции, взял с собой и Свидригайла с отрядом литовских выходцев; целью похода была Вильна.

Осада Вильны в 1394 году принадлежит к числу самых замечательных событий в истории борьбы Ордена с Литвой. Несмотря на многочисленность осаждавших, их искусство, опытность вождей, превосходную по тому времени артиллерию, осажденные отбивались с таким мужеством, что великий магистр, потевряв треть войска, множество лошадей и снарядов, принужден был снять осаду и заключить мир с Витовтом, чтоб только беспрепятственно выйти из Литвы. Но кроме этих неудач военных Орден находился в затруднительных обстоятельствах и в другом отношении: стараниями короля Владислава-Ягайла христианство, по учению Римской церкви, стало господствующею религией в Литве; народ литовский стал народом христианским — какой же предлог оставался Ордену вести с ним постоянную, ожесточенную войну? Сначала Орден прибег ко лжи: старался распускать при дворах европейских слухи, что обращение

Ягайла и родичей его к католицизму есть только наружное, что литовские князья обманывают папу и весь католический мир, остаются язычниками в сердце, а подданные их — и явно. Но долго распространять таких внушений нельзя было в Европе: легаты папские были в Литве, своими глазами видели ревность Ягайла к распространению католицизма в своих отчинных землях; император вошел в дружественную связь с королем Польским, и нигде уже в Германии не верили более Ордену, так что он должен был набирать охотников сражаться с язычниками в самых отдаленных странах на юге, например в Неаполе. Со всех сторон, от императора, от папы, от соседних государей, великий магистр получал увещания к миру с Литвой, и *вечный мир* был наконец заключен между ним и Витовтом в 1398 году; но Жмудь была исключена из договора, потому что жители ее упорно противились распространению среди них католицизма.

Если великий магистр вследствие перемены отношений должен был заключить вечный мир с Литвой, то и Витовт с своей стороны должен был желать этого мира: в это время все внимание его было обращено на Восток; он принял в свое покровительство изгнанного хана Золотой Орды Тохтамыша, решил восстановить его на престоле и потом вместе с ним ударить на Московское княжество, чтоб быть великим князем всея Руси. Уже в договоре с великим магистром он обещал Ордену помогать ему в завоевании Пскова, за что Орден с своей стороны обязался помогать ему в завоевании Великого Новгорода. Великий магистр прислал ему на помощь отряд орденского войска, и в войне с Эдигеем, соперником Тохтамышевым, на берегах Ворсклы, прославившейся в начале XVIII века всемирно-историческим сражением, произошло в последний год XIV века страшное побоище, решавшее также судьбу Восточной Европы. Блистательна была роль Кейстугова сына в этой знаменитой битве: под его предводительством русские, литовцы, поляки вместе с заклятыми врагами своими, немецкими рыцарями, бились заодно против Азии, против татар. И в самом деле, казалось, такова должна была быть роль Гедиминовых потомков: судьба доставила им, один за другим, престолы Литвы, Юго-Западной Руси, Польши, Венгрии, Богемии, доставляя чрез это всем означенным государствам средства к соединению; но ни в одно из них Гедиминовичи не внесли наряда, и другой династии на Востоке суждено было дать окончательный перевес Европе над Азией, и другой династии на Западе досталась лучшая часть наследия Ягеллонов.

Витовт проиграл битву при Ворскле с страшным поражением своих, дорого достался немецкому Ордену первый союз с Литвой — большая часть его отряда легла на месте, только горсть воинов с двумя рыцарями возвратилась на родину. Потерпев

неудачу на Востоке, Витовт опять обратился к отношениям западным. Мы видели, что для успешной борьбы на Востоке он отдал языческую Жмудь на жертву Ордену; последний спешил воспользоваться этим даром, и в 1399 году, пользуясь прибытием заграничных крестоносцев, в том числе Карла, герцога Лотарингского, великий магистр выступил на Жмудь, жители которой одни не могли сопротивляться немцам и принуждены были принять подданство и крещение; некоторые из них, однако, по примеру старых пруссов убежали в Литву. Когда Орден неотступно требовал их выдачи у Витовта, то последний отвечал: «Вы, верно, хотите, чтоб я всем жмудицам зараз велел возвратиться в их землю? Хорошо; но знайте, что эти люди — самые горячие приверженцы независимости, которую вы отняли у их земляков; никто лучше их не защитит ее».

Угроза Витовта скоро приведена была в исполнение; восстание вспыхнуло во всей Жмуди; толпы вышли из лесов и ударили на новопостроенные замки орденские, сожгли их, изрубили гарнизоны, начальников, рыцарей, духовных побрали в неволю, после чего отправлены были послы к Витовту просить его взять Жмудь под свою власть. Витовт согласился; жмудины разослали по всем дворам грамоты с жалобой на Орден:

«Выслушайте нас, угнетенных, измученных, выслушайте нас, князья духовные и светские! Орден не ищет душ наших для Бога; он ищет земель наших для себя; он нас довел до того, что мы должны или ходить по миру, или разбойничать, чтоб было чем жить. Как они после того смеют называть себя братьями, как смеют крестить? Кто хочет других умыть, должен быть сам чист. Правда, что пруссы покрещены; но они также ничего не смыслят в вере, как и прежде: когда войдут с рыцарями в чужую землю, то поступают хуже турков, и чем злее свирепствуют, тем больше похвалы получают от Ордена. Все плоды земли нашей и улья пчелиные рыцари у нас забрали; не дают нам ни зверя бить, ни рыбы ловить, ни торговать с соседями; что год, увозили детей наших к себе в заложники; старшин наших завезли в Пруссию, других со всем родом огнем сожгли; сестер и дочерей силой увлекли — а еще крест святой на платье носят! Сжальтесь над нами! Мы просим крещения; но вспомните, что мы люди же, сотворенные по образу и подобию Божию, а не звери какие... От всей души хотим быть христианами, но хотим креститься водою, а не кровью».

Началась война. Рыцари, пользуясь отсутствием Витовта к брату в Краков, опустошили окрестности Гродно; зато жмудь взяла Мемель; два раза потом сильное орденское войско опустошало Литву, но не могло, как ни старалось, осадить Вильны. Витовт отплатил рыцарям опустошением Пруссии; с обеих сторон не сделали ничего важного и заключили перемирие,

а в 1404 году — вечный мир. Витовт принужден был спешить заключением мира с Орденом потому, что должен был обратить все свое внимание на отношения к Московской Руси; вот почему он уступил опять Жмудь Ордену, обязавшись даже, в случае сопротивления жмудинов, помогать Ордену при их покорении. Несмотря на это, однако, жмудь не думала покоряться добровольно. Когда орденские и Витовтовы войска входили в ее области, жители преклонялись на время перед силой, но потом восставали опять. «Немало у нас,—говорили они,—прелатов, ксёндзов и тому подобных людей, которые отбирают у нас шерсть и молоко, а в учении христианском не наставляют нас». Витовт, который уступил Жмудь Ордену только из страха пред войною московскою, когда заключил мир с зятем своим, великим князем Василием Дмитриевичем, начал думать, как бы овладеть опять Жмудью, стал поддерживать жителей ее в их восстаниях, следствием чего была новая война Польши и Литвы с Орденом. Витовту удалось очистить Жмудь от рыцарей; после короткого перемирия между великим магистром и королем Польским война началась снова. Витовт соединился с Ягайлом и встретил орденское войско под Грюнвальдом.

Никогда еще в битвах Ордена с Литвою и поляками не выставлялось с обеих сторон таких огромных сил: у рыцарей было 83 000 войска, у Витовта и Ягайла — 163 000, между которыми находились русские полки: смоленский, полоцкий, витебский, киевский, пинский и другие. В начале битвы успех был на стороне рыцарей; но отчаянное мужество русских смоленских полков, выдержавших натиск немцев, дало возможность Витовту поправить дело: рыцари потерпели страшное поражение, потеряли великого магистра Ульриха фон Юнгингена, более 40 000 убитыми и 15 000 взятыми в плен вместе со всем обозом. Легко понять, что Грюнвальдская битва была одна из тех битв, которые решают судьбы народов. Слава и сила Ордена поникли в ней окончательно; победители разъединенных пруссов встретили громадное ополчение из трех соединенных народов Восточной Европы, пред которым силы, мужество, искусство рыцарей оказались недостаточными; военное братство, существовавшее для борьбы, не имело более ни средств, ни цели для борьбы; силы его поникли перед соединенными силами трех народов христианских; в ополчении врагов Ордена не приносилось более языческих жертв; в нем раздавалась христианская молитва: «Богородице Дево, радуйся!» Орден был предоставлен собственным средствам; потерянные силы не восполнялись более толпами рыцарей из разных краев Европы, потому что Орден не вел более войн с *неверными*; следовательно, существование его становилось уже бессмысленным, ненужным — и он пал.

Известия о последних днях политического существования Тевтонского ордена не могут войти в наш рассказ: борьба его

с Литвой кончилась Грюнвальдскою битвой; с тех пор боевые кони рыцарей не топтали более отчины Гедиминовой. Цель нашего рассказа — показать важное значение борьбы Тевтонского ордена с Литвой в истории Восточной Европы. Если, с одной стороны, Литва была для последней оплотом, о который сокрушились силы рыцарей, то, с другой стороны, постоянная, опасная борьба с Орденом сдерживала силы Литвы, отвлекала их от Востока на Запад и тем самым дала возможность Северо-Восточной Руси, Московскому государству беспрепятственно закончить свою внутреннюю борьбу, беспрепятственно укрепить свои силы.

ОБЗОР ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СНОШЕНИЙ МОСКОВСКОГО ДВОРА С ЛИТОВСКИМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА *

Во второй половине XV века историки Западной Европы обыкновенно полагают конец средней истории и начало новой: такое великое, решительное значение имеют события этого знаменитого времени. Не меньшее значение имеет оно и в истории Восточной Европы: Византийская империя падает пред турками; часть южных славян поработана, но на Севере образуется Московское государство, которое прекращает господство кочевых азиатцев в великой северо-восточной европейской равнине. С другой стороны, Литва, Польша, Богемия, Венгрия стремятся к соединению под властью потомков Гедиминовых, и господство Тевтонского ордена дорущивается в пользу сына Ягеллонова. Судьба Восточной Европы в руках двух государей—Московского и Литовского; но какие же отношения между этими двумя могущественными владетелями?

Уже давно началась борьба между Москвой и Литвой; при Димитрии Донском и Ольгерде, по собственному признанию Литовского двора, как увидим ниже, борьба эта кончилась не в пользу Литвы; после, при двух Василиях Московских и Витовте Литовском, по признанию Московского двора, отношения определились не в пользу Москвы. При Иоанне III Васильевиче и Казимире Ягеллоновиче не было явной войны: Иоанн III был занят делами внутренними и восточными и не любил без сильных побуждений наступать на врага сильного; все внимание Казимира было поглощено сначала борьбою с Тевтонским орденом, потом делами богемскими и венгерскими; он не имел возможности заняться делами Северо-Востока: взял под свое покровительство Новгород и не оказал ему никакой помощи. Борьбы открытой не было; но далеко не было дружбы и союза, а между тем сношения происходили беспрестанные.

О значении этих сношений сам Иоанн III в наказе послу своему Семену Борисовичу, отправлявшемуся в Крым, отозвался: «Если хан станет говорить: «Князь великий с королем ссылается!»—то отвечать так: «Послы между ними ездят о делах

* Журнал Министерства народного просвещения. Ч. LXXXII. СПб., 1854. С. 43—78.

мелких, порубежных, а гладкости никакой и мира между государем моим великим князем и королем нет»¹.

И действительно, с первого взгляда предмет сношений кажется незначительным; большей частью идут споры о делах мелких, порубежных, приносятся жалобы на обиды русским людям в областях литовских. Но что было неважно в XV веке, то может быть, в известном отношении, важно теперь для нас в XIX веке: для нас важно, например, знать границы, на которых и о которых идут споры; для нас важно знать, зачем русские люди, то есть подданные Московского государства, заходили в области литовские. На этом основании мы не можем пренебречь этими сношениями о делах мелких, порубежных.

В 1487 году приехал в Москву послом от Казимира князь Тимофей Мосальский² с жалобой, что князья Одоевские, находящиеся в подданстве московском, нападают на князей Мезецких, находящихся в подданстве литовском; что люди князя Ивана Михайловича Перемышльского грабят литовских подданных, тогда как король не выпустил еще их господина из своей зависимости; что русские люди нападают на волости князей Глинских и заняли следующие литовские волости: Тешиново (или Тешиневичи), Сукромно, Ольховец, Надславль, Отъездец — и брали смоленскую волость Недоходов; что брат великокняжеский, князь Андрей Васильевич Можайский, взял у Вяземского князя волость Ореховскую; наконец, Мосальский жаловался, что в московских городах с литовских купцов мыты берут не по-старому.

От имени великого князя окольный Плещеев отвечал послу, что Мезецкие князья первые начали, Одоевские только мстили им; что королевские пограничные князья убили князя Семена Одоевского. Что же касается князя Ивана Михайловича, то он бил челом в службу к великому князю, и тот посылал к королю от него с отказом: «Не ведаем, каким обычаем король к нам так приказывает, что нашего слугу своим зовет; а ведомо королю, что и прежде нашему отцу и нашим предкам те князья служили и с своими отчинами».

Касательно форм заметим, что король присылал великому князю от себя поклон, от сыновей своих челобитье; точно так же и великий князь посылал королю и королевичам поклон, а князь великий молодой (Иоанн Иоаннович) приказывал королю челобитье, а королевичам поклон.

Мосальский был в Москве в октябре 1487 года, а в генваре следующего 1488 года отправился из Москвы к королю послом Михайло Степанович Яропкин, который должен был объявить, что великий князь спрашивал брата своего Андрея и тот отвечал, что никаких земель Вяземских к Можайску не брал; что Тешинов, Сукромно и другие вышеупомянутые места тянут издавна к Можайску; напротив, князь Андрей Васильевич жалуется, что его

людям от королевских людей много лиха чинится; жалуется и князь Белевский, что ему много обид от князей Воротынских.

Но за этим Яропкин подал другого рода жалобы, в которых содержатся любопытные известия о русской торговле в XV веке: узнаем, что купцы из московских областей торговали в Вязьме, Киеве, Чернобыле, Чернигове, Смоленске, Дорогобуже, Гомеле, Колодницах, Вильне, Новгороде-Северском, Радогоце, Трубейке, Брянске, Минске, Полоцке, Люблине; московские купцы ездили за море (Черное), в Кафу, и возвращались оттуда чрез литовские владения. Шли из Кафы трое купцов московских — Семен Феофанов, Василий Ворошилов, Бекет; их в Пропорске схватили и отослали вместе с товаром в Вильну. Яропкин жаловался, что московским гостям вообще много насилий делают в Литве; мыты установили новые: прежде брали в Вязьме по грошу с воза, а теперь берут по деньге; в Волочке Вяземском прежде брали с судна товарного по два гроша, а теперь берут по три; в Смоленске брали один раз тридцатое с гостей, как они ехали в Киев и возвращались назад в Москву, а теперь берут два раза; в Смоленске же давали прежде *рядничему* с товарного человека по грошу с головы, а теперь прибавлено, и с робят людских берут по грошу; один ли кто приедет, сам ли десять приедет, все одно берут на рядничего по гривенке перцу и столько же на старосту. В Колодницах и Вильне прежде не брали ничего, а теперь берут. Узнаем, что из Кафы московские купцы вывозили камки и тафты, инбирь, перец, тясму шелковую, шелк, мыло, гребни, епанчи бурские, ожерелья, дорогие камни, губки. Узнаем, что, приехавши в город, купцы относили поминок воеводе и жене его.

После Яропкина ездил в Литву князь Палецкий в марте того же года с требованием, чтоб король отпустил жену князя Бельского, перешедшего на службу в Москву. С ответом на это требование в том же месяце явился в Москву опять князь Мосальский и вместе привез жалобы, что король несколько раз посылал просить управы относительно Великих Лук, Ржевы и Чернокунства и удовлетворения до сих пор не получил; что дани с этих волостей шли королю и его предкам, а теперь уже несколько лет, как он не получает никаких даней и доходов; Казимир послал на Великие Луки своего наместника, но московские наместники его не пустили. Король жаловался также, что из Тверского княжества, которым правил сын Иоанна III Иоанн Молодой, приходили дворяне под начальством князя Оболенского и разграбили вяземский город Хлепен; также повоевали волость Труфонов, волость князя Бывалецкого — Негомир и Сочовки. Насчет дел Мезецких и Одоевских Казимир настаивал на прежнем показании, задержанных купцов московских обещал отпустить. В ответ Мосальскому подали список *обидных дел*: из Любутска приезжали литовские люди на Серпуховскую дорогу

на Лопастне и грабили; разбойники жили на Дугне и были люди князя Трубецкого; одного разбойника поймали и привели на допрос к самому Мосальскому.

В июле того же года отправился послом к королю Андрей Карамышев просить пропускного листа московскому послу, ехавшему к Стефану, воеводе Волошскому; Карамышев должен был просить также, чтоб и вперед всегда можно было московским людям ездить в Валахию, а волохам в Москву чрез королевские владения. Казимир на этот один раз дал лист, но на будущее время отказал под тем предлогом, что не имеет при себе Рады.

В исходе декабря приехал от короля посол Иван Федорович Плюсков, смолянин, с жалобами, что из Калуги приходили московские люди на литовские города и много вреда наделали; жаловались королю данники его торопчане, что московский слуга князь Федор Иванович Володимерович сильно их обижают; люди князя Андрея Васильевича приходили на королевскую волюсть к Дмитрову, на отчину Плинских князей — Турье; жаловались князья Воротынские и Мосальский, что русские люди брали Людимск, Бышкевичи, Лычино, Недоходов. Дьяк Одинец отвечал послу на эти жалобы жалобами же, что из Любутска наехали на калужские места; сын боярский Челищев погнался за разбойниками, встретился с любутским воеводой и взял его в плен; князья Воротынские посылали своих людей на медынские места; из Торопца наместник торопецкий, князь Семен Соколинский, посылал людей на новгородские волости.

В марте 1489 года отправился к королю опять Яропкин с жалобами на притеснения, которые терпят купцы московские в Литве. Купцы новгородские, и между ними Демьян Фрязин, шли из-за моря чрез Литовскую землю; Фрязин шел на великокняжеское имя и вез на это имя ковер, да восемь зерен жемчугу, а тянуло в том жемчуге 52 *почки*; на этих купцах взяли в Минске непошлый мыт, потом весь товар пограбили, взяли и деньги, придравшись, будто вместо ладана купцы продали смолу; велели купцов бить и мучить и деньги на них брать за то, что Фрязин не продал ковра жиду-мытнику. Один московский торговец шел также из-за моря чрез Литовскую землю, и в Смоленске взяли у него силой кувшин орехов грецких чиненых. У московского же торговца в Смоленске взяли тридцать *миткалей* без трех жемчугу, а в миткале по тридцати зерен без двух, да взяли *жиковину* (перстень) золотую да ковер. У московского посла, отправлявшегося в Валахию, украли двоих людей, деньги и рухлядь. От князя Палецкого во время его посольства в Литве бежал человек, покравши, и бежал к князю Василию Михайловичу³; Палецкий жаловался королю, король дал ему лист, и посланы были к князю Василию Михайловичу королевский человек да подьячий Палецкого, но князь Василий не подумал отдать человека и пограбленного последним.

Торговые люди, коломнич и можаичи, торговали в Путивле. У них взяли: мед, бобров, *почеревесей*, выдр, воск, горностаев, рысей, лисиц, белок, шелк, тафту, 15 *изуфрей* тяжелых, краски, атлас, епанчи бурские, 40 орлов перья. Великого князя гости — московские, тверские, новгородские, человек 120 кроме прислуги, шли из Крыма; у них было пограблено 12 *ларивоников* цветного шелку да 70 *брусов* мыла *халяпского*, два *косяка* тафты *ездинской*, косяк тафты бурской, 130 ларивоников цветного шелку кафинского, 70 литр бурского, две камки *куфтери* кафинские червчатые — мелкий узор, 24 *изуфи* (sic) ангурьских тяжелых, четыре полсти бурских епанечных, а в полсти по четыре епанчи, два терлика *хандрячных*, *огабень* обьяри, сабля черкасская, два тегиляя тафтяных, три сафьяна червчатых, три сагадака, бумажник, одеяло, терлик безинный, ковер, четыре ширинки кисейных с золотом, два батмана перцу кафинских, косяк беги *халипской*, 10 литр шелку *токатского*, три *кальи* краски, два *кантаря* ладану, рубль денег *атманских*, два косяка *фараузу* шелкового, три рубля кафинских денег да четверть *мскусу*, 17 гривенок *кардашу*, 20 *нюг* шафрану, шесть почек алмазу, 8 жемчужков, два камешка яхонтовых, портише *муштандану*, пять киндяков темно-синих, постав епанечный, 20 *нюг* бумаги *крупчатой*, 10 рублей ордынских денег, 30 аршин каймы, 50 *нюг* мыла, пять ларивоников шелку *артахозу*, 4 почки мскусу, три косяка фараузу — два бурских, один ездьский, 20 аршин ожерелий кафинских, 4 кантаря калп фатисного, гривенка ревеню, гривенка канфары.

Великого князя человек Игнат Верблюд шел из Киева в Смоленск и ночевал под Мстиславлем: тут его разбили на ночлеге, взяли у него 150 гривенок гвоздики, 30 гривенок *кицилибуги*, полтретьянадцать гривенок миндальных ядер, кушак турецкий, тафту турецкую, гуню волошскую белую; он жаловался княгине Ульяне Мстиславской, та обещалась дать ему управу и не управила; потом за 30 верст до Смоленска, в селе Ивановском, велел его поймать пан Иван Ильинич, — и взяли у него кувшин орехов грецких чиненых; в Смоленске пограбили его мытники, которые, надобно заметить, были по всем городам еврей. Король обещал обо всем этом доведаться.

Но вместо ответа на жалобы московские Казимир прислал к Иоанну в июле того же года опять князя Тимофея Мосальского с жалобами относительно Великих Лук и Ржева, с жалобами литовских украинских князей на нападения москвитян, с жалобами на опустошение сел около Торопца. Великий князь отвечал чрез Бориса Кутузова, что он не ведает, какие кривды королевским людям от русских людей починились; что он чужих земель не держит, напротив, король держит его земли и воды и от королевских людей русским людям кривды чинятся.

«Луки Великие и Ржева, — велел он сказать послу, — наша Новгородская земля, и мы того не ведаем, которым обычаем

король наши волости, вотчину нашу зовет своими волостями: и король бы в наши волости, Луки Великие и Ржеву и в иные места Новгородские, в нашу отчину не вступался».

В декабре Григорий Путятин отправился к королю с следующими речами от великого князя: «Что служил тебе князь Дмитрий Федорович Воротынский, и нынче он нам бил челом служить; так тебе бы это ведомо было». Путятину было наказано: как будет близ того места, где король, то наперед себя пусть отпустит человека, который с ним поехал от князя Димитрия Воротынского целованье сложить королю. В Москве знали, как озабочен король делами прусскими, и потому было наказано Путятину: «Что за Казимиром, королем Польским, Прусская земля: Гданеск, Хвойницы, Турун и иные города, то о том пытаться». На речи Путятина король отвечал, что он Воротынского из присяги не выпускает.

В мае 1490 года поехал в Литву в третий раз известный нам Яропкин с жалобой на притеснения, которые терпят русские люди в литовских владениях. Из этой жалобы узнаем также некоторые любопытные подробности о русской торговле; так, например, в Киеве были наши торговцы, тверичи — Климуша Михалев и Васька Аннин — *складники, у обоих товар за один был*. Обозначен один из торговых путей: тверские купцы шли в литовскую землю на Полоцк к Вильне и пришли в Дрецькие Луки рекою Двиной в судне; в Полоцке эти купцы наняли двоих людей, которые обязались поставить их в Вильну на судах и на телегах; плыли в Вильну рекою Велиею. Между товарами русских купцов, торговавших в Литве, упоминаются: белка — шувайская и устюжская, ласица (sic), воск, шубы, однорядки, кожухи, епанчи, колпаки, шапки, однорядки новгородские, свиты новгородские, овчины, щиты, бубны соколки, коробьи с москотиньем, малые овчинки, зерцала, батарлыки, наручи, наколенки. Король отвечал, что все пограбленное у московских купцов в Киеве отдано; что московские купцы объезжают мыта — Смоленское и Минское — новыми дорогами и таких купцов везде останавливают.

В июне явился в Москву от короля пан Станислав Петряшкович с жалобами: князя — Иван Васильевич Белевский и Иван Михайлович Воротынский служили Литве и, сломавши присягу, переехали с отчинами и с пожалованиями в Москву. Потом сделал то же князь Димитрий Федорович Воротынский, перешел к Москве с *дольницей* (уделом) брата своего, князя Семена, казну последнего всю себе взял, бояр всех и слуг захватил и насильно привел к присяге служить себе; кроме того, князь Димитрий захватил волости: Серенск, Бышковици, Лычино, Недоходов. Король требовал также, чтобы великий князь не велел вступаться в город Козельск, о котором есть особая грамота. Иоанн отвечал

через Михаила Яковлевича Русалку: «Ведомо королю самому, что нашим предкам, великим князьям, да и литовским великим князьям князья Одоевские и Воротынские на обе стороны служили с своими отчинами, а теперь эти наши слуги старые к нам приехали служить с своими отчинами—так они теперь наши слуги». Относительно Козельска велено сказать, что он во всех грамотах записан за Москвой, и показать послу ту особенную грамоту, на которую ссылается король.

В ноябре 1491 года Василий Хребтович приехал в Москву с теми же жалобами на отъезд князей и на поведение пограничных воевод: «Колычев, наместник твой на Чернокунстве, наслал многих людей на нашу Торопецкую волость и многие земли нашей волости Торопецкой и Козаринской зарубил и с людьми к Чернокунству». Посол жаловался также, что недалеко от Москвы купцов смоленских побили и товары их пограбили. Дьяк Курицын отвечал от имени великого князя, что разбойники, пограбившие и побившие купцов смоленских, сысканы и казнены; пограбленное они истеряли; но великий князь не хочет, чтобы эти вещи пропали: пусть жены, дети или кто из роду побитых приедет в Москву и получит вознаграждение. В заключение Курицын сказал Хребтовичу: «Нынешнего лета взяли русские люди у татар пленников—христианские головы, и нашлось, что эти пленники из литовской земли: великий князь их отпускает в Литву, вот они перед тобою, возьми, как и прежде дельвалось».

В марте 1492 года приехал в Москву от короля послом Воинко Клочко с жалобами: во время отсутствия князя Федора Ивановича Одоевского из Одоева московские слуги, князья Одоевские, схватили его мать и отчину его, половину города Одоева, засели. Люди князей Воротынских, также великокняжеские люди—калужане и перемышляне, четыре брянских волости взяли. Князь Андрей Васильевич Белевский жаловался, что в его отсутствие брат его Иван Васильевич Белевский, служивший прежде королю, отбежал и, приехавши со многими людьми, князя Василия, брата Андрея, схватил и заставил насильно целовать крест, чтобы не служить королю, а вотчину князя Андрея за себя взял. Послу отвечали: князь Иван с братьею Одоевские сказывают, что ничего брату своему не делали, на что он жалуется; а есть у них с ним слово о вотчине, о большом княжении, по роду, по старейшинству: пригоже, сказывают, быть на большом княжении князю Семenu Ивановичу, и они посылали к брату своему князю Федору уговориться (смолву учинить) о большом княжении, и он с ними не стал уговариваться. Так велел бы король князю Федору уговориться, кому пригоже быть на великом княжении и кому на уделе; уговорятся—хорошо, а не уговорятся, то великий князь пошлет разобрать их своего боярина, и король пусть пошлет своего пана. О брянском и белевском деле великий князь не знает.

В мае отправился из Москвы к королю Берсень Беклемишев с такими речами: «Ведомо тебе, что князья Воротыньские и Белевские нашим предкам и твоим предкам на обе стороны служили с отчинами; теперь они приехали к нам служить по-прежнему и с отчинами: так теперь это наши слуги и с отчинами. Свои убытки поминаешь, о наших же забыл, сколько наших *именистых* людей твои люди побили. Ездили наши люди на поле оберегать христианства от бесерменства, и твои люди на них напали из Мценска, Брянска и других мест; литовские люди наехали на Тверскую волость; торопецкий наместник приходил на Новгородскую землю войною на Холмской погост; лучане также бьют челом о наездах; купцов московских, идущих из Царяграда, грабят в Литве». В жалобе Берсеня встречаем также любопытное известие о степных *сторóжах*: Берсень жаловался, что литовские наезжники из Мценска пересекли сторожей великокняжеских на Донце, ограбили сторожей-алексинцев, сторожей на Шате. В наказе Берсеню было написано: «Спросят: «Какие города и волости великокняжеские король держит за собою?» Отвечать: «Город Хлепень с волостями и Рогачев»».

Посольство Беклемишева было последним от Иоанна к Казимиру: 25 июня 1492 года король умер; со вступлением на литовский престол сына его Александра сношения с Москвою принимают другой характер.

В июле 1492 года к новгородскому воеводе Якову Захарьичу явился писарь Лаврин, посланец от полоцкого наместника пана Яна Заберезского, под предлогом покупки разных вещей в Новгороде; собственно же, для того, чтобы начать переговоры о сватовстве Александра на дочери великого князя Московского. Яков Захарьич сам отправился в Москву донести о предмете Лавринова посольства. Великий князь созвал бояр, и сначала было приговорили, что Якову против тех речей своего человека к Заберезскому не посылать. Но когда Яков уехал уже в Новгород, великий князь передумал и послал приказ Якову отправить своего человека в Полоцк, не прекращая, впрочем, войны, «занеже и меж государи ссылка бывает, хотя бы и полки сходились». Иоанн приказывал Якову писать вежливо, потому что Заберезский писал вежливо; Яков должен был наказать своему посланцу, чтобы тот смотрел всех тамошних дел: каково королевичево дело с панами, и каково дело у них в земле, и какой слух про королевичеву братью? Посланный должен был сказать Заберезскому, что прежде мира нельзя толковать о сватовстве. Заберезский попробовал начать дело с другой стороны: написал о том же к первому московскому боярину Ивану Юрьевичу Патрикееву: «Поразумей по своему государе, великом князе: была ли бы воля его дать дочку свою за нашего государя великого князя Александра? А мы здесь с дядьями и братьею нашу хотим в том деле постоять».

В ноябре 1492 года явился в Москве и посол Александров, пан Станислав Глебович. Посольские речи заключали в себе жалобы на старые обиды и новые: сожжение Мценска и Любутска; взятие Вяземских волостей — Хлепена и Рогачева; сожжение Мосальска; взятие Негомира, волости князя Бывалецкого — Вяземского и Бывалицы; взятие Тешинова, волости князей Крошинских. Отправив посольство, Глебович обедал у великого князя, который после обеда отправил к нему на подворье с медом князя Василья Ноздроватого. Глебович и товарищ его Владычко говорили с Ноздроватым на пиру пьяные о сватовстве и мире и сказали, что об этом же должны они говорить и с князем Иваном Юрьевичем. И действительно, на пиру у последнего они говорили об этом; но когда на другой день князь Иван Юрьевич по приказу великого князя спросил у Станислава о деле, то посол отвечал, что говорил от себя, а не по приказу Александрову и просил, чтобы князь Иван Юрьевич выведал у своего государя, хочет ли он выдать дочь свою за Александра. Князь Иван Юрьевич отвечал на это вопросом: «По-вашему, какому делу надобно быть прежде — миру или сватовству?» Послы отвечали, что когда литовские великие люди приедут, то они с московскими великими людьми будут о том говорить. На официальные речи отвечал послам от имени великокняжеского казначей Димитрий Владимирович, что не москвичи обижают Литву, а Литва — москвичей; что мценяне и любчане беспрестанно нападали на Московские области и на сторожей; что русские люди, не могли долее терпеть, ходили на Мценск и Любутск за своими женами, детьми и животами; что Хлепен в старых договорах приписан к Московскому княжеству, а Рогачев исстари принадлежал к Твери; что о сожжении Мосальска в Москве не знают; что вяземский купец пограблен в Старице за то, что тверского купца ограбили в Вязьме. Князь Иван Юрьевич отвечал от себя насчет сватовства: «Когда будет мир, тогда и то дело начнет делаться, а наши братья и мы того хотим». Князь прибавил, что когда приедут литовские послы за миром, то чтобы при деле лишних речей не было: и прежде от короля Казимира приезжал посол Богдан, но много было лишних речей, почему дело и не сделалось. Князь Иван Юрьевич написал ответ и пану Яну Заберезскому, что прежде всего надобно мир заключить и чтобы паны этим делом не медлили; относительно же условия, чтобы оба государства держали те земли, которые издавна им принадлежали, отвечал, что великий князь Иоанн земель Литовского государства не держит, держит свои земли.

С ответом на это письмо Заберезский прислал к Патрикееву нового посланца; он писал, что говорил с князем бискупом и с панамы Радую; все хотят, чтобы дело вперед пошло к доброму концу, хочет этого и сам Александр, хочет слать послов

в Москву; но послы не прежде поедут, пока возвратится человек Заберезского с более решительным ответом: «Как вы своего государя честь стережете, так и мы: если великие послы вернутся без доброго конца, так чему доброму то дело пойдет наперед?»

В январе 1493 года отправился в Литву послом дворянин Загряжский. До сих пор в сношениях с Казимиром форма верующих грамот была следующая: «От великого князя Ивана Васильевича Казимиру королю Польскому и великому князю Литовскому: послали есмо» и проч. Но теперь Загряжский повез Александру грамоту, которая начиналась так: «Иоанн, Божию милостью государь всея Руси и великий князь Володимерский и Московский и Новгородский и Псковской и Тверской и Югорский и Болгарский и иных великому князю Александру Литовскому». Загряжский должен был сказать Александру:

«Служил тебе князь Семен Федорович Воротынский, и он нынче нам бил челом служить. Служили тебе князь Андрей да князь Василий Васильевичи Белевские, да князь Михайло Романович Мезецкий, да князь Андрей Юрьевич Вяземский, и они нынче нам били челом служить и с вотчинами: и тебе бы то ведомо было». Загряжский должен был требовать также, чтоб Александр освободил задержанных людей князя Воротынского и чтобы запретил князю Михаилу Вяземскому вступаться в вотчину князя Андрея, перешедшего в Москву. Послу дана была следующая *память*: «Спросят его про то, для чего князь великий написался государем всея Руси: прежде отец его да и он сам к отцу государя нашего так не приказывал?» — Отвечать: «Государь мой со мною так приказал, а кто хочет то ведать, поезжай на Москву, там ему про то скажут». Загряжский привез ответ князя Ивана Юрьевича к пану Заберезскому; Патрикеев, называя себя наивысшим воеводою своего государя, пишет в ответ на опасения Заберезского относительно бесполезности отправления великих послов: «Сам, пан, поразумей: коли промежи государи великие люди ездят, тогда Божьею волею меж их и доброе дело делается». Александр отвечал Загряжскому, что пришет в Москву своих послов. Между тем пан Загряжский прислал опять в Новгород к Якову Захарьичу просить позволения купить двух кречетов. Яков послал сказать об этом великому князю, который отвечал ему, что дело здесь не в кречетах, а, верно, прислано затем, чтобы высмотреть, или «задираючи переднего для дела»; что пригоже послать Якову в Полоцк своего человека с кречетами и грамоту послать к Заберезскому *о переднем деле*: «Изымаются за дело, ино дай Бог так, а не изымаются, ино в том нам низости некоторые нет». Иоанн приказал Якову Захарьичу, чтобы послал в Полоцк человека, который бы мог смотреть о тамошнем деле и пытаться вежливо; а с Яковым человеком послать до рубежа пристава, который бы смотрел, чтобы с ним никто не

говорил, и впредь так поступать, если кто снова придет из Литвы. Забerezский отвечал, что поруха доброму делу от Москвы, которая забирает города и обижает Литву; если эти обиды загладятся, то и дело пойдет вперед.

В июне явился посол Александров в Москву, Андрей Олехнович, который объявил, что его великий князь не выпускает из присяги князей, поддавшихся государю Московскому; требовал, чтобы последний не принимал их, и жаловался, что московские войска пожгли Мценск, Серпейск, Мосальск, Городечну, Опаков, город Вязьму взяли и князей с головами свели. Потом Олехнович правил посольство князю Ивану Юрьевичу от епископа Войтеха и панов: здесь он жаловался, что Московский великий князь имя свое написал высоко, не по старине. Ответ великого князя: «Князья Воротынские и Белевские — старые слуги Московских князей, а в невзгоду отца нашего были у Казимира-короля; города взяты и пожжены оттого, что когда князь отъехали в Москву, то князь Можайский начал воевать их земли». Иван Юрьевич отвечал, что государь высокого ничего не писал и новины никакой не вставил: что ему Бог даровал, от дедов и прадедов, от начала он правый, урожденный государь всея Руси, и которыми землями его Бог наделил, те он и писал.

В сентябре приехал новый посол Ключко с просьбою о пропускном листе для великих послов; Ключко был и у князя Патрикеева с просьбою от панов, чтобы Иван Юрьевич доведался у своего государя, хочет ли он мира с Литвой. Лист был дан, и Патрикеев отвечал, что мира хотят.

Великие послы приехали в январе 1494 года: то были Петр Янович, воевода Троцкий, и Станислав Янович, староста Жмудский. Послы предложили мир на тех условиях, на каких он был заключен между Василием Темным и Казимиром. Иоанн велел отвечать: «Ныне между нами такому dokonчанию нельзя братья, и если Александр поминает предков наших и своих, то и мы хотим так, как было при наших предках Симеоне Ивановиче и Иване Ивановиче и при Ольгерде». Когда послы спросили, почему великий князь не хочет dokonчания по Казимирову договору, то бояре отвечали: «Тот мир заключен при невзгоде государей наших, деда и отца великого князя». Послы с своей стороны отговаривали Симеонов договор стариною и невзгодою своих князей, Ольгерда и Кейстута. Послы были у великой княгини и перед тем, как идти к ней, спрашивали, будут ли при ней дочери; им отвечали, что дочерей не будет. Затем послы представили список смоленских пригородов; то были: город Мещовск и другой город, Акдырев; волости этих городов: Силковичи, Новое Село, Немерзки, Уруга, Брынь, Сухиничи, Орнеры, Барятин, Хозци, Олешна, Рука, Лабодин, Устье, Жабын, Бакино. Другие смоленские пригороды: город Мосальск,

Серпейск, Серенск, Бышковичи, Залидов, Опаков, Городечна, Лучин, Перемышль. Волости смоленские: Трубна, Городенка, Порыски, Тарбеев, Олопов, Жеремин, Озереск, Дагинеск, Краишино, Недоходов, Лычино, Нерожа, Путынь, Дорожмиря Гора, Кнутова Дуброва, Сквородеск, Гостижа, Бельивста (sic), Вежки, Турье, Жулин, Мошкова Гора, Ошитов, Дмитров, Пустымошин, Лугань, Липици, Верх, Серена, Фоминичи, Вежична, Дегна, Колвыка, Делена, Мошын, Ужеперет, Замошье. Владыки Смоленского волости: Погостище, Любунь, Ближевичи, Печки. Крошенских князей волости: Тешынов, Сукромна, Ольховец, Отъезд, Залоконье, Волста, Клыпино, Нездилово, Чарпа, Головичи. Город Мценск с волостями, город Любутск с волостями, город Вязьма с волостями. Бояре, посмотревши список, отвечали, что в нем между смоленскими волостями писаны волости Боровские, Медынские, Можайские; именно Боровские волости: Трубна, Путын; Медынские: Городенка, Нерожа, Дорожмиря Гора, Кнутова Дуброва, Сквородск, Гостижа, Бельевста, Вежки; Можайские: Турье, Тешынов, Сукромна, Ольховец, Отъезд.

После споров послы уступили эти волости. В dokonчании Василия Темного с Казимиром Козельск был написан *на обыск*, то есть после заключения мира должно было обыскать, кому этот город прежде принадлежал, тому и отдать его. Литовские послы точно так же хотели написать и о Вязме или вовсе о ней не упоминать, оставя ее на деле за Москвой; но бояре не согласились, и Вязьму написали в dokonчание в числе уступленных Москве городов. Москва уступила Литве Мценск, Лучин, Дмитров, Мошныны оба, Жулин, Мошкову Гору, Ошытов, Волсту, Клыпино, Нездилово, Залоконье, Чарпы, Головичи. Князья Новосильские все, Одоевские, Воротынские и Белевские отошли к Москве с вотчинами и с податью, которую давали Литве. Потом бояре уступили Мосальск Литве; при Ольгерде половина Серенка была за Москвой, а другая за Литвой; теперь послы уступили весь Серенск Москве. О Мещовске (Мезецке) порешили так: которые мезецкие князья служат Литве, те ведают свои дольницы; которые служат Москве, те ведают также свои дольницы; которые князья в плену в Москве, тех выпустить, и пусть служат кому хотят; Любутск отошел к Литве вместе с Лычиным, Недоходовым, Залидовым, Бышковичами и Опаковым по Угру.

По заключении договора⁴ послы обратились к сватовству: Иоанн согласился выдать дочь свою Елену за Александра, если только, как говорили послы и ручались своею головою, неволи ей в вере не будет. На другой день послы отправились к великой княгине и увидали Елену, после чего, в тот же день, было и обрученье: кресты с цепями и перстни меняли; место жениха заступил пан Станислав, а Петра отставили потому, что у него другая жена. Иоанн потребовал, чтоб Александр дал ему утверж-

денную грамоту о вероисповедании Елены в следующей форме: «Нам его дочери не нудити к Римскому закону, держыт свой Греческой закон».

Для скрепления договора присягою со стороны Александра отправились в Литву послами князя Василий и Семен Ряполовские. Александр присягнул в соблюдении договора, а касательно веры будущей жены своей дал грамоту, в которой, назвав Иоанна государем всея Руси, обещал не нудить Елены к Римскому закону, но прибавив: «Если похочет сама, то ее воля». Ряполовские, увидев прибавку, не взяли грамоты, ибо получили от Иоанна следующий наказ: «Говорити накрепко, чтобы дал грамоту по списку слово в слово. И которыми делаы станет накрепко князь велики, не всхочет грамоты дати, ино тогды о грамоти не стояти, а укрепити его о том речми, чтобы крепкое свое слово молвил, что ему о Греческом законе неволи не чинити». Когда в августе 1494 года приехал из Литвы посол Лютавор Хребтович, то великий князь спросил у него, зачем Александр не дал грамоты о вере в той форме, какая была дана послам его? Хребтович сказал, что он не может отвечать на это, ибо не имеет наказа. Иоанн велел тогда сказать ему, что если Александр не даст грамоты по прежней форме, то он не выдаст за него дочери. В октябре приехал из Литвы Павел Путятич и привез лист о вере, какого требовал Иоанн; последний назначил тогда срок, когда приезжать за Еленою,—Рождество Христово, «чтоб нашей дочери быть у великого князя Александра за неделю до нашего великого заговенья до мясного».

6 января 1495 года послы явились: князь Александр Юрьевич, воевода Виленский, известный уже нам Ян Заберезский, наместник Полоцкий, и другие. Когда они проговорили свою речь, Иоанн отвечал им: «Скажите от нас брату и зятю нашему, великому князю Александру: на чем нам молвил и лист свой дал, на том бы и стоял, чтобы нашей дочери некоторыми делы к Римскому закону не нудил; если и захочет наша дочь приступить к Римскому закону, и мы ей на то воли не даем, а князь бы великий Александр на то ей воли не давал же, чтобы между нас про то любовь и прочная дружба не порушилась. Да скажите от нас: как если, даст Бог, наша дочь будет за ним, и он бы нашу дочь, а свою великую княгиню жаловал, держал бы ее так, как Бог указал мужьям жен держать, а мы бы, слыша его жалованье к нашей дочери, радовались. Чтобы делал для нас, велел бы нашей дочери поставить церковь нашего Греческого закона, на переходах у своего двора, у ее хором, чтоб ей близко было к церкви ходить. Да скажите от нас бискупу, да и панам вашей братье, всей Раде, да и сами того поберегите, чтоб брат наш и зять нашу дочь жаловал, а между бы нас братство и любовь и прочная дружба не порушилась, доколе даст Бог».

За Еленю отправились в Литву послами князь Семен Ряполовский, боярин Русалка и Прокофий Зиновьевич с женами, дворецкий, окольнічие, стольники, конюшие, ясельничие, истопники. Послам великий князь дал наказ, чтоб Елена во всех городах, чрез которые будет ехать, была у соборных церквей и слушала молебны; между прочим, читаем в наказе: «В Витепске мост городовой худ, и если можно будет ей быть в соборной церкви, и ей быть; если же нельзя, и ей не быть». Наказано, как поступать, если какие-нибудь паньи встретят великую княжну; если кто-нибудь из панов сделает обед для Елены, то жене его быть на обеде, а самому ему не быть. Если кто-нибудь из князей, выходцев московских, Шемячич и другие, захотят челом ударить великой княжне, то не допускать их до нее; и после в Вильне требовать от Александра, чтоб он не велел этим князьям и княгиням их ходить к Елене. Касательно встречи с женихом следующий наказ: «А встретит сам князь велики, ино ис тапканы княжне выйти, и челом ударити, а тогда ей быти в наряде, а позовет ее к руце, ино ей к руце итти, и рука дати. А взвелит пойти ей в свой воз, а не будет его матери, ино в его воз не ити, ехати ей в своей тапкане».

«И князь велики великую княжну встретил до города за три версты, да туто на жеребце стал, а тапкана стала же, и туто от великого князя послали к тапкане постав сукна черленого, а у тапканы послали по сукну великого же князя камку бурскую с золотом, и великая княжна из тапканы на камку вышла, а за нею боярыни вышли же, а князь велики на сукно с жеребца сшел, да по сукну к великой княжне пошел, да великой княжне дал руку, да и к себе ее принял, да и о здоровье спросил, да великой княжне велел опять пойти в тапкану, а боярыням княгини Марьи да Русалкине жене руку дал же, а сам князь велики на жеребце пошел».

Во время венчания: «Бискуп да и князь велики о том побранили накрепко, чтобы поп Фома молитв не говорил, а княгини Марья венца не держала, и князь Семен у них то отговаривал, а поп Фома таки молитвы говорил, а княгини Марья венец держала».

Отпуская Ряполовского и Русалку, Александр сказал им, что не может исполнить желания Иоаннова касательно построения православной церкви близ дворца Еленина; отказ последовал на том основании, что в правах написано о неприбавлении русских церквей в Литве. Когда в мае 1495 года приехал от Александра посол в Москву, Станислав Петряшкович, то Иоанн сказал ему: «Ино то наш рат князь велики сам ведает, с кем будут предкове его да и он имеют те права: нам до тех его прав дела нет никоторого; а с нами брат наш князь велики да и его Рада делали

на том, что нашей дочери держати свой Греческий закон, и на чем нам брат наш молвил, да и его Рада, ино все делается не по тому». Тогда же великий князь послал к дочери гонца Михаила Погожего, который должен был подать ей грамоту следующего содержания: «Сказывали ми здесь, что деи по грехом не можешь, и яз послал тебя видети Михаила Погожего; и ты бы ко мне с ним же отписала, чем не можешь, и как тебя нынече Бог милует». Потом наедине гонец должен был сказать великой княгине от имени Иоаннова: «Ту свою грамоту о твоей болести послом есми к тебе того деля, чтобы не знакомисто было чего деля есми послал к тебе Погожева». Погожий послан был сказать Елене, чтоб она не держала при себе римских католиков и не отпускала московских бояр, из которых главным при ней был князь Ромодановский. Последнему Погожий должен был сказать от великого князя: «Те речи все, что ко мне дочи моя пишет, и что вы пишете, и что с вами дочи моя говорит, и робята у вас ведают, ино пригоже ли так делаете?»

В июле приехал из Литвы в Москву гонец Ян Ядров с известием, что крымский хан Менгли-Гирей идет на Литву; Александр и Елена просили великого князя о помощи; Иоанн чрез гонца своего Третьяна Далматова велел спросить у Александра: «Ты бы к нам оказал, Менгли-Гирей царь из Перекопи вышел ли, и к которым украинам твоим идет, и о которые дни чаяти его прихода, чтобы еси брат наш нам про то ведомо учинил, как нам тебе помочь свою учинити?» Александр отвечал, что еще Менгли-Гирей до Днепра не дошел, а как слухи будут, то он об них даст знать в Москву.

В августе отправился в Литву боярин Кутузов повторить требование относительно церкви для Елены; он должен был требовать также, чтоб Александр не заставлял жену носить польскую одежду, не приставляли к ней слуг латинской веры, писать титул Иоаннов, как оно писано в договорной грамоте, не запрещал вывозить серебра из Литвы в Россию, отпустил жену князя Бельского в Москву. В январе 1496 года отправился к Александру новый посол, Третьяк Далматов, с жалобой, что в Литве не пропустили турецкого посла и купцов, ехавших в Москву. С ответом на эти посольства Александр прислал Федьку Писаря: насчет церкви был прежний ответ, что новых Греческих церквей нельзя строить; насчет слуг Александр отвечал: «Кого ся намя видело к нашой великой княгине приставити, которые ся к тому годили, тых ясно приставили, а веджо тым ее закону Греческому ничей переказы нет». Насчет вывоза серебра был ответ, что этот вывоз запрещен вообще в Литве; относительно же турецкого посла Федька объявил, что он не пропущен как лазутчик. Кроме этих ответов посол привез жалобы на обиды, причиняемые русскими пограничниками литовским; жалобу, что боя-

рин Иван Васильевич забрал много земель Торопецкой волости, что белевцы сильно обижают мценян; наконец, посол требовал, чтоб князьям Мезецким, находящимся в литовской службе, возвращена была их дельница, захваченная их братьями.

В мае того же года Иоанн отправил в Литву Яропкина с объявлением, что Стефан, господарь Молдавский, и Менгли-Гирей, хан крымский, готовы помириться с Литвой; Яропкин должен был требовать пропуска послов турецких, крымских, молдавских и сказать, что оправдание Александрово относительно не пропуска турецкого посла не имеет силы: «И к Казимиру королю от турецкого многие послы бывали, и гости многие ходили в вашу и нашу землю без зацепки, и теперь из Турции в Литву и из Литвы в Турцию гости ходят... Мы с тобою в любви и в докончаньи и в крестном целованьи и в свойстве, и ты ко мне послов и гостей не пропускаешь?» Александр отвечал: «Тесть наш говорит о всех делах, о наших же молчит, какие нам обиды делаются. Если тесть наш хочет, чтоб мы были в мире с Крымом и волохами, то пусть они вознаградят за обиды, ими нам причиненные»⁵.

В марте 1497 года приехал от Александра посол Зенко с жалобой на обиды граничников, на отнятие земель и вод, с ходатайством за Швецию и любчан, с требованием, чтоб в Вязьме не было мыта в силу договора: новых мытов не замышлять. Иоанн велел отвечать, что относительно пограничных обид пришлет своих послов, что литовские служилые князья жалуются на московских, а московские на литовских, что для зятя велит любских купцов отпустить на родину, пусть шведы пришлют послов к новгородским наместникам и к Новугороду, отчине великого князя; Вязьма не подходит под условие подговора о мытах: она теперь город московский, и с литовских купцов берут в ней мыть, как со всяких других.

В июне приехал из Литвы посол Ивашко Сопегин с приглашением вооружиться вместе на поганых, с жалобой на обиды князю Семену Можайскому от князя Воротынского, который захватил смоленские сельца: Местилово, Кцынь, Хвостовичи, Иоанн обещал помощь против поганых; что же касается князя Воротынского, то он говорит, что означенные волости издавна его, что он с ними приехал служить в Москву еще при Казимире, что князь Семен наезжает на них без всякого права. В том же месяце отправлен был в Литву Загряжский с вопросом, куда идет поганство и как Иоанн должен помогать против него Александру. Загряжский должен был жаловаться также, что литовцы обижают людей великого князя Рязанского. В августе послан был в Литву Петр Заболоцкий уговаривать Александра, чтоб не ходил войной на господаря Стефана. Александр отвечал: «Великий князь сам может разуметь, какой нам воевода Стефан друг, когда

нам такой вред нанес; мы надеемся, что брат наш великий князь больше благоприятствует нам, зятю своему, чем воеводе Волошскому».

В ноябре послан был Микула Ангелов к Елене с следующими речами: «Я тебе приказывал, чтоб была челом мужу о церкви, о панах и панях Греческого закона, и ты была ли о том челом? Приказывал я тебе о попе, да о боярыне старой, и ты ко мне отказала ни так, ни сяк: тамошних панов и паней Греческого закона тебе, дочка, не дадут, а наших у тебя нет же, так это не хорошо». Память Микуле: «Допытываться ему о том: когда поют у великой княгини Елены, и она на пенье стоит ли?» Великий князь узнал, что священник Фома, отправленный с Еленой, выслан из Вильны; он поручил послу осведомиться о причинах этой высылки. Елена отвечала: «О попе так и есть, что поп Фома не *мойской*⁶, а поп со мною восе из Вилны добре добр. А боярыни ему (Иоанну) как ко мне прислать, как ее держать, как ей здешними сидети. А ведь мне не дал князь велики еще ничего, чем кого жаловати, дву ли трех ли пожаловал, и иных яз собою жалую. А хотел бы отец мой, и он бы толбыж боярыни со мною послал, а попов мне кого знать, ведаешь, кое яз на Москве не видала никого. А что отец мой приказывает, што яз наказ его забываю, ино бы того себе отец мой и на сердце не держал, што мне наказ его забыть, и олны меня в животе не будет, тож отца своего наказ забуду. А князь велики меня жалует о ком помяну. А восе, которая у меня посажена, и она была восорка⁷ (sic), а нынеча уже тишает».

В феврале 1498 года отправился в Литву Иван Телешов с жалобами на задержки послов и гостей: не пропущен был у Путивля московский посол Плещеев, возвращавшийся из Турции. Александр отвечал, что посол и гости уже отпущены, а сначала были задержаны потому, что с ними вместе приехали татары, которые стали грабить путивльские места, и еще потому, что гости объехали мыты — Киевский и Луцкий. «А там в нашей земли в Киеве и в Луцку склады издавна бывали всяким купцом заморским». В марте Александр прислал своего человека Василия Бокея с жалобами на того же Плещеева, который привел с собою татар к Путивлю; также с жалобами на мезецких князей, которые обижают своих родичей, служащих Литве; на князей Воротынских, захвативших смоленские волости. Бокею отвечали: Плещеева самого захватили татары и силой привели к Путивлю, тогда как он хотел идти полем, прямо к московским границам; мезецкие князья говорят, что не обижают своих, и потому для решения дела нужно выслать судей с обеих сторон; спорные смоленские волости издавна принадлежат князьям Воротынским.

В том же месяце поехал в Литву князь Василий Ромодановский с жалобами, что Александр посылал в чужие земли, в Орду

и в Швецию, на лихо великому князю Московскому; что титул последнего пишет не так, как написано в договоре,— не называет Иоанна государем всея Руси; что наших купцов обижают в Литве. Ромодановский должен был также отговорить Александра, чтоб не выступал в поход против господаря Стефана; Елене велено сказать то же самое. Из известий о посольстве Ромодановского узнаем, что Елена посылала в Москву грамоту с Семичевым, который привозил грамоту от Александра с изложением причин, почему Александр не хочет мира с Москвой. Елена в своей грамоте писала, что Александр не дает ей тех волостей, которые издавна были за великими княгинями, и не дает потому, что Иоанн взял у него много волостей после заключения мира. Относительно этих волостей Ромодановскому дан был такой наказ: «Если скажут что о Пуповичах или о Рогачеве, то говорить, что Пуповичи изстари принадлежат Новгороду, а Рогачев Твери. Если Елена скажет, что Александр посылал в Орду и в Швецию по своим делам, а не на лихо отца ее, то отвечать, что он послал наводить ханов на Иоанна и Менгли-Гирея; о чем посылал в Швецию, и то в Москве известно; если Елена хочет, то отец пришлет ей грамоты ордынские, да и о том объявит, с чем Александр посылал в Швецию». Наконец, Ромодановский должен был показать панам грамоты императора и короля Венгерского, которые пишут Иоанна государем всея России.

Из Литвы в том же году приехал Васька Дорожкович с требованием высылки судей для решения дела между смольнянами и вязмичанами. Иоанн отвечал, что судей слать не нужно, ибо дело чистое: вяземские купцы ехали старою дорогою к Путивлю, к Почапу, к Рильску, не захватывая Смоленска, на Лучин, Гордечно, Поцин; на них напали и пограбили за то, что будто они объехали смоленское мыто; в Вязме за это пограбили смоленских купцов. Если бы даже вязмичи и промытились, то надобно было только взять с них промыту, а не грабить: следовательно, судей не нужно посылать, а просто надобно наказать тех, которые пограбили вязмичей. В Вязме взяли соль у смоленского купца: потому что великий князь запретил возить соль в Московские владения откуда бы то ни было; впрочем, Иоанн обещал велеть отдать соль.

В июле 1498 года послан был в Литву Алексей Голохвастов с повторением жалоб Рязанского князя, на которые нет удовлетворения. Мценяне, ходившие на татар вместе с людьми князя Ивана Белевского, пограбили последних; купцы можайские, вяземские и тверские задержаны в Смоленске, и вообще московские купцы терпят притеснения в литовских областях. В том же месяце из Литвы приехал Станислав Кишка с жалобами на Менгли-Гирея и Стефана, что, толкуя о мире, пустошат Александровы волости; с просьбой о высылке общих судей на Крещение для

решения споров между пограничниками. Иоанн отвечал: «Мы посылали князя Ромодановского говорить о титуле, о церкви для Елены, о священниках Греческого закона; Александр присылал просить помощи на поганых: мы помочь обещали; но эта просьба была только хитрость, чтоб скрыть от нас свой поход на нашего приятеля Стефана Волошского. Мы просили Александра, чтоб он на Стефана не ходил: он сам не пошел, но рать свою послал. О всех этих начальных, больших делах он ничего нам не говорит и теперь прислал грамоту верующую, а в ней титул наш написан не так, как следует. Александр требует, чтоб мы, по dokonчанию, помирили его с Менгли-Гиреем и Стефаном, а сам dokonчания не соблюдает! Но мы, памятуя наше свойство, что наша дочь за ним, шлем к Менгли-Гирею и к Стефану, чтоб помирились с ним, хотя бы нам и не пригоже было посылать, когда он из крестного целования выступает. Александр просит о съезде бояр и срок кладет: мы этого давно хотим, чтоб, нашим боярам с его панами съехавшись, обидным делам на обе стороны управу учинить, и грамоты с обеих сторон написать. Но боярам нашим как в грамотах писать наше имя, когда брат наш о нашем имени по нашему с ним dokonчанию нам не направил? Когда Александр начальные дела нам по dokonчанию направит, тогда мы и пошлем бояр».

В августе 1499 года приехал в Москву большой посол из Литвы, маршалок Станислав Плебович, через которого Александр объявлял, что заключил наконец союз с господарем Стефаном, и приглашал Иоанна к общему союзу государств Восточной Европы против турок на защиту Молдавии: «Бо и сам брат наш можешь разумети, иж Стефана воеводы панство всех хрестьянских земель нашего острова есть ворота, Боже того не дай, коли ей сказит (султан)». Касательно титула Станислав объявил следующее: «В dokonчальной записи вписаны все замки и места и волости Александровы, кроме замка Киева и пригородов: теперь пусть Иоанн велит вписать Киев либо особый лист даст: тогда Александр будет писать его государем всея Руси». Посол жаловался также, что Иоанн сносился с Менгли-Гиреем Александру на лихо, что козельский наместник захватил села Корочевские и Хотимльские; что бояре, живущие на новгородских границах, отняли Торопецкие земли. Иоанн отвечал относительно титула и Киева: «Князь бы велики и сам положил на своем разуме, гораздо ли так к нам приказывает, мимо наше с ним dokonчания и крестное целование, не хотя нам правити по dokonчанию, и он такие безлепичные дела к нам приказывает мимо дело». На остальное отвечал, что вопреки договору Александр нудит Елену к Римскому закону, шлет в Орду к московским недругам; что земли, которые отнял наместник Козельский, истари козельские.

В декабре Иоанн послал Мамонова сказать Александру, что Менгли-Гирей хочет мира с Литвой, и представить запись с ханскими требованиями. По этим требованиям должны были давать дань в Крым следующие города: Киев, Канев, Нестобрат, Дашко, Яро, Чанам, Болдав, Кулжан, Барин, Чалбаш, Черкасский Городок, Путивль, Липятин: «По тем городкам *дараги* были и ясаки с тех людей имали». Мамонов должен был требовать, чтоб Александр дал свой ответ, пока Менгли-Гиреевы послы в Москве. Александр отвечал: «Пусть Иоанн сам посмотрит и совет свой нам даст, как нам поступить относительно Киева и других городов наших: приличные ли те речи? Менгли-Гирей хочет от нас того, чего его предки от наших предков никогда не хотели. Поговорим с Радою и пришлем своего посла, а великий князь до тех пор пусть Менгли-Гиреева посла у себя поздержит».

Но сношения должны были прекратиться: служилые литовские князья православного исповедания вследствие гонения за веру начали отъезжать в Москву и с отчинами; начало XVI века ознаменовалось войной.

Примечания

¹ Москов. Глав. арх. Мин. иностр. дел. Дела Крымские, № 1, стр. 118.

² Это первое посольство, о котором в делах Польского двора (№ 1) сохранились обстоятельные известия.

³ Верейскому, московскому беглецу.

⁴ Мы не помещаем здесь этого договора, уже не раз вполне изданного. Цель нашей статьи — сообщить преимущественно те сведения, которые до сих пор были известны или не во всех подробностях, или не во всей точности.

⁵ Я здесь не привожу наказа Иоаннова Елене относительно удела Сигизмундова в Литве, ибо этот наказ уже издан. — См. «Акты, относ. к истор. Зап. России». Т. I, № 137.

⁶ Для уяснения значения этой формы приведу место из Крымских посольских дел (№ 1): «Молвил бы еси от меня Хозе-Асану, что будет у него *моиские* лалы и яхонты дорогие и жемчуг доброй, и он бы однолично у меня был сам, а то бы с собою превезл».

⁷ Высока?

РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ В XVI ВЕКЕ *

Говоря о промышленности в древней России, мы прежде всего должны остановиться на том явлении, что между городами и селами в промышленном отношении не было большого различия: жители городов занимались хлебопашеством, с другой стороны—сельские жители, крестьяне, разделялись на пахотных и непахотных: к последним причислялись сапожники, портные и т. д.

Первоначальная промышленность в описываемое время распространилась вследствие приобретения новых стран на Востоке и населения не занятых еще там диких пространств; особенно распространилось рыболовство вследствие приобретения низовьев Волги, где оно производилось в самых обширных размерах. Новоустроенный в Астрахани Троицкий монастырь вместо денежной и хлебной руги просил несколько мест в устьях Волги, удобных для рыболовства¹. Из старых мест встречается известие о состоянии рыболовной волости в Переяславском посаде: здесь в 1562 году было рыболовских дворов 99 (и в них столько же людей—один средний человек и 98 младших), пустых дворов 21, пустых мест 40; ямские деньги за посошных людей и за всякое городовое и засечное дело рыболовы переяславские взносили в Большой дворец, оброку давали они царю за щуки *закорные* и за сельди четыре рубля двадцать алтын с деньгою; кроме того, давали на дворец невод сто сажен, да две матицы, ловили на царя сельди безурочно, на царя же ловили на *поледной* ловле две ночи, на царицу ночь, на поледчика ночь, на стольника ночь, на двух наместников по ночи. Ловили они во всем озере Переяславском и в реке Вексе запорным неводом, сетями, бредниками, котцами с весны, как вода пойдет; им дано было кругом озера Переяславского берегу суши от воды до десяти сажен для пристанища, где им неводы и сети вешать².

От описываемого времени дошло до нас любопытное известие, что дворцовые сокольники, занимаясь своими промыслами на отдаленном Севере, были также населителями пустынных пространств: так, трое вологодских оброчников соколя пути Блазновы просили у царя в 1548 году себе во владение дикие

* Современник. 1857. Т. 61. № 1. С. 1—12.

места, покрытые лесом, мхами и болотами; где находятся кречаты и сокольи седбища, от обитаемых мест версты за три и за четыре; царь дал им просимые земли, велел там дворы ставить, лес на пашни расчищать, на мхах и болотах помыкать кречетов и соколов для царской охоты; кого перезовут к себе неписьменных и нетяглых людей; те освобождаются от всяких пошлин на десять лет; по прошествии урочных лет сокольники дают на царскую сокольню по три сокола, а не будет соколов пером, дают оброку полтора рубля³.

Соляная промышленность распространилась вследствие занятия Строгановыми диких прикамских земель и вследствие приобретения Астрахани, в тридцати милях от которой находилась ископаемая соль; промышленники сами ломали ее, платя в казну по копейке с пуда. В старых областях упоминаются в 1543 году соляные варницы в уезде Стародуба-Северного или Ряполовского, принадлежавшие Троицкому Сергиеву монастырю; название *Новая Соль* на Халую показывает, что варницы эти были заведены недавно⁴. Для селитренного производства (ямчужного дела) посылался ямчужный мастер, который в назначенном месте строил анбар; окольные сельчане обязаны были высылать к этому анбару землю, дрова, золу⁵. В описываемое время селитра выделывалась на Белоозере; выделка производилась от казны, но в 1582 году Кириллов Белозерский монастырь получил право поставить ямчужный анбар и возить селитру всей Кирилловской вотчиной на соху по два пуда, всего 38 пудов; это количество селитры доброй перепущенной, которая бы к ручному зелью годилась, монастырь обязан был присылать в Москву в Пушечный приказ⁶. Григорью Строганову позволено было в Сольвычегодске сварить тридцать пудов селитры для построенного им городка, но не на продажу. В Двинской области около Емецкого яма жители выделывали много смолы и золы⁷.

Псковские каменщики не утратили своей славы: когда в 1555 году царь задумал укрепить Казань каменными стенами, то псковский дьяк Билибин, двое старост, церковный и городской мастер Посник Яковлев и каменщики псковские Ивашка Ширяй с товарищами получили приказ прибрать 200 человек псковских каменщиков, стенщиков и ломцев для отсылки в Казань⁸. Вообще, как видно, и в описываемое время между русскими людьми мастерства процветали более в Новгороде и Пскове, чем в Москве; так, резчики на камне выписывались из Новгорода — в 1556 году царь писал к новгородским дьякам: «Мы послали в Новгород мастера печатных книг Марушу Нефедьева, велели ему посмотреть камень, который приготовлен на помост в церковь к Пречистой, к Сретению. Когда Маруша этот камень осмотрит, скажет вам, что он годится на помост церковный и лицо будет на него положить можно: то вы бы этот камень

осмотрели сами, и мастеров добыли, кто б на нем лицо положил, как у Софии Премудрости Божией; а если сам Маруша захочет поинтересоваться, лицо наложить, то вы бы, для образца, прислали к нам камня два или три; да велели бы испытать всех трех камней, железницы, голубицы и красный. Маруша же нам сказывал, что есть в Новгороде Васюком зовут Никифоров, умеет резать резь всякую: и вы бы этого Васюка прислали к нам на Москву»⁹.

После большого московского пожара, когда приступили к возобновлению церквей, то послали за иконописцами в Новгород и Псков; из псковских иконописцев были известны в это время: Остана, Яков, Михайла, Якушка, Семен Высокий Глагол. Из Новгорода же выписывались серебряные мастера для делания иконных окладов: этим мастерством были известны Артемий и Родион Петров с братьями и детьми¹⁰. В Новгороде можно было достать оконечные разноцветные стекла, которые выписывались отсюда царем. В Москве упоминается особое мастерство ожерелейное¹¹. По свидетельству Михалона Литвина, города московские избобиловали мастерами, которые отправляли в Литву деревянные чаши, палки для опоры слабым, старым и пьяным, седла, копыя, украшения и различные оружия.

Несмотря на то, русских мастеров было очень недостаточно: мы знаем, как Иоанн IV домогался гаваней на Балтийском море для того, чтоб иностранные мастера могли беспрепятственно приезжать в его государство. Как сильна была нужда в знающих какое-нибудь мастерство иностранцах, видно из следующей грамоты царя Иоанна к новгородским дьякам в 1556 году¹²: «Велели бы вы в Новгороде, пригородках, волостях и рядах кликать по торгам не одно утро, чтоб боярские дети и всякие люди немецких пленников немцам и в Литву не продавали, а продавали бы их в московские города, а на кого доведут дети боярские, что немецких пленников продавал немцам, тех детей боярских пожалую своим жалованьем, а доведет черный человек, и ему на том, на кого доведет, доправить 50 рублей, а продавцов сажать в тюрьму до нашего указа. Если случится у кого-нибудь из детей боярских и всяких людей немец пленный, умеющий делать руду серебряную и серебряное, золотое, медное, оловянное и всякое дело: то вы бы велели таких пленных детям боярским везти к нам в Москву, и мы этих детей боярских пожалуем своим великим жалованьем». В 1567 году выехали в Москву из Англии: доктор, аптекарь, инженер с помощником, золотых дел мастер, пробирер и другие мастера.

Приобретение Казани и Астрахани должно было усилить торговлю на Востоке, по крайней мере сравнительно с прежним. Об астраханской торговле до нас дошли от описываемого времени два противоречивые известия с Востока и Запада: по

показаниям магометанских владельцев, хотевших побудить султана ко владению Астраханью, Московский государь получал здесь ежедневно по тысяче золотых тамги¹³. Но на этом показании мы, конечно, не можем успокоиться, зная страсть восточных народов к преувеличениям, особенно когда дело идет об исполнении какого-нибудь их желания. Иначе отзываются об астраханской торговле английские путешественники¹⁴: по их словам, русские привозят в Астрахань кожи, деревянную посуду, узлы, седла, ножи и разные другие безделицы, также хлеб и другие съестные припасы. Татары привозят разного рода шерстяные и шелковые товары и другие вещи, но в таком малом количестве и купцы так бедны, что не стоит говорить об этом. Купцы астраханские и турецкие по-прежнему приезжали в Москву; по английским известиям, они платили десятую деньгу со всех товаров, кроме того, за вес две деньги с рубля; при продаже лошадей по четыре деньги с лошади. Бухарцы также приезжали в Москву, привозили пряные корни, меха, которые скупали в Сибири; ногайцы продолжали пригонять на продажу огромные табуны лошадей; в 1555 году, например, они пригнали в Казань 20 000 лошадей и более 20 000 овец¹⁵.

Крымские гонцы и купцы, приезжая в Москву, покупали здесь литовских и немецких пленников; эти пленники, по неосторожности покупателей, бегали от них дорогой, а потом татары докучали государю и приказным людям, били челом, чтобы беглецов отыскивали. Однажды царь Иоанн писал хану: «Твои гонцы покупали на Москве полон литовский и немецкий; мы велели дать им нашу грамоту в Путивле к наместнику о пропуске этих пленных; но наместник задержал из них 17 человек пленных литовцев и немцев, да женщину, которая сказывается русскою, потому что в пропускной грамоте эти люди не написаны. Гонцы твои сделали нехорошо, что вели полон лишний, грамоты нашей пропускной не взяли»¹⁶. Ногаи также покупали пленных в Москве; царь Иоанн писал к их князю Измаилу: «Твоему человеку дали мы 50 рублей для покупки нужных для тебя товаров, и полон немецкий покупать позволили ему, сколько тебе надобно»¹⁷. Малороссийский козацкий атаман Андрей Лях напал в степях за Самарой на московского гонца Змеева, шедшего в Крым; с Змеевым шел вместе крымский гонец и по обычаю турецкие купцы и армяне; козаки убили 13 человек турок и армян, а троим руки отсекали за то, что они покупают в Москве литовских пленников¹⁸.

В договорах с Швецией, Данией и Англией видим со стороны московского правительства попытки завести деятельную торговлю с западными европейскими государствами. О значительности торговли с Швецией можно судить из того, что Густав Ваза пред началом войны с Москвой велел захватить в своих владениях

300 русских купцов из Новгорода, Корелы и Орешка; здесь, разумеется, могут возникнуть два вопроса: не преувеличено ли это показание, данное в Москве в ответ польскому королю, который ходатайствовал о мире с Швецией; потом, любопытно было бы знать, где торговали эти русские купцы; в пограничных ли городах: например, в Выборге или в собственной Швеции? При заключении мира с Швецией царь Иоанн дал право шведским купцам ездить не только в Москву, Казань и Астрахань, но через Россию в Индию и Китай с условием, чтоб и русским купцам позволено было ездить из Швеции в Любек, Антверпен и Испанию¹⁹. В договоре с королем Датским выговорена была русским купцам свободная торговля во всех городах датской земли; «а меклерем и веркопером по обе стороны отнюдь у них не быть: пошлины платить, как где обычай в которой земле. Которые наши купцы и гости, русь и немцы поедут из Копенгагена в заморские государства с товаром, или заморских государств купцы поедут мимо Датского королевства морскими воротами, проливом Зундом: то король должен их пропускать».

Князю Ромодановскому, ехавшему послом в Данию, было наказано: «Говорить, чтоб купецкие места царевым гостям велел король очистить такие же, какие дворы даны в Великом Новгороде и в Иван-городе, где бы близко пристани, и по обеим сторонам русской церкви немецким церквям не быть. А если король дворов не даст в Копенгагене и в Готланде, то сказать, что царь не даст датским купцам дворов в Новгороде и Иван-городе»²⁰. Под 1567 годом в летописях встречается следующее известие: «Отпустил государь, с своею благодатию, от своей казны своих гостей и купцов в поморские государства: в Антроп (Антверпен) к бурмистрам и ратманам послал гостя Ивана Афанасьева да купца Тимофея Смывалова, в Гурмыз купцов Дмитрия Ивашева, да Федора Першина; в английскую землю к Елизавете королевне купцов Степана Твердикова да Федота Погорелова»²¹. Были ли это просто послы, отправленные на царском иждивении, или ездили они с товарами из казны царской с целью продать их в чужих землях и купить там других товаров, нужных для государя? По английским известиям, в 1568 году действительно были в Англии русские послы Твердикив и Погорелов.

Голландцы имели свой двор в Новгороде и торговали беспошлинно; потом за какие-то противозаконные поступки потеряли льготы и снова возвратили их, заплатив 30 000 рублей. Из переговоров царя с английским послом Боусом мы узнаем, что к известным северным гаваням приходили французские купцы и какой-то купец из Антверпена — Белобородок. Но всего более известий имеем мы об английской торговле во времена Иоанна IV; мы не будем приводить здесь очень известных уже подробностей о начале у нас английской торговли, но считаем нужным

привести некоторые подробности для показания, в каком духе, с какими целями действовала русская компания английских купцов, утвержденная королем Филиппом и королевой Марией в 1555 году.

Агенты, отправленные компанией в Россию, обязаны были изучить характер русского народонаселения во всех сословиях; остерегаться, чтобы никакой закон русский — ни религиозный, ни гражданский — не был нарушен ни ими, агентами, ни людьми их, ни моряками, ни кем-либо из англичан; смотреть, чтобы все пошлины были платимы исправно, дабы не навлечь конфискации товаров, чтоб все происходило спокойно, без нарушения порядка в тех местах, куда англичане приедут и будут торговать. Агенты должны в Москве, или другом каком-нибудь городе, или в нескольких городах, где будет выгоднее торговать, построить один или несколько домов для себя и всех своих людей с магазинами, погребами и другими службами и смотреть, чтоб никто из нижних служителей не смел ночевать вне агентского дома без позволения; все нижние чины должны повиноваться агентам и в случае неповиновения наказываются по произволу последних. Агенты и факторы будут ежедневно собираться и советоваться вместе о том, что было бы всего приличнее и выгоднее для компании. Ни один низший служитель не может сам от себя произвести никакой торговой сделки, а только по поручению и наказу агентов. Агенты должны подробно заметить все роды товаров, которые могут быть с выгодой проданы в России, должны иметь постоянно в уме, как бы всеми возможными средствами узнать дорогу в Китай, морем или сухим путем, должны заботиться об изучении русского народа, его характера, нравов, обычаев, податей, монеты, веса, меры, счета, товаров (какие ему нужны и какие нет), дабы вследствие незнания всего этого компания не потерпела какого-нибудь вреда или убытка, причем она объявляет, что незнание подобного рода не будет принято в оправдание вины.

После компания обозначила своим агентам, какие из русских товаров имеют наибольший сбыт в Англии, это: воск, сало, масло, пенька, лен; меха требуются только дешевые, дорогих мехов не надобно присылать много; не присылать и пеньки необработанной, потому что это будет дорого стоить; но компания посылает в Россию семь канатных мастеров, которых агенты должны засадить тотчас за работу, снабдивши их работниками: это дело первой надобности; компания полагает, что это будет дешевле стоить, чем выписывать канаты из Данцига. Компания предписала агентам выслать образцы железа и меди, ибо она слышала, что в России и Татарии добывается большое количество этих металлов; дать знать, какого рода шерстяные ткани привозят в Россию из Риги, Ревеля, Польши и Литвы, с подробным описанием их ширины и длины, цвета и цены, и какое

количество их может быть сбыто в год, чтоб такое же приготовить в Англии; выслать всякого рода русских товаров, только не в большом количестве; выслать всякого рода кож, ибо слышно, что немцы и голландцы закупают их в России большое количество. Прислать на работу известное количество земель, или трав, или чего бы то ни было, чем русские красят шерстяные и льняные ткани, кожи и т. п., равно выслать и те красильные вещества, которые турки и татары привозят в Россию, с описанием, как употреблять их при крашении.

Русский посол согласился на просьбы компании, чтобы агенты ее могли получать у русских товары в долг: вследствие этого она требует от агентов, чтоб они этим или каким-нибудь другим способом накупили как можно более воску, чтоб захватить его весь в свои руки и снабжать им не только свою страну, но и чужие²². Какие выгоды получала компания от торговли с Россией, видно из донесений агента ее Гудсона; в Нижнем Новгороде он продавал сукно, стоившее на месте 6 фунтов стерлингов, по 17 рублей за кусок, что, по его словам, составляло почти тройную цену; в Москве товары, стоившие 6608 фунтов, проданы были за 13 644²³. После, в конце царствования Иоанна IV, льготы английских купцов были ограничены за то, как говорили бояре английскому послу Боусу, что английские гости начали воровать, с недругами государевыми ссылаясь грамотами, в свою землю посылают грамоты укорительные про московских людей и про государство, сукна привозят рядовые, которые старых гораздо хуже²⁴. Но Боус приводит другие причины: по его словам, голландцы приобрели расположение троих главных советников царских, ибо кроме беспрестанных подарков они заняли у них столько денег по 25 процентов, что платили каждому ежегодно по 5000 марок, тогда как английские купцы не имели в это время ни одного доброжелателя при дворе.

Самым значительным по торговле городом в описываемое время продолжал быть Новгород Великий: хотя государь утвердил свой стол в Москве, пишут англичане, однако удобство водяных сообщений и близости моря заставляют купцов посещать Новгород предпочтительно пред Москвой. Главные товары, которыми Новгород производил торговлю, были: превосходный лен, пенька, кожи, мед и воск; двумя последними товарами производил торговлю также Псков. После Новгорода и Пскова важными торговыми городами были Ярославль и Вологда. Страна между Ярославлем и Москвой была самая населенная и считалась самою плодоносною; зимой по Ярославской дороге в Москву попадались иногда обозы в 700 или 800 саней, нагруженных хлебом и рыбой; северные жители за 1000 верст приезжали в Москву покупать хлеб и привозили соленую рыбу, меха, кожи. Вологда производила торговлю преимущественно льном;

кроме того, вологодским купцам принадлежала большая часть судов, плававших по Северной Двине, — насадов и дощаников, на которых перевозилась соль от морского берега в Вологду.

Англичане устроили в Вологде контору на основании донесения агента Гасса, который писал к 1554 году о Вологде, что это город большой, в сердце России, окружен многими большими и хорошими городами; здесь большое изобилие в хлебе, вообще в жизненных припасах и во всех русских товарах; нет города в России, который бы не торговал с Вологдой; все вещи здесь вдвое дешевле, чем в Москве или Новгороде. Для торговли мехами главным местом были Холмогоры, куда меха перевозились на оленях из Печоры, Пинеги, Лампаса²⁵ и Пустозерска; жители этих мест скупали их у самоедов и променивали купцам холмогорским на сукно, олово, медь; для этой мены в зимний Николин день была в Холмогорах большая ярмарка, на которую кроме мехов привозили также тюлений жир; жир этот холмогорские купцы отвозили в Новгород, Вологду или Москву. Кроме того, Холмогоры снабжали соседние страны солью и соленой рыбой. Мы видели, что соль эта шла по Северной Двине в Вологду; другим путем шла она на юго-запад чрез посредство каргопольцев, онежан, турчасовцев, порожан, устьмошан и мехренжан, которые ездили к морю, покупали соль у поморцев и в Каргополе продавали белозерцам, вологжанам и жителям других городов; но эти купцы вели свое дело нечисто, подмешивали в соль негодную примесь, и убытчили купцов белозерских и вологодских; жалуясь на них правительству, белозерцы выставляют на вид, что в той соли, которую привозят с Двины сами двиняне, подмеси никакой не бывает.

Указав на обстоятельства, благоприятствовавшие развитию русской торговли в XVI веке, мы должны указать и на препятствия к этому развитию, зависевшие от причин географических и исторических, от внешней политики правительства и от внутренней его деятельности. По-прежнему препятствовала торговле громадность расстояний и неудобства; в некоторых местах невозможность летнего пути иначе как водой. Несмотря на все усилия, гаваней на Балтийском море не получили; открыт был далекий путь чрез Белое море и Северный океан, но для проезда от гавани Св. Николая, где приставали англичане, до Вологды водой должны были употреблять 14 суток, в летнюю пору сухим путем здесь нельзя было ездить по причине болот; зимой на санях от Белого моря до Вологды можно было проехать в 8 дней; от Вологды до Ярославля сухим путем ездили в два дня; из Ярославля до Астрахани плыли 30 суток, следовательно, от гавани Св. Николая до Каспийского моря на этот путь, посредствовавший между Европой и Азией, надобно было употреблять 46 дней.

На Балтийском море в продолжение некоторого времени Московское государство имело Нарвский порт, но соседние госу-

дарства, особенно Польша, сильно хлопотали об уничтожении нарвской торговли. В 1567 году агент Английской компании Гудсон приплыл в Нарву с товарами на 11 000 фунтов стерлингов; товары эти состояли из сукна, караеи и соли: при продаже их компания получила 40 процентов прибыли. В 1569 году тот же Гудсон приплыл из Лондона в Нарву на трех кораблях и писал компании, чтоб на следующую весну она прислала 13 кораблей, которые все он надеется нагрузить товарами; но при этом он писал, что корабли надобно снабдить огнестрельным оружием на случай встречи с корсарами. Действительно, английские корабли встретили шесть кораблей польских корсаров; бой был неравный: один корсарский корабль ушел, другой был сожжен, остальные четыре приведены были в Нарву, и 83 человека пленных выданы московскому воеводе.

Вторым препятствием служило то, что пустынные дороги не были безопасны. По Волге каждое лето проходило 500 судов больших и малых, с верхних частей реки до Астрахани, за солью и рыбой; но суда эти от самой Казани до Астрахани должны были плыть чрез страну пустынную; место на Переволоке, там, где Волга находится в ближайшем расстоянии от Дона, славилось разбойниками; англичане пишут, что с тех пор, как Астрахань и Казань подпали под власть русского царя, разбойников здесь стало меньше; но потом мы встречаем русские известия о казацких разбоях по Волге, о вреде, который они причиняли торговле. На юго-западе малороссийские козаки, или черкасы, грабили купцов турецких и крымских, шедших в Москву или из Москвы. По-прежнему встречаем постоянные жалобы литовских купцов на притеснения и разбои в московских областях и жалобы московских купцов на притеснения в Литве. Московские купцы жаловались, что под Можайском напали на них разбойники. Могилевских мещан, ехавших с большим обозом торговать в Стародуб, побили до смерти под самым городом и товару пограбили на 600 рублей. Литовские купцы остановились в слободке Селижарского монастыря; монастырский человек Окулов позвал их к себе, угостил и, отпуская на подворье, дал в провожатые четырех человек; но эти провожатые напали по дороге на купцов, прибили их и отняли 23 рубля денег. Купцы били челом игумену, но игумен управы им не дал.

В обоих государствах, Московском и Литовском, задерживали купцов за то, что они покупали или старались провезти запрещенные товары: так, один литовский купец привез в Москву сукно, а купил здесь воск, да у серебряных мастеров купил ковши серебряные, чарку и слитки, всего серебра на 15 гривенок; весь этот товар у него взяли, и по жалобе послов бояре приговорили: весь товар отдать купцу, кроме купленного серебра. Псковский купец шел из Царьграда и вез юфть вместе с другими товарами:

в Киеве его схватили, товар отняли и самого купца держали три года; на жалобы московского правительства король отвечал, что юфть (в оригинале статьи напечатано — нефть. — *Примеч. ред.*) запрещено возить с обеих сторон²⁶. В 1555 году в Москве запретили вывоз воска и сала в Ливонию²⁷; также ограничена была торговля с Швецией: царь велел порубежным людям ездить в Выборг только с мелкими товарами, а с воском, салом, льном и посконою ездить не велел²⁸.

Число внутренних таможен не только не уменьшилось, но еще увеличилось вследствие учреждения опричнины: в новгородской таможенной грамоте 1571 года читаем: «Которые гости и торговые люди новгородцы, Софийской стороны, станут приезжать в государеву опричину, на торговую сторону с товарами, то они должны являться таможенникам, и таможенники должны брать с них явку, а с товаров их тамгу и всякие пошлыны точно так же, как берут тамгу и явку с пригородских и волостных людей новгородской земли»²⁹.

К числу вредных для торговли распоряжений должно отнести продолжавшийся обычай жаловать монастырям право на беспошлинную торговлю; так, например, астраханский Троицкий монастырь выпросил себе право поставить в Астрахани лавку, покупать в ней и продавать беспошлинно на монастырский обиход и право держать судно белозерку или дощаник, в длину от кормы до носа тридцать сажень, и привозить в этом судне соль или рыбу из Астрахани, вверх Волгою до Ярославля и Окою до Калуги, продавать эти товары и покупать другие беспошлинно. Понятно, что при такой беспошлинности монастыри могли продавать свои товары гораздо дешевле, чем обыкновенные купцы, у которых сбивалась цена³⁰.

Для избежания внутренних таможен купцы выбирали для ярмарок новые места, где еще не было таможенников; но последние проводывали об этом и доносили в Москву, откуда приходила строгая заповедь не торговать нигде, кроме назначенных мест, под страхом отобрания товаров³¹. Иногда вотчинники известного ярмарочного места били челом, чтобы, кроме их вотчины, по окрестностям не было нигде ярмарок, потому что они откупали таможенные и замытные пошлыны³²; иногда же, наоборот, вотчинники просили о сведении ярмарки с их земли, потому что при тогдашнем состоянии нравов и полиции крестьянам было больше убытку от нее, чем прибыли; так, игумен Троицкого Сергиева монастыря с братиею били челом, что под их монастырем у Пречистой на Киржаче три раза в год съезжаются торговать многие люди со всяким товаром и от этого их монастырским крестьянам обиды великие, бьют их и грабят, хлеб и сено травят, от волостеля и его пошлинников крестьянам продажи великие, с торговыми людьми их продают; царь исполнил просьбу игумена, велел свести торг с Киржачи.

Примечания

- ¹ Акты историч. I. № 193.
- ² Акты арх. эксп. I. № 261.
- ³ Акты арх. эксп. I. № 301.
- ⁴ Акты арх. эксп. I. № 200.
- ⁵ Там же. № 292.
- ⁶ Акты арх. эксп. I. № 317.
- ⁷ *Nakluyt's Collection of the early voyages, v. I.*
- ⁸ Дополн. к Акт. истор. I. № 82.
- ⁹ Дополн. к Акт. истор. I. № 96.
- ¹⁰ Там же. № 93.
- ¹¹ Акты юридич. № 21.
- ¹² Дополн. к Акт. истор. I. № 102.
- ¹³ Дела Крымск. № 10—14.
- ¹⁴ *Nakluyt's Collection etc.*
- ¹⁵ Дела Ногайския. № 4. Стр. 350.
- ¹⁶ Дела Ногайския. № 10. Стр. 143; № 11. Стр. 126; № 12. Стр. 296.
- ¹⁷ Дела Ногайския. № 6. Стр. 18.
- ¹⁸ Дела Крымския. № 12. Стр. 188.
- ¹⁹ Дела Шведския. № 1. Стр. 128.
- ²⁰ Дела Датския. № 1. Стр. 381, 233.
- ²¹ *Александро-Невская летопись под годом 7075.*
- ²² *Nakluyt's Collection etc. v. I.*
- ²³ Начало торгов. и полит. снош. между Англией и Россией.—Тамеля, в *Журн. мин. народн. просв.* 1856 год, № 2 и 3.
- ²⁴ Дела Английския. № 1.
- ²⁵ Лампожни, в 18 верстах от Мезени.
- ²⁶ Дела Польския. № 3. Стр. 58, 60, 61, 62, 180, 200; № 4. Стр. 155, 530.
- ²⁷ Дополн. к Акт. истор. I. № 61.
- ²⁸ Дела Шведския. № 1. Стр. 242.
- ²⁹ Акты арх. эксп. I. № 282.
- ³⁰ Акты истор. I. № 193.
- ³¹ Акты арх. эксп. I. № 188, 269.
- ³² Акты истор. I. № 138.

МАЛОРОССИЙСКОЕ КОЗАЧЕСТВО ДО ХМЕЛЬНИЦКОГО *

Малороссийское козачество носило один характер с казачеством великороссийским, то есть с казачеством, признававшим над собой власть Московского государства. И здесь, и там первоначально и преимущественно казак — человек бездомный, изгнанник из общества, человек, которому тесно, тяжело в обществе при известных условиях, и так как самые тяжелые отношения в обществе были отношения рабские, то понятно, что большинство казаков составлялось из людей, бегством в степи отыскивавших себе свободы: отсюда казак и беглый холоп или крестьянин были синонимы; отсюда и сильная вражда между казаками и высшими землевладельческими сословиями. Враждебные движения казаков как в Восточной, так и в Западной России обращались не против верховной власти: напротив, казаки любили прикрывать свои движения согласием своих интересов с интересами верховной власти, все уравнивающей, по их понятиям, но прямо высказывали они свою вражду: на западе — против панов, на востоке — против бояр. Чрез казачество государство освобождалось от людей, которые, если бы оставались внутри его, были бы виновниками внутреннего брожения, внутренних беспокойств и перемен.

Но казак, не бывший в состоянии выносить известные общественные условия и потому уходивший из общества, отрицая известные общественные условия, с своей стороны не полагал основания обществу с высшими формами, с лучшими против прежнего общества отношениями. Это не было выселение массы людей, разрознившихся с большинством в известных убеждениях (религиозных или политических), или людей, ищущих большого простора, большого удобства при употреблении своего труда и капитала и потому способных положить прочные основания для гражданского общества: казак искал в степи через бегство из общества только личной свободы, он являлся в степь с тем узким, младенческим взглядом на общественные отношения, к какому приучила его прежняя среда частной зависимости; он бежал в степь вовсе не для того, чтобы трудиться, утвердив более правильные отношения по труду: он бежал для того, чтобы быть *вольным* казаком, а не мужиком, ибо с понятием труда соединя-

* Русский вестник 1859 Т 23 № 9—10 С 177—196

лось понятие мужичества; польный казак-молодец вовсе не хотел работать или хотел работать как можно меньше, хотел жить на чужой счет, на счет чужого труда.

Таким образом, выход казака в степь из государства вовсе не был шагом вперед в общественном развитии, но скорее шагом назад; как бы ни было неудовлетворительно состояние того общества, из которого вышел казак, все же оно было гораздо выше образовавшегося в степи казацкого общества, которое по основному характеру своему — именно по хищничеству — имело чисто отрицательное значение в истории, приравнялось к окружавшим его обществам ногаев, калмыков и крымских татар. Влияние такого общества на государство, разумеется, не могло быть полезным: когда государство допускало это влияние, то оно обнаруживалось точно так же, как и влияние ногаев и крымцев, то есть хищничеством, опустошением. Государства, как Московское, так и Польское, могли еще видеть одну полезную сторону в казачестве, именно возможность противопоставлять хищничество казаков хищничеству степных орд, ногаев, крымцев: но и здесь польза от казачества перевешивалась вредом, ибо казаки не ограничивались только делом пограничной стражи, но по своему хищническому характеру, которого не скрывали, объявляя, что если им не нападать на соседей, то жить нечем, неоткуда добывать зипунов, — по этому своему характеру казаки нападали на соседей и тогда, когда государству это было вредно, нападали морем на турецкие владения и вовлекали оба государства, особенно Польское, в опасную вражду с Турцией.

Вследствие этого оба государства с XVI века, со времени усиления казаков, находились постоянно во враждебном отношении к ним. Восточные казаки показали ясно характер своих отношений к Московскому государству в Смутное время, в начале XVII века: под знаменами самозванцев они внесли страшное опустошение в государственную область; государство благодаря усилиям земских людей очистилось от казаков, которые после не находили никогда такого благоприятного времени для успешной борьбы с государством; восстания их, иногда довольно сильные и опасные, особенно по сочувствию и содействию низшего земледельческого народонаселения, оканчивались, однако, всегда торжеством государства, которое наконец достигло того, что вполне подчинило казаков своим требованиям.

Но не так было на западе, в Польском государстве. Последнее начало рано стремиться к подчинению козаков своим требованиям, и вначале, казалось, стремления эти увенчивались успехом, но потом обнаруживалось иное. В то время как Московское государство крепло все более и более, Польское все более и более слабело вследствие чрезмерного развития одного органа общественного на счет других; кроме того, Польское государство

носило в себе другую глубокую рану: то была религиозная борьба вследствие унии, гонение, которому подвергалось русское народонаселение, верное отцовской религии, гонение, отягчавшее уже и без того тяжкое состояние низшего, сельского народонаселения. Отсюда козачество, принадлежа по вере и происхождению к русскому народу, при восстаниях своих против польского правительства за свои интересы имело возможность поднимать священное, народное и религиозное знамя, возбуждало сочувствие к своему делу в единоверном государстве Московском, вследствие чего произошло и соединение Малой России с Великой; а это народное дело, совершившееся вследствие козацких движений, необходимо придало этим самым движениям особенный блеск в истории.

Козаки малороссийские, подобно казакам восточным или московским, разделились на городовых и степных — низовых, или запорожцев. Первые находились под руками правительства и потому были не так для него опасны; но все удалые и беспокойные головы, все имевшие причины враждовать с правительством стремились в степное Запорожье: здесь-то вспыхивали восстания и разливались по всей Украине, отсюда являлись вожди этих восстаний.

Запорожье имело одинаковое устройство и тесную связь с Доном. Вот что рассказывал в Москве один запорожец: «Живу я на Дону 18 лет, а иные мои товарищи живут лет по пяти и по шести, а всех нас на Дону с тысячу человек; а в Запорогах донских казаков также много, мало не в половину того, сколько нас, только живут переходя: мы ходим на Дон, а с Дону казаки к нам, и живут сколько где хотят; а повелось это у нас с донскими казаками изстари, что между собою сходимся и живем вместе в одних куренях».

Уже Стефан Баторий начал ссориться с козаками за их своевольство точно так же, как на востоке ссорился с своими казаками знаменитый соперник Батория Иоанн Грозный. Своевольные войны козаков с турками продолжались в царствование преемника Баториева, Сигизмунда III, и потому по заключении мира с турками, по которому Польша обязалась удержать козаков от нападений на области султана, на сейме 1590 года было определено, чтобы коронный гетман обозрел и привел в известность края, обитаемые козаками, дал бы им старшего, ротмистров и сотников из польской шляхты; чтобы козаки присягнули в верности республике, не отправлялись за границу ни водой, ни сухим путем без позволения коронного гетмана, не принимали польских беглецов и чтобы козаков было определенное число, внесенное в гетманский список. Два комиссара отправились с сейма для постоянного пребывания между козаками, для наблюдения за исполнением сеймового решения. Понятно, что козаки не

могли спокойно покориться этому решению: в 1592 году под начальством какого-то поляка Косинского в числе 5000 человек напали они на Подолию, опустошили владения князя Константина Острожского и других панов. Князь Константин выслал войско, которое поразило Косинского под Пяткою, недалеко от Тарнополя; впоследствии Косинский был окружен и убит на дороге в Черкасы.

В 1595 году вспыхнуло второе восстание козаков под начальством Семерого Наливайка в размерах гораздо обширнейших: козаки вторгнулись в Белоруссию, овладели Слуцком; 30 ноября Наливайко с 2000 козаков вступил в Могилев; запылали дома, лавки, острог; девяносто домов превращено в пепел, козаки грабили, убивали жителей, не разбирая пола и возраста. Против разбойников двинулся литовский гетман Радзивилл с 14 000 литвы и 4000 татар; Наливайко, слышав о приближении Радзивилла, вышел из Могилева и огородился возами; из этого козацкого укрепления отбивался он целый день от Радзивилла, отбилсЯ и ушел к Быхову. Литва гналась за козаками, но ничего им не сделала, только сама грабила. Коронный гетман Жолкевский писал королю в 1596 году: «Страшно вспомнить, до чего дошло это своевольство: какое забвение величия королевского, какие замыслы о разрушении Кракова, об истреблении шляхетского сословия!» Наконец Жолкевскому удалось поразить и взять в плен Наливайку при Лубнах в урочище Солонице, и 1 октября 1597 года Наливайко был казнен в Варшаве.

Козаки приутихли и служили государству; но как они служили, об этом послушаем белорусского православного летописца. В 1601 году были в Швеции козаки запорожские, числом 4000, над ними был гетманом Самуил Кошка, там этого Самуила и убили. Козаки в Швеции ничего доброго не сделали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великий вред сделали и город славный Витепск опустошили, золота и серебра множество побрали, мещан знатных рубили и такую содомию чинили, что хуже злых неприятелей или татар! В 1603 году были козаки запорожские, какой-то гетман, именем Иван Куцка, с 4000 народа, брали приставство с волостей Боркулабовской и Шупенской, грошей коп. 50, жита мер 500 и т. д. В том же году в городе Могилеве Иван Куцка сдал гетманство, потому что в войске было великое своевольство, что кто хочет, то и делает; приехал посланец от короля и панов Радных, напоминал, грозил козакам, чтоб они никакого насилия в городе и по селам не делали. К этому посланцу приносил один мещанин на руках девочку шести лет, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было глядеть: все люди плакали — Богу-Создателю молились, чтобы таких своевольников истребил навеки. А когда козаки домой на Низ поехали, то великие убытки

села и городам делали, женщин, девиц, детей и лошадей с собой много брали, один козак вел лошадей 8, 10, 12, детей 3—4, женщин или девиц 4 или 3.

Понятно, что такое поведение козаков не могло возбуждать к ним сочувствия в земских людях; своевольные нападения их на области и корабли турецкие не могли возбуждать к ним сочувствия и в людях государственных, которых постоянно занимал вопрос: нужно ли оставить казаков, или надобно их уничтожить? Этот вопрос был поставлен в договоре по случаю тесного союза Польши с Москвою при избрании королевича Владислава на московский престол. В 1617 году заключен был у поляков мир с турками, по которому король обязался не допускать козаков до плавания по Черному морю. Но козаки днепровские, подобно донским, не могли не громить турецких кораблей, иначе им негде было доставать себе зипунов, по обычному выражению, употреблявшемуся одинаково и на Днепре и на Дону. Благодаря козакам мир с Турцией не мог быть надежен, поэтому опять поднялся вопрос: «Быть или не быть козакам?»

В 1618 году известный публицист польский Пальчовский признал нужным издать книжку: «*О козаках — уничтожить их или нет?*» Автор дает ответ отрицательный; по его мнению, истребить козаков *бесчестно, бесполезно и невозможно*. «*Бесчестно*, ибо это значит исполнить требование неприятеля турка и истребить христиан, тогда как Украина при дворах европейских считается единственною оградой христианства. *Бесполезно*: если не будем иметь соседями козаков, то будем иметь соседями турок и татар: что лучше? *Невозможно*: еще при короле Стефане хотели истребить козаков, да отложили намерение за невозможностью, а тогда козаков было гораздо меньше, чем теперь. Если кто скажет, что можно, — немецких рыцарей уничтожили же, — то отвечаю: с Немецким орденом Польша боролась 200 лет, пока его не уничтожила; кто будет советовать начать двухсотлетнюю борьбу с козаками для их уничтожения, того надобно подвергнуть остракизму».

Кроме этих сильных доказательств в пользу существования козаков гетман их Петр Конашевич Сагайдачный вел дело так, что вопрос об истреблении козаков не мог часто подниматься в польском сенате. Конашевич был шляхтич по происхождению, человек очень умный, искусный полководец. Подобно большей части русской шляхты, Конашевич, несмотря на приверженность свою к русской, то есть православной, вере, не видел у шляхты и престоляродья одного общего русского интереса и сильно тянул к Польше, шляхетскому государству по преимуществу; поэтому, как гетман козацкий Сагайдачный старался отделить дело козацкое от дела престоляродья. «Конашевич, — говорит один летописец, — всегда в миру с панями жил, зато козакам

и хорошо было, только поспольство очень терпело». Кроме того, Сагайдачный служил хорошую службу польскому правительству на войне, ходил под Москву на помощь королевичу Владиславу, дрался с турками и татарами; козаки его играли главную роль в знаменитой Хотинской битве (1621 года), где Польша была спасена от нашествия султана Османа. Но это был последний подвиг Сагайдачного: получив тяжелую рану, он удалился в киевский Братский монастырь и умер здесь в следующем 1622 году.

Служа королю Польскому, живя всегда в мире с панами, Сагайдачный считал бесполезным для себя предложить услуги и царю Московскому. В марте 1620 года явился в Москву посланец его Петр Одинец с товарищами и говорил: «Прислало их все Запорожское войско, гетман Сагайдачный с товарищами, бить челом государю, объявляя свою службу, что они все хотят ему, великому государю, служить головами своими по-прежнему, как они служили прежним великим Российским государям и в их государских повелениях были и на недругов их ходили, крымские улусы громили. Теперь они также служат великому государю, ходили на крымские улусы, а было их с 5000 человек, было у них с крымскими людьми дело по сю сторону Перекопи под самой стеной, татар было на Перекопи с 7000 человек, а на заставе с 11 000; Божию милостию и государевы счастьем татар они многих побили, народу христианского много из рук татарских высвободили; с этою службою и с языками татарскими присланы они к государю: волен Бог да царское величество, как их пожалует, а они всеми головами своими хотят служить его царскому величеству и его царской милости к себе ныне и вперед искать хотят».

Думный дьяк Грамотин, похваливши их за службу, сказал: «Здесь в Российском государстве слух было понесся, что польский Жигимонт король учинился с турским в мире и в дружбе, а на вашу веру хочет наступить; так вы бы объявили: как польский король с турским, с папою и цесарем? И на вашу веру от поляков какого посяганья нет ли?» Козаки отвечали: «Посяганья на нас от польского короля никакого не бывало; с турским он в миру, а на море нам на турских людей ходить запрещено из Запорожья, но из малых речек ходить не запрещено; про цесаря и про папу ничего мы не знаем, а на Крым нам ходить не заказано. На весну все мы идем в Запорожье, а царскому величеству все бьем челом, чтоб нас государь пожаловал как своих холопей». Царь послал Сагайдачному 300 рублей легкого жалованья и писал в грамоте: «Вперед мы вас в нашем жалованье забвенных не учиним, смотря по вашей службе; а на крымские улусы ныне вас не посылаем, потому что крымский Джанибек-Гирей царь на наши государства войною не ходит, и наши люди также крымским улусам вреда никакого не делают».

По смерти Сагайдачного значение козаков не уменьшилось; напротив, усиливалось все более и более, ибо усилилась борьба вследствие унии. Православная церковь получила своего митрополита и епископов, и митрополитом был Иов Борецкий, человек энергический, способный вести дела церкви и народа в такое бурное время. Не было более могущественных православных панов, вроде Острожских и Тышкевичей, столпов церкви, и Борецкий обратился к козакам, их выдвинул на первый план как защитников православия; с другой стороны, он обратился к Москве и, таким образом, задолго до Хмельницкого указал путь, по которому должна была идти к развязке великая народно-религиозная борьба в Западной России. В Рим дали знать о союзе православных епископов с козаками, и папа Урбан VIII писал к королю Сигизмунду в начале 1624 года: «Непримиримый враг католической религии, ересь схизматическая, хитро прокравшись в совещания козацкие, вооружившись силами храбрейших воинов, осмеливается грозить гибелью православной истине. Так как нечестие обыкновенно презирает угрозы, наказаниями не вооруженные, то да постарается твое величество, чтоб лжеепископы русские, стремящиеся возбуждать волнения и господствовать в козацких кругах, достойное такого дерзкого поступка понесли наказание».

В конце 1624 года встало волнение в Киеве: войт Федор Ходыка да мещанин Созон вздумали запечатывать церкви православные: митрополит сейчас же дал знать об этом в Запорожье гетману Коленику Андрееву и всему войску; гетман прислал в Киев двоих полковников, Якима Чигиринца да Антона Лазаренка, велел им в окольных киевских городах собраться с тамошними козаками и идти в Киев для оберегания веры христианской; полковники исполнили поручение, явились в Киеве в 1625 году после Крещения, распечатали церкви и схватили Ходыку вместе с теми мещанами, которые умышляли вместе с ним против православия. Разумеется, такое распоряжение не могло обещать ничего хорошего Борецкому со стороны польского правительства, и вот в феврале 1625 года приехал от него в Москву Луцкий епископ Исакий с просьбою, чтоб государь взял Малороссию под свою высокую руку и простил козакам их вины. Бояре отвечали Исакию:

«Как видно из твоих речей, мысль эта в самих вас еще не утвердилась, укрепленья об этом между вами еще нет, про козаков ты сказал, что их столько не будет, чтоб стоять против поляков одним без помощи; и говоришь, что теперь Запорожское войско идет на весну морем на турок: так теперь царскому величеству этого дела начать нельзя. А если вперед вам от поляков будет утеснение в вере, а у вас против них будет соединение и укрепление, тогда вы царскому величеству и святейшему

патриарху дайте знать; тогда царское величество и святейший патриарх будут о том мыслить, как бы православную веру и церкви Божии и вас всех от еретиков в избавление видеть». Исакий отвечал: «У нас та мысль крепка, мы все царской милости рады и под государевою рукою быть хотим, об этом советовать между собою будем, а теперь боимся, если поляки на нас наступят скоро, и нам кроме государственной милости деться негде. Если митрополит, епископы и войско Запорожское прибегнут к царской милости и поедут на государево имя, то государь их пожаловал бы, отринуть не велел, а им кроме государя деться негде».

Епископы и козаки опасались не напрасно; в конце сентября 1625 года гетман Польский Станислав Конецпольский вступил в Украину с 30 000 своего войска и с 3000 немцев цесарских. Между русскими пошел слух, что Конецпольский пришел козаков уменьшить и, уменьша козаков, веру римскую в Киеве и во всех литовских городах ввести. В Каневе и Черкасах поляки много козаков побили и места их разорили. Выступив из Черкас, Конецпольский стал обозом в десяти верстах ниже Крылова; по ту же сторону Днепра стали и козаки, пришедшие из Запорожья, и городовые, тысяч с двадцать, с полковниками: Дорошенком, Измайлом, Олифером да с Пырским, что был у них гетманом в Запорогах. 26 октября произошел у них бой с поляками, последние одолели, осадили козаков в обозе и заставили их помириться на всей воле правительства. Гетман утвердил избранного ими старшего, полковника Михайлу Дорошенка, и комиссия, заседавшая в урочище Медвежьи Лозы под председательством Конецпольского, постановила, что вперед козаки будут повиноваться только тому старшему, которого утвердит король и коронный гетман; если этот старший не будет исполнять своих обязанностей, то козаки должны принести жалобу королю и коронному гетману и просить смены старшего; также должны обращаться к королю и гетману и по смерти старшего. Но если бы козацкое войско находилось в дальнейшем расстоянии от короля или гетмана, тогда козаки могут избрать старшего из среды себя и вручить ему правление до тех пор, пока король и гетман одобряют избранного.

Форма присяги старшего была следующая: «Я, Михайло Дорошенко, клянусь Господу Богу, в Троице Святой Единому, что пресветлейшему королю Польскому Сигизмунду III и его наследникам и республике Польской, в сей должности моей, согласно воле его королевского величества, во всем верность и повинование сохранять буду, соблюдая во всем повеления его королевской милости и республики, укрощая всякое своеволие и непослушание, а именно: ни я сам, ниже посредством других, против турецкого императора, ни сухим путем, ни морем не буду ходить

и воевать, разве только по повелению его королевского величества и республики. Напротив того, если б кто из войска его королевского величества, мне вверенного, или же кто со стороны вознамерился то сделать, и я про то знал бы, то обязываюсь доносить об этом его королевскому величеству и коронному гетману и таковым сопротивляться. Никаких полчищ, ни охотников, ни охочкомонных созывать и собирать без соизволения его королевского величества не буду, и даже таковых, по обязанности моей, стану преследовать; а также все условия в самамалейших пунктах, в бумагах панов комиссаров на Медвежьих Лозах прописанные, я со всем моим войском исполнять буду».

Эти пункты были следующие: число реестровых козаков назначается 6000; они пользуются всеми правами, полученными от прежних королей Польских и ныне царствующего Сигизмунда; им позволяется снискивать себе пропитание торговлей, рыбной ловлей и охотой, но без вреда угодым старостинским; кроме того, ежегодно назначается им от короны 60 000 злотых жалованья; старшинам назначается особое жалованье. Из 6000 реестровых козаков 1000 или более должны находиться за порогами, наблюдая за движениями врагов. Если сам старший отправится в Запорожье, то на место себя оставляет способного человека. Козаки не должны выходить Днепром в море и начинать войну с каким-либо соседним государством; и потому все морские лодки будут сожжены в присутствии комиссаров. Козак не может жить на земле прежнего пана своего, если не хочет ему повиноваться: ему дается 12 недель срока для очистки дома и земли. Войску ни в какие дела, ему не принадлежащие, не вмешиваться; союзов с соседними державами ни под каким предлогом не заключать, послы от них не принимать и в службу иностранных владетелей не вступать.

Окончивши комиссию, Конецпольский пошел в Бар; паны, бывшие с ним, разъехались по своим имениям; вместо себя на Украине гетман оставил полковника Казановского с 15 000 войска, которое разместилось в Василькове, Треполе, Оржицах, Стайках, Хвастове, Киеве. Дорошенко ездил по козацким городам, разбирая козаков; по городам слушались Дорошенка, потому что лучшие люди из них пристали к нему; но те, которых отставляли от козачества, думали посылать бить челом царю Михаилу Феодоровичу, чтобы государь пожаловал, велел им помощь дать своими государевыми людьми на поляков, а они, козаки, станут служить государю и города литовские будут очищать в государево имя, чтоб им православной веры не отбыть.

Но козаки после поражения от Конецпольского были слишком слабы для какого-нибудь важного предприятия. Это поражение отняло у Иова Борецкого надежду произвести посредством козаков восстание православного народонаселения Турции во

имя искателя турецкого престола, выдававшего себя князем крови султанской и вместе христианином греческого исповедания.

В конце 1625 года явились в Москву из Запорожья козак Иван Гиря с товарищами и македонянин Марк Федоров, посланные к царю Михаилу от Александра Ахии, который выдавал себя за турецкого царевича, сына султана Магомета; Александр рассказывал, что он вывезен из Турции матерью своей гречанкой Еленой, был у императора Немецкого, у герцога Флорентийского, у короля Испанского, и теперь приехал поднимать запорожских козаков против турок, прислал просить помощи и у государя Московского. Александр писал Михаилу, что будущей весной хочет идти посуху и морем в землю Греческую, где ожидает его большое войско из православных болгар, сербов, албанцев и греков, всего войска 130 000. Думный дьяк Грамотин отвечал посланным, что государь жалеет Александру-царевичу всякого добра, чтобы сподобил его Бог отцовского государства доступить, а помочь ему государь не может, потому что Александр-царевич теперь живет в литовской земле у запорожских черкас, которые послушны польскому королю, а польский король государю недруг и помочь через чужое государство нельзя; да и грамоты теперь царское величество к Александру-царевичу послать не соизволил, потому что если литовский король доведается, что Александр-царевич ссылается с царским величеством и помощи просит, то король не сделал бы Александру-царевичу какой помешки; а для любви царское величество посылает Александру-царевичу на 1000 рублей соболей, лисиц и бархатов золотных.

В декабре 1625 года путивльский воевода дал знать в Москву, что в Запорожье собралось было с Александром козаков тысяч с тридцать; но как скоро пришла к ним весть, что гетман Конецпольский с поляками идет на них к Киеву, то между козаками сделалась рознь, и разошлись они из Запорожья по литовским городам, начали собираться против гетмана Конецпольского. 1 сентября царевич Александр с своими людьми сам-пят из Запорожья поехал в литовскую землю и приехал в Киев, где митрополит Иов держал его тайком от поляков в Архангельском монастыре и одел его в монашеское платье, потому что Конецпольский везде велел его сыскивать накрепко; а в ноябре Иову удалось отправить его тайно в Московское государство, велевши ему, едучи в Путивль, сказываться купецким человеком.

Когда в Москве узнали, что Александр в Путивле, то государь велел боярам подумать об этом деле. Бояре рассуждали: «Это дело новое, небывалое! Если царевича Александра принять, то не поднять бы на себя турецких и крымских людей? И неведомо, с каким умыслом царевич Александр приехал в Путивль. Убежал ли от поляков, или нарочно ими прислан, чтобы государя с турским поссорить? Взять Александра и отдать султану за вечный мир, чтобы султан запретил крымцам нападать на государевы

украины,— опасно, чтобы тем Бога не прогневать, человека христианина на смерть отдавши. Праведные судьбы Божии никому не известны: что, если он прямой султана Магмета сын и крещен в православную христианскую веру прямо и был во многих государствах и нигде ему зла не сделали? Если его отдать, то Бога бы не прогневать, грехов и всех тех, которые на Александра надеются, не оскорбить и от турецкого в конечном разорение не привести; да чтоб от пограничных государей укоризны не было, что человека христианина отдали в поганские руки!»

17 декабря указал государь и бояре приговорили послать в Путивль дворянина и перевезти Александра в Мценск, где его оставить до времени, а для береженья послать 10 человек стрельцов. Приставам патриарх Филарет наказал: «Если Александр станет проситься в церковь, то вы бы его в церковь пускали, а стоять ему в трапезе, которая не освящена; а если станет проситься в церковь, то вы ему отговаривайте, что ему в церковь ходить в хохле нельзя, потому что теперь он сделал себе хохол и называется поляком, а в Российском государстве поляков с хохлами в церковь не пускают». Александр бил челом, чтобы государь отпустил его к донским казакам, а оттуда он пойдет на Дунай в Волошскую землю и Болгарию и другие страны, которые признали его государем, и чтоб государь велел донским казакам помочь ему; если же государь на Дон отпустить его не велит, то велел бы отпустить к немцам через Новгород или Архангельск, чтоб ему можно было пройти к Флорентийскому князю. Государь велел ему отвечать, что на Дону живут казаки, люди вольные и царского повеленья мало слушают; притом же их мало, большой войны турецкому они не сделают, да с турецкими султанами у него, царя, братство и любовь и ссылка. Поэтому Александра отправили за границу через Архангельск. Но в 1637 году он опять явился в России и присылал на Дон грамоту, в которой звал к себе донцов и запорожцев в Чернигов.

Между тем и реестровые козаки под начальством Дорошенка мало оказывали охоты исполнять условия, предписанные на Медвежьих Лозах: запорожские чайки являлись на Черном море. В начале 1626 года крымский хан напал на Украину; поляки потребовали от Дорошенка, чтоб он с козаками шел на Низ в сбор; Дорошенко пошел было, но в городе Больших Прилуках явился к нему посол от хана и напомнил, что у козаков с татарами мир, скрепленный присягой, и потому козакам нельзя идти к полякам на помощь: Дорошенко возвратился назад; мало того, запорожцы с гетманом Олифером передались хану и вместе с ним ходили войной на Польшу. В 1627 году король прислал к Дорошенку дворянина своего с приказанием, чтобы козаки были все готовы на весну идти против шведского короля. Дорошенко собрал в Каневе Раду, на которой козаки королевскому посланцу отказали: «Против шведского короля нам нейти, пото-

му что король Польский и паны Радные пожитки всякие у нас отняли, на море нам ходить не велят; мы от этого оскудели, на службу против шведского короля подняться нам нечем». И послали они к королю и к панам Радным просить, чтоб им, козакам, вперед быть в десяти тысячах и король бы им прислал денег и сукна на десять тысяч.

Дорошенко погиб в Крыму в 1628 году, принимая участие в тамошних междоусобиях; на его место был поставлен Григорий Черный, который, однако, своею преданностью полякам и, как говорят, принятием унии не понравился козакам. В 1630 году правительство расставило войска свои в Киевском округе; в народе пошел слух, распущенный, как говорят, Петром Могилою, архимандритом Киевопечерским, что войска собраны для истребления козаков и веры православной. Козаки взволновались, убили своего старшего, Григория Черного, и на его место провозгласили Тараса. Конецпольский двинулся против них и сошелся под Переяславлем. Исход этой войны в большей части известий, как малороссийских, так и польских, предстает загадочным: козаки берут верх над Конецпольским и, несмотря на то, выдают ему Тараса, которого поляки казнят в Варшаве. В Москве путивлец Пладкий так рассказывал дело: «Гетман Конецпольский осадил козаков в Переяславле. У польских людей с черкасами в три недели бои были многие, и на тех боях черкасы поляков побивали, и на последнем бою черкасы у гетмана в обозе наряд взяли, многих поляков в обозе побили, перевозы по Днепру отняли и паромы по перевозам пожгли. После этого бою гетман Конецпольский с черкасами помирился; а приходил он на черкас за их непослушанье, что они самовольством ходят под турецкие города и всем войском убили Гришку Черного, которого он прежде дал им в гетманы. Помирясь с черкасами, Конецпольский выбрал им за них же другого гетмана, каневца Тимоху Арандаренка. А было у Конецпольского польских и немецких людей и черкас лучших, которые от черкас пристали к полякам, 8000, а черкас было 7000». Из этого известия можно принять для объяснения дела одно только обстоятельство — присутствие *лучших черкас* в польском войске: вероятно, эти лучшие черкасы и повернули так дело, что Тарас был выдан и чернь не получила никаких выгод от своего восстания.

Уже в 1631 году козаки переменили Арандаренка и выбрали на его место Ивана Петрижицкого-Кулагу. Они не переставали громить турецкие берега; султан собрался было воевать у Польши заодно с Москвой, но неудача последней под Смоленском заставила и его помириться с королем Владиславом: при этом мире польское правительство обязалось совершенно изгнать козаков с днепровских островов. Для этого Конецпольский в 1635 году построил на Днепре ниже Самары и Князева острова крепость Кодак; но в том же году козаки, возвращаясь с моря

под начальством Сулимы, разорили крепость. Сулима был схвачен с помощью реестровых козаков и казнен. Но в следующем году начались волнения на Украине. Здесь со стороны польского правительства впервые является действующее лицо, которое впоследствии играло такую важную роль,— Адам Кисель, подкоморий Черниговский. Кисель был русский родом и православный. Вследствие последнего обстоятельства он тянул к Руси, к русскому народу, был врагом унии; но, с другой стороны, будучи знатным и богатым землевладельцем на Украине, он смотрел на народонаселение своих земель совершенно панскими глазами и сильно недолюбливал козаков, которые, являясь защитниками православия, прежде всего были союзниками хлопства: в козаки бежали хлопы, не хотевшие жить в крестьянстве, и этого пан Кисель никак не мог переварить. Таким образом, он находился всегда между двух огней.

В августе 1636 года взволновались козаки в Переяславле, решили идти на Запорожье и оттуда на море. Старшие не бунтовали; Кисель, комиссар правительства у козаков, оставался при старших. Наконец, козаки пришли к старшине и начали кричать, что в мае высланы им деньги, а в августе еще не привезены, кричали, что правительство их притесняет. Кисель уговорил их подождать четыре недели и немедленно написал об этом королю, давая знать, что действительно козакам делаются притеснения во многих местах. Написали к гетману Конецпольскому (26 августа); в последнем письме Кисель говорит, что он заметил три вещи в этом войске неразумном, то есть у козаков: 1) любовь к религии греческой и к духовенству этой религии, хотя козаки в религиозном отношении похожи больше на татар, чем на христиан; 2) сильнее на них действует страх, чем милость; 3) хищничество. Вследствие этого он, Кисель, распорядился, чтобы митрополит послал двух духовных особ с увещанием к козакам не восставать против республики. Старшин, прибавляет Кисель, должно удерживать дарами, а чернь страхом.

Весной 1637 года новое волнение: комиссары королевские приехали к козакам, чтоб отдать им жалованье и взять присягу; но чернь объявила, что не хочет давать присяги, хочет идти на Запорожье. Комиссары стали уговаривать козаков, грозили, что они подвергаются величайшей опасности, что республика изгладит их имя, что она скорее согласится видеть на Днепре диких зверей и пустыню, чем мятежную чернь. «Настоящее ваше действие,— говорили комиссары,— может быть началом своеволия, но своеволие не будет его следствием; вы можете идти на Запорожье, но оставите здесь жен и детей, да и сами долго на Запорожье не проживете, принесете опять свои головы под саблю республики; изменить же и уйти в другое место напрасно грозитесь, ибо Днепр ваша отчизна; в другом месте такой не найдете. Дона нечего и сравнивать с Днепром, и тамошней неволи с здеш-

нею волей; как рыбе без воды, так козакам без Днепра быть нельзя, а чей Днепр, тому и козаки должны принадлежать всегда». Козаки расплакались, услышавши о Днепре. Старший их (или гетман), Томиленко, которого комиссары называют простяком, но трезвым и скромным, отказался от должности; но его выбрали снова, положили не изменять республике и присягнули.

Спокойствие, однако, было минутное; Кисель писал, что дела плохи на Украине, ибо козаки зверь безголовый (*bellua sine capite*), стадо без пастуха. По его мнению, непременно должен быть на Украине начальный человек, чтобы гасить пожар, могущий произойти от первой искры. Обязанность его — предотвращать столкновения между козаками и правительственными лицами, укрощать волнение в самом начале; он должен раздавать деньги, должен иметь власть вычеркнуть бунтовщика из списков, должен иметь денежные средства, которые бы дали ему возможность приобретать приверженцев; приверженцы эти должны составлять оппозицию бунтовщикам. Надобно, пишет Кисель, чтоб у старшины козацкой оставалось только имя старшинства, а действительная власть была бы у этого человека, каким бы именем он ни назывался.

Несмотря, однако, на неудовольствия и волнения между козаками, восстания не было на Украине; оно вспыхнуло на Низу. Предводителем этого восстания был Павлик, или Павлюка, который, вышедши тайно из Запорожья, взял силой пушки из Черкас: тогда, что только было гультайства на Украине, выпищиков, могильников, будников, овчаров, особенно из имений князя Вишневецкого и из-за Днепра, — все это встало и собралось. Реестровые козаки, упрекая старшего своего, Томиленка, в послаблении своеволию, собрали Раду, свергнули его и выбрали Савву Кононовича. Новый гетман стал действовать в духе избравших его и правительства, стал уговаривать восставших прекратить восстание: тогда Павлик и другой начальник восставших — Скидан явились в Переяславле, созвали новую Раду и, воспользовавшись своим большинством, убили Савву Кононовича. Однако они не хотели прямо вдруг разрывать с правительством и потому написали Конецпольскому, прося, чтобы правительство не сердилось на них, и выставляя Кононовича человеком, неспособным к гетманству, чужеземцем, москалем. Конецпольский отвечал им: «Повинуйтесь старшему, которого вам даст король, а не тому, кто сам возьмет это достоинство, сожгите все челны и воспрепятствуйте морским набегам: тогда возвратите к себе милость королевскую».

Условия не понравились Павлику и его козакам. 11 октября 1639 года Карп Павлович (Павлик), полковник войска Запорожского, старший на всей Украине, издал универсал, в котором призывал к восстанию, говоря, что неприятели народа русского и веры старожитной греческой, ляхи, идут на Украйну с тем,

чтобы войско и подданных королевских, княжеских и панских истребить, жен и детей в неволю забрать. Ляхи действительно явились под начальством брацлавского воеводы Потоцкого и встретились с козаками под Кумейками 8 декабря. Козаки, несмотря на отчаянную храбрость, потерпели поражение: около 3000 их пало в таборе, ни один не просил помилования, только и слышен был голос, что надобно помирать одному на другом; если же поляк падал с лошади, то козаки сбегались и рвали труп на куски. Ночью Павлик и Скидан ушли, но Потоцкий утром нагнал их при Боровице, окружил и начал обстреливать. Адам Кисель предложил козакам выдать Павлика и других зачинщиков восстания, поручившись, что король не будет мстить им.

Козаки выдали Павлика и Томиленка, но Скидану удалось уйти. По выдаче Павлика козаки выбрали было себе другого старшего; но Потоцкий объявил им, что они все потеряли бунтом; старшему велено положить булаву, бунчук и печать, все старые полковники отставлены, даны новые, старшим назначен Ильяш Караимович. Но кроме главного войска, находившегося с Павликом, был еще отряд козацкий под предводительством Кизименка, который взял Лубны, вырубил шляхту и монахов бернардинских, трупы последних отдал собакам; но и Кизименко попался Потоцкому, который велел посадить его на кол, «ибо,— пишет Потоцкий из Нежина 8 января 1638 года,— напрасно возить их в Варшаву на зрелище: лучше пусть понесут казнь здесь, где злодействовали». Но Павлик и четыре товарища его были казнены в Варшаве, несмотря на протест Киселя. Главный город, Терехтемиров, у козаков отняли; гетманам дано приказание искоренить всех козаков, которые будут противиться сеймовому определению, а это определение состояло в том, чтобы сделать новый набор козацкого войска в числе 6000 с назначенными от правительства офицерами.

Но этот сеймовый декрет мог быть приведен в исполнение только после новой отчаянной борьбы, которая дорого стоила полякам. В апреле 1638 года вспыхнуло новое восстание в Запорожье под начальством Острианина, мстившего за отца, замученного поляками; Скидан также явился на сцену после Острианина; большая часть реестровых козаков с своим старшим, Ильяшем, сражались на стороне поляков против козаков Остриановых. Эта война замечательна тем, что восставшие козаки смотрят за левый берег Днепра, на московскую сторону, как на безопасное убежище в случае неудачи: готовится мало-помалу то дело, на которое указал Иов Борецкий. Острианин, поразивши поляков под Голтвою 5 мая, но потом разбитый под Жолниным 13 июня, ушел в московские владения, куда еще прежде вывез жену. Но бегство Острианина не отняло духа у козаков: они выбрали себе другого старшего, Гуню, укрепились на устье реки Старицы, впадающей в Днепр, и отбивались до последней крайности от

неприятеля, превосходившего их числом и артиллерией; наконец, вынужденные голодом, козаки объявили, что будут повиноваться сеймовому приговору. Поляки с своей стороны обещали не преследовать их, когда будут расходиться по домам, но не сдержали обещания. В конце года козакам было повешено, чтоб они собрались на урочище Маслов Брод слушать решение короля и Речи Посполитой. Это решение состояло в том, что козаки лишились права избирать старшин; назначен был им комиссар от правительства Петр Комаровский, с правом назначать полковников; главным городом козацким, местопребыванием комиссара, объявлен Корсунь. Правительство приказало возвратить козакам их прежние земли, которыми они владели наследственно: но гетман Потоцкий с товарищами, назначенными для улажения дела, объявил, что этот пункт никак не может быть приведен в исполнение, потому что по случаю выпавших снегов нельзя различать ни столбов пограничных, ни насыпей, ни ручьев, ни дорог, ни болот, и потому земли трудно разделить. В присутствии Потоцкого и других комиссаров козаки должны были снова присягнуть в верности королю и Речи Посполитой; все оружие было свезено в середину; хоругви, булавы и все доспехи были повергнуты к ногам комиссаров, представителей Польши; тяжкие вздохи слышались среди козаков при этом унижительном для них обряде. Потоцкий принял этот вздох за признак глубокого раскаяния.

«С этого времени всякую свободу у козаков отняли, тяжкие и необычные подати наложили, церкви и обряды церковные жидам запродали, детей козацких в котлах варили, женам груди деревом вытискивали». Это говорит летописец малороссийский; но вот что говорит польский: «В 1640 году в месяце феврале татары крымские всю страну около Переяславля, Корсуня и обширные имения князей Вишневецких вдоль и поперек опустошили, людей и скот забрали и возвратились домой безо всякой погони, потому что козацкой стражи больше не было. Такую выгоду получила республика от уничтожения козаков, а все оттого, что старосты и паны в Украине хотели увеличить свои доходы, жидов всюду ввели, все в аренду отдали, даже церкви, ключи от которых у жидов были».

Козаки шли в Москву, монахи и монахини толпами выезжали туда же, дорога была указана и открыта.

Примечание

Встречающиеся здесь впервые подробности взяты из дел малороссийских, польских и греческих, хранящихся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел; из белорусской летописи Синодальной библиотеки, № 790; из польской рукописи Императорской публичной библиотеки, № 94.

ГЕТМАН ИВАН ВЫГОВСКИЙ *

В конце первой половины XVII века в Киеве служил канцеляристом Иван Выговский, шляхтич православного исповедания, ученый, отлично знавший свое дело. На службе, однако, ему не посчастливилось: оказалась утрата в книгах, и Выговский был приговорен к смерти. Но он имел связи: сильные покровители, паны, успели освободить его от страшного приговора, после чего судейское поприще закрылось для Выговского, и он поступил в войско. По другим известиям, он был писарем при польском козацком комиссаре. Как бы то ни было, Выговский находился при польском войске, когда на Украине поднималась великая война, имевшая переменить вид Восточной Европы. Козачество, имея за себя все хлопство, под знаменем угнетенного православия восстало против польского панства и шляхетства. Шляхетство русское, православное, разнясь в вере с шляхетством польским и борясь с ним вследствие этого различия, на сеймах несколько не сочувствовало козацкой войне; козак и шляхтич — это были огонь и вода; мира, союза еще между ними быть не могло, кроме немногих исключений: шляхта тянула к шляхетскому государству, к стране, которую называли раем шляхты. Шляхтич Выговский был в войсках Речи Посполитой против козаков, в том передовом отряде, который помчался с молодым Потоцким в степь, навстречу к Хмельницкому, и был разбит в прах на Желтых Водах.

Выговский попал в плен к татарам; Хмельницкий, зная его прежде как ученого и отличного дельца, выменял его у татар на лошадь и сделал при себе писарем. Здесь, как обыкновенно бывало, перо, несмотря на свою видимую слабость и подчинение, умело взять верх над саблей, и ловкий писарь приобрел большое влияние в войске и над самим Богданом, отклоняя вредные следствия его вспыльчивости, особенно после горилки. Притворяясь поневоле козаком, Выговский оставался в душе шляхтичем, то есть врагом козачества, и не переставал питать привязанность к Польше, не упуская случая служить панам, уведомляя их об опасности от хлопства. Но при Хмельницком, при этой отчаянной борьбе между козачеством и панством, нельзя было думать о Польше; предвидя, что рано или поздно козакам не уйти от подданства московского, писарь Запорожского войска Выговский

был очень любезен с послами великого государя восточного, православного, тем более что они за эту любезность платили соболями. После Зборовского мира приезжал к Хмельницкому царский посланник Неронов. Выговский, служа царскому величеству, сообщил ему зборовские статьи и про иные дела рассказывал; Неронов за это дал ему лишние соболи.

Усердие Выговского к Москве становилось все сильнее и сильнее, ибо все сильнее и сильнее чувствовалась необходимость соединения с Москвой. Об этом же соединении вместе с Выговским хлопотал греческий коринфский митрополит Иоасаф, живший у Хмельницкого с двумя греками, Иваном Петровым Топрали и монахом Павлом. Павел, уговаривая в 1651 году царя принять Запорожское войско под свою руку, писал, чтоб государь вел дело чрез Выговского; а сам писарь говорил московскому посланцу Богданову: «Ко мне царская милость и жалованье, и я на государском жалованье челом бью и обещаюся великому государю служить и всякого добра хотеть под присягою; что у гетмана с польским королем, крымским царем и другими государствами будет делаться, обо всем великому государю стану доносить, буду писать в Путивль тайно к боярину князю С. В. Прозоровскому; только б об этом никому не было известно, потому что если узнает об этом гетман Богдан Хмельницкий, то мне не миновать наказанья. Великий государь непременно всю Малую Русь теперь принять изволил бы, потому что все единогласно молят Бога и хотят быть под его государскою высокою рукою; к великому Московскому пространному и многолюдному государству без войны и кровопролития будет прибавленье большое; овладеет великий государь многою землею и городами, и с этих городов, с мещан и со всяких чинов людей и с их торговых и других всяких промыслов будет царской денежной казне прибыль большая. Когда великий государь нас, православных христиан, примет, то польский король будет от него в большом страхе, и не только против великого государя воевать, и говорить не будет, потому что польскому королю против великого государя стоять нечем. Если же великий государь, приняв нас, изволит послать своих ратных людей и нас, козаков, то известно наверное, что корона Польская и Великое княжество Литовское и без войны учинятся подданными и будут под его государскою рукою, потому что Польша и Литва и от одних нас, козаков, живут в великом страхе. Если же государь нас не примет теперь и сделаемся мы подданными польскому королю, то польский король против великого государя войну начнет тотчас. Я опасуюсь, чтоб поляки не прельстили и козаков, не уговорили их вместе с ними идти на Московское государство, а крымский царь уже давно готов идти на Московское государство».

Улаживая свои дела с Москвой на случай подданства очень вероятного царю, Выговский не думал разрывать и с Польшей, добываясь повышения от короля. Через несколько месяцев он писал коронному гетману Потоцкому: «Не только теперь, но и во всякое время я прилагал большое старание о том, чтоб усердно и верно служить его королевской милости. Каждый узнал, что я усердно старался об утверждении святого мира и о том, чтоб силы наши обратились против чужого неприятеля. Во всякое время, какой бы ни представился случай со стороны иностранных государств, я не премину уведомить вашу милость. Изволь думать обо мне, как о верном слуге своем; позволь, чтоб я был предпочтен другим в важнейшем деле, касающемся его королевской милости. О том только прошу, чтоб жизнь моя была безопасна. Затем буду ожидать спокойно, в чем окажется милостивая ласка и повышение, обещанное вашею милостью».

В следующем 1652 году новые уверения в преданности Москве перед царским посланцем Унковским: «Если государь не изволит нас принять, то есть такие люди многие, что станут гетману наговаривать поддаться турецкому или крымскому; а у меня и в уме нет, чтоб, кроме великого государя, куда помыслить, только б великий государь пожаловал меня, холопа своего, велел обнадёжить своею милостию, велел бы мне свою грамоту прислать за рукою думного дьяка, чтоб гетман и никто другой о том не знал; и в Путивль свою грамоту велел бы прислать, чтоб меня приняли, когда я к великому государю поеду. Если государская милость ко мне будет, то я с отцом своим, братьями и приятелями к великому государю приду, и лучшие люди Запорожской земли со мною же; да не думаю, чтоб и гетман неверным поддался. Меня и венгерский король зовет к себе, власть мне и жалованье великое дает; потому меня король Венгерский знает, что я у него бывал, и про то он знает, что я от войска Запорожского почтен. Но я, кроме великого государя, не мыслю никуда ехать. Пока я здесь, уповаю на Бога, что удержу гетмана, все Запорожское войско и царя крымского, воевать московские украины не пойдут, потому что крымский царь и мурзы меня слушают: известно им, что я в войске Запорожском владетель во всяких делах, а гетман, и полковники, и все войско Запорожское меня слушают же и почитают; вы и сами видите, что гетман и лучшие люди мне верят во всем». Перекрестившись перед образом и поклонившись в землю, Выговский сказал: «Дай, Господи! Чтоб великого государя ко мне, последнему холопу, милость была совершенная; а я, как обещал ему, государю, служить и на чем образ Спасов целовал, так и совершу». И действительно, Выговский пересылал в Москву грамоты, писанные к Хмельницкому от турецкого султана, крымского хана, силистрийского паши, гетманов Потоцкого и Радзивилла.

Наконец соединение Малой Руси с Великой последовало, и уже при Богдане начались неудовольствия между московским правительством и гетманом, который отвык быть подданным и не хотел сообразоваться с интересами государства, которому поддался. Но при жизни Богдана не было смуты внутренней в Малороссии; смерть его, случившаяся 15 августа 1657 года, служила знаком к началу этой смуты, для которой Малороссия представляла такую удобную почву, ибо составные части ее общественного тела жили розно: Запорожье имело свои особые интересы, городовые козаки свои, города свои, войсковые старшины свои, и человек, который был виднее всех после Богдана, был вовсе не способен уничтожить эту рознь, ибо давно привык жить также сам по себе, не имея сочувствия к среде, в которой судьба заставила его действовать: то был Выговский.

Постоянно во всех историях повторяется рассказ о том, как Хмельницкий, чувствуя приближение смерти, созвал в августе Раду, на которой предложил избрать себе преемника, указывая на некоторых полковников и особенно рекомендуя Выговского; но Рада отвечала, что за подвиги отцовские никто не будет гетманом, кроме сына его, Юрия; старый Богдан долго не соглашался, наконец должен был уступить всеобщему желанию. Все это красиво, но, к сожалению, неверно; ибо из источников официальных узнаем, что еще 23 апреля Хмельницкий писал царю Алексею Михайловичу: «И то тебе, великому государю, извещаю, что, будучи я недужным, за изволением всех полковников, поручил гетманство сыну своему, Юрию Хмельницкому, о котором, низко челом бьючи, молю, чтоб твое царское величество милостив к нему был». Посланец гетманский Коробка, привезший эту грамоту, говорил в посольском Приказе, что Богдан за старостью и болезнью гетманство свое сдал, за Радою полковников и всего войска, сыну своему Юрию, а ныне-де он, Юрий, 16 лет, и булаву ему гетманскую дали, только власти ему никакой не иметь, покамест отец его жив будет, и владеть всем и гетманом именоваться и писаться отцу его, Богдану Хмельницкому. А гетман и все войско от мала до велика желают того, чтоб изволил приехать в Киев великий государь, святейший Никон-патриарх и там бы митрополита на митрополию, а гетманова сына на гетманство благословил. Государь отвечал: «Вам бы гетману, сыну своему Юрию приказать, чтоб он нам, великому государю, служил верою и правдою, как вы, гетман, служили; а мы, увидя сию верную службу и в целом сохраненную присягу, учнем держать его в милостивом жалованье».

Далеко не все полковники изволили на избрание Юрия в гетманы. Ловкий писарь умел составить себе сильную партию, и самым усердным приверженцем его был Грицко Лесницкий, полковник Миргородский. Богдан узнал, что Грицко прочит

гетманство Выговскому, и велел обоих привести к себе: Лесницкому грозил смертью, а Выговского велел перед собою расковать по рукам лицом к земле и держал его в таком положении почти целый день, «покаместа у Богдана сердце ушло», и Выговский лежал на земле все, плакал, и гетман его простил. Но как скоро Богдан испустил дух, Выговский с своими приверженцами стал действовать, привлекая на свою сторону большую часть полковников, которые и провозгласили его гетманом, не известив об этом Запорожье и не дождавшись приезда в Чигирин полтавского полковника Мартына Пушкаря, который прямо и резко высказал свое нерасположение к Выговскому. Что же Юрий Хмельницкий? О нем, о его отношениях к Выговскому продолжают рассказывать в мутных источниках; но мы заметим одно: ни Пушкарь, ни запорожцы, вооружаясь против избрания Выговского, как незаконного, требуя созыва общей, черной Рады для законного избрания гетмана, нигде не упоминают, что такая Рада уже была и что на ней избран Юрий Хмельницкий; изыскивая против Выговского всевозможные обвинения, они не обвиняют его в отстранении Юрия Хмельницкого, законно избранного, они не знают об этом избрании.

Киевский воевода Бутурлин дал знать в Москву о смерти Богдана, но ничего не писал о его преемнике. Государь немедленно послал в Малороссию стольника Кикина объявить войску, что царь, известившись еще от покойного Богдана о неприятельских замыслах хана Крымского, посылает к ним на помощь войска под начальством князя Григория Григорьевича Ромодановского и Василья Борисовича Шереметева; сверх того скоро явятся к ним князь Алексей Никитич Трубецкой и Богдан Матвеевич Хитрово для Рады. Кикину велено было говорить рядовым козакам: давали ли им при гетмане Богдане во время походов жалованье? И если скажут, что не давали, внушить, что гетман делал это без воли государя, который назначил им на жалованье сборы с городов и поветов малороссийских и теперь все это велел рассмотреть и указ учинить князю Трубецкому. Кикин должен был также говорить с войтами, бурмистрами и мещанами наедине, что гетмана не стало и на города малороссийские наступили неприятели, крымский хан и ляхи, да у них же между собою учинилось смятение; царское величество для их обороны послал войско, а для своих государевых дел князя Трубецкого с товарищами: так они бы ничем не оскорблялись. А если станут говорить: хорошо было бы, если б великий государь для всяких неприятельских приходов и расправных дел изволил быть у них в городах своим воеводам, то отвечать, что все эти дела положены на князя Трубецкого. А если про воевод и не начнут говорить, то Кикину самому начать, чтоб государевым воеводам быть в черкасских знатных городах для того, чтоб тамошним жильцам

от полковников и других людей обид и налогов не было. Кикин должен был везде разведывать: кто у черкас начальный человек, кого больше слушают и кого хотят избрать в гетманы, Юрия ли Хмельницкого или кого иного, и нет ли теперь между черкасами на полковников какого ропоту, и если есть — за что? И чего между ними чают? И захотят ли, чтоб в городах были государевы воеводы?

В Украине действительно начинался ропот, но шел он не снизу, а сверху. Присоединение к Москве было чисто делом народным, делом народного большинства, и большинство это до сих пор не имело никакой причины раскаяться в своем деле. Другой взгляд был у меньшинства, находившегося наверху: для этого меньшинства, для войсковой старшины и особенно для шляхты, соединение с шляхетским государством, с Польшей, имело гораздо более прелести. Представителем этой аристократической стороны был именно шляхтич Выговский, который теперь захватил гетманство. Богдану, привыкшему во время борьбы с Польшей распоряжаться произвольно, тяжело было подчинение Московскому государству, столь ревнивому к правам своим; уже Богдану тяжело было извертываться пред послами великого государя, требовавшими неуклонного исполнения обязательств. Но старого Богдана за его славу и заслугу щадили в Москве: будут ли щадить Выговского? Последний имел основание решать этот вопрос отрицательно и давно уже устремлял свои взоры на Запад, к шляхетскому государству, где сулили ему блестящее, независимое положение, сенаторство. Многие из старшин, прельщенные теми же выгодами, были на стороне Выговского. Но прямо, немедленно объявить себя против Москвы и соединиться с Польшей было нельзя: Польша была слаба, не оправилась еще от тяжелых ударов, нанесенных ей Швецией и Москвой, не могла она собственными силами защищать Выговского и товарищей его от мщения царского; притом же большинство в войске и народе было против подданства Польше; надобно было сначала хитрить и опереться на какой-нибудь другой союз, повыгоднее польского, и Выговский обратился к хану Крымскому, союз с которым так много помог Хмельницкому в начале борьбы его с Польшей. Первым делом нового гетмана было посольство в Крым с просьбой о союзе, и союз был заключен.

Несмотря на то, положение Выговского далеко не было завидным: он был похититель в глазах огромного большинства козаков, для которых законным гетманом мог быть только выбранный вольными голосами на общей Раде, а Выговский не мог рассчитывать на такое избрание: за молодым Хмельницким было знаменитое имя, дорогое козачеству; минуя Хмельницкого, были полковники, выдававшиеся вперед заслугами войсковыми, тогда как Выговский был писарь — звание, не

пользовавшееся особенным уважением в воинственной толпе; кроме того, Выговский даже не был козаком и, что всего хуже для козака, — был шляхтич. Попытки Выговского и его приверженцев поднять в козаках неудовольствие против Москвы не удалась. Григорий Лесницкий, приехав по смерти Богдана из Чигирина в Миргород, собрал Раду на своем полковничьем дворе, собрал стариков и атаманов и говорил им: «Присылает царь Московский к нам воеводу Трубецкого, чтоб войска Запорожского было только 10 000 и те жили бы только в Запорожье. Пишет царь Крымский очень ласково к нам, чтоб ему поддались; лучше поддаться Крымскому царю: Московский царь всех вас драгунами и невольниками вечными сделает, жен и детей ваших в лаптях лычных водить станет, а царь Крымский в атласе, аксамите и сапогах турецких водить будет».

Сотники и атаманы сказали, что бусурману не хотят поддаваться. Сам Выговский, созвав полковников на Раду в Корсуне, сделал выходку против Москвы. «Вы, полковники, должны мне присягать, — говорил он, подняв булаву, — а я государю не присягал, присягал Хмельницкий». Тут отозвался полтавский полковник Мартын Пушкарь: «Все войско Запорожское присягало великому государю, а ты чему присягал — сабле или пищали?» Выговский вынул из кармана московские медные деньги, бросил по столу и сказал: «Хочет нам царь Московский давать жалованье медными деньгами; но что это за деньги, как их брать!» Отвечал тот же Пушкарь: «Хотя бы великий государь изволил нарезать бумажных денег и прислать, а на них будет великого государя имя, то я рад его государево жалованье принимать».

Надобно было хитрить с Москвой. Отсюда в сентябре явился стрелецкий голова Артамон Сергеевич Матвеев с выговором генеральному писарю и старшинам, зачем не уведомили великого государя о кончине гетмана Хмельницкого, и с приказанием отправить козацкое посольство в Стокгольм для склонения шведов к миру. Выговский оправдывался: в самый день смерти гетмана приказал было он, писарь, трем гонцам ехать в Москву с этой вестью, но начальные люди стали волноваться и говорить, будто он, желая получить гетманство, посылает своих людей от себя, а не от всего войска Запорожского; это и заставило его о смерти гетманской дать знать киевскому воеводе Андрею Васильевичу Бутурлину и князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому. В Швецию обещал послать немедленно, чтоб король не надеялся на Запорожское войско, которое будет действовать против него, если он не помирится с Москвой.

Только что Матвеев успел возвратиться с этим ответом, явились в Москву козацкие посланники есаул Миневский и сотник Коробка с известием, что Выговский избран в гетманы, и с просьбой от всего войска Запорожского, чтоб великий государь

утвердил избранного. В ноябре царь отвечал Выговскому, что посылает в Малороссию ближнего окольного Богдана Матвеевича Хитрово для приведения его к присяге, и в ноябре же приехали в Москву посланцы из Запорожья, от кошевого атамана Якова Федоровича Барабаша. Посланцы объявили: «Хотя по сие время все войско Запорожское и вся чернь, городовая и запорожская, великие обиды и притеснения терпят от гетмана городского и от всех полковников и других начальных людей в городах, однако молчали до вашего царского указа. Но теперь все войско Запорожское увидело от городских старшин против вашего царского величества великую измену; чернь войска Запорожского узнала подлинно, что еще при жизни Богдана Хмельницкого вся старшина, гетман и все полковники присягу учинили неведомо для чего с князем Седмиградским Ракоци, с королем Шведским, с воеводами Молдавским и Валахским и к царю Крымскому посылают грамоты: все это измены вашему царскому величеству! Вся чернь войска Запорожского на это не произволяет и никакой измены делать не хочет; из городов к нам на Запорожье бегут и сказывают, что старшие городовые от вашего царского величества отступили». Посланцев спросили: «Какие обиды им гетман чинил?» Те отвечали: «Рыбы в речках ловить не велит и вина на продажу держать; отдают все это на аренду, и все поборы собирает гетман себе, в войско ничего не дает, а говорит, будто казну держит на посольские расходы; но послов принимает и отпускает он без указа, чего не довелось делать: при польских королях гетманы этого не делывали».

Спросили: «Чего же запорожцы хотят теперь?» Посланцы отвечали: «Чтоб послан был в войско ближний человек и собрал Раду; на этой Раде выбирать в гетманы, кого всем войском излюбят». Спросили: «Где Раду собрать, в Киеве?» Козаки отвечали: «В Киеве из Запорожья собираться далеко; лучше быть Раде под городом Лубнами, на урочище Солянице—это место середина». Потом начали говорить, чтоб быть Раде в Запорожье, потому что и прежние гетманы выбирались из Запорожья: тут у них столица запорожская. Им отвечали: «Несхоже дело, что Раде быть в Запорожье: место дальнее и от неприятелей опасно; в Киеве духовные власти и всякие урядники; также и в Лубнах Раде быть непристойно же: место малое, да и гетман Выговский, опасаясь их, туда на Раду не пойдет». Но посланцы настаивали на Лубнах.

После этого разговора у посланцев спросили: «Когда умер Хмельницкий, то у черни на Выговского и полковников была молва, и говорили: лучше, если б были у них в городах царские воеводы: так теперь вам надобно ли, чтоб в знатных городах были воеводы и городовые всякие дела ведали, а полковники ведали бы только войсковые дела?» Посланцы отвечали: «О том

мы давно у царского величества милости просить хотели; вся чернь и мещане тому рады, да не допускают до того полковники для своей корысти». Насчет Выговского посланцы говорили: «Выговского мы гетманом отнюдь не хотим и не верим ему ни в чем, потому что он не природный запорожский козак, а взят из польского войска на бою при Желтых Водах; Богдан подарил ему жизнь и сделал писарем; но он по своей природе войску никакого добра не хочет; да у него и жена шляхтянка из знатного дома, и она потому же войску Запорожскому добра не хочет». Государь отпустил посланцев с тем, что высылает окольного Богдана Матвеевича Хитрово на Раду, которая будет в Переяславле. Вероятно, пример Хмельницкого, создавшего знаменитую Раду о соединении в Переяславле, заставил и теперь выбрать этот город.

Так ясно высказались в Малороссии две враждебные стороны: сторона старшины и сторона черни, представителем которой было Запорожье; борьба этих сторон, неуменье соединиться в общих интересах страны, уже готовила Малороссии судьбу Новгорода; Москва со своим началом приравнения была тут и с своим обычным постоянством при всяком удобном случае задавала вопрос: «Ссоритесь, обижаете друг друга — не хотите ли воевод его царского величества?»

Приехав в Переяславль, Хитрово нашел там Выговского, обозного, судью, сотников и много черни. Прежде всего Хитрово сделал выговор Выговскому, зачем затеял новость, написался в грамоте к царю *вольным подданным*. «Так тебе к царскому величеству писать не годилось, и вперед тебе писаться просто царского величества подданным, так же как и гетман Богдан Хмельницкий писал». Несколько времени дожидались полтавского полковника Мартына Пушкаря; потом начали говорить, что ждать больше нельзя: все разъедутся, и если Пушкарь так долго не бывал, то это не просто, придет с войском и начнет междоусобие. Тогда Хитрово созвал Раду и объявил, чтоб все войско выбирало себе гетмана кого хочет, по своим волям. Старшины и чернь отвечали единогласно, что выбран в гетманы всем войском Иван Выговский и люб он всем. Тут выбранный положил булаву и сказал, что не хочет гетманства, потому что многие люди в черни говорят, будто он на гетманство захотел сам собою и будто выбрали его друзья. Обозный, судья, полковники и вся чернь стали его упрашивать, чтоб держал булаву по их единогласному избранию, и гетман по прошению всего войска булаву принял и присягнул великому государю. Но когда все это кончилось, Хитрово подали грамоту: Пушкарь писал, что придет в город Лубны, где должна быть новая Рада о гетманском избрании, а Переяславская Рада не в Раду. Окольный отвечал, чтоб Пушкарь приезжал в Переяславль с ним видеться; но Пуш-

карь не поехал, а посланец Хитрово доносил, что у полтавского полковника живут посланцы запорожского кошевого Барабаша, Михайло Стрынжа с товарищами, и при Пушкаре говорят про Хитрово многие бесчестные речи к большой ссоре.

С такими донесениями возвратился Хитрово в Москву. Прошел 1657 год. В начале 1658 года Выговский, казнив смертию нескольких начальных людей, ему неприязненных, попытался было покончить миром с Пушкарем, но Пушкарь забил в кандалы и отослал в заточение посланца гетманского, сказав: «Выговский хочет и со мною помириться так же, как помирился с братьями нашими, которые получше его будут; он отсек им головы; но со мною ему так не сделать». Выговский, узнав о судьбе своего посланца, отправил против Пушкаря сербский полк своей гвардии. Но Пушкарь уже успел призвать к себе запорожцев, которые вместе с козаками Пушкаря 27 января разгромили сербов Выговского под Диканькою, после чего Пушкарь, усилив себя войском, набранным из всякого рода людей, выгнал Лесницкого из Миргорода, где полковником был провозглашен Степан Довгаль.

8 февраля Пушкарь прислал в Москву первый извет свой на Выговского, 12 марта явился другой извет, от миргородского полковника Степана Довгаля. Новый митрополит Киевский Дионисий Болабан, приверженец Выговского и вместе приверженец польского союза, грозил Пушкарю проклятием за междоусобие. Пушкарь отвечал: «Вся чернь войска Запорожского не хочет иметь Ивана Выговского гетманом. Только когда состоится общая Рада и вся чернь днепровская единомысленна будет с чернью городовою всего войска Запорожского, тогда, по царским жалованным грамотам, вольно будет войску Запорожскому, всей черни улюбить того же пана Ивана Выговского и принять на гетманство, и я готов то же сделать вместе со всею чернью Запорожского войска и быть во всем послушным. Все, что теперь делается, делается не по моему хотению, а по воле Божией, делает это все войско и вся чернь по жалованным грамотам, но меня одного от себя отпустить к пану Выговскому не хотят. Вместе с посланцами, бывшими у царского величества, все войско из Запорожья выгреблось и с городовым войском Запорожским для Рады генеральной соединилось, а не для каких-нибудь бунтов. Что мы бунтовщики, этого на нас никогда никто не докажет, и мы готовы во всем перед царским величеством оправдаться, только пусть едут в Москву пан Иван Выговский и пан Григорий Сахнович (Лесницкий). А что ваша пастьерская милость грозит своим неблагословением, то налагайте его на кого-нибудь другого, кто неверных царей принимает, а мы одного православного царя держимся. Послали мы на войну православных христиан, охраняя собственную жизнь, видя

наступление врагов, а междоусобной брани между народом христианским и войском Запорожским не было и не будет. А можно было некоторое время и в Переяславле подождать войска Запорожского, которое уже выгреблось из Запорожья, также и городского войска подождать».

Выговский сам не поехал в Москву, как приглашал его Пушкарь, но отправил самого близкого по себе человека Григория Лесницкого в апреле. Посланный жаловался, что по отъезде Хитрово из Переяславля гетман Выговский спокойно отправился в Чигирин; но в это время по наученью Пушкаря Ивашка Донец, бывший в Москве посланцем от Барабаша, собрал несколько сот гультяев, приходил войною на Чигиринский полк и многих людей побил и пограбил, распуская слухи, что нынешнею весной по траве будет новая Рада, на Солонице. Выговский созвал Раду в Чигирин и объявлял, что оставляет гетманство, видя нестроение в войске; полковники насилу уговорили его не покидать булавы и теперь послали его, Лесницкого, бить челом, чтоб великий государь послал приказ Пушкарю отстать от своевольтва и быть с гетманом в соединении; да чтоб великий государь послал сделать перепись между козаками, написать 60 000, и вперед бы гультяям в козаки писаться было не вольно, а теперь от тех гультяев большой мятеж учинился, потому что всякий называется козаком; также переписать все доходы и реестровым козакам давать жалованье.

Таким образом, теперь вследствие образования партий — старшин и черни — сам гетман просил о том, чего при Хмельницком так добивалось польское правительство и чего не хотел исполнить Богдан, ибо гультяйство, исключенное из реестра, поднимало возмущение. Бояре сочли нужным указать на это Лесницкому: «Не будет ли бунта, когда многие козаки останутся за реестром?» Лесницкий отвечал: «Надобно послать из Москвы комиссаров, знатных людей с войском, чтоб в войске Запорожском было страшно». Лесницкий пошел дальше: когда ему сказали, что великий государь, по челобитью Выговского, в знатных городах велел быть своим воеводам, то он отвечал: «По премоной милости царского величества гетман и все войско челом бьет, потому что этим в войске бунт усмирится; да хотя бы великий государь и в иных городах изволил воеводам быть, то у них бы в войске гораздо было лучше и смиреннее; изволил бы великий государь послать в войско Запорожское своих воевод и ратных людей для искоренения своеволия».

Два раза из Москвы посылали приказ Пушкарю, чтоб он не опасался Выговского, которому запрещено мстить за прежние недружбы, и чтоб слушался гетмана. Пушкарь не переставал посылать изветы на Выговского. Он писал государю (11 марта и 26 апреля): «Выговский изменил Богу и вашему царскому вели-

честву: помирился с Ордою, ляхами и с иными землями и замысл имеет извовать Запорожье. Выговский дал города по Ворскле Юрию Немиричу, лютеранину, чего Хмельницкий без указа царского не дельвал; Выговский имеет при себе много сербов, немцев и ляхов. С тех пор как Выговского поставили гетманом без совета всей черни, не держит он при себе ни одного козака, все держит иноземных людей, от которых вам обиды нестерпимые делаться начали. Окольничий Хитрово Выговскому без полевой Рады и без всей черни в Переяславле на церковном месте гетманство дал, булаву и все украшение войсковое в руки отдал, а в прошлые годы всегда в войске Запорожском в поле общию Радою гетманов и полковников и иных старшин по любви войсковой избирали».

Пушкарь просил, чтоб государь сам приехал в Малороссию, в Киев, с патриархом, с сыном, ближними боярами и думными дьяками, всех подданных своих в Малороссии милостивыми очами рассмотреть. Посланец его Искра объявлял, что полковники Полтавский, Нежинский и Миргородский и всего войска Запорожского городовая и запорожская чернь бьют челом на гетмана Ивана Выговского и на бывшего миргородского полковника Грицка Лесницкого, которые великому государю никакому добра не хотят, и чают в них измены; так чтоб великий государь пожаловал, велел Выговского от гетманства отставить, а назначить гетмана и полковников новых и велел бы им о том собрать Раду. Бояре спросили Искру, какие измены он знает за Выговским? Искра отвечал: «Без указа ссыался с неприятелями царского величества, послов их к себе принимал и отпускал, венгерского Ракоцу хотел посадить на Польское королевство». Бояре говорили: «На Переяславской Раде выбрали единогласно Выговского, и никто тогда в измене его не обвинял; Выговский присягал при митрополите и при всем духовенстве: теперь новой Рады собирать не для чего, потому что это дело вершное». Искра отвечал: «Переяславская Рада была не настоящая: были на ней только те полковники, которые с Выговским в одной мысли, а с ними сотников и черни у полковника человек по десяти и меньше». Бояре продолжали: «Что Выговский иностранных послов принимал, в том он повинился, и потому измены от него нет». Искра возражал: «Измена есть: после Рады послал Павла Тетерю в Польшу». Бояре отвечали: «Несхожее дело, что гетману, учиня такое крепкое обещанье, тотчас же измену задумать! Хотя и послал куда Тетерю, так не для измены же».

Не видя в изветах Пушкаря оснований к обвинению в измене, приказывая полтавскому полковнику повиноваться гетману, государь в то же время требовал и от Выговского, чтоб он не смел самовольно расправляться с своими противниками, не смел приводить татар в Малороссию и ждал царского войска. С этими

требованиями отправлен был в апреле к гетману Иван Опухтин, который на жалобы Выговского вызывался сам ехать к Пушкарю с царской грамотой и уговорить его не бунтовать; но Выговский не пустил Опухтина в Полтаву и 4 мая в присутствии посланника, повторявшего царский запрет, выступил из Чигирина к Полтаве на Пушкаря. На другой день Опухтин пошел в соборную церковь и говорил духовенству, чтоб оно написало от себя гетману, запретило ему ходить с татарами войной на православных христиан, пусть ждет указа великого государя. Но и это не помогло. С 60 000 козаков и с десятитысячным союзным отрядом татарским Выговский явился под Полтавой. Пушкарь по требованию окружавшей его черни вышел к нему навстречу, был поражен на голову и погиб в битве (1 июня). 15 июня возвратился Выговский в Чигирин и, узнав, что московское войско под начальством князя Григория Григорьевича Ромодановского уже стоит в Прилуках, отправил Опухтина в Москву, с которым писал к государю, что он все бунты усмирил, потому войско, присланное с князем Ромодановским, более не нужно, и сам он Орду отпустил. Тут же отправил царю жалобу на Шереметева: «Боярин Василий Борисович Шереметев, приехав в Киев и с нами не посоветовавшись и не повидавшись, многие новые дела начинает, казны неведомо какой спрашивает и воевод без совета с нами по городам посылает, на что есть ли указ вашего царского величества — не знаем. Челом бьем, чтоб ваше царское величество приказало ему от этого воздержаться; он и в Белой России, делая то же с христианами, козаков в остуду вашему царскому величеству учинял, сам будучи виноват».

В Москве тревожились все более и более насчет Выговского. В конце марта виленской воевода князь Шаховской писал к царю о вестях из Варшавы: «Надежду польский король имеет большую на козаков и на татар, да на прусского: если козаки не будут при короле, то король поневоле будет мириться с тобою, великим государем; а если козаки с королем соединятся, то мира у короля с тобою не будет: большая надежда у короля на козаков, да на татар». Поэтому, не дожидаясь еще возвращения Опухтина, 11 мая царь отправил к Выговскому известного уже нам Кикина с таким наказом: «Проведывать, что ныне делается в войске Запорожском: нет ли у гетмана с кем ссор каких? Где ныне гетман Иван Выговский? Каковы к нему полковники и чернь? Полтавский полковник Мартын Пушкарь где ныне и за что у него с гетманом нелюбие и ссора? Один ли Пушкарь с своим полком в непослушании у гетмана, или и другие полковники к нему пристают, и которые полки, и многие ли люди, и на которой стороне больше черни? Заднепровских полков козаки и чернь с теми козаками, которые по сю сторону Днепра, все ли в соединении и нет ли в них какой розни?»

Выговскому Кикин должен был говорить: «Тебе, гетману, на Миргород войною не ходить, крымских и ногайских людей в черкасские города не допускать; а бунтовщикам, своевольникам и непослушникам великий государь велит свой указ учинить, по вашему войсковому праву, по их винам, кто чего будет достоин. А что без указа царского величества путивльский воевода Григорий Зюзин в Миргород послал путивльцев служилых людей, за это великий государь велел его переменить и положить на него опалу». Живя у гетмана, Кикин должен был разведывать подлинно: «Нет ли в войске каких бунтов? Если есть, то в каких полках, и многие ли люди бунт учинили, и чего между ними чаять? Гетмана Ивана Выговского всем ли войском любят? Если укажет великий государь идти войною, то гетман и черкасы пойдут ли, и многими ль полками, и на которые места чаять их походу? К великому государю гетман ныне поедет ли? И если не поедет, то за каким неприятельским опасением? Проведать: как был у гетмана польский посланник Беневский и у гетмана с ним учинен договор о перемирьи до троицына дня, то, что у них в договорных записях написано? С этих статей добиться списка».

До сих пор в договорах у Выговского с Беневским не было еще никаких статей, вредных для Москвы: Выговский в сношениях своих с Беневским, с королем и вельможами польскими хлопотал только об одном, чтоб сохранен был мир, чтоб польские войска не вступали в Украину и дали бы ему, гетману, время управиться с внутренним врагом, с Пушкарем, которого поддерживало Запорожье и который нашел бы сильную поддержку в Москве и во всей черни, если б Выговский объявил себя за Польшу. Но теперь Пушкаря не было более; враги поражены бессилием и ужасом; ханский союз обеспечен; с Москвой нельзя более хитрить, потому что поход на Барабаша сделан с самым дерзким неповиновением воле царской. Время открытого действия пришло, по мнению Выговского, и 7 июня Беневский известил короля, что поверенный Выговского, львовский мещанин грек Феодосий Томкевич, едет с решительным объявлением верноподданства и что тот же Феодосий отправляется и к королю Шведскому с предложением заключить мир с Польшей и с угрозой, что в противном случае войско Запорожское будет стоять за Польшу.

В последних числах августа съехался Выговский с Беневским в Гадяче, и 6 сентября поставлены были следующие условия, на которых Запорожское войско опять поддавалось Польше: 1) унии в Малороссии не быть; 2) митрополит Киевский с четырьмя архиереями русскими заседать будут в сенате по архиепископе Гнезненском; 3) войска Запорожского будет 60 000; 4) гетману Великому княжения русского украинского вечно быть первым киевским воеводою и генералом; 5) сенаторов в короне польской

выбирать не только из поляков, но и из русских; 6) русским возвращаются их прежние церкви, монастыри и доходы; 7) русские будут иметь академию, метрику, канцелярию и типографии; 8) случившееся при Хмельницком предается вечному забвению; 9) податей никаких Польша получать не будет; обозы коронные не принимаются; обе Украины находятся только под гетманским управлением; 10) король обязан нобилитовать козаков, которых представит ему гетман; 11) коронным войскам в Украине не быть, кроме необходимости, но в таком случае они находятся под командою гетмана; козакам же вольно стоять по всем волостям королевским, духовным и сенаторским; 12) гетман имеет право чеканить свою монету и платить ею жалованье войску; 13) во всяких нужных делах короны польской призываются на совет козаки, польское правительство должно стараться как бы отворить Днепром путь к Черному морю; 14) в войне короля с Москвою козаки могут держать нейтралитет; но в случае нападения московских войск на Украину король обязан защищать ее; 15) тем, которые держали сторону козаков против Польши, возвращаются отобранные имения, и опять они вписываются в уряд; 16) гетману не искать других иностранных протекций, кроме польской; он может быть в дружбе с ханом Крымским, но не должен признавать над собой власти государя Московского, и козаки все должны возвратиться в свои жилища; 17) король и республика дозволяют русскому гетману суды свои и трибуналы устроить и отправлять там, где захочет; 18) чигиринский повет остается при гетманской булаве по-прежнему; 19) в воеводстве Киевском все уряды и чины сенаторские будут раздаваться единственно шляхте греческой веры, а в воеводствах Брацлавском и Черниговском попеременно; 20) гетман может основать, где ему угодно, еще другую академию, подобную Киевской; польские училища выведутся из Киева; 21) в русских воеводствах учреждаются печатари, маршалки и подскарбии, и уряды эти будут раздаваться только русским; 22) титул гетмана будет: гетман русский и первый воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского сенатор.

Поддавшись королю, Выговский хотел продолжать обманывать царя, чтоб не иметь на плечах московских воевод, пока еще не пришли в Украину войска польские и хан Крымский. Он клялся в своей верности к великому государю перед посланником его дьяком Василием Михайловым; но в сентябре царь рассылал уже грамоты об измене Выговского с обстоятельным изложением всего дела. На восточной стороне Днепра огромное большинство было за Москву, хотя большая часть старшины была за Выговского, и потому царские воеводы князя Ромодановский и Куракин могли держаться, опираясь на верных козаков. В последних числах ноября, при Варве, верные Москве козаки выбра-

ли себе на время в гетманы Ивана Беспалого, «чтоб дела войсковые не гуляли». Между тем военные действия начались с обеих сторон, города и села запылали, несчастные жители начали испытывать на себе все военные ужасы, сами не зная за что. Выговский попытался было овладеть Киевом, но был отбит и ушел, заключив мир с воеводой Шереметевым. Поляки не приходили на помощь, и, чтоб остановить присылку новых воевод московских, Выговский отправил к царю белоцерковского полковника Кравченка с повинной; но на письмо князя Ромодановского, чтоб распустил войско и не приходил на царские города, Выговский отвечал (14 декабря, из табора под Ржищевым): «На царские города приходить я не мыслю, а только своевольников своих ускромляю и ускромлять буду, равно как и союзников их. Мы не для того его царскому величеству присягали, чтоб у своих холопей в неволе быть, чтоб они нас за шею водили, но в надежде на вольность больше прежней; а теперь ты, соединившись с своевольниками, многую и великую в Малороссии ссору чинил». 13 декабря Беспалый писал государю, что враги наступают со всех сторон, а царские воеводы помощи им, верным малороссиянам, не дают. Царь отвечал, что, вследствие приезда Кравченка с повинной, он назначил Раду в Переяславле к 1 февраля; а между тем пусть он, Беспалый, соединившись с князем Ромодановским, промышляет над неприятелем. Но Выговский, получив татарскую помощь, не думал о переговорах Кравченка в Москве: у него было всегда в запасе одно оправдание, что бьется не против царских войск, а против ослушников — Беспалого с товарищи. 16 декабря наказной гетман Выговского Скоробогатенко подступил под Ромны, где находился Беспалый, но был отогнан последним, который после этого писал царю: «Если ваша пресветлая царская милость с престола своего не подвигните до своей отчины, то меж нами, войском Запорожским и всем народом христианским, покою не учинится; Выговский Кравченка на обман послал, и ему б ни в чем не верить». 20 декабря татары и верные Выговскому козацкие полки: Каневский, Черкасский, Чигиринский и Корсунский — под начальством переяславского полковника Цыцуры, наказного гетмана Скоробогатенка и поляка Груши дали бой князю Ромодановскому у Лохвицы, но были отбиты.

В таком положении находились дела в начале 1659 года. Стычки с неприятелем не прекращались под Лохвицей, где стояли царские воеводы князя Ромодановский и Куракин, и под Ромнами, где стоял Беспалый. Чернь смотрела с отвращением на эту войну; она говорила: «Войну эту начали старшие, и если б царские ратные люди где-нибудь старших наших осадили, то мы бы их всех, перевязавши, царскому величеству выдали; а теперь мы их слушаемся поневоле, боясь всякого разорения

и смертного убийства». Старшины неволею выбивали козаков в полки, грозя: кто в полки не пойдет, у того жен и детей поберут и отдадут татарам; пошло в ход слово: «изменник» — так величали старшины козаков, не хотевших сражаться против царских войск.

В феврале Беспалый дал знать в Москву, что из Новой Чернухи приходили под Лохвицу Скоробогатенко и Немирич с ляхами и татарами, в числе 30 000, к городу приступали трижды, но были отбиты. Сам Выговский под Лохвицу не приходил, стоял в Чернохах и потом пошел к Миргороду; отсюда мешане выпустили всех государевых драгун к Лохвице, и город сдался Выговскому, который, несмотря на то, козаков и мешан лучших отдал татарам, а других всех велел посечь, полковника Довгалея приковал к пушке. На все просьбы Беспалого о помощи был один ответ из Москвы, что идет в Малороссию боярин князь Алексей Никитич Трубецкой с войском. Этот Трубецкой получил тайный наказ войти в сношения с Выговским, уверить его, что государь простит ему измену, если он возвратится под его руку; утвердит его на гетманстве, если козаки этого хотят; отдаст ему Киевское воеводство, если он будет требовать; наградит родственников и друзей его; в случае упорного требования Трубецкому позволялось вывести московское войско из Киева, но что Выговский обязался отпустить татар и вперед никогда не призывать их к себе. Дело, впрочем, не дошло до переговоров.

26 марта выступил Трубецкой из Путивля, направляясь на местечко Константиново на Суле, стягивая к себе и московских воевод из Лохвицы, и Беспалого из Ромен. 19 апреля Трубецкой подступил к Конотопу, где заперся приверженец Выговского нежинский полковник Гуляницкий. Недель десять московские войска безуспешно осаждали Конотоп, а между тем к этому городу приближался Выговский вместе с ханом Крымским. Оставив всех татар и половину козаков своих в закрытом месте за речкою Сосновкой, с другою половиною козаков Выговский подкрался под Конотоп, на рассвете ударил на осаждавших, перебил у них много людей, отогнал лошадей и начал отступать. Воеводы, думая, что неприятельского войска только и есть, что с Выговским, отрядили для его преследования князя Семена Ивановича Пожарского с конницей. Пожарский нагнал его, поразил и погнался далее за отступавшими, все более и более удаляясь от Конотопа; тщетно языки показывали, что впереди много неприятельских войск, и половина козаков, и целая орда с ханом и калгой: ретивый воевода ничего не слушал и шел вперед. «Давайте мне ханишку! — кричал он. — Давайте калгу! Всех их и с войском, таких-то и таких-то... вырубим и выпленим!» Но только что успел он перегнать Выговского за болотную речку Сосновку и сам перебрался за нее со всем отрядом, как выступи-

ли многочисленные толпы татар и козаков и разгромили совершенно Москву. Пожарский был взят в плен и приведен к хану, который начал выговаривать ему за его дерзость и презрение сил татарских; но Пожарский был одинаков и на поле битвы, и в плену: выбрав хана по *московскому обычаю*, он плюнул ему в глаза; тот велел тотчас же отрубить ему голову.

Разгромив отряд Пожарского, хан и Выговский двинулись к Конотопу, чтоб ударить на Трубецкого; но московский воевода уже отступил от города и благодаря многочисленной артиллерии успел без большого вреда от напиравшего неприятеля перевести свое войско за московскую границу, в Путивль, откуда писал Выговскому, чтоб тот прислал в Путивль добрых людей для разговора об уничтожении кровопролития. Выговский отвечал (1 августа), все еще называя себя гетманом его царского величества: «Ведаете вы и сами хорошо, что мы нынешнему междоусобию и кровопролитию между христианами и малой не дали причины и не только самому его царскому величеству, но и вам не однажды писали, чтоб в совете пребывали; так и теперь, видит Бог, нестроения не желаем и Бога просим, чтоб он сердца непримирительные к братолюбию возвратил, и пусть кровь христианская падет на голову того, кто желал и желает ее пролития. Согласно желанию вашему, из войска нашего людей добрых двух, трех или четырех для разговора о всяких добрых делах пошлем, только бы им какой-нибудь неправды не было; и сами с вами сойдемся, чтоб частые иметь между собою сношения. А что вы пишете, что под Конотоп приходили не для войны, а для разговора и усмирения домашнего междоусобия, то какая ваша правда? Кто видел, чтоб с такими великими ратями и с таким великим нарядом на разговор приходили? В Конотопе никакого своеволия и междоусобия не было: зачем было к нему приступать? Вы на искоренение наше с великими людьми пришли. Берзну вырубил и людей в полон забрали и в этом оправдаться не можете, потому что тамошние люди не только вам никакой причины к нападению не давали, но и ратям вашим не противились; а если б оборонялись, то нескоро бы вы их взяли». В заключение Выговский писал, что не пришлет своих посланцев в Путивль, но пусть Трубецкой присылает своих в Батурин.

Но никаких переговоров с Выговским не могло уже быть, потому что падение его приближалось быстро. Конотопская удача была явлением случайным, не имевшим никаких прочных последствий. Хан, который один давал силу Выговскому, ушел в Крым, оставив в Малороссии только 15 000 орды; войско, которое могли дать Выговскому поляки, было ничтожно, каких-нибудь 1500 человек! И тщетно ждал он подкреплений от короля. Выговский возвратился в Чигирин, не могши взять на дороге

Гадяча, из Чигирина он выслал было козаков западной стороны и татар под начальством брата своего Данилы, но это войско 22 августа было поражено наголову московскими войсками, вышедшими из Киева. В каком состоянии находилась в это время Украина, всего лучше видно из донесения королю обозного коронного Андрея Потоцкого, начальствовавшего отрядом, который помогал Выговскому: «Не изволь, ваша королевская милость, ожидать для себя ничего доброго от здешнего края! Все здешние жители (то есть жители западной стороны Днепра) скоро будут московскими, ибо их перетянет к себе Заднепровье (восточная сторона), а они того и хотят, и только ищут случая, чтоб благовиднее достигнуть желаемого. Они послали к Шереметеву копию привилегий вашей королевской милости, спрашивая: согласится ли царь заключить с ними такие же условия? Одно местечко встает против другого, сын грабит отца, отец сына. Страшно представляется здесь вавилонское столпотворение! Благоразумнейшие из старшин козацких молят Бога, чтоб кто-нибудь, или ваша королевская милость, или царь, взял их в крепкие руки и не допускал грубую чернь до такого своеволия».

Восточная сторона перетянула. Здесь, как скоро Выговский удалился с татарами в Чигирин, переяславский полковник Тимофей Цыцура, видя, что вследствие всеобщей ненависти к Выговскому дело последнего совершенно проиграно, объявил себя за Москву, перебил тех немногих, которые были за Выговского, и дал знать об этом в Путивль князю Трубецкому. 30 августа киевский воевода Шереметев писал государю, что полковники Переяславский, Нежинский, Черниговский, Киевский и Лубянский добились челом и присягнули. На западной стороне Днепра, заслышав о движениях Цыцуры, козаки начали собираться и рассуждать: оставаться ли им в подданстве королевском или бить челом государю Московскому? Выговский находился в самом печальном положении, многие из близких людей советовали ему пуститься в степи и идти к хану. Андрей Потоцкий понял, какая беда начнет грозить Польше, если еще турки вмешаются в борьбу за Украину, и уговорил Выговского переехать из Чигирина к нему в обоз, расположенный на Гребенках недалеко от Белой Церкви. Все козаки отстали от Выговского, собрались около молодого Юрия Хмельницкого, в числе десяти тысяч человек, и стали на Германовке; брат Выговского Данила, женатый на родной сестре Юрия Елене Богдановне, соединился также с зятем своим. Шереметев писал Хмельницкому, чтоб он отступил от изменников и соединился с верными козаками восточной стороны. 5 сентября Хмельницкий отвечал, что он и все войско Запорожское хочет служить великому государю. 11 сентября была у козаков Рада: Иван Выговский приехал к ним, показывал и читал гадяцкие условия, подтвержденные уже на сейме, угова-

ривал козаков оставаться под королевской рукой; но за эти уговоры едва успел убежать в польский стан; козаки кричали, что у короля в подданстве быть не хотят, хотят быть под государевой рукой. 13 сентября Хмельницкий с своим войском двинулся на Расава для соединения с стоявшими там полками Чигиринским, Уманским и Черкасским; Иван Выговский и Потоцкий следовали за ним.

Козаки говорили, что на Расава будет большая Рада, где изберут в гетманы Юрия Хмельницкого, а Выговского убьют. В двадцатых числах Потоцкий с Выговским остановились под Хвастовом, а Хмельницкий на Взеньи, близ Белой Церкви, и козаки прислали к Потоцкому с просьбой, чтоб уговорил Выговского сложить булаву на Раде. Потоцкий отправил козацких посланников с бранью; но вслед за ними приехал к Выговскому каневский полковник Лизогуб и миргородский — Грицко Лесницкий с требованием, чтоб он через них переслал войску булаву и бунчук; просили о том же и Потоцкого, утверждая, что войско хочет остаться верным королю. После продолжительных переговоров Выговский наконец объявил Потоцкому, что для сохранения мира готов отдать бунчук и булаву, но с тем условием, чтоб войско Запорожское оставалось верным королю. Лизогуб и Лесницкий дали слово, что это условие будет выполнено, и он отправил бунчук и булаву с братом своим Данилой. Лизогуб, Лесницкий и Данила встретили войско на дороге, потому что оно двинулось уже к польскому стану, чтоб страхом принудить Потоцкого оставить Выговского. Когда бунчук и булава, присланные Выговским, внесены были в Раду, то войско тотчас отдало их Хмельницкому, громко желая ему счастливого гетманства.

КНЯЗЬЯ СУЗДАЛЬСКИЕ-ШУЙСКИЕ

(Заметка об их происхождении)*

У нас утверждено мнение, что князья Суздальские-Шуйские происходят от Андрея Ярославича, брата Александра Невского, в таком порядке:

Андрей
Михаил
Василий
Константин
Димитрий и т. д.

В самом деле летопись говорит, что после Андрея Ярославича осталось двое сыновей — Юрий и Михаил (Никон. III, 43); Юрий умер в 1279 году, и вместо него садится в Суздале брат его Михаил (Никон. III, 67); потом летопись упоминает о смерти сына Михайлова Василия в 1309 году (Никон. III, 105); потом встречаем Александра и Константина Васильевичей Суздальских, ясно, детей Василия Михайловича. Но вот под 1364 годом читаем в летописи известие о кончине князя Андрея Константиновича Суздальского, и этот князь называется потомком не Андрея Ярославича, но Андрея Александровича, сына Невского, в таком порядке:

Андрей
Михаил
Василий
Константин (Никон. IV, 8).

В известии о кончине брата его, Димитрия Константиновича, повторена та же родословная. Теперь вопрос: где же ошибка — прежде или после? Утверждено, что после, что князь Михаил Андреевич Суздальский был сын Андрея Ярославича, а не Александровича, у которого детей не было, кроме сына Бориса, умершего при жизни отца. Но на чем же основано такое утверждение? Карамзин (IV, примеч. 209) утверждает, что у Андрея Александровича детей не было, потому что по смерти его бояре, не имея государя, уехали к Михаилу Тверскому. Но если б Михаил Суздальский был сын Андрея Александровича, то бояре по-

* Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. М., 1850. Кн. 1. С. 19—21.

следнего могли иметь разные причины отъехать к Михаилу Тверскому, имея за собою право отъезда. Князь их Михаил был в это время в Орде; не имея возможности в его отсутствие удержать за ним великое княжение, они отъехали в Тверь; главным из них был знаменитый Акинф; но мы знаем, что это был за человек, легко ли он уживался с ровными себе?

Далее, под 1305 годом читаем в летописи (Никон. III, 104): «В Нижнем Новгороде избиша черная люди бояр князь Андреевых Александровича. Того же лета князь Михайло Андреевич прииде из Орды в Нижней Новгород, изби всех вечников, иже избиша бояр».

Теперь, если Михаил Андреевич сын Андрея Ярославича, а не Александровича, то почему бояре последнего являются в его княжестве и распоряжаются так, что возбуждают против себя черных людей? Это показывает, с другой стороны, что не все бояре Андрея Александровича отъехали в Тверь с Акинфом: часть их, и, может быть, бóльшая, дожидалась в Нижнем прибытия князя Михаила Андреевича, сына своего прежняго князя.

Итак, отъезд бояр не причина признавать Михаила Андреевича сыном Андрея Ярославича, а не Александровича. Далее в пользу происхождения князей Суздальских от Андрея Александровича свидетельствует молчание летописца о князьях Суздальских во все время великой усобицы между двумя Александровичами — Димитрием и Андреем, в которой участвовали все князья; легко согласиться, что род Андрея Ярославича пресекался сыном его Юрием, и Суздаль достался великому князю Димитрию, а потом брату его Андрею Александровичу, который передал его сыну своему Михаилу. С другой стороны, и Юрий, сын Андрея Ярославича, как видно, не крепко сидел в Суздале, ибо мы видим, что он живет в Великом Новгороде, ходит на войну с его полками (Никон. III, 46). После же смерти Андрея Александровича Суздальские князья очень часто упоминаются как деятельные участники в борьбе между Москвой и Тверью. Карамзин замечает (IV, примеч. 182), что известие о замещении Юрия Андреевича братом его Михаилом на столе Суздальском находится только в Никоновском сборнике, который при описании этого времени вовсе не отличается точностью известий: по два раза женит, по два раза хоронит одних и тех же князей.

Потом царь Василий Иванович Шуйский в грамоте о своем избрании, говоря о происхождении своем, ведет общий род до Александра Невского, которого называет своим *прародителем*, и после Александра начинает разветвление рода на две отрасли: отрасль Андрея Александровича, от которого пошли они, Шуйские-Суздальские, и отрасль Даниила Александровича, от которого пошли князья, потом цари Московские: «Учинилися есмя на отчине прародителей наших, на Российском Государстве Царем

и В. Князем, его же дарова Бог прародителю нашему Рюрику, иже б от Римскаго Кесаря, и потом многими леты и до прародителя нашего В. К. Александра Ярославича Невского на сем Российском Государстве быша прародители мои, и посем на Суздальский удел разделишась, не отнятием и не от неволи, но по родству, *яко же обыкли большая братья на большая места седати*» (Собр. гос. гр. и дог. Т. II, № 141).

Последние слова также замечательны: линия Андрея Александровича отделилась на Суздальский удел, как обыкновенно большие братья саживались на большие места: в самом деле, Андрей Александрович был большой брат относительно Даниила Александровича, и Суздаль был большое место относительно Москвы. Наконец, должно заметить, что надписи на гробницах князей Нижегородских производят их также от Андрея Александровича: бесспорно, что надписи новейшие, но они могли быть списаны с древнейших.

Итак, на карамзинском решении вопроса о происхождении князей Суздальских-Шуйских мы не можем успокоиться: дело должно быть подвергнуто новым исследованиям.

РУССКИЙ ГОРОД В XVII ВЕКЕ *

И в XVII веке русский город сохранял свое первоначальное значение — значение крепости, которая должна была служить убежищем для всего окружного народонаселения во время неприятельских нашествий: название *города*, огороженного места, ясно указывает на это значение, и только впоследствии, когда по примеру Западной Европы с городом стали соединять другое значение, слово *город* в прежнем значении начало заменяться и словом *крепость*. Во время неприятельского нашествия дворяне из деревень перебирались в город, отчего дворы дворянские здесь назывались *осадными*¹. Суздальский архиепископ Серапион и Спасоевфимиевский архимандрит Иосиф с братиею в сказке своей о суздальском земляном валу, поданной в 1643 году, говорят:

«Старый острожный вал на случай прихода воинских людей годен, суздальским посадским и уездным людям в осадное время занять его можно; а в один город, где теперь устроен острог, монастырям, посадским и уездным всяким людям вместиться нельзя, город невелик, меньше острожного места земляного валу, теснота будет большая. А в прежнее время, в смутные годы, по этому валу был острог, и суздальцы, посадские и уездные люди в городе и в валу в остроге сидели, от приходу и от приступов воинских людей не раз отсиживались; а как острог сгнил, то и после того воинские люди приходили под Суздаль, и в то время уездные люди сидели в этом земляном валу, да в Спасском Евфимиеве монастыре, а иные жили по тесноте на посаде по слободам, а в один город вместиться было невозможно, а теперь уезд стал многолюднее прежнего, и вперед этот вал годится городу, он крепость великая, а без валу в приход воинских людей городу поруха будет большая, и людям сидеть негде»².

В 1679 году орловский воевода, жалуясь на дурное состояние своего города (крепости), пишет: «В сполошное время, по вестям от воинских людей, Орловского уезда уездные люди, видя городскую некрепость, бегают в иные города и в леса»³. В 1613 году царь Михаил Феодорович писал к белозерскому воеводе, чтоб тот, услышав о приходе неприятелей, тотчас велел собрать в осаду уездных всяких людей, чтоб неприятель, пришедши без вести, Белозерского уезда не повоевал и людей в плен не побрал»⁴.

* Современник. 1853. Т. 37. № 1. Отдел II. С. 1—20.

Смотря на древний русский город с точки зрения предков наших, прежде всего обратим внимание на собственный город — крепостное строение. Уже из приведенной сказки суздальских духовных властей можно видеть, что значительнейшие города имели двойное укрепление: подле первоначального города образовывались новые поселения, которые после в свою очередь огораживались стеною или высоким валом; таким образом, уже в глубокой древности (в XI, XII веках) мы видим в городах двойные укрепления: первоначальный внутренний (днешний) город, или *детинец*, впоследствии *кремль*, и новый (окольный, *кромный*) город, или *острог*; в некоторых же городах были только одни остроги или одни земляные укрепления, валы. Кремля бывали каменные и деревянные⁵, обветшалые каменные города починивались иногда деревом: в 1631 году гдовский воевода писал в Москву, что у них во Гдове в прошлое военное время город из наряду (пушек) от немецких людей во многих местах был разбит и башни сбиты и те преломные места были заделаны деревянной стеной⁶. Башни строились в три яруса или с тремя боями: нижним, средним и верхним⁷; валы, или земляные города, бывали шириной с *почвы* осьми, девяти и десяти сажень, а наверху шириной в сажень и в полторы сажени; кругом вала выкапывался ров⁸; земляные города предпочитались деревянным по случаю частых пожаров⁹. Строили городовые укрепления иностранные мастера; так, известны: городового земляного дела мастер голландец Корнил Класен Клютниг да подмастерье и толмач Гришка Никулаев¹⁰. Встречаем известие, что в некоторых городах деревянные укрепления сгнили и развалились до подошвы и в городе дворовые места, городовую площадь и городовую землю пахали помещики и вотчинники и всяких чинов служилые люди, их приказчики и крестьяне¹¹.

Город в нынешнем, обширном смысле разделялся обыкновенно на три части: собственный город, или крепость, посад и слободы. В собственном городе, или крепости, обыкновенно находились: городская площадь, соборная и другие церкви, таможенный и кабацкий двор, казенный погреб, или анбар для сохранения зеленой и пушечной казны¹², земская изба, съезжая изба, губной двор, воеводский двор, тюрьма¹³ (одна или несколько¹⁴), конская изба, святительский двор, дворы частных людей; вне города на посаде из общественных зданий находились: гостинный двор¹⁵, богадельня, убогий дом¹⁶; упоминаются в городах и мельницы.

Вот для примера описание Белозерска в 1674 году: город Белозерск по осыпи рубленый, на нем 8 башен крыты тесом, в городе двой ворота, мерою город по осыпи 550 сажень с полу-саженью. В городе соборная церковь деревянная, шатровая с трапезною, крыта тесом, у церкви ж колокольня рубленая, на колокольне четыре колокола. Да соборную ж церковь вновь строят

каменную, казною великого государя и подаванием всяких чинов людей. В городе ж двор воеводской, у двора два огорода да место дворовое дьяческое. Приказная изба, губная изба, тюрьма, сторожня, погреб для пороховой и свинцовой казны, губная старая изба, пишут в ней площадное письмо; место дворовое вологодского архиепископа, потом дворы частных людей. За городом площадь, на площади церковь деревянная, у церкви старого кладбища нет для того, что приходских людей нет, а вновь отмерить невозможно; с одну сторону большая дорога, с три стороны площадь, ставятся с хлебом и всяким товаром. На площади ж таможня да гостин двор, кружечной двор. Да у площади земская изба, где сидят земские старосты с посадскими людьми. Да у площади ж ряды, а в рядах лавки. На посаде церковь каменная о пяти главах, на церкви главы крыты чешуею деревянною, церковь крыта тесом¹⁷.

Как строились дома, видно из купчих; так, в одной из них, 1654 года, читаем: «На дворе хором изба, да баня с передбанником, да клеть с подклетом, да наподгребница; а около двора и огорода кругом городьба в заборех, а заплачено за эти хоромы и городьбу три рубли денег»¹⁸. В 1611 году стрелец в Архангельске продал в слободе *дворец* свой, а в дворе хоромов: изба с нутром и с кровлею, да против избы клеть с кровлею, длина дворищу 8 сажен, а поперек 4 сажен; заплачено три рубля с половиною¹⁹. А вот строение побольше в Новгороде: горница на подклете, а против нее сени, а против сеней клеть на подклете, а посторонь клетки сенница; а городьбы около двора пять прясел, да две верей новые у ворот лежат; заплачено 17 рублей денег²⁰. Таковы были дворы частных людей, но вот описание воеводского двора в городе Инсаре: в городе воеводской двор, а в нем горница с комнатою липовые на подклетах, да горница белая построена вновь на омшенике. А в той горнице образ Спаса Нерукотворного, оклад серебряный позолочен, окончина большая в красном окне, две окончины малые слюдные, печь изращатая зеленая, заслон железный, дверь на крюках железных. На горнице повалуша с полатами, меж горницы старые сени, на сенях чердак. Мыльня построена вновь. Три клетки людские, изба приворотная липовая, поварная, и в ней печь, ледник да погреб, а на них анбары липовые, конюшня новая, два денника, третий навес, ворота новые²¹.

Народонаселение города состояло, по современному выражению, из посадских, служилых, приказных и жилецких людей. Под именем посадских людей вообще разумелись в городах все торговые, ремесленные и промышленные люди, имевшие в городе свои *тяглые* дворы (обложенные податью). В столице Москве были особенные разряды торговых и промышленных людей. Здесь видим гостей, гостиные и суконные сотни торговых людей,

черные сотни. Эти разряды пополнялись переводом из низшего разряда в высший, также переводом зажиточных посадских людей из городов; так, по челобитью гостей и гостиной сотни торговых людей, сотни их пополнялись из московских черных сотен, из слобод и из городов лучшими людьми²².

Вслед за гостями в 1649 году били челом и суконной сотни торговые люди о пополнении своей сотни: до московского разоренья, писали они, было в суконной сотне 357 семей, а служили государеву службу из них только восемь человек; теперь же нам службы служить и податей платить нечем, всего нас служилых в сотне 42 человека, а в службу ходит в год по 18 человек, да у нас же в сотне худалых и обнищальных людей с 70 человек, которые не служат и податей мало платят; суконники просили пополнить их сотню из приписных людей и из кадашевцев. Тогда черных сотен и слобод тяглые люди подали челобитье, что черные сотни и слободы разбрелись розно и оскудели до конца от службы и податей, что государь пожаловал, велел переписать патриаршие и монастырские слободы, также боярских закладчиков и теми людьми пополнить черные сотни и слободы, а теперь из этих людей лучших и средних записали к себе гости и гостиной да суконной сотни торговцы, а у них, черносотенных, остаются самые последние мелкие люди. Гости били челом на суконников, что те пишут к себе одних людей с ними; поднялось дело, из которого оказалось, что до московского разоренья, при царе Феодоре Иоанновиче, было в гостиной сотне гостей и гостиной сотни торговых людей лучших, средних и младших с 350 человек, в суконной сотне 250 человек; потом по несколько раз брали в гостиную и суконную сотни из черных сотен, слобод и городов, и, несмотря на то, в 1649 году оказалось налицо в гостиной сотне гостей 13 человек, гостиной сотни торговых людей — лучших, средних и худых (и с теми, которые служб не служат и в тягло не положены), 158 человек, а в суконной сотне 116 человек. Отсюда видно, как много потерпели торговые люди в Смутное время, и пополнять московские торговые сотни зажиточными людьми из городов считали необходимым: так, в 1630 году велено было взять в Москву на житье в суконную сотню из Чердыши двоих посадских людей с братьею; в случае, если они спрячутся, велено воеводе сыскать их пушкарями и рассыльщиками²³; некоторые, впрочем, выпросились остаться в прежних городах с обязательством служить в Архангельске, Астрахани, Казани и Нижнем Новгороде вместо московских гостей и торговых людей²⁴.

Многие из посадских людей, разорившись в Смутное время, покинули свои *тяглые* дворы и стали жить в своих и чужих городах за монастырями, дворянами, детьми боярскими и другими лицами в крестьянах и закладчиках²⁵. В 1648 году новгородские посадские люди били челом, что после разоренья осталось

их немного: одни разбрелись, другие померли, а вновь не прибыло ни одного человека; из остальных выбраны к денежным сборам в таможенную избу и в другие городовые службы люди бедные, и вперед к государевым делам выбрать будет из них некого; тогда как в Великом Новгороде и в уезде многие казаки, и стрельцы, и монастырские и всяких чинов нетяглые люди торгуют всякими товарами, сидят в лавках и отхожими торговыми промыслами промышляют, и у посадских людей все эти промыслы отняли, а государевых никаких податей и мирского тягла с ними не платят и служб не служат, живут в *пробылях*; другие посадские люди, избывая податей, пошли в стрельцы, в казаки и во всякие чины, у митрополита живут в приказных и в крестьянах; которые тяглые дворы с большими угодьями. теми дворами владеют всяких чинов *белые* люди, и с них никаких податей не платят, тогда как тягло и службы за эти дворы лежат по-прежнему на посадских людях.

Вследствие этой жалобы дан указ, чтоб митрополичьи приказные, живущие на посадских местах, давали оброк, но служб городских не служили, чтоб митрополичьи крестьяне, торгующие в городе и живущие на посадских местах, службы служили и дань давали; всех закладчиков, которые прежде были на посаде, взять туда обратно и тяглом обложить, равно поповых, дьяконовых, дьячковых и монастырских слуг детей, да и самих попов, дьяконов и дьячков, если ведут большую торговлю и в лавках сидят; монастырским крестьянам, торгующим всякими торгами и живущим на посаде, хотя бы на монастырских дворах, службы служить вместе с посадскими, но тяглом тянуть по-прежнему в монастырь; а которые крестьяне в писцовых книгах за монастырями не записаны, тех взять в посад и в тягло и в службу; казакам, пушкарям и стрельцам, торгующим большими торгами от 50 до 600 рублей и больше, быть на посаде в службе и в тягле; которые из них, торгуя на сумму от 50 до 100 рублей и больше, в посаде жить не захотят, тем велеть служить без денежного государева жалованья; которые же торгуют на сумму меньше 50 рублей, тем служить с одним денежным жалованьем, без хлебного, а пошлины с промыслов платить сполна, как торговые люди платят; пушкарям в службах и в тягле не быть, а братью, племянников и детей их, которые торгуют, взять в посад, где они должны службы служить и дань давать с посадскими людьми вместе²⁶.

Тогда же была предпринята общая мера: на Москве и около Москвы по городам на посадах и около посадов в слободах всем торговым, промышленным и ремесленным людям, которые живут в городах дворами своими и торгуют и ремеслом всяким промышляют, быть за государем в тягле и в службе, а за патриархом, властями (духовными), монастырями, боярами,

окольничими, думными, ближними государевыми и всяких чинов людьми, в слободах на посадах и около посадов никаким торговым, промышленным и ремесленным людям не быть²⁷. Если боярские и других чинов люди и крестьяне в Москве и по городам купили себе и в заклад взяли тяглые дворы, лавки и анбары, погреба каменные, соляные варницы и торгуют всякими товарами, то они должны все это продать тяглым торговым и посадским людям²⁸. Посадские люди не могли за волостью жениться, дочерей своих замуж без отпускных выдавать и с посаду на посад переходить.

Служилые люди в городах были: во-первых, дети боярские, которые написаны в городской службе; во-вторых, *стрельцы*, которые прибирались из людей гулящих, от отцов дети, от братьев братья, от дядей племянники, подсоседники и захребетники, не тяглые, не пашенные и не крепостные люди, которые бы были собою добры, и молоды, и резвы. Стрельцы обязаны были жить без съезду в городе; торговали и промышляли своим рукодельем, покупали *не в скуп что носящее не от велика*, от полтины или от рубля, бестаможно и беспошлинно, а которые из них торговали на сумму больше рубля или в лавках сидели, те платили в казну тамгу, полавочные и всякие пошлины, как и торговые люди²⁹.

Кроме стрельцов при городе находились пушкари, затинщики, воротники, рассыльщики, казенные плотники и кузнецы. Все они получали денежное и хлебное государево жалованье, или, вместо жалованья, были за ними пашни. В 1618 году белозерские пушкари били челом, чтоб им позволено было за денежное жалованье, за 56 рублей, да за хлебное жалованье, за 200 четвертей, *делатъ недели*, и запретить недели делать и ходить в рассылки рассыльщикам черным тяглым людям, которые исправляли эту должность, избывая от податей³⁰. Впрочем, не во всех городах находились все означенные разряды служилых людей. В 1614 году дьяк Митусов писал к государю, что в городе Чердыни пушкарей, затинщиков, плотников и кузнецов нет и прежде не бывало, а воротников и рассыльщиков мирские люди нанимают на свои мирские деньги³¹.

Ямские охотники обязаны были возить на своих подводах служилых людей для государева дела³², *гонять всякие службы*, кроме того, чистить дороги и получали за это государево жалованье деньгами и хлебом³³. Служба их в некоторых местах была тяжелая: так, в 1620 году верхотурские ямские охотники били челом государю, что гоняют они под казною, воеводами, гонцами и всякими служилыми людьми на семь дорог, зимним и летним сухим путем и водяным, и всего их в Верхотурье 39 человек, а иные разбрелись розно; лошадей покупают они в гоньбу рублей по пяти, по шести и больше; а лошади, которых они отпускают

к Соли Камской, назад не приходят — от великих перегонов падают, потому что по дороге грязи и болота непроходимые, и от тех палых лошадей они обнищали и одолжали великими долгами, скитаются между дворов, а на место убылых одиннадцати охотников, которые от бедности разбрелись, прибрать новых им нельзя, никто на ям нейдет, потому что государева жалованья только по семи рублей человеку, чего и до полугоду на прогоны не стает³⁴. Государь велел прибавить им вместо семи десять рублей жалованья; но в следующем 1621 году они опять стали просить о прибавке жалованья, представляя, что у туринских охотников служба легкая, а жалованье они получают то же; в этой челобитной они так описывают трудности своих дорог: волоки (леса) по дорогам великие, по пятисот верст и камень (горы) непроходимый, мосты на волоках обвалились и коренья отоптались, подвода всякая становится в четыре рубля, а иная в пять, потому что летом грязь да камень, а зимою снега глубокие, с камня дороги снегом заносит, а корма людского и конского купить негде³⁵.

В особом положении от других промышленных людей находились по городам каменщики и кирпичники, которые по вызову правительства ходили в Москву и другие города на работу; в 1666 году государь писал вологодскому воеводе, чтоб он выслал в Москву тамошних каменщиков, кирпичников и горшечников, и тех, которые каждый год ходят по государевым каменным и кирпичным делам, и тех, которые вновь сыщутся, также их детей, братьев и племянников, соседей и захребетников; если же которые из них станут прятаться, то отыскивать жен и детей их и бросать в тюрьму, пока мужья и отцы не явятся, а как явятся, то, учиня им наказанье, за поруками выслать в Москву³⁶. Их дворы и огороды были *обелены*, от черных, тяглых и всяких дел отведены; если с ними жили отцы, дети, дядья, братья и племянники на одном хлебе, не в разделе, то воеводы, дьяки и всякие приказные люди не могли их разводить; если случится родителей помянуть, то могли сварить пива или браги, не платя явки³⁷. До нас дошло известие о поведении белозерских каменщиков и кирпичников: явившись однажды в Москву на работу, они подали роспись, в которой означили, что на Белоозере осталось еще семь человек каменщиков; по этому объявлению из Приказа каменных дел послана была на Белоозеро грамота, чтоб городовое начальство выслало поименованных каменщиков. Воевода отвечал, что означенные в росписи лица суть исстари посадские черные тяглые люди и в каменщиках и кирпичниках никогда не бывали; а те белозерские каменщики и кирпичники, которые их написали, пропиваются в кабаках и, пропившись, просят у посадских людей на пропой денег, и если кто денег им не даст, того клепят, называют каменщиком и вносят в роспись, *продают* их и убытчат

ежегодно, так что эти посадские поклепные люди пошли в *делавцах* на судах от скудости, да и впредь каменщики и кирпичники хвалятся поклепом переписать посадских людей в каменщики и кирпичники; в прошлых годах по их ложному поклепу взяты двое посадских тяглых людей в каменщики и кирпичники; да те же самые каменщики и кирпичники, как поедут в Москву, посадских людей бьют и грабят, ходки рассекают, грамоты зазывные берут и всякие насильства чинят³⁸.

О приказных людях скажем после, когда будет речь о городо-вом управлении. Под жилецкими людьми разумелись люди, жившие в городе постоянно или временно и не принадлежавшие ни к какому из означенных разрядов. Иностранцы стали было селиться кроме Москвы и в других городах: в челобитной торговых людей 1646 года говорится, что после московского разоренья англичане стали приезжать в Московское государство человек по 60, 70 и больше, построили и купили себе в Архангельске, на Холмогорах, в Вологде, Ярославле, Москве и в других городах дворы многие и анбары, построили палаты и погреба каменные и начали жить без съезду³⁹ Вследствие этой челобитной англичане были высланы.

Рассматривая известия о народонаселении русских городов в XVII веке, мы не можем не заметить, что каждый горожанин имел или мог иметь при себе людей, от него зависящих, которых он считался представителем в глазах правительства. Еще в XVII веке родичи не любили делиться, но младшие братья и племянники остаются жить при старших братьях и дядьях; но кроме родичей горожанин мог иметь при себе и чужих людей, вошедших в зависимость от него с разными условиями, под разными названиями, как-то: закладчиков, соседей, подсоседников, захребетников.

Что же касается до количества народонаселения в городах, то мы имеем цифры народонаселения в Переяславле-Залесском, Ростове, Ярославле, Галиче, Костроме в 1686 году: в Переяславле считалось тогда 879 человек жителей, в Ростове — 765, в Ярославле — 4295, в Костроме — 1146, в Галиче — 1964, исключая духовенство⁴⁰.

Управление города поручалось от государя *воеводе*. Приехав в назначенный ему город, новый воевода должен был взять у прежнего воеводы городские ключи, *наряд* (пушки), в казне зелье и свинец, всякие пушечные, а в житницах всякие хлебные запасы, деньги, сколько их в сборе, книги приходные и расходные деньгам, хлебу, зелью и свинцу, наказы прежним воеводам и приказным людям, государевы указные грамоты о всяких государевых делах, списки губных старост и городских приказчиков, всяких приказных людей, детей боярских, отставных и которые написаны в городской службе, съезжей избы подъячих и площад-

ных дьячков, пушкарей, затинщиков, рассыльщиков и воротников, казенных плотников и кузнецов, и всяких служилых, посадских и жилецких людей, их детей, братьев и племянников, которые в возрасте, соседей и захребетников. Взяв все эти списки и роспись вещам за рукою прежнего воеводы, новый воевода должен был пересмотреть по ним всех людей и все вещи и, сделав всем лицам и вещам новые подробные росписи, список прислать к государю, а приказным, служилым, посадским и всяким жилецким людям велеть быть с собою в городе. Потом новый воевода должен был счесть старого воеводу в денежных всяких доходах, в пошлинных деньгах, хлебных запасах, зелейной и свинцовой казне, по приходным и расходным книгам; чего против прихода в расходе не будет, то все на старом воеводе взять, во всем с ним расписаться, а расписавшись и начетное взяв у него все сполна, отпустить его в Москву.

Оставшись после этого в городе, новый воевода должен был государевым делом промышлять: к городу и острогу, городовым и острожным крепостям, к наряду и казне береженье держать большое, держать денных и ночных сторожей по городу и острогу, у казны, хлебных запасов и тюрем; при осмотре наряда и запасов должны находиться городской приказчик и немного лучших пушкарей, которым можно верить; зелейную и свинцовую казну воевода должен был держать за крепкими замками и за печатью, и ключи держать в приказной избе также за своей печатью, для того, чтоб кроме означенных людей, городского приказчика и немногих лучших пушкарей, другой никто пушечным запасам сметы не ведал; хлебные запасы велеть перемерять, и к этому хлебному перемеру выбрать сына боярского да подъячего добрых да целовальников лучших людей, и велеть сметить, сколько хлеба будет в казенную отдаточную меру, в какую меру дают государево жалованье ружникам и всяким оброчникам. Стрельцов, пушкарей, затинщиков и воротников воевода должен расписать для караулов к зелейной и свинцовой казне и в городе по воротам, надзор за ними поручить городовым приказчикам, головам и сотникам; и смотреть, чтоб рассыльщики были в съезжей избе беспрестанно.

Потом воевода должен был собирать денежные окладные и неокладные всякие доходы; наблюдать за выборами граждан к таможенному сбору, чтоб выбирали самых лучших людей. Должен был выбрать из отставных дворян и детей боярских добрых в объезжие головы и дать им наказные памяти, велеть в городе и по слободам ездить всякий день, от огня и от воровства беречь накрепко. Смотреть за стрельцами, пушкарями и приставами, чтоб они приезжим и тутошним людям тесноты и продажи не делали; от губного старосты людей оберегать; смотреть, чтоб посадские земские старосты и целовальники

и денежные сборщики и мужики богатые и горланы мелким людям обид, насильств и продаж не делали и лишних денег с мирских людей не сбирали. На посаде и в уезде оброчные и пустые земли, рыбные ловли, сенные покосы и всякие угоды давать на оброк из наддачи охочим людям на урочные годы. Беречь накрепко, чтоб в городе, на посаде, в слободах и уезде разбоя, воровства, смертного убийства, боя и грабежа и никакого другого воровства, корчемства и распутства, зерни и табаку ни у кого не было; а кто в чем-нибудь означенном провинится, тех брать и по сыску наказывать, смотря по вине и человеку, а у кого корчемное питье и табак вынут, тех людей, корчемников и питухов, наказывать и пеню деньгами брать по государеву указу, корчемное питье и сосуды винные отдавать на кабак, а табак велеть жечь да о том писать к государю.

Если кто станет бить челом государю в управных делах и эти челобитья приносить к воеводе, то посадский должен по челобитьям судить и всякими сысками сыскивать накрепко, по суду своему и сыску расправу делать безволокитно⁴¹, пошлины с судебных дел брать по государеву указу, пошлинные деньги записывать в книги и отсылать их вместе с книгами в Москву, равно как и всякие другие денежные доходы, а сам воевода пошлинными и никакими сборными деньгами не должен корыстоваться и ни с кем не ссужаться. Служилым, посадским, жилецким, уездным и приезжим людям, для своей корысти, обид никаких и налогов не делать, посулов и поминков ни от каких дел ни у кого не брать, пашни на себя пахать, сена косить, вина сидеть, дров возить и никакой работы посадским, жилецким и уездным людям на себя работать не велеть. Беречь накрепко и заказ крепкий всяким людям сделать, чтоб в городе, остроге, на посаде и в слободах в летние жаркие дни изб и бань никто не топил и вечером поздно с огнем не ходил, а для хлебного печенья и где есть варить — велеть всяким людям поделывать печи в огородах и на полых местах в земле, не близко от хором, от ветру велеть печи эти огородить и лубьем ущитить гораздо; на дворах по хоромам, в рядах по анбарам и лавкам велеть во все лето и осень до больших снегов держать мерники и кади с водой, вениками и помелами, сторожи по улицам и переулкам денные и ночные велеть держать крепкие⁴².

Таковы были наказания воеводам.

Против злоупотреблений принимались разные меры: по указу царя Михаила Феодоровича велено было всякие денежные доходы и стрелецкие деньги собирать посадским людям и волостным крестьянам и отвозить в Москву мимо воевод и приказных людей, чтоб налогов и обид больших не было⁴³. В 1620 году разосланы были по городам грамоты архимандритам, игуменам, протопопам, попам, дьяконам, дворянам, детям боярским, зем-

ским старостам и целовальникам, посадским, уездным и всяким людям: правительство сведало, что по городам воеводы и приказные люди всякие дела делают не по указу, монастырям, служилым, посадским, уездным и проезжим всяким людям чинят насильства, и убытки, и продажи великие, посулы, поминки и кормы берут многие, вследствие чего правительство приказывало жителям городов и уездов не давать воеводам и приказным людям посулов, поминок и кормов, не продавать им лошадей, всякой животины и товаров, кроме съестного, не отпускать к ним в дворы денщиков, водовозов и всяких деловых людей с посаду, из слобод и уездов, не делать на них никакого изделия, хлеба не молоть, не толочь и не печь, пашен не пахать и сена не косить; в противном случае велено было взыскивать убытки с виноватых вдвое⁴⁴. В 1661 году велено переменить во всех городах воевод и приказных людей и выслать их в Москву, а в городах быть губным старостам, где же их нет — отставным дворянам и детям боярским⁴⁵. В 1663 году запрещено воеводам и приказным людям судить дела тех лиц, от которых подано будет на них подозрение⁴⁶; судить их велено воеводам ближайших городов, не дальше 150 верст. В 1672 году запрещено определять воеводами дворян в те города, около которых у них находятся поместья и вотчины⁴⁷.

Царь Михаил Феодорович приказал во всех городах устроить *губных старост*, вперед сыщиков для сыску воровских, разбойничьих и убийственных дел в города не посылать: сыскивать все эти дела губным старостам⁴⁸. Губной староста выбирался всеми людьми. «Губным старостам по городам и по губам быть по выборам всяких людей,— сказано в уставной книге Разбойного приказа⁴⁹,— губным целовальникам с губными старостами у дел быть по выборам сошных людей; губным дьякам быть по выборам всяких людей; сторожилам при губной избе и тюремным быть по поручным записям сошных людей; губным старостам, целовальникам и дьякам без крестного целования у дел не быть; судом они ведомы в Разбойном приказе; если же истцы станут бить челом на губного старосту, обвинят его в недружбе или поноровке, то о этом губном старосте велено быть при деле губному старосте из другого города».

Воевода должен был созвать к выборам духовенство, дворян, детей боярских, приказчиков, старост, целовальников, крестьян и посадских людей; выбирать они должны были дворянина доброго из первых людей по списку, которого бы с губное дело стало, который бы грамоте был горазд, душою прям и животом прожиточен. Воевода должен был взять *выбор* за подписями избирателей и отцов их духовных и новоизбранного губного старосту отослать в Москву для приведения к присяге⁵⁰. Иногда государь приказывал воеводе устроить губного старосту,

по списку лучшего человека, без выборов, если дворяне и дети боярские будут выбирать губного старосту из дворян и детей боярских средних и меньших статей, а лучших людей выбирать не станут⁵¹.

При вступлении в должность губной староста должен был принять налицо у предшественника губную избу и тюрьму, в тюрьме тюремных сидельцев, татей, разбойников, убийц и всяких воровских людей, всякие губные невершенные дела, приходные и расходные книги прошлых лет, государевы грамоты и новые указы, опальные дворы и животы и всякую воровскую рухлядь, в принятии всего этого должен был расписаться, потом дома и пожитки преступников продать с аукциона (из наддачи) немалою ценою и деньги прислать в Москву. На посаде и в уезде губной староста должен был ведать губные дела, тюремным сидельцам указ чинить без замедленья, на посаде и в уезде велеть выбрать сотских, пятидесятских и десятских, добрых людей и прожиточных, и, взяв на них выборы за руками (с рукоприкладством), строго наказать, чтоб никто не смел держать у себя воровских людей⁵².

Мы видели, что иногда правительство во всех городах заменяло воевод губными старостами; иногда делалось это в некоторых только городах, по просьбе их жителей⁵³. Бывало и наоборот, что граждане просили заменить губного старосту известным воеводою или просили прислать к ним и воеводу, и губного старосту; так и в 1644 году кашинцы били челом: «Велено по твоemu государеву указу быть у нас в Кашине в губных старостах Савве Спешневу; но Савва Спешнев на такое дело не годится: увечен, руками и ногами не владеет. И теперь у нас в Кашине перед съезжею избою и на посаде и в уезде воровства и грабежи и убийства происходят и насильства великие, а расправу чинить некому; когда прежде бывали у нас воеводы и губные старосты, то воровства, убийства, грабежу и насильства такова не бывало. Пожалуй, Государь, веди у нас по-прежнему быть воеводам»⁵⁴.

В царствование Феодора Алексеевича велено в городах быть одним воеводам, «а горододельцам, сыщикам, губным старостам, ямским прикащикам, осадным, пушкарским, засечным и у житниц головам, также денежным и хлебным присыльным из Москвы сборщикам не быть: городовое строение, засеки, губные дела, ямских охотников, денежный и хлебный сбор и всякие дела ведать воеводам одним, чтоб впредь от того городским и уездным людям в кормах и подводах лишних тягостей не было; губные избы во всех городах сломать, а губным подьячим быть с воеводами в съезжих избах»⁵⁵.

В 1614 году царь Михаил Феодорович возобновил для Устюжины-Железопольской судную грамоту царя Иоанна IV⁵⁶: посадские люди, старосты и целовальники, сотские и десятские и все

крестьяне, лучшие, средние и младшие от волостелина суда и от его пошлинных людей отставлены, а быть у них в судьях им же посадским людям, которых себе выберут всем своим посадом. Судить этим судьям по государевой грамоте, а которых дел судить им нельзя, те дела должны присылать к государеву докладу в Москву. Если излюбленные судьи станут судить непрямо, по посулам, то казнить их смертью, а имение их отдавать тем людям, кто на них докажет. В суде и у записки всяких дел, у губных старост и у излюбленных судей сидеть посадским лучшим крестьянам. Судные и обыскные списки и всякие дела земские дьячки должны писать при губных старостах, излюбленных судьях и лучших крестьянах, которые, если умеют грамоте, должны ко всяким запискам руки прикладывать и держать их за своими печатями; а земским дьячкам без них судных и обыскных дел никаких не записывать и у себя не держать.

Объездные головы были по городу, воротам и пряслам⁵⁷; с ними были посадские сотенные люди с ружьем, пищалями, копьями, топорками и бердышами, да для приворота пушек несколько человек. *Объездный голова* должен был пересмотреть этих сотенных налицо, расписать их у ворот и по пряслам, с кем кому быть; над посадскими и приписными жилецкими людьми надзирать днем и ночью беспрестанно, чтоб у них во всякое время караулы были стройны, опасны и крепки, ружья у них днем и ночью осматривать налицо и не позволять сотенным людям посылать на караулы вместо себя детей своих моложе пятнадцати лет.

Земский староста, которому подчинены были сотские, пятидесятские и десятские, заседал в земской избе вместе с целовальниками и дьячком, ведал всякие мирские дела и земские приходы и расходы. Посадские люди выбирали и *излюбляли* его из своей среды в мирскую службу: быть ему в миру земским старостою и ведать ему в мире всякие дела и во всяких мирских делах радеть, а мирские люди обязаны его во всяких мирских делах слушать, а не станут его слушать, и ему можно их и неволею к мирскому делу нудить; он не должен делать миру никакой грубости, а если от его грубости мир потерпит какие-нибудь убытки, то староста за то отвечает.

Земские старосты назывались также *головными* старостами⁵⁸. Вот образцы мирских дел, которые ведал земский староста: в 1681 г. шуйского посада земский староста с товарищами и все шуяне посадские люди приговорили на сходке в земской избе: разделить пахотную землю во всех шуйских трех полях по своим тяглам впредь на десять лет до мирского ж раздела, и этой землею в урочные годы владеть между собою безмятежно; но другим людям эту землю никому ни по свойству, ни по дружбе, ни внаем не отдавать; а кто ее отдаст сторонним людям хотя бы

на один год или хотя бы на одно лето, у того по сыску отнять ее в мир и отдавать из мира внаем⁵⁹. В 1691 году двое братьев Потончиных да Филат Кувшинов дали запись углецкому земскому старосте и всем посадским людям в том, что «учинилась у нас ссора и драка на Угличе на посаде, на площади с сторожем съезжей избы и с целовальником губной избы; сторонние люди, видя нашу ссору, стали бить в набат, послыша набат, выехал воевода, приехали и многие посадские люди. А теперь мы, поговоря между собою полюбовно, с земским старостою и со всеми посадскими людьми, помирились, и впредь нам на них не бить челом и ссоры не начинать, а если своего слова не сдержим, то дать нам за неустойку 300 рублей денег»⁶⁰.

При означенных лицах: воеводах, губных, земских старостах — находились для письмоводства дьячки и подьячие; кроме того, были еще так называемые *площадные подьячие*, над которыми надзирал особый староста; этот староста должен был смотреть, чтоб площадные подьячие писали крепости и посторонние письма с его ведома, помечали имена работных людей и вершили на площади, чтоб по этим пометкам без записей торговые люди задаточных денег не давали: давали б в то время, как записи совершены и поданы будут в приказной палате. Староста должен был смотреть, чтоб площадные подьячие не писали подставных заочных крепостей, чтоб они, записав имена рабочих людей, записи писали, вершили и подавали старосте немедленно и без записи работных людей не отпускали, также чтоб вместо записей торговым людям книг наемных с поруками не писали, дабы чрез это пошлина не пропала; если же кто из подьячих не станет слушаться старосты, то последний обязан на таких людей подавать докладные письма, за руками, в приказной палате, и слушникам будет от площади отказано⁶¹. Касательно определения старост над площадными подьячими до нас дошел следующий случай: в 1687 году били челом площадные подьячие, что прежний их староста устарел и чтоб великий государь пожаловал — велел быть у них старостою такому-то. Просьба была исполнена. В небольших городах, в слободах площадное письмо отдавалось на откуп одному какому-нибудь человеку⁶².

Кроме означенных выше должностей, посадские люди обязаны были служить по выборам: во-первых, в таможенных и кабацких головах; в эту должность выбирался из посадских торговых людей торговый лучший человек добрый. Потом — в таможенных и кабацких целовальниках: в эту должность выбирали — земские старосты, целовальники, посадские и уездные люди — посадских и уездных лучших людей, которые были бы верны и прожиточны, а не воры и не бражники и которым таможенный и кабацкий сбор был бы за обычай⁶³. В 1677 году подтверждены были указы царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайлови-

ча, чтоб воеводам и подьячим в денежные сборы и мирские дела не вступаться, с посадских и уездных людей данного оклада, без сыска и мирских людей приговору не складывать; а в целовальники к государеву делу и к мирским сборам выбирать самим посадским и уездным людям, причем воеводы и подьячие должны принимать выборы за руками выборных людей и отцов их духовных и вперед не должны выборных целовальников перемениать и в тюрьму без вины, для своей корысти, сажать⁶⁴. В 1682 году велено отпустить по домам всех городских и уездных людей, которые были присланы в Москву для разбора и уравниения посадских людей во всяких службах и податях; по возвращении домой эти люди должны были вместе с земскими старостами и со всеми посадскими жилецкими людьми выбрать в головы и ларешные целовальники на три года в таможи, на кружечные дворы и к другим сборам царской казны⁶⁵. В 1682 году запрещено в таможе и на кружечном дворе дьячкам давать жалованье из сборных денег, а велено выбирать дьячков из мирских людей по очереди, добрых⁶⁶. В том же году бил челом вятский земский староста от имени всех вятчан: по указу царя Алексея Михайловича велено на Вятке, во всех пяти городах и волостях при государевых таможенных и кружечных дворах у денежных сборов, также у земских и волостных дел быть подьячим по мирским выборам; а теперь здесь сидят подьячие без мирских выборов, по подписным челобитным, по накупам, и чинят им налоги и стеснения, и от письма берут лишние взятки, и оттого вятчане разорились вконец напрасно, и вятские уезды пустеют. Вследствие этой челобитной повелено, чтоб подьячие были по мирским выборам⁶⁷. В некоторых городах были особого рода службы по выборам; например, в Перми выбирались старосты, ямщики и дьячки для сбора ямских денег по сибирской гоньбе⁶⁸.

Городские жители участвовали в строении и поддержке городских укреплений. Укрепления эти строились служилыми, посадскими, жилецкими и уездными сошными всяких чинов людьми, по платежным книгам также стрельцами, казаками, пушкарями, затинщиками, воротниками, дворниками, казенными кузнецами, плотниками, ямскими охотниками, городскими и уездными попами и церковными причетниками и всякими жилецкими людьми, за которыми земли есть; а за кем нет и в сошное письмо не положены, те городское и острожное дело делали из готового леса, что сошные люди приготовят. Надзирали за работниками (деловцами) отставные дети боярские, и сам воевода обязан был смотреть, чтоб сошные всяких чинов люди у городского дела были безотлучно и всякие городские крепости делали неоплошно⁶⁹. Пред началом постройки воевода посылал во весь уезд, во все станы стрельцов и пушкарей, чтоб помещики и вотчинники на городское дело лес и тес возили⁷⁰. Строение производилось

весною и осенью между деловою порою. Производить постройку означенным выше образом называлось *делать сохами*; но иногда *охотники* или *уговорщики* брали постройку на подряд⁷¹. Для строения каменных крепостей собирались из разных городов каменщики, кирпичники и горшечники и присылались в Москву, где являлись в Приказ каменных дел и отсюда уже отсылались на место⁷².

По указу царя Алексея Михайловича должно было прекращать всякое занятие в субботу, как начнут в соборе благовестить к вечерне, за три часа до вечера ряды и торговые бани затворялись. По воскресеньям с пятого часа дня рядов не отпирали и ничем не торговали, а как четыре часа минет, начинали торговать всякими товарами и харчем; скотский же корм, овес и сено продавали во всякие дни и часы. В Господские праздники наблюдалось то же самое, что и по воскресеньям; во время крестных ходов запрещено было торговать и отпирать ряды до тех пор, пока из хода со крестами придут в соборную церковь⁷³. Кто работал в воскресные дни, тех брали, привозили в съезжую избу, доправляли два рубля заповеди и записывали в книги; если кого заставляли в другой раз за работою, то брали четыре рубля заповеди и сажали на неделю в тюрьму⁷⁴.

Примечания

¹ «Для воинского времени во всяких городах у монастырей и у дворян устроены осадные дворы; и в воинское время на те дворы, со всеми своими животами и с запасами и с женами и с детми, живут в городах. А крестьян из сел и из деревень велят, со всеми их животы, высылать для осады в город ж,—и те крестьяне, в осадное время, с посадскими и с иными людьми бывают по городу на стороже, с ружьем своим или с царским». — Коших., стр. 102 // *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840.

² Акты историч., III, № 224.

³ Там же, V, № 52.

⁴ Дополн. к Акт. истор., II, № 3.

⁵ Деревянные города или крепости называются также креплями: так, наприм., в 1689 году встречаем известие, что воевода Мартьянов построил на Терке кремль, город сосновый. — Акты истор., V, № 180.

⁶ Акты арх. эксп., III, № 196; Коших., стр. 102: «А будет в Московском государстве построенных каменных городов, кроме монастырей, с 20 городов, или мало больше, а достальные деланы все деревянные, на земляных валах и просто на земле; и для войны насыпают те города песком и камнем, а для крепости тех городов копаны кругом глубокие рвы и бит деревянный частокол, а в иных рвах пушена кругом вода».

⁷ Акты историч., III, № 8.

⁸ Там же, № 224.

⁹ Там же, V, № 180.

¹⁰ Акты юридич., № 40.

¹¹ Акты истор., IV, № 216.

¹² Там же.

¹³ Акты арх. эксп., III, № 204.

¹⁴ Допол. к Акт. истор., III, № 115.

¹⁵ В Шуге ж, на посаде двор гостин, а на нем две избы, да на дворе ж есть лавок, да сарай соляной, торгуют в тех лавках приезжие с разных городов торговые люди.— Опис. города Шуи, стр. 67.

¹⁶ Где хоронили тела казненных смертью преступников, людей, умерших в государевой опале, также: который человек вина опьется или удавится, или зарежется, или с качели убьется, или купаночись утонет, или сам себя отравит, или какое дурно над собою учинит и тех при церкви Божией не хоронити, и над ними не отпевати, а велети класти их в убогих домах.— Опис. города Шуи, стр. 88.

¹⁷ Акты юридич., № 231; см. также: Книгу строения Сокольского города.— Временник Москов. истор. общ., № 5.

¹⁸ Опис. гор. Шуи, стр. 309.

¹⁹ Акты юрид., № 97.

²⁰ Там же, № 99.

²¹ Временник Моск. истор. общ., кн. 14.

²² Допол. к Акт. истор., III, № 47.

²³ Акты истор., III, № 164.

²⁴ Акты арх. эксп., IV, № 28.

²⁵ Там же, III, № 141, 279, 311.

²⁶ Акты арх. эксп., IV, № 24.

²⁷ Акты арх. эксп., IV, № 35.

²⁸ Там же, № 39.

²⁹ Допол. к Акт. истор., III, № 16.

³⁰ Там же, II, № 48.

³¹ Акты истор., III, № 8.

³² Там же, № 57.

³³ Там же, № 78.

³⁴ Акты истор., III, № 87.

³⁵ Там же, № 106.

³⁶ Акты истор., III, № 186; Допол. к Акт. истор., II, № 58.

³⁷ Допол. к Акт. истор., II, № 78.

³⁸ Допол. к Акт. истор., III, № 70.

³⁹ Акты арх. эксп., IV, № 13.

⁴⁰ Чтения Москов. истор. общ., год III, № 8. Число жителей по разрядам. В Переяславле-Залесском:

Приказные избы подьячих	5 человек
Рассыльщиков	9 »
Приставов	6 »
Посадских людей, их братья и свойственников	485 »
Всяких охотников, их братья и свойственников	150 »
Кирпичников	19 »
Сокольных помытчиков	24 »
Рыбных ловцов	154 »
На осадных дворах дворников, их детей и свойственников	27 » и т. д.

⁴¹ «А в судных кабальных делах велено им (воеводам) суды давати, дворяном и детем боярским, и служилым всяких чинов людем, и крестьяном, в больших городах, где воеводы с дьяками, в долговых делах во 100, и в 500, и 1000, и в 10 000 рублей. А в иных городах, где воеводы одни сидят или и с подьячими, а дьяков не бывает, велено суды давати в долговых делах в 10 и в 20 рублей, а болши 20 рублей суда давати им не велено никому, велено судитися на Москве».— Коших., стр. 99.

⁴² Акты истор., IV, № 159; Допол., IV, № 134. Относительно воеводского назначения любопытна грамота Петра Великого иркутскому воеводе

Ивану Николеву 1698 года (Акты истор., V, № 283): «По нашему указу отпущен был в Нерчинск воеводою брат твой, стольник наш Самойло Николев, и будучи в Нерчинске, как В. Государю служил со всякою верно-стью, и радательною своею правою службою перед прежними нерчинскими воеводами собрал в нашу казну многую прибыль, и тамошних жителей и разных городов торговых людей свидетельство своего христианского благожития учинил, и никакой жалобы ни от кого на себя не оставил, и тамошней дальней стороне, для таких своих добрых плодов, нам, В. Государю, зело был надобен и прибыточен. И в нынешнем году явился в Сибирском приказе человек его и сказал, что он, воевода, умер, и после него остались дети стольник Иван да Михайло, а по заручной челобитной нерчинских детей, боярских и служилых и жилецких людей, город Нерчинск и нашу В. Государя печать и всякую казну принял сын его Иван Николев, который прислал с тем человеком заручное челобитье, чтоб мы его пожаловали, указали из Нерчинска переменить и отпустить к Москве. И мы пожаловали племянника твоего Ивана Самойлова Николева за службы отца его, невзирая на его несовершеннолетие, велели ему быть в Нерчинском воеводою; а для его молодых лет указали мы с ним быть с приписью подьячим нерчинскому сыну боярскому Луке Кочмарову, для того что брат твой, а его, Иванов, отец Самойла об нем, Луке, что он человек добрый и радательный, свидетельствовал».

⁴³ Акты историч., V, № 274.

⁴⁴ Акты арх. эксп., III, № 115.

⁴⁵ Пол. собр. зак., I, № 313.

⁴⁶ Там же, № 331.

⁴⁷ Там же, № 508.

⁴⁸ Акты арх. эксп., III, № 171.

⁴⁹ Акты истор., III, № 167.

⁵⁰ Акты истор., III, № 150.

⁵¹ Акты арх. эксп., III, № 171.

⁵² Там же, IV, № 237.

⁵³ Врем. Моск. ист. общ., кн. IV.

⁵⁴ Врем. Моск. ист. общ., кн. IV.

⁵⁵ Акты истор., V, № 274.

⁵⁶ Акты арх. эксп., III, № 35.

⁵⁷ Акты истор., IV, № 161.

⁵⁸ Акты юрид., № 282.

⁵⁹ Описание города Шуи, стр. 64.

⁶⁰ Акты арх. эксп., IV, № 305.

⁶¹ Акты истор., V, № 149.

⁶² Там же, № 92.

⁶³ Акты истор., V, № 185.

⁶⁴ Там же, V, № 16.

⁶⁵ Там же, № 100, 83.

⁶⁶ Там же, № 78.

⁶⁷ Там же, № 88.

⁶⁸ Акты арх. эксп., III, № 144.

⁶⁹ Акты истор., IV, № 216.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Акты арх. эксп., III, № 140.

⁷² Допол. к Акт. истор., II, № 58.

⁷³ Акты истор., IV, № 6. В 1669 году царь Алексей Михайлович приказал послать в тюрьму одного стольника за то, что у него в воскресенье в неделю Всех Святых на дворе работали черную работу.— Пол. собр. зак., I, 453.

⁷⁴ Опис. города Шуи, стр. 21.

РУССКИЕ ИСПОВЕДНИКИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В XVII ВЕКЕ *

Было великое и страшное время в начале XVII века: здоровые силы народа должны были находиться в крайнем напряжении для того, чтоб одолеть многочисленные и тяжкие болезни, поразившие общественное тело; лучшие люди должны были обнаружить всю свою деятельность, и деятельность эта требовалась на разных путях — ибо везде общество сильно нуждалось в свете и в правде.

Общество уже начало подозрительно смотреть на тех людей, от которых прежде исходила проповедь о свете и правде, проповедь словом и делом, ибо часто эти люди омрачали себя делами несправедливыми, которые даже не скрывались в тьме, но являлись без покрова на белый свет. Лучшим представителям этих людей нужно было много труда, много жертв и страданий, чтобы возвратить к себе доверие общества.

Однажды в Москве на рынок, где продавались книги, пришел молодой монах, высокий, стройный, красивый. Глаза всех обратились на него, и один из присутствовавших, вспомнив поведение некоторых монахов, обратился к нему с неприличными словами. Монах, вместо того чтоб осердиться, глубоко вздохнул, облился слезами и сказал ему: «Да, брат! Я в самом деле такой грешник, как ты подумал обо мне. Бог тебе открыл обо мне правду. Если б я был настоящий монах, то не бродил бы по этому рынку, не скитался бы между мирскими людьми, а сидел бы в своей келии; прости меня, грешного, Бога ради, в моем безумии». Все присутствовавшие, тронутые этими речами, обратились с криком на человека, который осмелился оскорбить достойного инока, называли его дерзким, невеждою. «Нет, братья! — говорил им монах. — Дерзкий и невежда-то я, а не он; все слова его обо мне справедливы; он послан от Бога на мое утверждение, чтобы мне вперед не скитаться по рынку, а сидеть в келии». С этими словами монах ушел, обидчик бросился за ним просить прощения. Этот монах был из Старицкого Богородичного монастыря, именем Дионисий.

Скоро опять увидели Дионисия на площадях московских, в сане архимандрита своего монастыря, и тут уже он не говорил, что неприлично было ему, как монаху, показываться среди

* Русский вестник. 1857 Т. 11. № 9—10 С. 65—76.

народа, тут он был на своем месте. Увещевая духовенство, патриарх Гермоген ставил ему в пример Дионисия. «Смотрите,—говорил он,—на старицкого архимандрита: никогда он от соборной церкви не отлучается, на царских и всемирных соборах всегда тут». Что же это были за всемирные соборы, на которых присутствовал Дионисий? Было тогда время мятежное; Московское государство волновалось именем царевича Димитрия; от Москвы за 12 верст, в Тушине, стояли поляки и литовцы с русскими ворами, промышляя над столицею. Не только в простых людях, но и в князьях и боярах была шатость большая, разделялись надвое; брат в Москве с царем Василием в осаде, а другой в Тушине с вором, отец на Москве, а сын в Тушине; и сходились на битвы сын против отца и брат против брата; а в Москве народ, собравшись, приходил к царю Василию с шумом, требуя, чтоб отказался от престола. Патриарх защищал царя, Дионисий был подле патриарха и увещевал народ, несмотря на всевозможные оскорбления, которым подвергались увещатели от буйной толпы.

В самое смутное время Дионисий был назначен архимандритом в знаменитый Троицкий Сергиев монастырь. Москва была разорена, казаки неслыханно свирепствовали во всех областях; толпы беглецов с разных сторон устремились к Троицкому монастырю, и страшно было смотреть на них: одни были изломаны, обожжены, у других ремни из хребтов вырезаны, волосы с голов содраны, руки и ноги обсечены; многие приходили в монастырь для того только, чтоб исповедоваться, приобщиться и умереть; многие не успевали достигнуть и монастыря, умирали на дороге; монастырь, слободы, окрестные деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими. Дионисий призвал келаря, казначея, всю братию, слуг и крестьян монастырских и начал им говорить, что во время такой беды надобно изо всех сил помогать людям, которые ищут приюта у Св. Сергия. Ему отвечали единогласно: «Кто, государь архимандрит, в такой беде с разумом сберется? Никому не возможно стало промышлять, кроме единого Бога».

Дионисий заплакал и начал опять говорить им: «Ведь это искушение нам от Господа Бога; от большой осады нас Господь Бог избавил: а теперь за леность нашу и за скупость может нас и без осады смирить и оскорбить». «Что же нам делать?» — спросили келарь, братия и слуги. Дионисий отвечал: «Дом Св. Троицы не запустеет, если станем молиться Богу, чтобы дал нам разум: только положим на том, чтобы всякий промышлял чем может». Слуги и крестьяне посоветовались между собою и сказали архимандриту с братией: «Если вы, государи, будете из монастырской казны давать бедным на корм, одежду, лечение и работникам, кто возьмется стряпать, служить, лечить, собирать и погребать, то мы за головы свои и животы не стоим». И вот пошел промысл всем бедным, живым и умирающим, в монастыре и кругом

монастыря. Прежде всего начали строить дома, больницы для раненых, избы на странноприимство всякого чину людям, прибегавшим из Москвы и других городов (особые избы мужчинам, особые — женщинам), в Служней слободе и в селе Клементьеве; люди ездили по лесам и дорогам, подбирали раненых и мертвых; женщины, которым монастырь дал приют и содержание, беспрестанно шили и мыли рубашки живым, саваны мертвым. А внутри монастыря, в келии архимандричьей, сидели *писцы борзые*, из которых особенно отличался Алексей Тихонов; собирали они учительные слова из божественных писаний, составляли увещательные послания и рассылали по городам и полкам, призывая к очищению земли.

Земля наконец очистилась; страшное Смутное время прошло, но Дионисий не мог успокоиться: его ждали новые подвиги, новые бедствия и новая слава. Чтоб понять положение Дионисия, те препятствия, которые встречала деятельность людей ему подобных, надобно обратить внимание на некоторые стороны тогдашнего общественного быта. Общества необразованные и полуобразованные страдают обыкновенно такую болезнью: в них всего легче людям, пользующимся каким-нибудь преимуществом, обыкновенно чисто внешним, приобрести огромное влияние и захватить в свои руки власть. Это явление происходит оттого, что общественного мнения нет, общество не сознает своей силы и не умеет ею пользоваться, большинство в нем не имеет достаточного просвещения для того, чтоб правильно оценить достоинства своих членов, чтоб этим просвещением своим внушить к себе уважение в отдельных членах, внушить им скромность и умеренность; при отсутствии просвещения в большинстве всякое преимущество (часто только внешнее) имеет обаятельную силу, и человек, им обладающий, может решиться на все — сопротивления не будет.

Так, например, если в подобном необразованном или полуобразованном обществе явится человек бойкий, дерзкий, начетчик, говорун, то чего он не может себе позволить? Кто в состоянии оценить в меру его достоинства? Если явится ему противник, человек вполне достойный, знающий дело и скромный, уважающий свое дело и общество, то говорун, который считает все средства в борьбе позволенными для одоления противника, начинает кричать, закидывать словами, а для толпы несведущей кто перекричал, тот и прав; дерзость, быстрота, неразборчивость средств дают всегда победу. Древнее наше общество вследствие отсутствия просвещения сильно страдало от таких *мужиков-горланов*, как их тогда называли; их присутствие, то есть состояние общества, допускавшее их присутствие, сильно содействовало падению общинных форм быта — уже не говорим о вечниках новгородских; в XVII веке правительство наказывало воеводам защищать городских жителей от *мужиков-горланов*; после этого нет ничего странного, что

жители городов отказывались от выборных властей и просили у правительства воевод; слабость общественного духа, позволявшая среди самой общины являться притеснителям, делала граждан равнодушными к той форме, которая дана была им для защиты от притеснений и которая, однако, по отсутствию духа не достигала своей цели.

Против таких-то *мужиков-горланов* должен был ратовать Дионисий в своем монастырском обществе. Монастырское устройство того времени в общих чертах было таково: главное лицо, архимандрит, ведал церкви, в церквах — образа и книги, сосуды и всякую церковную казну; келарь ведал монастырь, всякое монастырское строение, вотчины денежную казну, вкладывая деньги, платые и всякую рухлядь, деньги кормовые и кружечные, за свечи и за медь, сбирал всякие доходы. В неопределенное время по согласию братии в монастырях бывали соборы, на которых происходили выборы в конюшие, чашники, житничные, подкеларники, сушильные, по селам на приказы и во всякие монастырские службы; на этих же соборах определялись раскладки оброков на крестьян. Все приговоры собора записывались в книгу, которая хранилась в монастырской казне. Келарю предоставлено было право суда между братьей, служками, служебниками и крестьянами; большие дела, судные и сыскные, вершил он с архимандритом, казначеем и соборными старцами вместе; если же которого судного дела одним им вершить было нельзя, то это дело решалось на всем черном соборе, по совету со всею братьею.

Легко понять, какое значение при таком устройстве мог иметь келарь, заведовавший всеми материальными интересами, какую сильную партию он мог себе составить, какие приобрести средства противиться архимандриту, когда тот напоминал о духовных интересах. Мы видели, как в бедственное время Дионисий умел возбудить духовные интересы и сделать из своего монастыря успокоительную обитель скорбящим; но когда беда прошла, материальные интересы взяли верх, и святая ревность архимандрита встретила сильное сопротивление: *мужики-горланы* никак не хотели дать ему воли на доброе устройство монастыря и сделали то, что монастырь, приобретший благодаря Дионисию такое высокое значение в Смутное время, возбудил к себе вражду многих во время мира: затеяно было множество споров с окольными людьми, землевладельцами, горожанами, крестьянами; искали в судах, поклепавши напрасно в деньгах, землях, крестьянах, искали именем Чудотворца Сергия, а брали не в монастырь, но родственникам своим села и деревни устраивали; разгневили и самого государя, потому что брали в городах посадских людей и сажали их в монастырских слободах на житье. Монастырские слуги били и грабили на дорогах; когда же приезжали в монастырь дети боярские или слуги знатных людей с жалобами, что

монастырь вывел из-за них крестьян и холопей на свои земли, то им давали управные грамоты, но прежде посылали перевести их холопей и крестьян в другие монастырские вотчины, и когда истцы придут с управными грамотами, то им показывают пустые дворы.

Дионисий умолял со слезами удерживаться от таких поступков, но понапрасну: *мужики-горланы* брали верх. Бесстрашный на площади среди мятущегося народа, Дионисий был необыкновенно кроток и ласков в отношении к управляемым. При тогдашнем состоянии нравов многие из братии никак не могли понять учтивых форм, которые употреблял Дионисий: так, когда надобно было что-нибудь приказать монаху, то он говорил: «Если хочешь, брат, то сделай то-то и то-то». Монах, выслушавши такое приказание, преспокойно отправлялся на свое место и ничего не делал, когда же другие спрашивали его, отчего он не исполняет архимандричьего приказания, то он отвечал: «Ведь архимандрит мне на волю дал: хочу делаю, хочу нет».

Кроме людей, так ревностно заботившихся о материальных выгодах монастыря и своих родственников, в монастыре были два *мужика-горлана*: головщик Логин и уставщик Филарет. Логин приобрел удивление братии и посещавших монастырь голосом необыкновенно приятным, светлым и громким; в чтении и пении ему не было подобного; на один стих сочинял распевов по пяти, по шести и по десяти. Что стих искажался от этих распевов, терял смысл, что, например, вместо *семени* слышалось *семени*, до этого Логину не было дела, потому что он «хитрость грамматическую и философию книжное» называл еретичеством. Надменный своими преимуществами, удивлением, которое оказывали к его голосу, этот *мужик-горлан* не знал никакой меры, бранил, бил не только простых монахов, но и священников, обижал в милостыне, и никто не смел ему слова сказать. Дионисий часто обращался к нему с своими тихими поучениями, называл его государем, отцом, братом, величал по имени и по отчеству. «Что тебе, свет мой, пользы в этом,—говорил ему Дионисий,—что все клирики и все церковники жалуются на тебя, ненавидят тебя и проклинают, а мы, начальники, все как в зеркало на тебя смотрим? И какая будет польза, когда мы с тобою брань заведем?» Но увещания не помогали нисколько.

Другой *мужик-горлан*, уставщик Филарет, возбуждал удивление толпы и получил право быть горланом также по внешнему достоинству, которое в то время очень ценилось: *сединами добрыми*; он жил у Троицы больше пятидесяти лет, уставщиком был больше сорока лет—преимущество громадное по тогдашним понятиям; все остальные, не исключая и архимандрита, были перед ним молодые люди. Логин своими распевами искажал смысл стихов духовных; Филарет пошел дальше: по его мнению, Христос не прежде век от Отца родился; Божество почитал он

человекообразным. Оба, Филарет и Логин, были друзья, оба ненавидели Дионисия за обличения. «Пошадите, не принуждайте меня ко греху,— говорил им Дионисий,— ведь это дело всей церкви Божией, а я с вами по любви наедине беседую и спрашиваю вас для того, чтоб царское величество и власть патриаршеская не узнали, чтоб нам в смиреннии и в отлучении от церкви Божией не быть».

Логин отвечал ему: «Погибли места святые от вас, дураков; везде вас теперь много неученых сельских попов; людей учите, а сами не знаете, чему учите». Больше всего сердился Логин на Дионисия за то, что архимандрит вмешивался, по его мнению, не в свое дело, то есть заставлял читать поучения святых отцов и сам часто читал их и пел на клиросе. «Не ваше то дело: петь или читать,— говорил ему Логин,— знал бы то одно, архимандрит, чтоб с мотовилом своим на клиросе как болван, онемев, стоять». Однажды на заутрене Дионисий сошел с клироса и хотел читать первую статью; Логин подскочил к нему и вырвал книгу из рук, налой с книгой полетел на землю, стук, гром, соблазн для всех. Дионисий только перекрестил свое лицо, пошел на клирос и молча сел; Логин, прочтя статью, пришел к архимандриту и, вместо того чтоб просить прощения, начал плевать на него и браниться. Дионисий, махнувши посохом, сказал ему: «Перестань, Логин, не мешай божественному пению и братию не смущай; можно нам об этом переговорить и после заутрени». Тут Логин выхватил у него из рук посох, изломал на четыре части и бросил к нему на колени. Дионисий взглянул на образ и сказал: «Ты, Господи Владыко, вся веси, и прости мя грешного, яко согреших пред Тобою, а не он». Сошедши со своего места, он всю заутреню проплакал пред образом Богородицы. После заутрени вся братия никак не могла уговорить Логина, чтобы просил прощения у архимандрита.

Напрасно Дионисий старался укрыть поведение Логина и Филарета в стенах монастыря: они писали на него жалобы в Москву, в Кириллов монастырь; наконец, имели удовольствие довести Дионисия до беды. В ноябре 1616 года архимандрит Дионисий, келарь Авраамий Палицын и вся братия Троицкого монастыря получили такую царскую грамоту: «По нашему указу взяты были к нам в Москву из Троицкого Сергиева монастыря канонархист старец Арсений, да села Клементьева поп Иван для исправления книг печатных и Потребника; да к тому же делу велено было прислать вам книгохранителя старца Антония. И вы писали к нам, что старец Антоний болен, а старец Арсений и поп Иван били нам челом и сказали: от времен блаженного великого князя Владимира до сих пор книга Потребник в Москве и по всей Русской земле в переводах разнится и от неразумных писцов во многих местах не исправлена; в пригородах и по крайнам, которые близ иноверных земель, от невежества у священников обычай застарелся и бесчиния вкоренились: и потому им, старцу

Арсению и попу Ивану, одним у той книги Потребника для исправления быть нельзя, надобно ее исправлять, спрашивая многих и справляясь со многими книгами». «И мы,— продолжает царь,— указали исправление Потребника поручить тебе, архимандриту Дионисию, а с тобою Арсению, и Ивану, и другим духовным и разумным старцам, которые подлинно известны книжному учению и грамматике и риторике умеют».

Дионисий с товарищами принят за дело: Потребник был исправлен, между прочим, вычеркнута и ненужная прибавка *и огнем* в молитве водоосвящения: «Прииди, Господи, и освяти воду сию Духом Твоим Святым *и огнем*». И вот Филарет, Логин и ризничий дьякон Маркел отправили донос в Москву, что Дионисий с товарищами еретичествуют: «Духа Святого не исповедуют, яко огонь есть». Логин считал себя знатоком дела, потому что в царствование Шуйского он печатал уставы и наполнил их ошибками. В это время патриарха не было в Москве; ростовский митрополит Филарет Никитич, долженствовавший занять это место, находился в польском плену, и первое место между русскими архиереями занимал крутицкий митрополит Иона, человек, не способный понять и оценить дело исправления Потребника. Дионисий с товарищами был потребован к объяснению; четыре дня приводили его на патриарший двор к допросу с бесчестьем и позором; потом допрашивали его в Вознесенском монастыре, в келиях матери царя Михаила, инокини Марфы Ивановны: решили, что исправители еретичествуют.

Но при этом решении кроме невежества вскрывалась еще другая язва, общественная: тут действовала не одна ревность по букве, по старине, на которую наложили руку смелые исправители; тут обрадовались, что попался в руки архимандрит богатейшего монастыря, и потребовали от него за вину пятьсот рублей. Дионисий объявил, что денег у него нет и что он платить не будет: отсюда страшная ярость, и оковы, и побои, и толчки, и плевки. Дионисий, стоя в оковах, с улыбкою отвечал тем, которые толкали его и плевали на него: «Денег у меня нет, да и дать не за что: плохо чернецу, когда его расстричь велят, а достричь-то ему венец и радость — Сибирью и Соловками грозите мне: но я этому и рад, это мне и жизнь». За Дионисием присылали нарочно в праздничные или торговые дни, когда было много народа, приводили его пешком или привозили на самой негодной лошади, без седла, в цепях, в рубище, на позор толпе, из которой кидали в него грязью и песком; но он все это терпел с веселым видом, смеялся, встречаясь с знакомыми. Привезут его, иногда до обедни, иногда после обедни, и поставят, скованного, в подсенье на дворе митрополичьем, стоит он тут с утра до вечера, и не дадут ему воды чашки, а время было июнь, июль месяцы, дни жаркие; митрополит Иона после обедни сядет с собором за стол, а Дионисий с учениками своими празднует

под окнами его келий в кулаках да в пинках, а иногда достанется и батоном. Словом *ересь* напугали старицу Марфу Ивановну, мать царя Михаила Феодоровича; вооружили ее против мнимых еретиков, а в народе распустили слух, что явились такие еретики, которые огонь хотят в мире вывести,—и вот страх и злоба напали на простых людей, особенно на ремесленников, которым без огня ничего нельзя сделать; они начали выходить с дрекольем и каменьями на Дионисия.

Мужественно выноса испытание, не позволяя себе унизиться до забот о самом себе, Дионисий заботился о товарищах своей беды, хлопотал, чтоб они поскорее от нее избавились. Один из них, старец Арсений Глухой, не одаренный твердостью духа, не мог выдержать испытания; любопытно видеть в этом человеке подле сознания в правоте своего дела, подле негодования на невежественных обвинителей упадок духа, выражающийся обыкновенно в желании обвинить других в своей беде.

Он подал боярину Борису Михайловичу такую челобитную: «24 октября 1615 года писал из Москвы государевым словом Троицкого Сергиева монастыря келарь Авраамий Палицын к архимандриту Дионисию, велел прислать в Москву меня, нищего чернеца, для государева дела, чтоб исправлять книгу Потребник на Москве в печатное дело; а поп Иван кlementьевский приехал в Москву сам собою, а не по грамоте, и как мы стали перед тобою, то я сказал про себя, что меня не будет на столько, что я ни поп, ни дьякон, а в той книге все потребности поповские; а Иван-поп сам на государевое дело набился и бил челом тебе для себя, потому что у него там, у Троицы, жена да дети, чтоб государь приказал править книгу троицкому архимандриту Дионисию, а нам бы, попу Ивану, да мне, чернецу Арсеньишку, да старцу Антонию, с архимандритом же у дела быть: и ты, государь, по Ивану челобитью, по докуке, велел ему дать с дворца государеву грамоту на архимандричье имя».

Оправдав сделанные в Потребнике поправки, Арсений продолжает: «Есть, государь, иные и таковы, которые на нас ересь взвели, а сами едва и азбуку знают, не знают, которые в азбуке буквы гласные, согласные и дwoегласные, а что восемь частей слова разуметь, роды, числа, времена и лица, звания и залого, то им и на разум не всхаживало, священная философия и в руках не бывала; не зная чего, легко можно погрешить не только в божественных писаниях, но и в земских делах, если кто даже естеством и остроумен будет... Наше дело в мир не пошло и царской казне никакой протори не сделало; если бы мы что и недоброе сделали, то дело на сторону, а трудивыйся неразумно и неугодно мзды лишен бывает: а немалая беда мне, нищему чернецу, поднявши такой труд, сидя за государевым делом полтора года день и ночь, мзды лишаему быть; всего нам, бедным клирошанам, идет у Троицы на год зажилаго денег по тридцати алтын на платье, одеваемся и обуваемся

рукодельем... Не довольно стало, чтобы наши труды уничтожить, но и государыни благоверные и великие старицы, инокини Марфы Ивановны, кроткое и незлобивое сердце на ярость подвинули. Если бы наше морокование было сделано на Москве, то все было бы хорошо и стройно, государю приятно и всем православным в пользу и великий святитель митрополит Иона по нас был бы великий поборник. Я говорил архимандриту Дионисию всякий день: «Архимандрит государь! Откажи дело государю, не сделай нам того дела в монастыре без митрополичья совета, а привезешь книгу исчерня в Москву, то и простым людям станет смутно». Но архимандрит меня не слушал ни в чем и ни во что меня ставил, во всем попа Ивана слушал, а тот и довел его до бесчестия и срамоты. Иван-поп на соборе слюнями глаза запрыскал тем, с которыми спорил, и это честным людям стало в досаду; и мне думается, что я, нищий чернец, страдаю от попа Ивана да от архимандрита, потому что архимандрит меня не послушал, дела не отказал, а поп Иван сам на государево дело набился, у дела был большой, нас в беду ввел, а сам вывернулся, как лукавая лисица козла бедного великобородого завела в пропасть неисходную, а сама по нем же выскочила».

Наконец порешили дело, осудили Дионисия на заточение в Кириллов Белозерский монастырь; но трудно было тогда провести его туда по причине польских отрядов, загоразивавших дорогу на Север, и потому велели содержать его в Новоспасском монастыре, наложили на него епитимью — тысячу поклонов, били и мучили его сорок дней, ставя в дыму на полатах.

Но заточение Дионисия было непродолжительно: приехал в Москву иерусалимский патриарх Феофан, заметил искажение в церковных книгах, узнал, что исправители подверглись гонению, и когда возвратился из польского плена отец государя, ростовский митрополит Филарет Никитич, и был поставлен в патриархи, то Феофан предложил ему рассмотреть вновь дело Дионисия. Созван был собор, опять был сильный и долгий спор, Дионисий стоял в ответе больше восьми часов, успел обличить всех своих клеветников и с торжеством возвратился в свой монастырь, где продолжал искать красоты церковной и благочиния братского.

О знаменитом же Логине сделан был достойный отзыв в грамоте патриарха Филарета, в которой приказывалось отбирать уставы, напечатанные при Шуйском, «потому что те уставы печатал вор, бражник, Троицкого Сергиева монастыря крылошанин чернец Логин, и многие в них статьи напечатал не по апостольскому и не по отеческому преданию, а своим самовольством».

ЕВРОПА В КОНЦЕ XVIII ВЕКА *

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Беспреданно приходится слышать, что западноевропейские ученые с большей добросовестностью изучают Китай, Японию, страны внутренней Африки, чем Россию, делают о них более беспристрастные и верные отзывы, чем о России, которую, однако, они могут узнать очень легко и обстоятельно, которая так близка им и доступна. Но в том-то и дело, что она к ним очень близка. Страны далекие они изучают с полным спокойствием, взгляд их ясен, глаз ничем не застилается, и потому отзывы их могут отличаться верностью и возможным для человека беспристрастием.

Но этого спокойствия не может быть у иностранца относительно России, у немца относительно славян вообще. Тут давние счеты, тут уже прошла история, осталась память чего-то. Спросить по совести много западноевропейского ученого: он признается, что ему очень бы хотелось, чтобы великая восточная равнина Европы, считаемая обсохшим дном моря, никогда не переставала быть им, никогда бы не высыхала. Когда нужда заставляет западноевропейского ученого обращать внимание на восточную часть Европы, то заметно, что ему что-то претит; а если предмет неприятен, то можно ли спокойно, добросовестно, обстоятельно изучать его? Обыкновенно в таком случае берут то, что уже известно о нем, и без проверки, без дальней ученой церемонии, повторяют известное, прибавив еще несколько жестоких фраз, так естественно являющихся из-под пера, когда хочется поскорее отделаться от неприятного предмета. Понятно, что, платя тою же монетою, иной житель Восточной Европы выскажет также мысль, что недурно было бы, если бы Западная Европа исчезла действием тех сил, которые подняли ее красивые горы. Что, если этот житель Восточной Европы под влиянием такого желания примется рассказывать историю Западной Европы или настоящее ее житье-бытье?

Но каковы бы ни были желания иных жителей Западной и Восточной Европы, неумолимый рок велел — и Европа разделя-

* Русский вестник. 1862. Т. 38. № 4. С. 481—499; Т. 39. № 5. С. 5—41; № 6. С. 425—448; Т. 42. № 11. С. 7—29; 1863. Т. 43. № 2. С. 645—678; Т. 44. № 3. С. 5—30.

ется на две части, Восточную и Западную, очень несходные друг с другом, но тесно связанные; сперва долго они жили порознь, но потом неразрывно соединились. Не хочется, но делать нечего, должен западноевропейский историк признать эту связь, должен рассказывать об их общем действии. Как он иногда рассказывает? Это другой вопрос; но дело в том, что авторитет его останется исключительным и на западе, и на востоке, если русский историк также не станет рассказывать.

Самая сильная общая деятельность обеих половин Европы обнаруживается с конца прошлого века, когда Европа была взволнована революционным движением Франции, стремившимся переменить прежние политические системы, покончить с вековыми политическими преданиями. Революционная буря на Западе застигла Европу в то время, когда внимание ее было обращено на Восток: европейская дипломатия занималась великим Восточным вопросом, который до сих пор не дает покоя Западной Европе, из-за которого она так сердится на Восточную Европу, то есть на Россию.

Что же такое Восточный вопрос? Как относилась к нему Россия в XVIII веке и прежде всего когда он начался?

Начался он уже давно, тому будет лет с тысячу; начался он вместе с Россией. Это именно один из тех вопросов, которые приносят государства с собою при своем рождении.

Россия родилась в Восточной Европе, на берегах Днепра, а Днепр, как значится в географии, впадает в Черное море. Против географии нельзя идти; пошел против нее Лудовик XIV, сказал, что нет больше Пиренеев, а Пиренеи все стоят на своем месте и отделяют Францию от Испании; так и Днепр все впадает в Черное море, а моря, в противоположность горам, соединяют народы. Еще до начала русской истории Днепром шла дорога в Грецию, и потому при первых князьях русских завязалась тесная связь у Руси с Византией, скрепленная принятием христианства, *греческой веры*; а по нижнему Дунаю и дальше на юг сидели все родные славянские племена, тем более близкие к русским, что исповедовали ту же греческую веру. Когда турки взяли Константинополь, поработили и восточных славян греческой веры, Россия, отбиваясь от татар, собиралась около Москвы. Московское государство осталось единственным независимым государством греческой веры; понятно, следовательно, что к нему постоянно обращены были взоры народов Балканского полуострова. Но в каком отношении находился султан турецкий к христианскому народонаселению своих областей, в таком же отношении находился государь Московский и всея России к мусульманскому народонаселению своих восточных областей. Московские послы, возвращавшиеся из Турции, привозили вести: «Христиане говорят одно: дал бы Бог хотя малую победу великому государю, то

мы бы встали и начали промышлять над турком. К султану приходили послы от татар казанских и астраханских и от башкир, просили, чтобы султан освободил их от русских и принял под свою власть царство Казанское и Астраханское. Султан принял этих послов ласково, но сказал, чтобы подождали немного».

Чего же надобно было дожидаться, с одной стороны, христианскому народонаселению Турецкой империи, с другой — мусульманскому народонаселению восточных областей России? Дождаться, чтобы взял верх кто-нибудь из двоих, царь русский, единственный на свете православный государь восточный, как выражались в XVII веке, или султан Турецкий, естественный покровитель всего мусульманства. Кажется, ясно, как этот вопрос относится к истории Европы и христианства.

Вопрос не был решен ни в XVII, ни в первой половине XVIII века; победы Миниха только смыли позор прутский. Россия, так поднятая в глазах Европы Петром Великим, Россия, которой союза наперерыв искали западные державы, Россия, в отношении к хищническому народонаселению Востока, находилась в том же положении, в каком остановилась еще в XVI веке. Нестерпимое хищничество орд — Казанской, Ногайско-астраханской и Сибирской — заставило Россию покончить с ними; но она не была в состоянии покончить с самой хищной из орд татарских, с Крымской, которая находилась под верховною властью султана Турецкого. Крымский вопрос был жизненным вопросом для России, ибо, допустив существование Крымской орды, надобно было допустить, чтобы Южная Россия навсегда оставалась степью, чтобы вместо хлебных караванов, назначенных для прокормления Западной Европы в неурожайные годы, по ней тянулись разбойничьи татарские шайки, гнавшие толпы пленников, назначенных для наполнения восточных невольничьих рынков.

Вопрос Крымский не был решен в первой половине XVIII века и передан был второй. Передан был и другой подобный же вопрос, — вопрос Польский.

Польский вопрос точно так же, как и Восточный, родился вместе с Россией, которая родилась на берегах Днепра, Днестра, Буга и Западной Двины, а не на берегах Волги, Камы и Северной Двины. Отсюда изначала столкновение с соседней Польшей, от которой Россия отделялась не материальными границами, а нравственными, преимущественно различием вероисповедания. Известно, как вследствие усобиц и варварских опустошений ослабела Юго-Западная Россия и подпала под власть князей литовских, а Россия Северо-Восточная образовала особое государство под старой династией Рюриковичей. Эта перемена династии, не трагивавшая национальности в Юго-Западной России, могла бы поддержать разделение на два государства, если бы Литва умела поддержать свою самостоятельность и не соединилась

с Польшей. При этом соединении национальность русских, вследствие различия вероисповедания, вследствие того, что Русь получила иноверное правительство, необходимо затрагивалась, и стремление к *своим* получало силу и законность. Пока иноверное правительство относилось к русской церкви только отрицательно, то есть обнаруживало только равнодушие, нерадение относительно ее, до тех пор это стремление обнаруживалось не сильно; но когда, вследствие католической реакции и деятельности иезуитов, польское правительство дало последним сильную помощь против русской церкви, против греческой веры, то русская национальность пробудилась и началось разложение польского государства, присоединение юго-западных русских областей к северо-восточным, ибо юго-западные области не могли образовать из себя независимого, самостоятельного владения.

Дело это, начавшееся в XVI веке, не кончилось ни в XVII, ни в первой половине XVIII века, ибо внешняя борьба двух *государств* — Русского и Польского — была сдержана; после Андрусовского перемирия в 1667 году войны между Россией и Польшей нет: Россия занята сначала войной турецкой, потом шведской и преобразованиями. Но во второй половине XVIII века, волею неволею, надобно было свести старые счеты. Привели дело к концу: 1) Русское национальное движение, совершавшееся, как прежде, под религиозным знаменем; 2) Завоевательные стремления Пруссии; 3) Преобразовательные движения, господствовавшие в Европе с начала века до конца его.

Религиозная борьба, поднявшая Русь против Польши в XVI веке, повела во второй половине XVIII к знаменитому вопросу о диссидентах, игравшему такую роль в истории падения Польши. Здесь связь явлений, кажется, очень ясна; распространяться о ней не нужно. Что касается до завоевательных стремлений Пруссии, то мы за объяснениями их можем обратиться к немецким историкам, которые скажут нам следующее:

«Шляхетская республика (Польша) в XVI столетии взяла на себя относительно Восточной Европы ту же самую роль, какую, относительно Запада, взял на себя Филипп Испанский, то есть стремление к всемирному владычеству во имя католицизма. Как Филипп в качестве защитника старой Церкви старался подчинить себе Англию, так Сигизмунд Польский старался подчинить себе свою родину Швецию; как Филипп имел приверженцев во Франции, держал гарнизон в Париже и имел в виду посадить дочь свою на французский престол, так Сигизмунд имел партию в Москве, занимал своим войском Кремль и, наконец, видел избрание сына своего в цари Московские. Но и следствия были одни и те же как на востоке, так и на западе: повсюду кончилось неудачей.

Как Франция соединилась около Генриха IV, так Россия собралась около Михаила Романова; как в борьбе с Филиппом

развилась юная морская сила Англии, так в польских войнах вырос герой протестантизма, Густав-Адольф¹. Польша вышла из борьбы столь же изможденною и лишенною средств к жизни, как и Испания. Такая роль Польши в религиозных войнах, конечно, не могла смягчить той застарелой ненависти, которая изначала существовала между Польшей и Немецким Севером. Целые века оба народа вели борьбу за широкие равнины между Эльбой и Вислой, которые сначала были заняты германцами, потом, по удалении последних во время великого переселения народов, стали жилищами славян. Здесь немецкая колонизация снова завоевала Бранденбургские марки и Силезию, потом немецкий меч покорил прусские земли. Господство Немецкого ордена утвердилось здесь сначала с согласия поляков: но когда Орден перестал признавать верховную власть Польши, последовала смертельная борьба, кончившаяся после вековых войн полным покорением Ордена. Восточная Пруссия стала польским леном, западная — польскою провинцией. Страны эти приняли протестантизм, и Восточная Пруссия сделалась через это светским герцогством, которое скоро после того досталось курфирстам Бранденбургским.

Западная Пруссия, которой горожане и дворянство большею частью были протестантами, приняла относительно короля Сигизмунда положение, подобное положению Нидерландов относительно Филиппа II; враждебное отношение провинции к королевству, немецкого языка к польскому было усилено враждою религиозной; здесь победа католической реакции повлекла бы за собою непосредственно падение немецкого элемента. Курфирстам Бранденбургским удалось принудить Польшу отказаться от своих ленных прав, и Восточная Пруссия стала самостоятельным государством. Польша подчинилась необходимости, но не забыла своих притязаний; скоро потом она заключила союз с Людовиком XIV для возвращения себе Пруссии, и, когда Фридрих I принял титул Прусского короля, посыпались протесты польских магнатов. Так родилось Прусское государство в борьбе за немецкую национальность и свободу вероисповедания, в полной внутренней и внешней противоположности к Польше. Вражда заключалась здесь в натуре вещей. Кто об этом не пожалует? Но что значит человеческое сожаление в отношениях между народами? Пока Польша существовала, она должна была стремиться сделать Кёнигсберг опять польским городом, а Данциг — католическим. Пока Бранденбургия оставалась странною немецкою и про-

¹ Здесь немецкий историк пропустил, что отпадение Малороссии вследствие религиозной борьбы вполне соответствует отпадению Нидерландов от Испании. Мы увидим, куда он по своему взгляду отнесет это соответствие.

тестантскою, главная задача ее состояла в том, чтобы сделать мархию и герцогство целостным государством чрез освобождение Западной Пруссии»².

Третьею причиной падения Польши указали мы преобразовательные движения XVIII века. Преобразовательная деятельность европейских правительств началась на востоке в последних годах XVII века: вследствие преобразовательной деятельности Петра Великого Восточная Европа приняла новый вид и соединилась с Западною; во второй половине века на новые движения в литературе и обществе откликнулись три монарха: Екатерина II в России, Фридрих II в Пруссии, Иосиф II в Австрии; во Франции правительство не сумело удержать в своих руках направление преобразовательного движения — и следствием был страшный переворот, взволновавший всю Европу. Среди преобразовательных движений, которыми знаменовался век, среди движений, происходивших всюду около, Польша не могла оставаться спокойною, тем более что в ней преобразования были нужнее, чем где-либо: вследствие безобразно одностороннего развития одного сословия, вследствие внутреннего беспорядка Польша потеряла свое политическое значение, ее независимость была только номинальной, более века она уже страдала изнурительною лихорадкой, истощившей ее силы. Естественно, что некоторые поляки должны были прийти к мысли, что единственным средством спасения для их отечества было преобразование правительственных форм; с этой мыслию вступил на престол король Станислав-Август Понятовский, который хотел быть для Польши тем же, чем его знаменитые соседи, Екатерина, Фридрих, Иосиф, были для своих государств. Но что бывает спасительно для крепких организмов, то губит слабые, и попытка преобразования только ускорила падение Польши. Станислав Понятовский взял на себя задачу, которая пришлась не по силам его как короля и не по силам его как человека.

Редкий государь восходит на престол с такими миролюбивыми намерениями, с какими взшла на русский престол Екатерина II. Это миролюбие проистекало из убеждения в необходимости прежде всего заняться внутренними делами, поправить расстроенные финансы, а для этого нужно было, по расчету императрицы, по крайней мере пять лет мира. Отсюда понятно, с каким беспокойством смотрела Екатерина на Польшу, в которой происходили сильные волнения партий, грозившие еще усилиться, потому что королю Августу III оставалось не долго жить и предстояли королевские выборы. Екатерина должна была поддерживать свою партию между польскими вельможами, оказывать покровительство русскому православному

² Sybel. Geschichte der Revolutionszeit. I. 157.

народонаселению, подававшему ей жалобы на притеснения от католиков, должна была заботиться, чтоб избран был в короли человек, от которого ей нечего было бы опасаться в будущем, и в то же время должна была хлопотать изо всех сил, чтобы все это было достигнуто мирным путем. Задача очень нелегкая! В Польше боролись две партии: партия придворная, во главе которой стоял всемогущий при Августе III министр Брюль и зять его Мнишек, и партия, во главе которой стояли князья Чарторыйские; последняя партия держалась России, и это определяло взгляд русского двора на польские дела: чтобы поддержать своих, надобно было действовать против брюлевской, или саксонской, партии, противодействовать ее стремлению возвести на польский престол по смерти Августа III сына его курфюрста Саксонского.

Трудность задачи, как мы видели, состояла в том, чтобы достигнуть своих целей мирным путем и в то же время не показать слабости, неспособности к решительным действиям. Встревоженная известиями, что придворная партия готова употребить насилие над членами партии Чарторыйских, Екатерина I апреля 1763 года послала приказание послу своему при польском дворе Кайзерлингу:

«Разгласите, что если осмелятся схватить и отвезти в Кенигштейн кого-нибудь из друзей России, то я населю Сибирь моими врагами и спущу запорожских козаков, которые хотят прислать ко мне депутацию с просьбою позволить им отомстить за оскорбления, которые наносит им король Польский». Относительно православных Екатерина писала Кайзерлингу: «Епископ Георгий Белорусский³ подал мне просьбу от имени всех исповедующих греческую веру с жалобами на бедствия, которые они претерпевают в Польше; поручаю их нашему покровительству; сообщите мне, что нужно для усиления моего значения там, моей партии; я не пренебрегу ничем для этого». Но в то же время она требовала от Кайзерлинга, чтоб он сдерживал рьяность партии Чарторыйских; так писала она от 14 июля: «Я вижу, что наши друзья очень разгорячились и готовы на конфедерацию; но я не вижу, к чему поведет конфедерация при жизни короля Польского? Говорю вам сущую правду: мои сундуки пусты и останутся пусты до тех пор, пока я не приведу в порядок финансов, чего в одну минуту сделать нельзя; моя армия не может выступить в поход в этом году: и потому я вам рекомендую сдерживать наших друзей, а главное, чтобы они не вооружались, не спросясь со мною; я не хочу быть увлечена далее того, сколько требует польза моих дел». От 26 июля: «В последнем моем письме я приказывала вам удерживать друзей моих от преждевременной кон-

³ Знаменитый Конисский

федерации; но в то же время дайте им самые положительные удостоверения, что мы их будем поддерживать во всем, что благоразумно, будем поддерживать до самой смерти короля, после которой мы будем действовать без сомнения в их пользу».

Между тем не одну Варшаву волновал вопрос: кому быть королем по смерти Августа III? Сильно занимались им также в Петербурге и Москве, и Нестор русских дипломатов граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин настаивал, что всего лучше возвести на престол сына Августа III, будущего курфюрста Саксонского. Но иначе определил Совет, созданный императрицею, когда получено было известие, что король очень слаб: Совет решил, что при будущих выборах надобно действовать в пользу Пяста (природного поляка), и именно стольника литовского графа Станислава Понятовского; если же его нельзя, то двоюродного брата его, князя Адама Чарторыйского, сына князя Августа, воеводы Русского; хранить это в тайне, держать 30 000 войска на границе и еще 50 000 наготове.

Наконец, решительная минута наступила: 5 октября 1763 года умер король Август III. «Не смейтесь мне, что я со стула вскочила, как получила известие о смерти короля Польского; король Прусский из-за стола вскочил, как услышал», — писала Екатерина Панину. Старик Бестужев опять подал мнение в пользу курфюрста Саксонского, которого следовало поддерживать «во-1) главнейше вследствие того намерения, которое уже о нем при государыне императрице Елисавете Петровне принято и союзным дворами — Венскому, Французскому и самому Саксонскому сообщено было, а притом и в таком рассуждении, что 2) всякий избираемый природный поляк или Пяст, сколь бы знатен и богат ни был, без чужестранной денежной помощи себя содержать не в состоянии, следовательно, в случае перевеса от кого-либо другого денежной дачи для России и вредителен будет. 3) Равномерно и из иностранных принцев, а того больше из усилившегося Бранденбургского дома для России и ее интересов отнюдь индифферентен быть не может. 4) Государь Петр Великий, по своей прозорливости и находя пользу своих интересов, об удержании польской короны в Саксонском доме со всею колеблемостию онаго невозможнейше старался. 5) Избрание помянутого курпринца, может быть, не столько затруднений возымеет, когда без сомнения поляки уже к тому исподволь приготовлены, так что, может быть, и нужды не будет гораздо великих денег на то отсюда тратить.

Между тем по имеющимся в Коллегии иностранных дел делам известно, что хотя поляки желают лучше себе королем Пяста, но в то же время, подвергая выбор онаго сколько от самих себя, столь же больше от мелкого шляхетства крайним затруднениям или и самой невозможности, устремляются уже в своих

мыслях главнейше на двух иностранных князей, то есть принца Карла Лотаринского и ландграфа Гессен-Касельского, из которых о первом Венский, а о последнем Берлинский двор стараются, имея уже для того в Польше некоторые партии. Но как избрание того или другого из сих принцев российским интересам в рассуждении натуральной их преданности и зависимости от Венского или Берлинского двора полезно, а потому и индифферентно быть не может, то необходимо нужно немедленно избрать и назначить из других иностранных принцев или из Пястов такого кандидата, на которого бы Россия совершенно полагаться могла и который бы свое возвышение только ее императорскому величеству долженствовал и от нее единой зависим был. Если ее императорскому величеству неугодно будет избрать и назначить к тому нынешнего курфирста Саксонского, то выбор из других иностранных или из его же Саксонского дома удельных принцев ничем разниться не мог бы и от самых Пястов, потому что неминуемо надлежало бы избираемого из первых или последних короля Польского для обязательства к России ежегодными денежными субсидиями снабждать.

Что особливо до Пястов касается, то, сколько графу Бестужеву-Рюмину известно, находятся в Польше только двое к тому способных, а с другой стороны, и для России надежных, а именно — князь Адам Чарторижской да стольник литовской граф Понятовской. Но как первый очень богат, следовательно, не имея большой нужды в получении от России денежного вспоможения, хотя в руки какой другой иностранной державы и не отдастся, однако ж и от России совсем зависим быть не похочет; то в рассуждении сего важного обстоятельства и в случае если всевысочайшее ее императорского величества соизволение точно на выбор Пяста будет, не без основания кажется, что сей последний, то есть граф Понятовской, для России и ее интересов гораздо надежнейшим и полезнейшим был бы, столь наипаче, что, пользуясь в прибавок к своему собственному достатку некоторым ежегодным отсюда денежным вспоможением, натурально был бы в российской зависимости, а сверх того, и возвышение свое единственно ее императорскому величеству долженствовал бы».

Старик жил воспоминаниями прошедшего времени, когда он был канцлером императрицы Елисаветы и сватал саксонскую принцессу за наследника русского престола. Странно было теперь толковать о кандидатуре саксонского курфирста, когда поддерживать последнего значило губить «своих друзей»; когда в Курляндии русские войска действовали против принца Карла, сына Августа III. Говорили, будто Бестужев действовал против Понятовского в угоду Орловым, врагам последнего; но мы видели, что Бестужев предлагал Понятовского, если уже непременно

нужно выбрать Пяста; вернее, что самолюбивый старик защищал собственное дело: при Елисавете Петровне было порешено оставить польскую корону в саксонской династии!

Король Прусский выскочил из-за стола, как услышал о смерти Августа III. Мысль об увеличении своих владений на счет Польши не покидала Фридриха II; но теперь было не время ее высказывать. За приобретение Силезии от Австрии он заплатил очень дорого. Истощенный Семилетнею войной, которая едва было не довела его до гибели, он стоял одинок и сильно желал опереться на союз с императрицею Русскою. С этой целью он решился войти в виды Екатерины относительно избрания нового короля, поддерживать ее кандидата, лишь бы он не предпринимал никаких преобразований в государственном устройстве Польши. Екатерина, лично не расположенная к саксонской династии и к Марии Терезии, сочувствуя Фридриху как человеку и не имея причин опасаться его как государя, рада была действовать с ним заодно в Польше, и самая дружеская переписка завязалась между ними.

Фридрих не щадил фимиама перед императрицей и женщиной, Екатерина отвечала ему в том же тоне. Еще до кончины Августа III Фридрих сообщил Екатерине известия из Вены, что там думают, какие имеют подозрения относительно видов на Польшу со стороны России; просил не тревожиться мнениями и подозрениями Венского двора, потому что в Вене нет денег, и Мария Терезия вовсе не в таком выгодном положении, чтобы могла начать войну. «Вы достигнете своей цели,— писал Фридрих,—если только немножко прикроете свои виды и накажете своим посланникам в Вене и Константинополе опровергать ложные слухи, там распускаемые; в противном случае ваши дела пострадают. Вы посадите на польский престол короля по вашему желанию и без войны, а это последнее в сто раз лучше, чем опять погружать Европу в пропасть, из которой она едва вышла. Саксонцы сильно встревожились; причины тревоги—дела курляндские и вступление в Польшу отряда русских войск под начальством Салтыкова. Крики поляков—пустые звуки; короля Польского бояться нечего: едва в состоянии он содержать семь тысяч войска. Но они могут заключить союзы, которым надобно воспрепятствовать; надобно их усыпить, чтоб они заранее не приняли мер, могущих повредить вашим намерениям». Фридрих не скрывал, что желал бы видеть на польском престоле Пяста; Екатерина отвечала, что это и ее желание, только бы этот Пяст не был старик, смотрящий в гроб, ибо тогда начнутся новые волнения и интриги с разных сторон в чаянии скорых выборов.

Смерть Августа III повела к объяснениям более решительным относительно его преемника. Едва Август успел испустить дух, как невестка его, новая курфирстина Саксонская, отправила

письмо к Фридриху II с просьбою помочь ее мужу в достижении польского престола и быть посредником между ним и Россией, предлагая сделать для последней все возможные удовлетворения. Фридрих, отправляя копию этого письма в Петербург, писал Екатерине: «Если ваше императорское величество подкрепите теперь свою партию в Польше, то никакое государство не будет иметь права этим оскорбиться. Если образуется противная партия, то велите только Чарторыйским попросить вашего покровительства; эта формальность даст вам предлог, в случае нужды, отправить войско в Польшу; мне кажется, что если вы объявите Саксонскому двору, что не можете согласиться на избрание курфюрста в короли Польские, то Саксония не двинется и не запутает дела».

Навстречу этому письму шло письмо из Петербурга в Берлин. «Получивши известие о смерти короля Польского, мне было естественно обратиться к вашему величеству,— писала Екатерина Фридриху,— так как мы согласны насчет избрания Пяста, то следует нам теперь объяснить, и без дальнейших околичностей я предлагаю вашему величеству между Пястами такого, который более других будет обязан вашему величеству и мне за то, что мы для него сделаем. Если ваше величество согласны, то это стольник Литовский — граф Станислав Понятовской, и вот мои причины. Из всех претендентов на корону он имеет наименее средств получить ее, следовательно, наиболее будет обязан тем, из рук которых он ее получит. Этого нельзя сказать о главах нашей партии: тот из них, кто достигнет престола, будет считать себя обязанным сколько нам, столько же и своему уменью вести дела. Ваше величество мне скажете, что Понятовскому нечем будет жить; но я думаю, что Чарторыйские, заинтересованные тем, что один из их дома будет на престоле, дадут ему приличное содержание. Ваше величество не удивляйтесь движениям войск на моих границах: они в связи с моими государственными правилами. Всякая смута мне противна, и я пламенно желаю, чтобы великое дело совершилось спокойно».

Фридрих отвечал, что согласен и что немедленно же прикажет своему министру в Варшаве действовать заодно с Кайзерлингом в пользу Понятовского. Прусскому королю дали знать, что французы и саксонцы интригуют изо всех сил, чтобы внушить полякам отвращение к Пясту; но Фридрих не боялся этих интриг; он был твердо уверен, что если русский и прусский министры вместе объявят главным вельможам о желании своих государей, те сейчас же согласятся. Фридрих был спокоен и относительно Австрии: по его убеждению, Венский двор не вмешается в выборы, лишь бы соблюдены были формальности. «Что же касается Порты Оттоманской,— писал Фридрих Екатерине,— то я в этом отношении предупредил ваши желания». Фридрих приказал свое-

му министру в Константинополе действовать согласно с желаниями обоих дворов, брался внушить интернунцию, что избрание Пяста в короли Польские вполне согласно с интересами султана. «Я с своей стороны,— писал Фридрих,— не пощажу ничего, что бы могло успокоить умы, чтоб все прошло спокойно и без кровопролития, и я заранее поздравляю ваше императорское величество с королем, которого вы дадите Польше». Король не упускал случая высказаться, что смотрит на мирное избрание Понятовского как на дело решенное. Екатерина послала ему в подарок астраханских арбузов; Фридрих (7 ноября 1763 г.) отвечал на эту любезность: «Кроме редкости и превосходного вкуса плодов бесконечно дорого для меня то, от чьей руки получил я их в подарок. Огромное расстояние между астраханскими арбузами и польским избирательным сеймом: но вы умеете соединить все в сфере вашей деятельности; та же рука, которая рассылает арбузы, раздаёт короны и сохраняет мир в Европе».

Прошел 1763 год. В начале 1764-го Фридрих не переставал утверждать Екатерину в тех же надеждах: Франция и Австрия будут мешать при выборах только тайком, интригами, а не силою; надобно бояться одного, чтоб они своими интригами не подняли Порту. Относительно поляков Фридрих беспокоился менее всего: «Деньгами и угрозами вы заставите их сделать все, что вам угодно; но, разумеется, сначала должно употребить все кроткие меры, чтобы не дать соседям предлога вмешаться в дело, которое вы считаете своим». Фридрих уверял, что не будет ничего серьезного, основываясь на своем знании национального польского характера: «Поляки горды, когда считают себя вне опасности, и ползают, когда видят опасность. Я думаю, что не будет пролито крови: разве отрежут нос или ухо у какого-нибудь шляхтича на сеймике. Поляки получили некоторую сумму денег от Саксонского двора; кто захочет получить их, тот произведет некоторый шум; но все и ограничится шумом. Ваше величество приведете в исполнение свой проект: этот оракул вернее Калхасова».

Оракул действительно оказался верным. Как обыкновенно бывало при королевских выборах, Польша взволновалась борьбою партий: в челе одной стороны стояли Чарторыйские, в челе другой, противной им стороны находились — великий гетман коронный Браницкий⁴, князь Карл Радзивилл и киевский палатин граф Полоцкий; в Литве против Радзивилла действовали

⁴ Браницкий сам думал о короне. Рассказывали, что между ним и Саксонским курфирстом был заключен договор: если курфирст потеряет надежду на успех, то будет поддерживать Браницкого. Курфирст имел в виду при этом, что гетман стар, скоро умрет и тогда можно будет опять возобновить свои искательства. Но вместо старика гетмана умер молодой курфирст, и смерть его нанесла страшный удар саксонской партии.

Масальские: один — гетман, другой — епископ Виленский. По обычаю, усобица была прекращена иностранным оружием: Чарторыйские призвали русские войска, которые заставили Браницкого и Радзивилла бежать за границу; восторжествовавшая сторона выбрала королем Станислава Понятовского (7 сентября 1764 г.). «Поздравляю вас с королем, которого мы сделали, — писала Екатерина графу Никите Ивановичу Панину, — сей случай наивяще умножил к вам мою доверенность, понеже я вижу, сколь безошибочны были все вами взятые меры».

Что всего важнее было для Екатерины — торжество ее в Польше не повело к нарушению мира в Европе; Австрия и Франция не двинулись. Несмотря на то, спокойствие со стороны Польши не могло быть продолжительно: с одной стороны, поднимался там старый вопрос о диссидентах, с другой — новый, о преобразованиях. Еще до королевского избрания Чарторыйские, пользуясь своим торжеством, выказали явное стремление к преобразованиям, и новый король вступил на престол с тем же намерением. Фридрих II встревожился. «Многие из польских вельмож, — писал он Екатерине⁵, — желают уничтожить *liberum veto* и заменить его большинством: это намерение очень важно для всех соседей Польши; согласен, что нам нечего беспокоиться при короле Станиславе, но на будущее время? Если ваше величество согласитесь на эту перемену, то можете раскаяться, и Польша может сделаться государством опасным для своих соседей; тогда как поддерживая старые законы государства, которые вы гарантировали, у вас всегда будут средства делать перемены, когда сочтете это для себя нужным. Чтоб воспрепятствовать полякам предаться первому энтузиазму, всего лучше оставить у них русские войска до окончания сейма».

Екатерина дала знать Понятовскому, чтоб он удержался от преобразований. Король исполнил ее желание, но отвечал откровенно, что это самая тяжелая для него жертва: «Смею думать, ваше императорское величество, видите самое сильное доказательство моего безграничного уважения к вам в той жертве, которую я принес на нынешнем сейме: я пожертвовал тем, что мне всего дороже. Большинство голосов на сеймиках и уничтожение *liberum veto* составляют предметы самых пламенных моих желаний. Но вы пожелали, чтоб этого еще пока не было, — и это даже не было предложено». Чтобы выпросить у Екатерины позволение приступить немедленно к реформам, Станислав Август начал представлять ей, что реформы необходимы для исполнения главного его желания — полноправия диссидентов. «Вы хотите, чтобы Польша оставалась свободною, — писал он ей⁶. — Вы же-

⁵ 30 октября 1764 года.

⁶ 15 ноября 1764 года.

лаете, чтобы союз Польши с вашей империей стал еще теснее и выгоднее для обоих народов, чем прежде; чтобы каждый гражданин польский, включая сюда и диссидентов, любил вас и был вам обязан. Я также хочу, чтобы Польша оставалась свободною, и потому-то я желал бы извлечь ее из того страшного беспорядка, который в ней царствует. Множеству ревностных патриотов до того стала противна анархия, что они начинают громко говорить, что предпочтут абсолютную монархию тем постыдным злоупотреблениям своеволия, если уже невозможно достигнуть свободы более умеренной. От этого-то отчаяния я хочу их предохранить; но для того единственное средство — сеймовые преобразования. Ваше величество принимает живое участие в диссидентах: но для их дела, как для всякого другого, нужно более порядка на сеймах, а этого нельзя достигнуть без исправления наших сеймиков».

Но Станиславу-Августу было трудно убедить кого бы то ни было в последнем. Опыт был сделан, и оказалось, что успех дела диссидентов не мог зависеть от преобразования сеймиков и сейма: едва только примас упомянул на сейме о требованиях диссидентов, как страшный, всеобщий крик остановил дело; здесь, следовательно, не один шляхтич своим *veto* сорвал сейм. Сам король уведомил об этом Екатерину, выставляя трудность дела и свое усердие в исполнении желаний русской императрицы: «Никогда во всю мою жизнь ничего не добивался я с таким трудом, с каким добивался у сейма позволения вступить с вами в переговоры насчет предметов, вами желаемых. Вопреки мнению всех моих советников я поднял вопрос о диссидентах, потому что вы того желали. Чуть-чуть не умертвили примаса в моем присутствии»⁷.

Но могла ли Екатерина отказаться от своего требования? Могла ли Россия отказаться в помощи русскому народу? Дело шло не об одном уравнении прав православных с католиками; дело шло о том, что полгораста церквей были отняты у православных. Екатерина не могла не помочь диссидентам, показывая в то же время, что готова одинаково помогать и Польше, защищать ее от своего союзника, короля Прусского. Чтобы сколько-нибудь поправить истощенную казну, польское правительство издало тариф относительно привозных товаров. Прусскому королю это очень не понравилось, потому что пошлины легли преимущественно на привозимые из его владений товары. Чтоб отомстить, он устроил на Висле недалеко от Мариенвердера таможенную, снабженную батареей; пушки грозили гибелью каждому польскому судну, которое бы отказалось заплатить пошлину с перевозимых товаров, а пошлина эта простиралась от 10 до 15 процентов.

⁷ 20 апреля 1765 года.

Поднялся всеобщий вопль. Станислав-Август обратился к Екатерине с просьбой о помощи, написав к Фридриху письмо в сильных выражениях. По поводу этого письма Екатерина писала к Панину: «Признаюсь, я была испугана жаром, с каким написан первый параграф этого письма. Написано прекрасно, но вовсе не прилично. О, как бы вы забранились, если б я написала такое блестящее, но вредное для моих дел письмо! Прошу вас, поставьте Польского короля на ту же ногу, на какую вы поставили меня. Вы этим доставите ему величайшее благо, то есть спокойное и благоразумное царствование; сдержите его живость, не дайте ему показывать столько остроумия насчет пользы его дел».

По ходатайству русской императрицы Мариенвердерская таможня была снята. «Уничтожение Мариенвердерской таможни,— писал Станислав Екатерине,— доказывает, с одной стороны, истинную дружбу вашего императорского величества ко мне, с другой, силу вашего влияния на короля Прусского. Страшно мне было думать, что несчастье, неизвестное Польше при моих предшественниках, постигло ее в мое царствование и что беда пришла со стороны того государя, который содействовал моему избранию; уже начались было толки, что Мариенвердерская таможня была выговорена в награду за это содействие».

Важная услуга была оказана, но за нее следовало заплатить. Вопрос о диссидентах стоял на очереди.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

В 1653 году посол Московского царя Алексея Михайловича князь Борис Александрович Репнин потребовал от польского правительства, чтобы православным русским людям вперед в вере неволи не было и жить им в прежних вольностях. Польское правительство не согласилось на это требование, и следствием было отпадение Малороссии. Через сто с чем-нибудь лет посол российской императрицы, также князь Репнин, предъявил то же требование, получил отказ, и следствием был первый раздел Польши.

Мы видели, какую важную долю влияния на благоприятный исход польских дел императрица приписывала Никите Ивановичу Панину: «Я вижу, сколь безошибочны были все вами взятые меры», и это говорилось не в рескрипте, назначенном для публики. Панин был недоволен стариком Кайзерлингом, неудовлетворительностью его донесений о положении дел, и потому, не отзывая Кайзерлинга, отправил к нему на помощь родственника своего — князя Николая Васильевича Репнина; в сентябре 1764 года Кайзерлинг умер, и Репнин остался один. Всякому, кто знаком с иностранными известиями об описываемых событиях,

Репнин необходимо представляется человеком стремительным на захват, на решительные, насильственные меры. Не предупреждая событий, мы позволим себе только напомнить читателю, что Репнин был орудием Панина, действовал по его инструкциям; но в характере Панина была ли эта стремительность? Все отзывы о Панине согласны в одном: все указывают на его медленность. Мы видели из собственного признания Екатерины, какое влияние эта медленность, осторожность министра производили на решения пылкой императрицы: «О, как бы вы забранились, если б я написала такое блестящее, но вредное для моих дел письмо! Прошу вас, поставьте Польского короля на ту же ногу, на какую вы поставили меня».

Действительно, инструкции Панина послам в Польше проникнуты осторожностью, желанием как можно менее обнаруживать вмешательство в дела. Так, например, когда Кайзерлинг и Репнин дали знать, что Чарторыйские требуют русского войска, Панин подал мнение: «Тысяча легких войск уже готова и ожидают польских комиссаров для препровождения, что, казалось бы, уже и довольно в соответствие саксонским войскам; но, по-видимому, наши друзья ищут сколько возможно облегчать свои собственные депансы и себя усиливать нашими ресурсами, почему мое всеподданнейшее мнение: другую тысячу по их желанию хотя и заготовить, но, однако ж, к графу Кайзерлингу наперед написать, чтоб наши друзья гораздо осмотрелись, *не могут ли они таким безвременным введением к себе чужестранных войск воспричинствовать против себя национальную недоверенность и противу нас подозрение*, чем наипаче противные могут воспользоваться и от чужестранных держав достать себе большее деньгами подкрепление, а нам навести от них какие-либо беспокойства новыми делами с их стороны.

Итак, не лучше ли остаться при первом нашем плане, чтобы, не притворяясь и не отлагая, устремиться к изгнанию саксонцев из Польши производимыми движениями наших войск на границах и перепущением в Польшу готовых уже тысячи козаков и потом стараться единодушно взять поверхность над противными, ныне раздробленными факциями собственным вооружением благонамеренных магнатов, и подкреплением их нашими деньгами, нашим кредитом и нашею в их делах инфлюенциею, соединенною с королем Прусским, и, наконец, тою опасностью, которую натурально поляки иметь должны от нас, когда их дело пойдет против нашей воли, а особливо в такое время, как у нас со всех сторон руки останутся свободны, что мы, несумненно, иметь и будем, если с *лагоразумною умеренностию* пойдем в сем деле, не напрягая излишне свои струны». На этом мнении Екатерина написала: «Я весьма с сим мнением согласна и, прочитав промеморию, почти все те же рефлексии делала».

Имеем право ожидать, что и в диссидентском деле Панин будет поступать также с благоразумною умеренностию, и не ошибаемся. Вот что писал он Репнину 13 октября 1764 года: «От проницания вашего, согласия с прусским послом и от соображения имеющихся у вас ее императорского величества постановлений долженствует зависеть благовременное, кстати употребление таких *откровенно* избираемых и употребляемых способов (изъяснения с королем и лучшими по характеру магнатами), дабы, если совершенная невозможность одержать для диссидентов все у них похищенное, по крайней мере, однако же, что ни есть довольно знатное и важное в пользу их восстановлено и исходатайствовано было. Нет нужды распространяться здесь, сколь много польза и честь отечества нашего, а особливо персональная ее императорского величества слава заинтересованы в доставлении диссидентам справедливого удовлетворения.

Для приклонения к тому короля и всех способствовать могущих магнатов довольно уже, и кроме формальных, трактатами определенных обязательств представлять им в убеждение, что когда ее императорское величество для пользы республики не жалела ни трудов, ни денег, дабы ее, в толь смущенное и критическое время, каковы для нее бывали обыкновенно прежние междоцарствия, сохранить от беспокойств, гражданского нестроения и других с оным неразлучно соединенных бедствий безо всякой для себя из того корысти, то коль справедливо она может требовать и ожидать от благодарности королевской и всея республики, чтоб правосудное и столь к персональной ее величества славе, сколько к собственной чести нынешнего польского века служащее предстательство и заступление ее возымели действие свое в пользу некоторой части их сограждан, кои вопреки торжественным трактатам, собственным польским фундаментальным законам, общей вольности вольного народа и множеству королевских привилегий невинно страждут под игом порабощения за одно исповедание других признанных христианских религий, в коих они рождены и воспитаны.

К сим представлениям может ваше сиятельство присовокупить все те, кои вы сами за приличные почести изволите, отзывать в случае крайности, то есть когда все другие средства втуне истощены будут, что и то им предостерегать должно, дабы ее императорское величество, увидя к заступлению своему в справедливом деле столь малое со стороны республики уважение, не нашлась напоследок от их дальнего упорства приневоленную одержать некоторыми вынужденными способами то, чего она от признания знатного им своего благодеяния и дружбы иначе достигнуть не могла, чтоб для того ее величество не указала далее оставить в землях ее те самые войска, кои по сию пору столь охотно и с таким знатным иждивением употребляемы были для

единой пользы и службы республики, которая долженствовала бы сама собою чувствовать, что утеснением одной части сограждан уничтожается общая ее воля и равенство. При вынужденном иногда употреблении сей угрозы надобно будет вашему сиятельству согласовать с словами и самое дело и сходно с тем учреждать и дальнейшее войск наших в Польше пребывание, дабы, по крайней мере, страхом вырвать у поляков то, чего от них ласково добиться не можно было. *Не думаю я, да и думать почти нельзя*, чтобы можно было в один раз возвратить диссидентам все то, чего они лишились: довольно когда они в некоторое равенство прав и преимуществ республики приведены и для переды от нового гонения совершенно ограждены будут, дабы инако продолжением прежнего утеснения не могли они, и в том числе и наши единоверные, к невозвратному ущербу государственных наших интересов, вовсе искоренены быть».

Впоследствии (15 сентября 1766 года) Репнин получил от императрицы подробную инструкцию, чего требовать для диссидентов: «Мы не удаляемся, конечно, от дозволения и сохранения господствующей религии некоторых пред терпимыми отличностей, как во всяком благоустроенном правлении обыкновенно бывает, а посему и согласимся мы охотно на исключение диссидентов из сената и от чинов вне онаго, всю доверенность республики требующих, то есть гетманских, если б во взаимство сей важной уступки возвращено было диссидентам право избрания в послы на сейм, в депутаты к трибуналам и городские старосты с узаконением, чтоб для соблюдения им навсегда сего права быть из них в некоторых воеводствах непременно к каждому сейму третьему послу при двух католиках. За важную бы от вас услугу нам и отечеству сочли мы одержание от вас всего вышесказанного, но, если и не будет во всем пространстве соответствовать успех сему нашему определению, не припишем мы, однако, недостатку усердия или трудов ваших, зная весьма, сколько трудно или паче невозможно преодолеть гидру суеверия и собственную корысть в людях; и так полагаем мы за ультимат нашего желания, чтоб всемерно одержать для диссидентов способность владеть городскими староствами, дабы они тем или другим образом некоторое участие в земском правлении, а чрез то самое и вящую, нежели ныне сами по себе, важность приобрести могли с совершенною свободой исправления их религии во всех пунктах, до церкви касающихся.

Если сейм не согласится ни на что, надлежит вам, имея в Варшаве диссидентов сколько возможно в большем числе, приготовить их к тому, дабы они, отъезжая тогда все вдруг от сейма с учинением по тамошним обрядам правительства протестанции, могли составить между собою конфедерацию и оною формально просить помощи и защищения у нас или же и вообще

у тех своих соседей, которые ныне в их пользу интересуются. Мы верно полагаемся на ваше благоразумие в таком крайнем ресурсе, что вы его, без самой неизбежной нужды и с нами не списавшись, в действо не произведете, однако ж тем не меньше вы можете оным яко последнюю нашу твердою резолюцией воспользоваться и при негоцияциях ваших тут, где надобно будет, в конфиденцию об ней сообщать, с тем чтоб поляки знали и удостоверены были, что мы не допустим успокоить сие дело по их единовидным желаниям, а поведем оное лучше до самой крайности».

Напрасно в Петербурге, желая действовать с благоразумною умеренностью, урезывали требования диссидентов: в Польше не хотели уступить ничего. Мы видели, что еще в 1763 году православный епископ Могилевский Георгий Конисский подал императрице жалобу на жестокие притеснения. «Гонители благочестия святого,— писал Конисский,— не видя себе в том гонительстве ни от кого воспящения, тем паче свирепеют и на все церкви благочестивые, особливо в городе Могилеве состоящие, напасть вскоре при случае нынешнего междукоролевства намерены, и некоторые священники, страха ради, на унию уже предаются; особенно же живший в монастыре моем иеромонах Никанор Митаревский, кой родимец малороссийский, быв прежде в семинарии Переяславской префектом и тамо в важные преступления впад, от священнодействия отлучен, избег из России и у униатов был, после, пришед ко мне в Могилев, для единого только исправления его при мне без священнодействия держан, ныне в отсутствии моем предан к униатам в Онуфриевский, прежде благочестивый бывший, а ныне униятский монастырь, к живущему в том монастыре архиепископу униятскому, родимцу же малороссийскому Лисянскому, и оной Митаревский, согласясь с плебаном Кричевским Рейнолдом Изличом, превеликое священству благочестивому, а особливо строителю монастыря Охорского Кричевского, делают угнетение, так что тот строитель с братиею по лесам принужден от них крытись». От Киевского митрополита пришлось известие, что Трембовльский староста Иоаким Потоцкий насильно четыре православных церкви отнял на унию; пинский епископ Георгий Булгак отнял на унию четырнадцать церквей, изувечил игумена Феофана Яворского.

Когда русская партия восторжествовала, когда кандидат русской императрицы избран был в короли, Конисский получил надежду, что его жалобы будут выслушаны в Варшаве, и в 1765 году решился сам туда отправиться; но вот что он доносил синоду об успехе своего путешествия: «Когда я прошлого июня 15-го дня, получивши от команды смоленской трех драгун в конвой, выехал из Могилева, а июля 11-го прибыл в Варшаву, то по отдаче прежде поклону фамилии его королев-

ского величества и министрам коронным и литовским представлен был его королевскому величеству. Его величество, выслушав мою речь и приняв челобитную, сам оную, хотя и большая была, изволил вычитать и обнадеживал во всем том удовольствие учинить, на что имеем права и привилегии, только велел ожидать приезду в Варшаву вице-канцлера Литовского г. Предзецкого. По прибытии своем он, вице-канцлер Литовский в Варшаву, велел мне челобитную мою переделать на две челобитные, из коих одну заключил — обиды, внутрь экономии Могилевской починенные, подать в камеру королевскую, другую — с обидами, вне экономии поделанными, расписав на три экземпляра, подать их министрам коронным, канцлеру и вице-канцлеру, и ему, вице-канцлеру Литовскому, что я и учинил. С того же времени как начали водить, то и поныне водят без всякого и малейшего успеха. Расписали до некоторых в челобитной моей показанных обидчиков, чтоб в ответы на мои жалобы присылали; я о том, от них же, господ министров, известясь, представлял им, что мне чрез такое собрание ответов новая причиняется обида, понеже и не ко всем обидчикам за таковыми ответами послано, и посылать ко всем невозможное дело, яко большая их часть на суд Божий позвана, и я с таковых никакой сатисфакции не прошу, только возвращения отнятого или только чтобы впредь подобных обид делать запрещено, да и которые обидчики в живых остались и пришлют ответы, то с их ответов не доведется никакой чинить резолюции, понеже сами себя виновными не признают, и в чем ложно извиняться захотят, я готов всегда опровергать, и таким способом собирания ответов да доказательств конца не будет, и как им, обидчикам, таковых ответов и доказательств с домов своих без малейших убытков присылка очень поноровочна, так мне ожидать оных ответов здесь, в Варшаве, и большие убытки нести весьма тяжело и несносно, и что на остаток с моих жалоб некоторые суть таковые, которые, по рассмотрении документов письменных, никакому исследованию не подлежат. Таковое, однако, мое представление место у них, господ министров, не получило, еще учинило меня богатым: «Ты-де богат, можешь здесь проживать, а ответную сторону вложить сюда по скудости их не доведется»».

Удивительное зрелище представила в это время Польша: народные силы, казалось, пробуждались после долгого усыпления, обнаружилось необыкновенное единодушие — но для чего? Для того ли, чтоб установить лучший порядок, освободиться от иностранного влияния? Нет, для того, чтобы не сделать ни малейшей уступки требованиям диссидентов, чтобы не признать никаких прав за христианами других вероисповеданий, кроме католического. И в то же время все ограничивалось страдательным упорством, ограничивалось одними криками; никто не

думал о средствах деятельного, серьезного сопротивления соседним державам, России и Пруссии, которые не могли бросить диссидентского дела; фанатизм только гальванизировал мертвое тело, но к жизни его не возбуждал. Репнин был в изумлении. «Что это такое? — писал он в Петербург. — Нашим требованиям уступить не хотят, но на что же они надеются? Своих сил нет, иностранцы не помогут».

Положение Репнина в Варшаве было незавидное. Из Петербурга присылают к нему умеренные, но твердые требования относительно диссидентов, тогда как на месте он видит ясно, что требованиям этим ни малейшей уступки быть не может. Всякому дипломату бывает очень неприятно, когда на него возлагают поручение, которое исполнить он не видит возможности; он не может освободиться от тяжелой для его самолюбия мысли, что правительство его может усумниться, действительно ли дело невозможно, не виновато ли в этой невозможности, хотя отчасти, неумышленно уполномоченного? Поэтому неудивительно, что Репнин сначала сделал было отчаянную попытку убедить свой двор отказаться от диссидентского дела, решился представить, что стоит ли заступаться за диссидентов — между ними нет знатных людей! Понятно, что попытка не удалась: «польза, честь отечества и персональная ее величества слава» требовали, чтобы Репнин проводил диссидентское дело. Таким образом, посол был поставлен, с одной стороны, между неуклонными требованиями своего двора и, с другой — упорством поляков, отвергавших всякую мысль к уступчивости и сделке. Но неужели Репнин не мог ни в ком найти себе помощи? Неужели фанатизм одинаково обуял всех? Что король? Что Чарторыйские?

Репнин был отправлен в Польшу, чтобы поддерживать там русскую партию, партию Чарторыйских, и содействовать возведению на престол племянника их, Станислава Понятовского. До достижения этой цели Чарторыйские и Понятовский составляли одно, что, разумеется, облегчало положение Репнина, упрощая его отношения к этим лицам. Но с достижением цели, с восшествием на престол Понятовского, положение посла затруднилось. Королю хотелось освободиться из-под опеки дядей, действовать самостоятельно, но, как человек слабохарактерный, он не мог этого сделать вдруг, решительно, да и человеку с более твердым характером нелегко было бы это сделать в положении Станислава-Августа. В отсутствие дядей король был храбр и самостоятелен, но только кто-нибудь из стариков являлся, король не имел духа в чем-либо попротиворечить, в чем-либо отказать ему. Но умные старики, разумеется, сейчас же поняли, что эта уступчивость невольная, что тут нет искренности, что они своими личными достоинствами и своим значением в стране делают только насилие королю. Понятно, что вследствие этого возникла

холодность между дядьми и племянником, а это затруднило положение Репнина. Держаться теперь на одной ноге и с королем, и с Чарторыйскими стало тяжело; естественно, что Репнину хотелось упростить свои отношения, то есть иметь дело с одним королем и для этого желать полной независимости последнего от дядей. При этом естественном стремлении Репнин легко перешел границу: Чарторыйские заметили, что посол ближе с королем, чем с ними, и оплатили ему тем же удалением и холодностью. Репнин стал жаловаться на них в Петербург: «Что касается до моего обращения с князьями Чарторыйскими, то после сейма коронации усумнясь о их прямотушии, а особливо после как я отказал платить впредь до указа воеводе Русскому месячной пенсии, брат его единственно с тех пор холоден. Учивость основание делает нашего обхождения, о делах же я более с самим королем говорю».

В Петербурге были уверены, что по милости Чарторыйских не удалось диссидентское дело на первом сейме; мы видели, в каких выражениях писал об этом король императрице: «*Вопреки мнению всех моих советников* (Чарторыйские были самые близкие советники!) я поднял вопрос о диссидентах, потому что вы того желали. Чуть-чуть не умертвили примаса в моем присутствии»⁸. В Петербурге хотели, чтоб Чарторыйские всем своим могущественным влиянием проводили диссидентское дело на сейме, и, вместо того, узнают, что они даже отговаривали короля начинать его! Еще 12 февраля 1765 года Панин писал Репнину: «Мы не можем и не хотим поставлять польские дела совсем оконченными, пока не сделано будет справедливое поправление состоянию тамошних диссидентов, хотя б то и самой вооруженной неготиации требовало. Здесь удостоверены, что Чарторыйская фамилия есть та, которая в сем пункте больше других недоброжелательна, и она существенно причиною в вашей неудаче на последнем сейме. Вам надлежит ту фамилию убеждать и склонять, в случае же в том безнадежности воспользоваться настоящею расстроичею между ею и королем и его величеством ободрять противу ее. Кроме зачинающихся в вашем месте женских сплетней и интриг между фамилиею и кроме духа господствования двух братьев Чарторыйских новый государь больше горячо, нежели прозорливо, за свои дела принимается; надобно опасаться, чтобы, таким образом примеривая все ко внутреннему польскому аршину, он не навел на себя таких хлопот, которые могут привести в расстроичу весь северный акорт и его посадить между двух стульев. Благоразумие, конечно, требует от его польского величества, чтоб он для будущих своих выгод изволил с достаточною весьма политическою экономичею и уважением

⁸ См. первую статью, письмо короля от 20 апреля 1765 г.

касаться до своих внутренних дел и, сколько возможно, воздерживался от всего того, что истолкование и вид новости получить может, а вместо того гораздо вернее и надежнее быть кажется, если б усугубил свое старание аккредитовать и укрепить себя средствами истинной дружбы и союзов с теми державами, которые возобновлению природных королей в Польше постановляют частью их политической системы».

В этом письме Панин излагает свой взгляд на польские отношения и дает видеть связь этого взгляда с своим главным стремлением. Последнее состояло в том, чтобы северные европейские государства — Россия, Пруссия, Англия, Дания, Швеция и Польша — составляли постоянный союз, противоположный австро-французскому союзу Южной Европы. Польский король своею поспешностью в нововведениях мог возбудить против себя неприязнь короля Прусского и этим нарушить северный *акорт*, поставить Россию в затруднительное положение между Польским и Прусским королями, одинаково ей союзными, и, что всего хуже, если вражда между Пруссией и Польшею разгорится, то последняя может перейти к австро-французскому союзу. Соответственно этому основному своему взгляду Панин писал Репнину, чтобы тот всеми силами содействовал браку Польского короля на дочери короля Португальского, ибо *это выгодно для северной системы*: португальский двор связан с Англией и его влияние никогда не будет вредить союзу Польши с Россией и со всем Севером.

Но если в Петербурге сердились на Чарторыйских за охлаждение к русским интересам, тем не менее не хотели разрыва с могущественною фамилией и предписывали Репнину сначала убедать и склонять ее. Сам Репнин, жалуясь на Чарторыйских, в то же время писал о их могуществе и слабости короля и тем самым, разумеется, обвинял себя в слишком поспешном предпочтении племянника дядькам. «Я уже пред сим доносил,— писал он к Панину⁹,—сколь двое братьев Чарторыйских духом владычества исполнены, а при том что и кредит их весьма в нации велик, который более еще возрос тем, что они в последнее междоцарствие были шефами нашей партии и что через их руки все деньги шли для приумножения партизанов, которые им преданы и остались; к тому же тот кредит содержится в своей силе слабостью короля, который еще не может осилиться и из привычки выйти им что-либо отказать, хотя часто и с неудовольствием на их требования соглашается». Чем более Репнин сближался с королем, тем более удостоверился в его слабости. «Во время бытности на охоте,— писал он Панину¹⁰,—имел я случай говорить

⁹ 13 мая 1765 г

¹⁰ 2 января 1766 г

с его величеством о духе владычества князей Чарторыйских и о необходимой нужде, чтоб он наконец старался сам господином быть, а не вечно бы в зависимости их остался. По несчастию, он себе в голову ту надежду забрал, что он своих дядьев резонами и ласкою убедит и приведет в те границы, в коих подданным быть надлежит. Слабость его столь удивительна, что не узнают его перед тем, как он партикулярным был человеком».

Но слабость короля, естественно, заставляла возвратиться к Чарторыйским, особенно ввиду сейма 1766 года, когда снова должно было подняться диссидентское дело. Заблагорассудили войти в непосредственную переписку с Чарторыйскими: старики уверяли, что преданность их к России не изменилась, жаловались на короля, на то, что он их не слушается, жаловались и на Репнина, приписывая его холодность к себе веселостям, которым предался посол. Репнин по этому случаю писал Панину¹¹: «Князей Чарторыйских содействие на будущем сейме, конечно, необходимо нужно, не потому чтобы на их прямодушное усердие считать точно было можно, но потому, что кредит их весьма велик и что хотя при двоякости их сердец, но головы, признаться должно, имеют здравее, нежели все другие в сей земле. Изъяснения их к вашему высокопревосходительству не все справедливы, как, например, говоря о королевском поведении. Согласен я весьма, что слабости и скоропостижности в том чрезвычайно много; но не могу я на то согласиться, чтобы какое-нибудь, однако ж, дело, хотя маловажное, было сделано без их сведения и согласия. Что же касается до моего против них положения, то не веселье, конечно, мое отдаление воспричинствовали, но двоякость их и неблагодарность к нашему двору».

Как бы то ни было, Репнин должен был сделать первый шаг к сближению с Чарторыйскими. Один брат, канцлер Литовский, проводил лето 1766 года в своих деревнях, и потому Репнин обратился к князю Августу, воеводе Русскому, прося его назначить свободный час для переговоров о некоторых интересных делах; воевода отвечал, что завтра сам приедет к послу. Репнин начал разговор уверением «о возвращении к нему, Чарторыйскому, высочайшей доверенности и благоволения ее императорского величества, в том точно уповании, что его усердие и преданность совершенно соответствуют сей высочайшей милости». «Мне повелено,— продолжал Репнин,— с истинною откровенностию во всех наших делах с ним и с канцлером Литовским соглашаться и обще с ними к успеху оных доходить. Всемилошвейшей государыне желательно и приятно будет, чтоб его польское величество также против них в совершенной откровенности и доверенности был и советы б их предпочитал прочим».

¹¹ 21 августа 1766 г

Репнин заключил приветствием, что он с удовольствием получил сии высочайшие повеления и что приятно ему будет их в самой точности исполнять. Чарторыйский отвечал уверениями в своем усердии, преданности и благодарности. После этих взаимных учтивостей Репнин приступил к делу, обратился к Чарторыйскому с просьбою открыть с доверенностию все те способы, которые могут привести диссидентское дело к желанному успеху. Воевода опять начал речь уверениями в своем усердии, но кончил объявлением, что не хочет отвечать за успех дела.

«Кто первый станет говорить об этом деле на сейме? Я, признаюсь, сделать этого не осмелюсь»,— сказал Чарторыйский. Репнин стал говорить, что волнения между католиками по поводу диссидентского дела раздувают епископы своими возмутительными разглашениями: Виленский—Масальский, Краковский—Солтык и Каменецкий—Красицкий. «Не пристойно ли бы было для их усмирения и для обуздания впредь прочих расположить по их деревням находящиеся теперь в Польше российские войска?»—спросил Репнин. Чарторыйский против этого «крепко уперся», говоря, что такой поступок встревожит, оскорбит и отвратит «все духи» от русской стороны. Репнин согласился, особенно когда услышал и от короля такое же мнение. «Рассудил я лучше от сего поступка удержаться,— писал он Панину,— дабы не дать им претекста сказать, что я горячностью своею испортил то, что б они усердною лаской и приветствием исполнить могли. Признаюсь, что мнение мое с ними не согласно, считая, что в таких возмутительных покушениях твердостью одной дела в порядок можно привести; но чувствую, однако ж, что, сделав то против их согласия, чрез оное дам только им претекст к извинению в случае неудачи». Чарторыйский мало того что не согласился на занятие русскими войсками епископских деревень, но и выразил мнение, что считает полезным вывести совсем русские войска из Литвы во время сейма: этим, говорил он, нация будет обрадована и докажется желание России не силою, но ласкою приводить дела к концу, «тем более,— прибавил воевода,— что русские войска всегда могут опять сюда вступить по обстоятельствам».

На это Репнин заметил с учтивостию, что конфедерация еще не разрушена и потому причина, приведшая русские войска в Польшу, остается по-прежнему. (Конфедерацию устроили и русские войска призвали Чарторыйские!)

Разговор с воеводою Русским привел, однако, Репнина в отчаяние, что видно по тону письма его к Панину¹². «Повеления, данные (из Петербурга) по диссидентскому делу, ужасны, и истинно волосы у меня дыбом становятся, когда думаю об оном,

¹² 6 сентября 1766 г

не имея почти нисколько надежды, кроме единственной силы, исполнить волю все милостивейшей государыни касательно до гражданских диссидентских преимуществ». Репнин поехал к королю и объявил ему подробно, чего требует Россия для диссидентов, прибавя, что это последнее слово, и если на нынешнем сейме всего этого не исполнят, то уже 40 000 войска готовы на границах для подкрепления требований. «Король,— по словам Репнина,— представлял трудности или, паче сказать, невозможности к сему нацию согласить; всячески он меня оборачивал и выпрашивал, подлинно ли сие наше последнее слово и подлинно ли войска наши вступят, коли всего на сейме не исполнят, в чем я его твердо уверял. Разговор кончился вопросом от короля: могу ли я точным образом ему отвечать, что ее императорское величество, коли все требуемое мною исполнится, совершенно оным довольна будет и далее всего дела и вперед не поведет, на которое я ему донес, что я считаю, что сие обещание совершенно сделать могу».

После этого разговора с Репниным король написал к своему министру при петербургском дворе, графу Ржевускому, чтоб он представил императрице всю невозможность исполнить ее требования относительно диссидентов. «Последние приказания, данные Репнину,— писал Понятовский,— приказания ввести диссидентов даже в законодательство,— громовой удар для страны и для меня лично. Если еще человечески возможно, то представьте императрице, что корона, которую она мне доставила, сделается для меня одеждою Нессоса: она меня сожжет, и смерть моя будет ужасна. Мне предстоит или отказаться от дружбы императрицы, или явиться изменником отечеству. Если Россия непременно хочет ввести диссидентов в законодательство, то это будут (если бы даже их было не более 10 или 12) законно существующие главы партии, которая будет видеть в государстве и правительстве польском врагов и которая будет необходимо и постоянно искать против них помощи извне».

Понятно, что тут надобно было действовать наоборот: идти далее, чем даже требовала Россия; теперь, лишенные всех прав, подвергнутые гонению, диссиденты по необходимости обращались за помощью к единоверным державам; отнять у них всякое побуждение к этому, сделать из них добрых граждан, заставить их дорожить честью и самостоятельностью Польши — для этого было одно верное средство — сравнять их в правах с католиками, а король пишет, что когда диссиденты получают права, тогда-то и сделаются врагами государства!

Между тем Репнин сделал новую попытку у Чарторыйских: он обратился к ним с просьбою, чтобы дали честное слово, не отвечая за успех, приложить все свои старания к доведению диссидентского дела до желаемого конца, то есть чтоб открыты были диссидентам все гражданские чины в судебных местах

и дано было участие в правлении, допустив их, хотя в ограниченно числе, в земские послы (депутаты) на сеймы. Чарторыйские отвечали, что не могут дать слова и не в состоянии употребляют свои труды во вредном для отечества деле. Репнин обратился к королю за решительным ответом, и тот объявил, что не может стараться о диссидентском деле. Репнин напомнил и королю, и Чарторыйским о прежнем обещании их содействовать диссидентскому делу; ответ был один, что тогда разумелась одна терпимость.

Уведомивши об этом свой двор, Репнин писал от 24 сентября 1766 года: «Для того я решился к генерал-майору Салтыкову от сего ж числа чрез курьера повеление послать вступить с своим корпусом в деревни епископов Краковского и Виленского, питаюсь на их коште, ибо ничего уже хуже по диссидентскому делу быть не может, как то, что есть, а может быть, сей поступок импрессию сделает и что-либо поправит. Никакой надежды нет без употребления силы в сем деле предупеть: и так на нее одну остается уповать, ибо не только часть сейма сему делу противна будет, но и все головой, когда сверх всего духовенства и его инфлюенций присовокупляются к противникам король, князя Чарторыйские и их партизаны, что уж в себе все и заключает. Должен я донести, что во время сеймиков и для будущих расходов на сейме по требованиям королевским мной ему выдано 11 000 червонных, из которых 6000 уже выданы после объявления королю во всем пространстве наших требований по диссидентскому делу: почему, следственно, я и надеялся, что сие его заведет согласно с нами о полном успехе оного работать, а теперь я в беспокойстве нахожусь по сим издержкам».

На это донесение императрица отвечала Репнину рескриптом¹³, что, *если* на сейме диссидентское дело не будет доведено до формальной с ним, послом, и с диссидентами переговоров, из которой бы резонабельных плодов ожидать было можно, и *если* опять потерю всякой надежды должно будет приписать одному коварству стариков Чарторыйских, в таком случае, определя с разборчивостию положение дел, употребить все старание к разрыву генеральной конфедерации и сейма. «В самом начале должно прямо адресоваться к тем из соперников фамилии Чарторыйских, которые приобретенному ее во делах перевесу наиболее завидуют. Нельзя сомневаться, чтоб такой во мнениях наших оборот не произвел важной в духах перемены и чтоб многие из соперников князей Чарторыйских, кои теперь диссидентскому делу противны, не обратились на лучшие по оному мысли».

Дело усложнилось тем, что король под шумок хотел провести на сейме важные преобразования, именно чтобы вопросы об

¹³ 6 октября 1766 г.

умножении податей и войска решались большинством голосов. Но противники нововведений дали знать Репнину о замыслах, от которых он имел наказ удерживать короля. Вместе с прусским послом Бенуа Репнин сильно воспротивился проведению большинства голосов; Чарторыйские из нерасположения к королю, с одной стороны, а с другой — видя невозможность успеха и желая показать русской императрице свою преданность, желая доказать, что они готовы служить ей во всем, что возможно, — Чарторыйские помогли Репнину в этом деле, помогли и в деле распушения конфедерации. Король с страшною тоской в сердце должен был отказаться от своих намерений и публично заявить об этом. Репнин был действительно подкуплен поступками *фамилии*¹⁴, писал с похвалой в Петербург о ее поведении и холодность ее к диссидентскому делу приписывал единственно его непреодолимой трудности.

«Прошу покорнейше ваше высокопревосходительство, — писал он Панину¹⁵, — не только графу Ржевускому, но, если можно, и к самим Чарторыйским, включая великого маршала коронного, князя Любомирского, ласково отозваться за содействие их по делам истребления множества (большинства) голосов и разрыва конфедерации, а особливо к князю Адаму Чарторыйскому, хотя чрез письмо ко мне, кое бы я мог показать: ибо он (князь Адам) был мне первым инструментом к приведению стариков на мою сторону». В следующем донесении писал¹⁶: «Я в сем деле (уничтожения большинства голосов) как точным содействием короля, так и Чарторыйским совершенно доволен. Я должен по справедливости донести, что успех диссидентского дела не в силах короля, ни Чарторыйских. Лучшее доказательство сему сие самое истребление множества голосов, которое они вчера сделали. Неоспоримо, оное дело им гораздо дороже было и нужнее, но, видя пропасть разверстую, сами разделили то, что им драгоценнее всего было, и тако и диссидентское б дело сделали, коль бы могли, ибо тех же точно крайностей и по оному ожидают, не имея, однако ж, таковой же противности к нему, как к первому. Одним словом, антузиазм и сумасбродство, заразившиеся от внушений духовенства и от скупости, чтоб аванжажи коронные не разделять с диссидентами, столь чрезвычайны, что совершенно выше всех здешних сил. Король же, коего я нынче видел во дворце при обыкновенном по воскресеньям съезде, в таком унынии духа, что я оного изобразить довольно не могу. Я лишь подошел к нему и помянул об разроушенном деле множества голосов с благодарением, что он сам о том публично говорил, то

¹⁴ Говоря о Чарторыйских, обыкновенно употребляли это слово.

¹⁵ 9 ноября 1766 г.

¹⁶ 12 ноября.

он вдруг при всей публике горько заплакал и ничего не был мне в состоянии отвечать. Сия самая горесть доказывает, сколь он к сему делу привязан был».

Чарторыйские не переставали увиваться около Репнина, представлять свою преданность России, просить о возвращении прежней милости и наговаривать на короля. Репнин писал Панину¹⁷: «Канцлер Литовской сим утром у меня был, чтоб мне сообщить дружески об учиненном разрыве конфедерации, причем я его благодарил за содействие их в оном и в истреблении множества голосов по материям умножения податей и войска. Он много уверений делал о преданности к нашему двору, и что, быв в последних временах в некоторой у нас недоверке, лестно бы ему было и с братом иметь уверение от вашего высокопревосходительства о возвращении к ним покровительства и милости ее императорского величества, для достижения которой они все сделали, что им возможно было. Канцлер Литовский со мною изъяснился, что король час от часу более к ним недоверия имеет, несогласие их умножася в сем последнем сейме чрез противность, которую они ему, в угодность к нам, показали, и в чем король не иначе согласился, как по необходимости. Канцлер прибавил, что, уверясь в согласии, хотя принужденном королевском, нужно будет учредить все пункты нового союза (с Россиею), которым они весьма желают убавить требования королевские, коим он во многом лишности дает».

Но все эти уверения в преданности и выказывание услуг не могли повести ни к чему благодаря роковому делу о диссидентах. В другой раз на сейме всякое соглашение по этому делу было отвергнуто с прежним ожесточением: грозились изрубить в куски депутата Гуровского, начавшего речь в пользу диссидентов. Репнин имел право доносить в Петербург, что не в силах Чарторыйских преодолеть фанатизм своих сограждан; в Петербурге могли этому верить; но из этого не следовало еще, что должно было принять позор неудачи и отказаться от дела, когда еще оставалось средство, возможное и законное в Польше. Репнину уже было указано это средство: конфедерация между диссидентами, которые должны были обратиться к России с просьбою о помощи, и если Чарторыйские откажутся содействовать делу, поднять противную им партию. Панин непосредственно обратился к *фамилии* с вопросом, будет ли она помогать диссидентскому делу. Чарторыйские отвечали уклончиво. Репнин заметил им это, заметил, что мало толковать о своем добром желании, надобно его доказать на деле: «Вы говорите об опасностях от диссидентской конфедерации для самих диссидентов, а не указываете других средств, которые можно было бы употребить вместо конфедера-

¹⁷ 19 ноября 1766 г.

ции; опасность будет грозить не диссидентам, а тем, которые позволят себе причинить какое-нибудь насилие диссидентам, потому что Россия отомстит страшно обидчикам». Репнин показал ответ Чарторыйских главным из диссидентов и спросил: когда они будут готовы с своею конфедерацией? Те назначили 9 марта 1767 года. С другой стороны, вполне предавшийся Репнину референдарий коронный Подоский отправился в объезд по главным членам противной фамилии партии, к Потоцкому, Оссолинскому, Мнишку, епископам — Солтыку и Красинскому, испытать их расположение, обещая покровительство России, посредством которого они могут взять верх над Чарторыйскими, если только с своей стороны они согласятся содействовать диссидентскому делу.

Мы изложили ход диссидентского дела до 1767 года, чтобы показать, каким образом Репнин принужден был принять те меры, которые породили различные конфедерации и усобицы, предшествовавшую первому разделу Польши. Мы не будем описывать этой усобицы, что отвлекло бы нас далеко от нашей цели¹⁸. Мы видели, что совершенно против желания своего русское правительство было вовлечено в польскую усобицу; точно так же против своего желания, благодаря этой самой усобице, оно было вовлечено в войну турецкую. Франция оказала хорошую услугу Польше. Для ослабления здесь русского влияния она хлопотала о том, чтобы Турция объявила войну России; для спасения одной полумертвой державы поднимали другую полумертвую; разумеется, две полумертвые державы не могли с успехом бороться против одной живой, и что же вышло? Успехи русских войск в Турции заставили Австрию войти в виды Пруссии относительно раздела Польши, ибо этим разделом поддерживалось европейское равновесие: владения трех держав увеличивались одновременно, и не одна Россия увеличивала свои владения на счет Турции.

Но прежде всего посмотрим, как хотела Россия увеличивать свои владения на счет Турции? Она хотела приобрести обе Кабарды, Азов с его областью, свободное плавание по Черному морю, один остров на Архипелаге, освобождение из-под турецкой власти Крыма и Дунайских княжеств. Когда Екатерина сообщила эти условия Фридриху II, то он отвечал¹⁹: «Турки никогда не согласятся на уступку Молдавии, Валахии и острова в Архипелаге; независимость татар встретит также большие затруднения, и надобно бояться, чтобы Порты, если довести ее до крайности, не бросилась в объятия Венского двора и не уступила ему Белграда.

¹⁸ Смутное время, предшествовавшее первому разделу Польши, составит содержание особой статьи.

¹⁹ 4 января 1771 г.

Австрия также скорее начнет войну, чем согласится на отнятие у Турции Молдавии и Валахии. Все, что может Турция уступить,—это обе Кабарды, Азов с его областью и свободное плавание по Черному морю». Если Россия согласится на это, то он, Фридрих, «сделает первое движение к начатию переговоров; в противном случае он не двинется, ибо не предвидит никакого успеха, предвидит одно, что эти требования присоединят к старой войне еще новую».

Екатерина отвечала на это подробным объяснением своих требований²⁰: «Я не требую никаких приобретений собственно для моей империи. Обе Кабарды и Азовский округ принадлежат, бесспорно, России: они так же мало увеличат ее могущество, как мало уменьшили его, когда из них сделали границу; Россия чрез возвращение своей собственности выигрывает только то, что пограничные подданные ее не будут подвергаться воровству и разбоям, что стада их будут пастись покойно. Свободное плавание по Черному морю есть такое условие, которое необходимо при существовании мира между народами. Россия согласилась на это ограничение, уступила варварским предрассудкам Порты из любви к миру; но этот мир нарушен с презрением всех обязательств. Если я имею право на какое-нибудь вознаграждение за войну, столь несправедливую, то, конечно, не здесь я могу и должна его найти. Я могла бы быть вознаграждена уступкою Молдавии и Валахии; но я откажусь и от этого вознаграждения, если предпочтут сделать эти два княжества независимыми. Этим я доказываю свою умеренность и свое бескорыстие; этим я объявляю, что ищу только удаления всякой причины к возбуждению войны с Портою.

Венский двор не понимает своего прямого интереса, позволяя себе так живо обнаруживать зависть относительно этого пункта. Я не отодвигаю своих границ ни на одну линию; я остаюсь в прежнем расстоянии от его владений; если Венский двор доволен тем, что имеет в Турке такого слабого соседа, то должен быть еще более доволен соседством маленького Молдо-Влахийского государства, несравненно более слабого и равно независимого от трех империй. Если положение турок таково, что они должны получить мир только с уступками, то они поступят очень странно, если уступят Белград, которым спокойно владеют, а не уступят княжеств, которые уже более не их и возвращение которых будет всегда зависеть от жребия войны. Притом это еще вопрос — чьи владения им желательно увеличить: русские или австрийские? Но установление двух независимых княжеств вопрос решает.

Я знаю, что венское министерство, по нынешней своей системе, много настаивает на равновесии Востока, которое до сих

²⁰ 19 января 1771 г

пор еще не фигурировало с таким блеском в интересах западных государей и изобретением которого мы, быть может, обязаны союзу Австрии с Францией; однако я готова уступить этому политическому равновесию; но кто определит, что баланс верен, когда границы турецких владений простираются до Днестра, и что баланс нарушен, если эти границы находятся на Дунае? Жалкое положение Востока, если от такой разницы в расстоянии может зависеть его разрушение! Дело освобождения татар есть право человечества, которого требует целая нация: я ей не могу отказать в помощи. Восстановление независимости татар не уменьшает ни в чем могущества Порты и не увеличивает ни в чем могущества России, но отстраняет только пограничные неудобства последней. Венский двор не имеет татар своими соседями и потому не имеет никакой причины к беспокойству. Остров, требуемый мною в Архипелаге, будет только складочным местом для русской торговли; я вовсе не требую такого острова, который бы один мог равняться целому государству, как, например, Кипр или Кандия, ни даже столь значительного, как Родос. Я думаю, что Архипелаг, Италия и Константинополь даже выиграны от этой складки северных произведений, которые они могут получать из первых рук, и, следовательно, дешевле. Надеюсь, ваше величество согласится наконец, что если Молдавия и Валахия будут провозглашены независимыми, то в этом одном острове будет заключаться все мое вознаграждение, и что, отказываясь от него, я откажусь решительно от всего».

Но эти объяснения не повели ни к чему; немецкие государства, Пруссия и Австрия, сочли для себя выгоднее отделить от Польши для России *русские* области, содействуя таким образом истории, начавшей свое дело в XVII веке, а в себя вобрать славянские области. Зато Турция не лишилась Дунайских княжеств; только Россия, неожиданно и к великой досаде Австрии, силою оружия заставила Турцию признать независимость Крыма. Это последнее событие не могло остаться без последствий: оно заставило Россию отказаться от северного *акорта*, переменить прусский союз на австрийский.

Турция долго не могла переварить условий Кайнарджийского мира, долго бросалась во все стороны с просьбою о помощи, нельзя ли как-нибудь переменить эти условия. Понятно, что всего чувствительнее была для нее потеря Крыма. По условиям Кайнарджийского мира за султаном оставалось в Крыму религиозное значение как преемника калифов; но он упорно домогался верховных прав в области гражданской и политической. Россия, разумеется, не могла уступить этим домогательствам, ибо тогда где же была бы независимость Крыма? Вследствие враждебных друг другу влияний с двух сторон — русской и турецкой — образовались партии на полуострове и вступили в борьбу друг

с другом, вполне напоминающую нам борьбу двух партий, русской и крымской, в Казани перед ее падением. Ханы сменялись вследствие движения партий. Уже в 1775 году свергнут был преданный России хан Сагиб-Гирей и возведен на престол преданный Турции Девлет-Гирей, Россия свергнула последнего и возвела на его место Шагин-Гирея. Шагин хотел быть действительно независимым и ввести необходимые для усиления своего государства преобразования; стал вводить при этом новые, европейские обычаи; но этим он возбудил против себя сильную староверческую, турецкую партию, началась опять усобица, в которой Россия должна была поддерживать Шагина. Такое положение дел становилось час от часу несноснее для России. Война ее с Турцией продолжалась в Крыму; благодаря Крыму ежечасно готова была вспыхнуть и непосредственно, в более широких размерах. Тем сильнее становилось желание покончить с Крымом, который не мог оставаться независимым, тем охотнее должны были выслушиваться предложения вроде следующего, которое представил Потемкин:

«Крым положением своим разрывает наши границы. Нужна ли осторожность с турком по Бугу или со стороны кубанской — во всех сих случаях и Крым на руках. Тут ясно видно, для чего хан нынешний туркам неприятен: для того, что он не допустит их чрез Крым входить к нам, так сказать, в сердце. Положите ж теперь, что Крым ваш и что нет уже сей бородавки на носу — вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны кубанской, сверх частых крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско Донское всегда тут готово. Доверенность жителей в Новороссийской губернии будет тогда несомнительна, мореплавание по Черному морю свободное, а то извольте рассудить, что кораблям вашим и выходить трудно, а входить еще труднее. Еще вдобавок избавимся от трудного содержания крепостей, кои теперь в Крыму на отдаленных пунктах. Всемиловнейшая государыня! Неограниченное мое усердие к вам заставляет меня говорить: презирайте зависть, которая вам препятствовать не в силах. Вы обязаны возвысить славу России. Посмотрите, кому оспорили, кто что приобрел: Франция взяла Корсику, цесарцы без войны у турков в Молдавии взяли больше, нежели мы. Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки, Америки. Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить вас не может, а только покой доставит. Удар сильный — да кому? Туркам: это вас еще больше обязывает. Поверьте, что вы сим приобретением бессмертную славу получите, и такую, какой ни один государь в России еще не имел. Сия слава проложит дорогу еще к другой и большей славе:

с Крымом достанется и господство в Черном море, от вас зависеть будет запирасть ход туркам и кормить их или морить с голоду. Хану пожалуйте в Персии что хотите — он будет рад. Вам он Крым поднесет нынешнюю зиму, и жители охотно принесут о сем просьбу. Сколько славно приобретение, столько вам будет стыда и укоризны от потомства, которое при каждом хлопотах так скажет: вот, она могла, да не хотела или упустила. Есть ли твоя держава кротость, то нужен в России рай. Таврический Херсон! Ис тебя истекло к нам благочестие: смотри, как Екатерина Вторая паки вносит в тебя кротость христианского правления».

Но «свести бородавку с носу» было нельзя без войны с Турцией, а для этого нужно было обеспечить себя со стороны соседних держав — Пруссии и Австрии, преимущественно со стороны последней. Недавно соглашение этих держав помешало России заключить мир с Турцией на желанных условиях, заставить Россию войти в виды Пруссии и Австрии относительно Польши; и теперь исход крымского дела зависел от того, будет ли по-прежнему существовать это соглашение между Пруссией и Австрией, или можно будет разрознить их интересы и заставить ту или другую державу войти совершенно в виды России. Поведение Фридриха II относительно турецких дел не могло не охладить к нему Екатерины: он действовал вовсе не так, как бы можно было надеяться от верного союзника, не хотел принять известных объяснений справедливости русских требований от Турции, что не могло не оскорбить, явно преследовал только свои интересы и заставил сообразоваться с ними. Разумеется, обвинять за это прусского короля, явно на него жаловаться не имелось никакого права, тем не менее горечь осталась. Но вначале, то есть после раздела Польши и Кайнарджийского мира, нельзя было думать об ослаблении союза с Пруссией, ибо Австрия не давала возможности сближения с собою. Мы видели, что Потемкин в приведенной записке указывал, как она без войны взяла у турок более, чем мы. Действительно, еще до заключения Кайнарджийского мира Австрия под шумок отрезала себе на границах довольно значительный участок земли. На запрос Петербургского кабинета по этому делу Венский отвечал, что за эти земли уже идет столетний спор; Венский двор очень бы желал, чтоб это дело окончилось мирным путем к удовольствию обеих сторон; но опыт показал, как трудно улаживаться с Портою, и потому почтено за лучшее занять спорную область вооруженною рукой.

Делать было нечего: Турция одна не могла защищаться, а Россия и Пруссия также не могли начать войны с Австрией. Но подобное поведение последней, конечно, не могло содействовать сближению Петербургского кабинета с нею, и Панин имел возможность продолжить систему *северного акорта*. 10 октября 1776

года он подал мнение о продолжении прусского союза: «На сих днях читал мне граф Солмс полученную им от короля, своего государя, депешу, в которой его прусское величество, изъявляя вновь желание свое о продолжении с вашим императорским величеством настоящего союза еще на 10 лет, повелевает ему сделать вторично о том представление в такой силе, что его величество, видя при изнемогающих силах приближение конца жизни своей, более всего имеет на сердце получить от вашего императорского величества то дружеское утешение, чтоб оставить преемника своего в обязательствах и интересах вашего величества, следовательно же, и в теснейшем соединении с империею Всероссийскою. А как по случаю первого о том внушения угодно было вашему императорскому величеству мне повелеть, чтоб я мое по оному мнению представил, то я, донося чрез сие о таковом вторичном отзыве графа Солмса, поставляю в долг себе всеподданнейше изобразить здесь собственные свои по оному мысли.

От собственного вашего императорского величества прозорливейшего усмотрения зависит определить, колико донныне союз наш с Берлинским двором мог в течении и производстве дел наших полезен быть повсеместному почти успеху их. Происшедшие между Англией и американскими ее селениями распри, а из оных и самая война предвозвещает знатные и скорые, по-видимому, перемены в настоящем положении европейских держав, следовательно же, и во всеобщей системе. Удастся ли селениям устоять в присвоенной ими ныне независимости; или же предуспеет напоследок Англия истощительными ее усилиями поработить их своей власти, что без внутреннего тех селений вконец изнеможения рассудительным образом предполагается быть не может: но в обоих сих случаях на верное считать надлежит, что Лондонский двор потеряет весьма много из своей настоящей знатности и что оный, как совсем отделенная держава от твердой земли Европы, тогда наипаче принужден будет сокращать политику свою в теснейших еще пределах островов своих. Естественным оборотом из сего сколь вероятного, столько же и неудаленного последствия получают Бурбонские, толь тесно между собою соединенные дома, а особливо Франция, при неприменности коренных и локальных их сил и пособий, свободнейшие руки укоренят свою инфлюенцию и свою поверхность там, где оные донныне в пределах умеренности содержаны были противувесием английских сил и интересов, что с политическими правилами вашего императорского величества никак согласовать не может, тем паче, что и Венский двор, по настоящей своей связи с Версальским, найдется тогда в большей беспечности собственного своего положения, когда ему сей последний, без всякого уже от Англии помешательства, будет в состоянии оказывать всякие

снисхождения к его интересам, а взаимно таковые же и для себя от Венского с вящею выгодой взаимодействовать. Из чего, собственно, для России такое неудобство родиться может: когда станет приходиться к истечению союз наш с королем Прусским, тогда Венский двор, и в чистейшем намерении содружения своего с нами, будет, конечно, измерять выгоды свои в оном по выгодам имеющегося с Францией союза. В рассуждении всего сего продолжение тесного вашего союза с королем и короною Прусскими есть лучший и надежнейший способ к сохранению установленной вами в делах политической системы и к охранению не одного Севера, но и всей уже Европы от перевеса инфлюенции Версальского и Венского дворов».

Союз с Пруссией был возобновлен, но только по форме. Крымские дела, с одной стороны, и баварское наследство, с другой, вели необходимо к перемене системы. Иосиф II хотел во что бы то ни стало приобрести для Австрии Баварию после пресечения тамошней династии; Фридрих II для безопасности Пруссии и целой Германии считал необходимым противодействовать всеми средствами такому усилению Австрии. Оба для своих целей должны были заискивать у России, у одной России, ибо Франция, занятая англо-американскими делами и истощенная вконец, не могла обнаружить своего влияния на решение баварского дела. На чью же сторону склонится Россия? Разумеется, на ту, которая обещает ей свое содействие для решения крымского дела; Австрия поспешила дать это обещание.

В мае 1779 года Иосиф II обязался за себя и за преемников своих гарантировать России все ее владения и все ее договоры с Портою; в случае нарушения договоров с турецкой стороны объявить Порте войну; если во время этой предполагаемой войны с турками на Россию нападет какая-нибудь другая держава, то Иосиф будет помогать России всеми своими силами. Пруссия опоздала с своими предложениями, и что же предложила она? Тройной союз между Россией, Пруссией и *Турцией* против Австрии!

«17 сентября 1779 года ее императорское величество соизволила читать сообщенную от прусского посланника графа Гёрца депешу к нему от короля, государя его, с приложением таковой же от прусского поверенного в делах при Порте Оттоманской Гафрона относительно заключения тройного союза наступательного и оборонительного между империей Всероссийской, короной Прусской и Портою Оттоманской. Ее величество предложения сии не нашла вовсе себе удобными и сходственными с прямою пользой для государства ее; ибо, не упоминая уже о том, колико оскорбителен был бы для деликатности ее союз с державою неприязненною всей христианской республике, ниже коль вредные впечатления может он произвести в народах, под игом

турецким пребывающих, коих Венский двор вяще тогда от нас отвратить и привязать к себе не упустит, встречаются тут ее величеству следующие размышления. Если сей союз предполагается единственно преградою горделивым замыслом Венского двора, то не довольно ли опытом доказано, что для обуздания оногo достаточно сил ее императорского величества, соединенных с королем Прусским, и особливо после того, когда и Франция, невзирая на разные свои с Венским двором обязательства, явила свету, сколь удалена она пособствовать дальнейшему могуществу австрийского распространению, и когда по признанию прусского в делах поверенного, из отзывов посла французского заключаемому, двор его поставляет себе в тягость союз с австрийцами. От турок помощь не нужна, и потому союз с ними может быть полезен только им: огражденные от внешнего страха, поправятся и приключат России бóльшую заботу, чем прежде. По непостоянству турок вследствие частой перемены министерства союз сей при первом дел обороте ни во что обращен быть может. Если будет заключен союз между Пруссией и Турцией, то в случае распрей и войны между Россией и сею последней, к которым дела татарские, затруднения в торговле и мореплавании и другие по соседству и невежеству турецкому недоразумения причину подать могут, будем мы связаны и самим союзником нашим, который пользу свою, конечно, в том полагать будет, чтоб бытие нового его союзника, то есть Порты Оттоманской, ни малейшему ущербу подвержено не было, словом, что все наше с той стороны поведение зависеть будет от двора Берлинского. Посему угодно ее величеству, чтоб сие королем Прусским учиненное приглашение отклонено было образом благопристойным. Что же касается, собственно, до Порты, то, поелику настoит уже ныне с нею трактат мира и дружбы, да и ко взаимной торговле положено основание, ее величество желает, чтоб связь сия вяще могла утверждена быть посредством коммерческого трактата. К сему не нужно ничье постороннее посредство».

В 1779 году говорилось еще о возможности утверждения связи с Турцией коммерческим трактатом; но иначе пошли дела в 1782 году, когда вспыхнуло восстание против Шагин-Гирея под предводительством родных его братьев и хан должен был удалиться в Таганрог. Екатерина обратилась к новому союзнику своему, Иосифу II, и получила от него самый удовлетворительный ответ: «Получить письмо вашего императорского величества и отвечать на него в продолжение тех же двадцати четырех часов было во мне одним чувством и одним действием. Мне не нужно ни размышлений, ни соображений, ни расчетов, когда мое сердце чувствует и когда дело идет о том, чтобы служить, смею сказать, моей императрице, моему другу, моей союзнице, моей героине; да, я готов всегда ко всякому соглашению с вашим император-

ским величеством относительно всех возможных событий, какие могут произойти от смут в Крыму»²¹.

«Моя радость равна была моей признательности при чтении письма, которое вашему императорскому величеству угодно было написать мне,— отвечала Екатерина.— Ваше императорское величество привыкли счастливать людей, вы спешите содействовать счастью и вашей союзницы. Обещание вашего императорского величества войти в соглашение со мною относительно всех событий, могущих произойти от крымских смут, это обещание служит для меня драгоценным залогом вашей дружбы, за что позвольте выразить мою живейшую благодарность»²².

Должно быть, в это время Безбородко написал свою знаменитую записку: «Россия не имеет надобности желать других приобретений, как 1) Очаков с частию земли между Бугом и Днестром; 2) Крымского полуострова, буде бы, паче чаяния, тамошнее правление по смерти нынешнего хана или по каким-либо непредвидимым замешательствам нашлось для нас невыгодным и вредным, и, наконец, 3) одного, двух или трех островов в Архипелаге для пользы и нужд по торговле. Напротив того, Венский двор возвращением Белграда с частию Сербии и Боснии, а может быть, и банната Краиновского учинился бы в положении пред нами выгоднейшем. Но можно позволить ему сие расширение пределов своих, если он согласится с нами относительно дальнейшего жребия монархии Оттоманской. Сей жребий определится может в двух следующих степенях: 1) Ежели обе державы, находя продолжение войны для себя весьма убыточным, а завоевания ненадежными, предпочли бы заключение мира без разрушения Турецкого государства, в таком случае сверх обоесторонних приобретений полезно было бы им условливаться и постановить, чтоб Молдавия, Валахия и Бессарабия, под именем своим древним Дакии, учреждена была областию независимую, в которую владетель назначен был бы закона христианского, там господствующего, если не из здешнего императорского дома, то хотя другая какая-либо особа, на которой верность оба союзника могли бы положиться; новая сия держава не может быть присоединена ни к России, ни к Австрии. Но положим, что упорство Порты, с одной стороны, а успехи, с другой, подали бы способы к совершенному истреблению Турции и к восстановлению древней Греческой империи в пользу младшего великого князя, внука вашего императорского величества. Тут также заранее предопределить нужно точные границы сея империи, назначая их во владениях турецких в Европе на твердой земле и в островах архипелажских, разумея те, кои

²¹ 17 июля 1782 года.

²² 1 августа 1782 года.

за удовлетворением других останутся: ибо предполагать должно, что при таковом в пользу нашу снисхождении Венский двор захочет иметь какое-либо основание в Средиземном море для торговли своей; что Англия, и Франция, и Гишпания, может быть, востребуют и себе некоего приобретения, что республика Венецианская предъявит свои притязания на Морею, которой ей уступать не должно, а лучше заменить в островах, может быть, что Франция и Гишпания устремят намерения свои на порты в Египте или другие на африканских берегах, в чем еще менее затруднения делать следует»²³.

На этих основаниях отправлено было в Вену следующее предложение: «Между тремя монархиями должно быть навсегда независимое от них государство. Это государство, в древности известное под именем Дакии, может быть образовано из провинций Молдавии, Валахии и Бессарабии под скипетром государя религии греческой. Что касается до равенства в приобретениях, то Россия желает: 1) город Очаков с областью между Бугом и Днестром; 2) один или два острова в Архипелаге для безопасности и удобства торговли. Хотя положение и плодоносие турецких областей, соседних с государством вашего императорского величества, дают вашим приобретениям совсем иное значение, однако моя личная дружба к дорогому союзнику не позволит мне колебаться и одной минуты сделать ему это пожертвование, ибо я твердо уверена, что если наши успехи в этой войне дадут нам возможность избавить Европу от врага имени христианского изгнанием его из Константинополя, то ваше величество не откажетесь содействовать восстановлению монархии Греческой под неперменным условием с моей стороны сохранять эту возобновленную монархию в полной независимости от моей и возвести на ее престол младшего внука моего, великого князя Константина, который даст обязательство не иметь никогда притязаний на престол российский, ибо две эти короны никогда не должны быть соединены на оной главе»²⁴.

Иосиф отвечал, что присоединение к России Очакова с означенною областью не может встретить никакого затруднения. Что же касается до образования нового государства Дакии и возведения на греческий престол великого князя Константина, то это будет зависеть от успехов войны, с его же стороны не будет затруднения в исполнении всех этих желаний, если только будут исполнены и его желания, которые состоят в следующем: для Австрийской монархии нужно присоединить: город Хотин с небольшою областью, прикрывающею Галицию и Буковину, часть Валахии, которую огибает Алута, Никополис, и отсюда оба

²³ 10 (21) сентября 1782 г

²⁴ 13 октября 1782 г

берега вверх по Дунаю, следовательно, города Виддин, Орсову и Белград для прикрытия Венгрии; от Белграда протянуть линию самую прямую и самую короткую к Адриатическому морю, включая Golfo della Drina, и, наконец, все владения венецианские на твердой земле и с прилежащими островами должны отойти к Австрийской монархии, ибо только этим средством произведения ее земель получают ценность; полуостров Морея, который принадлежал некогда венецианам, острова Кандия, Кипр и другие архипелажские могут богато вознаградить этих республиканцев; он, император, может иметь тогда морские суда и быть, следовательно, гораздо полезнее для России; дунайская торговля останется совершенно свободною для австрийских подданных как при входе в Черное море, так и при выходе из него чрез Дарданеллы; новые государства — Дакийское и Греческое — обяжутся не взимать никаких пошлин с австрийских судов.

Эти соглашения развязывали руки относительно Крыма: здесь Шагин-Гирей был восстановлен с помощью России; но в ожидании новых смут и покушений со стороны Турции Потемкину отправлен был следующий рескрипт 14 декабря 1782 года: «Предполагая, что политический состав Оттоманской монархии разными обстоятельствами был бы еще отдален от конечного его разрушения, и чтоб мы даже после войны нашли еще один раз в необходимости сделать мир с сею державою: не были ль бы мы обязаны ответом пред совестью нашею, есть ли бы, имея в руках своих надежные средства удалить на времена будущие всякий повод к новой войне и предварить всечасные беспокойства, да с такою выгодою для государства нашего, случай тот благополучный из рук выпустили? Известно, что одним из главнейших поводов к распрям нашим с турками от давнего времени служил полуостров Крымский, из недр коего не однажды обеспокоены были границы наши. Преобразование его в вольную и независимую область обратилось только в новые для нас заботы со знатными издержками. Опыты времени от 1774 года доказывают, что таковая независимость мало свойственна татарским народам, ибо, чтоб удержать ее, надлежит почти всегда нам быть вооруженными и посреди мира изнурять войска трудными движениями, неся большие убытки как бы во время войны, без всякой надежды заменить оные. При малейшем со стороны нашей послаблении турки, пользуясь единоверием татар и разными связями, предусепают там толико умножать свою силу, что почти всякий раз паки к войне прибегать должно, дабы только дела поставить в прежней степени. Таковое бдение над крымскою независимостию принесло нам уже более 7 000 000 чрезвычайных расходов, не считая непрерывного изнурения войск и потери в людях, кои превосходят всякую цену. В уважении на сии обстоятельства приняли мы намерение решительным образом

тамошним делам дать совсем иной оборот и при дальнем со стороны турецкой против нас непристойном и интересам нашим вредном поведении так их устроить, чтоб полуостров Крымский не гнездом разбойников и мятежников на времена грядущие остался, но прямо обращен был на пользу государства нашего в замену и награждение осмилетнего беспокойства, вопреки миру нами понесенного, и знатных иждивений, на охранение целости мирных договоров употребленных, чем и будет изъят впредь всякий повод к войне с турками, если они сей шаг нам, самою необходимостию вынужденный, не почтут за точную причину к явному разрыву; но и в сем последнем случае находим мы полезнее однажды навсегда кончить дела наши с помянутою державою, нежели быть во всегдашней от нее тревоге, чтоб не допустить ее паки к крайнему нам вреду усилиться в татарской области и почти поработить себе оную. Вследствие того волю нашу на присвоение того полуострова и на присоединение его к Российской империи объявляем вам с полною нашею доверенностию и с совершенным удостоверением, что вы к исполнению сего не упустите ни времени удобного, ни способов, от вас зависящих, но не иначе, что поводом к таковому присвоению Крыма должны служить случаи: 1) Буде постигнет смерть ныне владеющего хана или неприятели его увезут; или утвердить его на владении тамошнем будет ненадежно. 2) Буде он, паче чаяния, окажется изменником или вовсе сомнительным в доброхотстве к Российской империи; или же сделает непристойное затруднение в удержании нами Ахт-Ярской гавани либо других интересах наших. 3) Буде Порта не подается на прочие главные артикулы, нами требуемые. 4) Буде она пошлет войска в Крым или на Кубань либо морские силы в Черное море; или же начнет поджигать татар каким бы то образом ни было к беспокойству и мятежу. 5) Буде она в другой части нам ближней или на другой станет против нас тайно или явно собою или чрез других действовать. 6) Буде император Римский распространит далее свой кордон, или границу, на счет Молдавии или Валахии; в таковом случае и мы должны искать средства к соблюдению с ним равенства».

Потемкин должен был всячески стараться приклонить татар на свою сторону и внушать им, чтобы подали просьбу о присоединении Крыма к России; хану внушать, что будет осыпан милостями. Если Порта согласится отступить от всякого к татарам прикосновения и исполнить мирный договор во всем его объеме, то присоединение Крыма отложить до другого времени, заняв только Ахт-Ярскую гавань.

В 1552 году жестокости последнего казанского хана Шиг-Алея заставили казанцев просить царя Иоанна IV свести от них ненавистного Алея и прислать наместника московского; в 1783 году

жестокости хана Шагин-Гирея произвели такое же движение в Крыму и повели к уничтожению его самостоятельности. 7 февраля 1783 года Екатерина послала Потемкину повеление: «Из донесений, присланных к вам от генерал-поручика графа Дебалмена, а к министерству нашему от посланника Веселицкого, мы с сожалением уведомляемся о казни многих из татар, кои вовлечены были в участие в последнем там происшедшем беспокойстве, несмотря на то что хану Шагин-Гирею от помянутого посланника внушаемо было от имени нашего о показании при сем случае всякой кротости и человеколюбия во прощении виновных. По сродной нам жалости, желая отвратить по крайней мере впредь всякую жестокость, и особливо чтоб она там место не имела, где силы наши воинские обращаются, соизволяем мы, чтоб вы предписали графу Дебалмену объявить помянутому хану в самых сильных выражениях, с каким прискорбием получили мы сие неприятное известие; что когда восстановление его обладания совершилось подъятием оружия нашего без всякого пролития крови и когда участвовавшие в возмущении приведены были в раскаяние, то не требовало ли самое человечество пощадить обратившихся к повиновению? Примеры прежние долженствовали его в том научить; мятеж в 1777 году укрощен был, конечно, не его строгостию. Казни, при том случае употребленные и повторенные потом многократно, не могли устрашить других, а только огорчили его подданных и предуготовили последнее возмущение. Он должен ведать, что, если бы мы таковую суровость с его стороны предвидели, не обратили бы войск наших на его защиту, ибо несходно то с правилами нашими, чтоб силой нашею низверженных попускать на истребление. Скорее мы оставим всякое ему пособие, нежели распространим оное на угнетение рода человеческого; что милость и покровительство наше не на одну его особу, но вообще на все татарские народы распространяется и что потому желаем, дабы он управлял сими народами с кротостию, благоразумному владетелю свойственною, и не подавал причины к новым бунтам, ибо не может ему быть неощутительно, что сохранение его на ханстве не составляет еще для государства нашего такого интереса, для которого мы обязаны были бы находиться всегда в войне или по крайней мере в распри с Портою, а и ни для чего не согласимся славу оружия нашего, известную столько же победами, сколько и пощадюю побежденных, подвергать какому-либо предосуждению. Заключить сие изъяснение требованием, чтобы, до совершенного приведения в порядок дел в том крае, он отдал на руки военного нашего начальства родных своих братьев и племянника, також и прочих под стражею содержащихся, быв уверен, что как, с одной стороны, жизнь сих людей охранена будет от всякого против их покушения, так, с другой — не может он опасаться от них

новых беспокойств. Между тем нет нужды скрывать в народе его на истине самой основанные внушения, дабы татары видели, что подобные казни нам и военному нашему начальству всемерно отвратительны, что мы ничего не оставим употребить к пресечению их и что все те, кои прибегнут под защиту войск наших, воспользуются полною безопасностью; да и действительно, предпишите о помещении их под охранением нашим, где и как выгоднее, и о соблюдении их безопасности. Если бы, паче чаяния, хан не с удовольствием принял такое увещание и ежели бы он сделал затруднение в отдаче нам братьев и племянника своих с другими татарами, в заключении содержащимися, в таком случае повелеваем всю стражу, при нем находящуюся, взяв, отправить к Ахт-Ярской гавани или куда вы за лучше признаете и потом и помышлять только о своих делах, о своей безопасности, об удержании твердой ноги в Крыму и о приведении упомянутых дел к желаемой и выгоднейшей для нас цели, оставляя его (то есть хана) между народом. Впрочем, казнь означенных князей крови его долженствует служить поводом к совершенному отъятию руки нашей от сего владетеля и сигналом к спасению Крыма от дальнейших мучительств и утеснений способом, в рескрипте нашем от 14 декабря 1782 года вам подписанным».

Шагин-Гирей отказался от престола, и Крым был присоединен к России указом 8 апреля 1783 года. Бывший хан оставался жить в Тамани; императрица распорядилась, чтоб его перевели в Воронеж, но он не послушался и в ответе вошел в разные «нескладные» изъяснения. Тогда отправлен был к нему генерал Игельстром с приказанием, чтобы непременно выехал из Тамани, выбрав для жительства из трех городов: Воронеж, Орел или Калугу. Игельстром должен был внушить хану, что «с русской стороны не было упущено ничего к сохранению его на престоле; собственное его поведение, наипаче жестокость отдалила от него всех подвластных; татары принимали ханом всякого иного, кроме его, и многие отзывались, что они лучше повиноваться будут всякому российскому начальнику, нежели ему. С другой стороны, Порта готова была, да и начинала уже пользоваться сим заботливым положением дел. Благо и тишину империи нашей не могли мы не поставить выше всякого уважения к хану Шагин-Гирею или к кому бы то ни было; что хан отрекся от правления без всякого предварительного соглашения с нами или с поставленными от нас начальниками; что сама Порта подтвердила присоединение Крыма, следовательно, непристойно и непозволительно ему, хану, человеку теперь частному, вступаться в какие-либо дела, касающиеся до земель сих; не должен он жаловаться на министров или генералов наших, ведая, что они исполняли только волю нашу».

Шагин-Гирея перевели в Калугу.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

Несмотря на сильное волнение, произведенное в Турции вестию о присоединении Крыма к России, Порты на первых порах нашла необходимым признать это присоединение, что и было сделано конвенциею 28 декабря 1783 года. Но это было только на первых порах. Чем более приходила Турция сама в себя после громового удара, тем яснее сознавала всю важность потери: последнее татарское царство подпало власти русской, подпал этой власти весь северный берег Черного моря, откуда враждебные корабли не преминут при первом случае явиться пред Константинополем, и флот действительно заводился. Предупредить страшную опасность, кинуться на врага, когда он не ожидает нападения, не приготовился к нему,— вот поступок, который мог быть внушен Порте отчаянием и вместе благоразумием. Летом 1787 года рейс-эфенди представил русскому послу в Константинополе Булгакову ультиматум, которым требовалось: выдача молдавского господаря Маврокордата, удалившегося в Россию; отзывание русских консулов из Ясс, Букареста и Александрии; допущение турецких консулов во все русские гавани и торговые города; признание грузинского царя Ираклия, поддавшегося России, турецким подданным; осмотр всех русских кораблей, выходящих из Черного моря. Булгаков отверг требования, и Порты объявила войну России. Посол вопреки условию Кайнарджийского мира был заключен в Семибашенный замок. «Поселили меня в доме коменданта,— доносил Булгаков о своем заключении²⁵.— Поступают со мною учтиво, но не допускают никого не только ко мне, но даже и в крепость. Интернунций, сколь ни старался обо мне, всегда с презрением и даже с ругательством был отвергаем. В несчастии моем нашелся, однако, человек, который оправдал совершенно и мою доверенность, и свою преданность к высочайшему двору, а именно г. Гонфрис, датский агент. Он в самый день моего заключения изыскал средства прислать ко мне все нужное и находит оныя поныне меня кормить, содержать, утешать и доставлять известие о происходящем. Сколь ни скоропостижно меня схватили, успел я скрыть наиважнейшие бумаги, цифры, архиву моего времени, дорогие вещи и проч. Казна так же в целости, хотя и не велика».

Россия была застигнута врасплох; положение Потемкина, обязанного защищать Новую Россию, было крайне затруднительно; он не знал, куда обратиться, с чего начать: предвидел еще большие затруднения, если Пруссия и Англия станут действовать неприязненно; писал в Петербург, что надобно ласкать эти две

²⁵ 25 августа 1787 года

державы. Екатерина старалась поддержать его дух: узнавши из его донесения об осаде Кинбурна турками, она писала ²⁶:

«Что Кинбурн осажден неприятелем и уже тогда четыре сутки выдержал канонаду и бомбардираду, я усмотрела из твоего собственноручного письма; дай Боже его не потерять, ибо всякая потеря неприятна; но положим так, то для того не унывать, а стараться как ни на есть отместить и брать реванж; империя останется империя и без Кинбурна; того ли мы брали и потеряли? Всего лучше, что Бог вливает бодрость в наших солдат там, да и здесь не уныли, а публика лжет в свою пользу, и города берет, и морские бои и баталии складывает, и Царьград бомбардирует. Я слышу все сие с молчанием и у себя на уме думаю: был бы мой князь здоров, то все будет благополучно и поправлено, если бы где и вырвалось чего неприятное. Усердие Александра Васильевича Суворова, которое ты так живо описываешь мне, весьма обрадовало; ты знаешь, что ничем так на меня не можно угодить, как отдавая справедливость трудам, рвению и способности. Ласкать англичан и прусаков ты пишешь: кой час Питт узнал о объявлении войны, он писал к Воронцову, чтоб он приехал к нему, и по приезде ему сказал, что война объявлена, и что говорят в Цареграде, что на то подушал турок их посол, и клялся, что посол их не имеет на то приказание от великобританского министерства. Сие я верю, но иностранные дела Великобритании не управляемы ныне аглинским министерством, но самым ехидным королем по правилам гановерских министров; его величество уже добрым своим правлением потерял 15 провинций, так мудрено ли ему дать послу своему в Цареграде приказание в противности интересов Англии? Он управляется мелкими личными страстями, а не государственным и национальным интересом. Касательно прусаков, то им и поныне кроме ласки не оказано, но они хотят не ласки, и то может быть не король, а Герцберх. Молю Бога, чтобы тебе дал силы и здоровья и унял ипохондрию. Как ты все сам делаешь, то и тебе покоя нет; для чего не берешь к себе генерала, который бы имел мелкойetail? Скажи, кто тебе надобен, я пришлю; на то даются фельдмаршалу генералы полные, чтоб один из них занялся мелочию, а главнокомандующий тем не замучен был. Что не проронишь, того я уверена; но во всяком случае не унывай и береги свои силы; Бог тебе поможет и не оставит, и царь тебе друг и подкрепитель. Проклятое оборонительное состояние! И я его не люблю. Старайся его скорее оборотить в наступательное: тогда тебе да и всем легче будет, и больных тогда будет менее; не все на одном месте будут».

Ипохондрия Потемкина не проходила: он прислал просьбу о позволении сдать начальство над войском Румянцеву, а самому

²⁶ 24 сентября 1787 года

приехать в Петербург. Просьба сильно не понравилась императрице; она отвечала: «Не запрещаю тебе приехать сюда, если ты увидишь, что твой приезд не расстроит тобою начатое либо производимое. Приказание к фельдмаршалу Румянцеву для принятия команды, когда ты ему здашь, посылаю к тебе; вручишь ему оное как возможно позже, если последуешь моему мнению и совету; с моей же стороны пребываю хотя с печальным духом, но со всегдашним моим дружеским доброжелательством»²⁷.

Новое несчастье окончательно отняло дух у Потемкина. Любимое его создание, севастопольский флот, был разбит бурей; сын счастья пришел в совершенное отчаяние, когда увидел, что начинает быть несчастливим. «Матушка государыня, я стал несчастлив; при всех мерах возможных, мною предприемлемых, все идет наыворот. Флот севастопольский разбит бурей; остаток его в Севастополе, все малые и ненадежные суда и, лучше сказать, не употребительные; корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки. Я при моей болезни поражен до крайности; нет ни ума, ни духу. Я просил о поручении начальства другому. Верьте, что я себя чувствую; не дайте чрез сие терпеть делам. Ей, я почти мертв; я все милости и имение, которое получил от щедрот ваших, повергаю стопам вашим и хочу в уединении и неизвестности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу к графу Петру Александровичу (Румянцеву), чтоб он вступил в начальство, но не имея от вас повеления, не чаю, чтоб он принял, и так Бог весть что будет. Я все с себя слагаю и остаюсь простым человеком; но что я был вам предан, тому свидетель Бог»²⁸. В отчаянии Потемкин писал, что надобно вывести войска из Крыма.

«Конечно, все это не радостно, однако ничто не пропало,— отвечала ему Екатерина.— Крайне сожалею, что ты в таком крайнем состоянии, что хочешь сдать команду; сие мне более всего печально. Ты упоминаешь о том, чтобы вывести войска из полуострова; если сие исполнить, то родится вопрос: что же будет и куда девать флот севастопольский? Я думаю, что всего бы лучше было, если бы можно было сделать предприятие на Очаков либо на Бендеры, чтоб оборону оборотить в наступление. Прошу ободриться и подумать, что бодрый дух и неудачу поправить может. Все сие пишу к тебе, как лучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и более еще имеет расположения, нежели я сама; но на сей случай я бодрее тебя, понеже ты болен, а я здорова. Ты нетерпелив, как пятилетнее дитя, тогда как дела, на тебя возложенные теперь, требуют терпения невозмутимого»²⁹.

²⁷ 25 сентября 1787 года

²⁸ 24 сентября

²⁹ 1 октября

Победа Суворова над турками у Кинбурна несколько ободрила Потемкина. С грустью, но уже спокойно стал говорить он о потере флота, о своем отчаянии при этом: «Правда, матушка, что рана сия глубоко вошла в мое сердце. Сколько я преодолевал препятствий и труда понес в построении флота, который бы через год предписывал законы Царюгороду! Преждевременное открытие войны принудило меня предпринять атаковать разделенный флот турецкий с чем можно было; но Бог не благословил. Вы не можете представить, сколь сей нечаянный случай меня почти поразил до отчаяния».

Мы видели, что Екатерина указывала на Очаков, взятием которого надобно было оборонительную войну переменить на наступательную. В другой раз, после Кинбурнского дела, императрица писала Потемкину: «Понеже Кинбурнская сторона важна, и в оной покой быть не может, дондеже Очаков существует в руках неприятельских, то за неволю подумать нужно о осаде сей, буде инако захватить не можно по вашему суждению»³⁰. — «Кому больше на сердце Очаков как мне? — писал Потемкин³¹. — Несказанные заботы от сей стороны на меня все обращаются. Не стало бы за доброй волей моей, если б я видел возможность. Схватить его никак нельзя, а формальная осада по позднему времени быть не может — и к ней столь много приготовлений! Теперь еще в Херсоне учат минеров, как делать мины, также и прочему. До 100 000 потребно фашин, и много надобно габионов. Вам известно, что лесу нет поблизости. Я уже наделал в лесах моих польских, откуда повезут к месту. Очаков нам нужно, конечно, взять, и для того должны мы употребить все способы, верные для достижения сего предмета. Сей город не был разорен в прошлую войну; в мирное время турки укрепляли его беспрерывно. Вы изволите помнить, что я в плане моем наступательном, по таковой их тут готовности, не полагал его брать прежде других мест, где они слабее. Если бы следовало мне только жертвовать собою, то будьте уверены, что я не замешкаюсь минуты; но сохранение людей столь драгоценных обязывает итти верными шагами и не делать сумнительной попытки, где может случиться, что потеря в несколько тысяч пойдет не взявши, и растроимся так, что, уменьша старых солдат, будем слабее на будущую кампанию. Притом, не разбив неприятеля в поле, как приступить к городам? Полевое дело с турками можно назвать игрушкою; но в городах и местах таковых дела с ними кровопролитны».

Преждевременное начатие войны и соединенные с ним невыгоды положения, естественно, внушали желание, как бы поскорее

³⁰ 2 ноября 1787 года.

³¹ 1 ноября 1787 года

освободиться от войны. Но здесь важный вопрос: как другие державы будут смотреть на дело? Мы видим, что Потемкин сильно беспокоился насчет Пруссии и Англии. Легко было прийти к мысли повторить средство, уже испытанное в первую турецкую войну,—отправить флот в Средиземное море; но как на это посмотрят морские державы, Англия и Франция? «Французские каверзы,—писала Екатерина Потемкину³²,—по двадцатипятилетним опытам мне довольно известны; но ныне спознали мы и английские, ибо не мы одни, но вся Европа уверена, что посол английский и посланник прусский Порту склонили на объявление войны. Теперь оба сии двора от сего поступка отступаются. Они же (англичане) никогда и ни в какое время ни на какой союз с нами согласиться не хотели в течение двадцати пяти лет. Франция, конечно и бесспорно, находится в слабом состоянии и ищет нашего союза; но колико можно долее себя менажировать (должно) с Франциею и с Англиею; без союза нам будет полезнее иногда, нежели самый союз тот или другой, понеже союз навлечет единого злодея более. Но в случае если бы пришло решиться на союз с тою или другою державою, то таковой союз должен быть распоряжен с постановлениями, сходными с нашими интересами, а не по дуде и прихотям той или иной нации, еще менее по их предписаниям. Я сама того мнения, что войну сию укоротить должно колико возможно. Советую вам на мой собственный счет закупить в Украине, или где удобнее найдете, тысяч на сто рублей или более баранов и быков и оными производить порции солдатам, по стольку раз в неделю, как заблагорассудите. Буде никакой надежды к миру чрез зиму не будет, то как ранее возможно весной отправить отселе флот; нужно, чтоб оному от Англии не было препятствия. Конечно, когда мои двадцать кораблей пройдут Гибралтарский залив, тогда признаюсь, чтобы полезно быть могло, чтоб авангард его была эскадра французская, и арьергард той же нации, а наши бы корабли составляли *корп-дарме*, и так бы действовали и шли кончить войну, проходя проливы. За сию услугу французам бы дать можно участие в Египте, а англичане нам в сем не подмогут, а захотят нас вмешать в свои глупые и бестолковые германские дела, где не вижу ни чести, ни барыша, а пришло бы бороться за чужие интересы; ныне же боремся по крайней мере за свои собственные; и тут кто мне поможет, тот и товарищ».

Но помощников и товарищей не являлось, а затруднения увеличивались беспрестанно. 1788 год начался очень печально: к страшной дороговизне присоединились болезни. «Дай Боже, чтоб болезни скорее пресеклись,—писала императрица Потемкину.—Дороговизна во всем ужасная; дай Боже силу снести все

³² 4 ноября 1787 года.

видимые и невидимые хлопоты»³³. Теперь Потемкин в свою очередь написал ободрительное письмо: «Болезни, дороговизны и множество препятствий заботят меня, и к тому совершенное оскудение в хлебе. Но и в Петербурге, как изволите писать, недужных много. В сем случае, что вам делать? Терпеть и надеяться неизменно на Бога. Христос вам поможет, Он пошлет конец напастям. Пройдите вашу жизнь, увидите, сколько неожиданных от Него благ по несчастью вам приходило. Были обстоятельства, где способы казались пресечены пути (sic),— вдруг выходила удача. Положите на Него всю надежду и верьте, что Он непреложен. Пусть кто как хочет думает, а я считаю, что Апостол в ваше восшествие (на престол) припал не на удачу: «Вручаю вам Фиву, сестру вашу суцу, служительницу церкви, да примете ю о Господе достойне святым». Людям нельзя испытывать, для чего попускает Бог скорби; но знать надобно то, что в таких случаях к Нему должно обращаться. Вы знаете меня, что во мне сие не суеверие производит».

В затруднительных обстоятельствах, в каких находилась тогда Россия, самым выгодным представлялся Потемкину союз с ближайшим государством, с Польшей. Еще в то время, когда рассуждалось о пользе австрийского союза для войны турецкой и Безбородко указывал, что со стороны Польши нечего бояться препятствий, Потемкин заметил: «Справедливость требует, по увенчании успехами предприятый ваших, уделить и Польше, а именно: землю, лежащую между рек Днепра и Буга». Теперь, 15 февраля 1788 года, Потемкин писал императрице: «Примите мое усерднейшее предложение, решите с Польшей, обещайте им приобретение; несказанная польза, чтоб они были наши; ей-ей, они тверже будут всех других; привяжите богатых и знатных, почтив их быть шефами наших полков или корпусов; они сами к России прилепятся, и большие деньги от себя в пользу полков наших употребят».

Екатерина не разделяла надежд Потемкина, слишком во всем дававшего волю своему пламенному воображению; однако употребила все средства для склонения Польши к союзу. Она отвечала Потемкину³⁴: «Касательно польских дел, в скором времени пошлются приказания, кои изготовляются, для начатия соглашения; выгоды им обещаны будут; если сим привяжем поляков и они нам будут верными, то сие будет первый пример в истории постоянства их. Если кто из них (исключительно пьяного Радзивилла и гетмана Огинского, которого неблагодарность я уже испытала) войти хочет в мою службу, то не отрекусь его принять, наипаче же гетмана графа Браницкого, жену которого я от сердца

³³ 26 января 1787 г.

³⁴ 26 февраля 1788 г.

люблю и знаю, что она меня любит и помнит, что она русская; храбрость же его известна; также воеводу Русского Потоцкого охотно приму, потому что он честный человек и в нынешнее время поступает сходственно совершенно с нашим желанием. Впрочем, поляков принять в армию и сделать их шефами подлежит рассмотрению личному, ибо ветренность, индисциплина или расстройство и дух мятежа у них царствует. Впрочем, стараться буду, чтобы соглашение о союзе не замедлилось, дабы нация занята была. Дай Боже, чтоб болезни прекратились; если роты сделать сильнее, то и денег и людей более надобно; вы знаете, что последний набор был со ста душ; деньгами же стараемся быть исправны, налогов же наложить теперь не время, ибо хлебу недорода; и так недоимок не малое число. Признаться должно, что мореходство наше еще слабо и люди непривычны и к оному мало склонны; авось либо в нынешнюю войну лучше притравлены будут. Морские командиры нужны паче иных».

Проект союза между Россией и Польшей заключал в себе гарантии владений; кроме того, в случае военных успехов Польша получала часть Бессарабии и Молдавии между Черным морем и Серетом, со включением города и порта Аккерманского, с востока на запад; и между Днестром и Дунаем с севера на юг. Дабы облегчить республику в снаряжении вспомогательного корпуса, императрица обязывалась выдать 300 000 червонных. Пруссия начала открыто действовать против этого союза, и партия, хотевшая воспользоваться благоприятным временем для проведения реформ в государственном устройстве, предпочла прусский союз русскому³⁵. Чего же хотела Пруссия? Освободить Польшу от русского влияния, подкрепить реформационную партию в ее деле, поддержать Турцию против России и Австрии?

Нет, не таковы были цели наследника Фридриха II Фридриха-Вильгельма или, лучше, министра его Герцберга. Россия и Австрия вступили в войну с Турцией и, разумеется, увеличат свои владения на ее счет, а Пруссия ничего не получит! Фридрих II воспользовался турецкой войной и получил часть Польши, но как же теперь это сделать? Россия и Австрия не хотят ничего от Польши, их цели совсем другие; но Пруссии необходимо увеличить свои владения на счет Польши, присоединить по крайней мере Данциг и Торн, и все это желательно сделать без войны, дипломатическим путем, как произведен был раздел Польши при Фридрихе II. И вот Герцберг хлопочет в Константинополе, хочет заключить союз с Портой; какую же выгоду доставит Порте этот союз? Порты, как добрая союзница, должна взять на себя издержки увеличения прусских владений на счет Польши, а именно: Польша уступает Пруссии Данциг и Торн, Познань и Калишь; за

³⁵ Подробности будут изложены в особой статье

это Австрия возвращает Польше Галицию и Лодомирию и берет в вознаграждение от Турции Сербию, Боснию, турецкую Крoацию и Далмацию, Молдавию, Валахию и Бессарабию; Россия закрепит за собою Крым, возьмет Очаков и степь до Днестра: ведь она же больше и ничего не хочет? Но, может быть, Турция не будет довольна? Турция останется довольна; за все свои потери она получит громадное вознаграждение: четыре державы, Россия, Пруссия, Австрия и Англия, гарантируют на будущее время целостность остальных ее владений! А Польша? Польша также получит большую выгоду: она получит возможность произвести все желаемые реформы, не касаясь только основного принципа прусской политики относительно ее, то есть чтобы в Польше никогда не было установлено наследственное правление.

Венский двор сообщил Петербургскому о беспокойствах своих относительно намерений Пруссии приобрести земли от Польши. Кауниц предлагал вооружить поляков против Пруссии обещанием возврата уступленных Пруссии по разделу земель. Но в Петербурге нашли, что неблагоприятно таким поступком вооружать против себя прусского короля. Безбородко подал записку:

«В условиях с Австрией было постановлено, что Россия подаст помощь Австрии, если Пруссия или Франция нападут на нее. Но Венский двор сверх диверсии от короля Прусского предполагает другой случай, тот, если бы сей государь решился, воспользуясь войною нашею с Портой, сделать без обнажения меча приобретение на счет Польши или где инде. Целость настоящих владений польских предохранена ручательством ее императорского величества. От решения ее величества зависит: следует ли принять покушение короля Прусского присвоить Данциг и какую-нибудь часть земли польской за нарушение мира или тому воспрепятствовать всеми силами. Нельзя не признаться, что таковое без войны приобретение дало бы королю Прусскому гораздо выгоды более, нежели нам, кои долженствуем несть убытки в людях и деньгах. Можно будет Венскому двору ответственать, что мы уже подали им достаточные уверения в исполнении обязательств наших на случай диверсии короля Прусского; что относительно подозрения в завладении им частью из Польши, святость и сила разных трактатов, ручательство наше сей республике утвердивших, да и самые интересы наши могут совершенным образом Венский двор обнадежить, что мы признаем подобное покушение за противное миру и, поколику возможность дозволит, тому воспротивимся. Кауниц, упоминая с похвалою о намерении нашем заключить союзный трактат с Польшей, внушает о представлении полякам перспективы на возвращение от короля Прусского, в случае враждебных его покушений, той части, которая уступлена ему раздельным трактатом. Известно,

что подобные дела в Польше неготируются с целым почти народом; каким же образом можно, прежде настояния случая, делать подобные обнадеживания? Сие значило бы совершенно неприязненные намерения наши и вызов короля Прусского к войне, которую мы теперь отдалять должны».

Хлопотали об отдалении войны прусской; из Пруссии ждали самой большой опасности; но опасность пришла с другой стороны, со стороны Швеции. Здесь царствовал двоюродный брат императрицы Екатерины по матери Густав III, человек, способный начинать важные дела, но неспособный рассчитывать средства к их успешному окончанию. В 1772 году ему удалось усилить королевскую власть на счет шляхетской демократии, ослаблявшей Швецию с 1720 года. Это не могло, разумеется, нравиться в Петербурге: по господствующему правилу тогдашней политики, каждая держава должна была стараться о том, чтобы в соседней державе сохранялась такая форма правления, которая бы давала как можно менее силы ее правительству и, таким образом, делала ее безопасной для соседей. Так, соседи Польши давно уже вносили в свои договоры статью — поддерживать господство шляхетской демократии в Польше; так, Россия, Дания и Пруссия обязаны были друг перед другом трактатами поддерживать и в Швеции форму правления, установленную там с 1720 года. Несмотря на то, родственники — императрица русская и король шведский — продолжали находиться в самых приятных отношениях. Густав III посетил Екатерину в Петербурге в 1777 году; когда в 1782 году у короля родился второй сын, он просил Екатерину быть воспитательницей, причем напоминал о слышанной им от нее русской пословице, что только два сына — сын. Императрица отвечала, что он ошибается, пословица говорит: один сын не сын, два сына — полсына, три сына — сын. В следующем 1783 году у родственников было условлено свидание в Фридрихсгаме, в Финляндии; но Густав упал с лошади и разбил себе руку, отчего свидание и не состоялось. Любезности продолжались: известно, что Екатерина любила заниматься русской историей, которая была в связи с шведской; поэтому императрица просила короля прислать к ней шведских исторических книг. Густав поспешил исполнить просьбу и к посылаемым книгам приложил реестр с кратким изложением содержания каждой книги; он писал, что реестр составлен им самим. Екатерина отвечала: «Я сомневаюсь, чтобы ваши ученые знали лучше вас шведскую историю. С этих пор я смотрю на ваше величество не как на короля — короли, как все знатные особы, знают все, не учившись ничему, — но я смотрю на вас как на знатока истории, как на одного из самых достойных членов моей Академии».

Но отношения переменились при начале войны турецкой. Густав возбудил в Швеции сильное и основательное подозрение,

что он намерен предпринять еще новые перемены в форме правления, еще более усилить свою власть. Это повело к тому, что на сейме 1786 года он встретил сильную оппозицию и не мог провести своих предложений. Королю хотелось поправить свои дела воинскими подвигами, приобрести силу и значение Густава Адольфа, опереться на победоносное войско и на всех тех, которым дорога слава отечества. Удобный случай к тому представила война России с Турцией — война, вследствие которой северо-западные границы России были обнажены от войск. Густав думал, что ему легко будет напасть с суши и с моря на беззащитный Петербург и вынудить у Екатерины уступку завоеваний Петра Великого.

Когда русский посол в Стокгольме граф Разумовский дал знать своему двору о враждебных движениях в Швеции, Екатерина написала: «Императрица Анна Иоанновна, имея в 1738 или 39 году пребывание свое летнее в Петергофе, получила известие, что шведы намереваются сделать высадку войск на здешнем берегу, приказала сделать шведам объявление в такой силе, что буде осмелятся учинить подобное чего, то чтобы за верное полагали, что она в самом Штокгольме камень на камне не оставит. По твердости сего объявления или по иным причинам остановилась тогда назойливость шведская. Но то неоспоримо, что доходы империи и ее силы морские и сухопутные, коммерция и многолюдство были против теперешнего едва ли не в половине, и считалось несколько губерний менее теперешнего, чего сообщит графу Разумовскому, дабы он легкомыслию, ветрености, назойливости и лживо рассеянным слухам знал, чем преграду учинить».

В то время как с севера начали приходиться зловещие слухи, на юге великолепный князь Тавриды опять запел печальную песню о необходимости покинуть Тавриду. Екатерина отвечала ему³⁶: «На оставление Крыма, воля твоя, согласиться не могу; об нем идет война, и если сие гнездо оставить, тогда и Севастополь, и все труды, и заведение пропадут, и паки восстановятся набеги татарские на внутренние провинции, и кавказский корпус от тебя отрезан будет, и мы в завоевании Тавриды паки упражнены будем и не будем знать, куда давать военные суда, кои ни в Днепр, ни в Азовское море не будут иметь убежища; ради Бога, не пущайся на сии мысли, коих мне понять трудно и мне кажутся неудобны, понеже лишают нас многих приобретенных миром и войною выгод; когда кто сидит на коне, тогда сойдет ли с оного, чтобы держаться за хвост? В Польшу давно курьер послан и с проектом трактата, и думаю, что сие дело уже в полном действии. Великий князь (наследник Павел Петрович)

³⁶ 27 мая 1788 г.

собирается к вам в армию, на что я согласилась, и думает отселе выехать 20 июня, буде шведские дела его не задержат; буде же полоумный король шведский начнет войну с нами, то великий князь останется здесь».

С шведской стороны начались враждебные демонстрации с целию вынудить русских сделать что-нибудь такое, на что можно было бы указать, как на нарушение мира с русской стороны. Но Густав ошибся в расчете: с русской стороны не было ни малейшего враждебного движения. Екатерина все еще надеялась, что дело кончится одними демонстрациями. «Мне кажется, они не задерут, а останутся при демонстрации,— писала она к Потемкину³⁷.— Осталось решить лишь единый вопрос: терпеть ли демонстрации? Если бы ты был здесь, я б решилась в пять минут что делать, переговора с тобою. Если бы следовать моей склонности, я б флоту Грейгову да эскадре Чичагова приказала разбить в прах демонстрацию: в сорок лет шведы паки не построили бы корабли; но, сделав такое дело, будем иметь две войны, а не одну. Начать нам и потому никак не должно, что если он нас задерет, то от шведской нации не будет иметь по их конституциям никакой помощи, а буде мы задерем, то они дать должны; и так полагаю, чтоб ему дать свободное время дурить, денег истратить и хлеб съесть».

В то время как Catherine le Grand (по выражению принца Де Линя) умела сдерживать свою склонность, побуждавшую ее разбить в прах демонстрацию, у Густава III уже закружилась голова: он уже приглашал своих придворных дам на бал, который собирался дать им в Петергофе, приглашал их к молебну в петербургский собор; ему уже представлялось, что его имя разнесится по странам Азии и Африки, как мстителя за Оттоманскую империю. Шведы задрали; король явился в Финляндии и отправил к русскому вице-канцлеру графу Остерману под видом условий мира насмешливый вызов к войне. Король требовал ни более ни менее, как возвращения Швеции всех земель, уступленных ею по Нистадскому и Абовскому мирам, возвращения Порте Крыма и т. д.

«Мы отроду не слышали жалоб от него,— писала Екатерина Потемкину³⁸,— и теперь не ведаю, за что раззлился; теперь Бог будет между нами судьейю. Здесь жары преужасные и духота, я переехала жить в город. У нас в народе превеликая злоба против шведского короля сделалась, и нет рода брани, которым бы его не бранили большие и малые; солдаты идут с жадностию, говорят: вероломца за усы приведем; другие говорят, что войну окончат в три недели, просят идти без отдыха; одним словом,

³⁷ 4 июня 1788 г

³⁸ 3 июля 1788 г

диспозиция духов у нас и в его войске в моей пользе. Трудно сие время для меня, это правда; но что делать? Надеюсь в короткое время получить великое умножение, понеже отовсюду ведут людей и вещей».

После сражения при Хохланде Екатерина писала: «Усердие и охота народная против сего неприятеля велика; не могут дожидаться драки; рекрут ведут и посылают отовсюду; мое одно село Рыбачья Слобода прислала добровольных охотников 65, а всего их 1300 душ. Царское Село возит подвижные магазины. Тобольскому полку мужики давали по 700 лошадей на станции. Здешний город дал 700 не очень хороших рекрут добровольною подпиской; как услышали сие на Москве, пошла подписка, и Петр Борисович (Шереметев) первый подписал 500 человек. Остров Эзель прислал (ты скажешь: куда конь с копытом, туда и рак с клешнею), дворянство и жители, что сами вооружатся и просят только 200 ружей и несколько пороха. Здесь жары так велики были, что на термометре на солнце было $39\frac{1}{2}$. В сей духоте, в городе сидя, я терпела духоту еще по шведским делам. В день баталии морской 6 июля (при Хохланде) дух пороха здесь в городе слышен был: ainsi, j'ai aussi senti la poudre (так что я понюхала пороха.— *Примеч. ред.*)»³⁹.

Но и *фуфлыга-богатырь* (как называла Екатерина Густава III) также испытал духоту в Финляндии. Когда он дал приказ войскам своим напасть на Фридрихсгам, офицеры объявили, что не будут исполнять этого приказания, потому что несправедливая война с Россией начата без согласия чинов, вопреки конституции. Вследствие этого шведские войска отступили от Фридрихсгама и Нейшлота, и король возвратился в Стокгольм. Мало этого: финляндские войска отправили майора Егергорна в Петербург для непосредственных переговоров с императрицей. Екатерина так писала об этом Потемкину: «Прислан ко мне от финских войск депутат майор Егергорн с мемориалом на шведском языке, что они участия не имеют в неправильно начатой королем войне против народного права и их законов, и много еще от них словесных предложений. Мой ответ будет в такой силе, что, если они изберут способы те, кои их могут сделать от шведов свободными, тогда обязуюсь их оставить в совершенном покое и передаюсь со шведами»⁴⁰.

Не на радость возвратился Густав III и в Швецию: здесь датчане, вследствие союза с Россией, напали на его владения; но Пруссия и Англия поспешили к нему на помощь — не с войсками, разумеется; они угрозами заставили Данию удержаться от нападений на Швецию; Пруссия объявила, что если Дания будет

³⁹ 13 июля 1788 г

⁴⁰ 31 июля

продолжать шведскую войну, то прусские войска вступят в Голландию.

Легко понять, какое впечатление было произведено в Петербурге известием об этом поступке Пруссии, тогда как с другой стороны приходили известия, что благодаря Пруссии же в Польше не только отвергли русский союз, но вражда к России усиливается там день ото дня в той степени, в какой усиливается расположение к Пруссии. Наконец прусский король предложил свое посредничество в примирении России с Швецией. Фридрих-Вильгельм извинял Густава III, представлял, что он начал войну по недоразумениям, изъявлял надежду, что Россия заключит с Швецией мир, не требуя никаких вознаграждений, представлял, что король шведский первый обнаружил склонность к примирению. Фридрих-Вильгельм предлагал свое посредничество и в примирении с Турцией и, чтобы склонить к принятию этого посредничества, указывал на свой союз с Англией и Голландией, упоминал об интересе своем сохранить равновесие на севере и востоке. Императрица передала прусские предложения на рассмотрение совету, собранному 18 сентября. Совет нашел в этих предложениях не слова, а вещи колкие:

«Король говорит в первом своем рескрипте о миролюбивых короля Шведского расположениях, признавая сам их недостаточными к учинению из того употребления; но во втором выражает пристрастно, будто сей государь вовлечен в войну недоразумением, а весь свет знает, что он получил от Порты деньги и, в надежде получать оныя, решился напасть на Россию. Упреждая всякое дружеское изъяснение, которое с нашей стороны иметь с ним старались, присоединил к внезапному вероломству вредное хотение отторгнуть от России многими иждивениями и кровию предков приобретенные земли. Но извинениям таковым по себе непристойным прибавил король Прусский хуже того изречение, что ожидает от двора нашего согласия восстановить мир с Швециею в том состоянии вещей, в каком были они до воследовавшего разрыва. Намерение таково доказывает явное неуважение к тягости оскорбления, причиненного ее императорскому величеству королем Шведским, и ни во что поставляются его покушения на вред империи. Вместо удовлетворения, соразмерного обиде, король Прусский разумеет оным то, что король Шведский первый отзыв учинил к миру. Но какой государь, чувствующий силу, может поступить на такую низость и оставить пример соседу нападать, в чаянии при всякой неудаче покрыть злое дело единым токмо хотением мира? Еще сия неприличность не столько бы нас трогала, когда бы король Прусский вязался только за одну Швецию, но он распространяет свое настояние и на войну нашу турецкую! Понять не трудно, что, говоря о союзе своем с Англией и Голландией, упоминая об

интересе своем же сохранить равновесие на севере и востоке, он страшит нас общею от сих держав препоною в успехах наших в том и здешнем краях. Посему в виде медиатора зрится восстающий нетерпимый повелителю не токмо на настоящие наши дела, но и на будущие, которые Россия в свою оборону или для пользы государства предпринять бы могла.

Соображая таковой подвиг во всех его следствиях, совет весьма удален согласиться на предлагаемую от короля Прусского настоящую медиацию; ибо податливость на оную предосудительна достоинству империи Всероссийской и царствованию ее величества, чрез 27 лет великою славою сопровождаемому. Что уничтожительнее оной крайности, как приять великой империи закон от прусского государя? Всякое уважение к нуждам и к тяготам новой войны при сем размышлении исчезает. А по сему всемерно следует медиации сего государя отклонить; хотя, впрочем, с твердостью, но в изъяснениях на сей раз дружеских, можно бы во 1) сказать, что ее императорское величество по дружбе, толь долготелне пребывающей, ожидать не могла, чтобы предлагаемая медиация исключала всякое должное удовлетворение государю и государству за учиненные оскорбления или уважение приобрести безопасность границам на будущее время от подобных насильств; 2) сказать о невозможности трактовать с королем Шведским, поелику на его слова и обеты положиться нельзя; 3) по шведским делам предложены добрые услуги и со стороны двора Версальского: но как ее величество состоит в союзных обязательствах по шведской войне с королем Датским, а против турков с императором Римским, то без предварительного сношения с сими союзниками не может на таковые предложения дать полного ответа.

Думая, что король Прусский не удовольствуется нашими объяснениями, совет полагает, что турецкую войну должно обратить в оборонительную, приготавливаться к войне с Пруссиею и приобретать союзников, заключить союз с Францией и другими Бурбонскими домами, ибо на стороне Пруссии Англия и Голландия. Ни унывать, ни бояться не должно. Россия без всякого напряжения имеет 300 000 боевого войска».

Мнение подписали: Брюс, Панин, Вяземский, Остерман, Воронцов, Стрекалов, Завадовский. Граф Андрей Шувалов не согласился, принимая в соображение тяжелое состояние финансов, и подал мнение: объявить Англии и Пруссии, что мы не хотим от Швеции никаких земель, а требуем только восстановления прежней формы правления, Россией гарантированной; Англии то не может быть противно. В то же время открыть с Англией переговоры о сближении торговым трактатом. Союз с Францией вреден: она тесно связана с Швецией и Турцией.

Понятно, что и Потемкин не мог согласиться с мнением совета, ибо оно шло наперекор всем его планам и наносило

тяжкий удар его самолюбию. Потемкин взял, наконец, Очаков, и это торжество, конечно, не могло заставить его согласиться, что надобно ограничиться оборонительной войной с Турцией и сосредоточить все силы на севере. Он писал императрице в духе шуваловского предложения: «Честь царствования требует оборота критического нынешнего положения дел. Все подданные ожидают сего. Я не нахожу невозможности, лишь бы живее действовать в политике и препоручить людям преданным. Во-первых, усыпить прусского короля, поманя его надеждою приобрести прежнюю доверенность, что можно сделать, изъясняясь с ним ласково о примирении нас с турками, согласясь тут с императором для отнятия у него подозрения. Полякам ежели показать, что вы намерялись им при мире с Портою доставить часть земли за Днестром, они оборотятся все к вам и оружие, что готовят, употребят на вашу службу. Ускорите с Англиею поставит трактат коммерческий; сим вы обратите к себе нацию, которая охладела противу вас. Напрягите все силы успеть в сих двух пунктах, тогда не только бранить, но и бить будем прусского короля. Иначе прусский король легко отделит противу цесаря 80 000 своих, да 25 000 саксонцев, 80 000 против нас да поляков с 50 000. Извольте подумать, чем против сего бороться, не кончив с турками? Я первый того мнения, что прусскому королю заплатить нужно, но помирясь с турками». Относительно Франции Потемкин был пророком. «La France est en delire,— писал он,— никогда не поправится, а будет у них хуже и хуже («Франция в лихорадке». — *Примеч. ред.*)».

Увещания с юга приходились не ко времени. Во-первых, легко было Потемкину из Очакова советовать усыпить прусского короля: но в Петербурге хорошо видели всю трудность, невозможность этого дела; во-вторых, раздражение, произведенное тоном прусских предложений и положением прусского правительства, ставшего на всех дорогах, чтобы мешать России, раздражение было чрезвычайное. Императрица в ответе своем дала заметить Потемкину — возможное ли дело при настоящем антагонизме Австрии и Пруссии сблизиться с последней, не разрывая союза с первой — союза, заключение которого сам Потемкин больше всех советовал. Потемкин оскорбился, что в нем предположили колебание мысли. «Ежели мысль моя о ласкании короля Прусского не угодна,— писал он,— на сие могу сказать, что тут нейдет дело о перемене союза с императором, но о том, чтобы, лаская его, избавиться препятствий, от него быть могущих. Вы изволите упоминать, что союз с императором есть мое дело: сие произошло от усердия; от оного же истекал и польский союз; в том виде и покупка имения Любомирского учинена⁴¹, дабы, сделавшись

⁴¹ Имение куплено было Потемкиным

владельцем, иметь право входить в их дела и в начальство военное. Мои советы происходили всегда от ревности; ежели я тут не угодил, то вперед, конечно, кроме врученного мне дела говорить не буду».

Несмотря на счастливое, по-видимому, окончание 1788 года, новый 1789 год не принес никаких благоприятных перемен. Перед взятием Очакова, жалуясь на короля Прусского и его союзников, Екатерина писала Потемкину: «Они позабыли себя и с кем дело имеют. Возьми Очаков и сделай мир с турками; тогда увидишь, как осядутся, как снег на степи после оттепели, да поползут, как вода по отлогим местам». Очаков был взят; но блестящие надежды, которые возлагались на это событие, не оправдались. Затруднительное положение обоих союзных императорских дворов весною 1789 года всего лучше очерчено в письме Иосифа II Екатерине: «Прусские интриги достигают в Константинополе все больших и больших результатов. Безумие англичан и голландцев, энтузиазм поляков к королю Прусскому, Дания, силою принужденная к миру, король Шведский, дерзающий на все и который успел усилить свою власть и свои средства, эта неудобная конфедерация германская, печальное состояние Франции и ложные принципы Испании— все это мудрость вашего величества сумеет оценить и найдет средства противодействовать злу. Мне остается только повторить уверение, что буду всегда готов помогать вашему величеству всеми моими силами»⁴².

Густав III Шведский, освобожденный Англией и Пруссией от датской войны, действительно успел провести на сейме такие постановления, которые делали власть его почти неограниченной; сейм взял на себя королевские долги и дал Густаву новые денежные средства к продолжению русской войны. Война эта и в 1789 году кончилась неудачно для шведов; но они не заключали мира, и, следовательно, Россия нисколько не была облегчена с этой стороны; а тут война грозила ежеминутно со стороны Пруссии и Польши. «С прусаком употребляется что возможно,— писала Екатерина Потемкину.— Но с врагами вообще нет ничего исцелительнее, как их бить». Но бить четырех врагов зараз было слишком трудно. На юге, несмотря на блистательные победы Суворова, дело не подвигалось к концу; от австрийцев была плохая помощь; Потемкин жаловался на них. На эти жалобы Екатерина писала: «Каковы цесарцы бы ни были и какова ни есть от них тягость, но она будет несравненно менее всегда, нежели прусская, которая сопряжена со всем тем, что в свете может только быть придумано, поносным и несносным. Мы прусаков ласкаем; но каково на сердце терпеть их грубости и ругатель-

⁴² 20 мая 1789 г.

ством наполненные слова и дела!»⁴³ В одной из записок императрицы, относящихся к этому времени, читаем следующие слова: «Молю Всевышнего, да отмстит пруссаку гордость. В 1762 году я его дядюшке возвратила Пруссию и часть Померании, что не исчезнет в моей памяти. Не забуду и то, что двух наших союзников он же привел в недействие; что со врагами нашими заключил союз, что шведам давал денег и что с нами имел грубые и неприлично повелительные переписки. Будет и на нашу улицу праздник авось либо!»

Но праздника надобно было еще подождать. Союзник Иосиф II умирал, изнемогая под тяжестью неприятностей, видя, как его реформы возбудили повсюду волнения, ненависть, видя необходимость отказаться от некоторых из них. Екатерина питала сочувствие к Иосифу, но не одобряла способа его действий при реформах, не одобряла излишней стремительности, неровности и мелочности. «Император сам ко мне пишет,—уведомляла Екатерина Потемкина,—что он очень болен и печален по причине потери Нидерландии. Если в чем его оправдать нельзя, то в сем деле: сколько тут перемен было! То он от них все отнимал, то возвращал, то паки отнимал и паки отдавал. О союзнике моем я много жалею, и странно, как, имея ума и знания довольно, он не имел ни единого верного человека, который бы ему говорил пустяками не раздражать подданных; теперь он умирает, ненавидим всеми. Венгерцы мать его спасли в 1740 году от потери всего: я б на его месте их на руках носила»⁴⁴.

Австрийский союз принес мало пользы и при Иосифе; нельзя было ждать лучшего при его преемнике Леопольде, а между тем Пруссия продолжала находиться относительно России в угрожающем и раздражающем положении и две войны—турецкая и шведская—не обещали скорого окончания. Печально начался 1790 год: мирное предложение, сделанное Россией Швеции посредством испанского посланника, осталось без действия; Польша заключила союз с Пруссией. «Мучит меня теперь несказанно,—писала Екатерина Потемкину⁴⁵,—что под Ригию полков не в довольном числе для защищения Лифляндии от прусских и польских набегов, коих теперь почти ежечасно ожидать надлежит. Король Шведский мечется повсюду, как угорелая кошка. Долго ли сие будет, не ведаю; только то знаю, что одна премудрость Божия и Его всеильные чудеса могут всему сему сотворить благой конец. Странно, что воюющие все хотят и им нужен мир, шведы же и турки дерутся в угодность врага нашего скрытного, нового европейского диктатора (короля

⁴³ 18 октября 1789 г.

⁴⁴ 10 января и 6 февраля 1790 г.

⁴⁵ 13 мая 1790 г.

Прусского), который вздумал отнимать и даровать провинции, как ему угодно: Лифляндию посулил с Финляндиею шведам, а Галицию полякам; последнее заподлинно, а первое моя догадка, ибо шведский король писал к испанскому министру, что, когда прусский король вступит в войну, тогда уже без его согласия нельзя мириться, да и теперь ни на единый пункт, испанским министром предложенный, не соглашается, а требует многое себе по-прежнему». На другой день императрица писала: «Если ви-зирь выбран с тем, чтобы не мешать миру, то, кажется, ты нам вскоре доставишь сие благополучие; с другой же стороны дела дошли до крайности. Ежели б в Лифляндии мы имели корпус тысяч до 20, то бы все безопасно было, да и в Польше перемена ускорила».

Весной Густав III возобновил неприятельские действия. На сухом пути они были по-прежнему незначительны; но на море произошли два важные сражения, представившие быструю перемену военного счастья; в первом русские одержали блистательную победу над шведским флотом, запертым в Выборгском заливе; во втором — потерпели поражение от шведов. «После сей, прямо славной победы, — писала Екатерина Потемкину, — шесть дней (спустя) последовало несчастное дело с гребною флотилиею, которое мне столь прискорбно, что после разнесения Черноморского флота бурей ничто столько сердце мое не сокрушило, как сие»⁴⁶.

Но последняя победа дала только возможность Густаву III с честью окончить войну, для продолжения которой он не имел более средств. Поэтому новое предложение России было принято — и 3 августа 1790 года заключен был Верельский мир: границы обоих государств остались те же, какие были до войны; Густав обязался не вмешиваться в дела турецкие; Екатерина отказалась от права вмешиваться во внутренние дела шведские. «Велел Бог одну лапу высвободить из вязкого места, — писала Екатерина Потемкину. — Сего утра я получила от барона Игельстрома курьера, который привез подписанный им и бароном Армфельдом мир без посредничества. Отстали они, если сметь сказать, мою твердостью лично одною от требования, чтоб принять их ходатайство у турок»⁴⁷.

Оставалось покончить с последними. «Одну лапу мы из грязи вытащили; как вытащим другую, то пропоем аллилуйя», — читаем в другом письме⁴⁸. Потемкин писал, что стал спать покойно с тех пор, как узнал о мире с шведами; императрица отвечала: «Ты пишешь, что спокойно спишь с тех пор, что сведал о мире

⁴⁶ 17 июля 1790 г.

⁴⁷ 5 августа 1790 г.

⁴⁸ 29 августа 1790 г.

с шведами; на сие тебе скажу, что со мною случилось: мои платья все убавляли от самого 1784 года, а в сии три недели начали узки становиться, так что скоро паки прибавить должно меру; я же гораздо веселее становлюсь»⁴⁹.

Дополнение

Письмо Потемкина к императрице о новом военном устройстве: «Первое мое представление о ямщиках и мещанах, из армии присланное было, по узнанию из опыта, сколь нужно на границах иметь поселян военных, которые их бы защищали, вместо того чтоб требовать себе защиты. Сие тем еще нужнее в нашем государстве, что обширность пределов не позволяет всюду поспеть с войсками на помощь, что армия национальная необходимо требует умножения милиции, ибо нет здесь такова рода людей, коих бы можно вербовать на случай войны, умножать же войска на счет рекрутских наборов государству вредно, понеже сим оно изнуряется, и хлебопашество терпит, еще более потому что солдат служит бессрочно, следовательно, умирает *сивилно*.

По сим резонам я решился представить об однодворцах во вверенных мне губерниях и к тем присовокупить мещан и ямщиков Первые козаками были уже на штурме Очаковском, где не только что не хуже солдат поступали, но и поддержали полк Тамбовский, который без них не мог бы устоять Донцы служат, ремесла отправляют и торгуют. Мещан в государстве с лишком 300 000; если взять на службу тридцать, останется дома их 270. На первый случай из вооруженных необходимо послать на войну для приобучения, которые после обучат своих товарищей; можно составить из других и стражу в городе, сие я разумю в Петербурге и Москве; в прочих городах не нужно Вы государству дадите запасное войско и всегда готовых хранителей, которые в мирное время никакого содержания не требуют»

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ

В то время как Россия находилась в затруднительном положении, застигнутая врасплох войною турецкой и шведской, угрожаемая разрывом с Пруссией и Англией, в Польше под шумок спешили приготовить важные перемены. Мы прервали рассказ наш о событиях в Польше на том времени, когда Репнин, доведенный до крайности упорством поляков в диссидентском деле, принужден был поднять диссидентскую конфедерацию и в то же время, не видя со стороны Чарторыйских ни малейшего желанья помогать России, решился обратиться к врагам их, которых они одолели с помощью русского оружия.

Вожди диссидентов сдержали свое слово, данное ими Репнину. К назначенному сроку, в марте 1767 года, образовалась конфедерация из протестантов в Торне, маршалом которой был граф фон Гольц; в то же время образовалась другая конфедерация, в Слуцке, под маршалством генерала Грабовского:

⁴⁹ 29 августа 1790 г

к ней принадлежали православные Новогрудска и других соседних областей. Чтобы поднять католическую конфедерацию из врагов *фамилии* и дать этой конфедерации сильного вождя, еще в январе начаты были сношения с изгнанником, князем Радзивиллом, первым богачом Литвы: ему обещано было позволение возвратиться в отечество с восстановлением во всех правах и в прежнем значении, но под условиями: действовать в интересах императрицы Всероссийской, особенно поддерживать ее намерения относительно диссидентов, не притеснять их в своих имениях, возвратить им их церкви, выдавать русских перебежчиков, вести себя благоразумно.

Последнее условие было необходимо, потому что знаменитый вельможа, особенно под веселый час (и эти часы случались нередко), позволял себе дикие выходки. Радзивилл был в восторге и отвечал Репнину⁵⁰, что, проникнутый чувством самой живой признательности к императрице за предлагаемое покровительство, покорный ее великодушной воле для блага республики и всех добрых патриотов, провозглашает и обещает, что будет всегда держаться русской партии, что приказания, которые угодно будет русскому двору дать ему, будут приняты всегда с уважением и покорностью и что он будет исполнять их без малейшего сопротивления, прямого или косвенного (*déclare et promet qu'il sera toujours du parti russe, qu'il fera dépendre toutes ses démarches de la cour de Russie, et que les ordres qu'il plaira à cette cour de lui faire donner, seront toujours reçu avec respect et soumission, et qu'il les suivra sans la moindre opposition directe ou indirecte*).

Чтобы не оставить и тени сомнения насчет его поступков, чтобы не дать врагам ни малейшей возможности чернить его и в знак покровительства императрицы, Радзивилл просил, чтобы при нем постоянно находился русский чиновник, который бы давал ему непосредственно знать о намерениях императрицы. В заключение Радзивилл обещал содействовать успеху диссидентского дела всеми силами и в тех размерах, какие русский двор заблагорассудит дать этому делу.

С Радзивиллом дело было улажено; и относительно других вельмож, врагов *фамилии*, пришли благоприятные вести. Мы видели уже, что о составлении католической конфедерации хлопотал коронный референдарий Гавриил Подоский: в начале марта он возвратился из своего объезда и донес Репнину, что виделся с епископом Краковским Солтыком, с воеводой Волынским Оссолинским, с надворным маршалком коронным, с великим подскарбием коронным, с кухмистром Литовским Вельгурским, с воеводой Киевским и другими Потоцкими, которые все согласны общим письмом просить покровительства императрицы, а по-

⁵⁰ 28 февраля 1767 г., из Дрездена.

том образовать конфедерацию под ее протекцией и провести диссидентское дело по ее желанию, но хотя прежде всего видеться с русским послом. Репнин дал им знать, чтобы приезжали в Варшаву не позднее 10 апреля нового стиля. «Кажется, сие начало столь хорошо, сколь желать было можно,— писал Репнин Панину,— однако я, быв уже здесь столько раз каждым особо обманут, за успех отвечать совсем не смею, а стараться не упущу оный верным сделать»⁵¹. Кроме Подоского Репнин нашел себе еще союзника и не между поляками: разрыв с Чарторыйскими, неподатливость короля в диссидентском деле, движение русских войск в польские владения возбудили в принце Карле Саксонском надежду на важные перемены в Польше, которыми он может воспользоваться. Агент Карла Алоэ получил от него приказание сблизиться с Репниным и во всем сообразоваться с его желаниями. Это было очень выгодно для русского уполномоченного, потому что Алоэ был в сношениях со всей старой саксонской партией, с которой теперь хотел действовать заодно против Чарторыйских. При помощи Алоэ и Подоского Репнин составил проект литовской католической конфедерации.

Что же король? В январе месяце, когда делались приготовления к конфедерациям, Станислав-Август удивил Репнина вопросом: как он думает? Французская актриса Клерон предлагает ему, королю, свои услуги, и он хочет ими воспользоваться: но беспокойства нынешнего года не помешают ли удовольствиям? Репнин отвечал, что удивляется, как его величество серьезные дела мешает с такими мелочами. Но король продолжал разговор об актрисе и кончил вопросом: «Не пойдете ли вы на нас войною?» Репнин отвечал, что это зависит от них, потому что война бывает там, где есть сопротивление; кто же не сопротивляется ни прямо, ни происками у других, но, видя и право и силу в соединении, старается им удовлетворить *добрым манером*, смотря с терпением на подвиги их, тот не может опасаться войны. «Мое мнение то же самое,— сказал на это король,— уверяю вас, что не хочу ни прямо, ни стороной противиться России в случае вступления ваших войск сюда; но кроме этого что вы мне посоветуете еще сделать?» «Удовлетворить нашим требованиям,— отвечал Репнин,— если это удовлетворение будет соединено с осторожным и благоразумным поведением, то ваше величество непременно достигнете прежней дружбы с Россиею»⁵².

Случай последовать совету Репнина скоро представился: конфедерации Торнская и Слуцкая потребовали, чтобы правительство признало их законность, чтобы король принял их послов. Чарторыйские настаивали, чтобы король не соглашался на это,

⁵¹ 7 марта.

⁵² Репнин Панину 31 января 1767 г.

а между тем в глаза уверяли Репнина, что не только ничего не предпринимают против русских мер, но готовы и пособлять им по возможности; король же давал разуметь послу, что дядья не позволяют ему принять конфедератов. Во второй половине марта создан был сенатский совет, в котором читались русская и прусская декларации в пользу диссидентов и самый акт диссидентской конфедерации. Заседание кончилось тем, что назначили собрать генеральный сенатский совет к 25 мая. Король дал знать Репнину, что он нарочно отложил так далеко срок генерального совета, чтобы дать время русским войскам углубиться в польские владения. Но Репнину не этого хотелось: он хотел, чтобы король прямо и открыто действовал в пользу диссидентов⁵³. 4 апреля он призвал к себе пана Огородского, управляющего королевским кабинетом, и потребовал немедленного и прямого решения вопроса: примет ли король диссидентских депутатов или нет? Посол кончил свой разговор с Огородским словами: «Если король и министерство не захотят депутатов с пристойностью принять, то его величество рискует лишиться дружбы нашей всемилостивейшей государыни». Слова эти произвели немедленное действие: Огородский возвратился с объявлением, что «король, уважая дружбу ее императорского величества и всегда желая доказывать свою к ней преданность, хотя совет его и противился, намерен, однако же, принять депутатов диссидентских»⁵⁴.

28 апреля нового стиля был этот прием. После предъявления своих желаний депутаты были допущены к королевской руке, что было знаком утверждения законности диссидентской конфедерации. Но уже не было тайной, что конфедерация не ограничится пределами диссидентской, что готовится генеральная конфедерация, поднимаемая врагами Чарторыйских и короля, что Радзивилл будет ее маршалом. В мае месяце Станислав-Август обратился к Репнину с вопросом: «Правда ли, что князь Радзивилл будет маршалом генеральной коронной (польской) конфедерации?» «Правда», — отвечал посол. «А для чего это делается?» — спросил опять король. «Для того, — отвечал Репнин, — что я более уверен в его зависимости от нас, чем в зависимости всякого другого; я желаю иметь людей послушных, а не ждать из чужих рук исполнения моих собственных дел, тогда как я уже столько раз был обманут фальшивыми обещаниями». Репнин, впрочем, кончил уверением, что поведение Радзивилла останется совершенно в границах умеренности. После этого откровенного объяснения с королем является к Репнину Чарторыйский, воевода Русский: «Конфедерации начинаются, обстоятельства такие деликатные: не знаю, как вести себя с *фамилией* и приятелями;

⁵³ Репнин Панину 28 марта (8 апреля) 1767 г.

⁵⁴ Репнин Панину 4 апреля (старого стиля) 1767 г.

боюсь, чтобы по незнанию не сделать чего-нибудь неприятного императорскому двору, которому мы так преданы».

«Знаю силу твоих слов,—подумал Репнин и отвечал:— Конфедерации эти делаются против вредных новостей, введенных в правление, делаются против нарушения древних законов и формы правления, согласны, следовательно, с полезными видами ее императорского величества насчет республики здешней; а сверх того, так как эти конфедерации прибегают к покровительству ее императорского величества и ручательства ее просят для непоколебимого сохранения прав республики и вольностей, то это высочайшее покровительство им и следует, с утверждением по их желанию на все века формы здешнего правления и преимуществ каждого. Но так как великодушие и человеколюбие суть основание справедливого поведения ее императорского величества, вследствие того и не должны эти конфедерации никакой силой принуждать к соединению с ними, а только тех за злодеев почитать будут, которые против них действовать дерзнут. Поэтому вы, господа, совершенно вольны пристать к конфедерациям или нет, оставаясь покойными и нейтральными зрителями». Чарторыйский рассыпался в благодарности, превозносил умеренность русского правительства, нежелание употреблять силу, в заключение предлагал свои услуги, сколько сможет. Но услуги Чарторыйского могли теперь только затруднить Репнина: опять сблизиться с Чарторыйскими значило удалить всех новых приверженцев, которые потому только и перешли на русскую сторону, что Репнин разладил с *фамилией*⁵⁵.

Репнин, принужденный прибегнуть к такому сильному средству, как конфедерация, хлопотал, однако, как бы предотвратить беспорядки, потрясения, бывшие обыкновенно следствием конфедерации. По старому обычаю, как скоро конфедерация образовывалась и получала признание, то вдруг все прежние власти переставали действовать; авторитет всех существующих магистратур и юрисдикций исчезал; все подчинялось верховной воле сконфедерованной шляхты; король, сенат, все высшие чиновники и суды должны были отдавать ей отчет. Репнин не хотел на это согласиться: «Понеже напрасно б я короля тем оскорбил, ибо по нашим видам оное не нужно, а только б дало более власти конфедерации, отмщевая прежние дела по внутренним судам, несправедливости делать. Сверх того, запретив все юрисдикции, запретили б чрез то и комиссии skarбовую и военную, а их поправка хотя точно нужна, но совершенное испровержение мне кажется не авантажно; и тако держусь сколь возможно и противлюсь сему закрытию юрисдикций, а меж тем пользуюсь сим же, *удобность и приятство тем делаю королю*, которого для переду

⁵⁵ Репнин Панину 16 (27) мая 1767 г.

в преданности я хочу соблюсть к нашему двору, находя за полезное, чтобы *не всегда здесь с употреблением силы все делать*. Сверх же того, должен я и в том по справедливости признаться, что его величество, не входя явным образом в содействие с нами, противностей, однако же, никаких не делает и хотя с оскорблением иногда и с натуральною просьбой, чтобы друзей его сберегали, но все почти по внутренним здесь моим мерам к исполнению допускает и удерживает преданных себе от безрассудной горячности»⁵⁶.

Действительно, король допускал все по внутренним мерам русского посла: смертию примаса, князя Лубенского, очистилось первое духовное место в королевстве, архиепископство Гнезненское, и король согласился на желание Репнина возвести Подоского на это место. Репнин был очень доволен. «Возвышение Подоского в примасы великое приумножение нашей инфлюенции здесь сделает,— писал он в Петербург⁵⁷.— Он (Подоский) открытым образом мне предан был и как бы секретарь мой во всех настоящих обстоятельствах работал; через его же возвышение увидит нация вся, коль мы великолепно награждаем тех, которые нам прямо и усердно служат. Увидит она, что можно совершенно полную доверенность иметь к покровительству нашего высочайшего двора, когда в самое сочинение столь оскорбительной королю конфедерации не мог он отказать первый чин в государстве тому точно, который в угодность России главным и начальным работником в том был».

Между тем к началу июня 1767 года в Литве образовалось уже 24 конфедерации, маршалами которых повсюду выбраны были друзья Радзивилла, а сам он был выбран маршалом Подляшской конфедерации. В Польше и Литве конфедерация считала под своими знаменами до 80 000 шляхты. 3 июня Радзивилл, окруженный толпами шляхты, имел торжественный въезд в Вильну, а через три недели после этого провозглашен был генеральным маршалом соединенной польско-литовской конфедерации, собравшейся в Радоме (в 15 милях от Варшавы). Но Репнин тотчас же увидел, что этим дело не кончается, а только начинается.

Репнин поднял генеральную конфедерацию, чтобы покончить диссидентское дело: не хотели кончать его король и Чарторыйские— пусть покончат враги их. Но конфедераты откликнулись на приглашение русского посла, имея в виду свергнуть короля и сделать с Чарторыйскими то же, что те сделали с ними во время своего торжества. Начальные люди конфедерации к диссидентскому делу были равнодушны, а толпа была одушевлена тою же нетерпимостью, как и прежде; следовательно, опять Репнин,

⁵⁶ Репнин Панину 31 мая (11 июня).

⁵⁷ 14 (25) июня 1767 г.

чтобы преодолеть это тупое сопротивление, должен был прибегать к крайним средствам, к военной силе. Рядом с предложением о правах диссидентов шло предложение о том, чтобы все постановленное на будущем сейме было гарантировано Россией. В Радоме предложения прошли, и то вследствие присутствия русских войск; но в провинциях шляхта волновалась — а что будет на сейме? Краковский епископ Солтык стал в челе религиозного движения: пятнадцать секретарей день и ночь писали его папские послания.

«Любезнейшие сыны, папству нашему порученные! — гласили послания. — Упражняйтесь во всякого рода добрых делах, взывайте с сокрушением духа к трону милосердия, чтобы прославил над нами милость свою, чтобы ниспослал Духа Святаго на сейм для утверждения веры святой католической, для мужественного отпора претензиям диссидентов, для сохранения кардинальных прав вольности. Чтобы во все продолжение сейма во всех кощёлах ежедневно происходило молебствие пред св. тайнами, с пением: Святый Боже!»

В этом послании Солтык является перед ними как епископ католический; но в письме к одному из приятелей своих, Виельгурскому, он является как политик. «Императрица, — пишет он, — домогается двух вещей: генерального поручительства и восстановления вольности. Гарантировал король Польский курляндские вольности, утвердил привилегии земель прусских, и через это обе нации привлечены были в зависимость от республики. Главное средство отбиться от гарантии — это поднять вопрос, что Турция не позволит. Что касается до диссидентов, то покой нации зависит от того, чтобы диссиденты, а именно не униаты, не были ни в сенате, ни в министерстве; довольно будет припомнить, что в России есть тридцать фамилий, которые ведут род свой из Польши, а раздача достоинств в Польше находится во власти императрицы русской: так хорошо ли будет, когда сенат московский перенесен будет в Польшу, а нас передвинут в Сибирь. Главная политика польских недовольных должна состоять в продлении сейма для того: 1) чтобы конфедерация пришла в совершенство; 2) чтоб иностранным дворам дать время к негоциации; 3) чтоб электор (саксонский) пришел в совершеннолетие; 4) чтобы лучше изъясниться с двором петербургским чрез наших посланников, а не чрез того деспота (Репнина); 5) для слабости короля Прусского: если бы умер, то что бы помешало саксонскому войску войти в Польшу?»

Для большего воспламенения умов в Польше явилось циркулярное письмо к епископам папы Климента XIII против прав диссидентских; на копии письма, пересланной Репниным в Петербург, отмечено той же рукой, которая писала Наказ: «Куда пан горазд сказки сказывать!» Но что были сказки в Петербурге, тому с благоговением внимали в Польше. «Я не могу довольно

изобразить,—писал Репнин,—сколь заражена здешняя нация суеверием и фанатизмом закона, и думаю, что не могло то в сильнейшем градусе быть и во время самых крозадов»⁵⁸. Но кроме фанатизма толпы Репнина приводило в отчаяние двоедушные люди, руководивших толпой: посол видел, что и прежний верный секретарь его, новый примас Подоский, стакнулся с Солтыком, с Красинским (епископом Каменецким), маршалом Мнишком, Потоцким (воеводой Киевским) и подскарбием Веселем; но, действуя заодно, эти люди приезжали к Репнину и Бог знает что наговаривали друг на друга. «Изволите видеть,—писал Репнин,—с сколь честными людьми я дело имею и сколь приятны должны быть мои обороты и поведение; истинно боюсь, чтобы самому, в сем ремесле с ними обращаясь, мошенником наконец не сделаться». Но главным мучителем посла был все тот же Солтык. «Истинно я ему от себя б что ни есть подарил, чтоб он отсель куда-нибудь провалился: надоел уж мне смертельно»,—писал Репнин. Однажды приезжают к нему два прелата, Подоский и Солтык, и начинают жаловаться на насилие русских войск во время сеймиков, на арест шляхтича Чацкого, сделанный по приказанию Репнина. «Если мы,—говорит Солтык,—не можем сносить деспотизма собственного короля, то тем менее можем сносить деспотизм иностранной государыни, которая к тому же еще объявляет, что поддерживает нашу свободу». Репнин отвечал ему прямо: «Если вы так смотрите на дело, то объявите войну императрице и ее войскам, собирайте для этого собственные войска». «У меня никогда не было в голове столь страшных и безумных идей,—сказал на это Солтык,—я не хочу даже воевать с посланником императрицы, желаю только для себя и для нации пользоваться высоким покровительством императрицы, дружбою и благосклонностию ее посланника»⁵⁹. Во время этого разговора Подоский сидел, не открывая рта.

Приближалось время сейма. «Если хотим мы успеха в диссидентском деле на будущем сейме,—писал Репнин,—то необходимо надобно будет епископа Краковского и подобных фанатиков забрать под караул, а инак с ними никаким образом не совладеем». Получив на это позволение из Петербурга, посол отвечал Панину: «Имею честь отвечать с уверением накрепчайшим, что без самой крайней необходимости, конечно, пользоваться не буду позволением употреблять меры силы против здешних противников, но признаюсь, что весьма боюсь, чтобы к тому не был принужден»⁶⁰.

Страх был не напрасный: Солтык разослал по сеймикам письма, в которых объявляет, что и на будущем сейме будет

⁵⁸ Репнин Панину 5 (16) августа.

⁵⁹ Репнин Панину 30 августа (10 сентября).

⁶⁰ Репнин Панину 6 (17) сентября.

поступать в диссидентском деле точно так же, как и на прошедших; то же самое говорил всем в Варшаве. Репнин поручил Подоскому поговорить дружески Солтыку: чтоб он остерегался, что терпению бывает конец, что перед российской императрицей он не важный господин, что его могут взять и не выпустить. «Не стану молчать, когда интерес религии потребует моей защиты»,— отвечал Солтык. «Сокрушает он меня своим непреодолимым упорством против диссидентского дела,— писал Репнин,— я уже ему стороной внушал, чтоб он на сейм не ездил, коль не может воздержаться, чтобы против них не говорить, но и на то не соглашается»⁶¹.

Наконец Солтык дал знать Репнину, что желает войти с ним в соглашение, ручаясь за всех епископов и за всю свою партию. Репнин отвечал, что в формальное трактование он может войти только с теми, кто по своему чину в республике имеет на то право; епископ же Краковский и все епископы вместе этого права не имеют; если же он хочет по-приятельски договориться, то пусть приезжает сам безо всяких церемоний; но прежде всего надобно согласиться в самом главном, а именно, чтобы диссиденты были уравнины в правах с католиками, без чего ни в какие договоры вступать нельзя. В ответ на это Солтык начал разглашать, что скорее тело свое на рассечение даст, скорее умрет со всеми своими приятелями, чем позволит на уравнивание диссидентов с католиками. Желая показать, что готов подвергнуться той участи, какую грозил ему Репнин, он стал готовить подарки для тех, которые придут брать его под стражу, так что, по словам Репнина, комната его стала похожа на нюрнбергскую лавку. Но мученичество, как видно, не очень нравилось краковскому епископу, и он дал знать Репнину, что берется уговорить всех ревностных католиков дать удовлетворение диссидентам, если русский посол позволит ему продолжать прежнее поведение для сохранения кредита в своей партии. Репнин отвечал ему через Подоского, что никак не может на это согласиться: или епископ не понимает, что такое поведение может причинить только вред делу, а не пользу, что не делает чести его голове; или он хитрит, чтоб, испортив дело, после вывернуться и всю вину сложить на других, выставляя на вид, что внутренне согласен был с ним, послом. «Я прошу епископа,— продолжал Репнин,— чтоб он и словами и поступками, прямодушно и явно действовал в пользу совершенного равенства диссидентов с католиками»⁶².

Между тем король понимал, что только тот может утишить бурю, кто ее поднял, понимал, что только Репнин может

⁶¹ Репнин Панину 30 августа (10 сентября).

⁶² Репнин Панину 12 (23) сентября.

защитить его от врагов,—и отдался в полное распоряжение русского посла. «Король,—писал Репнин,—со мною разговор имел, в котором неоднократно с клятвами обещал именно сими терминами, что хотя бы все струны лопнули, хотя бы все наши партизаны от нас отстали, хотя бы, наконец, один он остался, но непременно и непоколебимо нас держаться станет и без изъятия все то делать будет, что я потребую для успеха диссидентов и желанных нами дел, то есть и ручательства»⁶³. Но надобно было условиться с королем, чего же именно требовать для диссидентов, как разуметь уравнивание прав?

Подчиняя все политическим расчетам, Панин прямо писал Репнину, что русское правительство, стараясь о диссидентском деле, вовсе не должно иметь в виду распространение в Польше православия и протестантизма в ущерб католицизму. Самое видное право, которое всего лучше свидетельствовало об уравнивании православных с католиками, состояло в том, чтобы православные архиереи могли присутствовать в сенате наравне с католическими, право, которое еще в XVII веке было уступаемо православным на бумаге; но на деле католики никогда не могли решиться пустить православного архиерея в сенат. Теперь православные требовали, чтоб епископ Белорусский получил место в сенате; но король требовал, чтобы вместе с православным епископом вошли в сенат и два униатские. Россия требовала уравнивания прав не для одних православных, но для всех диссидентов, действовала тут не одна, но вместе с другими державами протестантскими, следовательно, исключительности быть не могло.

Но Панин взглянул на дело и с другой стороны. «Хотя,—писал он,—помещение в сенате двух епископов униатских и согласует отчасти в существе своем с вышеположенным главным правилом (чтобы не иметь в виду распространения других вероисповеданий в ущерб католицизму), однако же в рассуждении настоящего, совсем разнствующего случая было бы весьма *прикро* для славы ее императорского величества. Не может ли такое униатских епископов помещение показаться свету как бы нарочно сделанное в досаду ее величества, когда, напротив, самое состояние дел требует, чтоб все ее желания исполнены были?»

На второе и третье требование короля, чтобы королем мог быть только католик и чтобы католическая религия была признана господствующей, Панин изъявлял согласие; но не соглашался на четвертое—об определении наказания отступникам от господствующей религии. Панина затрудняло то, что издавна позволено было униатам переходить в православие, и потом надобно, писал он, «сохранить пред глазами публики непорочность наших

⁶³ Репнин Панину 30 августа (10 сентября).

намерений, касающихся до нашей собственной веры». На пятое королевское требование, чтобы необходимое число диссидентов в сенате и сейме было с точностью определено, Панин соглашался; требование это он даже считал для себя желательным, потому что без точного определения числа королю-католику и шляхте католической, составляющей огромное большинство, легко будет вовсе удалять диссидентов; но Панин не хотел согласиться на шестое требование, чтобы четыре епархии, отступившие в унию, оставлены были в настоящем их состоянии нетронутыми.

«Требование это,— писал он,—будучи само по себе согласно с главным нашим правилом, не повстречало бы, конечно, с нашей стороны препятствия; но как всякое о сих епархиях упоминание может подлежать неудобству, выше сего описанному, то, дабы в рассуждении их не навести себе и королю Польскому новых и напрасных хлопот, всего лучше будет оставить их со всею униєю как на сейме, так и в будущем трактате в полном и неприкосновенном молчании, яко такую секту, которая ни с тем, ни с другим законом прямо соединенною считаться не может»⁶⁴.

Эти решения Панина не остались без сильных возражений со стороны Репнина. «Если воспрепятствовать введению униатских епископов в сенат, то это будет значить, что мы требуем уже не равенства, а преимуществ; давая православным больше прав, побуждаем униатов переходить в православие. Как же не будем иметь в виду распространение нашей веры? Правда, что по закону 1635 года позволено было свободно переходить из унии в православие и наоборот, но о католиках нигде не упоминается, а есть наистрожайшие законы, которые запрещают отступать от католической религии: каким же образом будет успокоить сумасбродство и фанатизм, представляющий себе, что мы хотим совсем другое исповедание здесь ввести и их всех от католической религии отвратить, когда не позволим возобновить этих законов? Нельзя определять необходимое число диссидентских депутатов на сейме, потому что несколько сеймиков в разных местах может разорваться, но это не мешает собираться сейму, хотя в нем и не будет депутатов с разорванных сеймиков; теперь может случиться, что сеймики разорвутся именно в тех местах, которые должны будут присылать диссидентских депутатов, то неужели сейм не будет иметь права собираться вследствие отсутствия диссидентских депутатов, когда он собирается при отсутствии католических? Разве мы можем этого требовать? В сенате может быть допущено определенное число диссидентских членов, но, разумеется, отсутствие кого-нибудь из них по болезни или другой какой-нибудь причине не может уничтожить сенатских советов. Чтоб оставить в молчании четыре отпадшие на унию епархии,

⁶⁴ Панин Репнину 14 августа 1767 г

стараться я стану; но если сумасбродство и фанатизм представляют себе, что мы хотим увеличить здесь число своих исповедников, чем же то успокоить?»⁶⁵

Сами диссиденты усиленно просили, чтобы не вводить их в правительство определенным числом: с лишком полуторавековое гонение, испытанное ими от господствующей религии, истребило между ними знатную шляхту, и потому у них не было достаточного числа кандидатов на высшие места. Самое назначение епископа Белорусского в сенат встречало затруднение: как сенатору ему следовало быть шляхетского происхождения. Конисский думал, что в Малороссии есть монахи из польской шляхты, и Репнин просил Панина осведомиться об этом и дать знать, если найдутся люди, соединяющие с шляхетским происхождением личные качества, достойные сенаторского звания⁶⁶.

Но в то время как Репнин думал еще о возможности утешить фанатизм, сохраняя уважение к законам страны, не касаясь прав господствующей религии, Солтык с товарищами вели дело к другой развязке. Получив возможность сконфедероваться благодаря России, с помощью русского войска, теперь, чтоб отвергнуть русские требования, они, разумеется, прежде всего должны были требовать удаления этого войска. «Сейма нельзя держать при иностранных войсках!» — кричали они. Чтобы заглушить эти крики, король и маршалы конфедераций согласились с Репниным, чтобы конфедерация декретом своим объявила русские войска дружескими и помогающими вольности народной; потом для избежания противоречия и шумов конфедерация должна была объявить, что все присяги, принесенные на сеймиках земскими послами в противность смысла акта конфедерации и в противность точных прав, уничтожаются. Но конфедераты отвергли оба декрета, несмотря на все старание обоих генеральных маршалов, и главным деятелем в этом случае явился незначительный шляхтич Кожуховский, креатура маршала Мнишка. Репнин велел взять Кожуховского под арест и потом скоро выпустил; но уже кратковременного ареста было достаточно, чтобы сделать Кожуховского мучеником веры: папский нунций отправился к нему с визитом, за нунцием поляки толпами. Тогда Репнин отослал Кожуховского в его деревню под караулом⁶⁷.

23 сентября должен был начаться сейм. В этот день, когда послы съехались у князя Радзивилла, чтоб оттуда вместе отправиться на первое заседание, приезжает нунций и начинает говорить, что вера погибает, что их долг — защищать ее до последней капли крови, а не допускать до уравниения с прочими религи-

⁶⁵ Репнин Панину 6 (17) сентября

⁶⁶ Репнин Панину 21 сентября (2 октября)

⁶⁷ Репнин Панину 21 сентября (2 октября)

ями; именем папским объявил он, чтобы никак не соглашались на назначение от республики делегатов с полною мочью для переговоров с русским послом, ибо следствием будет необходимо гибель веры. Собрание было сильно наэлектризовано: слышались со всех сторон рыдания, клятвы, что готовы погибнуть за веру, что мученическая смерть будет им приятна. В самый разгар этих сцен вдруг является в собрание Репнин. Несколько умеренных депутатов выбежало к нему навстречу с увещаниями, чтоб он возвратился и что иначе они ни за что не отвечают; но Репнин не принял их советов и вошел прямо в середину толпы, которая встретила его криком, что все готовы умереть за веру.

«Перестаньте кричать!—сказал громко Репнин.—А будете продолжать шуметь, то и я с своей стороны шум заведу, и мой шум будет сильнее вашего». Тут оправились и маршалы конфедераций и стали уговаривать депутатов перестать кричать. Когда водворилась тишина, Репнин начал: «Я приехал только с визитом к князю Радзивиллу, а не трактовать с вами, потому что никто из вас этой чести иметь не может, не будучи уполномочен от республики; но частным образом, по-приятельски, скажу вам, что удивляюсь и сожалею, видя вас в таком возмутительном состоянии; вы позабыли, сколько имеете доказательств доброжелательства ее императорского величества, позабыли, что только под ее покровительством могли вы сконфедероваться для сохранения своей вольности и прав».

Тут речь Репнина была прервана криком: «Мы соединились также и для сохранения закона католического!» В другой раз объявил Репнин, чтобы перестали шуметь, иначе сам шуметь станет, и, когда крики утихли, продолжал: «Никто не отнимает у вас права иметь ревность к своему закону, эта ревность, конечно, похвальна; но разве кто хочет нарушать права римского вероисповедания? Если вы подлинно верны своему закону, то должны исполнять его справедливые предписания, чтобы никому в вере принуждения не делать, быть непоколебимыми в сохранении своих обязательств и в отдаении справедливости каждому. Если хотите жить в добром соседстве с Россией и пользоваться покровительством ее императорского величества, то соблюдайте договоры». Ответа на эту речь не было; но раздались крики: «Освободить Кожуховского!» «Если станете кричать,—отвечал Репнин,—ничего не сделаю; криком у меня ничего не возьмете; просите тихим, учтивым, порядочным образом, и тогда, может быть, сделаю вам удовольствие». Подошел Радзивилл и стал просить учтиво о Кожуховском, Репнин обещал и немедленно исполнил обещание.

Теперь надобно было хлопотать, чтобы на сейме тем или другим образом началось дело о диссидентах. Репнину хотелось, чтобы сейм прислал к нему делегатов спросить, чего ее императорское величество желает для диссидентов. Если бы

противники воспрепятствовали этому, то не оставалось другого средства, как послать на сейм для прочтения мемориал и просить решительного ответа. Во всяком случае Репнин хотел действовать сообща со всеми иностранными министрами, поддерживавшими вместе с Россией диссидентское дело. Главным между ними был прусский министр Бенуа, но Репнину дали знать, что Бенуа под рукою препятствует успеху диссидентского дела, уверяя, что русские только грозят, а никогда угроз своих не исполняют, да и король Прусский не выдаст поляков; особенно Бенуа хлопотал, чтобы не была принята русская гарантия. Также под рукою, тихо, но усердно работали против гарантии Чарторыйские, выдаваясь по ночам с краковским епископом. Со стороны Чарторыйских особенно сильно действовал против России князь Любомирский, великий маршалок коронный, но также под рукою. Зная расположение к России князя Адама Чарторыйского, старики дядья запретили ему под проклятием и лишением наследства быть делегатом для трактования с Репниным о диссидентском деле. Репнин имел по этому случаю разговор с князем Адамом, уговаривал его быть делегатом, представляя, какие вредные следствия могут произойти от их упорства. Чарторыйский отвечал, что чувствует всю правду слов Репнина, но согласиться на его требование не может. Репнин видел, что бедный Адам говорил от искреннего сердца, потому что навзрыд плакал.

Между тем благодаря стараниям Солтыка с товарищами умы всех депутатов были так настроены, что нечего было ожидать согласия на начатие переговоров с Репниным относительно диссидентского дела и гарантии. Сеймовое заседание 1(12) октября началось речью епископа Киевского, который в своих выходках против диссидентов дошел до того, что вольность, утвержденную законом, называл дьявольской, а не вольностью правоверных; потом начал протестовать против ареста Кожуховского и, обратясь к королю, требовал, чтобы тот не на словах только, а на деле показал свое правоверие. Король отвечал, что кроме усердия к вере католической он обязан еще иметь попечение о благополучии отечества; напомнил об обязательствах, в которые сама нация вступила чрез конфедерацию и посольство, отправленное к императрице, указал на вред, который произойдет, если этих обязательств не исполнить, и в заключение потребовал, чтоб прочтен был приговор конфедерации.

Когда приговор был прочтен, то начался страшный шум; со всех сторон крики: «Кто подписал грамоту?» На это отвечал секретарь конфедерации, что подписали маршалы по приговору соединенной генеральной конфедерации. Тут поднялся Солтык. «Вся конфедерация и сочинявшие ее советники отроду кредитивных грамот не читывали и, верно, грамоте не умеют, если такую грамоту подписали; впрочем,— продолжал он,— я этому не удивляюсь, потому что конфедерация принуждена была к этому

силою от абсолютной державы; но мы теперь можем и должны все ею сделанное ко вреду Польши ниспровергнуть, в том числе и эту грамоту, как противную религии и вольности; вольность наша нарушена совершенно взятием Чацкого и Кожуховского; надобно послать к русскому послу делегатов от сейма с требованием письменного ответа; по чьему повелению он так поступал и имеет ли на то инструкторию? Прежде получения ответа от Репнина и прежде освобождения Чацкого не позволяю ничего ни делать, ни говорить на сейме. Согласны ли все на это?» Большая часть послов закричали: «Согласны!» Опять король начал тихую речь: «Сами не знаете, чего хотите: такая делегация оскорбит достоинство самой императрицы; вместо всего этого надобно прилежно рассмотреть поданный при начале сейма князем Радзивиллом проект, сличить его с основанием, то есть с актом конфедерации, и с грамотою, отправленную к ее императорскому величеству; для этого даю я времени до 16 числа этого месяца». Этим заседанием и кончилось.

Узнавши эти подробности, Репнин почел необходимым покончить с Солтыком. Во вторник 2(13) числа у Краковского епископа собралось провинциальное заседание Малой Польши. Тут хозяин говорил еще сильнее, чем на сейме, против диссидентов и гарантий и объявил, что сейма нельзя продолжать более как два дня, будущую пятницу и субботу, потому что обыкновенный двухнедельный срок для чрезвычайных сеймов этими двумя днями закончится. Еще сильнее Солтыка говорил воевода Краковский Венцеслав Ржевуский, за ним архиепископ Львовский и епископ Киевский — Залуский. Вся провинция была согласна с ними, исключая одного маркиза Велипольского, краковского земского посла, который тщетно противился этим решениям: никто его не слушал. Князь Черторыйский, воевода Русский, быв в заседании, прямо противился гарантии, о диссидентах же и продолжении сейма говорил меж зубов.

Когда заседание кончилось и все разъехались, Солтык поехал ужинать к маршалу Мнишку; узнав здесь, что команда, отправленная Репниным, уже дожидается его на возвратном пути, он расположился ночевать у Мнишка; тогда полковник Игельстром вошел в дом к Мнишку и арестовал Солтыка, оттуда отправился к Залускому, захватил его, а между тем подполковник Штакельберг забрал Ржевуского и сына его Северина, старосту Долинского. Все захваченные отправлены были с достаточным конвоем в Вильну, к генерал-поручику Нумерсу, которому приказано было содержать их с довольством и не оскорблять ничем⁶⁸. На третий день после арестов явились к Репнину делегаты, по одному сенатору из каждой провинции, с просьбой, чтоб арестованным была возвращена свобода и чтоб остальные

⁶⁸ Репнин Панину 4 (15) октября.

депутаты получили ручательство за свою безопасность. «Арестованных не выпущу,— отвечал Репнин,— потому что они заслужили свою участь; я не отдаю никому отчета в моих поступках, кроме одной моей государыни, и, если хотите, можете обратиться прямо к ней с своею просьбой. По всемилостивейшему обещанию ее императорского величества преимущества и безопасность каждого члена республики будут свято соблюдаемы, если вы, в свою очередь, будете свято сохранять свои обязательства, заключающиеся в последних актах конфедерации и в грамоте, отправленной к ее императорскому величеству с посольством всей сконфедерованной республики, если земские послы поступают будут в силу данных им от сеймиков инструкций».

Все успокоилось. Назначена была комиссия для окончательного решения диссидентского дела и 19 ноября постановила следующее: все диссиденты шляхетского происхождения уравниваются с католической шляхтой во всех политических правах; но королем может быть только католик, и религия католическая остается господствующею. Брак между католиками и диссидентами дозволяется; из детей, рожденных от этих браков, сыновья остаются в религии отца, дочери — в религии матери, если только в брачном договоре не будет на этот счет особенных условий. Все церковные распри между католиками и диссидентами решаются смешанным судом, состоящим наполовину из католиков и наполовину из диссидентов. Диссиденты могут строить новые церкви и заводить школы; они имеют свои консистории и созывают синоды для дел церковных; всякий и не принадлежащий к католическому исповеданию может приобретать индигенат в Польше.

Между тем Репнин, которого обыкновенно представляют тираном короля Станислава, старался рассеять то впечатление, которое было произведено в Петербурге врагами Понятовского, членами посольства, отправленного к императрице конфедерацией, Виельгурским с товарищами. Он старался выставить услуги, оказанные королем России в последнее время; старался показать, что нет никакой нужды приносить Станислава-Августа в жертву врагам его, которые вовсе не сильны, и что конфедерация не имеет той важности, какую ей приписывают ее посланники в Петербурге; стоит только удовлетворить троих или четверых вождей, то все успокоится. Репнин представлял, что интересы императрицы требуют уважать короля, доказать ему, что с ее дружбой тесно соединено его благополучие, приобрести его полную доверенность и прямую привязанность; приверженный к России король не будет отказывать ее посланнику в просьбах о награждении людей, преданных России, и таким образом легко будет составить себе сильную партию. Но как привязать к себе короля, как составить себе партию из лучших, достойнейших людей? Король и лучшие люди желали ограничения *liberum veto*.

Репнин по этому поводу писал Панину: «Если вы намерены Польше дать какую, хоть малую консистенцию, для употребления иногда против турок; то внутренний сей порядок позволить нужно, ибо без оного никакой, ни самой малой услуги или пользы мы от нее иметь не будем: понеже сумятица и беспорядок в гражданстве и во всех частях в таком градусе, что уже более быть не могут. Если желаете, чтобы по-прежнему все головой материи на сеймах под единогласием трактовались и чтобы чрез *liberum veto* сеймы, как и прежде, разрывались, то и оное исполню. Сила наша в настоящее время все может. Но осмелюсь то представить, что не только тем не утвердим доверенность нации к нам и нашу здесь инфлюенцию, но, напротив, совсем оныя разрушим, оставя в сердцах рану всех резонабельных и достойных людей, которые разделения законов желают (на государственные, проходящие единогласием, и внутренние, принимаемые по большинству голосов), на которых одних надеяться можно и которые, наконец, одни же только и могут чрез свой рассудок нацией предводительствовать; следовательно, и оскорбим мы ту большую часть нации, если подвергнем ее прежнему беспорядку чрез совершенное разрывание сеймов, особливо когда желаемый ими порядок нам не вреден, чрез которое легко будет доказать всей нации, что мы иного не желаем, как ее видеть в порабощении и сумятице. Таковое мнение произведет натурально крайнюю недоверку и сильно, следовательно, претягивать будет к собранию нам в не зависимую ни от кого, кроме нас, партию надежных и достойных людей, на коих бы мы характер и на их в народе инфлюенцию полагаться могли.

Если ж нашу партию соберем из людей, кои почтения в нации не имеют, то они нам более будут в тягость, нежели в пользу, не имея сами по себе никакого кредита: и так принуждены будем все делать единственною силой, которая совершенно разрушает сей важный предмет, чтобы свою независимую в земле партию иметь; из сего же то произойдет, что при первом случае, при коем аттенция наша или силы отвращены будут в другую сторону, Польша, по бессилию только снося строгость нашего ига, тем воспользоваться захочет, дабы оного избавиться. Правда, нами сделаны обещания чрез декларацию о испроизвержении всего того, что вопреки вольности народной последними сеймами постановлено было, обещая соблюсть нацию в ее преимуществах. Но не сдержим ли мы торжественным образом наши обещания, когда форму правления чрез кардинальные законы так утвердим, что уже не только конфедерации, но и самое единогласие того переменить не будет в силах? Не оставим ли мы нацию в преимуществах *liberum veto*, когда все штатские материи одним единогласием на вольных сеймах решены быть могут? Достальное все принадлежит до единого порядка, как-то: внутренности судебного обряда, тожь економии учрежденных

уже доходов и содержания имеющегося уже войска. Большая часть нации, в том числе все резонабельные люди, того желают. Не верьте, ваше сиятельство, тем, кои вам противное сему от имени сконфедерованной нации говорят. Заседания конфедерации совсем с начала сейма ни единого не было, а без собрания такового никакие повеления именовем ее посылаться не могут. Сии все доношения, вам чинящиеся, суть токмо плоды интриги, желая при настоящем случае в мутной воде рыбу ловить и забирая на свои персоны репрезентации нации»⁶⁹. Репнин оканчивает свои представления словами: «Какая слава составить счастье целого народа, позволив ему выйти из беспорядка и анархии! Я верю в возможность соединения политики с человеколюбием; я льстился быть исполнителем намерений императрицы и вместе содействовать счастьем народа, у которого я имею честь быть ее представителем»⁷⁰.

«Для чего бы не позволить пользоваться соседям некоторым нам индифферентным порядком, который еще и нам иногда может в пользу оборотиться?» — заметила императрица на донесение Репнина, и вследствие этого, относительно сеймовой формы, было постановлено, что в первые три недели будут решаться только экономические вопросы, и решаться большинством голосов; все же государственные дела будут решаться в последние три недели — единогласием.

СТАТЬЯ ПЯТАЯ

В начале 1768 года в Петербурге могли думать, что тяжелое польское дело окончено. Репнин был щедро награжден; конфедерация, как достигшая своей цели, распущена; русские войска вышли из Варшавы, готовились выйти и из королевства, как в марте месяце были получены в Варшаве известия о беспорядках в Подолии. Подкоморий Розаньский Красинский, брат епископа Каменецкого, вместе с Иосифом Пулавским, известным адвокатом, захватили город Бар, принадлежащий князю Любомирскому, и подняли там знамя восстания за веру и свободу. Монах-фанатик Марк из Бердичевского монастыря с крестом в руках ходил по селам и местечкам, проповедуя необходимость приступить к конфедерации. В Галиции образовалась другая конфедерация под предводительством Иоахима Потоцкого, подчашого Литовского; Рожевский провозгласил конфедерацию в Люблине. Но восстание это вовсе не было народным: громкие слова «вера и свобода!» не производили впечатления на массу; трудно было подниматься за веру, полагаясь только на слова

⁶⁹ Репнин Панину 11 (22) декабря 1767 г

⁷⁰ Репнин Панину 12 (23) декабря

какого-нибудь отца Марка, не видя, кто и как утесняет веру, трудно было подниматься за свободу, которою пользовалась одна шляхта, и пользовалась ею для того, чтобы составлять конфедерации то против одного, то против другого, приглашая на помощь чужие войска, а теперь хотела поднять конфедерацию для вытеснения этих войск, провозглашая их врагами свободы; но в чем состояла эта враждебность — понять было очень трудно. Кроме недостатка сочувствия в народе успехам конфедерации вредила поспешность, с какою она была провозглашена, неприготовленность средств, недостаток военных способностей и военной школы в вождях конфедерации. Поэтому конфедераты ждали спасения только от чужеземной помощи Каменецкий епископ Красинский обегал дворы — Дрезденский, Венский, Версальский, проповедуя всюду, что Россия хочет овладеть Польшею — и какая беда будет от этого всей Европе. Но более всего защитники веры ждали помощи от турок.

Несмотря, однако, на это невыгодное положение конфедератов, они могли затянуть борьбу с Россиею, во-первых, вследствие малочисленности русских войск в Польше: страшных притеснителей веры и свободы польской было не более 16 000 во всем королевстве, причем особенно мешал успешному преследованию конфедератов недостаток в легкой кавалерии, вторых, скорому успокоению волнения в Польше помешала турецкая война, разделившая русские силы 27 марта состоялось сенатское решение — просить императрицу Всероссийскую, как ручательницу за свободу, законы и права республики, обратить свои войска, находившиеся в Польше, на укрощение мятежников. Репнин двинул войска в разных направлениях, и конфедераты нигде не могли выдержать их напора. Города, занятые конфедератами, — Бар, Бердичев, Краков — были у них взяты; но трудно было угоняться за мелкими шайками конфедератов, которые рассыпались по стране, захватывали казенные деньги, грабили друга и недруга, католика и диссидента, духовного и светского человека. Награбивши денег, шайки эти убегали в Венгрию или Силезию.

Страшная смута и рознь господствовали повсюду; брат не доверял брату; у каждого были свои виды, свои интересы, свои интриги, никому не было дела до отечества, лишь бы страсть его была удовлетворена, лишь бы частные его дела обделались; один брат писал громоносные манифесты против русских и соединялся с конфедератами, другой — заключал контракты с русскими, брался поставлять в их магазины хлеб и овощи⁷¹. Между конфедератами особого рода удалью

⁷¹ Делеша саксонского посланника Ессена к своему двору, 7 декабря 1768 г

отличался ротмистр Хлебовский: встретив на дороге нищего, жиды или так какого-нибудь пешехода, сейчас повесит на первом дереве, так что, говорят современники-поляки⁷², русским не нужно было проводников: они могли настигать конфедератов по телам повешенных. Шайка Игнатия Малчевского, старосты Сплавского, полтора года водила за собой русских; где могли русские ее настигнуть, всякий раз били; но шайка не уменьшалась, потому что плата хорошая, корму много, и притом дарового, разврат, полная власть над жителями страны, унижение самых знатных панов перед конфедератами, которые недавно были их слугами,— все это тянуло под знамена конфедерации всякую голь, дворовую служню, горожан и крестьян, которые не хотели работать. За один или два часа страху, испытанного при встрече с русскими и в бегстве от них, достаточной наградой было роскошное гулянье по стране в одежде защитника веры и вольности⁷³. К опустошению страны конфедератами присоединился еще бунт гайдамаков, который начался таким образом.

Князя Любомирские, маршалок великий коронный и брат его воевода Любельский, заставили третьего Любомирского, слабоумного пьяницу, подстолия Литовского, владельца огромных имений, передать торжественным актом это имение своим детям, причем ему самому и жене его выговорена была ежегодно значительная сумма из доходов. Так как дети Любомирского были малолетние, то назначены были опекуны. Но это сделка не нравилась Сосновскому, писарю Литовскому, любовнику княгини Любомирской, обманутому в надежде составить себе состояние. Он стал наговаривать княгине, чтобы выкрала мужа из Варшавы, и пусть он опять примет имение в свое заведование: тогда она будет управлять слабоумным мужем и его имением, а не фамилия Любомирского и не опекуны. Княгиня взбунтовала мужа, выкрала его из Варшавы и привезла на контракты во Львов в 1768 году. Здесь люди совестливые не входили с ним ни в какие сношения; но наехали игроки из Варшавы, обыграли Любомирского и заставили заплатить карточный долг имениями под видом покупки. Но покупщики очень хорошо знали, что дело не обойдется легко, что опекуны детей Любомирского не впустят их ни в одно имение. Надобно было найти людей, которые, получив полномочие от Любомирского, приняли бы на себя обязанность бороться с опекунами и ввести во владение покупщиков. Такие люди нашлись: два шляхтича, Бобровский и Вольтынецкий.

Бобровский отправился комиссаром в имение Любомирского Побереже; но его никто там не хотел слушать, едва ушел поздно-

⁷² Pamietniki do panotcania Augusta III, i pierwszych lat Stanist Augusta II,

⁷³

⁷³ Там же, стр 90

рову, потому что один из опекунов, Швейковский, узнав о львовских проделках, разослал по всем имениям приказы, чтобы никто из управляющих не смел слушать Бобровского и Вольнецкого, какие бы бумаги от князя Любомирского они ни показывали. Бобровский, выгнанный из Побережа, снесся с Вольнецким, и оба решили ехать в другое имение Любомирского, Смилянщизну, и поднять здесь крестьян обещанием уничтожения унии. Чтобы иметь помощь и с другой стороны, они отправились в Бар к Пулавскому, маршалку конфедерации, с просьбой, чтобы признал их советниками конфедерации и дал свои бланкеты для написания разных приказов его именем, за что обещали ему доставить для конфедерации тысячу вооруженных козаков. Пулавский легко согласился на их желание. Получивши бланкеты, Бобровский и Вольнецкий с торжеством поехали в Смилу, укрепленный замок Любомирского. Но ворота заперты, пускать не велено; управляющего Вонжа нет дома, но отлично распоряжается всем его жена; в замке 50 козаков гарнизона, пороху и всяких запасов много. «Муж мой не знает никаких комиссаров князя Любомирского, кроме опекунов молодых князей», — велит жена управляющего отвечать Бобровскому и Вольнецкому на их требования отворить замок и на их угрозы. Тогда комиссары обращаются к козакам, живущим на землях в имении, и уговаривают их атаковать замок, но гарнизонные козаки отбивают нападение. Бобровский и Вольнецкий придумывают средство: велят схватить жен и детей гарнизонных козаков и ставят их в первую линию козаков, идущих на вторичный штурм. Но и это средство не помогло: гарнизонные козаки стреляют, несмотря на то, что от их пуль падают их жены и дети. Видя такой страшный грех, козаки не пошли на штурм и отказались повиноваться комиссарам. Бобровский и Вольнский, которые за несколько дней перед тем обещали им ратовать за православие, теперь начали им грозить, что придет Барская конфедерация и истребит их всех до одного человека и псы будут лизать их кровь за их непослушание. Угроза не подействовала; козаки не шли штурмовать замок. Тогда Бобровский и Вольнецкий решились ехать в Бар и, чтоб исполнить обещание, данное Пулавскому, велели начальнику козаков, Тымберскому, ехать за ними туда же со всеми козаками. Тымберский не смел ослушаться приказа, написанного от имени маршалка конфедерации (на бланкете Пулавского). И повел козаков вслед за комиссарами.

Тымберский был человек огромного роста и толщины, тяжело ему было ехать верхом, и коню было тяжело везти его; стал просить Бобровского и Вольнецкого, чтобы позволили ему сойти с лошади и пересесть на телегу. Те позволили. Но как скоро Тымберский переселился на телегу, козацкие старшины, сотники, атаманы, есаулы остановили ее и обступили

Тымберского с вопросом: «Куда нас ведешь, пан полковник?» «Приказ имею от маршалка конфедерации Барской, чтоб явился с вами в Бар»,— отвечал тот. «Если хочешь, пан полковник,— отвечала старшина,— то ступай себе в Бар один». И, обратившись к козакам, крикнули: «Молодцы! За нами, домой в Смилянщизну!» И след простыл. Бобровский, Вольнецкий и Тымберский посакали одни в Бар, боясь за собою погони козацкой.

Вспомним, что Вольнецкий грозил козакам и крестьянам смилянским приходом войск конфедерации, которые истребят их всех. Как нарочно, через несколько дней разнесся слух, что идут две польские хоругви, ведут пойманных на разбое гайдамаков, чтобы сажать их на кол на месте преступления в Смилянщизне. Козаки, боясь, что это войско прислано для их наказания за покинутых Бобровского и Вольнецкого, стали перебегать за русскую границу, за Днепр, под Переяславлем, где их пускали и с лошадьми, оставляя только оружие их при рогатках.

Между посаженными на кол гайдамаками находился родной племянник игумена, эконома переяславского архиерея; этот игумен, раздраженный позорною смертию племянника, стал уговаривать бывших в то время в Переяславле на богомолье запорожцев и главного между ними Железняка, чтоб они подняли с поляками войну за веру, потому что поляки устроили Барскую конфедерацию против православной веры. Для сильнейшего убеждения игумен показал Железняку на пергаменте указ императрицы «подниматься против поляков за веру», титул был написан золотыми буквами, подпись и печать подделаны. Железняк отвечал игумену, что с несколькими сотнями запорожцев он не может начать этого дела, тогда игумен сказал ему: «А вот недалеко при рогатках много беглых козаков, которые убежали от войск конфедерации, потому что поляки хотели их всех истребить; уговорись с этими козаками и ступайте в Польшу, режьте ляхов и жидов; все крестьяне и козаки будут за вас».

Железняк пошел к козакам, показал им поддельный указ императрицы, и все вместе вторгнулись за Днепр, поднимая крестьян и козаков, истребляя ляхов и жидов. На деревьях висели вместе: поляк, жид и собака, с надписью: «Лях, жид, собака — вера одна».

Так рассказывает о происхождении гайдамацкого бунта поляк-современник, слышавший подробности от людей, самых близких к событию. При начале своего рассказа он говорит: «Это дело имело вид, как будто бы произошло по наущению русского правительства, но в самом деле поводы были другие»⁷⁴.

Репнина сильно раздосадовал гайдамацкий бунт. Он указывал на переяславского архиерея Гервасия и матренинского игумена

⁷⁴ Pamiętnik do historyj polskiej, Adama Moszezyń'kiego, стр. 126 и след.

Мелхиседека как на «некоторую причину» волнения, особенно вооружался против Мелхиседека, известного ему своим беспокойным характером; требовал, чтобы все православные польских областей были отданы в ведомство епископа Белорусского, которого через это можно вывести из нищеты, предосудительной для достоинства православного закона⁷⁵.

Бунт ширился, охватил Смилянщизну, грозил Умани, принадлежавшей киевскому воеводе Потоцкому. У Потоцкого главным управителем здесь был Младанович, а кассиром Рогашевский. Управляющий и кассир посылали тайком жидов к воеводе наговаривать друг на друга. Для разбора, кто из них прав, кто виноват, Потоцкий отправил в Умань пана Цесельского, который рассказал Младановичу и Рогашевскому, какие доносы на них были сделаны воеводе. Те, вместо того чтобы заподозрить друг друга, заподозрили сотника Гонту, которого любил Потоцкий и поручил ему заселение слобод, почему Гонта и ездил часто к воеводе. Управляющий и кассир стали мстить Гонте, потребовали 100 злотых за сотничество, и это в то время, когда козацкий бунт кипел по соседству.

Пришло требование от Барской конфедерации, чтобы выслали в Бар всю милицию и козаков воеводы Киевского. Но воевода распорядился иначе: он велел Цесельскому забрать всех козаков и поставить их на степи над рекою Синюхою, составляющею границу с Россией, а к Пулавскому Потоцкий написал, что вместо козаков, которые не будут охотно биться с русскими, он приказал сформировать из шляхты конную и пешую милицию и отослать с трехмесячным жалованьем и провиантом в Бар. Цесельский, Младанович и Рогашевский, чтобы не истощать казны воеводской сформированием милиции, назначили на этот предмет чрезвычайный подбор с козаков, и все это, когда козацкий бунт кипел по соседству и уманьские козаки стояли в степи на Синюхе под начальством сотников — Дуски, Гонты и Яремы, готовые союзники для Железняка.

Одни жида чуяли беду и явились к Цесельскому с представлениями, что надобно остерегаться Гонты, тем более что он теперь главный: Дуска умер в степи. Жида говорили, что Гонта, наверное, сносится с Железняком, что есть слух, будто Гонта уже предлагал Дуску соединиться с Железняком, но будто тот отвечал: «Семь недель будете пановать, а семь лет будут вас вешать и четвертовать».

Напуганный жидами, Цесельский послал приказ Гонте немедленно явиться в Умань. Тот прискакал и был сейчас же закован в кандалы, а на другой день уже вели его на площадь, под виселицу. Но с счастливой руки Хмельницкого козацких

⁷⁵ Репнин Панину 20 (31) августа 1768 года.

богатырей все спасали женщины. И тут взмолилась за Гонту жена полковника Обуха: «Оставьте в живых, я за него ручаюсь». Тронулся Цесельский просьбами пани Обуховой и отпустил Гонту — опять в стан на Синюху начальствовать козаками! Жиды увидели, что судьба их в руках того, кого они подвели было под виселицу: они наклали брыки сукнами и разными материями, собрали денег и отвезли Гонте с поклоном: «Батюшка! Защити нас!» Гонта сказал жидам: «Выхлопочите у пана Цесельского приказ, чтобы отпустил меня против Железняка». Жиды выхлопотали приказ; но Цесельский велел троим полковникам принять начальство над козаками. Эта мера не помогла, на дороге Гонта объявил полковникам: «Можете, ваша милость, ехать теперь себе прочь, мы в вас уже не нуждаемся». Полковники убралась поскорее в Умань, а Гонта соединился с Железником. Скоро вся толпа явилась под Уманью, в ближнем лесу разостлали ковер, на котором уселись Железняк с Гонтой, козаки составили круг, и какой-то подьячий читал фальшивый манифест русской императрицы. Потом началась попойка и шла всю ночь.

В замке Уманьском уже не было больше Цесельского, он исчез; главное начальство перешло к Младановичу. К нему явился комендант Ленарт и объявил, что пьяные козаки ночуют на фольварке и что их ничего не стоит вырезать, сделавши вылазку из замка. Но Младанович никак на это не решился: он созвал жидов, велел им нагрузить брыки дорогими материями и везти к Железнику и Гонте в подарок с просьбою о капитуляции. Гонта и Железняк, пьяные, приняли подарки с удовольствием, но переговоры отложили до утра.

Действительно, утром на другой день оба предводителя со всею старшиной подъехали верхами к городским воротам, перед которыми был мост, переброшенный через глубокий ров. Комендат Ленарт велел зарядить картечью четыре пушки, но Младанович и Рогашевский, увидавши это, закричали: «Что вы делаете? Вы нас всех погубите!» Шляхта polegла на пушках и отогнала артиллеристов, а между тем Младанович спешил окончить переговоры с Железником; положили: 1) козаки не будут резать католиков, шляхту и поляков вообще, имения их не тронут; 2) в жидях и их имении козаки вольны. По заключении капитуляции все поляки пошли в костел, а козаки ворвались в город и начали резать жидов; потом, когда все жиды были перерезаны, добрались до милиции, назначенной в Бар; покончив с нею, пошли к костелу и начали вытаскивать оттуда мужчин, женщин, детей и бить; некоторых женщин, которые понравились, взяли за себя замуж и детей усыновляли. Младанович и Рогашевский погибли от Гонты. Весь город был устлан трупами, глубокий колодезь на рынке наполнился убитыми детьми. Крестьяне по селам в это время били жидов, вязали посессоров и шляхту и привозили в Умань, где пьяные козаки убивали их.

После этих подвигов Гонта провозгласил себя воеводою Брацлавским, а Железняк Киевским и разослал в разные стороны отряды резать шляхту и жидов. Один из этих отрядов, под начальством сотника Шилы, направился к Балте, пограничному местечку, которое речка Кодыма отделяет от татарского местечка Галты. Балта славилась своими ярмарками, на которые приводили лошадей, рогатый скот, овец; для закупки лошадей приезжали ремонтеры из Пруссии и Саксонии. Местечко богатело от этих ярмарок; в нем жило много жидов, греков, армян, турок и татар; было кого порезать гайдамакам, было что пограбить. Шила с своим отрядом явился в Балту и начал тем, что поколол всех жидов; потом, прожив дня четыре спокойно, собрал свое войско и вышел из Балты. Увидав, что этим все кончилось, турки в Галте подняли крик и вместе с жидами перешли с татарской стороны на польскую; одни пошли на гору в погоню за гайдамаками, другие начали бить православных — сербов и русских, грабить товары и зажгли предместье. Шила, услышав, что турки и жиды напали на православных, возвратился, прогнал неприятелей на татарскую сторону, перешел вслед за ними в Галту и все здесь разорил и пограбил. На другой день битва возобновилась нападением турок, которые опять были прогнаны в Галту. После этого гайдамаки помирились с турками и много отдали им назад из пограбленного. Но как скоро Шила выступил в другой раз из Балты, турки и жиды явились опять в местечке, начали ругать христиан, многих постреляли и порубили, церкви ограбили. Вслед за басурманами явились конфедераты, и православным стало не легче; каждый день поляки *ревизовали христиан*, били и убивали до смерти. Православные обратились с просьбой о защите к русскому полковнику Гурьеву и в просьбе рассказали, как было дело. Просьба оканчивалась так: «Конфедераты очень хотят, чтобы нас теперь переловить и погубить; того ради просим не оставить нас и показать над нами жалость, просим нам, бедным, дать конвой, чтобы мы могли все свое забрать. К сему доношению подписалось целое братство наше купеческое, греческое»⁷⁶. К этим событиям в Балте придрались турки, чтобы сложить всю вину на Россию и объявить ей войну.

Железняк и Гонта были схвачены по распоряжению генерала Кречетникова; гайдамацкий бунт потух, но конфедерация продолжалась. «Стараться я, конечно, всячески буду о восстановлении спокойствия; но, к несчастью, не все так идет, как желается», — писал Репнин в Петербург⁷⁷. Чарторыйские увидели затруднительное положение России, принужденной теперь вести

⁷⁶ Копия с доношения христианских обывателей Балты Гурьеву от 16 июня 1768 г приложена к депеше Репнина

⁷⁷ Репнин Панину 20 (31) августа

томительную и бесплодную войну, и заговорили иначе; особенно переменяли они тон, когда началась турецкая война, вначале неудачная для России и разделявшая ее силы. Чарторыйские начали заговаривать с Репниным о необходимости изменить постановления о диссидентах и гарантии. Королю, который до сих пор преклонялся перед силой России, королю показалось, что в Барской конфедерации высказалась другая сила, сила польской национальности: как обыкновенно поступают люди с его характером, он испугался этой новой силы, стал кланяться перед нею и также заговорил с Репниным о необходимости для прекращения волнений отступить от диссидентского дела и гарантии. «Я сам знаю,— писал Репнин,— что волнения прекратятся, если мы отступимся от этих двух пунктов, но дороже бы сия тишина была куплена, нежели она стоит», и потому он «сделал королю самый короткий и ясный отказ». Прусский посланник Бенуа также обратился к Чарторыйским с просьбой, чтоб они откровенно объявили его государю о способах примирения; но Чарторыйские отвечали, что ни во что мешаться не могут и что судьба республики зависит единственно от хода событий, от того, как пойдет турецкая война⁷⁸.

Для успешного хода этой войны русским войскам необходимо было занять две крепости в польских владениях, Замосц и Каменец-Подольский, особенно последний, ибо, воюя с конфедератами и не зная, какой оборот может еще принять эта война, опасно было оставлять в тылу у себя такую важную крепость, которая могла быть сдана туркам. Замосц находился в частном владении у Замойского, который был женат на сестре королевской; поэтому Репнин частным образом обратился к брату короля, оберкамергеру Понятовскому, не может ли король написать партикулярно своему родственнику, чтобы тот не препятствовал русским войскам в занятии Замосца. Но король, вместо того чтобы отвечать частным же образом, собрал министров и объявил им, что русские хотят занять Замосц. Вследствие этого Репнину была прислана нота, что министерство его величества и республики за долг поставляет просить не занимать Замосца.

Репнин не принял ноты, ответив, что он не требовал ничего относительно этой крепости, а великому канцлеру коронному Млодзевскому заметил, что русские войска призваны польским правительством для успокоения страны: на каком же основании не давать им выгод, одинаких с выгодами польских войск? Когда же Репнин стал пенять королю, зачем он не сделал различия между поступком конфидентной откровенности и министеральным, то Станислав-Август прямо сказал: «Не сделай я так, ведь вы бы заняли Замосц». Репнин отвечал так же прямо, что занятие

⁷⁸ Репнин Панину 7 (18) декабря

Замосца необходимо для безопасности Варшавы в случае татарского набега и что таким поступком король не удержит его от занятия крепости: «Я ее займу хотя бы и с огнем». «Это занятие очень важно,— продолжал король,— стоит только начать». «Не разумеете ли вы Каменца?»—спросил Репнин. «Именно»,— отвечал король. Тут Репнин сказал ему: «Мы из Польши в турецкие границы не выйдем, прежде нежели не будем иметь Каменец для учреждения там нашего магазина и пласдарма; итак, если вы хотите, чтобы война шла не у вас, а в турецких границах, то отдайте нам Каменец». Зная, что король уже повидался с дядюшками, Репнин спросил его: «Как ваше величество теперь с ними? Рассуждали ли о настоящих обстоятельствах?» Король несколько смутился и отвечал: «Они со мною по-прежнему холодны; что же касается настоящих обстоятельств, то они говорят то же, что и вам говорили, то есть что нужно посредничество чужестранных держав и что иначе нацию успокоить нельзя, как отступить от гарантии и диссидентского дела, позволить диссидентам только свободу вероисповедания, отнявши доступ в судебные места и в законодательство». «Это лекарство хуже болезни, и, конечно, мы его не употребим»,—отвечал Репнин,—вам, другу России, обязанному ей престолом, не годится уничтожить общего дела, вы должны продолжать свою преданность к России, особенно когда видите, что все стараются свергнуть вас с престола, что и на Россию-то все сердятся за то, что мы поддерживаем вас на престоле». «Я бы охотно свое место оставил,—отвечал король,—если бы мог скоро успокоить свое отечество и доставить нации то, чего она так желает, то есть уничтожение гарантии и диссидентского дела».

В Совете королевском враждебные России голоса явно взяли верх: маршал коронный князь Любомирский и граф Замойский от своего имени и от имени Чарторыйских предложили, что войско правительства польского, назначенное под начальством Браницкого действовать против конфедератов, должно немедленно распустить по непременно квартирам, иначе русские подговорят его на свою сторону и употребят против турок, из чего султан может заключить, что Польша заодно с Россией против Турции. Любомирский с товарищами сильно восставали против последнего сенатского Совета, который решил просить у России помощи против конфедератов. Браницкий противился распусшению войска, говорил, что это произведет неудовольствие в народе и возбудит подозрение в русском правительстве; но Замойский продолжал настаивать на распусшении войска и требовал, чтоб отныне принята была следующая система: не давать России явных отказов, но постоянно находить невозможности в исполнении ее требований, льстить, но ничего не делать, королю нисколько не вмешиваться в настоящие волнения, нейти

против нации, не вооружаться и против турок, но выждать, какой оборот примут дела. Король во время этих споров не отворял рта и наконец пристал ко мнению Браницкого. Положено не распускать войска, но запрещено ему приближаться к турецким границам, позволено требовать русской помощи и соглашаться с русскими войсками свои движения только против бунтующих крестьян; но вместе с русскими нигде не быть, чтобы не показывать, что польское правительство заодно с русским⁷⁹.

Вопрос о Каменце не переставал занимать Репнина, потому что императрица предписывала стараться о занятии Каменца всеми способами — кроме насилия. Зная, что король снова подпал влиянию Чарторыйских, Репнин обратился к ним, выставляя необходимость занятия Каменца. Чарторыйские отвечали: «Лучше подвергнуть весь тот край совершенному опустошению, чем подать туркам причину к объявлению нам войны, тем более что еще неверно, чтобы турки обратились к польским границам; да хотя бы и этих причин не было, то отдать Каменец не достойно патриотов». Репнин обратился к ним с вопросом: «Что, по вашему мнению, для вас выгоднее, чтобы Россия или Порта взяла верх в настоящей войне? Ибо от решения этого вопроса должно зависеть все ваше поведение». «Ни то, ни другое, — отвечали Чарторыйские, — выгода наша состоит в том, чтобы не путаться нисколько в это дело». «Достоинство вашей короны страдает от презрительных отзывов Порты на ваш счет», — сказал Репнин. «Где нет бытия, там нет и достоинства, мы все потеряли», — отвечали Чарторыйские, и литовский канцлер примолвил: «Il vaut mieux [ne rien faire, que de faire des riens] («Лучше ничего не делать, чем заниматься пустяками». — *Примеч. ред.*).

Репнин обратился к королю. Те же ответы, какие слышал и от Чарторыйских. Репнин представил ему, что он глядел не своими глазами и что никогда не предстояло ему такой нужды быть в самом полном согласии с Россией, потому что она одна может спасти его от падения, которое ему готовят Порта и Франция и большая часть поляков. «Все это я очень хорошо вижу, — отвечал король, — но есть такой период бедствий, в который уж никакая опасность не чувствительна; я теперь именно в этом периоде и потому отдаю свой жребий во власть событиям». «Умоляю ваше величество подумать, — сказал на это Репнин, — теперь у вас еще есть хотя малая армия, а в марте месяце и той заплатить будет нечем, тогда если бы вы и захотели на что-нибудь решиться и к нам приступить, то уже будет не с кем».

Король отвечал на это уверениями, что он с своим войском не сделает ни шага против русских. Репнин этому вполне верил, но

⁷⁹ Репнин Панину 20 (31) декабря «Я все, что в приватном совете у короля происходило, знаю чрез весьма верного человека, который сам в том находился»

знал, что как скоро жалование прекратится, то весь этот сброд составит новые разбойничьи шайки. Репнин опять спросил короля: «Можем ли мы на вас надеяться?» «Я, кажется, доказал свое усердие, потеряв через него весь кредит в своей нации и дошедши до бессилия, которое мне в вину поставить нельзя»,— отвечал король. «Конечно,— продолжал Репнин,— прошедшая ваша дружба забыта не будет, но надобно ее продолжать. А как скоро вы ее прекратите, то и все кончится». «Если ее императорское величество,— отвечал король,— даст мне возможность быть ей полезным, согласясь отступить совершенно от гарантии и частию от диссидентского дела, даст мне через это способы возвратиться к себе любовь и доверенность моих подданных, то я докажу действительным образом, что нет человека преданнее меня ее императорскому величеству; но если она этого не сделает, то я хотя и останусь другом, но в совершенном бездействии и небытии».

Репнин отвечал, что императрица не может отступить от своих прав и компрометировать свое достоинство. Король повторил решительный отказ относительно сдачи Каменца, и Репнин кончил разговор словами, чтобы король пенял во всем на себя, а русские будут уметь взять предосторожности, какие им нужны⁸⁰. В другом разговоре с Репниным король повел речь о возможности своего близкого падения. Репнин заметил ему, что всегда неприятно с престола сходить, а согнаны быть стыдно. «Меня, конечно, не сгонят,— отвечал король,— я умру, давши себя застрелить в своем дворце, а места своего не покину, буду здесь защищаться». «Лучше бы не дожидаться такой крайности,— возразил Репнин,— славнее было бы умереть в поле, а не в своей комнате; я сам пойду к вам в адъютанты, если только вы примете это мужественное намерение и соедините свои силы с нашими; слава и счастье сами не приходят, а надобно идти к ним навстречу и их искать». «В моем положении нельзя думать о славе,— отвечал король,— выше славы поставляю свой долг, а долг запрещает мне переменить свое поведение»⁸¹.

Итак, решение, принятое королем и Чарторыйскими, обозначилось ясно: или заставить Россию переделать свое дело, или оставаться в совершенном бездействии, дожидаясь, чем кончится борьба России с Турцией и конфедератами и как будут смотреть на эту борьбу другие державы, поставить через это Россию в самое затруднительное положение, ибо до сих пор ее уполномоченный в своих действиях опирался на польское правительство, а геперь это правительство складывало руки; но, объявляя себя не за Россию, оно тем самым объявляло себя против нее.

⁸⁰ Репнин Панину 24 декабря 1768 г (4 января 1769 г)

⁸¹ Репнин Панину 28 января (7 февраля) 1769 г

В Петербурге хорошо понимали затруднительность этого положения, и, как обыкновенно бывает, нашлись люди, которые поспешили обвинить во всем Репнина: не так принялся за дело, слишком натянул, тем более что в жалобах из Польши на деспотизм посла не было недостатка. И людям, более сдержанным, не спешащим отсылать в пустыню козла отпущения, могло казаться, что по новым обстоятельствам роль Репнина в Польше должна кончиться, что надобно попробовать, нельзя ли выйти из затруднительного положения путем некоторых уступок и соглашений, а для этого нужен был другой человек, которому легче было начать другой образ действий, чем Репнину.

Репнин был отозван в июне 1769 года, на его место назначен князь Михаил Никитич Волконский. Эта перемена, каким бы путем ни дошли до убеждения в ее надобности, была ошибкой. Князь Репнин был именно человек необходимый в Польше в описываемое время. Он отлично знал страну, знал людей и умел обходиться с ними. Пред началом каждого дела он соображал его трудности, могущие произойти неблагоприятные последствия и не таил их от своего правительства; но как скоро убеждался в необходимости действовать или получал решительное приказание из Петербурга, то принимался за дело, и уже ни шага назад, ни малейшего колебания. Репнина могли ненавидеть; но его не могли не уважать; при том несчастном характере, которым отличалось большинство польских деятелей, именно был нужен человек, которого бы уважали, которого бы боялись, как уважали и боялись Репнина. Это было нужно не для одних поляков; началась война такого рода, которая наиболее могла способствовать ослаблению дисциплины в русском войске: толпы конфедератов пробегали страну разбойничьими шайками, преследователи их могли легко увлечься примером: если свои поступали так, то чужие и подавно, особенно в стране, где враждебность к русским в известной части народонаселения, давившей остальные, высказывалась беспрестанно самым мелочным образом, наиболее раздражающим, наиболее вызывающим к насилию. Репнин не позволил бы ни одному русскому отряду подражать конфедератским шайкам: ручательством служило его поведение относительно генерала Кречетникова, запятнавшего себя корыстолюбием. Наконец, Репнин обладал военным талантом, что при тогдашних обстоятельствах было делом первой важности.

Преемник Репнина был человек достойный, но не Репнин; да и задача, возложенная на князя Волконского, была так трудна, что мы никак не решимся сложить на него всю вину ее неисполнения. Он должен был действовать и твердо, и вместе мягко; он не должен был позволять никаких важных, существенных изменений в том, что было сделано Репниным, мог сделать только некоторые незначительные уступки. Но как скоро показана была

готовность к уступкам, то вместе показана была слабость, сознание затруднительности своего положения, и это показано было людям, которые привыкли преклоняться только пред силой, которые привыкли поднимать голову выше, чем следовало, при первой уступке. Уже на смену Репнина смотрели как на победу, видели в этом сознание слабости со стороны России и тем более начали заискивать перед другой воображаемой силой, которую называли нацией; преклоняясь пред Россией, оскорбили нацию; теперь со стороны России уступчивость, признак слабости, а нация высказала свое неудовольствие и обнаружила некоторые признаки силы в Барской конфедерации, и потому начали прислуживаться к нации, думая, что лучшим средством прислужиться к нации было заставить Россию отказаться от всего, вытребованного ею в последнее время, или по крайней мере не уступать ей ни в чем.

Действуя так, Понятовский, с одной стороны, надеялся приобрести расположение нации; с другой — был уверен, что лично ему нечего опасаться от России, которая не могла решиться на свержение короля, ею возведенного на престол. Таким образом, перемена лица, перемена тона, большая мягкость и уступчивость, не вели ни к чему: надобно было или уступить все, чего хотели, то есть отказаться от гарантии и диссидентского дела, или не уступать ничего. Положение Волконского вследствие этого было затруднительное и неприятное. во дворце на все его увещания и требования отвечали холодным «нет»; он хлопотал об образовании новой русской партии, об образовании реконфедерации; но люди, которые казались ему приверженцами России, были привержены только к русским деньгам, видя, что преемник Репнина действует не по-репнински, они видели в этом сознание в слабости России и потому служили двум господам. Притом Волконский был человек хворый, подагрик; наконец, относительно военных действий он во всем положился на генерала Веймарна, а у Веймарна недоставало ни распорядительности, ни твердости для поддержания дисциплины: он знал, как дурно ведут себя некоторые начальники русских отрядов, но ограничивался бесплодными сожалениями.

Волконский привез с собой в Варшаву инструкцию относительно требований короля и Чарторыйских. Во-первых, относительно гарантии он мог обнародовать декларацию, в которой заключалось точное и полное изъяснение гарантии как вовсе не представляющей опасности для польской самостоятельности. Во-вторых, относительно диссидентского дела послу было наказано: «Не входя и не участвуя никак в модификации постановленных диссидентам преимуществ, умалчивать о тех уступках, которые иногда они сами между собою уступать согласятся для скорейшего успокоения и примирения с своими соотчичами»

Впоследствии Панин уяснил Волконскому этот пункт наказа таким образом: «Надобно, чтобы сами диссиденты добровольно вошли в точное рассмотрение, стоит ли для них собственно сохранение всех на последнем сейме приобретенных прав и преимуществ того, чтобы покупать оное гражданскою в отечестве войной, или же не лучше ли жертвовать добровольно частью выгод для восстановления общей тишины и для обеспечения другой части тех самых выгод? Со всем этим слава и достоинство ее императорского величества не позволяют, чтобы покушение о нужде и пользе такого поступка было от нас, а надобно, чтобы диссиденты сами на то пошли или же, по крайней мере, вашим сиятельством чрез третьего весьма нечувствительным и искусным образом доведены были, чтобы диссиденты отозвались добровольно к ее императорскому величеству, королю и правительству с представлением своего собственного желания принести некоторую часть своих преимуществ в жертву восстановлению внутреннего покоя».

Первым делом Волконского по приезде в Варшаву было опять поднять вопрос о Каменце. Панин дал знать еще Репнину о домогательствах французского посла в Царьграде, чтобы турки как можно скорее овладели Каменцом для утверждения себя в Польше. Панин поручил Репнину представить королю, что если польское правительство не могло согласиться отдать эту крепость под защиту русского войска, то правило нейтралитета требует необходимо, чтобы русские получили формальное и точное обнадежение, что Каменец не будет отдан в руки их неприятелю, а будет защищаем всеми силами заодно с русскими войсками. Обнадежение это получил уже Волконский. Новый посол нашел короля в совершенной зависимости от Чарторыйских, без которых он ничего не смел предпринять. Два раза по своем приезде Волконский виделся с королем и оба раза выслушал от него одни речи, что прекратить волнения в Польше нельзя без уступки в гарантии и диссидентском деле, что он, король, должен менажировать нацию, для чего необходима означенная уступка. Волконский отвечал, как и Репнин, что уступки в этих двух пунктах не будет. Несмотря, однако, на эти старые ответы, сейчас же стало заметно, что дела идут не по-старому; примас Подоский прямо объявил Волконскому, что Польша не может быть счастлива, имея национального короля, что Понятовский ненавидим нацией и нет средства успокоить ее без его свержения. Волконский отвечал ему, что русское правительство не допустит никогда уничтожить собственное свое дело; но примас остался при своем мнении. Из разговоров своих с польскими магнатами Волконский заметил, что они не хотят ни за что приниматься в ожидании, как пойдут дела у русских с турками; Волконский дал также знать в Петербурге, что двор и министры польские чуждаются

его, ничего не сообщают, не входят ни в какие соглашения, желая показать пред нацией, что не имеют ничего общего с Россией⁸².

Но, менажируя нацию и показывая для этого холодность к России, Понятовский вовсе не обнаруживал холодности к русским деньгам. Мы видели, что, несмотря на мнение Любомирского и Замойского, в королевском Совете было решено не распускать войска, находившегося под начальством Браницкого. Теперь это войско выступало в походе против конфедератов, и король, не дававший знать Волконскому ни о чем, в этом случае дал знать, но вместе попросил на экспедицию 3000 червонных. Волконский дал деньги; но едва Браницкий дошел до Бреста-Литовского, как получил повеление не вступать в дело с конфедератами и возвратиться назад со всем корпусом: Чарторыйские и Любомирский успели внушить королю, что движение Браницкого против конфедератов огорчит нацию. Станислав-Август послал за Волконским, объявил ему об отозвании Браницкого, извинялся, но сказал, что не может открыть причины такого поступка⁸³. Браницкий отдал назад Волконскому 2400 червонных, а 600 уже были задержаны понапрасну.

Чарторыйский, великий канцлер Литовский, в разговорах с Волконским упорнее прежнего держался того, что без уступки в диссидентском деле и в гарантии никогда ничего сделать нельзя. Волконский отвечал свое, что это надобно выбить из головы, причем заметил, что возмутители собираются в Ловиче и около Варшавы. Чарторыйский сказал на это, что, может быть, они составят генеральную конфедерацию. «Генеральная конфедерация,— возразил Волконский,— будет против короля, следовательно, против вас самих». «Я не знаю,— отвечал Чарторыйский,— что с нами будет: но Польша останется всегда Польшею». Король опять обратился к Волконскому с предложением: не лучше ли будет, если трактат и вся последняя конституция будут уничтожены и составится новая конституция? Волконский прервал его: «Надобно это из головы выложить, потому что республика требовала у ее величества гарантии чрез торжественное посольство». «Все это было сделано силою»,— заметил король. «Неправда,— отвечал Волконский,— нельзя было силою заставить высылать торжественное посольство»⁸⁴. И вскоре после этого разговора король обратился к Волконскому с просьбой, нельзя ли дать денег, потому что доходы его забраны конфедератами и ему почти есть нечего. Волконский дал 5000 червонных и написал Панину: «Он поистине рад бы для нас что-нибудь сделать, но не смеет и не умеет; я никогда не думал

⁸² Волконский Панину 11 (22) июня 1769 года

⁸³ Волконский Панину 26 июня (7 июля), 22 июля (2 августа)

⁸⁴ Волконский Панину 26 июля (6 августа), 27 июля (7 августа)

найти его в такой слабости. Он совсем предался Чарторыйским». Из Петербурга пришло приказание выдать королю еще 5000 червонных: иначе войско его, не получая жалованья, разбежится и увеличит собою толпы мятежников⁸⁵.

Волконский хлопотал, во-первых, о том, чтобы не допустить конфедератов до образования генеральной конфедерации, во-вторых, о том, чтобы составить генеральную конфедерацию, которая бы действовала заодно с Россией. От времени до времени являлись к Волконскому люди с проектами подобной конфедерации, но дело не шло далее проектов. Так, известный нам граф Браницкий и коронный кухмистр Понинский предложили план генеральной конфедерации для успокоения Польши при содействии России и, чтобы менажировать нацию, потребовали не изменений в Репнинском трактате, а уступки Польше Молдавии и Бессарабии, когда они будут завоеваны русскими у турок. Панин, уведомленный об этом, писал Волконскому, чтоб обещал присоединиться к Польше Молдавии и Бессарабии для ободрения благонамеренных поляков к генеральной конфедерации и для побуждения их вступить с Россией в явные обязательства против турок; теперь, заключает Панин, нужны России не военные силы республики, но естественные и беспрепятственные выгоды от земли, из которых главными должно считать получение в наши руки Каменца и распоряжение им во все время войны. Что же касается до Молдавии, то присоединение ее к России не может быть полезно для последней; Молдавия сама собою не в состоянии защищаться ни против кого, и отдаление ее от наших границ всегда затруднит нашу собственную защиту, тогда как очень важно для России, если православное молдавское дворянство, присоединяясь к Польше, выговорит себе под нашим покровительством все права польского дворянства⁸⁶.

Несмотря на эти обещания, генеральная конфедерация не образовывалась; король брал русские деньги и ничего не делал для России, менажируя нацию; первое после короля лицо в республике, примас Подоский, также брал русские деньги и, мало того, что ничего не делал для России, интриговал еще в пользу Саксонского дома, что было противно видам России. Россия должна была поддерживать свое влияние в Польше, потому что в подобной стране отказаться от влияния значило уступить его другому государству, которое стало бы пользоваться им для своих целей. Сохранение русского влияния в Польше, по мысли Панина⁸⁷, было необходимо для поддержания северной системы, без которой Россия никогда не могла достигнуть роли держав

⁸⁵ Панин Волконскому 4 сентября

⁸⁶ Панин Волконскому 30 сентября

⁸⁷ Панин Волконскому 31 октября

первого класса Для России было нужно, чтобы королем в Польше был Пяст; курфюрст Саксонский не мог быть королем по разнообразным и часто изменяющимся интересам наследственных его земель, которые по своему положению между Австрией и Пруссией и по разным отношениям этих государств к Франции могли очень часто переходить от одного союза к другому, увлекая за собою Польшу в ту или другую сторону. По этим соображениям Панин писал Волконскому, что примасу надобно производить помесечно некоторую определенную и умеренную дачу (потому что расходы в настоящее время очень велики становятся), но надобно держать его в железных рукавицах, потому что он саксонец душою и сердцем.

Чарторыйские уже давно объявили, что ничего не предпримут, что будут ждать, как пойдет война между Россией и Турцией. В августе пришло известие, что русские дела идут плохо, что главнокомандующий князь Голицын принужден был перейти Днестр,—и Чарторыйский, воевода Русский, объявил Волконскому: «Не как послу, но как моему старому другу откруюсь чисто-сердечно, что, кто здесь будет сильнее, того сторону мы и примем; я отсюда, из Варшавы, не поеду, а королю себя спасать надо, но вы здесь не так сильны, чтобы могли нас защитить»⁸⁸. Чарторыйские поспешили сделать первый шаг вперед прогив России, оказавшейся в их глазах слабой; они уговорили короля созвать сенат, где было решено отправить послов к русскому и другим дворам с объявлением, что последний трактат с Россией, как вынужденный князем Репниным, должен быть уничтожен. Это было 30 сентября. Волконский отправился к королю: «Не стыдно ли вашему величеству приписывать насилию князя Репнина все сделанное на последнем сейме, когда вы знаете, что все это одобрено ее императорским величеством, да и зачем же вы сами с сеймом ратификовали это дело? Пусть частные люди опасались насилий от князя Репнина, который, впрочем, не мог бы ни на что решиться без повеления своего двора; но Ваше Величество чего боялись? Ведь вас князь Репнин не взял бы! Сверх того, для чего вы молчали по сю пору; а теперь, когда больше всего надобно бы вам быть благодарным России за избавление от турок и от своих злодеев, вы с нею вздумали разрывать!» Король сначала ничего не отвечал, стоял как ошеломленный; но потом, оправившись, начал уверять в своей преданности к императрице, что и не думал сделать ей что-либо неприятное, но, будучи поляком, должен был доказать нации свое попечение о ее благоденствии⁸⁹.

Понятовский только сначала испугался сильной речи Волконского: он не привык слышать от него таких речей, ему, вероятно,

⁸⁸ Волконский Панину 22 августа (2 сентября)

⁸⁹ Волконский Панину 1 (12) октября

показалось, что перед ним опять Репнин. Но потом он успокоился; его уверили, что 30 сентября он совершил геройский поступок; он стал бодр и весел, и когда Волконский чрез несколько времени в другой раз подошел к нему с представлением, что Чарторыйские ведут его к гибели, то король ничего не отвечал, улыбнулся и отошел прочь. Чарторыйские стали громко говорить, что они никогда еще не были на такой твердой ноге, как теперь, и когда кто-то заметил, что Россия не может быть довольна их поведением, то воевода Русский отвечал: «Правда, что первый удар может быть для нас чувствителен, но время все успокоит»⁹⁰. Волконский в раздражении имел неосторожность истратить последний заряд; он спросил у короля: «Надеется ли он остаться на троне хоть неделю, если ее императорское величество лишит его своей защиты?» Понятовский ничего не сказал на это, «только пожался». Посол позабыл правило: не грозить, когда нет силы или желания привести угрозу в исполнение⁹¹.

На основании сенатского решения 30 сентября хотели отправить князя Огинского в Петербург с протестом против репнинского трактата; но из Петербурга дали знать, что Огинского не примут. Между тем король совершенно успокоился после угрозы Волконского, потому что не было ничего похожего на приведение ее в исполнение; он имел ежедневные конференции с приближенными к нему людьми, а они, особенно трое: Чарторыйский (канцлер Литовский), маршал Любомирский и вице-канцлер Борх — публично кричали, что никогда еще Польша и они сами не находились в лучшем состоянии, несмотря на то что Россия начала успешно действовать против турок; из разных углов им давали знать, что эти самые успехи побудят другие европейские государства вооружиться против России. Однажды епископ Куявский заметил Борху, что они и себя губят, и других в гибель влекут, действуя явно против России, от которой одной Польша может ожидать помощи; особенно безрассудно раздражать Россию теперь, когда она взяла верх над турками. Борх отвечал, что России бояться нечего; хотя она и победила турок в эту кампанию, но, конечно, будет побеждена в будущую кампанию; да если бы этого и не случилось, то вся Европа, чтобы воспрепятствовать усилению России, вступится за Польшу, особенно Австрия, которая верно не будет смотреть, поджав руки, на победы русских над турками и вступится за Польшу; Борх прибавил, что Россия, имея силу в руках, не посмеет, однако, тронуть ни их лично, ни имений их, ибо до сих пор ничего им не делает⁹².

Среди торжества, которое доставляло королю и его советникам уверенность, что Россия слаба, потому что посол император-

⁹⁰ Волконский Панину 12 (23) октября.

⁹¹ Волконский Панину 18 (29) ноября.

⁹² Волконский Панину 27 ноября (8 декабря).

ский никого не хватает, ничьих имений не конфискует, а только дает деньги, и что вся Европа заступится за Польшу,— среди этого торжества король был несколько потревожен внушениями прусского посланника Бенуа от имени Фридриха II, чтобы Понятовский не терял дружбы российской императрицы.

При первом свидании с Волконским Станислав-Август начал разговор словами, что он не желает делать ничего противного императрице, но, не зная, о чем идет дело, не может слепо предаться России. «Дело идет о том,— отвечал Волконский,— чтобы удержать вас на престоле и успокоить Польшу; надобно вашему величеству, не теряя времени, подумать о себе, оставя злых советников; я не могу изъясняться о мерах, предпринимаемых нами для избавления вашего и Польши, прежде чем вы не отстанете от этих советников, потому что нет сомнения насчет желания их умножить замешательства. Канцлер Литовский беспрестанно пишет в Литву, возмущая ее против нас, а маршал коронный (Любомирский) явно говорит, что они не смеют ничего предпринять против республики; когда же спросили у него, что он разумеет под республикой, то он отвечал: «Барскую конфедерацию». Борх душою Саксонец и, в случае несчастья вашего величества, конечно, от вас отречется».

Король сказал на это, что Чарторыйские ему родня, и потому отстать от них ему нельзя; что он не может обещать исполнить все, чего хочет Россия, потому что, может быть, Россия захочет ниспровергнуть все полезное для Польши, сделанное в его царствование; наконец, что слухи, дошедшие до посла о Чарторыйском и Любомирском, ложны. «Дядей своих вы можете почитать как родню,— возразил Волконский,— но не слушать их советов; ее величество от трактата своего и диссидентского дела никогда не отступит, насчет гарантии сделает изъяснение на известном основании; отняв же однажды от дядей ваших свою высочайшую протекцию, навсегда их ее лишила; они возвысились одною ее милостию, приобрели кредит, богатство и могущество, а после употребили во зло милость ее величества». Король спросил: «Кто же будут нашими друзьями? Разве Потоцкие, которые оказали вам такую неблагодарность?» «Не знаю,— отвечал Волконский,— благодарны или нет Потоцкие; но знаю то, что Чарторыйские неблагодарны и что Потоцкими несколько раз мы жертвовали для возвышения Чарторыйских». Король разгорячился и спросил: «Что ж вы с Чарторыйскими сделаете? Неужели схватите их как Солтыка?» «Не ручаюсь и за это, если они поведения своего не переменят»,— отвечал Волконский. «В таком случае лучше схватить и меня»,— сказал король. «Надеюсь,— продолжал он,— что ее императорское величество, по великодушию своему, не принудит меня отстать от родни». В этом же разговоре король упомянул, что не дурно было бы взять

в посредники какую-нибудь католическую державу. «Ваше величество, верно, желаете Францию?» — спросил Волконский. «Да, ее или Австрию, потому что дело идет о вере», — отвечал король. «Зачем эта медиация, — покончил Волконский, — какие нужны медиаторы между императрицею и вами, которого она возвела на престол и удерживает на нем; медиацию же между Россией и бунтовщиками, которых вы называете нациею, мы принять не можем»⁹³.

Между тем польский резидент в Петербурге Псарский дал знать королю, что русский двор намерен совершенно отступить от гарантии и согласиться на исключение диссидентов из законодательства, если диссиденты сами добровольно пришлют о том с просьбой в Петербург. При первом свидании король показал Волконскому депешу Псарского. Посол отвечал, что об отступлении от гарантии никакого повеления не имеет, что гарантию можно только изъяснить чрез декларацию или новый дополнительный трактат; что же касается диссидентов, то думает, что если бы они сами добровольно пожелали отказаться от каких-нибудь прав, то затруднения в этом со стороны русского двора не будет. Король, услышав о дополнительном трактате, пришел в восторг и сказал: «Прекрасно! Надобно работать!» Но Волконский умерил его восторг, заметив, что прежде всего надобно получить удостоверение, что Чарторыйские и прочие советники королевские будут устранены от содействия и что вперед король будет раздавать награды не по их представлениям, а по совету с ним, послом. «Лучше дам себя в куски изорвать, чем на это соглашусь!» — отвечал король с жаром. «В таком случае, — сказал Волконский, — если нужда дойдет до конфедерации, то мы принуждены будем составить ее и без вашего величества». «Не лишу я своих советников доверенности, — продолжал король, — потому что если бы я их от себя отдал, то нация увидала бы, что я их бросил за их враждебность к России». «Из этого выходит, — сказал Волконский, — что ваше величество и сами стараетесь показать себя врагом России; а по-моему, ваше величество крепче сидели бы на троне, если бы нация уверилась, что вы с нами». Король, увидев, что проговорился, не отвечал ни слова⁹⁴.

Наступил 1770 год. Волконский получил наказ: «Сколько король, по лукавым советам дядей своих, ни будет стараться о примирении с мятущеюся частию нации, примирения этого никогда не последует: поэтому в ожидании перемен в делах, которые из этих самых тщетных стараний скорее произойти должны, и надобно нам поступать относительно короля с некоторою умерен-

⁹³ Волконский Панину 14 (25) декабря

⁹⁴ Волконский Панину 27 декабря 1769 г (7 января 1770 г)

ностью, дабы не отнимать у него всей надежды на будущее время»; в рассуждении же возмутителей действовать всеми силами, бить их, где только случай представится, не давая им нигде утвердиться и составить нечто целое и казистое, представляющее корпус республики, который бы по наущению Франции и саксонского двора мог объявить престол вакантным. Низвержение ныне царствующего короля, как ни мало надежен он для империи вашей по личному своему характеру, не может, однако, никоим образом согласоваться с славою и интересами нашими, потому что, уступив польский престол курфирсту Саксонскому или кому-нибудь другому, подверглись бы мы пред светом ложному мнению, что либо северная наша система сама по себе несостоятельна или же что влияние наше в Польше против французского устоять не могло, по недостатку естественных сил России, следовательно, и по невозможности уделить из них, во время войны с турками, столько, чтоб они первое одною Россиею воздвигнутое политическое здание могли охранить от падения. Но положим, что мы сами по неблагодарности короля Польского решились лишить его короны и доставить ее кому-нибудь другому: кого же тут избрать, чтобы нации был угоден, и интересам нашим не противен, и мог с пользою и успехом способствовать нам в примирении Польши? Курфирста Саксонского исключает наша северная система и многие вследствие ее заключенные трактаты и торжественные декларации; а всякий другой Пяст соединит в себе все те же, а может быть, большие еще неудобства, какие мы с нынешним королем встретили». Панин прибавлял от себя: «По моему мнению, мы ничего не потеряем, оставляя еще на некоторое время польские дела их собственному беспутному течению, которое, истощаясь само собою, приблизится к пункту того перелома, которым ваше сиятельство с лучшим успехом воспользоваться можете»⁹⁵.

Но до этого перелома было далеко, и положение русского посла в Варшаве становилось все тяжелее. В самом начале января Понятовскому дали знать из Франции, что тамошнее правительство обещает ему помощь, одобряет его поведение, считает сенатский декрет 30 сентября геройским делом, хвалит короля за то, что, будучи в руках России, так отважно действует против нее. Слабый, легко всем увлекавшийся король пришел в восторг и публично говорил, что почитает этот день самым счастливым в своей жизни. Вице-канцлер Борх кричал, что теперь-то все видят, какие плоды произвели их тайные конференции и чего от них можно надеяться. Волконский спросил у короля, точно ли он получил письмо из Франции. Тот резко и сухо отвечал, что не получал. Станислав-Август, видимо, развивался: прежде

⁹⁵ Панин Волконскому 3 апреля 1770 г

он смущался, когда русский посол обличал его в чем-нибудь, прежде он жаловался на насилие Репнина — теперь уже начал говорить, что Репнин его обманывал. Жалуюсь епископу Куявскому на Волконского, что тот не хочет сноситься с его министерством, король сказал: «Волконский поступает точно так же, как и Репнин, с той только разницей, что Репнин обманывал меня нагло, а Волконский обманывает под рукою, крытно». Но в чем состоял обман, этого король не объяснил. Волконский говорил, что Россия возвела Понятовского на престол: это была правда, а не обман; Волконский говорил, что Россия хочет поддержать его на престоле, — и это была правда; король верил этому и как этим пользовался! Станислав-Август забыл, что Репниным и Волконским нет нужды обманывать Понятовских; Понятовских обманывают Млодзевские: великий канцлер коронный Млодзевский взял у Волконского 1000 червонных и рассказывал ему, что происходит у короля на тайных конференциях⁹⁶.

В мае Волконский услышал, что король разослал письма по сенаторам по поводу сейма, который должно было созвать в 1770 году. Волконский отправился к королю и выразил ему свое удивление, что делаются приготовления к сейму, который, кажется, ни предпринять без согласия, ни привести к концу без русского содействия нельзя. «Не надеялся я, — прибавил Волконский, — что советники вашего величества и тут принудят вас от нас скрываться». «Я это сделал, — отвечал король, — не по принуждению от советников, но чтоб узнать мнение сенаторов по поводу сейма; всякий хозяин волен в своем доме, хотя и случается, что у него солдаты стоят постоем, делать все с вашего согласия — значит быть у вас в подданстве». «Подданства тут нет никакого, — сказал на это Волконский, — намерение ее императорского величества состоит в том, чтоб удержать вас на троне и успокоить Польшу, для этого и войска ее здесь находятся, следовательно, и о мерах, служащих к достижению этой цели, нам должно условливаться; если солдаты стоят на квартире для безопасности хозяина, то благоразумие требует от него предупредить их о своих распоряжениях в доме, дабы не произошло какого вреда по незнанию солдат, и такие сношения хозяина с солдатами нисколько не показывают его подданнической зависимости от них». «Я должен с вами сноситься, — сказал король, — а вы со мной не сноситесь, когда распоряжаетесь операциями своих войск». «Очень естественно, — отвечал Волконский, — потому что ваше величество поверяете все своим советникам, а из них некоторые сносятся с мятежниками и обо всем их уведомляют (Волконский разумел здесь Любомирского, который переписывался с конфедератами чрез Длуского, подкомория Люблинско-

⁹⁶ Волконский Панину 8 (19) января, 7 (18) февраля, 18 (29) марта

го)». «Для чего же, — спросил король, — вы не укажете этих мятежничьих сообщников?» «Если их указать, — отвечал Волконский, — то надобно и наказать, к чему время еще не ушло»⁹⁷.

Положение Волконского становилось невыносимым: играть в глазах поляков роль Репнина, но без смелости, решительности и казистости последнего было не лестно для Волконского, ждать, когда беспутное течение дел само приблизится к пункту перелома, и в этом ожидании ничего не делать и подвергаться неприятностям от людей, ободренных таким бездействием, которое являлось им бессилием, было слишком тяжело. Волконский стал просить об отзыве; его не отозвали; только позволили на лето ехать лечиться на воды, и в его отсутствие место его занимал Веймарн. По возвращении Волконского в Варшаву осенью 1770 и зимой 1771 года дела не переменились. Наконец, весной 1771 года Волконский был отозван, и на его место назначен Салдерн, человек с другим характером, как увидим в следующей статье.

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ

На место Волконского хотели назначить в Варшаву кого-нибудь вроде Репнина и назначили Салдерна. Салдерн действительно отличался характером, противоположным характеру Волконского, которого он называл старою бабой, позволявшею себе сносить всевозможные оскорбления. Но дуга была перегнута в противную сторону: Салдерн, человек очень даровитый, отличался большою энергией, но тут примешивалась значительная доля раздражительности, увлечения, недоставало необходимой в его положении холодности, спокойствия. Салдерн, человек старый и больной, ехал в Варшаву очень неохотно, составив себе наперед самое печальное представление о том, что его ожидало; его уговорили ехать только обещанием, что больше года не пробудет на своем посту. Это нерасположение к делу, которое Салдерн взял на себя, разумеется, не могло содействовать успокоению его раздражительности; и так как большинство польских магнатов, с которыми посол должен был иметь дело, не могло внушить к себе никакого уважения, то Салдерн дал полную волю своему презрению к ним и сердился на тех из русских, которые были сдержаннее в этом отношении; с другой стороны, Салдерн, по болезненной впечатлительности своей, готов был преувеличивать трудности, опасности своего положения и положения представляемого им государства относительно Польши.

Приехав в Варшаву, Салдерн занялся изучением лиц и партий и результаты этого изучения отправил к императрице. Посол

⁹⁷ Волконский Панину 20 (31) мая

делит действующих в Польше лиц на пять частей: 1) король, 2) мнимые королевские друзья, 3) мнимые друзья России, 4) конфедераты явные, 5) конфедераты тайные. Конфедератами он называет всех тех, которые ненавидят короля и число которых превышает $\frac{3}{4}$ населения государства. Саксонскую партию посол нашел гораздо многочисленнее, чем думали: первые фамилии в Варшаве держались еще Саксонского дома. Кроме преданных Саксонскому дому, был другой род конфедератов, именно те, которые не терпят короля; число их немалое, ибо невероятно, до какой степени простирается ненависть к этому государю. «Если я,— пишет Салдерн,— с генералом Веймарном сегодня выеду из Варшавы, взяв с собою войска и пушки, то в 24 часа вся Варшава сконфедеруется и короля во дворце убьют камнями. Я не скрыл от короля этой истины и видел его в жестокой необходимости со мною согласиться. Но есть еще другой род конфедератов: это духовные, которыми Польша, а особенно столица, преисполнена. Эти адские служители злоупотребляют властью своею над слабыми душами до такой степени, что под страхом отлучения от святых таин и неразрешения грехов принуждают их помогать явно и тайно конфедератам. Женщины служат вместо шпионов и набирают солдат для конфедераций. Сюда же должно причислить и газетчиков, наполняющих Варшаву и рассылающих по всем провинциям ложные новости». Характеры действующих лиц Салдерн очерчивает таким образом: мнимые друзья России:

1) примас Подоский, не терпящий короля саксонец, непримиримый враг Чарторыйских, имеющий в деньгах наших нужду, есть первый из друзей наших. Он не имеет ни закона, ни веры, ни кредита, не уважается народом, презрен большими и не любим малыми. В нем есть одна добрая черта: он имеет честность объявлять: «Если я не могу иметь короля из Саксонского дома, то всегда из благодарности буду повиноваться воле ее императорского величества». Впрочем, он такой человек, которому никогда никакой тайны вверить нельзя, которого действующим лицом употребить нельзя и с которым ни один честный человек здесь действовать вместе не согласится.

2) Епископ Виленский князь Мосальский, человек тонкого и хитрого разума, но так ветрен, как французский аббат; пети-метр, надутый в то же время своими достоинствами и дарованиями, стремящийся к приобретению важного значения в стране, желающий возвыситься с падением Чарторыйских. Надежда собрать сильную партию привлекла его к нашей стороне. Это человек лукавый, ненадежный; он имеет некоторый кредит в Литве, но и то у мелких людей.

Более его кредита в Литве имеет 3) граф Флеминг, воевода Померанский, единственный твердый и надежный человек; он друг России по внутреннему убеждению

4) Воевода Подляшский получает от нас пенсию, деньги — единственное божество его. За деньги нам верен, и добрый крикун, если нужда потребует.

5) Воевода Калишский, вполне предавшийся графу Мнишку, без системы и трус преестественный.

6) Зять его, граф Рогалинский, похож на тестя и для дел наших совершенно бесполезен.

7) Великий канцлер коронный епископ Познанский Млодзевский, Макиавель Польши, продающий себя тому, кто даст дорожку, без уважения и кредита в государстве.

8) Епископ Куявский, брат Познанского, во всем подобный ему, только не так умен.

9) Великий кухмистр коронный Понинский получает пенсию. Легкомыслен и любит играть важную роль; для вестей способен, проворен.

10) Маршал Литовский Гуровский — хитрый человек, с разумом, но без искры честности. «Я буду иметь в нем нужду для разведывания чужих тайн и мыслей».

Мнимые друзья королевские: 1) Воевода Русский — князь Чарторыйский. Он перед всеми отличается великими качествами души. «Кажется мне, что он сильно начинает упадать; несмотря на то, он управляет всеми движениями государства, человек просвещенный, проникательный, умный, знающий совершенно Польшу, уважаемый одинаково друзьями и врагами: тверд в намерениях и осторожен, с беспримерным дарованием приобретает себе сердца человеческие, хитростью разделяет, красноречием соединяет, проникает других, а сам непроницаем. Воевода Русский умел заставить короля отстать от России; король делает все, что он захочет».

2) Брат воеводы Русского, канцлер, человек разумный, в коварствах весьма много обращавшийся, ныне уже престарелый и служащий только орудием своему брату, но, впрочем, любимый народом и умевший найти себе друзей в государстве, а особливо в Литве.

3) Князь Любомирский, великий маршал коронный, зять воеводы Русского, человек проворный, предприимчивый, но среднего разума, действующий только тогда, когда старики его заводят. Ненавидит короля, невзирая на родство; не любит России.

Есть еще два человека, которых можно назвать спутниками князя Чарторыйского, — Борх и Пржоздецкий, один — вице-канцлер коронный, а другой Литовский: оба ябедники, оба жалкие политики, оба без уважения и кредита.

Граф Браницкий — один из друзей королевских, который говорит ему правду твердо и не обинуясь. «Он один, на которого я могу положиться. У короля честное сердце, но слаб он до невозможности; широты и твердости нет в его разуме,

не привыкшем рассуждать и повелевать воображением. Он непременно требует руководителя, прежде чем на что-нибудь решается и после того, как уже решение принято».

Убедившись очень скоро в слабости и лукавстве мнимых друзей России, Салдерн решился действовать на короля, чтобы привлечь его и друзей его на свою сторону. Он постарался представить Станиславу-Августу весь ужас его положения: ненависть к нему народа, отсутствие всякой помощи извне, ибо и русская императрица готова лишить его своего покровительства, посол постарался уничтожить в нем убеждение в невозможности последнего, объявив, что если король будет поступать по-прежнему, то он немедленно же выедет в Гродно, забрав с собою войско и всех тех, кто захочет за ним следовать, и в Гродне будет дожидаться дальнейших приказаний императрицы. Испуганный король дал запись: «Вследствие уверений посла ее величества императрицы Всероссийской в том, что августейшая государыня его намерена поддерживать меня на троне польском и готова употребить все необходимые средства для успокоения моего государства; вследствие изъяснения средств, какие, по словам посла, императрица намерена употребить для достижения этой цели; вследствие обещания, что она будет считать моих друзей своими, если только они будут вести себя как искренние мои приверженцы, и что она будет обращать внимание на представления мои относительно средств успокоить Польшу,— вследствие всего этого я обязуюсь совещаться с ее величеством обо всем и действовать согласно с нею, не награждать без ее согласия наших общих друзей, не раздавать вакантных должностей и старость, в полной уверенности, что ее величество будет поступать со мною дружественно, откровенно и с уважением, на что я вправу рассчитывать после всего сказанного ее послом». Подписано 16 мая 1771 года. Станислав-Август, король.

Салдерн, с своей стороны, дал королю запись: 1) Кроме ее императорского величества, только два человека будут знать о записи королевской: граф Панин и граф Орлов. 2) Россия не сообщит об этом ни одному двору иностранному и ни одному поляку,— одним словом, запись останется под глубочайшим секретом. 3) Запись будет возвращена королю по восстановлении спокойствия в Польше. 4) Императорский посол будет обходиться с королевскими друзьями, которые станут на сторону России, как с друзьями, искренно примирившимися. 5) Императорский посол в течение трех дней распорядится освобождением из-под секвестра имений тех лиц, список которых представит король.

Чтобы показать свое единение с Россией, король согласился вывести в поле против конфедератов двухтысячный отряд своего войска под начальством Браницкого. Но прежде всего нужно было обратить внимание на состояние русского войска. Отправ-

ляясь в Варшаву, Салдерн представил императрице свои опасения насчет генерала Веймарна,— представил, что у него недостает твердости и быстроты в исполнении. Императрица согласилась, что у Веймарна действительно недоставало многих способностей, необходимых в его положении. Приехав в Варшаву, Салдерн убедился еще более в неспособности Веймарна. Посол был поражен жалобами, которые слышались со всех сторон, на поведение русских войск в городах и селах. «Веймарн столько же огорчен этим, как и я,— писал Салдерн императрице,— но что толку в его бесплодном сожалении? Он стал желчен, нерешителен, робок, мелочен. Я не смею надеяться на успех, если здесь не будет другого генерала»⁹⁸. Салдерн просил прислать или Бибикова, или князя Репнина; относительно последнего он писал: «Смею уверить, что здесь мнения переменялись на его счет; предубеждение исчезло и уступило место уважению, какое действительно заслуживают его честность и достоинства. Здесь начинают даже желать его возвращения; все, кого только я видел, только от его присутствия ждут улучшения своего положения относительно русского войска».

Войска этого было тогда в Польше 12 169 человек, да в Литве 3818; 74 пушки и при них 316 артиллеристов. Волконский и Веймарн разделили все войско по постам неподвижным и подвижным. Под именем неподвижных постов разумелись городские гарнизоны и посты, необходимые для поддержания сообщений. Подвижными постами назывались летучие отряды, назначенные действовать против конфедератов всюду по мере надобности. Салдерн никак не мог согласиться, чтобы было полезно ограничиться одной оборонительной войной, как было в последнее время, и употреблять на борьбу с конфедератами только четвертую часть войска, оставляя другие три части в гарнизонах. Войска, по мнению Салдерна, портились от постоянного пребывания в гарнизонах, приучались к неряшеству, солдаты начинали заниматься мелкой торговлей, как жида. «Я,— писал Салдерн,— займусь серьезно установлением лучшего порядка и лучшей полиции в столице и ее окрестностях, нимало не беспокоясь, будет ли это нравиться его польскому величеству или магнатам. Я выгоню из Варшавы конфедератских вербовщиков: дело неслыханное, которое уже два года сряду здесь делается! Я не позволю, чтобы бросали камень и черепицу на патрули русских солдат; дерзость доходит до того, что в них стреляют из ружей и пистолетов. Я не буду терять времени в жалобах на эти преступления великому маршалу, который находит всегда тысячу уверток, чтобы уклониться от предания виновных в руки правосудия. Образ ведения войны в Польше мне не нравится. Первая наша

⁹⁸ 11 (22) мая 1771 года

забота должна состоять в том, чтоб овладеть большими реками. Недостаток в офицерах, способных командовать отрядами или маленькими летучими корпусами, невероятен. Есть храбрые воины, но не способные управлять ни другими, ни самими собою. Другие думают только о том, как бы нажиться. На способность и благоразумие офицеров генерального штаба положиться нельзя. Все, что здесь делается хорошего, делается только благодаря доблести и неустрашимости солдат. Исключая генерал-майора Суворова и полковника Лопухина, деятельность других начальников ограничивается тем, чтобы давать от времени до времени щелчки конфедератским шайкам. Давши один-другой щелчок, наши командиры ретируются с добычей, собранною по дороге в имениях мелкой шляхты, и, расположившись на квартирах, едят и пьют до тех пор, пока конфедераты не начнут снова собираться. Бывали примеры, что наши начальники отрядов съезжались с конфедератскими и вместе пировали»⁹⁹.

Порешивши с королем, Салдерн обратился к нации; 14 мая (по ст. стилю) он издал декларацию, в которой от имени императрицы приглашал благонамеренных поляков соединиться и подумать о средствах вывести Польшу из того ужасного положения, в каком она находилась; приглашал снести счет этого с ним, послом; обещал убедить нацию в бескорыстии императрицы, которая не желает ничего, что могло бы вредить независимости республики; наконец, приглашал и конфедератов к примирению. Оказалось, что декларация была написана слишком мягко; нас зовут — значит, в нас имеют нужду, значит, мы сильные и можем поднимать головы, можем не пойти на зов; делай что хочешь — что возьмешь! Салдерн начал хлопотать, как бы поправить дело, стал повторять всем, что приехал вовсе не с тем, чтобы выпрашивать Христа ради или покупать успокоение Польши. Потом Салдерн в продолжение восьми дней избегал разговоров с глазу на глаз с кем бы то ни было, давая чувствовать, что он сделал свое дело, перед всей Европой сказал свое слово королю и нации; теперь их черед отвечать ему. 27 мая явилась к послу торжественная депутация от имени королевского. Оба великих канцлера — коронный и Литовский — рассыпались в похвалах, в выражениях удовольствия и глубочайшего уважения к ее императорскому величеству по поводу декларации. Посол отвечал на все это, что если король хочет воспользоваться декларацией, то должен созвать всех епископов, сенаторов, сановников и шляхту, находящуюся в Варшаве, и представить им печальное состояние государства¹⁰⁰.

Король исполнил желание Салдерна, созвал всех и предложил вопрос: что делать при настоящих обстоятельствах? За отве-

⁹⁹ Салдерн императрице 1 (12) июня

¹⁰⁰ Салдерн Панину 28 мая (8 июня)

том король обратился к первому примасу Подоскому. Тот отвечал, что надобно подождать, какое впечатление декларация произведет в стране, и особенно между конфедератами. Двое других друзей России — виленский епископ Мосальский и кухмистр Понинский — отвечали, что надобно снестись с конфедератами и потом созвать сейм для рассуждения о том, что русский двор представит для будущих соглашений. Раздраженный Салдерн принялся за Подоского, объявил ему, что интриги его с саксонским министром и конфедератами для низложения короля известны: «Вы меня больше не обманете вашими уверениями в искренности, которая вам известна только по имени». Потом посол пересчитал ему все мелкие плутовства, которые архиепископ позволял себе при Волконском, водя старика за нос. На все это примас отвечал с некоторого рода гневом, что хочет выехать из Варшавы. «Для этого, — сказал Салдерн, — я дам вам эскорту, достойную того места, какое вы занимаете в государстве, и которая может заменить саксонскую гвардию». Надобно заметить, что прелат жил в Саксонском дворце, что прислуга его состояла частью из саксонцев и гвардией служили ему два отряда саксонских войск, которым позволено было оставаться в Варшаве. Салдерн упрекал Подоского за разные плутовства его при Волконском; но и с ним архиепископ сыграл хорошую штуку: вызвался перевести декларацию на польский язык — и в разных местах переделал; так, например, в одном месте говорилось о Польше, что она до последнего печального времени была цветущей, а в переводе Подоского оказалось: «Под правлением Саксонской династии цветущая». В другом месте говорилось: «Добродетельные граждане, которые стенают в молчании», а Подоский перевел: «Добродетельные граждане, которые стенают в Сибири». Когда Салдерн стал упрекать его за такие искажения, примас сложил всю вину на переписчика. «Вот с какими людьми должен я иметь дело в этой стране, куда Бог перенес меня в крайнем гневе своем», — писал Салдерн Панину¹⁰¹.

После примаса Салдерн принялся за двоих других друзей России. Два часа старался он «исправить голову Мосальского», но понапрасну потерял время. Посол говорил ему о делах государственных, а епископ гнул все в одну сторону, чтобы Салдерн помог ему в процессах, которые он вел в литовских трибуналах. Выведенный из терпения, посол сказал ему начисто, что считает для себя бесчестным вмешиваться в частные тяжбы и помогать кому-нибудь в судах и что императрица будет презирать всех тех, которые будут иметь в виду свои частные интересы в то время, когда идет дело о прекращении бедствий общественных. Епископ заметил на это, что в Литве 52 000

¹⁰¹ Салдерн Панину 1 (12) июня

шляхты, тайно сконфедерированной. «Жаль, что не вы командуете этою шляхтой,— отвечал Салдерн,— потому что 6000 русских солдат, находящихся в Литве, разбили бы вас в пух». Наконец, дело дошло до Понинского. Салдерн прямо выставил ему всю злостность его ответа в то время, когда дело шло о спасении отечества; ответа, обнаружившего скрытый яд, который он давно уже носил в своей груди. «Я за вами следил, я знаю, как вы вели себя с князем Волконским, которому вы обещали содействовать всегда намерениям России, у которого вы вытянули 2000 червонных зараз и пенсию в 200 червонных каждый месяц. Я считаю вас негодным человеком и не дам вам ни копейки пенсии».

Дней через двадцать после этих объяснений Салдерн имел конференцию с обоими канцлерами, коронным и Литовским, и маршалом Любомирским по поводу декларации. Эти господа начали уверениями в правоте своих намерений, что они очень хорошо чувствуют свои бедствия и потому серьезно желают их прекращения, но, прежде чем вступить в реконфедерацию, они должны взвесить все последствия предприятия, которое может быть еще гибельнее для их отечества, и потому считают необходимой со стороны России новую декларацию публичную, в которой бы яснее высказались намерения императрицы относительно двух пунктов, наведших такой ужас на нацию, именно относительно гарантии и диссидентов. Они настаивали, чтобы посол изъяснился положительно насчет каждого пункта, и только тогда они могут поручиться ему за довольно значительное число довольно сильных людей, могущих содействовать образованию представительного корпуса. При этом они ловко намекнули, что их кредит чрезвычайно ослабел с некоторого времени, что враги короля в то же время и их враги и что они нуждаются в оружии для устранения завистников и врагов. Они намекнули также очень тонко, что иностранное влияние противодействует их спасительным видам, и старались внушить послу опасения насчет двусмысленного поведения Венского двора, который не переставал явно покровительствовать конфедератам. Наконец, они высказали свои сомнения и насчет поведения короля Прусского, который не желает прекращения смут в Польше. Салдерн отвечал им, что их авторитет и кредит чрезвычайно возвысились с тех пор, как они овладели особой короля и стали располагать важнейшими местами и всеми староствами. Салдерн удостоверил их, что он очень хорошо знает степень их влияния и большое число их креатур. Посол покончил тем, что не откажется дать им письменные объяснения и декларации, если они с своей стороны дадут ему манифест какой должно, в выражениях ясных и приличных, подписанный значительным числом лиц, которые желали бы составить конфедерацию и предложили бы ему, послу,

хлопотать вместе для умножения членов этой новой конфедерации. Конференция этим и кончилась¹⁰².

Канцлеры приходили только затем, чтоб узнать, на какие уступки готова Россия, находившаяся, по их мнению, в очень затруднительных обстоятельствах. Король также оправился от страха, нагнанного на него Салдерном в первое время, и также уверился, что Россия больше всего нуждается в успокоении Польши и что, следовательно, надобно только твердо держаться и этим принудить ее ко всевозможным уступкам. Король и Любомирский торжественно проповедовали придворным и молодежи, что их твердость в последние два или три года положила границы русскому господству в Польше, что только эта твердость заставила Россию отказаться от гарантии и диссидентов. Эти речи страшно мучили раздражительного Салдерна, вонзали кинжал в сердце, по его собственному выражению. «Я вполне убежден,— писал он в Петербург,— что князь Репнин совершенно прав во всем том, что он здесь сделал; бывают минуты, когда я плачу о том, что он не сделал больше, то есть зачем не выслал из Польши Любомирского и Борха. Этих двоих людей я боюсь гораздо больше, чем всех конфедератов»¹⁰³. Твердость короля и окружающих его, которой они так хвалились, поддерживалась известиями из Вены: оттуда писал брат королевский, генерал Понятовский, находившийся в австрийской службе, что навряд ли Россия заключит мир с Турцией этой зимой, что война, быть может всеобщая, неизбежна. Король и Любомирский с товарищами толковали, что бояться нечего, что успехи русских в Крыму и на Дунае вовсе не так велики, как об них идет молва. Они нарочно говорили это при людях, которые могли пересказать их речи Салдерну. У бедного посла портилась кровь; были и другие обстоятельства, которые ее портили: дом, в котором жили предшественники Салдерна, обветшал, и ни один из вельмож не хотел отдать своего дома внаймы русскому послу, хотя дома стояли пустые, владельцы не жили в Варшаве. Русских казаков, которых рассылал Салдерн, били везде; около Варшавы происходили беспрестанные воровства и убийства¹⁰⁴.

«Неизвестность, в какой я нахожусь, и страх сделать слишком много меня убивают»,— писал Салдерн Панину. Наконец, известия о восстании в Литве, возбужденном гетманом Огинским, переполнили чашу горести, и посол отправил отчаянное письмо в Петербург: «Большинство пробуждается от летаргического сна. Нация начинает себя чувствовать. Ее поджигают со всех сторон. Австрия не только не хочет ее выводить из заблуждения, но колет

¹⁰² Салдерн Панину 25 июня (6 июля)

¹⁰³ Салдерн Панину 13 (24) июля

¹⁰⁴ Салдерн императрице 15 (26) июня

ее, стыдит, что горсть русских держит ее в рабстве. Франция всюду кричит, что надобно принимать более к сердцу польские интересы. Присылка офицеров и денег из Франции поддерживает пустые надежды в несчастных поляках. Все это увеличивает наши затруднения. Присоедините к этому бунт Огинского в Литве. Если этот огонь разгорится, то будьте уверены, что все наши преимущества будут потеряны. Краков не продержится шести недель, у нас мало людей в этом городе. Прибавьте к тому, что мы будем принуждены очистить Познань. Каково же будет наше положение! Время не терпит; настает крайняя необходимость принять другие меры, меры сильные, которых никто не ожидает. Нельзя ли, чтобы прусский король отправил несколько гусарских полков к литовским границам,—это испугает. Наше положение гораздо хуже, чем я его вам описываю. Наше войско в Литве — жалкий отряд, внушающий всем презрение; полковник Чернышев — человек совершенно без головы. Вообще воинский дух, с немногими исключениями, исчез. Оружие у наших солдат негодное; лошади — хуже себе представить нельзя; в артиллерии дурная прислуга»¹⁰⁵.

Посол не имел никакого права так отчаиваться, и нечего было выставлять на вид неспособности какого-нибудь полковника. В Польше был Суворов. Ночью с 22 на 23 сентября Суворов разгромил Огинского, и восстания литовского как не бывало. Вместо Веймарна прислан был Бибиков. Салдерн успокоился с этой стороны; но возникло другое, новое беспокойство, и теперь уже не от польских, но от прусских войск.

Еще в половине 1770 года австрийские войска из Венгрии вступили в польские владения, заняли два староства, причем вместе с 500 деревень захватили богатые соляные копи Велички и Бохни. Это было не временное занятие; установленное в этих землях правление употребляло печать с надписью: «Печать управления возвращенных земель». Земли объявлены были возвращенными на том основании, что в 1412 году они отошли к Польше от Венгрии. Прусский король под предлогом защиты своих владений от морового поветрия, свирепствовавшего в Южной Польше, занял своими войсками пограничные польские земли. Осенью 1770 года принц Генрих Прусский заехал из Стокгольма в Петербург, прогостил здесь довольно долго и впервые повел речи о разделе Польши. Речи эти остались без непосредственных последствий, потому что необходимо было участие Австрии.

2 марта 1771 года прусский посол в Петербурге граф Сольмс получил от своего короля следующую депешу: «Из паспорта, данного правителем польской области, занятой австрийцами, одному старосте, оказывается ясно, что Венский двор смотрит на эту область уже как на принадлежащую к Венгерскому королев-

¹⁰⁵ Салдерн Панину 3 (14) сентября

ству, и нельзя надеяться, чтоб Австрия отказалась от нее, если не будет принуждена к тому силою. Это заставляет меня думать, что мы с Россией должны воспользоваться благоприятным случаем и, подражая примеру Венского двора, позаботиться также о собственных наших интересах и приобрести какую-нибудь существенную выгоду. Мне кажется, что для России все равно, откуда она получит вознаграждение, на которое она имеет право за военные убытки, и так как война (турецкая) началась единственно из-за Польши, то я не знаю, почему Россия не может взять себе вознаграждение из пограничных областей этой республики. Что же касается до меня, то и я никак не могу обойтись без того, чтобы не приобрести себе таким же способом часть Польши. Это послужит мне вознаграждением за мои субсидии¹⁰⁶, равно как за потери, которые я также потерпел в этой войне. Я буду очень рад возможности говорить, что новым приобретением я обязан России, что еще более укрепит наш союз и даст мне возможность быть полезным для России в другом случае».

Депеша была передана Сольмсом Панину. Прошел март, апрель, половина мая; 16 мая Сольмс пишет Панину: «Перед отъездом в Царское Село имею честь еще раз напомнить вашему сиятельству о последних представлениях моих насчет необходимости прекратить военные действия против турок, по крайней мере на море. Осмеливаюсь также напомнить о деле, которое касается особенных интересов короля, моего государя, равно как и особенных интересов России. Король горячо заинтересован этим делом и не отступит от него, и если я не буду в состоянии дать ему скоро положительных удостоверений, то навлеку на себя жестокие выговоры и, сверх того, не ручаюсь за решение, которое его величество примет по собственному усмотрению. Он руководится следующим: так как в этом деле будет только подражание примеру другого, то этот другой не может вооружиться против нас, дело идет только о приведении в исполнение уже решенного. Умоляю ваше сиятельство не отлагать решения здешнего двора».

Решение последовало: войти в соглашения с прусским королем и потребовать у графа Сольмса изложения видов и требований его двора. 11 июня об этом решении дано было знать Салдерну в Варшаву. Но еще прежде Бенуа сказал Салдерну: «Я знаю, что вы друг моего государя: ради Бога, устроим так, чтоб ему можно было получить достаточную долю Польши, я вам отвечаю за благодарность моего государя». Салдерн отвечал холодно: «Не нам с вами делить Польшу»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Фридрих II вследствие союзного договора платил субсидии России на время войны

¹⁰⁷ Салдерн Панину 4 (15) июня 1771 года

Между тем депеша за депешей из Берлина в Петербург, от Фридриха II к Сольмсу. Россия должна согласиться на раздел Польши: это единственный для нее выход; Австрия не даст ей вознаградить себя на счет Турции, не согласится никогда на независимость Молдавии и Валахии, к двум войнам у России будет еще третья, с Австрией, Пруссия будет не в состоянии помогать ей; если же Россия согласится на раздел Польши, тесно сблизится для этой цели с Пруссией, то Австрия не посмеет ничего сделать. «Австрия,— писал Фридрих Сольмсу для сообщения Панину,— нисколько не может рассчитывать на помощь Франции, которая находится в таком страшном истощении, что не могла оказать никакой помощи Испании, когда та готова была объявить войну Англии. Я рассуждаю так: если бы Венский двор и желал начать войну, то захочет ли он объявить ее без надежды иметь кого-либо союзником и вести войну с Россией и Пруссией в одно время? Это невероятно, и потому нам нечего бояться при исполнении проекта насчет приобретений от Польши. Я гарантирую русским все, что им захочется взять; они поступят точно так же относительно меня; а если австрийцам покажется их доля мала, то их можно успокоить тою частью венецианских владений, которые отрезают Австрию от Триеста, а если б они и тут заупрямились, то я отвечаю головой, что тесный союз Пруссии с Россией заставит их сделать все, что нам угодно. Вот почему я принимаю на себя всевозможные гарантии, каких только Россия потребует от меня относительно областей, которые она почтет нужными для своего округления, и думаю, что не рискую войной вследствие этих гарантий. Это дело требует только твердости, и я отвечаю за успех именно потому, что австрийцы должны переводываться с двумя державами, не имея ни одного союзника»¹⁰⁸.

Россия для окончания турецкой, а следовательно, и польской войны требует независимости Молдавии и Валахии; если Австрия на это согласится, то Польша останется нетронутой; но этого Фридрих II никак не хочет допустить: «Молдавия и Валахия будут всегда камнем преткновения; но если их присоединить к Польше, то Австрия не будет противиться их отторжению от Турции. Это присоединение к державе, которая слаба сама по себе, не может возбудить в Австрии никакой ревности, тем более что оно должно служить вознаграждением Польше за области, которые возьмут у нее Россия, Пруссия и Австрия, следовательно, Польша не получит больше того, сколько прежде имела»¹⁰⁹.

За успокоениями, обещаниями всевозможных гарантий следовали угрозы: «Если Венский двор объявит войну России за Турцию, то надобно ожидать, что австрийцы станут действовать

¹⁰⁸ Депеша от 14 июня.

¹⁰⁹ Депеша от 3 июля.

соединенно с турками в Молдавии и Валахии, чтобы вытеснить оттуда графа Румянцева. Вот уже большая опасность иметь перед собою двух врагов вместо одного, но это еще не все. Как только поднимется Австрия, то в Польше образуется генеральная конфедерация против России, изберут другого короля, и, быть может, поляки сделают впадение в Россию и принудят содержать отдельный корпус для прикрытия собственных границ. Мне говорят на это, что если я сделаю диверсию, то Россия легко управится; но в таком случае я обращаю на себя все силы австрийского дома, союзный корпус французский¹¹⁰ и все войска, которые Венский двор наберет у мелких владельцев германских, так что у меня может очутиться на плечах 200 000 врагов. Прибавьте к тому два года сряду неурожая в Пруссии, что отнимает у меня возможность выставить и 10 000 войска. После этого спрашиваю, не требует ли благоразумие попытаться уладить дело посредством мирных соглашений?.. Я думаю, что австрийцы вооружаются только для того, чтобы дать больше весу своим предложениям. Я думаю, что они никогда не согласятся на отделение Молдавии и Валахии от Турции. Я думаю, что присоединение Азова и все то, чего Россия потребует от Турции в видах торговых, не встретит затруднения. Я думаю, что татарское дело (то есть независимость Крыма) может еще уладиться по желанию России. Все эти мои мнения основываются на объяснениях, которые я имел с Венским двором. Вот почему я предлагаю, что для вознаграждения себя за военные издержки Россия должна получить в Польше кусок по своему выбору. Если она согласится на это вознаграждение, то я ручаюсь, что она его получит без кровопролития»¹¹¹.

Итак, было ясно, что Россия может рассчитывать на прусскую помощь только при условии раздела Польши; в противном случае она должна будет без союзника бороться против Турции, Польши и Австрии. Относительно последней Фридрих II не ошибался и имел полное право закладывать голову, что при условии вознаграждения России на счет Польши, а не Турции войны не будет. Не дать России утвердить свое влияние на Дунае, сохранить целостность Турции, не входя в опасную войну с Россией за Турцию, выйти из затруднительного положения, не потеряв ни одного человека и ни гроша денег, мало того, приобретя богатую добычу,— все это было неотразимо привлекательно.

5 февраля 1772 года Фридрих II дал знать Сольмсу о разговоре своем с австрийским послом в Берлине, бароном фон Свитеном.

¹¹⁰ Вспомним, как прежде утверждалось, что Франция никак не может помочь Австрии

¹¹¹ Депеша 10 сентября

фон Свитен: Для предотвращения всех недоразумений хорошо было бы объясниться насчет претензий относительно Польши, насчет раздела, который намереваются сделать. *Король:* Это трудно, потому что еще нет ничего решенного, впрочем, дело возможное. *ф. Свитен:* По крайней мере можно дать письменное удостоверение, что доли трех государств будут совершенно равные. *Король:* Дело возможное; думаю, что и Россия от этого не откажется. *ф. Свитен:* Нельзя ли нам помянуться: Австрия уступит Вашему Величеству свою долю Польши, а вы возвратите ей графство Гляц? *Король:* У меня подагра только в ногах; а такие предложения можно было бы мне делать, если бы подагра была у меня в голове; дело идет о Польше, а не о моих владениях; притом я держусь трактатов и удостоверений, сделанных мне императором, что он не думает больше о Силезии. *ф. Свитен:* Но Карпатские горы отделяют Венгрию от Польши, и все приобретения, какие мы можем сделать за горами, нам невыгодны. *Король:* Альпы отделяют вас от Италии, однако вы вовсе не равнодушны к обладанию Миланом и Мантуею. *ф. Свитен:* Нам было бы гораздо выгоднее приобрести от турок Белград и Сербию. *Король:* Мне очень приятно слышать, что австрийцы не подверглись еще обряду обрезания, в чем их обвиняют, и что они хотят получить свою долю от своих приятелей-турок. *ф. Свитен:* Но что ваше величество думает об этой идее? *Король:* Я не думаю, чтобы было невозможно осуществить ее. *ф. Свитен:* Я отпишу об этом к своему двору, который будет очень рад.

Но 22 февраля Фридрих дал знать Сольмсу, что в Вене переменили намерение: отказываются от Сербии и хотят взять свою долю из Польши.

Дело было покончено в Петербурге, Вене и Берлине; теперь возвратимся в Варшаву, к Салдерну, которого мы оставили в сильном беспокойстве насчет поведения прусских войск в польских областях. «Тягости, налагаемые королем Прусским, становятся день ото дня невыносимее,—писал он Панину.—Пруссаки забирают все в десяти милях от Варшавы. Я не знаю, как генерал Бибиков извернется, чтобы наполнить обыкновенные магазины, назначенные для продовольствия наших войск, которые теперь в Польше, не говоря уже о тех войсках, которые мы беспрестанно поджидаем. Поведение прусских офицеров приводит в движение всю Польшу. Всякий ищет средств, как помочь беде, и сколько голов, столько умов. Одни кричат, что надобно сделать представления трем дворам, петербургскому, венскому и самому берлинскому, насчет крайностей, какие позволяет себе прусский король; другие в ярости требуют самых нелепых мер; но все одинаково кричат против притеснений и насилий. Когда мне об этом говорят публично, то я отвечаю одно: обратитесь к прусскому министру. Когда же мне говорят меж четырех глаз, я отвечаю, что это наказание Божие за то, как поляки поступили

этим летом относительно декларации ее императорского величества, и за то, что они кричали против русских войск»¹¹².

Через несколько дней пошла новая депеша из Варшавы в Петербург, опять о пруссаках: «Поведение прусских офицеров становится день ото дня оскорбительнее. Не жалобы поляков заставляют меня говорить об этом, но жестокая необходимость, наше собственное существование, самая ужасная будущность, которая нас ожидает. Прусские войска забирают весь хлеб в воеводствах, и продовольствия нам не будет доставать здесь, как уже недостает для наших отрядов в Ловиче и Торне. Голод неизбежен, и необходимым следствием голода будет возмущение шляхты и крестьян. Бедствия умножают беспрестанно число конфедератов. Прусский министр глух ко всему этому, говорит, что король не отвечает ему ни слова на все его представления. К довершению бедствия прусский король ввез в Польшу посредством жидов два миллиона фальшивых флоринов»¹¹³.

Салдерну отвечали из Петербурга, что нельзя делать представлений прусскому королю при тех отношениях, в каких находится теперь петербургский двор к берлинскому. Представления Салдерна о бедствиях настоящих и будущих для русского войска в Польше от поведения пруссаков много теряли силы вследствие донесений Бибикова, который, по характеру своему, смотрел на вещи другими глазами, чем Салдерн, то есть гораздо спокойнее. Вот что писал он Панину в конце 1771 года:

«Не заботьтесь о конфедератах: они так малы, что если не помешает что особенное, то будущую весну выживу и из тех гнезд, в которых они теперь величаются со всеми французскими вертопрахами, а разве одно им убежище будут — австрийские земли. Да беда моя общий наш друг послал: такая горячность и такая нетерпеливость, что с ног бьет. При самой пустой и неосновательной от поляков вести (а их, к несчастью, здесь много) зашумит и заворчит: вот конфедераты усиливаются, вот уж они там и сям, а мы ничего не делаем! Мы пропадаем! Они все субстанции у нас отнимут!

Вся моя холодность и все почтение к сему старику нужны бывают, чтобы сохранить в пределах его запальчивость и напуски. Но будьте уверены, ваше сиятельство, что сохранно, невзирая на странности его свойств. Часто мне кажется, что он совсем не тот, которого мы прежде знали, подозрения странные в нем примечая, между прочим, кажется ему, что я с поляками очень вежлив и что я на его счет хочу быть любимым; иногда не довольно бедного посла почитаю. Нередко уже и объяснялись, и не раз от него слышал: «Souvenez, mon cher et digne ami, que je suis representant de la Russie et votre pauvre ambassadeur».

¹¹² Салдерн Панину 19 (30) ноября 1771 года.

¹¹³ Салдерн Панину 3 (14) декабря.

(«Вспомните, мой дорогой и уважаемый друг, что я представитель России и ваш бедный посол».— *Примеч. ред.*) Я его иногда смехом, иногда суриозно переуверю, что у меня в голове нет его уменьшать и что я и без посольства его почитать привычку сделал, да и теперь он дороже мне как мой друг Салдерн, нежели посол. И после сего опять хорошо идет.

А когда придет на вежливость мою подозрение, то зачнет говорить: «Vous donnez un démenti à votre ami et à votre ambassadeur, vous êtes si poli vis-à-vis de ces coquins de Polonais, il fant les traiter en canaille comme ils méritent». («Вы проявляете недоверие к вашему другу и вашему послу; вы столь вежливы с этими мошенниками-поляками, а с ними надо обходиться, как со сбродом, они того заслуживают».— *Примеч. ред.*) В сем случае нужно мне бывает мое красноречие и шутка, и с смехом стану я ему говорить, что я не могу этак грубиянить, как он; ему, как старому человеку больше простят, нежели мне, а про меня скажут: русский невежа жить не умеет. Клянусь вам Богом, что временем делает он мне больше заботы, нежели все вместе конфедераты. Здешние наши политические дела буде имеют по желанию нашему какой успех, тому глупость, трусость и нерешимость польскую извольте твердо почитать основанием и ни к чему иному его не приписывать, как сим польским качествам. А ненависть их на нашего друга непересказуема. Боятся же его, как какое пугалище».

Отдаленные от описываемых событий почти веком, мы можем спокойно взглянуть и на деятельность Салдерна, и на деятельность Бибикова. Мы не можем не заметить в Салдерне раздражительность, запальчивости, склонности к преувеличениям. *Грубиянить* действительно было не нужно; твердость и силу всего лучше можно выказать без грубиянства. Но с другой стороны, нужно было подальше гнать от себя мысль, что скажут «русский невежа жить не умеет». Хорошо еще, когда были Бибиковы да Суворовы; но при другой обстановке мысль эта приносила большой вред русским людям, которые с чужими иногда чересчур сдерживались этой мыслью, а с своими ничем не сдерживались. Последними строками своего письма Бибиков дает понять Панину, что если есть какой успех, то его никак нельзя приписать Салдерну, а только дурным качествам поляков. Бибиков выставляет трусость поляков как средство к успеху для русских; но чтоб пользоваться этим средством, чтоб заставлять труса трусить, надобно его пугать. Салдерна боялись, говорит Бибиков, и этими словами, вместо обвинения, оправдывает Салдерна, прямо показывает, что Салдерн был полезен, умел пользоваться качествами врагов.

В начале 1772 года, когда в Петербурге, Берлине и Вене дело подвигалось к окончательному соглашению между тремя державами относительно раздела Польши, в Варшаве все еще толко-

вали о притеснениях от прусских войск. В квартире русского посла шел разговор между Салдерном и коронным канцлером Млодзевским. *Канцлер*: Не считаете ли вы приличным, чтобы король обратился к ее императорскому величеству, отправил к ней министра для уведомления о поступках и притеснениях прусского короля? *Посол*: Я думаю, что императрица не примет никакого посла от Польши, пока смута продолжается. Ее императорское величество очень хорошо помнит все происшедшее здесь в продолжение многих лет; она замечает не только равнодушие польского двора относительно ее, но и явное сопротивление всем ее добрым намерениям. Как вы хотите, чтоб императрица заступилась за Польшу перед прусским королем, когда это единственный государь, который действует единодушно с нею в настоящих делах, и как вы можете думать, чтобы моя государыня захотела сделать неприятность другу, заступаясь за поляков, которые ни теплы, ни холодны и на которых можно смотреть как на врагов России? Я говорю не об одних конфедератах, но и обо всех тех, которые хотя не замешаны открыто в настоящие смуты, но которые действуют под рукою и которые наполняют Варшаву. Я не исключаяю даже и двора. Ее императорское величество не забудет холодности, невнимания, непоследовательности и неправильности в поступках, какие король и его фамилия позволили себе, покровительствуя части народа, которая возмутилась против своего короля, поддерживаемого моею государыней. После моей декларации я несколько раз имел разговоры с дядьми короля и вице-канцлерами и объявлял им о намерениях ее императорского величества успокоить Польшу, излагая им, что императрица согласна на изменения в самых существенных пунктах последнего договора; именно, что даст объяснения относительно гарантии и не откажется ограничить права диссидентов в том случае, если они согласятся сами пожертвовать частью своих прав для отнятия предлога у злонамеренных людей продолжать разбойничества под религиозным знаменем. Что же касается внутренних дел, то императрица требует только сохранения *liberum veto* для всей шляхты... Они были очень довольны; но захотели ли воспользоваться добрыми намерениями ее императорского величества? Приступили ли к делу? Князь воевода Русский сказал, что у нас мало войска в Польше для поддержания этого дела, что республика находится в кризисе и положение ее таково, что не может ухудшиться. Я очень хорошо понимаю смысл этих слов: воевода хотел сказать, что у нас на плечах война, которая может пойти для нас неудачно, ибо он не мог не знать, что у нас в Польше 12 000 войска, число, очень достаточное для их поддержания, если б они захотели серьезно воспользоваться нашим добрым расположением, вместо того чтоб увеличивать смуту своим бездействием.

Короля и республику никто не поддерживает, кроме императрицы; но оказывается ли к ней доверие? Король обращается в другую сторону, обольщаясь надеждою, что может найти подпорку в соседях, который до сих пор не оказал ему ни малейших знаков дружбы и пользы, наоборот, покровительствует людям, посягающим на его власть и жизнь. Венский двор знает и видит все, что король Прусский делает в Польше. В другое время он не смотрел бы на это равнодушно. Теперь Австрия не только овладела польскими землями, но, быть может, имеет еще какие-нибудь скрытые виды. Императрица требует у короля и республики благоразумной дружбы, основанной на поддержании естественной польской конституции. Если король и его друзья предпочитают оставаться в бездействии и упорствовать в своем равнодушии, то не ее вина, если она примет меры, соответствующие ее достоинству и интересам ее империи. Я предсказываю, что Польша должна ждать крайней смуты. Не раз я давал вам чувствовать, что прошлое лето вы упустили самую благоприятную минуту успокоить Польшу вашими собственными силами при поддержке России; я давал вам чувствовать, что по упущении этой благоприятной минуты успокоение Польши уже не будет более зависеть от свободной нации, но что вы получите законы и мир из рук ваших соседей. Когда начались жалобы на поведение короля Прусского, то никогда не скрывал я ни от короля, ни от вас, что этот король будет для вас еще тягостнее и что он более всех воспользуется смутою польскою¹¹⁴.

Посол высказался ясно насчет того, что ожидало Польшу. Это было последнее его объяснение. Вслед за тем Салдерн стал умолять об отзыве. «Я не сплю больше, желудок у меня уже больше не варит!» — писал он Панину¹¹⁵. Не он должен был присутствовать при исполнении своих предсказаний. В июле 1772 г. он получил желанный отзыв, но, покидая свой пост, старик не утерпел, послал в Петербург жалобу на Бибикова: «Поведение Бибикова вовсе не соответствует русской системе. Король, его братья и дядья поймали его за его слабую сторону: им управляют женщины — жена маршала Любомирского, гетмана Огинского и другие, подставленные королем, чтобы не дать ему прийти в себя. Чарторыйский-канцлер, эта старая лисица, вызвал с тою же целью из Литвы дочь Пршездецкого. Бибиков делает все, что эти люди внушают ему посредством женщин; ему не дают ни одного дня отдыха, чтоб он мог опомниться: то охота, то загородная прогулка, то бал, развлечения всякого рода, сопровождаемые самою низкою лестью и угодничеством со стороны поляков, держат его в цепях. Он не пропускает ни одного вечера у госпожи Огинской, бывать у которой генерал Веймарн запретил

¹¹⁴ Салдерн Панину 20 января (1 февраля) 1772 года.

¹¹⁵ 24 января.

русским офицерам по причине поведения мужа и фамилии и по причине азартной игры. Но теперь все позволено. Бибиков забывается до такой степени, что преследует всех тех, которых ненавидят Чарторыйские и брат короля. Судите, ваше сиятельство, сколько случаев имеет войсковой начальник притеснить кого захочет. Я употреблял все средства для удержания его от этого и иногда успевал, особенно когда обращался к нему письменно: он боялся, что отошлю копии ко двору. У него нет секрета, как скоро найдено средство возбудить его тщеславие. Лень, которая берет свое начало в образе его жизни, останавливает движение дел, часто случается, что более 60 приказов по 8 дней лежат без подписи»¹¹⁶.

Преемником Салдерна был Штакельберг. 7 (18) сентября 1772 года вместе с прусским уполномоченным Бенуа (австрийский, барон Ревецкий, еще не приезжал) он подал министерству республики декларацию о разделе¹¹⁷. Начались частые конференции между королем и его приближенными, результатом было решение — сносить все терпеливо, ничего не уступать добровольно, пусть берут все силой, и требовать помощи у дворов европейских; при этом проволакивать время, противопоставлять требованиям трех держав целый лабиринт шиканств и формальностей¹¹⁸. Король одним декламировал против России, другим внушал, что русская императрица согласна вместе с ним на образование конфедерации против раздела; король даже дал знать об этом австрийскому послу, чтобы пустить черную кошку между союзниками. Штакельберг вследствие этого старался внушить полякам, что Россия не покровительствует королю и что так как Чарторыйские теперь более не монополисты наших сношений в Польше, то нация не рискует быть обманутою¹¹⁹.

В конце октября Штакельберг имел объяснение с королем. Станислав-Август приготовился и дал полную свободу своему красноречию: «Претерпев столько страданий за отечество, запечатлев своею кровью дружбу и приверженность к императрице и видя, что государство мое обирают самым несправедливым образом и меня самого доводят до нищенства, я понимаю, что меня могут постигнуть еще большие бедствия, но я их уже не боюсь. Убитый, умирающий почти с голода, я научился — погибнуть». Штакельберг отвечал спокойно: «Красноречие вашего величества и сила вашего воображения перенесли вас к лучшим страницам Плутарха и древней истории: но все это не может служить предметом нашего разговора; удержите, ваше величество, снизойти к истории Польши и к истории графа

¹¹⁶ Салдерн Панину 25 июля (5 августа).

¹¹⁷ Штакельберг Панину 8 (19) сентября.

¹¹⁸ Штакельберг Панину 13 (24) сентября.

¹¹⁹ Штакельберг Панину 14 (25) октября.

Понятовского». За этим последовало изложение обстоятельств, поведших к несчастью, которое оплакивал король; от прошедшего Штакельберг перешел к настоящему и предложил вопрос, что станется с ним, королем, если 100 000 войска наводнят Польшу, возьмут контрибуцию, заставят сейм подписать все, что угодно соседним державам, и уйдут, оставя его, короля, в жертву злобе врагов его? Король побледнел. Штакельберг воспользовался этим и начал доказывать ему, что его существование зависит от двух условий: от немедленного созвания сейма и отречения от всякой интриги, которая бы имела целью ожесточать поляков и вводить их в заблуждение. Король обещал делать все по желанию посла¹²⁰.

Штакельберг еще не привык к варшавским сюрпризам и потому не верил своим ушам, когда через два дня после приведенного разговора король призвал его опять к себе и объявил, что считает своей обязанностью отправить Браницкого в Париж с протестом против раздела. «Мне ничего больше не остается,— отвечал Штакельберг,— как жалеть о вашем величестве и уведомить свой двор о вашем поступке. Чего вы, государь, ожидаете от Франции против трех держав, способных сокрушить всю Европу?» «Ничего,— отвечал король,— но я исполнил свою обязанность»¹²¹. 23 ноября (4 декабря) Штакельберг подал декларацию: «Есть предел умеренности, которую предписывают правосудие и достоинство дворов. Ее величество императрица надеется, что король не захочет подвергать Польшу бедствиям, необходимому результату медленности, с какою его величество приступает к созванию сейма и переговорам, которые одни могут спасти его отечество». Но в то время как Штакельберг принимал меры, чтобы заставить короля переменить его несчастное поведение, Бенуа твердил ему: «Оставьте его; тем лучше для нас, мы больше возьмем»¹²².

Это стремление больше взять было причиной, что Штакельберг в мае 1773 года получил от Панина следующие инструкции для предстоящих переговоров по поводу раздела и вообще устройства польских дел: «Так как Польша более всего опасается короля Прусского и так как торговля по Висле составляет самый важный пункт для нее, то вы должны взять на себя роль посредника; вы должны пригласить барона Ревизкого присоединиться к вам, и вдвоем, однообразными представлениями, старайтесь доставить Польше самые сносные условия. Отправляясь от начала, что три двора намерены сохранить Польшу в положении державы посредствующей, которая имела бы соответственную этой цели силу, вы можете представить слабость, до какой доведена Польша многолетнею смутю и усобицами, потерями от

¹²⁰ Штакельберг Панину 29 октября (9 ноября)

¹²¹ Штакельберг Панину 1 (12) ноября

¹²² Штакельберг Панину 26 ноября (6 декабря)

раздела, и сколько нужно лет, чтоб она могла оправиться, а оправиться ей будет нельзя, если пресекутся к тому способы относительно торговли. При определении отношений к Австрии есть один важный предмет — это соль, предмет первой необходимости: надобно, чтобы поляки могли получать ее по умеренным ценам; говоря за поляков в этом случае, вы исполните предписание сострадания и человечества. Я чувствую, как подобное поведение ваше будет щекотливо относительно короля Прусского, которого распоряжения обличают совершенно другие виды; но по крайней мере вы можете требовать, чтобы дали Польше вздохнуть, прежде чем извлекать из нее новые выгоды, и чтобы первые годы после раздела были наименее тяжки для нее. Всякий раз как прусский министр будет советовать вам употреблять силу, а вы заметите, что есть еще другие способы, то умеряйте его стремление и принимайте его мнения только в крайности. Представляйте ему дружески, не вмешивая свой двор, все, что узнаете вопиющего насчет поведения прусских войск, уговаривайте его сдерживать их, представляйте ему, что временные выгоды солдата, который сытно кормится в чужой земле, нейдут в сравнение с необходимостью извлечь Европу из кризиса, в котором она теперь находится. внушайте все это осторожно, но вместе с силою истины».

Когда дело было покончено, Сольмс в Петербурге получил письмо от принца Генриха: «Во всем этом деле я не думал о собственных выгодах. Когда дело идет о счастье государств, не должно примешивать сюда частных интересов. Я вменяю себе в славу, что служил великой императрице и был полезен королю и моему отечеству; это мне льстит гораздо больше, чем приобретение какой-нибудь области. Я имею право говорить, что пребывание мое в Петербурге ознаменовано началом сношений, поведших к теснейшему союзу между королем и Россией. Я имею доказательство более чем в 20 собственноручных письмах короля, что я поставил вопрос, который повел к соглашению. Но я не требую за это вознаграждения; я ищу только славы и признаюсь вам, что я буду счастлив, получа эту славу из рук ее величества императрицы Русской; желание мое исполнится, если она удостоит, по случаю принятия во владение земель от Польши, почтить меня письмом, которое будет служить доказательством, что я содействовал этому великому делу. Повторяю вам огкровенно, что я буду смотреть на это письмо как на величайший монумент моей славы».

Желание принца было исполнено — императрица написала ему: «По принятии во владение губернии Белорусской считаю справедливым засвидетельствовать вашему королевскому высочеству, сколь чувствую себя ему обязанною за все заботы, употребленные им при совершении этого великого дела, которого ваше высочество может считаться первым виновником».

РОССИЯ И ЕВРОПА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА I *

I

Как в отдельных народах сильные движения, перемены и борьбы служат мерилom сил народных, крепости известного государственного строя; как в отдельных народах история этими движениями и борьбами проверяет, постукивает и выслушивает, что в народном организме крепко и что слабо, где болезнь, от которой народ может или не может излечиться,— так и в целой группе народов, которые живут общей жизнью, как народы европейские, подобные движения и борьбы служат той же цели, указывая силу или слабость каждого члена народной группы, выясняя характер, задачи, историческое значение каждого из них. Поэтому изучение таких великих движений бывает в высокой степени поучительно, и деятельность лиц, стоявших на первом плане во время этих событий, останавливает особенно внимание историка.

Общие великие движения в Европе следуют одно за другим после того, как политический организм ее сложился; они происходят в силу стремления поддержать этот организм, равновесие между органами, поддержать выработанное европейско-христианской жизнью начало — общую жизнь народов или государств при их самостоятельности; такова была продолжительная и упорная борьба Франции с Габсбургским домом, в которой сильнейшие государства Европы сдерживали друг друга. Тридцатилетняя война, начавшаяся под религиозным знаменем, кончилась также стремлением сдержать усиление Габсбургского дома, что и удалось Франции. Война за Испанское наследство произошла из того же стремления — обезопасить Европу от французской гегемонии и увенчалась успехом; Семилетняя война имела целью сдержать опасное усиление Пруссии. Но все эти борьбы затмились в сравнении со страшной борьбой, которую Европа должна была вести в конце XVIII и начале XIX века с завоевательными стремлениями Франции

Причин такой важности и продолжительности последней борьбы, разумеется, надобно искать на той и на другой из

* Вестник Европы 1877 Кн 5 С 236—257, Кн 8 С 708—739, Кн 9 С 104—146, Кн 10 С 686—747, Кн 11 С 268—313

борющихся сторон. Со стороны Франции сила завоевательных стремлений условливалась тем, что войско и его главнокомандующий, способнейший из генералов, явились на первом плане со своими интересами. Последние деятели конвента покончили с революцией, с республикой, когда в борьбе с реакцией призвали на помощь войско, генерала. Но это обращение к войску произошло не случайно, не было личным делом чьим-либо. Революция истребила всех своих крупных деятелей, своих вождей; на ее стороне не было больше способностей; но в это самое время в армии увеличилось число военных способностей вследствие переворота, который дал возможность даровитым людям быстро двигаться снизу вверх, война усилила эту возможность, ускорила развитие военных способностей. Таким образом, на стороне войска не была одна материальная сила.

Кроме того, революционное движение оказалось несостоятельным в глазах большинства; идеалы, выставленные двигателями революции, явились недостижимыми; нарушения известных нравственных интересов, кровавые явления и лишения материальные возбудили отвращение к обманувшему надежды движению, и, как скоро революция истребила последних своих сильных деятелей, оказалась могущественная реакция. Народ требовал прекращения революционного движения, требовал отдыха, восстановления спокойствия, порядка, требовал силы, которая бы разобралась в развалинах, примирила интересы или хотя бы даже задавила борьбу между ними: эту силу можно было найти только в войске. Внутри — обман, разочарование, лишения всякого рода, тоскливая жажда выхода из настоящего положения без средств к этому выходу, ибо при недовольстве настоящим разрыв с прошедшим был так силен, что возвращение к прошедшему для многих и многих не было желательно и возможно; но извне — необыкновенные военные успехи, слава побед и завоеваний; это была единственно светлая сторона народной жизни; все сочувствие славялюбивого народа должно было обратиться к войску и вождям его, и если один из всех вождей станет выше всех способностями и успехами, то в его руках будет судьба страны. Таким был Наполеон Бонапарт.

Италия давно уже высылала сынов своих, которые отдавали свои способности и деятельность разным государствам Европы. Недостаток государственного единства родной страны рано делал их космополитами, искателями приключений вроде старинных сказочных богатырей, которые служили в семи ордах семи королям, приучая их применяться к различным народностям и положениям, служить многообразным интересам, оставаясь холодными ко всем этим интересам, кроме собственного, личного. Оторванность от родной почвы без привязанности к стране приютившей ставила их в какое-то междуумочное, нейтральное,

международное положение, вследствие чего они преимущественно посвящали себя дипломатической деятельности: находясь между небом и землей, они были очень способны создавать общие, широкие, смелые планы, в которых частным соображениям давалось мало места: отсюда и в их действиях и замыслах с первого раза странная смесь хитрости, коварства, неразборчивости средств и в то же время — широты и величия, смешанного с фантастичностью.

Эти черты даровитых итальянцев, служивших чужим государствам, чужим народностям, черты Мазарини, Альберони, Пиатоли, Люкезини и других, находим и в Бонапарте, корсиканце, приемыше Франции. Космополитизм, присущий ему по его положению среди чуждой народности, развился в нем еще сильнее от воспитания, полученного во время революции, проникнутой началом космополитизма, которое особенно усилилось вследствие потрясения начала религиозного: Бонапарт был бы готов стать ренегатом и предводительствовать войсками султана. Вообще, революция если не породила, то развила многие основные черты в характере знаменитого корсиканца. Среди страшной ломки, крушения старого государственного здания, он привык безбоязненно и равнодушно вращаться среди опасностей, привык к игре случая, к возвышению сегодня, к падению завтра, приобрел магометанскую веру в судьбу; привык в то же время к развалинам и трупам, привык равнодушно располагать и жизнью человеческой, и жизнью династий и государств. Корсиканец не принес в революционную Францию никаких государственных и общественных идеалов и убеждений; он был совершенно чист от них; чуждый происходившему вокруг него, интересам, боровшимся, сокрушавшим друг друга, он привык действовать по инстинкту самосохранения, бить, чтобы не быть убиту, взбираться наверх по трупам, чтоб не быть погребенным под ними. Привычка действовать по инстинкту самосохранения развила в нем хищнические приемы: притаиться, хитрить, плести пестрые речи для того, чтоб обмануть, усыпить жертву и вдруг скакнуть, напасть на неготовых; напасть врасплох, поразить ужасом — было любимым его приемом; убеждение в необходимости действовать ужасом (террором) основано было на презрении к людям как стаду, лишенному нравственной силы, и в убеждении этом он окреп, действуя в последние времена революции, когда сильные люди были покошены гильотиной, поколение измельчало нравственно, и Бонапарт не находил нужным с ним церемониться; извне, в сношениях с другими народами, он также имел несчастье встречать постоянно людей мелких нравственно, гибких перед силой и приучался ими к насилию в слове и деле, и редкие исключения не могли сдерживать его, а только раздражали и заставляли еще сильнее высказываться печальные стороны его характера, врожденные и приобретенные.

Будучи чужд Франции, ее прошедшему, и очутившись при начале своего поприща в революционной Франции, которая так резко порвала с своим прошедшим, постаралась вырыть такую пропасть между ним и своим настоящим, Бонапарт не мог быть Монком и восстановить старую династию; окруженный развалинами и не уважая ни новых людей, ни новые учреждения, не питая никакого сочувствия к настоящему, как результату общего труда, Бонапарт не мог быть и Вашингтоном Франции; вся обстановка вела к тому, чтобы он взял верховную власть себе и явился деспотом. Но предстоял страшный вопрос: долго ли может существовать военный деспотизм во Франции? Он был допущен усталым большинством, которое требовало прежде всего и во что бы то ни стало внутреннего успокоения, чтоб отдохнуть, разобраться после страшной бури; военный деспотизм был допущен по закону реакции, но надолго ли? Французский народ отличался своею способностью скоро отдыхать, скоро оправляться; но, оправившись, отдохнув, примет ли он военный деспотизм как необходимую постоянную форму своего нового правления под новой династией? Ответ, естественно, должен был представляться отрицательным, особенно после революции, с которой Бонапарт должен был постоянно считаться, по крайней мере формально; но можно ли было ограничиться только формами? Римские цезари считали нужным считаться с республикой, уважать ее формы; но в их время республика с ее формами была явлением, отживающим свой век, чего нельзя было сказать о началах, провозглашенных во Франции в конце XVIII столетия, и надобно было ожидать, что, устранные временно, они появятся с новой силой и предъявят свои права на осуществление. Не в характере Бонапарта была, однако, возможность уступки им; с другой стороны, он не мог не предвидеть, что при необходимом столкновении с ними борьба должна быть страшная и победа вовсе не верная.

Но оставался выход, возможность предупредить борьбу. Право Бонапарта на место, которое он занял во Франции, основывалось на его победах; но на чем основывалось оно, тем должно было и поддерживаться; как только пройдет несколько продолжительное время после победы, память о них будет ослабевать и значение победителя уменьшаться, как бы ни были полезны его внутренние учреждения и распоряжения; как скоро благодаря либеральным формам, которых власть обойти не могла, выскажутся либеральные начала, борьба с ними заставит забыть всякую внутреннюю заслугу. Оставалось одно средство для новой, неосвященной власти сохранять вполне свою силу— это постоянно отвлекать внимание народа от внутреннего к внешнему, постоянно ослеплять славолубивый народ военной славой, поддерживать нравственное преклонение пред властью постоянными

ее триумфами; но и тут одной нравственной поддержки было недостаточно. Как для борьбы внешней, так и на случай борьбы внутренней необходимо было войско, войско вполне преданное, боготворившее вождя; а эту преданность войска государь вчерашнего дня мог поддержать только постоянными войнами и победами, усиливая постоянно значение войска в глазах народа, делая войско представителем народа, сосредоточивая в армии дух нации; с другой стороны, питая честолюбие и корыстолюбие вождей второстепенных почестями и выгодами, которые они получали после каждой войны, то есть после каждого завоевания. Таким образом, кроме основного характера своего как предводителя войска, характера, от которого Бонапарт, разумеется, не мог никак отказаться, который долженствовал быть всегда на первом плане и требовать постоянного удовлетворения по самому положению своему, для поддержания этого положения он должен был вести постоянные войны; слова «Наполеон», «Французская империя» стали для Европы синонимами постоянной войны, постоянных завоеваний, постоянных территориальных изменений, не говоря уже о том, что каждая война, оканчивавшаяся успехом, завоеванием, порождала необходимо новую войну, усиливая обиду, увеличивая число обиженных, раздраженных.

Франция осуждена была на постоянные войны, постоянные победы и завоевания, что необходимо вело ко всемирной монархии; но основное начало европейской политической жизни состояло в недопущении такой монархии. Наполеон должен был формально уступать этому началу, как республиканская Франция, вступив в борьбу с монархической Европой, из завоеванных ею стран делала республики, по-видимому независимые, не сливая их с собою, но только умножая число однородных по формам государств для противовеса государствам с другими формами, — так и Наполеон, переменяв правительственную форму во Франции, ставши в ней монархом, переделал эти республики в государства с монархическими формами, устраивая подобные же государства и из дальнейших завоеваний, государства, по-видимому независимые, посажал на престолы их своих родственников, для своей безопасности и удобств, продолжая производить в Европе перевороты, только династические. Здесь, повторяем, была уступка господствовавшему в европейской истории началу; Франция и ее император, по-видимому, не хотели всемирной монархии, отдельные народности, по-видимому, были обеспечены. Но это только по-видимому; уступка была только формальная; на самом же деле народности ни в нравственном, ни в материальном отношениях не были обеспечены от тяжкого преобладания французского народа; их новые правители были вассалами Французской империи, чувствовавшими тяжелую руку своего сюзерена при первой попытке подумать об интересах

своих государств не в связи с интересами империи, как они представлялись императору французов. Таким образом, обман в уступке правам народностей оказывался с самого же начала и опасность, грозящая, по-видимому, только старым династиям, грозила одинаково и народностям, вследствие чего в необходимой борьбе против всемирной монархии дело старых династий тесно связалось с делом народностей.

Европа должна была бороться против императорской Франции одним способом, который уже давно употреблялся в подобных случаях: посредством соединения сил остальных держав против державы, стремящейся к преобладанию, посредством так называемой коалиции. Успех борьбы на стороне коалиции считался по опыту и простоте расчета несомненным, и если борьба была продолжительная и страшная и долгое время Франция победоносно боролась с коалициями, то необходимо предположить кроме чрезвычайного напряжения сил и особенно благоприятных условий на ее стороне также упадок сил и особенные неблагоприятные обстоятельства на стороне противоположной. Мы употребили множественное число: «коалиции», это уже самое показывает слабость общего действия, перерыв его, недружность стремления, что и давало возможность долгого торжества Наполеону. Правила его политики, которая служила подспорьем его наступательным военным движениям, были, естественно, одинаковы с военными правилами: быстрым, внезапным движением не дать времени неприятельским силам сосредоточиться, разрывать враждебное войско, бить его по частям; в то же время переговорами не давать государствам вступать в союзы, расстраивать коалицию, разъединять интересы держав и сокращать их силы поодиночке. На стороне противника были условия, которые долгое время давали ему возможность употреблять эти средства с блестящим успехом.

Эти условия высказались еще в конце прошлого века при борьбе с революционной Францией. Окруженная слабыми, мелкими, разъединенными государствами — итальянскими, немецкими, Швейцарией, Франция могла быстро овладеть ими, равно как и Голландией, которой австрийские Нидерланды, по своей отдаленности от главной державы, служили плохой защитой. Препятствие она могла встретить в восточных, самых сильных германских державах — старой Австрии и молодой Пруссии, которые должны были защищать Германию. И действительно, первая коалиция, образовавшаяся против революционной Франции, была коалиция австро-прусская. Но могла ли быть крепка коалиция между державами, у которых вовсе еще не остыла ненависть друг к другу, вынесенная из Силезской и Семилетней войн? Каждая из держав с напряженным вниманием следила за всяким движением другой: не имеет ли это движение целью приобрести что-нибудь,

усилиться; в каждой из них неудача другой возбуждала великую радость, а малейший успех — тревогу и досаду. Обязанные защищать Германию от французов, вступая поневоле в коалицию, Австрия и Пруссия имели прежде всего в виду не французскую войну, а наблюдение, чтоб одна как-нибудь, чего-нибудь не приобрела больше, чем другая; они загодя уже выговорили себе плату за войну, которая сама по себе не могла окупиться: Австрия брала себе Баварию взамен невыгодных для нее Нидерландов, Пруссия — польские области по второму разделу. Пруссия скрепя сердце соглашалась на эту сделку, ибо долю Австрии считала значительнее своей.

Коалиции и при лучших отношениях между союзниками удаются тогда, когда коалиция, ее цель для них на первом плане, когда все счета по частным интересам они откладывают до времени совершенного достижения этой цели, когда идут прямо к ней, не озираясь на стороны; понятно, что австро-прусская коалиция не удалась. Невольные союзники перессорились из-за дележа добычи: Австрия действовала враждебно против Пруссии при втором разделе Польши; Австрии не хотелось допустить Пруссию немедленно же приобрести польские области, тогда как усиление Австрии чрез промен Бельгии на Баварию было только еще впереди; потом Пруссия не хотела допустить Австрию к участию в третьем разделе Польши. Коалиция представляла картину постоянной борьбы между союзниками, и, наконец, Пруссия заключила отдельный мир с Францией в Базеле (1795 г.), пожертвовав интересами Германии, причем в Берлине министры высказывались так: «Как можно скорее и с какими бы то ни было жертвованиями мы должны заключить отдельный мир с Францией. Хуже всего то, что мы точно так же должны бояться побед наших союзников, как и торжества наших врагов. Каждый успех Австрии против французов есть шаг к нашей пагубе».

Австрия оставалась одна; но оставить ее одну значило отдать на жертву Франции, упрочить торжество и преобладание последней в Европе. Обязанность воспрепятствовать этому, спасти Европу от французской игомнии падала на две другие сильнейшие державы, Россию и Англию. Обе в описываемое время очень хорошо сознавали эту обязанность, разумеется тесно соединенную с самыми существенными их интересами. В Англии могли найтись люди, которые говорили: зачем нам вмешиваться в дела континента, море спасает нас от опасности со стороны тамошних завоевательных стремлений; и в России могли найтись люди, которые говорили и теперь, и после: Франция далеко от нас, нападать на нас не может, из-за чего же мы будем воевать с нею, вмешиваясь в чужие дела? Но такой близорукий взгляд не мог быть разделяем государственными умами обеих стран, ибо отдаленность, и не такая, как отдаленность Франции от России, не

спасала народов от нашествия завоевателей, и мудрость политическая состоит в предусмотрении и предотвращении опасности в самом ее зародыше.

В Англии могли радоваться смутам Французской революции в их начале; но, когда волнение по самому положению Франции, по ее историческому значению и характеру народа, быстро начало выходить из берегов, грозя залить всю Европу, Англия вооружилась и с ничтожным перерывом вела неутомимую борьбу до тех пор, пока французский разлив не вошел в берега. В России Екатерина II оканчивала свое знаменитое царствование с неослабной деятельностью и нетускнеющей ясностью политического взгляда. Екатерина поняла, что ей относительно Франции предстоит тот же образ действия, какой был принят императрицей Елисаветой относительно Пруссии, то есть устанавливать и поддерживать коалиции держав против напора завоевательного движения. Англия, как держава не континентальная, по незначительности сухопутных сил, не могла принимать непосредственно важного участия в борьбе на материке Европы; она должна была стараться составлять коалиции и поддерживать их преимущественно денежной помощью, Россия, по своей отдаленности от Франции, также не могла принять непосредственное участие в борьбе: она должна была составлять и поддерживать войском коалицию ближайших к Франции держав, преимущественно Австрии и Пруссии; при этом тесный союз России с Англией подразумевался.

Екатерина, с самого начала следя зорко за всеми фазами революции и ее разливом, выступлением из границ Франции, считала необходимо поддерживать австро-прусскую коалицию. Будучи занята вначале ближайшими отношениями к Швеции, Турции и Польше, она могла поддерживать борьбу против Франции только деньгами, причем для прекращения внутреннего революционного движения во Франции она считала единственным средством внутреннее же национальное движение: по ее взгляду, французские принцы могли успеть в своих предприятиях только в том случае, если бы действовали по примеру Генриха IV. Отпадение Пруссии от коалиции, невозможность оставить одну Австрию без помощи заставили Екатерину заключить союз с Англией и Австрией, причем Россия обязалась выставить корпус войск для поддержания последней. Но смерть Екатерины расстроила дело; Павел I не захотел продолжать его: следствием были разгром Австрии Бонапартом и Кампоформийский мир.

В самом конце XVIII века образовалась другая коалиция: из России, Австрии и Англии; но от этой коалиции только на долю России выпала слава суворовских подвигов. Коалиция была неполная, ибо в ней не участвовала Пруссия; у союзников не было ясного, определенного плана действия, не было утверждено, что

все частные счеты и распределения должны происходить только по достижении общей цели. Россия вела войну по принципу, чему благоприятствовали ее отдаленность, ее независимость от преданий прошлого и от непосредственных отношений к Франции, от которых могли бы родиться частные интересы и счеты. Но Австрия жила преданиями, вела с Францией долгую борьбу, длинные счеты, и при каждом возобновлении борьбы все принимало в ее глазах практический смысл. В продолжение многих веков она боролась с Францией в Италии, которая по отсутствию государственного единства и проистекавшей отсюда слабости представляла свободную арену для борьбы сильных соседей, была «*res nullius, quae cedit primo occupanti*» («ничейная вещь отходит к первому, кто ею завладел». — *Примеч. ред.*). Практический вопрос для Австрии постоянно состоял в том, усилиться ли самой в Италии или дать усилиться в ней Франции. Достижение цели, поставленной Россией, — восстановление престолов и алтарей — не вело к решению практического вопроса, ибо восстановление мелких итальянских владений, не давая Италии силы и самостоятельности, не прекращало на ее почве борьбы между Австрией и Францией. Практический вопрос решался однажды навсегда объединением Италии, но до этого еще было далеко; пока он решался таким образом: получит успех в борьбе Австрия — Италия или по крайней мере преобладание в ней должно принадлежать Австрии; восторжествует Франция — она и должна господствовать в Италии. При таком различии отношений, взглядов и стремлений, различий, не отстраненном на время сознанием общей опасности и необходимости прежде всего довести до конца избавление от нее, коалиция не могла быть прочна и продолжительна, даже оставя в стороне влияние характера главных деятелей. Коалиция кончилась разрывом, враждой, которая грозила совершенной переменой системы: Россия вступала в союз с Францией и в войну с Англией. В эту-то решительную для Европы минуту в России произошла перемена: на престол вступает молодой император Александр I.

Прошел ровно век со вступления России в общую жизнь Европы, и ни один еще государь не всходил на русский престол при таком затруднительном положении европейских дел, как Александр I, которому предназначено было принять такое первенствующее участие в выводе Европы из этого положения, так наглядно показать значение вступления России в общую европейскую жизнь. Александр взшел на престол еще очень молодым человеком. Ему было 12 лет, когда началась революция во Франции, и не исполнилось еще 19 лет, когда эта революция, обманувши столько надежд, оканчивалась, выставив новые силы и отношения и оставляя столько вопросов на решение игр этих новых сил и отношений, и в то же время умирает великая

бабка.— отнялась от России сильная, искусная, опытная правительственная рука, и началось сильное колебание, качка, повергшая экипаж корабля все более и более в печальное, болезненное состояние. В это время молодой Александр должен был принять обязанности кормчего. Необыкновенно восприимчивый, впечатлительный по природе, в самый впечатлительный возраст он подвергался впечатлению целого ряда явлений, небывалых по своей силе, и, когда оглушительное действие их стало прекращаться, началась эта внутренняя тряска, качка, которые не давали покоя и возможности для сосредоточения мыслей и чувств. Впечатление от этой качки могло бы еще ослабевать, если бы молодому человеку можно было привыкнуть мысленно сосредоточиваться на важных занятиях, входить в подробности дел и чрез это создавать под собою твердую почву, вращаться среди действительных, близких, осязаемых отношений. Но таких занятий он был лишен; он осужден был относиться ко всему или страдательно, или отрицательно. События, отдаленные по своей силе и значению, действовали могущественно, захватывали все внимание; явления ближайшие шли поодаль, являлись чуждыми и мелкими. С конца XVIII века начинается новый период в новой русской истории вследствие новой постановки и осложнения европейских отношений.

С начала XVIII века и до последнего его десятилетия отношения России к Западной Европе были просты и спокойны. При сравнительном взгляде на свое и чужое в народе живом и развивающемся являлась сильная потребность, стремление заимствовать как можно скорее и как можно полнее то, что являлось лучшим у опередивших нас в цивилизации народов, и это заимствование казалось легким, ибо на все заимствуемое смотрели как на что-то внешнее, на все нововведения по чужому образцу смотрели как на переодевание в более удобное и красивое платье. Это делалось очень легко, безо всякой внутренней, нравственной тяжести, безо всякого нравственного принижения. Напротив того, русский человек высоко поднимал голову, чувствуя свою силу, свое превосходство. Перед ним возвышался небывалый образ исторического деятеля — образ Петра Великого; народная гордость питалась значением европейской деятельности дочери Петра, удачей и блеском планов Екатерины II. Политические отношения к европейским народам, к их государственному устройству были также просты и, так сказать, внешне; различные политические формы производили главное впечатление только по отношению к силе или слабости государства. Польша погибала вследствие своих республиканских форм; в Швеции боялись больше всего усиления королевской власти, ибо это усиление дало бы стране могущество, сделав ее опасной для соседей.

Но события последнего десятилетия XVIII века произвели переворот во взглядах и отношениях: то, о чем прежде читалось

только в книгах и могло спокойно, на досуге, по выбору, с переделками и ограничениями, по воле власти, применяться к известному государственному строю, то теперь из теории перешло в практику в самых широких размерах, с явным стремлением на деле пересоздать общества на новых началах. Вопросы внутреннего строя народов выдвинулись вперед, овладели вниманием мыслящих людей, стали определять симпатии и антипатии правительств и народов. Такое осложнение отношений не могло остаться без сильного влияния на русских людей, давление западноевропейских явлений удвоилось, и для многих спокойное отношение к ним исчезло и заменилось более страстным, то есть более страдательным. Таким образом, отношения русских людей к европейской цивилизации в XIX веке явились иные, чем были в XVIII веке, и поколение, которого император Александр I был представителем, стояло на границе двух веков, на границе двух миров, и должно было выдержать первый напор от усиленного влияния Запада, тамошних порывистых движений вперед и соответственно порывистых отступлений назад или реакций. Деспотизм Наполеона сменил революционные бури; наполеоновский гнет над своими и чужими народами усилил симпатии к подавленному этим гнетом формам, которые и ожили вследствие падения Наполеона и в свою очередь начали грозить усиленным развитием и порождать реакции. Не могли по своему положению быть простым зрителем этих движений, при сознании своих средств, дававших возможность могущественного участия и решения, Александр, естественно, признал своей задачей как внешнее, так и внутреннее успокоение народов, примирение борющихся начал. Задача обольстительная; но была ли она легка?

Наконец, затруднительность положения молодого императора увеличивалась отсутствием помощников в первое, самое тяжелое время. Для народного утешения Александр объявил, что будет царствовать по мысли бабки своей Екатерины, и собрал около себя оставшихся деятелей знаменитого царствования. Но это были деятели второстепенные, исполнители, привыкшие ждать внушений и по ним действовать; другие же, более самостоятельные люди не имели тех способностей, которые дают силу совету, мнению, или имели одностороннее направление, или были далеко и не хотели приблизиться. Все это были уже старики, а государственная машина, естественно, нуждалась в новых, молодых работниках, которые, разумеется, внесли в работу новые понятия и стремления. Явились одна подле другой две группы людей, имеющих мало общего друг с другом. Император, по возрасту своему, естественно, более близкий к молодым, должен был соединять старых с молодыми и обыкновенно соединял их попарно в известных кругах деятельности, подле старика ставил молодого, прибирал их по известным отношениям друг к другу, чтоб не было между ними борьбы.

Новый император обещал царствовать по мысли знаменитой бабки: внешние отношения, которые он получил в наследство, были определены вовсе не по мысли Екатерины II, и, несмотря на то, Александр и лучшие люди должны были сознавать, что было бы вовсе не по мысли Екатерины круто и порывисто изменить все эти отношения. Александр наследовал войну с Англией, вражду с Австрией, сближение с Францией и Пруссией и некоторые тяжелые для России обязательства относительно государств второстепенных. Бесцельную и по обстоятельствам больше чем бесцельную войну с Англией надобно было прекратить, пока она еще не началась настоящим образом; но в союзе с Англией и в жертвованиях для этого союза другими отношениями не предстояло еще нужды; по общему ходу дел надобно было прекратить и вражду с Австрией, но эту разгромленную Бонапартом Австрию нельзя было сейчас же сделать авангардом новой коалиции против Франции; относительно же последней нужно было, естественно, принять выжидательное положение: что будет с этой республикой, которою управлял победоносный генерал под именем первого консула? Чего должна ждать от этого генерала Европа: новых ли завоевательных движений, которым должно противопоставить новые коалиции, или Бонапарт обратится к внутреннему устройству потрясенной революцией Франции и этим даст возможность и другим державам разоружиться и заняться внутренними делами; последнее казалось маловероятным, но во всяком случае надобно было ждать.

В инструкции русским министрам при иностранных дворах высказаны были основания политики императора Александра (4 июля 1801 года). Император отказывается от всяких завоевательных замыслов и увеличения своего государства.

«Если я подниму оружие,— говорит он,— то это единственно для обороны от нападения, для защиты моих народов или жертв честолюбия, опасного для спокойствия Европы. Я никогда не приму участия во внутренних раздорах, которые будут волновать другие государства, и каковы бы ни были правительственные формы, принятые народами по общему желанию, они не нарушат мира между этими народами и моею империею, если только они будут относиться к ней с одинаковым уважением. При восшествии моем на престол я нашел себя связанным политически обязательствами, из которых многие были в явном противоречии с государственными интересами, а некоторые не соответствовали географическому положению и взаимным удобствам договаривающихся сторон. Желая, однако, дать слишком редкий пример уважения к публичным обещаниям, я наложил на себя тяжелую обязанность исполнить, по возможности, эти обязательства. Убежденный, что союз великих держав может один восстановить мир и общественный порядок,

которого нарушители торжествовали при пагубном разрыве этого союза, я немедленно позаботился о том, чтоб обмануть их надежды, заявивши Венскому двору искреннее желание забыть все прошлое. Общий план вознаграждений (государствам, пострадавшим от французских завоеваний) будет главным предметом моих переговоров с Венским двором, и, если он хочет искренно содействовать моим благодетельным видам, мы соединим наши усилия для того, чтоб этот план был принят и Пруссией. Большая часть германских владений просят моей помощи.

Независимость и безопасность Германии так важны для будущего мира, что я не могу пренебречь этим случаем для сохранения за Россиею первенствующего влияния в делах империи. Решившись продолжать переговоры, начатые с Франциею, я руководствовался двойным побуждением: упрочить для моей империи мир, необходимый для восстановления порядка в разных частях управления, и в то же время, по возможности, содействовать ускорению окончательного мира, который бы дал Европе время восстановить поколебленное здание социальной системы. Если первый консул сохранение и утверждение своей власти поставит в зависимость от раздоров и смут, волнующих Европу; если он не признает, что власть, основанная на неправде, всегда непрочна, ибо питает ненависть и дает законность возмущению; если он позволит увлечь себя революционному потоку, если, наконец, он вверит себя одному счастью — война может продолжаться, и при таком порядке вещей уполномоченный, которому вверены мои интересы во Франции, должен ограничиться наблюдением хода тамошнего правительства и тянуть время, пока обстоятельства более благоприятные позволят употребление средств более действительных.

Но в случае если первый консул окажется более понимающим собственные интересы и более чувствительным к истинной славе, если захочет излечить раны, нанесенные революцией, и дать своей власти основание более прочное уважением независимости правительств, то многие чрезвычайно веские соображения могут внушить ему желание искренного согласия с Россиею и заставить принять ряд мер к восстановлению европейского равновесия: в таком случае переговоры, начатые в Париже, могут повести к удовлетворительным результатам. В этом предложении моему уполномоченному велено предложить Тюльерийскому кабинету многие статьи, которые могут служить основанием ко всеобщему умиротворению. Легкость, с какою Бонапарт принял большую часть из них, не дает еще мне достаточного ручательства в том, что он разделяет мои виды. Возможно, что он будет охотнее содействовать им, когда лучше узнает их добросовестность и бескорыстие; верно то, что в царствование покойного императора консул имел особенно в виду приобрести помощь моего августейшего родителя против Великобритании, а теперь, быть может, он

старается только выиграть время для выведения моей системы, чтобы, по соображению с нею, распорядить и свои политические операции, не обращая внимания на обязательства, заключенные в промежуточное время. От его дальнейшого поведения будет зависеть мое решение, и необходимая осторожность не позволяет мне ускорить этим решением. Я поручил графу Моркову (русский посол в Париже) дать первому консулу самые положительные удостоверения, что в моих сближениях с дворами Венским и Лондонским не скрывается никакого враждебного намерения против Франции, что ни тот, ни другой не предлагали мне наступательного союза и что я не буду принимать подобных предложений, если французское правительство будет уважать права и независимость моих союзников».

Это изложение политики нового императора прежде всего останавливает внимание заявлением начала невмешательства во внутренние движения и установления правительственных форм в других государствах; правительство Наполеона и всякое другое не могло быть помехой сближению и общему действию России с Францией, если только это французское правительство не будет продолжать завоевательного движения; в противном случае Россия будет служить твердой стеной, на которую обопрется всякая коалиция против нападчика. Коалиции еще нет, сближение с Англией и Австрией не есть наступательный союз с ними; но сближение превратится в такой союз, если Франция начнет наступательное движение. В этой, по-видимому, столь умеренной и осторожной программе положено было начало борьбы с наполеоновской Францией, могшей кончиться только падением знаменитого корсиканца, ибо твердо и ясно было выставлено начало недопущения преобладания Франции в Европе.

Но эта мирная программа повела прежде всего к ожесточенной борьбе между русским послом в Лондоне графом Семеном Романовичем Воронцовым и управляющим иностранными делами в Петербурге графом Никитою Петровичем Паниным — к борьбе, в которой всего лучше отражаются отношения императора Александра к людям, наследованным им от предшествовавших царствований. Автором или редактором приведенной инструкции был граф Никита Петрович Панин, заведовавший почти исключительно иностранными делами, ибо другой *парный* министр, князь Александр Борисович Куракин, не принимал участия собственно во внешних сношениях. Панин был унаследован Александром от павловского царствования, был деятелем этого времени. Собственно, представителем екатерининского царствования из дипломатов оставался граф Морков, принимавший важное участие в последних его событиях; но Морков был отправлен в Париж вести переговоры с первым консулом и наблюдать за ним.

Были еще два старых дипломата, братья Воронцовы — граф Александр и граф Семен Романовичи; по времени своего служения оба они всецело принадлежали екатерининскому царствованию; но в действительности не были и не хотели быть его представителями по фамильным отношениям. Родные племянники елисаветинского канцлера графа Михаила Иларионовича Воронцова, они всеми своими лучшими воспоминаниями и самыми сильными привязанностями принадлежали царствованию знаменитой «дщери Петровой»; будучи родными братьями Елисаветы Романовны Воронцовой, они не разделяли симпатий и антипатий другой своей сестры, Екатерины Романовны (Дашковой), и враждебно встретили переворот 28 июня. Екатерина II, не умевшая удалять от службы способных людей, не удалила от нее и Воронцовых, но не могла питать к ним и особенного расположения; они никогда не могли надеяться на приближение, чувствовали себя постоянно в почетной опале и потому постоянно находились в оппозиции главным силам и их деятельности. Никита Иванович Панин, заменивший канцлера Воронцова (графа Михаила Иларионовича) в управлении иностранными делами, не терпел Воронцовых и заставил графа Александра Романовича покинуть дипломатическое поприще и этим создал себе и своей политической системе непримиримых врагов в графе Александре и брате его Семене, которые по тесной дружбе составляли одного человека; так что граф Семен, переменявший впоследствии военное поприще на дипломатическое, в переписке своей не щадил выходок против Панина и его управления, видел одни ошибки в его политической системе, в прусском союзе и его следствиях.

Граф Александр, перешедши к делам внутреннего управления, с почетом занимал важные должности: был сенатором, президентом Коммерц-коллегии, но стоял в отдалении собственно от двора, и клиенты Потемкина считали его влиятельным членом кружка, враждебного их патрону; последнее время царствования Екатерины и все царствование Павла он провел вдали от дел. Выше его по способностям был граф Семен, занимавший с 1785 года пост русского министра при Лондонском дворе до самой кончины Екатерины. Осыпанный сначала милостями при Павле, он вдруг подвергся опале, был отставлен, имение его конфисковано; Александр, по восшествии на престол, поспешил отнестись к обоим Воронцовым с особенной лаской и уважением; граф Семен восстановлен был на прежнем любимом месте, граф Александр сделан членом совета. Граф Семен, оставаясь горячим патриотом, с участием следя за всем, что делалось в России, не мог, однако, не подвергнуться влиянию долгого пребывания вне России и в стране, которая ему по разным причинам очень нравилась, приходилась вполне по его природе, неспособной гнуться пред людьми и обстоятельствами, по стремлению к неза-

висимости. Министр, которому не очень по душе та страна, в которой он служит представителем своего государства, спокойнее, беспристрастнее смотрит на отношения к ней своего отечества, легко мирится и с мыслию о возможности охлаждения между ними, и с мыслию о возможности покинуть свой пост; но министр, которому очень нравится в стране, где он пребывает, боится столкновения между нею и своим отечеством, как имеющего нарушить его привычные отношения и связи, столь дорогие ему, боится мысли быть принужденным совершенно порвать их и удалиться из любимой среды. Упрек, который делали графу Семену в его пристрастии к Англии, нельзя назвать неосновательным; доказательством служило его неудовольствие на постановления вооруженного нейтралитета, который естественно и необходимо вытекал из национальной русской политики, был на море таким же действием, каким на суше участие России в Семилетней войне и борьба ее с Наполеоном. Но с последнего десятилетия XVIII века положение графа Семена было чрезвычайно выгодно, потому что по необходимости борьбы с Францией тесное сближение России с Англией стояло на очереди, должно было требоваться государственными людьми как необходимость.

Граф Семен Воронцов сначала был хорошо расположен к графу Н. П. Панину: это расположение Панин умел заискать уважением, доверенностью, которые выражались в его письмах к Воронцову. Но граф Александр Воронцов написал брату очень дурной отзыв о характере представителя неприятной фамилии, и этого было довольно, чтоб переменить отношения графа Семена к Панину: с одной стороны, неограниченное доверие к брату, с другой — невольное раздражение старика, принужденного находиться в известном подчинении у молодого человека, раздражение, которое обыкновенно ищет только предлога, оправдания, чтоб выразиться. Панин еще в царствование императора Павла имел неосторожность высказать в одном из писем к графу Семену основания своей политической системы: эта система состояла в союзе с Англией, Пруссией и Портой Оттоманской

«По моим принципам,— писал Панин,— надобно обуздывать честолюбие Австрии политикою Екатерины II и сдерживать Швецию союзом с Турцией». Но эта политика очень напоминала политику дяди Панина, знаменитого Никиты Ивановича, вследствие чего племянник в глазах Воронцовых явился таким же пруссаком, как и дядя,— а этого наследственного греха простить ему было нельзя, особенно когда приверженец прусского союза не употреблял всех своих усилий для удовлетворения требованиям Англии, необходимых — по мнению приверженца английского союза.

Так, графу Моркову поручено было, между прочим, предложить Бонапарту посредничество России в примирении Франции

с Турцией. В Англии сильно встревожились, потому что боялись влияния Франции в Константинополе. Сам король счел нужным переговорить об этом с Воронцовым.

«Император Павел,—говорил Георг III,—во время самой сильной ненависти против нас сделал это предложение Бонапарту, зная, что мир между этим консулом и Портой будет чрезвычайно вреден и враждебен для Великобритании; а нынешний император, друг Великобритании, делает Франции то же предложение, какое император, его отец, сделал по ненависти. Положим, что император Александр также питает нерасположение к Англии, что, впрочем, кажется невозможным, но зачем же он хочет принести в жертву и Турцию; ибо какую безопасность этим миром она приобретет против интриг Франции, для которой нет ничего священного? Франция снова поведет выгодную торговлю с Левантом, которая даст ей средства продолжать войну с нами. Она заведет консула, вице-консула и других агентов по всем областям Турции, где они сделают то же, что их товарищи сделали в Швейцарии: станут революционировать греков, и меньше чем в три года Европейская Турция представит сцены более страшные, чем те, которые опозорили человечество во Франции в первые годы ее проклятой революции.

Я предоставляю его величеству императору обсудить: справедливо ли и выгодно ли для его империи подвергать пожару соседку Турцию. Революция, начавшись в Эпире, Македонии, Боснии, Болгарии, перейдет в Молдавию и Валахию и явится на границах русской империи. Но прежде всего Порты очутится в неловких отношениях к Англии, которые необходимо поведут к войне. Эта война ускорит гибель Турции, ибо Франция под предлогом сохранения для Порты стран, подверженных нападению английских эскадр, введет туда французские гарнизоны, которых уже больше не выведет и которые сделаются центром для революционирования жителей. Таким образом, если его величество император желает охранить Турцию, которая вовсе для него не опасна, то он должен не советовать ей заключения отдельного мира с Францией, но внушать ей, чтобы она не отставала от Великобритании, которая никогда не покидает своих союзников и не постановит мира с Францией, не включив в него Порты».

Но в Петербурге никак не трогались объяснениями его великобританского величества, что сильно беспокоило и раздражало Воронцова, делая неловким его положение в Англии, где имели право думать, что он или не хочет настаивать при своем дворе на удовлетворении английским требованиям, или не может этого сделать, не имеет достаточно влияния. В этом раздражении Воронцов обрушивается на Панина: он всему виною, чрез него одного император ведет иностранные дела, с ним одним совету-

ется, другое дело, если б иностранные дела проходили чрез совет: там брат Александр и его единомышленники. В это время сильного раздражения приходит циркулярная инструкция. Ее написал Панин, мальчик, которому было 13 лет, когда Воронцов оставил Россию, а теперь этот мальчик пишет наставления, и какие наставления! Инструкция представляла в некоторых местах темноту, в некоторых подробностях противоречие, представляла некоторые неудачные выражения. Воронцов решился воспользоваться всем этим, разгромить инструкцию и сделать это в письме к самому императору. Основные положения Воронцова были: иностранные дела должны обсуждаться в совете пред государем, а не поручаться одному лицу; этим доверенным лицом никак не может быть Панин. Громя инструкцию, Воронцов давал вид, что приписывает ее одному Панину, выделяя совершенно императора, что для последнего могло быть не менее оскорбительно. Но Воронцов сослался на письмо Александра, где тот писал ему: «Я должен вас благодарить за то, что вы сочли меня достойным внимать истине. Жду от вашей верности и от вашего патриотизма, что вы будете продолжать говорить мне с тою же прямоютою».

Александр не отрекся от этих требований своих; он благодарил Воронцова за откровенность, с какою написано его письмо, повторял, что требует от каждого правды, и в доказательство, с каким удовольствием будет он принимать все, что напишет ему человек таких лет, такой опытности и таких заслуг, как Воронцов, император вошел в объяснения по поводу его письма. Он признал пользу обсуждения иностранных дел в совете и высказывал надежду, что впоследствии будет возможность вносить в совет дела наиболее важные, но до сих пор он не мог этого сделать, должен был ограничиться работой в кабинете с каждым из министров отдельно, потому что уже нашел такой порядок установленным и не хотел изменять его, не приобретя прежде известной опытности и известного спокойствия, которые могли бы дать средства подумать о перемене полезной. Александр признавал всю справедливость замечаний Воронцова насчет пользы сближения с Англией; но замечал в свою очередь, что нельзя было вдруг в пользу Англии отказаться от начал вооруженного нейтралитета, пожертвовать выгодами северных держав, Швеции и Дании, которые Россией же были привлечены к союзу против Англии, и нельзя было вдруг удовлетворить всем требованиям Англии: это значило бы обнаружить страх пред ее флотом, который находился в Балтийском море, вследствие враждебных отношений к Англии императора Павла.

«Но теперь,— писал Александр,— когда опытность освоила меня с этими предметами и затруднения, встреченные мною при восшествии на престол, начинают ослабевать, конечно, я не

смешаю интересов России с интересами северных держав. Я особенно постараюсь следовать национальной системе, то есть системе, основанной на выгодах государства, а не на пристрастиях к той или другой державе, как это часто случалось. Я буду хорош с Францией, если сочту это полезным для России, точно так как геперь эта самая польза заставляет меня поддерживать дружбу с Великобританиею». Наконец, император счел нужным упомянуть и о мнении английского короля относительно примирения Турции с Францией, потому что Воронцов сильно настаивал на справедливости этого мнения и требовал его принятия. Александр объявил, что он не признает его основательным. Россия не могла отказать Порте в посредничестве для примирения ее с Францией, тем более что в случае отказа Порты обошлась бы и без русского посредства, обратившись прямо к французскому правительству; кроме того, отказ возбудил бы в турках подозрение относительно видов России, тогда как следует сохранять их доверие. Наконец, принятие посредничества необходимо следует из искреннего желания императора видеть установление всеобщего спокойствия, Россия точно так же предложила свое посредничество и Англии для примирения ее с Францией.

Спокойный тон, который господствовал в письме государя, в сравнении с раздражительностью и страстностью, отличавшими письмо подданного, придавал письму Александра особенное величие и объяснениям императора особенную вескость. Воронцов не мог не почувствовать всей силы урока, который дан был ему, старику, очень молодым государем, несмотря на все уверения последнего в своем уважении и доверии к летам и опытности заслуженного вельможи. Особенно урок был силен в пункте о национальной политике, которая исключает пристрастие к той или другой державе. Воронцов должен был увидеть, что, преследуя Панина, встретился с борцом более сильным и что сущность инструкции принадлежала не Панину, а самому Александру, готовому защищать ее.

Что же касается графа Панина, то император в этом же письме объявлял Воронцову, что молодой министр сам удалился от дел, недовольный, как говорили, тем, что император недостаточно наградил его в день коронации, и тем, что по поводу жалобы, поданной на него князем Куракиным, император взял сторону последнего. Но торжество Воронцовых зависело не от удаления Панина, а оттого, что *национальный интерес* делал невозможным сближение с Францией и Пруссией, а требовал сближения с Англией и Австрией. Вполне соответственно этому требованию в челе управления иностранными делами явился граф Александр Воронцов, составлявший по своим убеждениям одно существо с братом. Помощником старику Воронцову был придан друг молодости императора польский князь Адам Чарто-

рыйский. Чарторыйский нравился обоим Воронцовым: он, по-видимому, вполне разделял их взгляды, не мог быть приверженцем прусской системы Паниных, которая повела к разделу Польши; какой же был собственный взгляд Чарторыйского — о том он Воронцовым не говорил.

II

АЛЕКСАНДР И НАПОЛЕОН ДО СМЕРТИ ГЕРЦОГА АНГИЕНСКОГО

В начале XIX века Европа представляла удивительное на первый взгляд явление, бывшее результатом всей ее истории. Два крайние государства ее на континенте, Россия и Франция, не имевшие, по-видимому, никаких точек соприкосновения, стояли друг перед другом, готовые к борьбе. Что против Франции на первом плане стояла Россия, это самое показывало уже, что дело идет не о частном каком-нибудь интересе. От Франции шло наступательное, завоевательное движение, в ее челе стоял первый полководец времени, задачей которого было ссорить, разъединять, бить поодиночке, поражать страхом, внезапностью нападения, силой притягивать к себе чужие народы. От России, наоборот, шло движение оборонительное, и государь ее в соответствии этому характеру движения отличался не воинственными наклонностями, не искусством бранного вождя, но желанием и умением соединять, примирять, устраивать общее действие, решать европейские дела на общих советах, приводить в исполнение общие решения.

Во время борьбы с Наполеоном Александр является составителем и вождем коалиций для отпора завоевательному движению Франции. С окончательным успехом последней коалиции, с низвержением виновника завоевательного французского движения, целью Александра является поддержание общеевропейского союза для сохранения мира и общественного порядка, поддержание общего действия, общего управления Европы посредством собраний, советов государей и уполномоченных их, посредством конгрессов. Таким образом, деятельность Александра I вследствие личного характера его и вследствие положения Европы и России разделяется 1814 годом на две половины: эпоху коалиций и эпоху конгрессов.

Если император Александр с самого начала своего царствования предвидел, какая деятельность предстояла ему в европейских событиях — деятельность начинателя и главы коалиций против завоевательных стремлений Франции, то Наполеон также ясно видел, что такая деятельность могла принадлежать только России, ее государю; без России никакая коалиция если бы и была возможна, то не была бы ему опасна, и потому главная цель его политики в отношении к России заключалась в том, чтобы

разными хитростями и приманками отталкивать Россию по возможности от связи с другими державами, пока не принудит их поодиночке подчиниться своей воле; тогда Россия должна будет отказаться от деятельности, оставшись в одиночестве, и если вздумает противиться — то будет поражена всеевропейской коалицией, направленной против нее под знаменами первого полководца века. Как в прошлом столетии Фридрих II заключил союз с Россией и, обеспечив себя им, не хотел слышать с русской стороны предложений расширить этот союз введением в него ряда других, слабейших держав, ибо это связывало ему руки, — так теперь Наполеон не хочет слышать русских предложений вести дела сообща с какою-нибудь другой державой.

Для России нужна прочность отношений между державами, обеспечивающая продолжительный мир, а эта прочность отношений условливается союзом большинства значительнейших держав. Александр не хотел исключать из этого союза могущественную Францию, хотел ее присутствием в союзе еще более скрепить его; но человек, управлявший Францией под именем первого консула, вовсе не хотел прочности отношений между державами, ведущей к продолжительному миру: он смотрел на мир только как на перемирие, дававшее передышку и время устроить некоторые выгодные для будущей войны отношения; потому Наполеон не хотел слышать ни о каком общем деле, общем соглашении, которое бы связывало его руки.

Русский посланник Кольчев, отправленный в Париж еще императором Павлом, писал¹, что первый консул отверг тотчас же статьи предложенного ему с русской стороны договора, в которых заключалось обязательство при общем замирении не допускать для вознаграждений никаких других оснований, кроме установленных Россией, Пруссией и Францией. Французский министр иностранных дел Талейран выразил положительно желание своего правительства войти прямо и просто в соглашение с русским императором относительно предметов, где интересы обоих правительств сойдутся. Талейран при этом внушал Кольчеву, что необходимо составить общий план, чтоб воспрепятствовать дворам берлинскому и венскому воспользоваться настоящими обстоятельствами и приобрести в Германии больше того, на что действительно имеют право.

Эти настоящие обстоятельства заключались в том, что по Люневильскому миру, заключенному (9 февраля 1801 года) Германскою империей с Францией, вследствие последнего погрома Австрии левый берег Рейна отходил к Франции. Германия лишалась 1150 квадратных миль, но владельцы не хотели лишиться ничего, им выговорено было вознаграждение, которое они долж-

¹ 22 марта (3 апреля) 1801 года

ны были получить посредством так называемой секуляризации, то есть отдачи светским князьям в потомственное владение церковных владений, епископств и аббатств; вольные города также должны были потерять свою вольность для вознаграждения владельцев, лишившихся своих земель на левом берегу Рейна. Казалось бы, что такое чисто германское дело надобно было устроить внутри Германии по соглашению одних ее владетелей. Но если бы это соглашение было возможно, то не было бы и Люневильского мира и уступки Франции левого берега Рейна. Крупные германские государства, Австрия и Пруссия, потеряли свое значение, и мелкие, не имевшие обо что опереться у себя, бросились, как слабые, ко внешней силе, начали преклоняться пред французским правительством, и дело вознаграждения перешло в руки Наполеона, который, желая пока иметь на своей стороне Россию, соглашался уступить известную долю участия в деле русскому императору, но с исключением всякой германской державы.

Почувяв, где сила, где решение дела, уполномоченные германских дворов бросились в Париж и не щадили ничего, ни денег, ни ласкательств, ни унижения, чтобы только сослужить верную службу своим высоким доверителям: это были патриоты и верноподданные своего рода. В Париже производилась торговля епископствами, аббатствами, вольными городами; немецкие посланники с деньгами в руках взапуски ползали перед любовницей Талейрана, перед его секретарем Матье, перед французским посланником в Регенсбурге Лафорестом. Впечатление, производимое этим явлением на первого консула и создаваемое им французское сановничество, было ужасное, развращающее; оно внушало им полное презрение к слабым, надежду на одну силу, которой все позволено, и легко понять, как для избалованного раболепством главы Французской республики невыносим был представитель какого-нибудь государства, который с достоинством поддерживал это представительство, который не гнулся перед людьми, привыкшими кричать: «Горе побежденным!» — не гнулся потому, что не признавал своего государства побежденным.

Колычев был неприятен первому консулу и его министрам именно потому, что вел себя с достоинством, с ним надобно было считаться, говорить иначе, чем с другими послами, что особенно видно из следующего. Весть о кончине императора Павла была для Наполеона громовым ударом; по обычаю, он искал, на ком бы сорвать сердце, и сорвал его в «Монитере» на англичанах; но кроме выходки в журнале — другого средства достать англичан не было; легче и приятнее было сорвать сердце на сардинском короле, за которого заступался покойный император Павел, требуя возвращения ему Пьемонта. Теперь, когда

заступника уже более не было, Наполеон поспешил дать Пьемонту управление, одинаковое с управлением всех других французских департаментов, причем предписал: если Колычев станет на это жаловаться, то отвечать, что дело еще нерешенное, что сардинский король вывел первого консула из терпения своим неуважением к нему; а если бы стал жаловаться прусский посланник Люккезини, то ему отвечать, что французское правительство не обязано рассуждать с прусским королем об итальянских делах.

Колычев действительно протестовал, и протестовал сильно против французских распоряжений в Италии, настаивая на исполнении обещаний, данных императору Павлу, и давая знать *гражданину* Талейрану, что если эти обращения не будут исполнены, то восстановление дружбы между Россией и Францией не может быть долговременно. Гражданин Талейран жаловался на резкий тон Колычева, который скоро был отозван; но Наполеон и Талейран ничего не выиграли от этой перемены. Преемником Колычеву был назначен граф Морков, как более искусный и способный на трудном посту посланника при Французской республике; притом же опальный сановник прошлого царствования возобновлял свою деятельность на блестящем посту внешнем, тогда как возобновление этой деятельности на каком-нибудь внутреннем не очень желалось. Морков отличался самыми изысканными придворными манерами XVIII века, утонченной вежливостью, входил и раскланивался по правилам танцевального искусства, ступал на цыпочках, говорил на ухо, и все остроты. Но этот утонченнейший маркиз превращался во льва, когда надобно было охранять интересы и честь России; он принадлежал к таким русским деятелям, о которых говорили, что они *катеринствуют*, к людям, привыкшим при Екатерине считать Россию первым государством в мире, решительницей судеб других народов.

11 октября (н. ст.) 1801 года Морков заключил тайную конвенцию между Россией и Францией: обе державы обязались сообща, в полном согласии, покончить дело о вознаграждении германских владельцев вследствие Люневильского мира, причем выражено было желание допускать как можно менее перемен в государственном устройстве Германии; сохранять справедливое равновесие между домами Австрийским и Бранденбургским; соблюдать искреннее согласие и сообщать друг другу свои намерения относительно устройства Италии и светских отношений римского двора для дружеского окончания всех этих дел; первый консул обязывался при русском посредничестве открыть вскорости мирные переговоры с Оттоманской Портой; сохранить неприкосновенность владений короля Обеих Сицилий и, как скоро судьба Египта будет решена, вывести французские войска из Неаполитанского королевства; обе державы обещали заняться дружески и доброжелательно интересами короля Сардинского, сколько возможно по настоящему положению вещей;

независимость республики семи Ионических островов была признана, и постановлено, чтобы в ней не оставалось более иностранных войск; русский император обещал стараться об освобождении французов, находившихся в турецком плену. Обе державы обязались немедленно заняться средствами утвердить на вышесказанных основаниях всеобщий мир, восстановить должное равновесие в различных частях света, обезопасить свободу морей и действовать согласно, убеждениями и силой для блага человечества, общего спокойствия и независимости правительств.

Сила, военная удача дали Франции первенствующее положение в Западной Европе; но на востоке Европы было государство, с которым Франция должна была считаться, поделиться своим значением, сообща распорядиться европейскими делами, причем Россия прямо выставляет свое начало, свою цель: действовать для блага человечества, общего спокойствия и независимости государств. Нам теперь все это может показаться наивными фразами в конвенции, заключаемой с Наполеоном; но мы видели, что император Александр именно хотел испытать нового правителя Франции. Не обращая внимания ни на форму, ни на имя, ни на происхождение французского правительства, русский государь задавал вопрос: согласно ли будет это правительство содействовать видам России в установлении всеобщего спокойствия и прочных правильных отношений между государствами Европы: если будет согласно, то, как бы ни назывался правитель Франции, первым консулом или иначе, Россия будет с ним в тесном союзе; если же нет, то следствием будет постоянная вражда. Таким образом, конвенция естественно вытекала из основного взгляда императора Александра на внешние отношения России. Сильно были недовольны конвенцией в Англии; сильно потому сердился на нее граф Семен Воронцов и не щадил насчет ее резких выражений, причем продолжал толковать о панинских внушениях, выгораживая Моркова как невольное орудие. Отчего же конвенция заслужила такую немилость на другом берегу пролива? Здесь, как и во Франции, вообще не были довольны поведением нового русского государя, несмотря на то что он миролюбиво, дружественно отнесся ко всем. В Англии ждали, что в петербургском кабинете произойдет полная реакция по последним направлениям политики предыдущего царствования, что новый император сейчас же порвет с Францией и тесно соединится с Англией; сколько в Англии надеялись на такой переворот в политике России, столько же во Франции боялись его; успокоились, когда увидели, что его нет, но все же не были довольны миром России с Англией, спокойным, беспристрастным тоном политики нового государя, ее самостоятельностью и независимостью, что все не давало надежды употребить Россию орудием для своих целей, заставляло считаться с нею.

Как бы то ни было, положение, которое принял Александр, должно было повести хотя к кратковременному успокоению Европы: Англия и Франция обе были утомлены войной; но скорый мир был бы невозможен, если б Франция надеялась на русскую помощь, как было при Павле, или если бы по смерти Павла произошла та реакция, какой ожидали в Англии, которая оперлась бы на Россию для получения более выгодных мирных условий. Но спокойное и беспристрастное положение России предоставляло Англии и Франции переведываться одним друг с другом; они устали, нуждались хотя в кратковременной передышке; континентальные успехи одной были уравновешены морскими успехами другой. Россия, которая могла положить свою тяжесть на ту или другую чашку весов, отстранялась, и воюющие державы приступили к мирным переговорам; Питт, которого имя было неразлучно с представлением о борьбе на жизнь и на смерть между Англией и Францией, Питт вышел из министерства; преемник его Аддингтон поставил своей задачей заключение и поддержание мира.

1 октября 1801 года были подписаны в Лондоне прелиминарные статьи мира между Францией и Англией: последняя возвращала Французской республике и ее союзникам все колонии, захваченные у них англичанами во время войны, кроме испанского острова Тринидада в Америке и голландского Цейлона в Азии, которые оставались навсегда за Англией; Египет возвращался Турции, Мальта — ордену Св. Иоанна Иерусалимского; французские войска должны были очистить римские и неаполитанские владения, английские острова и гавани Средиземного и Адриатического морей; обеспечивалась целость Португалии.

Прелиминарные Лондонские статьи и Парижская франко-русская конвенция были заключены почти в одно время, вели к одной общей цели, никакого противоречия в себе не заключали, а между тем в Англии сильно были взволнованы и раздражены франко-русской конвенцией: в ней опять затрагивалось чувствительное место. Мы видели, каким раздражением было встречено в Англии русское предложение первому консулу посредничать при заключении мира между Францией и Турцией. Теперь Англия взялась быть посредницей, выговаривая возвращение Египта Турции, и вдруг узнает, что Россия не отказалась от своего посредничества и внесла его в Парижскую конвенцию. В Англии не умели при этом скрыть своего раздражения, не умели скрыть своего стремления отстранить русское влияние в Константинополе, и министр иностранных дел лорд Гоуксбюри объявил графу Воронцову, что король сильно огорчен невниманием императора Александра к его прежним просьбам отказаться от плана отдельного мира между Францией и Турцией, потому что Англия не заключит мира с Францией без включения в него Турции. Морков

должен был знать о Лондонских прелиминарных статьях и, несмотря на это, все же внес в свою конвенцию условие о посредничестве России между Францией и Турцией.

Англия хотела уничтожить влияние России на Востоке; но до столкновения этих двух держав здесь было еще далеко; Восточный вопрос не становился еще на очередь; отношения на Западе оттягивали все внимание, а здесь человек, управлявший Французскою республикой, хотел отнять у Англии всякое влияние на дела континента. Когда после подписания Лондонских прелиминарий открылись между Англией и Францией переговоры в Амьене, французский уполномоченный, брат первого консула, Иосиф Бонапарт получил внушение, что французское правительство не хочет слышать при переговорах ни о короле Сардинском, ни о внутренних делах Батавии (Голландии), Германии, Швейцарии и республик итальянских; все это совершенно чуждо переговорам между Францией и Англией, и при составлении прелиминарий было об этом говорено очень мало — достаточное доказательство, что теперь вовсе не нужно поднимать об этом вопроса. Кабинет Аддингтона хотел во что бы то ни стало заключить поскорее мир: в этом он поставлял свое значение, свою славу, возможность существования, предполагая сильное желание народа видеть конец войны. При сильном желании уладить что-нибудь обыкновенно смотрят сквозь пальцы на некоторые затруднения, спешат обойти их молчанием, предполагая, что с течением времени все уладится, хотя очень часто с течением времени эти затруднения являются неодолимыми и разрушают желанное дело.

Мир между Англией и Францией был заключен в Амьене 25 марта 1802 года, и народ в Англии, действительно желавший передышки, встретил его с восторгом. Но когда первое впечатление прошло, когда наступили минуты спокойного обсуждения дела, положения, им созданного, то стало оказываться, что положение это вовсе не выгодно, что против стремления Франции к усилению нет никаких гарантий — континент отдан ей на жертву. Это обсуждение положения, созданного Амьенским миром, началось двумя обычными, открытыми путями: путем парламентских прений и путем печати. В парламенте поднялась оппозиция из приверженцев прежнего, Питтова министерства; раздались слова. «Англия похожа на крепость, которая потеряла свои внешние укрепления, — Амьенский договор представляет прелиминарии смертного приговора Англии»². Министры могли отвечать одно: «Необходимость требовала заключить мир: мы оставлены союзниками, новая коалиция на континенте в эту минуту невозможна».

² Речи лорда Гренвиля и Виндгама

Печать с своей стороны указывала на невыгоды Амьенского мира, на ошибки, сделанные при его заключении. Английские министры привыкли спокойно относиться к выходкам печати против своих действий; но не привык к этому правитель Франции. Кроме условий, заключавшихся в характере Наполеона и не позволявших ему равнодушно сносить и свободного отзыва о его действиях — не только оскорбления, самое положение его заставляло его быть чрезвычайно чувствительным к публичным, печатным порицаниям. Добываясь власти и ее утверждения, он был осужден на постоянную борьбу с препятствиями, с людьми, которые не желали его власти, ее утверждения; он не был законный государь, он был только вождь партии, которую надобно было постоянно усиливать, делать господствующей Средством для этого был успех очевидный, признанный, блеск, слава, заставляющие молчать противников; похвала, восторг могущественно действуют на толпу, на большинство, заставляют его преклоняться пред человеком, которому раздаются постоянные похвалы, имя которого произносится с восторгом; но вот раздаются слова сомнения, порицания, и вождю партии кажется, что уже толпа смущается, делится, обаяние исчезает, кумир без фамиама уже не бог, ему кажется, что число поклонников его уже уменьшается, партия слабеет: поэтому понятно, в какое раздражение приводит его каждый враждебный голос; понятно, как он пользуется своей силой, чтобы заставить молчать своих противников, враждебные партии. На увещания установить свободу печати Наполеон отвечал: «Чего ожидать от этих людей, которые все еще сидят на своей метафизике 1789 года! Свобода печати! Стоит мне только ее восстановить, так сейчас же появится тридцать журналов роялистских, сголько же журналов якобинских, и мне придется управлять с меньшинством!»

Во Франции слышится одна хвала человеку силы, вождю господствующей партии; он успокаивается, чувствует под собой твердую почву, цель утверждения власти кажется достигнутой; но смущают его враждебные речи, раздающиеся из стран чужих, хотя и не вдруг, и не без труда, но проникнув они во Францию и могут произвести то же действие, как если бы они раздавались прямо внутри страны; раздражение и опасение усиливаются тем, что эти враждебные статьи и сочинения выходят не только из-под пера иностранцев, мнения которых встречают противодействие в патриотическом чувстве, но также из-под пера французов, роялистов, конституционистов, якобинцев, у которых есть соумышленники в самой Франции; раздражение усиливалось еще тем, что уничтожить эти враждебные сочинения, наказать их авторов было не во власти правителя Франции; враги кололи человека силы и смеялись над его бессильной яростью; обаяние силы уменьшалось. Но сила, развиваясь, отвыкает предполагать

для себя препятствия неодолимые, и первый консул требует у английского правительства прекращения выходок английской печати, требует изгнания или наказания французов, нашедших убежище в Англии и пишущих против нового порядка вещей в своем отечестве. Ему отвечают, что по английской конституции печать пользуется полной свободой; что в Англии не потерпят вредных действий французских эмигрантов, но принимать против них меры предварительные несогласно с честью и законом гостеприимства. Наполеон возражал, что английское правительство может позволять печати порицания действий своего внутреннего управления; но есть высшие требования, требования международного права, пред которыми должны молчать законы отдельных государств; что можно терпеть у себя и против себя, того нельзя позволять в отношении к чужим правительствам. Эти новые положения международного права не могли быть признаны английским правительством, и Наполеон стал вести войну против английских газет в своей газете, в «Монитере», где постоянно появлялись самые грубые выходки против основ английской политической жизни. Любопытны счеты, какие иногда в «Монитере» сводились между двумя хищничествами, французским и английским; сравнивая французов с англичанами, «Монитер» однажды воскликнул: «Какое различие между народом, который делает завоевания из любви к славе, и народом торгашей, который становится завоевателем!»

Понятно, что такая газетная война не могла успокоить раздражения; она напомнила обычай первобытных народов — перед началом битвы ругаться, особенно осыпать насмешками и бранью вождей. Обычай сохранился с тем различием, что у народов первобытных бранятся устно перед битвой, а у народов цивилизованных бранятся печатно, в газетах и отдельных сочинениях, в прозе, а иногда и в стихах, следствие же одно и то же — взаимное раздражение. Но кроме этого раздражения были и другие причины, не допускавшие продолжения мира. Наполеон не хотел признать за Англией никакого права вмешиваться в его распоряжения с соседними слабыми народами; на представления относительно этих распоряжений он отвечал с такою бесцеремонностью, от какой новые европейско-христианские народы давно уже отвыкли. Англия с своей стороны не могла удержаться от искушения удерживать за собой драгоценную Мальту, оправдывая такое нарушение договора его непрочностью вследствие поступков первого консула. Наполеон присоединил к Франции Пьемонт и остров Эльбу и распоряжался хозяином в Швейцарии; английское правительство заговорило по этому поводу о политическом равновесии, о Люневильском мире. Наполеон велел отвечать на это угрозами: «Без сомнения, Англия станет искать союзников в Европе. Если она их найдет, то этим она только

заставит нас завоевать Европу. Первому консулу только 33 года, он сокрушал только до сих пор государства второстепенные! Кто знает, сколько ему понадобится времени, чтоб изменить лицо Европы и восстановить Западную империю?»

Но в Англии думали, что если дать Наполеону свободу распоряжаться на континенте — так, как он до сих пор распоряжался, то не будет безопасности и для владычицы морей. В парламенте раздавались слова: «Ждать ли, чтоб он овладел всем континентом, и тогда только начать против него действовать? Бонапарт заключил договор с французами: они согласны повиноваться ему под условием, что он доставит им владычество над Вселенной». Раздражение и без того уже было сильно, когда Наполеон, с целью пристращать Англию, коснулся главного ее интереса: в начале 1803 года в «Монитере» появилось донесение Себастиани, отправленного первым консулом на Восток; здесь говорилось о легкости вторичного завоевания Египта Францией: по утверждению Себастиани, для этого достаточно было 6000 французского войска. Нельзя было придумать лучшего средства задеть англичан за живое; раздражение их достигло высшей степени. Аддингтон должен был отказаться от своей системы поддерживать мир во что бы то ни стало. Наполеон слал одну угрозу за другой: он объявил в «Монитере», что 500 000 войска готово защищать республику и мстить за нее.

Наполеон, как все люди его характера и положения, считал только своим правом грозить, пугать и выходил из себя, если угрожаемый становился в боевое положение. Так, когда король Георг III повестил палате общин, что надобно принять меры предосторожности, Бонапарт в сильном волнении подошел к английскому посланнику лорду Уитворту и сказал ему громко: «Итак, вы решились объявить нам войну! Мы воевали десять лет, вы хотите воевать еще 15 лет, вы меня к этому принуждаете». Подле стояли два посла — русский Морков и испанский Азара; Наполеон обратился к ним: «Англичане хотят войны; но если они первые обнажат шпагу, то я последний вложу ее в ножны; они не уважают договоров, которые должно покрыть черным крепом». После этой выходки Наполеон обратился опять к Уитворту: «Зачем вооружение? Против кого меры предосторожности? У меня нет ни одного линейного корабля в моих гаванях! Вы хотите драться, и я буду драться! Вы можете убить Францию, но не испугать!» «Мы бы не хотели ни того, ни другого, хотели бы жить в добром согласии с Францией», — сказал посланник. «Так надобно уважать договоры, — закричал Наполеон, — горе не уважающим договоры!» Наполеон этими словами намекал на то, что Англия не очищала Мальты, но упрек другим в неуважении договоров звучал очень дико в устах Наполеона. В ответ на выходку первого консула Англия потребовала все виды гарантии,

Мальту на десять лет и в то же время потребовала, чтобы Франция вывела войска свои из Батавской республики (Голландии), из Швейцарии и дала вознаграждение королю Сардинскому. Подобные требования могли быть сделаны только для того, чтобы выйти из тяжелого нерешительного положения; цель была достигнута: война между Англией и Францией началась снова; французы заняли Ганновер, принадлежавший английскому королю.

А между тем Наполеон не хотел войны с Англией: кроме убытков, верных морских поражений, потери флота, эта война не могла ему ничего обещать; руки были коротки, достать ненавистный остров — несмотря на всю его близость — было нельзя; угроза высадки, несмотря на все приготовления, оставалась только угрозой; занятие Ганновера, принадлежавшего английскому королю, нисколько не трогало англичан. Но и мир с Англией был невозможен, потому что Англия не хотела смотреть равнодушно, как Наполеон распорядился на континенте. Точно в таком же положении находился Наполеон и к России: он не хотел войны с ней, а война была неизбежна, потому что Россия не давала ему распорядиться в Европе, поработать слабейшие государства; с Россией заключены были обязательства — с тем, разумеется, чтоб их не исполнять; но Россия от них не отступалась; надобно было как-нибудь ее занять на время, заставить выпустить из виду общие интересы для частного, соблазнить, указав на какой-нибудь лакомый кусок.

В 1802 году, когда готовился разрыв Амьенского мира, Морков доносил своему двору, что Бонапарт постоянно заводит разговор о близком распадении Оттоманской империи. Это произвело тревогу в Петербурге. Все внимание сосредоточено было на Западе; Турция, не успевшая еще опомниться после египетского похода Наполеона, когда страшная опасность стала грозить ей со стороны, откуда она вовсе ее не ожидала, Турция не подавала никакого повода к неудовольствию, и в Петербурге брало верх мнение, что слабая Турция есть самый удобный сосед и трогать ее не следует. Об этом твердил граф Семен Романович Воронцов, следовательно, таково же было убеждение и брата его, графа Александра, теперь канцлера, причем Воронцовым было приятно указывать, что политика Екатерины II относительно Турции была ошибочна; здесь они действовали в духе партии, ибо не могли не знать, что обе турецкие войны при Екатерине II были начаты совершенно против воли русского правительства. Взгляд Воронцовых вполне разделял молодой, близкий к императору Александру граф Виктор Павлович Кочубей, бывший посланником в Константинополе и потом короткое время помогавший канцлеру Воронцову в заведовании иностранными делами до Чарторыйского.

Кочубею, как знакомому с положением Турции, принадлежал теперь первый голос, когда надобно было подумать о восточных делах вследствие донесения Моркова, Кочубей объявил, что при поднятии Восточного вопроса России предстоит выбор: «Или приступить к поделу Турции с Францией и Австрией, или стараться отвратить столь вредное положение вещей. Сомнения нет, чтоб последнее не было предпочтительнее, ибо независимо, что Россия в пространстве своем не имеет уже нужды в расширении, нет соседей покойнее турков, и сохранение сих естественных неприятелей наших должно действительно впрямь быть коренным правилом нашей политики». Кочубей советовал снестись по этому делу с Англией и предостеречь Турцию. Мнение было принято, и 24 декабря 1802 года канцлер Воронцов отправил Моркову письмо, в котором уполномочивал его каждый раз отвечать Бонапарту ясно, что император Александр никак не намерен принять участие ни в каком проекте, враждебном Турции.

Удочка закидывалась понапрасну: Россия не пошла на эту приманку. Попробовали другое средство: в доказательство своего уважения к императору Александру Наполеон предложил ему быть не только посредником, но верховным решителем спора между Англией и Францией. Александр отклонил эту опасную честь: война уже началась; согласится ли Англия для ее окончания подчиниться решениям русского государя; если не согласится, то это будет оскорбление, и Франция получит право требовать союза России против державы оскорбившей. Но если бы даже Англия и согласилась, то разве легко было беспристрастным решением удовлетворить обе державы? Александр принял более скромную роль посредника и предложил условия: Франции — очистить Ганновер, Голландию, Швейцарию, Верхнюю и Нижнюю Италию; Пьемонт останется за нею, но сардинский король получит за него вознаграждение. Александр предлагал занять русскими войсками остров Мальту, с тем чтобы срок этого занятия был определен впоследствии.

Наполеон отвечал, что он может заключить мир с Англией только на Амьенских условиях. Без сомнения, он очистит, когда придет время, Голландию, Италию и Швейцарию; но это никак не может войти в условия мира с Англией. Наполеон требовал перемирия и конгресса для решения всех споров. Но условия, предложенные Александром, были так же необходимы и для России, как для Англии. Прежде всего по отношению к Балканскому полуострову нельзя было допустить владычества французов в Италии. Граф Семен Воронцов, руководясь интересом минуты, даже советовал английскому министерству удержать Мальту в видах недопущения французов в турецкие владения; совет был неблагоприятен; графу Семену послали из Петербурга на

этот счет внушение и придумали средство прекратить спор и обезопасить свои интересы — занятием Мальты русскими войсками; но ответ Наполеона, что он очистит Италию, Швейцарию, Голландию, когда придет время, показывал всю его неискрытость.

Россия по своему положению непосредственно войны начать не могла; она могла стать только во главе коалиции, поддерживать другие ближайšie к Франции державы; Англия могла поддерживать коалицию деньгами, но без России не могла ничего сделать на континенте, и потому как скоро Россия и Англия видели, что Наполеон не может остановиться на пути захвата, то необходимо сближались для образования и поддержки коалиции. Отсюда перед разрывом Англии с Францией, когда старания России поддержать Амьенский мир оставались тщетными, сближение России с Англией становилось теснее, и русский посол во Франции, естественно, должен был сближаться с послом английским; и после разрыва мира в 1803 году, по удалении лорда Уитворта из Парижа граф Морков должен был вести себя по-прежнему, ибо со стороны французского правительства не видно было ни малейшей склонности удовлетворить русским требованиям. Поведение Моркова, самостоятельное и твердое, сильно раздражало Наполеона; не мог он выносить присутствия человека, в глазах которого читал: «Я за тобою слежу и очень хорошо тебя понимаю, ты меня не обманешь!» Хотя Наполеон не мог не понимать, что охлаждение между Россией и Францией и даже разрыв между ними неизбежен по самому ходу дела, но все же перемена посла представляла некоторую возможность отдалить развязку быть может, пришлют кого-нибудь менее проницательного, искусного и твердого, чем Морков?

В августе 1803 года Талейран поручил французскому посланнику в Петербурге Гёдувилю потребовать от русского правительства именем первого консула отозвания Моркова из Франции! Причины приводились следующие, причем не пощажено было ничего, чтоб очернить русского посла в глазах его государя. «Пока мир продолжался (между Францией и Англией), — писал Талейран, — Моркова терпели в Париже, хотя он вел себя, как истый англичанин, потому что это не было опасно; но теперь, когда началась война, которой нельзя предвидеть конца, присутствие человека, столь недоброжелательного к Франции, более чем неприятно для первого консула. 18 месяцев г. Морков заставлял известного Фуилью распространять бюллетени, заключающие в себе оскорбления и клеветы. Первый консул не хотел придавать важности такому поведению, потому что г. Морков недавно приехал, мог еще не испробовать почвы, где находился. Но и после восемнадцатимесячного пребывания поведение его не стало более дружественным и более скромным. Он болтает во всех углах Парижа, и болтает так, что первый консул не может

более выносить этой болтовни. Должно сказать, что он не щадит и поступков собственного правительства, не щадит даже особы Его Величества. Чего не наговорил он об указе относительно народного просвещения, о поощрении Его Величества крестьянскому освобождению! Он беспрестанно повторяет фразу: «У императора своя воля, а у русского народа другая». При настоящих обстоятельствах г. Морков ежедневно предсказывает, что пламя войны обхватит весь континент, и нельзя с ним иметь никакого разговора: он все перетолкует в дурную сторону. Сам лорд Уитвор был поражен яростью, с какою Морков побуждал к войне; изумление его было так сильно, что он сказал гражданину Иосифу Бонапарту, с которым он был в дружбе, что г. Морков играет ненавистную роль».

Бонапарт не расстался с Морковым мирно. Он возненавидел его еще более, потому что оскорбил, и не мог удержаться от нападения на ненавистного человека, притом очень нравилось молодому генералу, власти новой, унижать представителей древних властей; распекать по-военному послов иностранных входило в привычку. В сентябре 1803 года, во время одной из публичных аудиенций, Бонапарт подошел к Моркову с искаженным от злобы лицом, дрожащими губами и стал ему говорить задыхающимся, но громким голосом: «Зачем император покровительствует Дантрегу, французскому уроженцу, который живет в Дрездене и пишет там пасквилы против французского правительства, если б я позволял себе такое же поведение относительно русского подданного, поселившегося во Франции, то, конечно, император не был бы доволен». «Дантрег,— отвечал Морков,— давно уже числится в русской службе, и могу уверить, что император ничего не знал о пасквилях его против французского правительства, а если б узнал, то немедленно заставил бы его прекратить такую деятельность; я также ничего не знал об этом: в первый раз слышу».

Отбитый словами, смысл которых состоял в том, что о таких ничтожных делах, как дело Дантрега, правительства прежде упреков и жалоб из уст главы государства дают знать друг другу чрез министров, если только находят нужным давать знать, Наполеон бросился в другую сторону, но к такому же собственно полицейскому делу, срывая свое сердце в ругательствах против Кристэна. Этот Кристэн был родом швейцарец, находился также в русской службе и получал от русского двора пенсию. Теперь вдруг французское правительство его схватило и посадило в крепость. Морков протестовал, и за этот-то протест Бонапарт счел нужным теперь дать на него окрик: «Я велел схватить и отвести в крепость Кристэна, потому что он француз и был секретарем принцев (бурбонских), да и всегда вел себя гадко». «Кристэн,— отвечал Морков,— вовсе не француз, а швейцарец, и я имел

достаточное право оказать ему покровительство в случае его невинности». Слыша и тут твердую отповедь, Наполеон оставил Моркова, но, уходя, сказал громко: «Мы не такие бабы, чтоб терпеливо носить подобные поступки со стороны России, и я буду арестовывать всех, которые станут действовать против интересов Франции»

На другой день Морков поехал к Талейрану и дал ему записку, в которой излагалась вчерашняя сцена. Талейран обратил все это в шутку и стал упрашивать Моркова взять записку назад и не давать делу хода. «Вы,—говорил он,—должны смотреть на эти вещи спокойнее, чем другие, потому что вы больше других получаете предпочтения и уважения, которые вам здесь расточают при всяком случае». Морков, смотря ему пристально в лицо, отвечал: «Эти знаки уважения секрет для меня и для других, тогда как оскорбление было мне нанесено публично, и я вас прошу представить мою записку первому консулу, чтоб вперед мне было обеспечение от подобных выходок». Талейран начал толковать о том уважении, какое Бонапарт всегда оказывает к желаниям императора Александра. «Где это уважение?—отвечал Морков.—Император просит вас уважать нейтралитет государств ему союзных и таких, которых торговые интересы связаны с интересами его подданных, а вы продолжаете наводнять их войсками. Император, по человеколюбию и с вашего согласия, образовал маленькое государство на Ионических островах, а ваш поверенный в Корфу сеет там раздор и анархию, и сам первый консул позволил себе такой неслыханный поступок, назначив на своем жалованье коммерческого агента для этой маленькой республики. Я вам подаю рекламации и не получаю никакого ответа». Талейран. «Охотно будем уважать нейтралитет на суше, только заставьте Англию уважать его на море; а на Ионических островах ваше влияние сильнее французского»

В тот же день Талейран прислал свою жену завтракать с дочерью Моркова, ребенком пяти с половиною лет. Другая дама рассказала русскому послу, что первый консул жалеет о своей живости и что об этом слышала она от самой Жозефины Бонапарт. Для уяснения себе, в каком положении находятся дела, Морков обратился к брату первого консула — Луциану, зная, что он хорош с Талейраном. Луциан отвечал, что они с братом Иосифом часто говорили о нем, Моркове, брату Наполеону, и тот жаловался на некоторую гордость или резкость характера Моркова, которая его оскорбляет, тем более что все остальные послы преклонялись пред ним. Луциан прибавил, что они с братом Иосифом часто горевали, видя уступчивость императора Александра относительно первого консула; если бы Наполеон встретил препятствия со стороны русского государя, то, несмотря на бурность своего характера, дух правоты, которым он в то

же время обладает (?), остановил бы его относительно многих вещей, но теперь, уверившись, что нечего бояться со стороны далекой России, и низложивши или оболъстивши все окружающее, он считает для себя все позволительным и не перестает затевать предприятия, которые рано или поздно могут привести его и родных его к гибели.

Скоро после этого Морков был отозван. Александр дал знать первому консулу, что не усматривает виновности Моркова, ибо все, что донесено на него, противно точной истине (*exacte verite*); но отзывает его вследствие собственной его повторенной просьбы, ибо нельзя оставлять его в таком неприятном положении (17 октября 1803 года). В рескрипте Моркову говорилось, что государь с сожалением лишается его службы на этом посту, что обвинения, на него взведенные, суть клеветы. Преемник Моркову назначен не был; во Франции остался русский поверенный в делах — Убри. Испытание, означенное в политической программе Александра, кончилось: Наполеон оказался неспособным уважать независимость держав и содействовать установлению европейского равновесия; сношения с ним не повели к удовлетворительному результату. Для его достижения надобно было обратиться к другому средству — к составлению коалиции; Англия была уже в войне с Францией; надобно было склонить к общему действию Австрию и Пруссию.

Австрия после двух бонапартовских погромов имела нужду в отдыхе и должна была желать, чтоб отдых этот был как можно продолжительнее; но все же борьба с Францией представлялась ей как необходимость, и все усилия направлялись к тому, чтоб встретить эту необходимость при возможно благоприятных условиях, с лучшим приготовлением. Она чувствовала себя в осадном положении от Франции, которая стояла у ее ворот — и в Германии, и в Италии; преимущественно в последней стране, где в действительности границы французские сходились с австрийскими, и окончательный шаг к слитию Италии с Францией должен был принудить Австрию к отчаянному усилию для воспрепятствования этому шагу. Тяжелый опыт, несчастное окончание двух кампаний убеждали, что Австрия не может вести борьбу с Наполеоном один на один, что на соединение с Пруссией надеяться нечего, что помощи можно ожидать от одной России, и гибель стала грозить Австрии, когда при императоре Павле Россия отвернулась от нее, входя в соглашения с Францией и Пруссией.

Чем сильнее было в Вене чувство страшной опасности, тем отраднее была весть о вступлении на престол Александра, объявившего, что будет идти по стопам Екатерины. Не дожидаясь извещения о восшествии на престол нового русского государя, император Франц отправил Александру письмо с выражением

сильнейшего желания восстановить между Россией и Австрией старый союз, отчего зависит судьба Европы. Но после этого общего заявления в Вене спешили оговориться, точнее, определить отношения, чтоб письмо императора Франца не показалось в Петербурге предложением к коалиции, и австрийский министр иностранных дел граф Коллоредо сообщил князю Куракину такой мемуар (27 мая 1801 года): «Император-король, спеша открыть свои самые сокровенные мысли последователю Екатерины II, начинает признанием полного различия в мерах, требуемого совершенным различием между политическими обстоятельствами, в каких оставила Европу эта великая государыня, и теми, какие существуют теперь. Не к составлению враждебной коалиции против Французской республики клонятся желания Австрии. Она чувствует необходимость мира: это первая потребность Европы, и особенно первая потребность австрийских владений, ослабленных, истощенных относительно людей и финансовых средств. К поддержанию мира, его возможности, его твердости устремлены все заботы и желания Австрии. Главное средство удержать французское правительство в границах — это восстановление согласия между важнейшими государствами; но дело вознаграждения германских дворов, выговоренного в Люневильском договоре, препятствует этому согласию. Французы и друзья их стараются воспользоваться этим обстоятельством, чтоб удалить друг от друга императорские дворы, поселяя в русском правительстве подозрения насчет намерений Австрии».

В Вене действительно думали, что французы и друзья их (то есть Пруссия) стараются удалить Россию от сближения с Австрией; но основания политики молодого русского императора были так тверды, что никакие перессоривания не могли достигать цели: решено было испытать, способно ли французское правительство к миру, и если не способно, то действовать посредством коалиции; но сильная неуверенность в успехе испытания и необходимость иметь в виду коалицию заставляли самым дружественным образом относиться к Австрии. Ее посланник князь Шварценберг был принят чрезвычайно радушно императором и министрами. Князь Куракин говорил ему о сильнейшем желании императора Александра восстановить дружественные отношения между обоими государствами; Панин говорил, что до сих пор шли по ложной дороге, и эти слова имели для Шварценберга особенный вес именно в устах Панина; другие влиятельнейшие лица также выражали склонность к союзу с Австрией. Вопрос для русского кабинета заключался в том, в какой степени этот союз может быть полезен при тех условиях, в каких находился австрийский двор. В знаменитой инструкции русским министрам при иностранных дворах об австрийских отношениях император Александр говорил:

«Так как я убежден, что союз великих держав один в состоянии восстановить мир и общественный порядок, то одним из первых моих дел было заявление венскому двору искреннего желания предать забвению все прошлое. Такое же стремление, основанное на тех же самых побуждениях, заставило римского императора идти навстречу моим желаниям. Не ожидая извещения о моем восшествии на престол, этот государь в собственноручном письме выразил мне самое сильное желание восстановить дружеские отношения. Австрия, поставленная между Францией, к которой питает боязнь и ненависть, между Пруссией, которой не верит, и остальной Германией, которую отчудила от себя своими корыстными замыслами, чувствует необходимость сблизиться с Россией. Этот принцип сближения, превосходный в теории, может оказаться ничтожным в практике, как скоро будет дурно приложен; а этого надобно опасаться, пока благонамеренность государя и ревность подданных, наиболее преданных доброму делу, будут встречать препятствия в придворных и министерских интригах, в взаимной ненависти и страстях влиятельных лиц. Эти лица суть: императрица, Тугут и эрцгерцог Карл. Около них составлены партии, раздирающие государство. Экс-министр (Тугут, которому приписывались все действия, поведшие к разрыву австро-русской коалиции при императоре Павле) хотя находится в отсутствии, но приводит в движение Коллоредо, а через него имеет влияние на все рассуждения кабинета».

В Петербурге получались донесения из Вены, что императрица Мария-Тереза совершенно владеет императором, не показывает его в публику, не отходит от него и ненавидима народом, который жалеет Франца, предполагая в нем большую доброту. Тугут живет в Пресбурге, но с ним беспрестанно пересылаются курьерами, совещаются; он сохранил свое влияние над императором или, лучше сказать, над императрицей. Народ приписывает Тугуту все бедствия империи. Императрица и Тугут действуют интригами; но у эрцгерцога Карла есть партия, которая его обожает по мере ненависти к его личным врагам — императрице и Тугуту. Писать к императору Александру понудил Франца граф Траутмансдорф, человек благонамеренный.

Сближение с одной Австрией было недостаточно, особенно в видах коалиции; Александру I предстоял тот же страшный труд, который был употреблен понапрасну его бабкой и отцом, труд склонить Пруссию к общему действию, и тут прежде всего нужно было мирить непримиримые интересы Австрии и Пруссии. По-прежнему эти державы забывали общую опасность, общий интерес, когда поднимался вопрос о добыче, вознаграждении; обе державы, позабывая все, имели в виду только одно, чтоб которая-нибудь из них не получила больше. В конце XVIII века они перессорились, потеряли возможность общего действия из-за

польской добычи; теперь, в начале XIX века они косились из-за вознаграждения, которое германские владельцы должны были получить за левый берег Рейна, отошедший к Франции по Люневильскому миру; Австрия втягивалась в это дело потому, что должна была получить вознаграждение для одного из своих принцев, потерявшего Тоскану, и, главное, лопотала, чтоб Пруссия не получила много. В Вене с ужасом видели, что Россия склонна удовлетворить прусским требованиям, хотя в Петербурге и подсмеивались над аптекарским счетом, составленным в Берлине. Стало праздным место архиепископа Кёльнского: Австрия хотела, чтоб выборы последовали немедленно, имея в виду избрание одного из своих принцев; Пруссия требовала, чтоб выборы были отложены до решения вопроса о вознаграждениях; Россия разделяла мнение Пруссии, как соответствующее обстоятельствам. Австрия твердила, что готова согласиться на все в пользу Баварии, Вюртемберга и Бадена, лишь бы только Пруссия не получила ничего лишнего. «Неужели,— говорили в Вене,— в Петербурге так ослеплены, что не видят опасности, какая грозит России от Пруссии? Ни Порта, ни Швеция не могут быть для России такими страшными врагами, как Пруссия?» В Петербурге австрийский посланник граф Заурау сказал графу Кочубею: «Россия будет раскаиваться, что содействовала увеличению Пруссии, не обращая никакого внимания на Австрию».

В России действительно не обращали внимания— только не на Австрию, а на ее внушения против Пруссии; здесь были убеждены, что опасность для России и Европы грозит из Франции, и для предотвращения этой опасности державам надобно стоять в тесном союзе с оружием в руках, и что этот союз будет неполон, если в него не будет входить Пруссия. Склонить ее к этому было чрезвычайно трудно; это значило в государстве самодержавном, что трудно было склонить короля Фридриха-Вильгельма III. Действительно, находили причины прусского бездействия в характере короля, в отсутствии энергии, военных способностей, откуда происходила робость пред решительным шагом, пред вступлением в борьбу с таким врагом, как Наполеон. Нельзя отрицать в натуре Фридриха-Вильгельма III значительной доли мягкости, которая делала для него трудным решительный шаг; нужно было истории употребить сильные средства, нужны были тяжелые удары судьбы, чтоб заставить его решиться на энергические меры или по крайней мере сочувственно смотреть на их проведение.

Но с другой стороны, нельзя отрицать, что робость, нерешительность Фридриха-Вильгельма происходили также от сознания положения и средств своего государства. Пруссия жила славой, наследованной от Фридриха II; но при внимательном взгляде, можно было усмотреть, что средства внутренние

и условия внешние далеко не соответствовали тому значению, какое придавалось ей и какое, разумеется, ей очень хотелось поддержать. Пруссия была обязана своим значением преимущественно личности Великого Фридриха; но, несмотря на все усилия этого государя, Пруссия по его смерти не была великой державой, которая бы представляла вполне независимую силу, особенно когда поднялась Франция при Наполеоне; Пруссия явилась слабой среди сильных; по одну сторону Франция была сильнее ее, по другую Россия была сильнее ее, да и враждебная Австрия превосходила ее внутренними средствами, возможностью вести борьбу и скорее оправляться после поражения. Оказывалось ясно, что Европе предстоит долгая и тяжкая борьба вследствие завоевательных стремлений Франции, главное противодействие которым будет оказываться со стороны России; борьба, следовательно, будет идти между этими главными, столповыми государствами Европы; государства слабейшие, находящиеся посредине, должны по своим интересам и обстоятельствам примыкать к той или другой. Наступательное движение идет явно со стороны Франции, которая не останавливается в своих захватах; политика России охранительная, она представляет защиту, опору коалиции против Франции; казалось бы поэтому, что самым простым, естественным делом было примкнуть к России; но для прусского короля и его приближенных людей существовали причины, производившие раздумье.

Пруссия не была в таких непосредственных столкновениях с Францией, как Австрия по отношению к Италии. Главной соперницей Пруссии считалась Австрия; на союз с ней в Пруссии смотрели как на противоестественный. Попытка к нему оказалась неудачной в конце прошлого века, Пруссия разорвала противный ей союз, заключила отдельный мир с Францией, и мир не прерывался — это уже предание. Россия предлагает защиту, опору — все это прекрасно, и в случае нужды надобно иметь в виду эту защиту и опору; но не надобно спешить. Союз с Россией, как с государством сильнейшим, имел невыгоды: тут нет равенства, а во всяком случае некоторое подчинение; благо-разумно ли содействовать усилению России, и без того уже опасной соседки? Даже и в том случае, если бы она не увлеклась своей силой, властолюбием, Россия действует по своим принципам, имеет в виду поддержание европейского равновесия и т. п. Ей хорошо, ей нечего расширять своих владений, она и без того велика и сильна, а Пруссия еще нужно расти, нужно еще много расширяться и округляться, чтоб сравняться с Россией и Францией; восторжествует Россия с помощью Пруссии, начнет делить своих союзников по-своему и ненавистной Австрии даст столько же, сколько Пруссии, — для сохранения равновесия! Такой русский дележ Пруссия уже испытала при Екатерине II, нет надоб-

ности дожидаться подобного и при внуке, который обещает идти по следам бабки. Но восторжествует ли еще Россия в борьбе? Ее войска составили себе славу победами над поляками и турками; Суворов бил и французов, да без Бонапарта; теперь у французов Бонапарт; у русских Суворова нет. В случае торжества Франции Россия останется нетронутой, а поплатится Пруссия.

При таких соображениях, из которых истекало печальное убеждение, что слабое государство находится между двумя борющимися друг с другом сильными, находится между двух огней,—при таких соображениях, разумеется, с непреодолимой силой должны были ухватиться за возможность выхода без обжога, с выгодой, по крайней мере без потерь и с сохранением чести: эту возможность представлял нейтралитет. Россия с Францией непосредственно бороться не может, может бороться только через Австрию и Пруссию; интерес последней состоит в том, чтобы не допустить борьбы, служить посредницей между Россией и Францией,—положение почетное! Станут вести войну через Австрию—разнимать, понуждать к миру, в случае нужды и угрозой—пристать к той или другой стороне, более податливой на мир или более правой. Важное, почетное значение сохранено, а между тем, пользуясь обстоятельствами, тем, что с разных сторон заискивают, можно приобрести и выгоды, увеличить свою территорию, округлиться, и сделать это без жертвований. Образ действий Фридриха II по обстоятельствам был невозможен; надобно было возобновить политику его предшественников, Фридриха I, Фридриха-Вильгельма I, ловко держаться между воюющими сторонами и, при первом удобном случае, схватить что-нибудь; да и сам Фридрих II разве не посредничеством между Россией и Австрией приобрел земли по первому разделу Польши даром, без всяких жертвований? Уже давно Германия делится на две половины—северную, протестантскую, и южную, католическую; в последней Австрия и Франция давно уже борются за влияние; если Франция осилит здесь Австрию—не беда, лишь бы северная Германия осталась нетронутой под защитой Пруссии, которая здесь должна искать себе средств к усилению. И вот Пруссия, при затруднительных обстоятельствах, в начале XIX века крепко держится системы нейтралитета; в ней видит спасение сам король; по собственному убеждению, или по выгоде быть одного убеждения с королем, или по тому или другому вместе системы нейтралитета держатся люди, близкие к королю, генерал-адъютанты, члены кабинета.

Но против системы нейтралитета слышались веские возражения. Сильные не любят нейтралитета слабых; эта претензия на независимость и самостоятельность раздражает их иногда даже более, чем явная вражда, ибо все явное менее беспокоит, чем неопределенное, тайное; притом желание сохранять нейтралитет

обыкновенно предполагает робость, слабость; сильные не уважают слабых и при нужном случае не позадумаются нарушить нейтралитет. При нейтралитете небольшая надежда на приобретение какой-нибудь выгоды: хорошо платят за союз, за действительную помощь; за нейтралитет ничего не дают или дают дешево, и посредничество державы, заподозренной в робости или слабости, не имеет важного значения, угрозы ее не производят большого действия. Пруссия слаба, разбросанна, ей нужно окрепнуть, усилиться, чтоб получить важное значение; для этого робкая политика нейтралитета не годится, надобно прямо вступить в союз с тою стороной, которая предлагает большие выгоды. Но это мнение не могло осилить противоположного взгляда у короля и большинства его советников, потому что предлагались меры решительные, энергические, которых боялись, в успех которых мало верили, не видали обеспечения на востоке, со стороны России, при союзе с Францией, и не видали обеспечения на западе, со стороны Франции, при союзе с Россией. Обеспечение могло заключаться в сознании своей силы, а этого сознания не было; на востоке видели количество, на западе — количество и качество, у себя не видали ни того, ни другого. Очень хорошо знали, что провозглашение системы нейтралитета и готовность поддержать его при случае вооруженной рукой, принятие на себя посреднической роли для сохранения спокойствия Европы — все это было только выставка, за которою притаилась слабость и робость; видели, что должны сквозь пальцы смотреть на действия правителя Франции, чтоб не вызвать его на борьбу, и в то же время нежничать с Россией, чтоб на всякий случай иметь в ней прибежище; видели неловкость, недостойность таких отношений и тем более сердились на людей, которые возражали против них и этим прямо обвиняли в робости.

Поведение подобных людей раздражало и оскорбляло короля, потому что они, вооружаясь против его системы, не брали на себя ответственности в случае затруднений и бед, легко могших произойти от системы противоположной; вся ответственность падала на короля. Эти люди красовались перед публикой своим патриотизмом, своим стремлением поддержать честь и пользу отечества; но они красовались на счет короля, приобретали популярность на счет его популярности. Тем благосклоннее король относился к людям, которые входили в его виды, признавали их необходимость, не выставляли в противоположность королевской системе своей системы, могшей привлекать большее сочувствие публики, но служили королю верную службу, жертвуя ему своею популярностью, перенимая на себя негодование публики, приписывавшей неприятный для нее образ действий не королю, а близким к нему людям.

Затруднения начались с возобновлением войны между Францией и Англией. Английскому королю на твердой земле принад-

лежал Ганновер, который и становился первой добычей Наполеона. Но Ганновер составлял часть Германской империи; Пруссия не должна была равнодушно смотреть на его занятие французами, и в Берлине рождался вопрос, нельзя ли воспользоваться обстоятельствами и приобрести Ганновер, сперва занять его хотя временно, под благовидным предлогом сохранения его для Германии от чуждого завоевания, а потом, без войны, посредством переговоров и сделок, закрепить и навсегда за собой. Дело трудное, но возможное; в XVIII веке Пруссия приобрела же владения таким образом; отчего же нельзя этого сделать в XIX? Английский король, курфюрст Ганноверский, разумеется, не скоро на это согласится; но английский народ равнодушен к германским владениям своего короля; Россия, которая так старается привлечь Пруссию на свою сторону и не имеет причины не желать ее усиления ввиду общего действия с нею, не должна отказаться употребить все свое влияние в Лондоне, чтоб заставить здесь войти в виды Пруссии; Наполеона также можно склонить обещанием союза или некоторыми уступками его видам.

Так, при войне с Англией для Наполеона было важно, чтоб Англия, пользуясь своим господством на морях, не уничтожила французской торговли недопущением к ней нейтральных кораблей; если бы Пруссии удалось склонить Англию признать основания вооруженного нейтралитета, то Наполеон за это мог бы позволить Пруссии занять Ганновер. Лондонскому кабинету было сделано предложение относительно нейтралитета, с обещанием за это охранять и защищать Ганновер от французов. Но Англия с обычною своею бесцеремонностию в тоне отвергла прусское предложение, ибо не могла отказаться для Ганновера от средства нанести врагу самый чувствительный удар, да и король Георг III предпочитал занятие Ганновера французами занятию пруссаками, потому что первое было временное, тогда как второе легко могло обратиться в вечное. В Петербурге также поняли настоящие намерения Пруссии, их неблагоприятность и вред от них для общего дела: Австрия была бы раздражена, и Пруссия могла занять Ганновер только с большими уступками Наполеону, что вовсе не могло входить в планы России. Когда король Фридрих-Вильгельм обратился к императору Александру за советом, тот прямо высказал ему свой взгляд на дело — «заботясь о сохранении славы короля», Александр не советовал ему занимать Ганновер. Ганновер был занят французами.

Таким образом, возможность приобретения соблазнительной добычи стала зависеть преимущественно от Франции, и поднимался вопрос о союзе с Наполеоном; но какие бы ни представлялись выгоды этого союза, королю и его министрам, заведовавшим попеременно иностранными делами, графу Гаугвицу и барону Гарденбергу трудно было заглушить в себе сознание

непрочности французского союза; они ясно видели, что Наполеон не позволит Пруссии употребить Францию орудием для своих целей, а, наоборот, союз с ним будет для Пруссии равносильным подчинению; невозможно было освободиться от мысли, что рано или поздно столкновение с ним необходимо; притом же союз с Францией вел к разрыву с Россией, чего никак не хотели как вследствие прямых невыгод и опасностей разрыва, так и вследствие сознания надобности в России, единственно верной опоре против наполеоновских захватов; наконец, вследствие влияния, приобретенного императором Александром над королем во время свидания их в Мемеле в июне 1802 года. Такое колебание, выжидание, одинакий страх перед разрывом и с Францией, и с Россией не могли внушить ни той, ни другой большого уважения к Пруссии. Русский посланник в Берлине Алопеус писал канцлеру Воронцову 4(16) ноября 1803 года о несчастном состоянии Северной Германии «вследствие глубокой апатии прусского короля; о следствиях для России господства, к которому стремится Франция посредством своей коварной политики. Немецкая империя существует только по имени. Австрия, ослабленная последними войнами, вовсе не видит кормила своего правления в руках, способных извлечь выгоды из больших средств, которые еще у нее остались, несмотря на все потери. Пруссия почти не считается в политическом равновесии Европы. Это машина, в движениях которой можно еще видеть, что она вышла из рук Фридриха II, но часть колес этой машины уже сломана.

Под влиянием подобных известий в Петербурге не могли очень любезно относиться к Пруссии. Россия предлагала ей выслать вместе войска к Эльбе, потребовать от Франции, чтобы она очистила Ганновер, и, когда это очищение последует, занять его союзными русско-прусскими войсками; но король никак на это не согласился, предполагая, что Россия затягивает его в войну со страшным Наполеоном; Фридрих-Вильгельм объявил: пока ни один прусский подданный не будет убит на прусской почве, до тех пор он не примет участия ни в какой распре. Но, боясь оскорбить императора Александра отказом, он написал ему в начале 1804 года: «Ваше Величество не раз уверяли меня, что при нужде я всегда найду вас готовым на помощь. Теперь я обращаюсь к вам за советом, сильно желая, чтоб мне не пришлось когда-нибудь обратиться к вам за чем-нибудь другим. Выгнать французов из Ганновера было бы предприятием, могущим повести еще к большему несчастью. Но если Бонапарт, обманутый в надежде приковать к себе безусловно прусскую политику, попытается отомстить за это Пруссии прямо или косвенно, то насколько последняя в таком случае может рассчитывать на помощь России и ее союзников? Я буду покоен насчет судеб Пруссии, если Россия соединит их с своими».

Александр отвечал (16 марта н. с.), что «бывают случаи, когда вернейший друг не в состоянии подать совет, когда каждый должен принять сам свое решение». Император предлагал королю самый дружеский совет, но тот считал нужным последовать другим мнениям. Королю принадлежит выбор: на одной стороне честь, слава, истинный интерес прусской монархии; на другой — решительная и неизбежная гибель последней, при вечном упреке в содействии к всемирной монархии человека, столь мало ее достойного. Если король вооружится за независимость и благо целой Европы, то немедленно найдет императора подле себя; Пруссия не должна бояться, что Россия покинет ее одну в такой благородной борьбе. В России говорили о необходимости борьбы; в Пруссии отвечали, что борьбу начинать рано, надобно потихоньку приготовляться. А между тем Наполеон схватил на немецкой независимой почве одного из бурбонских принцев и убил его.

Наполеон готовился сделать последний шаг для утверждения своей власти во Франции; он уже был провозглашен пожизненным первым консулом; оставалось только велеть провозгласить себя наследственным императором, и в такое-то решительное время он был страшно раздражен заговорами приверженцев старой династии. В этом раздражении Наполеону по его природе мало было казнить, разослать верных слуг Бурбонской династии — орудие заговора, ему нужна была жертва более значительная, кто-нибудь из самих Бурбонов. Этою жертвою сделался молодой герцог Ангьенский, внук Конде, который жил в Эттенгейме, в баденских владениях. Неприкосновенность независимых владений должна была служить ему верным ручательством безопасности; но во времена Наполеона этого ручательства не было более. В марте 1804 года французские жандармы являются ночью в Эттенгейме, схватывают герцога и отвозят во Францию. Судьба его была решена: Наполеону нужно было показать свою силу, поразить врагов ужасом, надругаться над ними, унижить перед толпой древнюю династию казнью одного из видных ее членов, поразить толпу впечатлением, что для ее правителя казнить и принца ничего не значит. Герцог Ангьенский был расстрелян во рву Венсенского замка.

В тот день, как в Петербурге было получено известие о смерти герцога Ангьенского, жена французского посланника мадам Гёдувиль с жившей у нее родственницей поехали вечером к князю Белосельскому, где собралось больше шестидесяти человек. После ледяного приема ее оставили на диване одну с кузиной; никто к ним не подошел; долго француженки беседовали друг с другом, наконец, отправились домой за час до ужина. «Я вижу, что на нас смотрят здесь как на зараженных», — сказала мадам Гёдувиль, уезжая. 5 апреля был назначен совет по поводу венсенского

события. Большинство членов было за то, чтоб наложить траур и отозвать поверенного в делах Убри, было вообще за энергические меры. Граф Завадовский объявил, что Россия по своим силам и по своему географическому положению безопасна, если бы даже французы перемutilили все соседние государства. Граф Николай Румянцев объявил, что не надобно давать другим государствам увлекаться в войну. Только одни государственные причины могут повести к каким-нибудь решениям, а чувства должны оставаться в стороне, и потому надобно только надеть траур и замолчать. Князь Чарторыйский присоединился к Румянцеву.

Но император был не за молчание; он понимал, что дело идет не о чувствах только, когда правитель одного государства хватает вооруженной рукой в другом независимом государстве неприятного ему человека и расстреливает его. Алопеус давал знать Александру, что венсенское событие произвело сильное впечатление в Берлине — но какие же следствия? Александр написал Фридриху-Вильгельму: «Я уже знаю из письма Алопеуса, что В. В. были сильно оскорблены ужасным поступком, который позволил себе Бонапарт похищением герцога Ангьенского. Но, государь, на нашем месте часто бывает недостаточно только почувствовать справедливое негодование в глубине своего сердца, — надобно его выразить. До сих пор Россия и Пруссия обходились с Франциею очень кротко — и что выиграли? Надобно переменить обращение. Бонапарт нагнал на все правительства панический страх, который служит главным основанием его могущества. Встретит он твердое сопротивление — и пыл его утихнет».

Но правительства, находящиеся под влиянием панического страха, могут ли оказать твердое сопротивление; могут ли и принять совет о его необходимости? История герцога Ангьенского показала это всего лучше. Дело касалось прежде всего Германской империи, неприкосновенность ее границ была нарушена самым наглым образом; имперский сейм в Регенсбурге был в самом неприятном положении: и стыдно промолчать, и что и как сказать?

Наполеон! Лучше, безопаснее промолчать, не обратить никакого внимания; дело скоро забудется. Начали успокаиваться, как вдруг, неожиданная, непрошенная, приходит русская нота в сильных выражениях, с требованием протеста, с указанием на опасность, какая произойдет для Европы, если такие насилия будут производиться беспрепятственно, пропускаться без внимания. К русскому протесту присоединился ганноверский посланник, представитель члена империи; шведский король Густав IV также прислал протест. У Германии был глава — император, он не мог молчать, когда заговорил император русский. В Вене нехотя промолвили, что можно попросить у французского правитель-

ства достаточного успокоительного уяснения дела. Промолвли — и испугались; велели в Париже извиниться: «Желалось сохранить глубокое молчание, и до сих пор не произносили ни слова; но царь заставил говорить; французское правительство, которое и без того дало бы разъяснение, конечно, будет довольно, получивши об этом такое умеренное предложение от императора Франца». Хвалились, что вместо жесткого русского требования поставлено умеренное приличное предложение.

Но в Париже не тронулись этими извинениями, потому что раздражались всяким требованием ответа, когда ответа давать не хотели; в Париже на учтивости австрийского посла отвечали упреками в соглашениях Австрии с Россией; австрийскому послу приходилось при этом отрекаться более трех раз. Французский посланник в Вене Шампаньи требовал, чтобы всякий двор склонил курфюрста Баденского сообщить в Регенсбург сейму, что он, курфюрст, получил от Франции самые удовлетворительные объяснения и что все произошло с его согласия. Это было уже слишком, требование отклонили. Тогда французское правительство обошлось и без помощи Австрии относительно курфюрста Баденского; он прислал в Регенсбург заявление: тут была и благодарность русскому императору за его чистое намерение и благожелательное участие, и уверенность в дружеских чувствах французского правительства и его высокого главы, и, наконец, настоятельная просьба не давать делу дальнейших последствий. У представителей германских государей на сейме отлегло от сердца. Пруссия прямо присоединилась к баденскому заявлению; Австрия не возражала; только русский посланник не хотел понять, как таким образом могут быть обеспечены достоинство и самостоятельность Германской империи. Чтоб не иметь больше дела с такой странной непонятливостью, сейм придумал отличное средство: он разъехался до срока.

Но во Франции дело кончилось обратно: оттуда уехал русский поверенный в делах. Когда Убри передал Талейрану ноту с протестом против поступка главы французского правительства с герцогом Ангьенским и с изложением всех недружественных поступков французского правительства относительно русского, Талейран сказал тихонько, как будто про себя: «Мне кажется, что это дело сделано немного легкомысленно». Убри встал с рассерженным видом. Талейран при этом движении сказал с живостью: «Я нахожу везде дух и приемы г. Моркова». «Это мнение императора», — сказал Убри; но Талейран продолжал утверждать, что все это Морков. «Не Морков, — говорил Убри, — но уклонение от обязательств, постановленных в секретном договоре относительно Неаполя, сардинского короля и проч., заставило императора высказать все свое неудовольствие против Франции».

После доклада Бонапарту Талейран отвечал нотой, в которой русское правительство обвинялось в том, что держит в Дрездене

и Риме заговорщиков против Франции и стремится нарушить безопасность и независимость наций. Относительно герцога Ангьенского говорилось, что германские государи не протестуют: из чего же Россия хлопочет? «Если,—говорилось в ноте,—настоящая цель Его Величества состоит в том, чтоб образовать в Европе новую коалицию и возобновить войну, то к чему служат пустые предлоги? И почему не действовать открыто? Первый консул не знает на земле никого, кто бы мог испугать Францию, никого, кому бы он позволил вмешиваться во внутренние дела страны». Затем была пущена корсиканская стрела: на Англию взведено обвинение в замыслах против императора Павла с прибавкою, что если бы в России узнали, что злоумышленники находятся недалеко от границы, то, конечно, схватили бы их. Убри потребовал паспортов, Талейран уговаривал его остаться. Тогда Убри для продолжения дипломатических сношений между Россией и Францией потребовал немедленного удовлетворения по трем пунктам: очищения Неаполя, вознаграждения сардинского короля, очищения Северной Германии. Удовлетворения не было. В августе 1804 года Убри снова потребовал паспортов и на этот раз получил их.

III

ПЕРВАЯ НЕУДАЧНАЯ КОАЛИЦИЯ

У первобытных народов существовал обычай при закладке какого-нибудь здания для его прочности приносить человеческую жертву. В основу здания Французской империи положен был труп герцога Ангьенского. Едва покончилась венсенская трагедия, как сенат явился к первому консулу с предложением императорской короны. Но дело об империи еще не было кончено, когда последовал разрыв дипломатических сношений между Россией и Францией, императорский титул Наполеона не был признан Россией; Пруссия поспешила признать его; признал и германский император, выговорив себе признание наследственного императорского титула, как государю австрийских земель. Превращению Французской республики в империю даже очень радовались в высших кругах Вены, ибо думали, что дело покончено с революцией; но радость была непродолжительна. То, чем мог довольствоваться первый консул, тем не мог довольствоваться император; новый титул требовал новой, блистательнейшей обстановки, и средства для этой обстановки должна была доставить Европа. Странно было думать, что Наполеон, ставши императором, делается умереннее, как будто он не должен был заплатить за новую верховную честь новой славой для народа, новыми приобретениями для него; странно было думать, что Наполеон, который не хотел отказаться от Италии, когда был

первым консулом, откажется от нее, ставши императором, а здесь-то, в Италии,—и место столкновения между Австрией и Францией. Столкновение было необходимо, к нему надобно было готовиться; в Вене не могли обманывать себя надеждой на нейтралитет, как обманывали себя в Берлине; но точно так же, как и в Берлине, в Вене дрожали при мысли начать борьбу с Наполеоном, а начать ее один на один считали невозможностью.

Были союзники. Как только возобновилась война между Англией и Францией, британское правительство начало искать союзников на континенте, хлопотать о коалиции, причем не могло не обратиться к Австрии, старой союзнице своей в борьбе с Францией. Но старые времена прошли; Австрия не была более перпендикулярной державой Восточной Европы; в Германии ее постоянно давил кошмар Пруссии, а на востоке была Россия, которая одна могла стать в челе коалиции. И потому на английские предложения в Вене был один ответ: без России ничего сделать нельзя. Этого мнения крепко держался человек, управлявший тогда внешними сношениями Австрии, граф Людвик Кобенцль, приобретший как дипломат громкую известность в XVIII веке, особенно как австрийский министр при русском дворе, при дворе Екатерины. Кобенцль, подобно Моркову, был полный представитель того доброго старого времени, когда шутя делали важные дела, когда в Эрмитаже, за веселым разговором, втыкая иголку в канву, делили царства. Кобенцль славился своим волокитством; несмотря на тяжелую и крайне неприятную наружность, славился умением играть на театре; имея около 60 лет, не переставал брать уроки пения. Курьер прискачет из Вены с важными депешами, а посланник перед зеркалом разучивает роль. Дурные известия, которые получал Кобенцль из Вены во время неудачной борьбы Австрии с республиканской Францией, не мешали ему давать блестящие балы; когда узнавали о победах французов над австрийцами, то говорили: «Прекрасно! В субботу будет бал у Кобенцля». Екатерина говорила: «Вы увидите, что он бережет лучшую пьесу ко дню входа французов в Вену».

Кобенцль выехал из России с убеждением, что Австрия может быть безопасна только в союзе с этой державой; с этим убеждением он принял в свое заведование внешние дела. В Вене не могли не знать, по крайней мере не могли не подозревать, что в Петербурге не придают большого значения союзу с Австрией вследствие военной слабости, обнаруженной ею в последнее время. Такому взгляду в Вене приписывали и старания России привлечь на свою сторону Пруссию, потаковничество видам последней, как казалось одолеваемой ревностью Австрии. С целью внушить русскому правительству большее уважение к военным силам Австрии летом 1803 года отправился в Петербург брат

императора, венгерский палатин; но хотя он привез в Вену успокоительное известие, что и к Пруссии в Петербурге не питают особенного уважения, однако не заметил там и желания сблизиться с Австрией. В Петербурге хотели деятельности союза, а не бесполезного сближения; на первый же была плохая надежда, судя по известиям, приходившим из Вены. По этим известиям, Тугута уже с года ни о чем не спрашивали; влияние эрцгерцога Карла ограничивалось одними военными делами; императрица не имеет *важного* влияния, она хохочет с утра до вечера, устраивает фантастические деревенские праздники, строит странные замки. Администрация слабая, хочет все делать сама, выводит темных людей и хочет этим показать, что ищет сил во всех классах общества. Французский посланник пользуется в Вене огромным значением; он знает все, потому что посланник испанский, министры итальянский, прусский сообщают ему о всех своих поступках, советуются с ним обо всем, передают ему все известия. Франции терпеть не могут, но страшно боятся. Армия в лучшем положении, чем можно было надеяться, но полководцев нет.

Представитель австрийского двора в Петербурге был граф Филипп Стадион, человек, пользовавшийся по своим личным качествам всеобщим уважением и давно приятный в России. Но Стадиону была задана трудная задача. «Старайтесь,— писал ему Кобенцль,— поставить нас в самые лучшие отношения к России, но чтобы при этом мы не обязаны были вести войны». Кобенцлю давали знать, что из сановников, заведовавших иностранными делами России, князь Чарторыйский разделял воинственный жар императора Александра, но граф Воронцов смотрел на дело спокойнее и систематичнее, и Кобенцль предписывал Стадиону извлечь пользу из миролюбивых наклонностей русского канцлера. Но Воронцов не был так миролюбив, как про него насаждали Кобенцлю: Воронцов напоминал Стадиону то доброе старое время, время незабвенной Елисаветы, когда Россия и Австрия были в тесном союзе, и следствия этого союза хорошо знал Фридрих II; теперь следствия такого союза должен узнать Наполеон, иначе зачем союз? Война есть бедствие, но избежать ее трудно. Россия может двинуть 90 000 войска, с таким же корпусом удерживать Пруссию; будет стараться в Баварии, Виртемберге и Бадене, чтоб эти владения не примкнули к Франции. Русские войска, говорил Воронцов, могут выступить в поход в 8 дней.

Русские предложения произвели сильное смущение в Вене. Министрство было за условное принятие их; эрцгерцог Карл требовал безусловного отвержения; наконец отправили (1 апреля 1804 г. н. ст.) в Петербург ответ с чистосердечным признанием жалкого финансового положения Австрии, которая едва могла

бы вести и оборонительную и уж никак не может решиться на войну наступательную; при этом старались доказать, что тесная связь России с Австрией одна может удержать Наполеона от дальнейших захватов. Такая уклончивость и поведение венского двора в деле герцога Ангьенского не могли не произвести раздражения в Петербурге. Император Александр не скрывал этого чувства в разговорах с австрийским военным агентом Штуттергеймом. «Вы идете по дороге, которая приведет вас к гибели, — говорил государь, — вы отдаетесь под покровительство Франции, которая с вами играет, и кто знает, куда вас заведет робость». Раздражение усилилось, когда Австрия признала императорский титул Наполеона.

В Вене одинаково боялись раздражить и Россию, и Францию. Старались представить в Петербурге, что не должно вступать в борьбу ни слишком рано, ни слишком поздно; преждевременный разрыв, без приготовления по меньшей мере равных с неприятелем сил, только закрепит цепи, а не разобьет их. Бедственное существование сардинского короля, опасности, грозящие Неаполю, требуют, конечно, величайшего внимания; но что все это значит в сравнении с соединением Италии с Францией, с этим первым решительным шагом ко всемирной монархии? Для войны требовали от России 150 000 войска, от Англии больших денежных субсидий. Станным должен был казаться в Петербурге страх пред соединением Италии с Францией на бумаге, когда уже все было к тому приготовлено на деле. В ответ на такую странность император Александр через Штуттергейма не переставал увещевать Австрию, чтобы она вооружалась, иначе погибнет, и ее падение повлечет за собою падение целой Европы: «Нет другого средства сдержатъ Наполеона, как усиливать свое войско; разве австрийский кабинет не видит, что право сильного составляет всю настоящую политику? Когда в Петербурге узнали, что пара едет в Париж короновать Наполеона, то Александр говорил Штуттергейму: «Вы потеряли дорогое время; папа возложит корону на этого человека, который над вами смеется, закрепляя свое положение. Чтоб привязать к себе французов, надобно их ослепить. Партии против Наполеона, о которых вы говорите, не образуются. Вы дали ему время утвердиться, вы даете ему еще досуг, и он кончит тем, что сделается королем Итальянским».

В последнем трудно было сомневаться; очень вероятно было и то, что Австрия выйдет из своей неподвижности при этом решительном шаге Наполеона ко всемирному владычеству. В Петербурге не хотели терять дорогого времени, хотели закрепить дело по крайней мере тем, где можно было бросить якорь — в Англии.

Мы видели, что при заведовании внешними сношениями графа Александра Воронцова можно было ожидать только самых

приятельных отношений России к Англии, что вполне соответствовало обстоятельствам времени, требовавшим тесного союза между обеими странами. Мы видели также, что относительно политических взглядов графа Александра Воронцова нельзя отделить от брата его, посла в Англии графа Семена Романовича, влияние которого на брата очевидно. В 1802 году граф Семен решил покинуть любезную Англию и побывать в Петербурге: конечно, желание уговориться с братом относительно ведения дел, окончательно закрепить свои внушения, не могло быть чуждо этой поездке. На возвратном пути граф Семен провел 13 дней в Берлине и Потсдаме и переслал брату любопытные известия о прусском дворе и главных действующих лицах. Мы видели, что у Воронцовых не было недостатка в побуждениях относиться враждебно к Пруссии, а что порассказали графу Семену приятели в Берлине — не могло уменьшить этой враждебности, и так как отзывы графа Семена не могли остаться неизвестными императору Александру и не могли остаться без влияния на определение его взгляда на некоторых прусских деятелей, например графа Гаугвица, то мы не можем не обратить внимания на эти отзывы.

Король, по словам Воронцова, умен от природы, но необразован, неохотник заниматься делами, робок и чрезвычайно скуп, не способен к бесчестному поступку и в частной жизни безупречной нравственности. Кроме военного дела, король не вмешивается ни во что и отдал все на волю министрам, которых видит редко и всегда подписывает их доклады; любит уединенную жизнь с женой, братьями и немногими адъютантами, из которых на одного смотрит как на друга и который предан Франции: это Кокериц. Пруссией управляют три министра: граф Шулембург, Струензе и граф Гаугвиц. Два первых заведуют финансами и внутренней администрацией; это люди искусные, приведшие свои департаменты в такой порядок, какого нет нигде, даже в Англии; люди неутомимые и честные, разумеется, относительно только собственного государя и отечества, ибо где можно стянуть несколько тысяч талеров или отхватить у соседа землю, то нет коварства, какого бы они себе не позволили; тут, чтоб сильнее действовать на короля, они присоединяются к Гаугвицу, которого, впрочем, презирают по причине его безнравственности. В этой стране все уступает системе захвата. Гаугвиц очень умен и образован, гибок, двоедушен и лжив в высшей степени; по обстоятельствам был то гернгутером, то иллюминатом; когда иллюминаты обманывали покойного короля некромантией, выводя перед ним тени знаменитых людей, живших две тысячи лет тому назад, и когда королю захотелось увидеть ангелов и, наконец, самого Христа, то представить Спасителя поручено было Гаугвицу, который так отлично исполнил поручение, что король

никак не мог узнать своего министра. Есть подозрение, что и Гаугвиц так же предан Франции, как и Кокериц; то же подозрение падает и на Ломбарда, выведенного Гаугвицем и помещенного им при короле в должности тайного секретаря.

Из всего сказанного Воронцов выводит, что Пруссия есть не иное что, как большая французская провинция; из Парижа приходят приказания, как вести дипломатические дела; что министры прусские при всех дворах Европы суть адъютанты министров французских, которым они сообщают все и служат видам Франции или, лучше сказать, ее деспота Бонапарта. Воронцов не мог произнести имени правителя Франции, чтоб не сделать выходки против него; так и тут он писал брату: «Несчастье, что наш император был вовлечен, не знаю каким образом, в частную переписку не только с прусским королем, но и с самим Бонапартом. Не говоря уже о происхождении корсиканца, его безнравственности, гнусных преступлениях, посредством которых он достиг тирании, никогда не следовало бы иметь с ним частной переписки, да и ни с каким государем в мире. Эта переписка всегда ведет к большому злу и никогда не производит никакого добра. Один из переписывающихся всегда обманут другим. Император так велик и добродетелен, что не захочет обманывать; но другие не имеют его нравственности и возвышенности его духа; таким образом, сам не зная того, со своею чистотою он ведет борьбу против Бонапарта, Талейрана и их орудий, Гаугвица и Ломбарда, которые заставляют короля писать то, что сами ему продиктуют».

Где же та счастливая страна, которая могла помочь народам освободиться от бонапартовского ига? Разумеется, это — Англия. «Эта страна заключает в самой себе все элементы для сохранения своего благоденствия и независимости и для подания помощи другим, если они откроют глаза на опасности, грозящие им от французского деспота, и если они захотят отложить до другого времени свои взаимные ненависти, чтоб соединиться против общего врага, которого честолюбие и деспотизм не знают границ, который грозит всем тронам, всем правительствам, так что тирания Рима над другими странами есть правление отеческое сравнительно с властью Бонапарта в Испании, Италии, Швейцарии, Голландии и Германии».

Доклады графа Александра Воронцова императору относительно средств предохранить Европу от французских *«перековеркиваний»*, как он выражался, были эхом мнений графа Семена. В 1802 году граф Александр писал в докладе: «С самого вступления моего в управление иностранным департаментом изъяснился я пред Вашим Величеством, что направлениями французской республики ко всемирному владычеству остановить могут только совокупные усилия России, Англии и Австрии; на берлинский

двор я и тогда уже не рассчитывал... К чему послужат России все новые учреждения к просвещению, к успехам промышленности и к благосостоянию народному, когда гибель, всем прочим государствам угрожающая, поработив постепенно оные, постигнуть может и ее?»

В 1804 году канцлер прямо советовал обратиться к Англии, причем сильно преувеличивал значение последней, которого она, как держава неконтинентальная, никогда не могла иметь; Воронцов приписывал ей именно то значение, какое имела одна Россия. «Признаться должно, — писал канцлер, — что мы, не выпуская из виду всех опасений, кои Франция не наводит не может могуществом своим, и чувствуя надобность в принятии мер, тому противоборствующих, не вызывались, однако же, к той самой державе, которая, по могуществу морских своих сил, чрезмерным ее денежным оборотам, по коренным своим интересам и, сверх того, будучи в войне с Францией, не оказала бы претительности к составу общей лиги против державы, всю Европу стращающей. Сию истину трудно не признать, что Англия, так сказать, даст душу и силу коалиции (?), если она составиться еще может. Морские силы Англии держат, так сказать, морские силы Франции в блокаде, так что и в Средиземном море французские военные корабли, несмотря что почти все порты оногo моря в зависимости ее, показаться там не смеют. Итак, не признать нельзя, что Англия есть та стена, которая охраняет безопасность и независимость Европы и к которой прислоняться могут все те, кои о независимости своей еще помышляют (?). Долго ли она похочет сию обузу на себя брать, не видя ни от кого себе содействия, мне кажется, сей вопрос заслуживает внимание. Но невероятным кажется, чтоб на сем основании лондонский двор похотел долго войну сию продолжать, не видя, так сказать, себе и предмета, тем паче что мерами, принятыми для его собственной обороны, кажется, отвращена уже опасность, которая сначала не невозможной была: высадка французских армий в Англии, коею Бонапарт так хвастался. Англия, получа себе в добычу разные селения французские вне Европы, может легко особенный свой мир с Францией заключить и при возвращении части своих завоеваний выговорить себе некоторые выгоды, служащие к личному ее успокоению. А и Бонапарт, удостоверясь о затруднении в исполнении плана его о высадке армий французских в Англию и в настоящем своем положении достигнув до главного предмета, императорской короны, и не захотя подвергнуть потрясению то состояние, до которого он дошел, может быть, и не несклонен будет с Англией примириться, так как в народе французском оно и весьма желается. Ничего столь пагубного не было бы для независимости Европы, как таковое событие. Известно по прежним примерам и, можно сказать, по самому роду правления

английского, что, примирясь с Францией, не вскоре могут они решиться опять на новые вооружения; следовательно, Бонапарт будет иметь, по крайней мере на некоторое время, совершенную свободу кроить и перековеркивать, как похочет, на твердой земле. Нельзя без примечания оставить, что хотя приуготовление его на десант в Англию и не исполнялось на деле, но собранные по берегам Франции около 200 000 войска могут легко обратиться на другой предмет; ибо тогда, имея от Англии свободные руки, не найдет он препятствия оказать явным образом своего негодования и даже неприятельскими предприятиями на те державы, на кои он злость имеет. Все сии события, может, и упредились бы, если б главные кабинеты Европы на твердой земле более заботы со своей стороны оказали к высвобождению себя от угрожаемого ига французского, не теряя времени для соглашения о сем с Англией. А масса сил европейских еще такова, что при единодушии и с помощью и с соглашением Англии весьма достаточно учинить преграду властвованию Франции и обеспечить твердую землю Европы на будущие времена».

Воронцов указывает на возможность мира между Англией и Францией, что было бы бедствием для Европы. Эта угроза была сделана в Англии графу Семену Воронцову. Когда Наполеон провозгласил себя императором, в Англии Питт снова вступил в министерство, что означало ожесточенную борьбу с Францией. Но для такой борьбы одного моря было недостаточно, надобно было возбудить континентальную войну, составить коалицию. Попытки к составлению коалиции были неудачны вследствие робости Пруссии и Австрии, и последняя на внушения лондонского двора прямо указывала на Россию, без которой нельзя двинуться; чтобы побудить Россию действовать энергичнее при составлении коалиции, Питт употребил угрозу. «Нет человека в мире,—говорил он графу Семену Воронцову,—нет человека в мире, который бы более моего был противником мира с Францией при том положении, в каком она теперь; но если мы будем продолжать биться одни, то нашему народу это наскучит, а вы знаете хорошо нашу страну, знаете, что когда народ решительно чего захочет, то волею-неволею надобно подчиниться». Граф Семен писал брату в октябре 1804 года: «Если ничего не сделаете в течение 1805 года, то Бонапарт так утвердится и усилится, что Австрия еще менее посмеет двинуться. Пруссия еще более офранцузится. Бонапарт не теряет времени и приобретает силы в то время, как другие рассуждают только, и так как здесь уверены, что нечего больше бояться высадки французов, то вероятно, что англичане потребуют мира с страшным криком и мир будет заключен в 1806 году; итак, если я останусь здесь будущий год и если к концу этого года не будет ничего устроено относительно континентальной коалиции, то я буду просить

моего отозвания, ибо предмет, для которого и здесь, и в России уговаривают меня остаться, не будет существовать более».

В то время как старый Воронцов думал, что он необходим в Англии для устройства коалиции, для этого самого дела ехал в Англию один из молодых приближенных к императору людей, товарищ министра юстиции Николай Николаевич Новосильцев, долго живший в Англии и англоман, подобно Воронцову. Последнему хотели оставить всю официальную сторону дела: переговоры с министерством, заключение договора; но Воронцов казался стар, упрямым, узким в своих взглядах и слишком пылок в их проведении. Новосильцев вез целый обширный план действия, обнять его не по силам Воронцову, старик будет спорить то о той, то о другой части плана; лучше обойти старика. Новосильцев явится в Англии под предлогом знакомства с юристами по поводу нового уложения, составляемого в России; а между тем войдет в сношение с министерством и с главами оппозиции, и если успеет в том, что министерство примет план, то сам Питт будет предлагать его от себя Воронцову, и тот, разумеется, согласится из уважения к авторитету, а между тем Новосильцев, как будто от себя, будет убеждать старика в разумности содержания плана, что Новосильцеву сделать будет нетрудно по давнему доброму расположению к нему Воронцова.

Что ж это был за план?

Это был план не только уничтожения французского преобладания, но и нового установления отношений в Европе после ее умирения. Уже в прошлом веке, в тех случаях, когда России приходилось обнаруживать сильное влияние на европейские дела, можно было заметить различие в ее политических взглядах и взглядах других европейских государств. Составляя особый мир, чуждый религиозных интересов Западной Европы, чуждый и политических интересов главнейших европейских государств, сводя свои счета с государствами, имевшими незначительное влияние на ход дел в Европе,—Швейцарией, преимущественно же Польшей, и, главное, по обширности своей территории не чувствуя побуждений к распространению своих владений, особенно после достижения морских берегов, Россия необходимо в своей европейской деятельности являлась более свободной, чем другие государства, имевшие давние счета друг с другом, давние, исторически выработавшиеся интересы и неудержимое стремление округлиться и распространить свои территории и не дать сделать этого другим.

Такая свобода России порождала в ней необходимо стремление играть посредствующую роль, устраивать европейские отношения на общих началах, по общим интересам; России всего легче было предлагать и проводить теорию устройства европейских отношений, тогда как другие государства руководились

практикой и были неподатливы на удовлетворение общим интересам, отстаивая во что бы то ни стало свои частные. Таким образом, теоретические стремления России сталкивались иногда враждебно с практическими стремлениями других государств; кроме того, эти государства, не зная прошедшего России и простиравшего из него ее настоящего существа, не понимали в своих практических стремлениях, не признавали ее стремлений теоретических, видели тут неискренность, прикрытие практических стремлений. Но так как теория имеет свою необходимую сторону в жизни, то и русские планы, хотя в частях, осуществлялись, несмотря на противоборство частных интересов.

Выражением таких теоретических стремлений России был план, привезенный Новосильцевым в Англию в 1804 году; план этот представлял увертюру, где встречались мотивы, которые подробнее были выполнены после, когда обстоятельства позволили разыграть всю оперу. Что Россия по означенным причинам была податлива на политические теории, из этого не следует, чтобы планы необходимо составлялись одними русскими людьми; так и в плане, которым мы теперь занимаемся, оказывались внушения двоих известных политических теоретиков: Пиатоли, учителя Чарторыйского, и Жозефа де-Местра, сардинского министра в Петербурге.

В инструкции императора Александра Новосильцеву, «человеку, пользующемуся неограниченной доверенностью государя и знающему все его мысли», говорилось: «Самое могущественное оружие, которым пользовались до сих пор французы и которым они еще угрожают всем странам, состоит в общем мнении, что их дело есть дело свободы и благосостояния народов. Было бы постыдно для человечества, чтобы на такое прекрасное дело смотрели как на цель правительства, ни в каком отношении не заслуживающего быть его защитником. Благо человечества, истинный интерес законных правительств и успех предприятия, которое задумывают две державы (Россия и Англия), требуют отнятия у французов столь страшного оружия и приобретения его себе, чтоб обратить его против самих же французов. Между обоими правительствами, русским и английским, должно состояться соглашение: в странах, которые должно будет освободить от ига Бонапарта, не восстанавливать прежних злоупотреблений и такого положения дел, к которому народы, испытавшие формы независимости, применить не могут; напротив, надобно постараться упрочить им свободу, установленную на своих настоящих основаниях». Для приложения этого общего начала требовалось, чтобы сардинский король был восстановлен, владения его должны быть увеличены, но он должен дать своим подданным свободную и мудрую конституцию. Голландии и Швейцарии должно также дать полную свободу устроиться, как хотят. Франции

надобно объявить, что союзники сражаются не с нею, а с ее правительством, которое также угнетает и ее, как остальную Европу, что ей дастся свободный выбор формы правления. Выбор короля для Франции — дело второстепенное. По окончании войны и умирении Европы никто не помешает заняться договором, который станет основанием взаимных сношений европейских государств. Здесь дело идет не об осуществлении мечты вечного мира, но будет что-то похожее, если в этом договоре определятся ясные и точные начала народного права. Для упрочения внешнего мира необходимо, чтобы внутренний строй государств был основан на благоразумной свободе, дающей крепость правительствам, сдерживая страсти правителей. В инструкции говорилось уже, что для безопасности государств они должны иметь удобные границы, какими всего лучше могут быть горы и моря; говорилось, что каждое государство должно иметь одноплеменное народонаселение. По указаниям опыта признана необходимость усилить второстепенные государства, чтоб они были в состоянии выдержать первый удар сильнейшего и дожидаться помощи союзников. Средства для этого — присоединение мелких владений к крупнейшим и образование федераций. Так для сдерживания Франции необходимо распорядиться в Италии и Германии. В последней второстепенные владения можно высвободить из-под влияния Австрии и Пруссии и образовать из них тесный союз.

В инструкции говорилось, что Россия и Англия были единственные державы в Европе, интересам которых негде было сталкиваться, и в той же инструкции указано было место столкновения. Из последующих объяснений Чарторыйского с императором Александром видно, что людей, близких к государю, которым приписывали главное влияние на дела, тяготил упрек, что русское правительство заботится только об общем благе Европы и пренебрегает прямыми русскими интересами. Особенно эти упреки были чувствительны Чарторыйскому, во-первых, как заведовавшему иностранными делами, во-вторых, как человеку нерусскому, поляку, знавшему за собой вину относительно России — в исключительности помыслов о восстановлении Польши. Поэтому советникам императора, и особенно Чарторыйскому, естественно было поднимать вопросы о средствах удовлетворить этим прямым интересам России, причем, разумеется, Восточный вопрос, слабость и варварство турецкого правительства, невозможность равнодушно смотреть на положение христиан в Турции, опасность от французских интриг в этой стране — все это было на первом плане. Присоединение к России Молдавии и Валахии удовлетворяло так называемым прямым интересам России и вознаграждало за то, что могла потерять Россия по плану Чарторыйского относительно Польши. От

Молдавии и Валахии, естественно, разговоры доходили до освобождения турецких христиан, до возможности соединения греков и турецких славян с Россией или под одним скипетром с нею, что нисколько не противоречило основным планам Чарторыйского.

По его свидетельству, император Александр отвергал подобные предложения; но, как видно, император не нашел неудобным узнать относительно Турции мысли британского кабинета, потому Новосильцев должен был предложить английскому правительству согласиться насчет участи Оттоманской Порты. Ее слабость, анархия, возрастающее неудовольствие христианских подданных грозили постоянно спокойствию Европы. Надобно было принять против этого меры, и если бы Турция вошла в союз с Францией или по другим каким-нибудь обстоятельствам дальнейшее существование Турецкой империи в Европе стало невозможным, то союзники должны были распорядиться устройством различных ее частей. Новосильцев должен был коснуться другого большого места: предложил об изменении поведения англичан на морях, нестерпимого для нейтральных держав, негодование которых на Англию было очень выгодно для Франции.

22 ноября 1804 года Новосильцев писал государю: «Граф Воронцов сперва принял меня довольно холодно; но не прошло суток, как прежнее расположение его ко мне возвратилось; потом час от часу лучше, и, наконец, он сделался только таким орудием, каковым в настоящих обстоятельствах его иметь нужно. Все будет делаться через него и окончено им». Однако из письма Новосильцева от 24 декабря видно, что дело было не так легко: «Я не иначе мог успеть заставить здешнее министерство принять все правила В. В-ства во всей их полноте, как чрез непосредственное мое с министрами, а особливо с г. Питтом, сношение. Сколь трудно было до сего достигнуть, не оскорбив честолюбия гр. Воронцова и не вооружив его против себя! Сколь много было мне беспокойств, чтоб удалить его подозрения и успокоить его воображение насчет всех моих сношений, а особливо с принцем Валлийским и с лордом Моира, а теперь с Фоксом! Труднее, беспокойнее для духа и неприятнее я ничего еще не встречал. Удалось поддержать хорошие сношения вполне. Система ваша получит нужную прочность и не встретит никакого сопротивления в оппозиции, потому что принц Валлийский обещал мне, при лорде Моира, когда все приходит будет к окончанию, дать свое честное слово, или, как он говорит, *la parole de cavalier*, что он, с своей стороны, будет всеми мерами содействовать во всем, что к утверждению оной служить может, и что он, по вступлении на великобританский престол, будет свято и ненарушимо оную сохранять. Лорд Моира, тот человек, который при перемене царствования, конечно, более всех будет иметь силы в делах, уверял меня, что он не знает (ничего)

соответственнее благо человеческому вообще и пользам обоих государств в особенности, почему и берет на себя обет защищать всегда всеми силами сию систему. Фокс также, как слышно, за русскую систему, следовательно, и оппозиция за нее, что важно, ибо она будет наблюдать, чтоб министерство неуклонно ее провело».

Действительно, в Англии никто не мог быть против русской системы вообще. Питт, разумеется, был совершенно согласен, что надобно составить коалицию, низвергнуть Наполеона и установить во Франции безопасное для Европы правительство; Питт здесь прямо указывал на Бурбонов, впрочем, не настойчиво — дело трудное, да и рано еще об этом думать. Питт был совершенно согласен и с тем, что по свержении Наполеона надобно будет распорядиться и судьбой стран, которые коалиция освободит из-под власти Франции, распорядиться согласно с их безопасностью и безопасностью Европы. На все это легко было согласиться, потому что здесь не затрагивались интересы Англии; но иначе пошло дело относительно тех вопросов, где эти интересы затрагивались. Вопрос о морском кодексе, о свободе морей был отложен на неопределенное время: здесь Англия была Наполеоном. Другой вопрос, не перестававший подавать повод к неприятным объяснениям, был вопрос Восточный. До какой степени в Англии были чувствительны к этому вопросу и до какой степени Воронцов был чувствителен ко всему, к чему были чувствительны в Англии, лучше всего показывает письмо его к кн. Чарторыйскому (от 10 октября н. ст.). «Не могу не признаться, что депеша ваша, где дело идет о союзе, который Порта хочет возобновить с нами и от которого мы стараемся по возможности уклониться, чрезвычайно меня затрудняет. Принужденный прочесть ее Питту и Гарроуби, я увидел их изумление и признаюсь вам по-дружески, что депеша может быть истолкована, как будто наше правительство имеет тайное желание увеличить свои владения на счет Оттоманской империи, которая разрушается и упадет, если не будет поддержана Россией и Великобританией. Они меня спросили, как я думаю, нет ли у нас мысли взять что-нибудь у турок. Внутренно затрудненный вопросом, ибо смысл вашей депешы возбуждал во мне некоторое подозрение чего-то подобного, я, однако, отвечал, что не вижу в депеше ничего такого, что они видят. Они мне сказали, что предмет так важен и так сложен, что они не могут отвечать, тем более что содержание депешы недостаточно развито; что они пошлют в Турцию войско только с одною целью — изгнания французов или для их предупреждения, когда будет очевидно, что французы намерены туда войти, но сделают это всегда с твердым намерением возвратить Порте области, занятые с целью их защиты. Лорд Гарроуби опять мне говорил об этом деле; его сокрушает мысль, нет ли у нас намере-

ния взять что-нибудь у турок. Признаюсь,—оканчивал Воронцов,—что я буду в отчаянии, если у нас существуют планы увеличения территории. Мы уже и так страшно распространились, вследствие чего страна не может быть хорошо управляема. У нас с турками естественная граница — море и Днестр; сохраним их, удержим соседями этих бедных турок; ведь они лучшие соседи, чем шведы, пруссаки и австрийцы».

Несмотря на это письмо Воронцова, Новосильцеву было предписано затронуть Восточный вопрос; в разговоре с Питтом он начал дружеским выговором, что в Англии слишком подозрительны насчет русских намерений относительно Порты. Питт, недовольный возобновлением этого неприятного вопроса, заметил, что бывало много примеров, как покровительство над страной оканчивалось ее покорением, и, когда Новосильцев имел наивность сказать, что если бы даже Россия и действительно имела виды на Турцию, то друзьям России, англичанам, нечего беспокоиться, торговля их еще лучше будет обеспечена, Питт указал, как несвоевременно заниматься теперь планами насчет Турции, когда надобно думать об освобождении европейских держав от насилий Франции. Питт сводил дело к одному: Россия должна устроить коалицию против Наполеона, Англия будет платить союзникам деньги. По известиям Новосильцева, и глава оппозиции, Фокс, был согласен с русской системой. Может быть, он и был согласен с русской системой, но он расходился с Питтом в том, что министр хотел начинать дело как можно скорее, а глава оппозиции этого не хотел, что видно из позднейшего письма его к Чарторыйскому (от 17 марта 1806 г. н. ст.): «Я имел несчастье не одобрить план прошлого года и не скрыл своего мнения на этот счет. Если бы последние слова мои Новосильцеву, сказанные в присутствии принца Валлийского, произвели большее впечатление! Я сказал: *«Идите по крайней мере тихонько — piano, piano»*».

Когда в начале 1805 года открылся английский парламент, то в тронной речи говорилось об искренних союзах с континентальными государствами, особенно с Россией, которой монарх дал сильнейшие доказательства своей мудрости, благородных чувств и живого участия в безопасности и независимости Европы. В бюджете стояло 5 миллионов фунтов на пособие континентальным державам. 30 марта (11 апреля) 1805 года был заключен между Россией и Англией договор: обе державы согласились принять самые скорые и действительные меры для образования коалиции, которая выставила бы 500 000 войска с целью побудить французское правительство к миру и восстановлению политического равновесия в Европе; для последнего признано необходимым освобождение Италии, Швейцарии, Голландии, Ганновера и Северной Германии и установление в Европе порядка,

который бы обеспечивал на будущее время все государства от насилий, император Александр хотел было включить в договор, что Мальта будет занята русским гарнизоном; но граф Семен Воронцов писал ему, что, когда он сообщил об этом Питту, тот был поражен этим, как громовым ударом; никогда Воронцов не видал еще его в таком горе; наконец, он сказал, что парламент и нация этого не потерпят, ибо это значит отдать Средиземное море, Сицилию, Левант и Египет во власть французов; что Англия для содержания Мальты и постоянной эскадры при ней берет на себя громадные издержки, потому что Франция замышляет раздробление Турецкой империи, завоевание Египта, которое даст французам возможность выгнать англичан из Индии, а это изгнание разорит Великобританию вконец. Русский гарнизон на Мальте не воспрепятствует французам господствовать на окружающих водах, должно иметь там постоянно сильную эскадру. Надобно было оставить Мальту англичанам. Относительно субсидий затруднений не было. Англия обязалась помогать коалиции своими сухопутными и морскими силами и платить ежегодно по 1 200 000 фунтов на каждые сто тысяч войска. Какие же державы могли быть членами коалиции?

На Австрию прежде всего можно было рассчитывать, потому что страшный для нее Итальянский вопрос становился на очереди: что сделает новый император французов с Италией? Не может же император оставаться президентом Итальянской республики! За вопросом Итальянским виднелся уже во всей своей грозе вопрос Восточный, к которому Австрия менее, чем какая другая держава, могла быть равнодушна. Было очевидно, что война между Францией и Англией возобновилась преимущественно из-за Восточного вопроса; яблоком раздора послужила Мальта, важная станция между Францией и Египтом; англичане не хотели выпускать ее из своих рук, особенно напуганные донесением Себастиани; в России не могли долее оставаться при мысли, что турки — самые покойные соседи, когда увидели, что вместо турок соседями могут быть французы; вследствие этой перемены взгляда туча прошла между естественными союзниками — Россией и Англией. Австрия не могла быть покойна, ибо дело могло начаться в ее соседстве, затрагивая ее ближайшие интересы.

Эти два вопроса — Итальянский и Восточный, преимущественно первый, ибо гроза второго гремела еще далеко, эти два вопроса заставили Австрию заключить с Россией конвенцию (6 ноября н. ст. 1804 года): в случае новых покушений Франции на независимость Италии либо на занятие Египта Австрия обязалась выставить 250 000 войска, Россия — 115 000 и, сверх того, корпус войск на границах Австрии и Пруссии, на случай враждебности последней; Англия давала субсидии Австрии. Опираясь на

эту конвенцию, Австрия решилась в конце 1804 года осведомиться о намерениях императора французов насчет Италии; делу дан был такой оборот, что соединение Италии с Францией противоречило бы условиям Люневильского мира и что Наполеон до сих пор следовал правилу, чтобы между Австрией и Францией находились независимые государства. Какое право, был ответ, имеет Австрия вмешиваться во внутренние дела Итальянской республики? Как независимое государство, последняя может избирать какую угодно правительственную форму. Дело идет не о правительственной форме, но о независимости, было замечено с австрийской стороны.

Когда Талейран доложил Наполеону об австрийских внушениях, тот велел ему отвечать: «Скажите графу Кобенцлю³, я еще и сам не знаю, какие перемены я произведу в Италии; но я не намерен сделать из нее французскую провинцию. Все слухи об этом ложны». Чрез несколько дней император Франц получает от Наполеона письмо с извещением о желании императора французов сделать королем Италии своего брата (Иосифа). Тяжело, но все не так, все еще какая-то независимость, даже больше прежней, да и родные братья не всегда дружно живут. Можно согласиться, особенно если что-нибудь дадут за согласие. Но в то время как Австрия собиралась поторговаться, подороже продать свое согласие Наполеону, тот поступил по-своему. Узнавши, что в Австрии делается передвижение войск, Наполеон на приеме в новый 1805 год обратился к австрийскому посланнику с словами: «Император двигает 40 000 войск. Угрозами ничего от меня получить нельзя, я двину 80 000; если император вооружается, и я буду вооружаться, что бы из этого ни вышло». Император Франц написал Наполеону, что войско двинуто к итальянским границам не против Франции, а против моровой язвы. Этим объяснением, по-видимому, остались довольны, но об Италии ни полслова, несмотря на все старания австрийского посланника завести речь об этом любопытном предмете; наконец молчание было нарушено извещением, что император французов принял титул короля Италии.

Гром разразился; из Петербурга — увещания, что нельзя более медлить. Но эрцгерцог Карл подает мнение, что надобно медлить, что средства Австрии, даже и при русской помощи, не в уровень с французскими. Штуттергейм передал мнение эрцгерцога императору Александру и получил ответ: «Я начинаю думать, что все останется при одних проектах и ничего серьезного не будет; это мне наскучит. Пруссию никак нельзя вывести из ее апатии; вы, остальные, ничего не делаете, ничего не приготовляете, ничего ясного не говорите. Все идет дурно, и я утомляюсь».

³ Филипп Кобенцль, австрийский посланник при французском дворе

Когда русский посол в Вене, граф Разумовский, потребовал, чтобы Австрия приступила к договору, заключенному между Россией и Англией, то ему отвечали, что присоединиться к договору — значит обязаться объявить войну Франции, но только весной 1806 года Австрия может начать войну с надеждою на успех. Между тем Наполеон, встревоженный слухом о состоявшейся коалиции, спешил предупредить ее и уяснить для себя дело — заставить врагов высказаться: он написал английскому королю письмо с предложением мира. В Англии поняли, в чем дело, и, чтоб усилить тревогу императора французов, отвечали очень ловко, что английский кабинет ведет переговоры для соглашения с главными державами континента, и особенно с русским императором, с которым его связывали отношения самые конфиденциальные. Чтоб усилить впечатление этого ответа, Англия предложила императору Александру принять на себя ведение переговоров с Наполеоном: предложить мирные условия, могшие успокоить Европу с угрозой коалицией в случае несогласия с французской стороны; эта угроза имела гораздо большее значение в устах России, главного континентального государства, чем Англии.

В это время граф Александр Воронцов по нездоровью и неудовольствию ходом дел внутреннего управления уже не управлял больше внешними сношениями и жил в Москве, сохраняя звание государственного канцлера; но в важных вопросах Чарторыйский, по приказанию государя, обращался к нему за советами; так случилось и по вопросу о предложении Англии послать в Париж русского уполномоченного. Граф Александр отвечал, что, по его мнению, в английской депеше большая смута в идеях. Видно, что Англия сама не ждет никакого успеха от этой посылки; быть может, она имеет в виду возбудить неудовольствие внутри Франции, если Наполеон отвергнет предложение, а с другой стороны — оправдать и усилить министерскую партию в Англии. Но если англичане ожидают какого-нибудь успеха от этой посылки, тогда как надобно приводить весь континент в движение обширными средствами, то он, Воронцов, не видит причины, почему лондонский двор не употребил самого простого средства, не поручил своему государственному секретарю вести переписку с французским министром иностранных дел, вместо того чтоб навязывать нам дело, которое может только компрометировать достоинство России, подвергая ее уполномоченного вспышкам и выходкам Бонапарта. Совет старика (который скоро после того умер) не был принят: молодости естественно было не желать уклоняться от деятельности на первом плане, упустить из рук ведение дела, которое имело общеевропейский характер, и тот же Новосильцев, который ездил в Лондон, стал собираться в Париж. Он должен был требовать от Наполеона независимости Швейца-

рии, Голландии, Италии; для смягчения последнего условия для нового короля Италии соглашались на устройство в Северной Италии владения в пользу кого-нибудь из родственников Наполеона. Англия обещала возвратить Франции несколько маленьких островов и Пондишери.

Единственная возможность заставить если не принять эти условия, то начать переговоры на их основании заключалась в угрозе коалициею. Но чем грозить, когда коалиции не было? К венскому двору отправили требование, чтоб австрийский посланник в Париже поддерживал Новосильцева; последовал отказ; Австрия еще не может вести общего дела с Россией и Англией и говорить угрожающие речи, потому что нападение французов на австрийские владения будет неминуемым следствием этого. Другое дело, если б была уверенность в приступлении Пруссии к коалиции; но так как этой уверенности нет, то благоразумие требует делать предложения как можно умереннее, чтоб не повели к разрыву; как скоро переговоры начнутся, то можно увеличивать и уменьшать требования, смотря по увеличению и уменьшению надежды на участие Пруссии. Представление Австрии раздражило одинаково и в Лондоне, и в Петербурге.

«Эти господа в Вене,—говорил Питт,—всегда отстают на год, на войско и на идею». Когда Штуттергейм начал представлять императору Александру, что Австрия не признает Наполеона королем Италии, но пусть дадут ей лето для приготовления к войне, то император отвечал: «Ах, Господи! Сколько времени вы толкуете о приготовлениях и все еще не готовы!.. Какие пропадают благоприятные минуты!.. Бонапарт усиливается, мир привыкает к его господству и находит все естественным. У вас нет никакой энергии, это несчастье для ваших союзников». В июне 1805 года император Александр потребовал от венского двора прямого ответа: может ли и хочет ли Австрия принять участие в войне; пусть назначится срок, к которому она надеется быть готовой; от Австрии зависит решение участи Европы, ибо Пруссия волею или неволею должна будет принять участие в войне. Если союзники будут иметь только 365 000 войска (250 000 австрийцев и 115 000 русских), то можно отважиться на борьбу. Французская армия не на военной ноге, союзники Франции дурно к ней расположены; часть войска Наполеон должен оставить на случай высадки англичан, другую часть употребить на охрану Голландии и Бельгии, устьев Эльбы и Везера. Чем долее оставлять Наполеона укрепляться в завоеванных областях, тем менее после можно ожидать помощи от их народонаселения. Теперь самое благоприятное время для войны; Россия выставит 180 000 войска, и, таким образом, у обоих союзников будет 430 000 под ружьем. Император Александр решил принудить Пруссию к участию в войне, а за нею последуют и другие.

С одной стороны, русские заявления отстраняли сомнения, что война будет предпринята не с равными силами; с другой — пришло известие, что Наполеон присоединил Лигурийскую республику (Геную) к Франции, вследствие чего Новосильцев не поехал в Париж. «С нами поступают, как с ребятишками», — писал ему Чарторыйский. В Петербурге раздражались захватом Генуи, как насмешкой, поддразниванием; в Вене смотрели на дело с другой точки: нынче взял Геную, завтра дойдет очередь до Венеции, Наполеон не оставит у Австрии ничего из итальянских земель, оправдает свой титул короля Италии. Слуги Наполеона прямо говорят об этом. Можно ли при такой опасности отвергать союз с Россией, отталкивать ее к Пруссии? Но эрцгерцог Карл, лучший полководец, с успехом боровшийся против французов, опять говорит громко за мир. Действительно, все говорилось только о количестве: «У нас будет много войска, у Наполеона будет меньше, мы его победим»; а не говорили, что против Наполеона, первого полководца времени, мы выставим подобного ему; против его знаменитых генералов, против его, воспитанного на победах, войска мы выставим таких же генералов, такое же войско. Лучшие полководцы, в том числе (очень небольшим) и эрцгерцог Карл, понимали всю неправильность этого *материалистического* взгляда, весь вред этого расчета на одно количество, с забвением качества, и отсюда проистекала их осторожность, их неохота меряться с Наполеоном, их система отступления, войны только оборонительной. Другое дело — полная коалиция, соединенное, дружное действие всей Европы против одной Франции: тут никакие усилия первоклассного военного гения не помогут, и эрцгерцог Карл спрашивает: «Будет ли Пруссия участвовать в коалиции?» «Пруссия, волею или неволею, будет участвовать», — отвечали из России; выражение «неволею» было загадочно, да и во всяком случае это было только еще в будущем.

«Но если ждать, то чего же ждать? — спрашивали с другой стороны. — Какое ручательство против неудержимого стремления Наполеона к захвату? Стоят вооруженными, наготове к защите? Но он и этого не позволит; при известии о сборе войска, об его движении он кричит, грозит нападением и непременно исполнит угрозу. Если что может еще сдержать его, дать надежду на сохранение мира, так это союз Австрии с другими державами. Как скоро Наполеон увидит, что Австрия одинока, то непременно объявит ей войну. Понятно, что и война представляет опасность; но из двух зол надобно выбирать меньшее, и если эрцгерцог указывает на многие неудобства войны, то он не указывает средства, как сохранить мир, когда союзники будут потеряны».

Легко понять затруднительное положение императора Франца, когда ему предстояло решить спор двух сторон, вооруженных

такими сильными доказательствами в свою пользу, когда брат, лучший полководец, лучший знаток военного положения Австрии, утверждает, что не должно воевать, а министр иностранных дел Кобенцль спрашивает: «Если не воевать, то какие средства сохранить мир?» Наконец император решил спор в пользу министра, и в начале июля курьер поскакал в Петербург к Стадиону с приказанием вступить в переговоры относительно приступления Австрии к англо-русскому коалиционному трактату.

Разумеется, для уничтожения главного возражения противников войны Россия должна была прежде всего стараться о полноте коалиции. Страшно трудно было увлечь Пруссию; легко было это сделать с Швецией, ибо ее король Густав IV так же ненавидел наполеоновское правительство, как отец его Густав III ненавидел революционные движения Франции. Важность шведского союза для России как главы коалиции была очевидна уже из того, что Наполеон добивался дружбы Густава IV, причем по своему обычаю не щадил приманок, предлагал Швеции Норвегию взамен германских ее владений — Померании: последняя была очень нужна Наполеону и как приманка для Пруссии, и как сдержка для нее и важный пункт относительно России. Но Густав IV не согласился и прежде других стал членом коалиции, хотя в Петербурге и не могли полагать большой надежды на его помощь. Еще в 1803 году русский министр в Стокгольме Алопеус 2-й сообщил своему двору печальные известия об умственном состоянии короля и его поведении. Густав IV постоянно посещал масонские ложи, никогда не видали улыбки на вечно серьезном и суровом лице его, никакое развлечение не допускается во дворце; король мучит солдат бесполезными формальностями, верит в какую-то несчастную звезду, считает себя Карлом XII, носит драбантский мундир его времени; народ очень недоволен. Но как бы то ни было, союзом с Швецией заручиться было необходимо, хотя бы только по причинам близкого соседства, и этот союз благодаря Померании должен был иметь влияние и на отношения России к Пруссии.

Пруссия продолжала упорно отказываться изменить свои отношения к России и Франции. Тщетно в Петербурге думали, что эттенгеймское происшествие заставит Пруссию тронуться. На известное письмо императора Александра об этом происшествии король Фридрих-Вильгельм отвечал, что заботы и чувства императора достойны его характера и требуют самой живой благодарности... *Но* — должна иметься в виду великая цель сохранения спокойствия, а Наполеона нельзя принудить дать полное удовлетворение иначе как с оружием в руках. Александр указывал другую великую цель, он писал королю: «Признаюсь, страшная скорбь будет для меня, если я не увижу ваше величество принимающим самое деятельное участие в славе

восстановления политического равновесия Европы». Фридрих-Вильгельм в своем упорном желании сохранить мир, не быть принужденным к страшному, по его убеждению, риску не хотел признать, что уступка Наполеону ведет точно так же, если еще не скорее, к войне, как и сопротивление. Германия уступила ему в эттенгеймском деле — сейчас же пошли другие нарушения международного права.

Наполеон заставил баварский и кассельский дворы выслать находившихся при них английских посланников; наконец, французский отряд ночью на нейтральной гамбургской почве схватил Румбольда, английского посланника при Нижнесаксонском округе. В этом поступке находили еще большее нарушение международного права, чем в поступке с герцогом Ангьенским, потому что Румбольд был посланник, а герцог Ангьенский считался частным человеком, оскорбление коснулось прямо Пруссии, потому что по тогдашнему германскому устройству прусский король обязан был блюсти за спокойствием и безопасностью Нижнесаксонского округа; наконец, где же была после того неприкосновенность Северной Германии, на чем так сильно настаивал Фридрих-Вильгельм? Посланники русский и английский приступили с требованиями, чтобы Румбольду было оказано покровительство, причем Алопеус напомнил о соглашении между Россией и Пруссией, где нарушение неприкосновенности Северной Германии было определено как причина войны с Францией (*casus foederis*). Король велел требовать у французского правительства удовлетворения за нарушение нейтралитета и освобождения Румбольда.

Но что далее? Что, если Наполеон не исполнит этого требования? В это время граф Гаугвиц, который считал для себя должным и полезным вполне сообразоваться со взглядами короля, был в бессрочном отпуске, и внешними делами заведовал барон Гарденберг, который позволял себе высказывать мнение, что поддержание во что бы то ни стало нейтралитета и мира и постоянная уступчивость Франции будут иметь печальные следствия для Пруссии. Такое мнение Гарденберг высказал и теперь, обратив внимание короля и на то, что крайняя уступчивость его произведет неблагоприятное впечатление на прусскую армию и народ. Королю, разумеется, были очень неприятны подобные представления; он возражал, что нельзя в поступке с Румбольдом видеть непременно оскорбление Пруссии: оскорблена Англия, а не Пруссия. И к чему тут народ, армия? Им до политики дела нет. Вообще, у Гарденберга какие-то странные мнения, неудобный министр! Надобно спросить мнения Гаугвица, и король пишет ему: «Я потребовал удовлетворения у Бонапарта за нарушение нейтралитета и освобождения Румбольда. Но если Бонапарт не согласится, что должна делать Пруссия для поддержания

своего достоинства и выполнения своих обязательств как относительно России, так и владений Северной Германии? Многие хотят войны, а я не хочу. Мне кажется, что есть средства выйти из затруднения, не прибегая к такой крайности; мне противно возжигать континентальную войну единственно из-за этого». «А я не хочу!»

Разумеется, и Гаугвиц тоже не захотел, а счастье на этот раз помогло. Наполеон, зная, что Россия и Англия стараются составить коалицию против него, хлопотал, чтоб эта коалиция не составила или по крайней мере была бы неполная; для этого ему нужно было удержать Пруссию при себе или по крайней мере нейтральной. Вот почему он исполнил требование Фридриха-Вильгельма, освободив Румбольда, и объявил, что это сделано для прусского короля. Такая уступка утвердила окончательно короля в политике мира и нейтралитета: стоит только что-нибудь потребовать с твердостью, ни в чем не откажут ни с той, ни с другой стороны, никто не тронет Пруссию, чтоб не иметь ее против себя, и она будет наслаждаться миром, да и Европе даст мир, потому что без нас не будут воевать. Король был на седьмом небе: блистательная победа без кровопролития!

Но восторг был непродолжителен. И в Лондоне, и в Вене из России давали знать, что Пруссия будет втиснута в коалицию неволей, если не захочет войти в нее добровольно. Мы видели, что Воронцовы питали сильное нерасположение к Пруссии; в последнем мнении своем канцлер граф Александр писал: «Считаю долгом заметить, что если надобно будет предложить Пруссии приманку, обещать ей увеличение территории, чтоб склонить ее ко вступлению в коалицию, то интересы России не допускают увеличения прусских владений на севере Германии у балтийских берегов, но пусть она распространяется во Фландрии, Нидерландах и немецких землях, отошедших к Франции по Люневильскому миру. Увеличение прусского могущества здесь не только нам не опасно, но даже выгодно, сталкивая непосредственно Пруссию с Францией». Дружба Воронцовых с Чарторыйским закреплялась нерасположением к Пруссии. Но Воронцовы руководились русскими интересами, тогда как поляку Чарторыйскому до русских интересов было мало дела. Жозеф де Местр оставил о Чарторыйском такую заметку: «Он высокомерен, скрытен, отталкивает от себя; я сомневаюсь, чтобы поляк, имеющий притязание на корону, мог быть хорошим русским».

Чарторыйский ненавидел Пруссию как главную виновницу падения Польши и во враждебном столкновении России с Пруссией видел средство восстановления своего отечества во всей целостности. По его плану, жители польских областей, принадлежавших Пруссии, должны были восстать при первом появлении русских войск в прусских пределах; эти области присоединились

к тем, которые отошли к России по трем разделам, и восстановленная таким образом Польша признает своим королем императора Александра. Австрия не будет этому противиться и даже отдаст Галицию, потому что щедро будет вознаграждена Силезией и Баварией. Кроме других очевидных затруднений к осуществлению этого плана, первое затруднение заключалось уже в самом императоре Александре. Он мог согласиться на то, чтоб употреблена была угроза, которая бы заставила короля принять мнение людей, желавших вступления Пруссии в коалицию против Франции; но захотел ли бы Александр привести в исполнение угрозу—это было очень сомнительно, тем более что со времен мемельского свидания была личная дружба между ним и Фридрихом-Вильгельмом. Чарторыйский считал это мемельское свидание пагубным событием.

Первое неприятное объяснение между петербургским и берлинским дворами произошло по поводу Швеции. По договору с Англией Густав IV обязался выставить в своей части Померании 25 000 войска для войны с Францией. В Берлине взволновались: театр войны перенесется в Северную Германию, где же после того будет ее нейтралитет, о котором так хлопотала Пруссия? Из Берлина поэтому дали знать Густаву IV, что Пруссия для охранения нейтралитета Северной Германии займет своим войском Шведскую Померанию; но из Петербурга присылается в Берлин внушение, что если хоть один прусский солдат выйдет в Шведскую Померанию, то Россия будет принуждена выполнить свой союзный договор с Швецией и поспешит к ней на помощь. В то же время из Петербурга требовали, чтоб в случае войны России с Францией дан был свободный проход русским войскам чрез прусские владения; но это, другими словами, требование отказать от драгоценного нейтралитета.

Около Фридриха-Вильгельма — борьба. Гаугвиц искусно излагает мнения короля, излагая собственные мнения; Гаугвиц за нейтралитет, в котором видит собственную политику Пруссии; последняя не должна отказываться от этой политики и предать себя всем случайностям колеблющейся политики России и Австрии, которые притом же не открывают своих планов Пруссии. Впрочем, и с этими державами не должно резко разрывать. «Нейтралитет,—отвечает Гарденберг,—есть могила самостоятельности и чести прусского государства, а войны все же не избежать, только надобно будет ее вести по воле победителя и для его целей». Гаугвиц ставил на вид, что Россия и Австрия, побуждая Пруссию вступить с ними в коалицию, скрывают, однако, от нее свои намерения. Нельзя было вступить с ними в соглашение, не узнавши прежде их целей. Для этого знания отправлен был в Петербург генерал-адъютант Застров и привез собственноручную ноту императора Александра.

«Чтоб отвечать с полною откровенностью на желание короля знать все мои политические отношения, надобно прежде знать мне в точности: его величество признает ли необходимость прибегнуть к оружию против Бонапарта, в случае если он не примет мирных предложений? Решится ли король соединить свой войска с войсками России и Австрии, если эти державы прибегнут к сильным мерам для достижения мира? Впрочем, я не колеблюсь объявить теперь же, что мои мирные предложения будут заключать в себе одно необходимое для будущей безопасности и независимости Европы, что Англия сделает все жертвования, какие только можно разумно надеяться от нее. Если переговоры не поведут ни к чему и надобно будет прибегнуть к силе, то я поведу войну с союзниками, которые, подобно мне, обяжутся не полагать оружия до всеобщего мира; я буду охотно содействовать к доставлению им денежной помощи и к определению вознаграждений за потери. Дело будет идти об утверждении независимости Европы, а не для произведения контрреволюции и не для низвержения Франции с того места, которое принадлежит ей в общей системе. Если король хочет соединиться именно на этих основаниях, я обещаю ему употребить гораздо более 100 000 войска и принять меры к тому, чтоб не повергать Пруссию опасности со стороны Франции».

Упомятая о мирных предложениях, император Александр имел в виду те, которые Новосильцев должен был сделать в Париже, но мы видели, что Новосильцева возвратили с дороги и Пруссия потеряла последнюю надежду на мир. Пруссия одной из причин своего колебания приступить к коалиции выставляла неуверенность в достаточной энергии Австрии, а та с своей стороны останавливалась колебанием Пруссии. Понятно, что надобно было употребить все средства для уничтожения, по крайней мере на время, соперничества и подозрения между этими державами. Австрия первая предложила забыть о Силезии, забыть старое для нового, выставляла убеждение, что ослабление Австрии теперь будет вредно для Пруссии и наоборот; уверяла, что вовсе не думает о приобретении влияния в Германии, а только заботится о сохранении равновесия в Европе и Германской империи; даже в случае счастливой войны не имеет намерения изменить существующий порядок вещей в Баварии или где бы то ни было. Но в Берлине слушали все это одним ухом, и в марте 1805 года Гарденберг сказал австрийскому посланнику по поводу русских требований: «Короля никогда не принудят к мерам, вызывающим войну, и я уверен, что наши два двора думают в этом отношении одинаково по сходству их положения; России нечего бояться войны, а Пруссия и Австрия могут одинаково пострадать». После этого в Вене перестали полагаться на Гарденберга, начали считать его таким же французом, как и Гаугвица.

Сильнейшее искушение для берлинского двора пришло с запада. Наполеону нужно было разбить коалицию, удержать Пруссию при себе, и он решается не щадить ни убеждений, ни приманок, чтоб заставить Фридриха-Вильгельма покинуть систему нейтралитета. Как только Россия объявит войну Франции, то войска последней сейчас же занимают главный город Шведской Померании. Ибо Швеция в союзе с Россией: что же станется с прусской системой нейтралитета для Северной Германии? Напротив, союз с Францией представляет для Пруссии выгоды несомненные, многочисленные и непосредственные. Опасности же никакой. Пруссия должна вспомнить, что у нее нет таких средств к усилению себя, какими обладают ее соседи, которые, будучи вместе ее врагами, не дадут ей распространить своих владений. Император французов предлагает прусскому королю Ганновер в вечное владение и объявляется уступку его сделать необходимым условием мира с Англией, которая основывает все свои надежды на континентальной войне; но Россия и Австрия не начнут войны, если Пруссия выступит как союзница Франции: таким образом, королю достанется слава примирителя Франции с Англией. Уступка Ганновера не представит непреодолимых затруднений: не король Георг будет заключать мир, а народ английский; от Пруссии же Франция требует одного ручательства в сохранении существующего порядка в Италии. Государство, которое не увеличивается, уменьшается.

Это внушение произвело сильное впечатление в Берлине, затрагивая самые нежные струны, совпадая с самыми заветными помышлениями и целями: уже стали мечтать, что приобретения не должны ограничиться одним Ганновером, можно приобрести и Богемию и выменять Саксонию на польские области. Не следует быть злодеем вполнину! Нелегко было, по мнению Гарденберга, выставить основания, говорившие в пользу французского союза, с большей вескостью и обольстительностью, и многие основания были действительно вески: с одной стороны — предложение хотя и не совсем безопасное, но возможные, с выгодой сохранить мир и, если бы это не удалось, с видами на могущественную помощь сильнейшей державы; с другой стороны — известное намерение принудить Пруссию ко вступлению в коалицию, тон русского кабинета, становящийся все грознее и грознее, и еще более угрожающее положение русского войска; никаких выгод, разве отдаленные, которые еще нужно завоевать, приобретения неверные. Но в то же время, кто не понимал, что взять что-нибудь у Наполеона значило продать свою душу врагу и дать на нее кровавое рукописание, рабство было необходимым следствием. Короля могла прельстить больше всего надежда на сохранение мира (да еще с Ганновером!); но этой надежде вполне предаваться было нельзя по грозному положению России: еще

пока-то французское войско явится на помощь, русское будет уже в прусских владениях, и Пруссия сделается ареной борьбы, исход которой неизвестен.

Для короля и, конечно, не для одного его оба союза, французский и русский, представляли только одни невыгоды, и потому, разумеется, он мог решиться на тот или другой только в случае крайности, а до тех пор должен был упорствовать в нейтралитете. Гаугвиц также советует крепко держаться нейтралитета и для его сохранения вооружаться; яркими красками выставил Гаугвиц неверность французских обещаний и, с другой стороны, опасность разрыва с Россией: точь-в-точь как думал сам король! Итак, вооруженный нейтралитет! Им всего скорее можно достигнуть желанной цели — сохранения мира: и Наполеон, да и Россия с Англией и Австрией будут податливы и помирятся при прусском посредничестве. Наполеону отвечали, что никакая приманка увеличением территории не может побудить короля к мерам наступательным; нельзя из-за совершенно разоренного Ганновера подвергать бедствиям войны старые цветущие прусские области. Есть надежда сохранить мир, если император Наполеон по соглашению с Пруссией обеспечит целость и независимость остальной Италии, республик Батавской и Гельветической и Германской империи, если он даст королю возможность как можно скорее передать слова мира в Петербург и Вену.

Императору Александру король писал (5 сентября 1805 г.), что твердо решил поддержать нейтралитет свой и своих соседей и вооружается для защиты последних; притом Франция еще ничего не сделала такого, что бы заставляло Пруссию объявить ей войну. Король надеется, что император Александр также не сделает ничего, что бы нарушило покой Северной Германии.

В то время как в Пруссии только решали, что надобно вооружаться, чтоб дать больше весу своим мирным предложениям, в Австрии давно уже вооружались и все еще надеялись, что войны можно избежать, по крайней мере что она не начнется в текущем 1805 году. Когда Александр в июне узнал о присоединении Генуи к Франции, то сказал Штуттергейму: «Этот человек (Наполеон) ненасытим, его честолюбие не знает границ, это бич вселенной! В Вене должны остановиться на этом событии. Я его предвидел; но никак не ожидал, чтобы Генуя была обращена во французскую провинцию в то самое время, когда хотели начать мирные переговоры с этим господином; он над нами смеется, он хочет войны; ну хорошо, он будет ее иметь, и чем скорее, тем лучше. Видите: мы медлим, а он этим пользуется». Когда Штуттергейм заметил, что надобно подождать до весны, то Александр сказал: «Я не буду из всех сил спешить, но война неизбежна».

Но этот человек был не такой человек, чтоб стал сидеть спокойно, видя, как другие вооружаются. Он велел Талейрану

объявить австрийскому посланнику, что лагеря в Тироле и Штейермарке должны быть сняты, отказ в этом Наполеон примет за объявление войны. В конце августа Австрия отвечала, что она вооружается для поддержки выговоренных трактатами условий; что она готова вступить с французским двором в переговоры о сохранении континентального мира и удостоверяет, что монархи австрийский и русский обязались не вмешиваться во внутренние дела Франции, не нарушать существующего порядка Германской империи и целостности Порты Оттоманской. В Вене произошла в это время перемена: воинственный дипломат Кобенцль восторжествовал над знаменитым, но требующим мира полководцем эрцгерцогом Карлом.

Отчего же произошла такая удивительная перемена? Явился генерал-квартирмейстер Мак, который обещал поставить армию на военную ногу вместо шести месяцев в два месяца и исполнил обещание; но не довольствовались приготовлением армии: тому же Маку поручено было перевести ее за баварскую границу, чтоб предупредить Наполеона. Суворов, Наполеон побеждали стремительностью, умением предупреждать неприятеля, нападать на него врасплох; стоило только принять такой же образ действия, предупредить неприятеля, и Мак становился Суворовым, Наполеоном! Но действительно ли Мак предупреждал Наполеона? В Вене по крайней мере думали, что театральный монарх, как там величали Наполеона, ничего не знает, ни к чему не готов или бездействует, потеряв голову от стыда и затруднительности положения.

Император Александр был изумлен такой энергией и поспешностью Австрии! Столько времени на его увещания к войне был один ответ: не готовы и раньше весны 1806 года готовы быть не можем; русский государь был в полной уверенности, что раньше этого срока войны не будет, обещал Штуттергейму не торопиться, а теперь принужден был спешить двумя делами: и отправлением войска на помощь Австрии, и склонением Пруссии ко вступлению в коалицию.

В августе император послал королю письмо, в котором предлагал личное свидание на границах, снова говорил о необходимости приступить к коалиции и требовал согласия на проход своих войск через прусские владения. Король отвечал, что согласен на первое, но никак не может согласиться на последнее, ибо это непременно погубило бы Европу. Фридрих-Вильгельм спрашивал, каким образом император Александр, принявший на себя прекрасную роль защитника международного права и особенно права нейтральных государств, может без малейшего предложения нарушить право соседа и союзника, представляющего оплот для безопасности Севера и говорившего всегда языком мира. Сильнейшее впечатление произведено было донесением Алопеуса

7(19) сентября о разговоре своем с Гарденбергом. Последний передал русскому посланнику слова короля. «Если император,— говорил Фридрих-Вильгельм,— намерен принудить меня действовать против моих правил и нарушить закон, который я сам себе предписал, закон— не подвергать моих народов бедствиям войны, то я скорее погибну, чем соглашусь на это. Но неужели возможно, чтоб император, которого я считал своим первым другом, к которому, Бог свидетель, я питал доверие беспредельное, возможно ли, чтоб он употребил во зло это доверие? Если б он нашелся в опасности, если б теперь, начавши великую борьбу, он испытал какое-нибудь бедствие, то я полетел бы к нему на помощь. Хотеть заставить меня смотреть на вещи точно так, как он смотрит,— это значит посягать на мою независимость. Но если я потеряю независимость, то как я осмелюсь взглянуть на изображения моих предков, как мне хотя минуту остановиться на мысли, что между нами был Фридрих II, Великий курфюрст⁴. Нет, если мне суждено погибнуть, то погибну со славою; я паду жертвою моего доверия к государю, который умел завоевать мое сердце». Алопеус донес также о словах короля, сказанных генералу Кекерицу: «Много государей погибло от страсти к войне, а я погибну от того, что люблю мир».

Император Александр находился в большом затруднении: с одной стороны, такие протесты Фридриха-Вильгельма; с другой— в Вене и Лондоне заявлено, что русский государь заставит Пруссию приступить к коалиции; с третьей стороны, разумеется, Чарторыйский настаивал на вступлении в Пруссию и поднятии поляков. Александр был выведен из затруднительного положения самым главным союзником. Штуттергейм стал делать сильные представления против войны с Пруссией. «Но это значит меня компрометировать,— возражал Александр,— нет, я не могу отступить; если я могу возвратить вам Силезию, то вы можете на меня положиться». Пришли депеши из Вены с такими же отсоветованиями нападать на Пруссию; Штуттергейм усилил свои представления; наконец, Чарторыйский поддался. Этого только, разумеется, и нужно было: русские войска были задержаны на границе впредь до личного свидания государей; да скоро трудно стало думать о войне с Пруссией, когда узнали о быстрых движениях Наполеона.

В то время как в Вене думали, что театральный император находится в бездействии, Наполеон с необыкновенной скрытностью и быстротой двигал свои войска на восток. Нет сомнения, что он был очень рад этой континентальной войне, ибо сосредоточение сил на берегах Атлантического океана

⁴ Так называли обыкновенно знаменитого курфюрста Бранденбургского Фридриха-Вильгельма.

для преднамеренной будто бы высадки в Англию не достигало цели; Англию нельзя было этой угрозой принудить к миру, а высадку Наполеон не мог не признавать предприятием отчаянным. Теперь континентальная война давала ему отличный предлог покончить с приготовлениями к высадке, которые скоро грозили стать смешными, и нанести Англии удар поражением коалиции, о которой она так хлопотала. Это поражение было верное в глазах Наполеона: коалиция была неполная, Пруссия к ней не приступала, Австрия же сделала страшную ошибку, выдвинув часть своих войск за границу и не дождавшись русской помощи. В конце сентября (н. с.) французские войска стояли уже в Швабии и Франконии под начальством самого Наполеона; курфюрсты Баденский, Вюртембергский и ландграф Дармштадтский были за Францию; за нее же была и Бавария, несмотря на австрийские угрозы. Пруссии Наполеон опять предложил союз. «Заключать союз с воюющей державой — значит принять участие в войне», — был ответ. С французской стороны соглашались договориться на основании нейтралитета Пруссии, соглашались дать ей Ганновер под залог, соглашались на ее посредничество — все для того, чтоб выиграть время.

1 октября (н. с.) в Шарлоттенбурге в присутствии старого вождя прусских войск герцога Брауншвейгского была конференция, где Гарденберг предлагал не постановлять ничего с Францией до свидания короля с русским императором, ибо последний оскорбится таким постановлением; занятие Ганновера должно произойти с согласия всех сторон. Король, против своего обыкновения, обнаруживал в конференции нетерпение и неудовольствие: толковали о личном свидании его с русским императором, а он именно не хотел этого свидания, боясь нравственного влияния обаятельного друга более, чем насильственного перехода русских войск через прусские владения; он предполагал в последнюю минуту под каким-нибудь предлогом отказаться от свидания и послать вместо себя герцога Брауншвейгского. Предлог был уже придуман — болезнь ноги.

Но Наполеон переменял ход дела: по его приказанию французские войска для удобства движения против Австрии нарушили нейтралитет Пруссии, пройдя через ее владения (в Аншпахе). Известие об этом произвело страшное впечатление в Берлине. Король был в отчаянии: драгоценный нейтралитет исчез; теперь нельзя было сказать русскому императору, что со стороны Франции не сделано ничего, могущего дать Пруссии право объявить ей войну. В Пруссии давно уже существовала так называемая патриотическая партия, которая видела унижение отечества в равнодушии к захватам Наполеона; сама королева, двоюродный брат короля, принц Людвиг думали таким образом. Партия сдерживалась противным образом мыслей короля; но теперь она

возвысила голос и увеличилась в числе. Неудовольствие не могло уменьшиться, когда Наполеон, извиняясь в письме к королю в аншпахском происшествии, старался дать делу такой вид, как будто это была безделица, когда Талейран написал, что виноват берлинский кабинет, который все толковал о нейтралитете Северной Германии, тогда как прусские владения — Аншпах и Байрет — находятся на юге, следовательно, вне демаркационной линии.

Император Александр решился пользоваться обстоятельствами; прусского короля долго было дожидаться на границах, император сам поехал к Фридриху-Вильгельму и 25 октября (н. с.) прибыл в Берлин, где был принят жителями с необыкновенным восторгом. Надобно было спешить привлечением Пруссии в коалицию и этим помочь Австрии, дела которой шли дурно. Французы перешли Дунай, поразили австрийцев в трех сражениях, заняли Аугсбург и Мюнхен, а Мак, придвинувшись к Ульму из желания предупредить Наполеона, затворился в этом городе и спокойно смотрел, как неприятель окружал его со всех сторон. После победы, одержанной французами под начальством маршала Нея при Эльхингене, Мак был совершенно заперт, завел переговоры и сдался: 23 000 австрийского войска положило оружие, французам досталось 59 пушек.

20 октября сдался Мак; 21-го — английский адмирал Нельсон истребил француско-испанский флот при Трафальгаре и заплатил жизнью за победу; 25-го — приехал Александр в Берлин и начались конференции о том, как поправить континентальные дела. Сначала шли они между Чарторыйским, приехавшим вместе с императором, Гаугвицем и Гарденбергом; 28-го числа присутствовали император, король и герцог Брауншвейгский; 3 ноября дело было кончено; государи ратифицировали договор, известный под именем Потсдамского; прусский король принимал на себя посредничество между воюющими державами, но посредничество вооруженное, результатом которого должно быть или непосредственное восстановление континентального мира, или, в случае непринятия Францией мирных условий, действительное участие Пруссии в войне. Мирные условия заключались в том, что за Францией оставалось все полученное ею по Люневильскому и последующим договорам; уничтожались только те распоряжения Наполеона, которые возбудили против него коалицию; восстанавливалось независимое Сардинское королевство, выговаривалась независимость Голландии, Швейцарии, Неаполя и Германской империи; королевство Итальянское, которое названо было Ломбардским для избежания слишком широкого смысла, заключавшегося в слове «итальянское», должно было быть независимо от французской короны; наконец, выговаривалась неприкосновенность Турции.

Обстоятельства представляли нечто новое против прежнего: Пруссия принимала решительное положение, и, не согласившись на ее предложения, Наполеону надобно было вести войну против небывалой еще коалиции, что могло заставить его задуматься; но, с другой стороны, нельзя было надеяться, чтоб Наполеон принял предложения: это значило бы признаться, что испугался коалиции, уничтожить обаяние, которое он производил над французами, обаяние силы, не знающей препятствий, и это после того, как народ, находившийся под таким обаянием, провозгласил его императором. И побежденный Наполеон не мог принять потсдамских условий, а теперь он блистательно начал кампанию: на стороне французов — бодрость, возбужденная успехом, на стороне противников — упадок духа: следствие ульмского позора. Коалиция опасна; но она еще не вполне образовалась: Пруссия еще не объявляла войны и нет сомнения, что Фридрих-Вильгельм войны не хочет по-прежнему, он подвергся нравственному насилию; Пруссия не вступила прямо в коалицию, согласилась только на вооруженное посредничество, и здесь уже видна ясно уступка Александра своему другу; здесь слабое место, которым легко воспользоваться; австрийцы старые знакомые, их бояться нечего; русские — враги новые, но кто ими предводительствует? И притом — в соединении два чуждых друг другу войска, два императора, сколько интересов и страстей в столкновении!

Очень важно было то, кто будет прислан к Наполеону с мирными предложениями из Берлина; если это будет человек из патриотической партии, желающей вступления Пруссии в коалицию, то он повернет дело быстро и неприятным для Наполеона образом, предложив вопрос: мир на известных условиях или война? И не входя в дальнейшие объяснения. Но Фридрих-Вильгельм, именно не хотевший крутого поворота дела, не хотевший, боявшийся по-прежнему войны, выбрал человека, в котором был уверен, что не доведет дела до крайности, сумеет воспользоваться обстоятельствами, чтобы выгородить Пруссию с ее интересами; кого же он мог выбрать лучше, как не несравненного графа Гаугвица, полного своего представителя, свой портрет относительно политических воззрений. Странно, что император Александр не настоял на выборе другого лица для посылки к Наполеону, тем более что он, приехавши в Берлин, явно обнаружил свое нерасположение к Гаугвицу и благосклонность к Гарденбергу. В Петербурге были неверно извещены о положении партий в Берлине и считали Гаугвица с Ломбардом главами французской партии; но мы видели, что Гаугвиц если принадлежал к какой-нибудь партии, то к королевской, стоял за нейтралитет, за мир во что бы то ни стало, советовал ни под каким видом не разрывать с Россией, тогда как Гарденберг, ратуя против нейтралитета, вовсе не настаивал на необходимости держаться России. Теперь

Гаугвиц ехал к Наполеону для исполнения королевских желаний, но, разумеется, не без горечи против коалиции, потому что был сильно оскорблен холодностью главы ее.

Коалиция была неполная; присоединение Пруссии предполагалось еще в будущем; действия союзников начаты были недружно; Австрия, не дожидаясь русских войск, выдвинула свои в Баварию и потерпела уже страшное поражение. Недостаток полководца, которого можно было бы противопоставить Наполеону, привел императора Александра к мысли о вызове знаменитого французского генерала Моро, изгнанного Наполеоном в Америку за участие в роялистском заговоре; но Моро не успел бы во всяком случае; надобно было употребить в дело остатки екатерининских, суворовских времен. Имя первого русского генерала, которое услышал Наполеон, было имя Кутузова. Человек, которому после суждено было проводить завоевателя из России, должен был теперь встретить его в Баварии. При несчастной непредвиденной поспешности, с какой Австрия начала войну, русское войско должно было не идти, а бежать ей на помощь. Русские прибежали на Инн в ненастье, по грязным дорогам, в очень некрасивом виде, в изношенном платье, босые,— и отовсюду дурные слухи, союзники дали себя разбить, теперь вся тяжесть ударов победителя падет на русские плечи. Естественно, русские не могли отнестись благоприятно к австрийцам, тем более что память о последнем походе Суворова, об его отношениях к австрийцам была жива. Русские презрительно относились к людям, привыкшим битыми быть, по выражению Суворова; австрийцы, в отместку, называли их словом, которое первое попадает на язык западного европейца, когда он недоволен русскими,— называли их варварами, смеялись над недостатком у них военной выправки. Русские должны были отступать, сдерживая и отбиваясь от превосходного числом неприятеля; маршалу Мортье сильно досталось от Кутузова при Дюрренштейне: услышали о давно неслыханном деле, о разбитии французов; сам Наполеон назвал битву резнею. Такая же резня произошла при Шенграбене, где умел отбиться знаменитый суворовец, князь Багратион, оставленный, по словам Кутузова, на неминуемую гибель для спасения армии. Багратион не погиб, и армия была спасена отступлением в Моравию, где с нею соединились другие русские войска, только что прибывшие из России, и небольшой австрийский корпус, отступивший от Вены, которая была уже занята французами. Союзники стояли у Ольмюца, куда приехали и оба императора— Александр и Франц; Наполеон занял Брюнни. Союзники решили идти к нему навстречу, и 20 ноября встретились у Аустерлица. Наполеон победил, из рядов русского войска выбыло с лишком 20 000 человек.

В нашу задачу не входит подробное описание и обсуждение военных действий; но всякое явление должно быть уяснено

в связи с предыдущим и последующим, должно быть уяснено в той степени, в какой обнаруживает характеры действующих лиц, их отношения и взгляды, в какой имеет влияние на последующие отношения их и взгляды. Позор поражения после екатерининских войн, после суворовского похода в Италию не мог быть перенесен равнодушно современниками; как обыкновенно бывает в подобных случаях, они должны были с чрезвычайной страстностью искать виноватого, накидываясь на первого встречного, не будучи в состоянии выслушивать оправданий, исследовать дело беспристрастно и спокойно. Разумеется, прежде всего стали виноваты союзники — австрийцы. Мы не станем останавливаться на обвинениях, что австрийцы из вражды к русским открыли Наполеону план сражения и т. п.; но не подлежит сомнению, что австрийцы испортили кампанию в самом начале, выдвинувши свои войска в Баварию, не дожидаясь прихода русских, и если это действие объясняется желанием предупредить Наполеона, то трудно не предположить здесь и другого желания — заручиться успехом до прихода русских войск, чтобы смыть позор прежних неудач и не дать утвердиться мнению, что успех для Австрии возможен только при чужой помощи. Мы видим любопытное явление, которое не останется одиноким: против войны был известный своими способностями полководец, заведовавший военной частью в империи, эрцгерцог Карл, тогда как за войну был преимущественно министр иностранных дел Кобенцль, потому что для последнего было невыносимо тяжело невыгодное положение Австрии в политической системе Европы; это при своей должности он должен был чувствовать ежедневно, и война представлялась единственным выходом; Кобенцль поддерживал и превозносил похвалами Мака в его поспешных распоряжениях. Но в России обвиняли не Кобенцля, а русского посла в Вене графа Разумовского: зачем он не доносил своему правительству об ошибках австрийского, зачем не протестовал против перехода австрийских войск через Инн, как будто невоенный человек мог решиться протестовать против военных распоряжений, протестовать против того, к чему Россия постоянно побуждала Австрию. Сильно нарекали на заведовавшего иностранными делами в России кн. Чарторыйского; но его заподозревали вообще, как поляка, в неприязни к России; в печальном же окончании коалиции он виноват не был. Чарторыйский, оскорбленный обвинениями, написал императору Александру длинное письмо, где, оправдывая себя, главным виновником беды выставил самого императора. По его мнению, Александр был виноват, во-первых, в том, что не послушался его совета и не вторгнулся с войском в Пруссию для восстановления Польши, а во-вторых, в том, что поехал сам к действующей армии, где его пребывание вместо пользы приносило только вред.

На первом обвинении нам останавливаться не нужно: оно показывает пункт помешательства, очень неприятный в русском министре иностранных дел. Но второе обвинение имеет за себя кажущуюся правду. Если бы, по мнению Чарторыйского, главнокомандующий Кутузов был предоставлен самому себе, не стеснялся присутствием государя, то, отличаясь прозорливостью, он стал бы избегать сражения до вступления Пруссии в коалицию. Таково было именно мнение Кутузова. В интересах Бонапарта было не терять времени, в наших интересах — длить время; он имел все причины желать решительного сражения, союзники — все причины избегать его. Надобно было утомлять неприятеля частными битвами, не вводя в бой главные силы. Идти в Венгрию и войти в сношение с нетронутыми австрийскими корпусами.

Итак, Чарторыйский указывает нам человека, по мнению которого не должно было давать сражения под Аустерлицем: этот человек был главнокомандующий Кутузов, и мнение главнокомандующего не было принято! Зачем же он после того оставался главнокомандующим? Сам император Александр оставил нам свидетельство, почему мнение главнокомандующего не было принято: «Я был молод и неопытен; Кутузов говорил мне, что нам надобно было действовать иначе, но ему следовало быть настойчивее». Вина, следовательно, заключалась в Кутузове, который не настойчиво проводил свое мнение и тем обнаружил недостаток гражданского мужества. Рассказывали, что накануне сражения Кутузов пришел к обер-гофмаршалу графу Толстому и сказал: «Уговорите государя не давать сражения, мы его проиграем». «Мое дело знать соусы да жаркие, — отвечал Толстой, — война — ваше дело». Этой неискренности под Аустерлицем приписывали последующее нерасположение императора к Кутузову. Но имеем ли мы право предположить у Кутузова в такой степени недостаток гражданского мужества? Действительно ли он не настаивал на своем мнении из нежелания, из страха противоречить государю, желавшему сражения?

Подобно эрцгерцогу Карлу Кутузов не рассчитывал на успех при встрече с Наполеоном; но как не встретиться? Трудность решения этого вопроса понимал лучше других Кутузов, знавший, что в интересах Наполеона было именно дать сражение, и знавший, как трудно заставить Наполеона отказаться от своего желания в пользу врагов. Уклониться от решительной битвы, когда такой полководец, как Наполеон, ее хочет, трудно, невозможно; надобно отступить; но для этого надобно иметь план отступления, надобно знать, куда отступить, с какими средствами и какие средства можно найти в стране, куда будет направлено отступление. Отступить в Венгрию: но что такое Венгрия? Не надобно забывать, что русский главнокомандующий был

в чужой стране, ходил ощупью, впотьмах, начальником штаба был у него австрийский полковник Вейнротер, потому что хорошо знал местность; австрийцы своими искусными распоряжениями уже заморили голодом русское войско в Моравии: лучше ли будет в Венгрии? И главное: хотели ли австрийцы отступления, продления войны? Они этого не хотели; они были утомлены войной во всех отношениях и так или иначе желали ее окончания; выдерживать Австрия не умела, не привыкла, народной войны боялась: в 1797 году в подобном же положении австрийский министр Коллоредо произнес знаменитые слова: «Победоносному врагу зажму я рот одной провинцией, но народ вооружить — значит трон низвергнуть».

Австрийцы желали решительного сражения и надеялись на его успех: действия русских войск при Дюрренштейне и Шенграбене служили основанием этой надежде. Но теперь легко представить положение императора Александра, русского главнокомандующего, и всех русских: австрийцы жаждут сражения; русские, пришедшие к ним на помощь, русские, знаменитые своею храбростью, вдруг станут уклоняться от битвы, требовать отступления, обнаружат трусость пред Наполеоном! Всякий должен чувствовать, что в таком положении ничего подобного нельзя было требовать от Александра и окружающих его, нельзя было требовать от них ни малейшего сомнения, колебания, и здесь, в этом положении пред австрийцами, желающими сражения, основание того воинственного задора, за который так щедро теперь упрекают императора Александра и его приближенных; всякий должен чувствовать, что Кутузов также не мог настаивать на уклонении от сражения, на отступлении, ибо видел, что на устах каждого русского готовый ответ: «Да ведь это позор для нас» — и войско упадет духом, если заставить его отступать. Наконец, надобно прибавить и сильную физическую причину, заставлявшую спешить сражением: голод. Есть известие, что солдаты по два дня не ели; что на обеде у императора один жареный гусь подавался на 20 человек.

Но писателям истории непременно надобно было найти одного какого-нибудь человека и сложить на него вину Аустерлица. Под руку попался им генерал-адъютант императора Александра князь Петр Петрович Долгорукий, который перед сражением был отправлен к Наполеону для переговоров. Князь Долгорукий обвинен в том, что держал себя гордо перед Наполеоном, раздражал его, отнял всякую возможность к дальнейшим переговорам. Но для Наполеона были горды, раздражали его и Колычев, и Морков, его могли не раздражать только люди, пресмыкавшиеся пред ним, уступавшие всем его требованиям, доступные обаянию его звонких, пестрых речей. Князь Долгорукий не позволил себе ничего более, кроме предложения условий, изменять которые не имел никакого права. Разговор его с Наполеоном для

нас важен потому, что в нем обнаружилось все различие во взгляде между соперниками. Наполеон не мог или не хотел понять, чтоб русский государь мог вести войну за независимость держав, за восстановление политического равновесия в Европе, нарушенного захватами Франции; не хотел допустить, чтоб русский государь владел тою широтою взгляда, по которой он должен был предупредить опасность, какую Восточной Европе, России, грозило образование империи Карла Великого на западе Европы. Наполеон привык иметь дело с державами, для которых первый и последний вопрос был: «Что мне тут взять? Что мне за это дадут?» Он предполагал то же самое и в побуждениях Александра.

«Зачем мы ведем войну; какие существуют могущественные причины, заставляющие Францию и Россию драться друг с другом? Я этого не понимаю»,— вот слова, которыми Наполеон встретил Долгорукого. «Целый свет знает эти причины, их повторять не нужно»,— отвечал Долгорукий.

Наполеон: Нет ничего легче, как восстановить согласие между мною и императором Александром: хочет он Валахии? Стоит ему только об этом вымолвить слово, и дело будет улажено.

Долгорукий: У императора Александра достаточно земель, и он намерен охранять целость Порты; у него другие цели: восстановление равновесия в Европе, независимость Голландии и Швейцарии.

Наполеон: Разве эти страны не независимы? У меня нет ни одного солдата в Швейцарии; впрочем, все это можно уладить.

Долгорукий: Восстановление короля Сардинского.

Наполеон: Король Сардинский — мой личный враг, я не могу терпеть его в Италии, впрочем, можно согласиться вознаградить его где-нибудь в другом месте.

Долгорукий: Однако ваше величество обещали это в заключенном с Россией договоре?

Наполеон: Но под каким условием это было обещано? Чтоб император Александр помог мне ограничить морское владычество англичан; Россия не сдержала своего слова, и я свободен от своего. Итак, мы будем драться.

Наполеон долго хвалился аустерлицким солнцем; оно сияло ему — до самого московского зарева. Для Александра с Аустерлица начинается ряд тяжких испытаний в продолжение почти семи лет.

IV

ВТОРАЯ НЕУДАЧНАЯ КОАЛИЦИЯ

Неизвестно, что намеревались делать в австрийском лагере в случае удачи сражения; но очевидно, что в случае неудачи было решено покончить войну на каких бы то ни было условиях. На

другой день после Аустерлицкой битвы император Франц послал уже с мирными предложениями к Наполеону, императора Александра он просил позволить ему заключить мир. «Делайте как хотите,— отвечал Александр,— только не вмешивайте меня ни под каким видом». На следующий день, 22 ноября, произошло личное свидание между Францем и Наполеоном, которому прежде всего нужно было не только разорвать коалицию в настоящем, но и предупредить возможность ее в будущем: он потребовал, чтоб русское войско вышло немедленно из австрийских владений, причем внушал Францу, что странно было бы для Австрии соединиться с Россией, которая одна может вести войну по прихотям своей фантазии; после поражения русское войско спокойно возвратится в свои степи, а союзник поплатится областями.

Русское войско ушло, Австрия поплатилась. От нее потребовали, чтоб она отдала Франции Венецию и венецианские области на твердой земле, признала Наполеона королем Италии; Тироль, который справедливо сравнивают с громадной естественной крепостью, имеющей великое значение для того, кто ею владеет,— Тироль с Форарльбергом Австрия должна была уступить Баварии, другие владения свои в областях верхнего Дуная и Рейна должна была уступить Виртембергу и Бадену; должна была, таким образом, заплатить всем этим германским владениям за союз их с Наполеоном против нее, лишилась всего 1 114 квадратных миль и 2 785 000 жителей.

У Австрии, впрочем, был доброжелатель подле Наполеона, составитель широких политических планов, знаменитый французский министр иностранных дел Талейран. После Аустерлица он написал Наполеону: «В воле вашего величества теперь или разбить Австрийскую монархию, или восстановить ее. Существование этой монархии в ее массе (*dans sa masse*) необходимо для будущего благоденствия цивилизованных народов; умоляю ваше величество перечитать проект, который я имел честь отправить вам из Страсбурга. По этому проекту Австрия должна была лишиться и Венеции, и Тироля, и швабских земель; но должна была получить вознаграждение». Впервые по плану Талейрана Австрия возводилась в дунайское государство, чин, которым ее жалуют и теперь, желая, чтобы она поскорее убралась из Германии, и в то же время считая ее необходимой для будущего благоденствия цивилизованных народов. Талейран отдавал Австрии Сербию, Молдавию, Бессарабию и северную часть Болгарии. А почему Талейран считал Австрию как дунайское государство, необходимое для будущего благоденствия цивилизованных народов, это вытекало из того, что самая опасная соперница Франции, а следовательно, самый опасный враг цивилизации была Россия, которая рано или поздно должна была завоевать Турцию;

поэтому надобно вдвинуть между Россией и Турцией Австрию, которая, таким образом, станет соперницей России, союзницей Франции и обеспечит Порте безопасность и долгое будущее. Англия не найдет более союзников на континенте, а если и найдет, то бесполезных; русские, запертые в своих степях, бросятся на Южную Азию, там столкнутся с англичанами, и вместо настоящего союза произойдет между ними вражда.

Талейран прежде всего желал обеспечения для Франции существующего порядка, столь и для него самого выгодного; поэтому, естественно, он желал, чтобы новая Франция приобретала для себя в Европе друзей, а не врагов только, и самой возможной союзницей по соображениям настоящего и прошедшего казалась ему Австрия, особенно когда отнималось яблоко раздора — Италия. Талейран хотел сказать: довольно, будет с нас, пора перестать приобретать, надобно заняться упрочением приобретенного; но говорить это Наполеону значило бы говорить глухому. Наполеон был человек борьбы и без борьбы существовать не мог; богатырь только что расхотелся, ему нужны были враги для борьбы, а не друзья, не союзники постоянные. Он старался заключать союзы то с тем, то с другим государством, но для того, чтоб в известное время, перед борьбой, ослабить, разорвав, союз, против него направленный, все это было на время только, для удобства борьбы; мысль о чем-нибудь постоянном, прочном, об окончании, успокоении была ему противна; в талейрановских планах и внушениях слышалось ему *memento mori*. Здесь начало разлада между ним и Талейраном, который своими широкими планами становился в его глазах причастным греху непростительному: грех этот Наполеон называл *идеологией*; другое дело — обещать, показать красивую приманку в будущем, чтоб заставить согласиться на требования в настоящем, и Наполеон позволяет Талейрану при переговорах с австрийскими уполномоченными обещать им земли по нижнему Дунаю, даже земли от Пруссии, которая должна получить Ганновер, если только они заключат как можно скорее мир на требуемых условиях.

Но удочка была закинута понапрасну: у австрийского правительства уже составилось убеждение, что Турецкая империя во всей своей целости необходима для будущего благоденствия цивилизованных народов; что надобно всеми силами защищать драгоценное владычество османов на Балканском полуострове от посягновений России; а теперь заставляют саму Австрию посягнуть на целость владений Порты и навлечь на себя вражду России. Напуганные австрийцы отвечали, что никак не могут на это согласиться, ибо следствием будет разрыв Австрии с Россией. Тщетно Талейран уверял, что опасности никакой нет, что Франция гарантирует будущие нижнедунайские владения Австрии; тщетно заявлял, как он, Талейран, стоит за союз Франции

с Австрией, как он говорил Наполеону: мы будем воевать с Австрией, а кончим союзом с ней. «Спешите заключением мира,— говорил Талейран,— у Наполеона приходит аппетит в то время, как он ест». Австрийские уполномоченные не согласались; они тянули время в надежде на Пруссию, которая своим грозным положением могла бы сдержать требовательность Наполеона; но когда эта надежда исчезла, австрийцы принуждены были согласиться на все требования с французской стороны и заключить мир в Пресбурге 14(26) декабря 1805 года.

Посылка Гаугвица с мирными условиями и с объявлением войны в случае их непринятия императором французов уже показывала, что в действиях Пруссии не будет ничего решительного; Гаугвиц, верный представитель короля, поехал не затем, чтоб вовлечь немедленно Пруссию в войну с победителем, каким был Наполеон и до Аустерлица: Гаугвицу прежде всего хотелось выждать, как пойдет дело, и по этому ходу располагать свои действия. Фридрих-Вильгельм боялся войны и в случае победы Наполеона, и в случае победы союзников, которые, приписывая одним себе весь успех дела, возьмут себе львиную часть; Гаугвиц боялся войны в том и другом случае, да еще боялся Фридриха-Вильгельма. От этого страха образ его действий совершенно совпадал с образом действий Наполеона, которому нужно было протянуть время, не доходить с прусским уполномоченным до решительных объяснений, не допустить, таким образом, коалиции до полноты и, пользуясь этой неполнотою, разбить союзников. Принудить Австрию к миру и тогда уже легко разделаться с одной Пруссией так или иначе. Гаугвиц не очень торопился сбором в дорогу, не очень торопился и в дороге. В Праге получил он известие о дюрренштейнской резне и поспешил в письме к королю ослабить впечатление, какое это дело могло произвести: хотя русское войско и отличилось, но все же оно принуждено отступить; Гаугвиц поддерживал в короле страх перед Наполеоном или, лучше сказать, подлаживался под этот страх; он писал: «Напрасно обвиняют великого полководца, зачем он от Рейна прорвался к границе Венгрии, где предстоит ему опасность быть отрезанным и уничтоженным; он не пойдет в Венгрию, ибо знает трудности похода в этой стране; он идет за врагами в Моравию, и если неприятельское войско отступит, то он вторгнется в Силезию и по течению Одера откроет себе дорогу через прусские владения, где не встретит сопротивления, ибо прусское войско рассеяно на обширном пространстве от Майна до Лузации».

Этим нарушением Гаугвиц заранее оправдывал свое намерение не торопиться решительным объяснением с Наполеоном, чтоб не подвергнуть Пруссию опасности в случае победы французов или отступления русских в Венгрию. Король, разумеется,

заранее был согласен со своим любимым министром. Тщетно император Александр писал ему с жалобами на медленность Гаугвица, тщетно льстил по поводу стойкости прусского войска: «Мы не недостойны иметь союзником государя, у которого такое знаменитое войско, как ваше» — все напрасно; король отвечал, что занимается собиранием войска в ожидании исхода переговоров графа Гаугвица, который прибыл наконец в Брюнн к Наполеону, употребивши 14 дней на проезд из Берлина в этот город. Разумеется, он предложил посредничество Пруссии, но не заявил ничего решительного; Наполеон отправил его в Вену к Талейрану; тот рассыпался перед ним в учтивостях, и Гаугвиц очень приятно провел время в ожидании, чем кончится дело в Моравии. Дело кончилось Аустерлицем, и когда Наполеон возвратился оттуда в Вену, Гаугвиц явился поздравить его с победою. Наполеон принадлежал к тем людям, которых успех не смягчает. У него сильно кипело на сердце, страшно хотелось распечь Гаугвица, то есть правительство прусское: как оно осмелилось оскорбиться нарушением нейтралитета с его стороны, как оно осмелилось стать в отношении к нему в грозное положение, предлагает ему мирные условия, как осмелилось дать увлечь себя так называемым патриотам и под влиянием царя подписать Потсдамский договор. Но с другой стороны, мир с Австрией еще не был заключен, разрыв с Пруссией мог повести к восстановлению тройной коалиции, тогда как теперь представлялся удобный случай уничтожить возможность подобной коалиции на будущее время: Пруссия, испуганная Аустерлицем, не полагаясь более ни на Россию, ни на Австрию, одинокая, согласится на союз с Францией, закабалит себя за Ганновер и останется навсегда в рабстве, ибо за Ганновер перессорится со всеми, если же и теперь окажет колебание, станет опять толковать о нейтралитете, то надобно раздвать ее как можно скорее, ибо никто за нее не заступится; Австрия, заключивши мир, не начнет вдруг новой войны, у России в свежей памяти Аустерлиц.

В Шенбруннском дворце, где жил Наполеон, в кабинете знаменитой императрицы-королевы Марии-Терезии, Наполеон принял Гаугвица, принял ласково. Гаугвиц человек хороший, мягкий, уступчивый, все говорит, что он предан Франции, он еще недавно пострадал за это, получив оскорбительно-холодный прием от императора Александра: какое теперь торжество для него получить совершенно другой прием от аустерлицкого победителя! Но видно было, что Наполеон, лаская Гаугвица, насилу сдерживался, и вдруг переход к королю: «Почетнее было бы для вашего государя прямо объявить мне войну; он бы этим услужил своим новым союзникам; я бы дважды подумал, прежде чем дать сражение. Но вы хотите быть союзниками целого света: так нельзя; надобно выбирать между ними и мною. Будьте со мною

искренни, или я с вами расстанусь. Я предпочитаю открытых врагов ложным друзьям. Я бы мог отмстить вам, занять Силезию, поднять Польшу и нанести Пруссии такие удары, от которых она никогда бы не оправилась. Но я хочу забыть прошлое и явиться великодушным; я прощаю за минутное увлечение, но с одним условием, чтоб Пруссия соединилась с Францией самым тесным и неразрывным союзом и взяла Ганновер». Гаугвиц был смущен этим предложением, зная, что оно не понравится королю, стал отговариваться неимением инструкций; но Наполеон стоял на своем: или союз и Ганновер, или война,— и тут же новые ласки относительно Гаугвица. Ласки не помогли бы, если бы, с другой стороны, не велено было внушать Гаугвицу как будто под величайшим секретом, что уже все готово для прусской кампании, что французские войска двинутся на Силезию.

Но мы видели, что Гаугвиц именно этого и боялся. Он решил-ся подписать союзный договор (15 декабря н. ст.): Франция передавала все свои права на Ганновер Пруссии, которая зато уступала Аншпах в пользу Баварии, а княжество Невшательское прямо Франции. Король мог не утвердить договора, а между тем время было выиграно, Пруссия была избавлена от внезапного нашествия. Но дело в том, что заключением этого союза между Пруссией и Францией отнята была всякая надежда у Австрии на возможность продолжать войну или получить лучшие условия мира, и если Аустерлицкое сражение имело такие решительные следствия, заставило Австрию заключить такой тяжелый для нее мир и поставило очень скоро Пруссию в еще более тяжелое положение, так виною всему этому, разумеется, была прусская политика, представителем которой был Гаугвиц, верный носитель королевских мыслей и взглядов,— политика, благодаря которой коалиция оказалась неполной, что именно и нужно было для успехов Наполеона. С прусской стороны явились упреки русскому и австрийскому императорам, зачем они решились на битву, не дождавшись срока, назначенного королем Фридрихом-Вильгельмом (именно 15 декабря н. ст.) для движения прусской армии против французов, если бы Наполеон не принял мирных условий, отправленных к нему с Гаугвицем. Но могли ли императоры Александр и Франц рассчитывать на какие-нибудь сроки, видя со стороны Гаугвица медленность и бездействие?

И о событиях после сражения не следовало с прусской стороны высказывать таких заключений: положение дел вовсе не было отчаянным. Перемирие могло быть нужным, можно было начать переговоры, причем граф Гаугвиц явился бы посредником; император Александр должен был внушить мужество императору Францу, удержать короля Фридриха-Вильгельма при трактате 3 ноября, ускорить военные движения Пруссии. Но Австрия именно и длила переговоры затем, чтобы Гаугвиц наконец явился

посредником, но он не явился, а заключил союз с Францией, что и заставило Австрию отказаться от мысли о войне. Надобно было вести мирные переговоры: но если первым условием для этого было постановлено удаление русских войск из австрийских владений, то любопытно было бы знать, как император Александр мог внушать мужество императору Францу? Что касается короля Фридриха-Вильгельма, то император Александр после Аустерлица передал в его распоряжение русские войска, находившиеся в Силезии и Северной Германии, и дал обещание помогать ему всеми своими средствами, если король в них нуждается. От императора Франца явился в Берлин генерал Штуттергейм и прямо объявил, что прислан посмотреть, что сделает Пруссия, что его государь протянет мирные переговоры для узнания королевских решений: если король пожелает помочь ему, то он не подчинится слишком тяжелым условиям, но если будут медлить помощью, то это поставит в необходимость заключить мир. Помощь была замедлена, Гаугвиц заключил союз с Францией; Австрия должна была заключить мир, коалиция рушилась.

На письмо императора Александра, предлагавшего все свои средства в помощь Пруссии, король отвечал, что принимает предложение с благодарностью, потому что имеет великую нужду в помощи при таких трудных и критических обстоятельствах. Гарденберг на конференции с Алопеусом объявил, что король очень рассчитывает на помощь русского войска, но войска этого, находящегося в Силезии и Северной Германии, мало, так что оно не может уравновесить прусские силы с французскими; полагаться же на австрийцев было бы непростительной мечтой после неоднократных опытов; союзник слабый всегда служит не помощью, а бременем, Австрия же представила доказательства своей слабости, чтоб не сказать хуже, сообщивши Бонапарту Потсдамский договор, и генерал Штуттергейм говорил о союзе между Австрией и Францией как о деле возможном. Когда Алопеус спросил: «В случае возобновления войны признает ли прусский король случай союза (*casus foederis*), вытекающий из Потсдамского договора?» — то Гарденберг отвечал, что король не откажется от своих обязательств, основанных на союзе и совершенном согласии с петербургским двором, но вследствие всего случившегося обязательства Потсдамского договора нуждаются в больших изменениях, о которых с прусской стороны всегда готовы войти в соглашения с величайшим доверием.

Еще только новые соглашения! Но прежде чем эти новые соглашения могли начаться, приехал граф Гаугвиц с подписанным им договором оборонительного и наступательного союза между Пруссией и Францией. Несколько дней совещались о судьбе этого удивительным образом рожденного ребенка; наконец решили усыновить его; король ратифицировал договор, только

с некоторыми объяснениями и ограничениями: король соглашался на один оборонительный союз, а не наступательный; потом в объяснительной записке говорилось, что обязательства Пруссии по этому договору начнутся только с той минуты, когда мир с Австрией утвердит уступки этого двора, а мир с Англией утвердит приобретение Ганновера Пруссией, но в ожидании этих миров и утверждений прусский король вступает во владение Ганновером и отвечает Франции за спокойствие Северной Германии. И только когда Ганновер сделается собственностью короля вследствие мира между Францией и Англией, Пруссия немедленно сделает с своей стороны уступки, обозначенные в договоре. Неизменным осталось условие договора, по которому Франция и Пруссия гарантировали независимость и целостность Оттоманской империи,—условие, служившее Наполеону верным средством посорить Пруссию с Россией, у которой уже начинались враждебные отношения к Турции. Гарденберг упрекал своего соперника Гаугвица, зачем он заключил такой невыгодный для Пруссии союзный договор с Францией: уже если хотели вступить в союз с Францией, то, по его мнению, надобно было сделать это посильнее и совершенно предаться этой системе. Но Гаугвиц, которого посылали опять к Наполеону с утвержденным договором и объяснительной запиской, Гаугвиц обещал королю, что он доставит ему еще важные выгоды кроме Ганновера: следствием Пресбургского мира должно быть переустройство Германской империи; Южная Германия с ослаблением Австрии отойдет под заведование Франции; можно на это согласиться с тем, чтоб Северная Германия отошла к Пруссии, чтоб прусский король был провозглашен императором Северной Германии.

Итак, с Францией у Пруссии союз; какие же будут у последней отношения к России, которая продолжает быть в войне с Францией?

Говорили, что император Александр возвратился после Аустерлица более побежденным, чем его армия; он считал себя бесполезным для своего народа, потому что не имел способностей начальствовать войсками, и это его чрезвычайно печалило. Это известие, которого мы не имеем права отвергать по неимению других, более верных, которые бы ему противоречили, это известие показывает нам значение Аустерлица: важно было для императора Александра освободиться от мнения о своих военных способностях, важно было для него и для всех русских освободиться от мнения о возможности легко управиться с Наполеоном—мнения, основанного на том, что он не имел дела с русскими, которые с Суворовым били французов; для государя и народа важно было освободиться от неправильного мнения о своих средствах и средствах противника, ибо это освобождение даст возможность заняться исканием других средств к борьбе.

Долго горевать о прошлом было нельзя, ибо надобно было поскорее думать о будущем, и, к счастью, оказалось, что Александр не был способен долго горевать.

Аустерлиц имел еще то значение, что теперь трудно уже было толковать, что Россия по своему положению может быть безопасна от наполеоновского властолюбия. Австрия, показав свое бессилие, принуждена заключить мир на всей воле победителя и, разумеется, не выйдет из этой воли по крайней мере долго; Пруссия ведет тайком какие-то подозрительные переговоры с Францией. Французское войско стояло недалеко от Польши, и Наполеон уже проговорил роковое слово об ее поднятии. С другой стороны, Наполеон стремится овладеть восточными берегами Адриатического моря, стать соседом Турции. Теперь дело идет уже не о поддержании политического равновесия Европы только, идет дело о непосредственных интересах России, встают вопросы Польский и Восточный. В совете, собранном с целью определить положение и будущую деятельность России, прямо высказывают убеждение, что Наполеон занимается восстановлением Польши, что ему легко уговорить Пруссию уступить свою долю польских областей за Ганновер и Шведскую Померанию и ничего не стоит возмутить Галицию, недовольную австрийским правительством; кроме того, с уничтожением могущества Австрии Бонапарт должен получить сильное влияние на Порту.

В Петербурге угадывали план Талейрана или знали о нем. По мнению князя А. Б. Куракина, представлялось предположение, что может Бонапарт для удовлетворения Австрии за области, которые, вероятно, ему пожертвованы будут, захотеть принудить Порту уступить ей некоторую часть ее европейских владений; и как сие не иначе бы совершилось как с положительным обещанием Австрии ему подвластною пребыть, то сие событие столь же бы мало сообразовалось с пользами России, как вероятная уступка Австрии владимой ею части бывшей Венецианской республики к новому королевству Италийскому; ибо Бонапарт, быв обладателем одного, получит чрез то способ над Адриатическим морем господствовать и Порту в непресекающемся опасении и страхе содержать. По мнению Куракина, неисчислимы были способы, которыми Франция могла вредить России и весь внутренний состав ее изнурять, и потому он советовал предложить Наполеону союз, с тем чтоб он не позволял себе дальнейшего расширения своих владений, то есть советовал повторить то, что уже оказалось совершенно бесполезным. Другие члены совета также указывали на опасности от Франции со стороны Польши, третьи обращали особенное внимание на Турцию: одни советовали войти в сношение с Наполеоном, другие считали это недостойным или ненужным.

В последнем отношении замечательны слова графа Н. П. Румянцева: «Будучи тверд в правилах, я обязываюсь и при нынешнем случае сказать, что если утверждал, что не было пользы скоропостижно выставлять военные ополчения, то и ныне в скоропостижных исканиях мира пользы я не предвижу. Если мы и при Петре Великом, и при Екатерине II умели сносить раны минутных неудач военных, уничтожения никогда и нигде сносить мы не умели». Чарторыйский из всех этих мнений составил такое заключение или программу действий: 1) Россия не должна опасаться возмущения Польши, особенно по уходе французов из австрийских владений; 2) Франция чрез приобретение Далмации получила средства изменить отношения между Россией и Турцией и привести в исполнение свои виды на Порту; 3) для противодействия этому надобно держаться союза с Англией, сохранять доверенность Турции и завязать сношения с турецкими славянами и греками; 4) воспрепятствовать Пруссии вступить в тесную связь с Францией и в случае надобности предложить помощь Пруссии; 5) принять меры к разузнанию намерений Наполеона относительно России; 6) держать наготове сухопутные и морские силы, чтобы можно было употребить их немедленно, особенно в Молдавии и Валахии, в случае движения туда Австрии или в случае войны Франции с Портой.

Система установилась. 12 февраля 1806 года в рескрипте Разумовскому в Вену император Александр говорил: «Моя система будет состоять преимущественно в защите моих владений и государств, которые потребуют моей помощи или которых существование будет необходимо для моей безопасности», Баварский курфюрст, который согласился на брак своей дочери с пасынком Наполеона, Евгением Богарне, прислал, конечно не без ведома Наполеона, просить руки сестры русского императора, Екатерины Павловны, для своего сына. Чарторыйский объявил секретарю баварского посольства, что независимо от других побуждений, по которым император не может согласиться на этот брак, его величество не хочет стеснять наследника баварского престола: быть может, Бонапарт назначает ему в супруги одну из своих родственниц, как он соединил принцессу Баварскую с Евгением Богарне (6 марта).

Положено было препятствовать Пруссии вступить в тесную связь с Францией. В то время как отправляли Гаугвица в Париж с ратификацією союзного договора при дополнительной записке, люди, стоящие наверху в Пруссии, говорили в один голос, что делом первой важности было сохранение дружественных отношений к России. Герцог Брауншвейгский в разговоре с Гарденбергом высказался, что он не прочь сам отправиться в Петербург. Гарденберг обрадовался и предложил об этом королю, который охотно согласился. Положение герцога как владетельного лица и ува-

жение, которым пользовался старик, делали его способнее всякого другого успеть в деле; притом современник, беспристрастный к герцогу, барон Гарденберг, признавал в нем рассудительность, ловкость, красноречие, умение скрасить дело не очень красивое. Но еще до отъезда герцог присутствовал в конференции, где было решено поставить войско на мирное положение и пригласить командующих русскими войсками, отданными в распоряжение короля, возвратиться в отечество: это было сделано на основании заявления французского посланника Лафореста в Берлине, что, судя по выражениям полученной им депеши от Талейрана, надобно предположить, что прусские дополнительные условия приняты Наполеоном.

Относительно посольства герцога Брауншвейгского Лафорест писал Талейрану: «Герцог имеет двойную задачу — объяснить императору Александру основания системы, принимаемой Пруссией, и склонить его сделать первый шаг к сближению с Францией. Я нахожу его отлично расположенным в этом смысле и отлично инструированным. Если он будет говорить в Петербурге так, как говорил мне здесь, то он может освободить императора Александра и самых здравомыслящих людей его двора от безумных мечт и честолюбивых планов». Лафорест боялся одного — что герцог по чрезвычайной учтивости своей не станет противоречить мнениям других. О нем говорили, что он кажется всегда разделяющим мнение того, кто с ним говорит. Но Лафорест надеялся, что герцог услышит немного возражений, вследствие того что финансы России находятся в печальном положении. Император Александр взял на свою долю очень мало из английских субсидий, данных на коалицию, что страшно обременило русское государственное казначейство. Неаполитанский король пристал к коалиции; для его защиты отправлено было русское войско, которое стоило чрезвычайно дорого, а возвратилось, ничего не сделавши вследствие Аустерлица.

Герцог Брауншвейгский отправился в Петербург в полной надежде, что Пруссия, союзница Франции, может остаться и в дружественных отношениях к России, которую помирит с Францией, и все будут довольны и счастливы, кроме Пруссии. 29 января (н. ст.) 1806 года отправился герцог в Петербург, а от 8 февраля пришла из Парижа громовая депеша Гаугвица: «Наполеон, раздраженный дополнительной запиской к союзному договору, не хочет его знать». Гаугвиц упал с седьмого неба. Мы видели, с какими розовыми мечтами поехал он в Париж; убаюканный ласками Наполеона в Вене, он надеялся встретить те же ласки и в Париже и привезти оттуда своему королю титул императора Северной Германии — и вдруг слышит угрозу, что если не подпишет союзного договора, какой угодно Наполеону, то Франция заключит союз с Австрией. Но этого мало: Гаугвиц

видел, что во Франции все готово к войне с Пруссией, тогда как в последней войска были уже на мирном положении, союзные армии отпущены; Гаугвиц видел, что с Пруссией церемониться не будут по ее одиночеству; России не боятся, а в Англии умер Питт, и преемник его Фокс — за мир с Францией. Ввиду этих обстоятельств Гаугвиц поступил точно так же, как после Аустерлица: чтоб не навлечь на Пруссию немедленной, внезапной войны, дать ей время приготовиться, он заключил новый союзный договор, по которому Пруссия обязалась в одно и то же время уступить известные свои владения Наполеону и взять безусловно в свою полную собственность Ганновер, именно в пятый день после обмена ратификаций договора. Король созвал конференцию: все, кроме Гарденберга, были согласны, что при настоящих обстоятельствах, при неготовности к войне, необходимо ратифицировать договор; король ратифицировал и написал императору Александру (28 февраля н. ст.): «Герцог Брауншвейгский расскажет вам, как меня обманули и какие были следствия обмана. Все было бы поставлено на карту, если б я не прибег к крайней мере. Пусть зложелательство или заблуждение клеветуют на меня — я признаю только двоих судей: совесть и вас. Первый судья мне говорит, что я должен рассчитывать на второго, и этого убеждения для меня достаточно».

Горькие плоды союза оказались немедленно: по настоянию Наполеона Фридрих-Вильгельм должен был удалить министра Гарденберга, которого император французов считал враждебным себе. Завладение Ганновером повело к войне Пруссии с Англией: около ста прусских кораблей было захвачено в английских гаванях; прусские гавани объявлены были в блокаде. Фокс сказал прусскому посланнику в Лондоне ужасные слова: «Пруссия становится соучастницей бонапартовских притеснений. Нельзя смотреть на такие обмены иначе как на воровство. Другое дело завоевать, и другое дело овладеть без сопротивления».

С нетерпением ждали, что скажет один из судей. Герцог Брауншвейгский приехал в Петербург 7(19) февраля и был принят императором чрезвычайно ласково. Еще не было известно, как был принят Гаугвиц в Париже, еще герцог Брауншвейгский передавал убеждение прусского правительства, что Наполеон ратифицирует договор с прусскими ограничениями, а император Александр уже указывал герцогу, что на эту ратификацию нельзя полагаться; указывал, что французские войска еще не очистили Германию и не видно, чтоб скоро это сделали. «России, — говорил Александр, — не нужно искать мира; если мириться, так надобно, чтоб мир был честный и приличный, а я ни из чего не вижу, чтоб он мог быть таким; у меня нет даже и данных, по которым я мог бы заключить, что Франция хочет со мною сблизиться». При разборе статей франко-прусского договора Александр одобрил

статью о гарантии целостности турецких владений, но сказал: «Я сам ее гарантирую; система Екатерины II относительно Востока совершенно оставлена; я друг Порты и хочу ее поддерживать; но я предвижу, что этою статьею Франция хочет поссорить меня с Пруссией». Относительно овладения Ганновером император спросил герцога: «Если Пруссия и Франция увеличивают свои владения, то не находите ли вы, что и России следует также увеличиться?» Когда пришло известие о новом франко-прусском союзном договоре, когда пришло письмо короля с обращением к двоим судьям, один из этих судей не оказался строгим; герцог Брауншвейгский привез королю письмо от императора.

«Самый тесный союз между Россией и Пруссией,— писал Александр,— кажется мне более чем когда-либо необходимым, и это в то же время—самое дорогое желание моего сердца. В минуты опасности ваше величество должны помнить, что имеете во мне друга, готового лететь к вам на помощь». Но в Берлине хотели помощи особого рода: прежде всего хотели, чтоб Россия вела себя как можно тише, как можно бескорыстнее. не делала бы ничего такого, что бы снова воспламенило войну. Так, русское войско во время последней войны заняло в согласии австрийцев важное место на Адриатическом море, Бокка-ди-Каттаро; Наполеон требовал, чтобы Австрия заставила Россию очистить эту гавань как принадлежавшую к Далмации, уступленной ему по Пресбургскому миру, грозя в противном случае войной, и Пруссия подкрепляет требования Австрии в Петербурге об очищении Бокка-ди-Каттаро. Потом Пруссия требовала, чтобы Россия помирила ее с Англией; из Петербурга отвечают, что это дело возможно, если Пруссия объявит, что взяла Ганновер на время; но Пруссия никак не хочет этого объявить, представляя, что Ганновер для нее необходим, что она не хочет уступить его английскому королю. Как легко было России предлагать английскому правительству уступку Ганновера Пруссии навеки, можно было видеть из донесения Воронцова императору Александру о своем разговоре с королем Георгом III, который приписывал неудачу австро-русской коалиции лживому, двудушному и неполитичному поведению Пруссии и произнес пророческие слова о последствиях такой политики: «Это двудушные Пруссии будет наказано, ибо, потерявши всякое уважение, она потеряла и независимость свою и кончит тем, что будет опозорена этим самым Бонапартом: он будет обходиться с ней, как с Баварией, Вюртембергом, Баденом и Голландией».

Во время этих сношений с Пруссией в России произошла важная перемена: Чарторыйский просил уволить его от заведования иностранными делами и получил увольнение. В письмах к императору он жаловался, что Александр хочет все делать сам, жаловался, что император переменял политику, которая должна

быть энергическая, решительная. При внимательном изучении русской политики описываемого времени мы не можем понять этого обвинения, если не предположим, что Чарторыйский не переставал иметь в виду решительности действий России для восстановления Польши; и действительно, он не переставал утверждать, что вся неудача австро-русской коалиции произошла оттого, что Россия не разгромила Пруссии точно так же, как Бонапарт разгромил Австрию. Но мы видели свидетельство Штуттергейма, как сам Чарторыйский помог ему убедить императора не делать этого. Скажут: зачем же верить Штуттергейму, а не верить Чарторыйскому? Но трудно предпочесть свидетельство Чарторыйского, который после своего увольнения писал Гарденбергу: «Со дня моего вступления в министерство я был постоянно одушевлен желанием соединения Пруссии с Россией; в этом союзе, по моему мнению, самое верное средство спасения Европы». Чарторыйский был заменен бароном Будбергом, о котором говорили, что он катеринствует, и этот отзыв показывал, что император, избирая такого человека, намерен вести внешние дела, как требовало достоинство России, как велись они при знаменитой бабке. Прусский посланник в Петербурге Гольц боялся поэтому, что русский двор станет принимать теперь слишком быстрые и смелые решения; но он скоро успокоился и писал, что та же осторожность и умеренность, которые характеризовали министерство князя Чарторыйского, отличают и поведение барона Будберга, взгляды которого в некоторых отношениях еще более выгодны для Пруссии, чем взгляды его предшественника.

Наконец между Россией и Пруссией заключен был договор при посредничестве Алопеуса и Гарденберга. Последний тайком вел сношения с Россией, потому что здесь не хотели иметь дело с Гаугвицем. Прусский король обязался: 1) что союз Пруссии с Францией не будет вредить союзному прусско-русскому трактату 1800 года; 2) Пруссия не соединится с Францией против России ни в том случае, когда между ними начнется война вследствие столкновения в Турции (если Франция нападет на Турцию или если Россия вооружится против Турции за несоблюдение договоров), ни в том случае, когда Россия вступится за Австрию вследствие нарушения Францией Пресбургского мира; 3) Пруссия гарантирует вместе с Россией независимость и целостность Оттоманской Порты, владения австрийского дома, как они определены Пресбургским договором, Северной Германии и Дании; 4) гарантирует и владения короля Шведского, если русский император склонит его к умеренности; 5) Пруссия употребит все старания, чтоб французские войска вышли из Германии как можно скорее; 6) употребит все влияние для поддержания коммерческих сношений на севере Германии, как они были до занятия Ганновера; 7) когда споры с Швецией кончатся к удовольствию Пруссии, то

последняя займется необходимыми средствами, чтобы выставить свою армию в страшном виде.

Эти обязательства или по крайней мере форма их не понравилась Будбергу; он сделал замечание Алопеусу, зачем он допустил такие неопределенные выражения, ибо на Пруссию полагаться нельзя. Русские обязательства заключались в следующем: 1) употреблять постоянно большую часть своих сил на защиту Европы и все свои силы на поддержание независимости и целостности государства Прусского; 2) продолжать систему бескорыстия относительно всех государств Европы; 3) сохранять в глубокой тайне обязательства, принятые прусским королем. Император Александр подписал свои обязательства 12 июля, и Гольц писал Гарденбергу: «Поздравляю короля с принятием решения, которое среди всех противоречий и опасностей настоящего положения дел, скрепляя его отношения с лучшим из союзников и друзей, доставляет ему наперед роль, способную поддержать достоинство, славу и безопасность его короны. Шаткость, в какой граф Гаугвиц держит прусские интересы, не может долго продержаться; мы уже потеряли доверие наших союзников, пора его восстановить; мы не можем рассчитывать на Францию, она не может быть другом никому; но Россия не требует, чтоб мы разрывали с нею, и в случае неизбежной войны мы будем иметь по крайней мере друга, который нам поможет от всего сердца и души».

Война, которой так не хотели, которой так боялись в Пруссии, произошла из мирных переговоров, которых так желали там. Мы упоминали о смерти Питта; преемник его Фокс уже из одной последовательности своей системе должен был начать мирные переговоры с Францией, будучи изначала поборником мира. Наполеон как на войне, так и в мирных переговорах следовал одному правилу — делить противников, бить их поодиночке на войне и заключать с ними отдельные миры. Понятно, что благоразумие должно было внушить противникам завоевателя правило не разлучаться ни на войне, ни в мирных переговорах, и Фокс объявил, что не станет вести переговоров отдельно от России. Но прежде чем начались серьезные переговоры, Наполеон спешил распорядиться в Германии, Италии, Голландии, чтоб закрепить эти распоряжения в мирном договоре. Бавария и Вюртемберг сделаны королевствами; Баден — великим герцогством; баварский король Макс Иосиф был пожалован Тиролем, Аншпахом и Аугсбургом и, как уже было упомянуто, выдал дочь свою за пасынка Наполеона, Евгения Богарне. Из взятого у Пруссии Клеве и у Баварии Берга сделано великое герцогство для Мюрата, мужа сестры Наполеоновой Каролины. Батавская республика была приневолена просить себе государя из фамилии императора французов, и этим государем сделан брат Наполеона Людовик с титулом короля Голландского.

Мы видели, что Наполеон пристал к коалиции: вследствие этого на другой день по заключении Пресбургского мира издан был императором французов декрет: «Династия Бурбонов в Неаполе переселилась в Сицилию, и королем Неаполитанским был назначен брат Наполеона Иосиф. Южная Германия была уже давно в действительной зависимости от Франции; но после Пресбургского мира и прусского союза Наполеон увидел возможность устроить и формальную зависимость ее. Бавария, Вюртемберг, Баден, Дармштадт, Клеве-Берг, Нассау образовали Рейнский союз, протектором которого был провозглашен император французов; по требованию протектора союз был обязан выставить 63 000 войска. Священная Римско-Германская империя рушилась; по требованию Наполеона император Франц сложил с себя титул императора Германского и из Франца II стал Францем I, императором Австрийским. Что права протектора не ограничивались правом брать 63 000 войска, что протекторство тяжело чувствовалось внутри Рейнского союза, видно из следующего происшествия: появилась книжка под заглавием «Германия в своем глубочайшем унижении» — книжка, направленная против французского ига. Нюрнбергский книгопродавец Пальм был обвинен в распространении этой книжки и приговорен к смертной казни.

Австрия молчала: ей было не до того. Мы упоминали, что Наполеон, основываясь на Пресбургском договоре, требовал Бокка-ди-Каттаро себе и настаивал, чтоб Австрия каким бы то ни было средством взяла его у России и передала Франции. Грозил война или с Францией, или с Россией. «Конечно, было бы несчастием для государства, — писал эрцгерцог Карл, — если б пришлось воевать с тем или другим из обоих колоссов. Многочисленные войска обоих стоят на наших границах, первые неприятельские действия внесут войну в сердце австрийских владений, вследствие чего часть наследственных земель будет опустошена и завоевана прежде, чем мы будем в состоянии собрать в Венгрии армию, да и та будет во всем нуждаться. Впрочем, если уже выбирать из двух зол, то война с Францией представляет бесконечно опаснейшие результаты, чем война с Россией. Новая война с Францией будет смертным приговором для австрийской монархии, тогда как в случае войны с Россией Галиция была бы немедленно опустошена и помощь Наполеона была бы куплена обременением уже истощенных провинций, да и мир был бы заключен не иначе как под диктатурою Франции. Но русских можно побить, и Австрийская империя не погибнет безвозвратно, потому Россия менее опасна, чем Франция».

В министерстве произошла перемена: место Кобенцля заступил Стадион. Новый министр внушал более уважения, доверия

своею серьезностью, но относительно политических взглядов не разнился от своего предместника: то же убеждение в необходимости русского союза, то же убеждение, что союз с Францией будет союзом только по имени, а на самом деле будет подданством. Весть о мирных переговорах между Россией и Англией с Францией произвела в Вене большую радость, ибо посредством них могло уладиться грозившее такою опасностью дело о Каттаро; мир, хотя был бы и перемирием, мог дать передышку, возможность собраться с силами для будущего; наконец, Россия при сближении с Францией могла выговорить некоторые выгодные условия для Австрии.

Для мирных переговоров со стороны России назначен был статский советник Убри, знавший людей и отношения их во Франции. Более значительного человека назначить не могли, ибо это унизило бы достоинство России: переговоры должны были вестись в Париже без всякого предварительного предложения со стороны Франции; да и Убри ехал в Париж вовсе не как уполномоченный для ведения мирных переговоров: он должен был сначала отправиться в Вену с поручением к русскому послу там, графу Разумовскому, и уже из Вены ехать в Париж под предлогом переговоров с французским правительством о русских пленных и доставлении им денежной помощи. Из инструкции, данной Убри, мы видим, что в Петербурге в описываемое время главное внимание было обращено на отношения Франции к Турции вследствие приближения французских владений к владениям Порты по Пресбургскому миру и после занятия неаполитанских владений французами. Для России важно было, с одной стороны, как-нибудь воспрепятствовать этому приближению или чрез восстановление неаполитанского короля, или чрез очищение французами Далмации, или чрез образование независимых владений между Италией и Турцией; с другой стороны, важно было удержать за собою какой-нибудь пункт между Италией и Турцией. Поэтому Убри не должен был принимать никаких условий, которые препятствовали бы России содержать гарнизон в Корфу либо давали Франции право ослаблять обязательства, принятые Портой в отношении к России. Убри мог согласиться на признание императорского титула для Наполеона, если бы Франция купила это признание уступкою Сицилии королю Неаполитанскому, очищением всей или части Далмации и согласием на образование отдельных владений между Турцией и Италией. Все прочие распоряжения Бонапарта Убри мог признать только в том случае, если бы Наполеон согласился на восстановление короля Неаполитанского и образование самостоятельного владения для короля Сардинского.

Мы видели, что Россия не соглашалась хлопотать в Англии за Пруссию, чтоб последней был уступлен Ганновер, и в обязательствах

между Россией и Пруссией об этом не было упомянуто. Тем более теперь, чтоб не порозниться с Англиею при ведении мирных переговоров, Убри запрещено было подписывать условия, утверждавшие какой-нибудь земельный обмен между Францией и Пруссией во вред курфюрсту Ганноверскому и стеснения торговли Северной Германии, особенно же Дании и Швеции. Убри должен был вести переговоры вместе с английским уполномоченным; отдельный мир он мог заключить только в случае, если б договор заключал в себе чрезвычайно крупные выгоды для России и вместе мог служить к непосредственному соглашению между Россией, Англией и Францией. Убри отправлялся еще при Чарторыйском; мы не знаем, какие внушения были ему сделаны министром, по крайней мере Убри уверял в Вене, что ему велено обращать постоянное внимание на интересы Австрии.

Сильный протест против мира послышался со стороны человека, который давно уже укрепил в себе основное убеждение, что не может быть мира с корсиканцем. «Великий Боже! — писал граф Семен Воронцов Новосильцеву. — Возможно ли, чтоб пример монархии Французской, Испанской, Австрийской и Прусской не производил никакого впечатления на императора (Александра!). Первая разрушена, а другие явно разрушаются; достоверность их падения уже предсказана потерей их независимости, и все это случилось вследствие слабости их государей, их нерешительности, робости, детского страха пред опасностями предполагаемыми, которые успели им внушить интриги дураков и изменников, взявших верх над министрами прозорливыми, честными и твердыми. Разумеется, с армией расстроенной, как теперь наша, с этой армией, уничтоженной Павлом, потерявшей дух и опозоренной при Аустерлице, не должно вести войны; но можно, оставаясь у себя, не позорить себя гнусным миром, который обеславит имя русское и погубит империю. Фокс хочет мира во что бы то ни стало, без всякого нравственного принципа. Поклонник счастья корсиканца и Талейрана, он обрадовался желанию мира, выраженному императором Александром, как предложению заключить мир и с своей стороны, пожертвовавши королем Неаполитанским, он не считает своею обязанностью сдержать обещание Питта. Но что может сделать какая-нибудь дрянь, не боящаяся позора, прожившая 57 лет в презрении у честных людей, тому не должен подражать император Русский! Русский император вошел в обязательство с королем Неаполитанским не заключать мира без того, чтоб Неаполь не был ему возвращен. Вследствие этого обязательства король нарушил свой нейтралитет, следовательно, он падет жертвой своей веры в силу и добросовестность императора. Так пусть император вспомнит возвышенное письмо Петра Великого Шафирову о Кантемире; пусть вспомнит, что этот великий государь скорее соглашался

уступить Южную Россию до Курска, чем изменить данному слову; Петр был убежден, что у государей нет другой собственности, кроме чести, что отказаться от этой собственности — значит перестать быть монархом. Надобно объявить корсиканцу, что без возвращения Неаполитанского королевства его законному государю не будет никогда не только мира, но и никакого сношения между Россией и Францией; надобно выгнать всех французов из России и запретить все французские товары. Надобно только быть твердыми и хорошо вооруженными у себя дома, не верить Пруссии, быть в хороших отношениях к Швеции и взять твердый и внушительный тон относительно турок, после чего можно спокойно выжидать благоприятного времени». Можно думать, что мнение Воронцова не могло не произвести впечатления в Петербурге, ибо слова, написанные Новосильцеву, не могли быть тайной для императора, который был очень чувствителен к указаниям на единственную собственность государей.

Впрочем, Воронцов напрасно беспокоился и насчет английского министра: мир был невозможен, ибо у Наполеона и у Англии трудно было посредством переговоров вырвать из рук что-нибудь захваченное. Талейран предложил английскому уполномоченному лорду Ярмуту три уступки: Ганновер, Мальту и мыс Доброй Надежды. Как француз, Талейран не мог обойтись без риторики и выражал свои предложения так, что Ганновер уступается для чести английской короны, Мальта — для чести морской державы, а мыс — для чести торговой. Но англичанин остался холоден к такой красивой фразе; из всех завоеванных колоний удержать только один мыс Доброй Надежды было невыгодно. В Европе отдавали Мальту; но эта самая готовность со стороны Франции уступить Мальту, тогда как прежде никак не хотели этого сделать, показывала, что остров потерял свою цену; Франция так устроилась теперь на берегах Адриатического моря, так приблизилась к владениям Порты для выгодного себе решения Восточного вопроса, что могла позволить Англии владеть мальтийскою скалой. Теперь для Англии предметом первой важности было не переступить Сицилию в руки французов, и Фокс поставил необходимым условием мира удержание этого острова за королем Фердинандом. Франция с своей стороны требовала Сицилию себе как вознаграждение за уступку Ганновера, а для короля Фердинанда предлагала Ганзейские города. В Англии на это никак не соглашались; тогда Талейран сделал новое предложение, которое должно было всего более встревожить Англию, не спускавшую глаз с драгоценного Востока: Талейран предложил в вознаграждение короля Фердинанда за Сицилию Далмацию, Албанию и Рагузу, тогда как Албания принадлежала Турции; с английской стороны предлагали вместо чужой Албании вознаградить короля Фердинанда французскими

владениями на берегах Адриатического моря, приобретенными по Пресбургскому миру; но понятно, что это была только дипломатическая игра.

Лорд Ярмут получал из Англии сильнейшие внушения, чтоб действовал заодно с русским уполномоченным; но Убри трудно было сыскать. Если в Англии понимали, что надобно было и дипломатически действовать сообща, и настояли на совместном ведении переговоров, то во Франции, и уступивши этому требованию, хотели все же поставить на своем, разбить союзников, заключить с одним из них отдельный мир и этим принудить и другого быть уступчивее. План кампании удался, напали на слабейшего, на Убри, объявили ему, что не хотят видеть в нем простого русского агента, хотят видеть уполномоченного, озадачивали, утомляли его спорами, продолжавшимися по 14 часов сряду, и бороться должен был Убри против дипломатического Наполеона, против Талейрана, которого сменял генерал Кларке; вдвоем утомляли, застрашивали одного; но чем же могли застрашивать? Когда лорд Ярмут стал упрекать Убри за его удаление от общих переговоров, укрывательство, тот отвечал: «Я считаю своею обязанностью так поступать, даже заключить отдельный мир, если этим я могу спасти Австрию от грозящей ей опасности».

Зная, какие обещания надавал Убри в Вене, мы должны придавать этому ответу особенное значение, равно как и другим оправдательным словам его из письма в Петербург: «Если б я разорвал переговоры, то возобновилась бы война, которую Франция повела бы с большей энергией против государств вовсе не приготовленных; наоборот, подписывая мирный договор, я давал этим государствам время приготовиться к войне».

Убри 8(20) июля подписал отдельный договор, статьи которого также прямо указывают, что русский уполномоченный имел в виду исполнять обещания, данные в Вене: Россия уступила Франции Бокка-ди-Каттаро, следовательно, Австрия успокаивалась; в три месяца французские войска должны очистить Германию — успокоение окончательное; что же касается успокоения России, то обе державы взаимно ручались за независимость и целость Оттоманской Порты; французские войска очищали Рагузу; должны были очистить и Черногорию, если ее заняли; русское войско на Ионических островах не могло превышать 4000 человек. Относительно неаполитанского короля странное условие: если он лишится Сицилии, то Россия и Франция обязывались выпросить для его сына Балеарские острова у короля Испанского: вместо отца получал вознаграждение сын из чужого владения, которое нужно было еще выпросить. О короле Сардинском и Ганновере не упоминалось. Кроме внушений, какие мог получить Убри перед отъездом из Петербурга, в Париже он находился

под сильным влиянием других внушений: воспитатель императора Александра Лагарп одобрял условия и для успокоения Убри дал ему оправдательное письмо к императору: основная мысль письма состояла в том, что заключаемый мир есть перемирие, которым надобно воспользоваться для приготовления к новой борьбе, потому что Наполеон остановиться не может; но Лагарп забывал, что перемирие носило название мира и мирный договор утверждал право на то, что было захвачено вопреки прежним договорам; каждый мир освящал новые захваты, новые порабощения, чему нисколько не мешало то, что кому-нибудь угодно было называть мир перемирием.

Что договор Убри был не в пользу России, доказывалось тем, что Наполеон и его приближенные ставили его выше победы, одержанной на войне; но победа для одной стороны необходимо условливает поражение другой. Наполеон, по обычаю, спешил пользоваться победою, ратифицировать договор через шесть часов после его заключения и немедленно дал знать о нем всюду, куда следовало: пусть русский государь не ратифицирует договора, об этом узнают не скоро, а первое впечатление уже произведено, и прежде всего оно произведено на лорда Ярмута. Генерал Кларке, ведший с ним переговоры, провозглашая отдельный мир с Россией как великую победу, объявил Ярмуту, что после такой победы Наполеон имел бы право увеличить свои требования, но он остается при старых. Фокс на помощь Ярмуту, которого находил слишком уступчивым, отправил еще другого уполномоченного. Шли удивительные, небывалые переговоры: Наполеон торговал областями, вовсе ему не принадлежавшими, уступал, менял, давал в вознаграждение чужие владения — Ганновер, Албанию, Рагузу, Ганзейские города, Балеарские острова; главный спор шел о Сицилии, которую владел бывший неаполитанский король Фердинанд, которую Наполеон не завоевал и никогда после не мог завоевать, но теперь требовал непременно, чтоб укомплектовать владения брата своего Иосифа, то есть чтобы самому владеть всею Италией. Один французский писатель, очень нерасположенный к Наполеону, говорит, что в такой странной торговле по крайней мере было начало умопомешательства. Мы не согласны с почтенным автором уже и потому, что современники начала умопомешательства тут не видали; явление было обыкновенное: сила, не встречая препятствия, развивалась все более и более. История благословляет тех деятелей, которые ставят преграду силе, не допуская ее до насилия.

Странные переговоры, торговля чужим добром не повели ни к чему. Когда Убри привез свой договор в Петербург, то император отдал его на рассмотрение совета, который единогласно признал невозможность ратифицировать его, и Александр согласился с мнением совета; а в самом начале сентября умер Фокс,

что прекращало попытку к заключению мира Англии с Францией. После Аустерлица непосредственная борьба между Россией и Францией продолжалась на берегах Адриатического моря, в Далмации; вице-адмирал Сенявин, начальствуя флотом и сухопутным отрядом, действовал против французов с помощью славянских жителей страны, особенно черногорцев; Бокка-ди-Каттаро не был сдан ни французам, ни австрийцам; но скоро Сенявин получил приказание отправиться в Архипелаг.

Мы знаем, что с самого начала вступления России в общую жизнь Европы, при необходимых столкновениях в интересах двух сильнейших континентальных держав, России и Франции, и при затруднительности непосредственной борьбы между ними по географическому положению, Франция действовала против России, против ее интересов дипломатическими средствами в трех ближайших пунктах, была в три самые чувствительные места для России: в Швеции, Польше и Турции. Во время борьбы с Наполеоном Швеция, по убеждениям ее короля, могла быть только в союзе с Россией против Франции; возобновление Польского вопроса могло еще только ожидаться; оставалась Турция, в которой можно было действовать против России, и Наполеон, разумеется, не упустил этого из виду. Он отправил посланником в Константинополь уже известного нам Себастиани, хорошо знакомого с Востоком, и следствия внушений его скоро оказались. Сановники, стоявшие за дружеские отношения между Россией и Портой, были удалены, и места их заняли люди, доступные внушениям французского посланника. Внушения состояли в том, что Порта не должна терпеть, чтобы ее христианские подданные получали какие-нибудь выгоды от России, привыкли к ее покровительству, почему запрещено было грекам, которые плавали под русским флагом, пользоваться привилегиями русских подданных; уничтожен был таким образом обычай, ведший издавна. Договорами было утверждено, что господа Молдавский и Валахский не могут быть сменены Диваном ранее семи лет, если только не совершат преступления, доказанного по следствию, произведенному сообща Россией и Портой: вследствие внушений Себастиани султан сменил обоих господарей до срока, без всякой причины, без предварительного исследования. По договору 1805 года русским военным кораблям дозволен был свободный проход и перевоз войска через Босфор и Дарданеллы: теперь Порта объявила, что не намерена больше исполнять этого условия.

Такое нарушение договора объяснялось тем, что Себастиани подал Дивану ноту, в которой требовал, чтоб Босфор был заперт для русских военных судов и транспортов; отказ в этом требовании Франция сочтет для себя враждебным действием со стороны Турции и получит право двигать свои войска через турецкие

владения для борьбы с русским войском на берегах Днестра. В ноте Себастиани говорилось: «Возобновление или продолжение союза Турции с врагами Франции, именно с англичанами и русскими, будет не только явным нарушением нейтралитета, но участием в войне, которую эти народы ведут с Францией». Оказывалось, что турки вовсе не такие спокойные соседи России, как думали недавно некоторые дипломаты. Нарушением договоров они прямо объявляли войну; оставлять долее Порту под диктатурой французского посланника и дожидаться новых враждебных поступков и дерзостей было бы странно, и русские войска получили приказание занять Дунайские княжества. Но русское войско встретилось с французским не на берегах Днестра, а на берегах Немана.

Наполеон во время переговоров с Англией, торгуя чужими владениями, прежде всего бесцеремонно распорядился Ганновером, который по последнему союзному договору с Пруссией принадлежал этой державе, был занят ее войском. Наполеон возвращал Ганновер прежнему его курфюрсту, королю Английскому. Пруссия об этом ничего не знала. Наполеон, не любивший церемониться ни с кем, всего менее считал нужным церемониться с Пруссией, которая своим поведением потеряла у человека силы всякое уважение: можно что-нибудь ей дать за Ганновер или обещать, а если будет иметь неблагоразумие обижаться, спорить, то заставить замолчать оружием; это не будет стоить большого труда, когда будет заключен мир с Россией и Англией; если же мир заключен не будет, то Ганновер останется за Пруссией; во время же переговоров можно и обманывать. И действительно, предлагая Ганновер английскому королю, Наполеон приказывал уверить прусского короля, что он никогда не отступит от обязательств, заключенных с Пруссией относительно Ганновера.

Относительно Ганновера можно было пока обманывать; но относительно образования Рейнского союза, уничтожения прежнего германского строя, в который входила Пруссия, обманывать было нельзя; употребили приманку: Пруссия может поделить Германию с Францией, устроить такой же союз из остальных северогерманских государств под своим протекторатом. Но переговоры с Англией о Ганновере могли огласиться, и тогда приманка протекторатом над Северной Германией могла бы не подействовать, особенно если бы мир с Россией и Англией не был заключен: в таком случае надобно приготовить к войне или по крайней мере напугать Пруссию этими приготовлениями, заставить ее проглотить свою обиду, свое негодование: и вот во французской армии громкие разговоры о предстоящей войне с Пруссией, иначе для чего бы увеличивать число войска и направлять его к русским границам.

Прусский посланник в Париже Люккезини узнал и донес своему двору, что Наполеон уступает Ганновер английскому королю; что, может быть, требуют от Пруссии и других земельных уступок, что Наполеон предлагал России прусскую Польшу, что между Наполеоном и Александром существует соглашение восстановить Польшу в пользу вел. кн. Константина Павловича. Насчет русских переговоров могли ходить всевозможные слухи вследствие таинственности, с какой они были ведены; да и с французской стороны были побуждения распускать подобные слухи, чтоб возбудить в Пруссии неудовольствие против России.

Фридрих-Вильгельм решился на борьбу с Францией, и, конечно, историк не станет удивляться этому решению. Желание мира, страх перед борьбой были сильны в душе короля; но по своему характеру и положению он мог предаваться этому желанию и страху только тогда, когда при этом для него существовали известные опоры, когда, с одной стороны, в нейтралитете, в посредствующем положении он думал сохранить почетное положение для Пруссии, а с другой — приобрести выгоды; когда приобретением Ганновера без войны он заставлял молчать приверженцев воинственной или патриотической партии, возобновляя те счастливые времена, когда при его предшественниках ловкой политикой Пруссия даром приобретала области, какие трудно было приобрести и посредством кровопролитных войн. Но теперь человек силы смеется над Пруссией, обходится с ней как с ничтожным по своей слабости и робости государством, и смеется насмешкой самой злой, отнимая то, за что пожертвовано многим, если не всем. Аншпахским событием рушилась одна опора — нейтралитет, дававший почетное, посредствующее положение; но эту опору заменил Ганновер; теперь рушилась и эта, самая крепкая опора, и в то же время мнение партии становилось общественным мнением; король безоружным являлся перед обществом, требовавшим перемены политики, ибо старое направление осуждено было своим неуспехом; как обыкновенно бывает, общество клеймило позором близких к королю людей, приписывая им вину прежнего направления и требуя их смены; королю была подана просьба об удалении Гаугвица и членов кабинета, о замене последнего ответственным и благонамеренным государственным советом; просьба была подписана принцами королевского дома, известным своею твердостью и смелостью министром Штейном, двумя генералами, Рюхелем и Фулем.

Король взглянул на эту просьбу как на посягательство против своих прав, сделал непосредственно и посредственно строгие внушения подписавшим. Просьба не была исполнена; в ней высказывалось оскорбительное для короля мнение, что дурные советники ввели его в заблуждение и ошибка может быть поправлена только с помощью других советников; но в характере

Фридриха-Вильгельма не было упорства, и он считал необходимым для поддержания своего значения на деле, а не по праву только стать в челе воинственного движения и этим охранить и Гаугвица с товарищами от нареkania: он, король, сначала следовал известному направлению, и люди приближенные исполняли его волю; теперь, убедившись, что прежнее направление более не годится, он перемещает его при помощи тех же старых советников; действительно, человек, заведовавший иностранными сношениями, Гаугвиц, давно уже в Париже, где Наполеон заставил его подписать второй союзный договор, убедился в необходимости переменить направление, убедился, что на императора французов полагаться нельзя, что от сближения с Францией, кроме опасности и унижения, нечего ожидать более; мы видели, что Гаугвиц не был предан или продан Франции, а держался одинакового взгляда с королем, и теперь для него, как для короля, и, как видно, прежде чем для короля, рушились опоры его прежнего убеждения; и для него, как для короля, но еще сильнее, чем для короля, явилась необходимость не только уступить восторжествовавшему воинственному направлению, но и стать горячим его приверженцем, и Гаугвиц является сильным противником Франции, проповедником необходимости вооружения.

Но вооружаться против Наполеона значило сближаться с Россией. От 21 августа (н. ст.) Гольц прислал успокоительное известие, что договор, заключенный Убри в Париже, не ратифицирован в Петербурге. Но вместе с тем со стороны русского министра иностранных дел барона Будберга начали являться внушения, что Россия в непродолжительном времени должна будет потребовать от Пруссии решительного ответа, на чьей же она стороне — на стороне Франции или России. Новый оборот затрагивал непосредственные интересы и отношения России. Франция действовала против России в Константинополе, естественно было ожидать, что она станет действовать против нее в Польше, и действовать непосредственно, проведя свои войска через владения Австрии, которая, волей или неволей, должна будет согласиться на это. Петербургский кабинет указывал здесь берлинскому предлогу к вооружению, ибо военные действия должны происходить в соседстве с Пруссией. В Петербурге все еще сохраняли прежнее мнение, что Гаугвиц предан Франции, и потому внушали Гольцу, что его необходимо удалить, если король хочет решительно сблизиться с Россией. Граф Штакельберг, заменивший Алопеуса в Берлине, писал Будбергу от 25 августа (с. ст.): «Освободить короля от его презренного и коварного окружения, конечно, есть цель самая желательная, но вместе и самая трудная для достижения. Власть этих приближенных есть следствие привычки и ловкости. Первая очень важна относительно государя робкого, малопривычного к труду и которого большой,

выпуклый талант, вероятно, затмил бы. Надобно было бы иметь под руками двоих незначительных людей, знающих, с одной стороны, ход дела, а с другой — имеющих легкость в работе, чтоб сейчас же заменить ими Бейме и Ломбарда. Граф Гаугвиц есть не иное что, как креатура их обоих. Первый — человек действительно влиятельный и глава всей этой шайки; но его искусно руководит Ломбард, в жену которого Бейме влюблен. Последнего не считают таким продажным, как Ломбарда, который весь состоит из безнравственности и пороков». Такой отзыв понятен: русские министры в Берлине смотрели глазами членов воинственной партии, которая вместе была и русской партией, особенно глазами Гарденберга, заведовавшего тайно сношениями с Россией и теперь уже отъявленного врага Гаугвица.

Задача Гаугвица теперь была чрезвычайно трудная — скрыть от Наполеона военные приготовления Пруссии, до последней минуты усыпляя его дружественными уверениями. В этом смысле был дан наказ Люккезини, с тою же целью был отправлен к Наполеону генерал Кнобельсдорф. Во Франции, разумеется, тотчас же узнали о военных приготовлениях в Пруссии. Наполеон не показал никакого раздражения, не сделал Пруссии грозного запроса, зачем она вооружается; он принял Кнобельсдорфа очень ласково, объявил только, что отказ русского императора ратифицировать договор Убри заставляет Францию усилить свои войска в Германии; впрочем, эта мера вовсе не направлена против Северной Германии; все внимание обращено к стороне Италии и Далмации. Вслед за тем между Талейраном и Кнобельсдорфом началась переписка. Талейран указывал на вооружения Пруссии, на необходимость и для Франции также вооружаться; писал, что император Наполеон ни прямо, ни косвенно не подал никакого повода к этой странной ссоре, что война между Францией и Пруссией есть политическое уродство. А между тем Фридрих-Вильгельм читал записку графа Гаугвица, где тот заклинал короля не верить лживым словам Наполеона, вступить в борьбу не ради Пруссии только, но ради всей Европы и начать военные действия, не дожидаясь помощи других держав.

21 сентября (н. ст.) Фридрих-Вильгельм выехал в Наумбург, чтоб оттуда отправиться к войску; 24-го Наполеон выехал из Парижа в Майнц. 26-го из Наумбурга король отправил к Наполеону длинное письмо, в котором пересчитывал все его захваты, указывал на все свое долготерпение, которому последние действия Наполеона положили конец. Письмо оканчивалось пожеланием, чтоб можно было еще уладить дело на основаниях, которые «сохраняли для Наполеона нетронутую всю его славу, а для других народов сохраняли честь и поканчивали для Европы лихорадочное состояние, производимое страхом и ожиданием, среди которых никто не может рассчитывать на будущее и сооб-

разить свои обязанности». Эти основания, отправленные королем как ультиматум, были: 1) немедленный выход французских войск из Германии; 2) Франция не должна делать ни малейшего препятствия образованию Северо-Германского союза, который должен состояться из всех владений, не обозначенных в фундаментальном акте Рейнского союза; 3) немедленное открытие переговоров с Пруссией для улажения всех споров между ней и Францией; 4) согласие на переговоры с другими государствами. Король назначил 8 октября сроком для получения ответа на свои требования; 8 октября французские войска начали наступательное движение на прусские. Прусской армией начальствовал герцог Брауншвейгский, старик 71 года. 10 октября при Саальфельде пруссаки потеряли сражение, в котором был убит принц Людвиг-Фердинанд; 14 октября они потерпели страшное двойное поражение при Йене и Ауэрштедте, после чего монархия Фридриха II развалилась, как карточный домик. Войско распалось на отряды, которые поодиночке доставались французам; сильные крепости сдавались без выстрела, и 27 октября Наполеон был уже в Берлине.

Мы видели побуждения, которые заставили Фридриха-Вильгельма переменить свою политику; но все же может показаться странным, как он мог так скоро решиться на борьбу с таким страшным врагом, первым полководцем века, как мог так надеяться на свое войско, на своих полководцев. Но подобные резкие переходы именно и возможны у людей с природою Фридриха-Вильгельма. Из нежелания войны он был способен натянуть свое положение до крайности; но все чрез меру натянутое разрывается, а этот разрыв, эта потеря всех средств держаться долее в прежнем положении производит стремление выйти как можно скорее из этого положения, выйти во что бы то ни стало. При таком состоянии духа обыкновенно обращаются за поддержкой к таким средствам, против которых прежде выставлялись сильные возражения: прежде в пользу мира и нейтралитета выставлялась слабость Пруссии, недостаточность ее военных средств для борьбы с Наполеоном; но, когда средства мира исчезли в сознании короля и Гаугвица с товарищами, схватились за последнее средство, которое до сих пор выставляли поборники войны, стали в нем искать нравственной поддержки для себя и для других.

И в самом деле — чего же бояться? Австрийцы разбиты Наполеоном, русские разбиты; но прусская армия, армия, созданная Фридрихом Великим, остается непобежденная и служит предметом удивления для иностранцев: в каких лестных выражениях отзывается о ней русский государь! Что прежде выслушивалось с подозрительной улыбкой, принималось за хвастовство, то теперь выслушивается с удовольствием, и верят тому, чему желают

верить. С удовольствием выслушивались песни новых немецких бардов, восклицания: «Теперь предстоит борьба за немецкую национальность, нравы и свободу; нога чужеземца никогда еще не топтала почву древних каттов, херусков и саксов!» С удовольствием выслушивались слова: «Если бы при Ульме и Аустерлице были пруссаки, то дела пошли бы иначе. У нас полководцы, которые войну разумеют, которые смолоду служили, а эти французские генералы, портные и сапожники, поднялись в революцию; они побегут перед нашими генералами!» Генерал Рюхель на параде в Потсдаме сказал королю: «Таких генералов, как г. Бонапарт, в армии вашего величества много». Можно было часть этих отзывов отнести к патриотическим преувеличениям; но оставалось то, что армия, то есть ее представители, одушевлена, имеет о себе высокое мнение, подтверждаемое и свидетельством чужих, а опыт не говорил ничего против, возражать было нельзя, да теперь и приятно стало, что возражать было нечего; нужда заставила приняться за средство непочатое, и успокоительно было слышать, что это средство надежное.

Но чем выше было мнение прусского войска, прусских генералов о самих себе, тем слабее было в них желание получить немедленно помощь, вступить в войну вместе с союзниками. Дождаться прихода союзников значило выказать свою слабость; разделив победу с сильным союзником, надобно было делить с ним и плоды победы; но мы уже видели, что в Пруссии боялись русского влияния, не сочувствовали русской политике, которая никак не могла помириться с захватом Ганновера; чего же ожидать от России, если она получит большое влияние при будущих территориальных распределениях? Притом король сохранял до последней минуты надежду, что Наполеон будет остановлен решительностью Пруссии, вступит в переговоры, сделает уступки; с Наполеоном было легко уговориться насчет разных приобретений, он это дело понимал; он говорил: «Государство, которое не увеличивается, уменьшается»; а в России этого не понимали, там все какие-то принципы, политическое равновесие. Наконец, аустерлицкий опыт показал, что действовать вместе с союзниками и опасно. Было у всех в свежей памяти, как после Аустерлица приехали в Берлин князь Петр Долгорукий и австриец Штуттергейм и спорили, складывая друг на друга вину поражения; как Штуттергейм дошел до того, что упрекал императора Александра, зачем он оказал такое доверие к начальнику штаба Вейротеру, как будто Вейротер не был дан с австрийской стороны?

Но еще и прежде Аустерлица вожди прусской патриотической партии с неудовольствием слышали о русском союзе, — конечно, в надежде, что одних херусков, каттов и саксов достаточно для сокрушения Наполеона, в сентябре 1804 года приезжал в Вену

прусский принц Людвиг, и когда Кобенцль стал ему говорить о необходимости союза между Австрией, Пруссией и Россией для борьбы с Наполеоном, то принц сказал: «Какая нужда в северном государстве? Союз Австрии и Пруссии вполне достаточно». И когда Кобенцль настаивал на необходимости участия России, принц возразил: «Этим только затянется дело». После же Аустерлица могли слышаться сильные возражения против отсрочки войны для соединения с русским войском, а в случае неудачи или продолжительности войны русская помощь была обеспечена обязательством императора Александра. Относительно австрийского союза король совершенно справедливо думал, что Австрия непременно вступит в союз с Пруссией — при успехе последней, но не прежде. С Англией сближаться не хотелось по причине Ганновера.

Таким образом, понятно, почему Пруссия поспешила вступить в войну с Наполеоном, не дожидаясь союзников. Война кончилась небывалым разгромом государства, имевшего такое важное значение в политической системе Европы, — государства, имевшего недавние блестящие военные успехи, обязанного своим важным значением победам, военному искусству своего знаменитого короля-полководца. Но военные таланты Фридриха II не были унаследованы его преемниками; государство, получившее важное значение вследствие победы и завоеваний, стало отличаться миролюбивой политикой, стремлением сохранять и приобретать не силой оружия, но ловкостью политической, умением пользоваться обстоятельствами, стало жить на счет прошедшего, жить славой, памятью прежних побед; Пруссия сохранила вид военного государства, войско стояло на первом плане, но стояло как памятник, как драгоценная археологическая редкость, тщательно сохраняемая, не допуская ничего нового, никаких изменений. Поддержка почтенного памятника старины стоила дорого, им хвалились, им грозили; но все же был только памятник, в сущности что-то мертвое, без движения, что-то оторванное от общей жизни, не входившее живым образом в организм народный.

Но естественно бывает поползновение пренебрегать существенным, когда что-либо делается напоказ, когда преобладает форма и дух ослабевает. В образцовом войске вооружение было плохое; было множество ненужных вещей, годных только для парада, и между тем у целого полка ружья никуда не годились. Генералы, офицеры были большей частью старики; из семи полных генералов младшие имели 58 и 59 лет, четверо было семидесятилетних и один — восьмидесятилетний; из генерал-лейтенантов младший имел 52 года, девять — по семидесяти и 11 — по шестидесяти лет. Но вред происходил не от преклонных лет, а оттого, что старики вместо живой, непрерывной опытности

отличались дряхлостью, отвычкой от деятельности, давно умерли для настоящего, для движения, и жили одной стариной. Военные эскерции состояли из старых штук, и, умея в совершенстве проделывать эти штуки, считали себя неподражаемыми мастерами тактики. Армия состояла только частью из природных пруссаков, другую же часть составляли по вербовке иностранцы — искатели приключений, бродяги, склонные к бегам. И такая армия стоила дорого не в одном материальном отношении, не потому только, что на нее тратилось много денег: офицеры, особенно в гарнизонных местах, господствовали неограниченно; генерал был деспот, не обращающий внимания ни на какое состояние, ни на какую образованность, ни на какой возраст, ни на какое личное значение вообще, никто не был изъят от оскорбления с его стороны

Труп, отлично сохранившийся в безвоздушном пространстве, рассыпался при выносе на свежий воздух. Но, разумеется, этого не предвидели, думая, что имеют дело вовсе не с трупом, а с чем-то живым и крепким. Тем сильнее было впечатление, произведенное неожиданным разрушением, тем больший упадок духа последовал, когда вместо ожидаемого торжества увидели небывалое позорное поражение. Губернатор Берлина граф Шуленберг издал прокламацию, в которой говорилось, что главная обязанность гражданина есть сохранение спокойствия, и, когда обнаружилось патриотическое движение, когда стали являться охотники вступить в войско, губернатор с неудовольствием отказывал. Министры, чиновники присягнули победителю. Удар оглушил, но на время только; страшное бедствие возбуждало нравственные силы и вело к благотворному, живоносному движению, к излечению больного организма. Но победитель пользовался своим временем. Успех и несчастье — два мерила нравственных сил души человеческой, и теперь это измерение чрезвычайным успехом оказалось к невыгоде Наполеона; он разнуздан и стал, как дикарь, ругаться над побежденными с забвением всякого приличия. Прусской королеве приписывалось сильное участие в патриотическом, воинственном движении, и Наполеон, победив мужчин, объявил теперь войну женщинам. В бюллетенях королева Луиза выставлялась красотою, погубившей Пруссию, как Елена погубила Троию. В Вюртемберге цензор вычеркнул из газеты, приводившей бюллетень, выходки против королевы Луизы: вюртембергское правительство отставило его от должности. Наполеон не ограничивался бюллетенями; принимая прусских сановников, он говорил им: «Ваши жены хотели войны: ну вот, теперь вы видите плоды этого». Повторяя, что королева Луиза погубила Пруссию, как Мария-Антуанетта — Францию, обратившись к турецкому посланнику, сказал: «Вы, османы, правы, что запираете женщин».

Но в то время как Наполеон вел войну против женщин, что делали мужчины? Они вели мирные переговоры с победителем. 30 октября (н. ст.) с французской стороны были предложены следующие основания мира. Пруссия соглашается на приступление Саксонии и всех государств на левом берегу Эльбы к Рейнскому союзу и на все распоряжения, которые император Наполеон сделает относительно этих государств; Пруссия уступит Франции все, чем владеет на левом берегу Эльбы, исключая провинции Магдебургскую и старую Мархию; платит сто миллионов франков военной контрибуции. Фридрих-Вильгельм, который переезжал из одного города в другой, ища безопасности, соглашался на эти основания; но когда французы заняли Познань и проникли до Вислы, когда им сдались Магдебург и Кюстрин, то Наполеон возвысил свои требования, предложил перемирие на тяжелых условиях.

По мнению Штейна и Гарденберга, этих условий принять было нельзя. «Теперь,— писал Штейн Гарденбергу,—мы должны смотреть на себя как на союзников России, на свою страну как на ее страну». «Мы должны,— отвечал Гарденберг,—смотреть на себя, как на находящихся под покровительством России, как на простых ее союзников, двигаться исключительно по ее указаниям и отвоевать с нею нашу честь и наше существование или погибнуть подле нее». В Остероде, где находился тогда король, созван был совет по вопросу — принимать или отвергнуть новые наполеоновские условия перемирия. Гаугвиц с большинством был за принятие условий; Штейн, другой министр, Фосс, генерал Кекелиц и тайный кабинет-советник Бейме — против принятия. Замечают, что оба последние подали свой голос против, зная, что король заранее решил не принимать условий. Когда это королевское решение было объявлено, Гаугвиц стал просить отставки, потому что отказ на требования Наполеона предполагал войну в тесном союзе с Россией, но при явном нерасположении русского двора к нему, Гаугвицу, он не мог оставаться министром иностранных дел. Король, хотя с горестью, должен был согласиться на удаление Гаугвица, считая это необходимым при отношениях своих к русскому императору.

Когда Петербурга достигли слухи о поражениях прусского войска, император Александр написал Фридриху-Вильгельму, возобновляя самое торжественное уверение, что он никогда не изменит известных королю расположений своих. «Будучи вдвойне связан с в. в-ством, и узами политического союза, и узами самой нежной дружбы, я не пощажу,— писал Александр,— никаких жертвований и стараний, чтоб показать всю силу моего подчинения драгоценным обязанностям, налагаемым на меня союзом и дружбою. По характеру чувств моих они могут только удвоиться, если это возможно, вследствие положения, в каком

в. в-ство находитеесь. Корпус генерала Беннигсена уже в походе; корпус Буксгевдена в числе 60 000 человек будет немедленно готов его поддерживать. Соединимся еще теснее, чем прежде; останемся верны принципам чести и славы и предоставим остальное Провидению, которое не преминет положить конец успешному тиранству, доставив торжество самому справедливому и прекрасному делу».

В разговорах с прусским посланником Гольцем Александр подробнее изложил свои взгляды на события. «Я трепещу,— говорил он,— чтоб Наполеон не сделал вашему государю предложений, которые заставят его вступить в непосредственные переговоры. Я боюсь, что Наполеон сначала будет уступчив и мягок, чтоб тем удобнее впоследствии заставить короля почувствовать всю тяжесть своей опасной дружбы. Он, конечно, не ограничится тем, что возьмет у короля несколько провинций; он постарается впутать его в свои интересы, заставить его гарантировать независимость Порты и таким образом приготовить все предлоги к будущей ссоре с Россией; и король, желающий единственно спокойствия, будет по примеру Баварии вовлечен в войны, которые заставят сердце его обливаться кровью и вконец истощат средства его государства. Нет, я не вижу возможности мира честного и удовлетворительного, и если так, то должно продолжать войну, которая при деятельной помощи России представляет возможность благоприятного исхода. Мои интересы тождественны с интересами Пруссии; моя дружба с королем, равно как моя политика и безопасность моей империи, настойчиво требует, чтоб я удержал Пруссию от падения. Устойчивость короля и моя помощь заставят Австрию высказаться в пользу Пруссии; накануне открытия войны между мной и Портой Австрии остается только это, если она не хочет быть порабощена Францией, а пример Австрии увлечет все государства, которые еще отказываются принять прямое участие в войне. На месте короля я бы вот что сделал: я бы стал избегать битвы, сосредоточил бы свое войско за Одером, удерживал бы эту позицию до последней крайности и в случае новых неудач отступил бы дальше для соединения с русскими. Бонапарт начал бы бояться за себя и не решился бы идти дальше, он уступил бы устойчивости то, чего не уступил бы силе оружия. Но я должен вам признаться, что если король заключит мир, то я буду считать все потерянным, и интересы моего собственного государства заставят меня переменить систему и взгляды. Если король заключит мир, то ничто не разубедит меня в том, что внутри его государства есть враги общего дела, благоприятели Франции, которые, быть может, охотно довели дело до разрыва с ней, будучи заранее уверены, что борьба не будет выдержана и Пруссия посредством мира будет поставлена в полную зависимость от Франции».

Последние слова прямо относились к Гаугвицу, которого теперь упрекали в том, что он был виновником поспешного разрыва с Францией. Король в следующих выражениях уведомил императора об отставке Гаугвица: «Министр, занимающий первое место в моем кабинете, не внушает в. и. в-ству доверия в той степени, в какой я питаю его к нему вследствие его талантов, долгой службы и просвещенного патриотизма. В. в-ство знает, как мне было это тяжело, ибо я был уверен, что если бы вы знали его покороче, то сочли бы его достойным своей высокой благоклонности, которой он так всегда сильно желал. Однако опасение, что его заведование иностранными делами может хотя сколько-нибудь нарушить доверие, которое теперь более чем когда-либо должно служить основанием наших отношений, заставило меня принять его просьбу об отставке. Признаюсь, я сделал это с сожалением, но в убеждении, что должен был принести жертву этим самым отношениям, жертву, которая бы снова упрочила всю правду и силу моих несокрушимых чувств». Касательно борьбы, на которую решился король, он писал Александру: «Примите, Государь, торжественное обещание, что я положу оружие против отъявленного врага европейской независимости только тогда, когда ваши интересы, с этих пор неразрывно связанные с моими, заставят вас самих этого желать. Таково мое твердое решение».

В другой раз император Александр должен был исполнять свои союзнические обязанности при самых невыгодных условиях, должен был не соединять свои силы со свежими, бодрыми силами союзника, но спешить на помощь к союзнику пораженному, потерявшему материальные и нравственные средства, брать таким образом на одно свое войско удары победоносного врага. Как нарочно, Пруссия в 1806 году сделала то же самое, что Австрия в 1805-м вдруг, не дождавшись русской помощи, выдвинула свое войско под удары Наполеона, дала ему разбить себя в одиночку, и теперь должна была бороться с ним Россия, также в одиночку, что именно и было ему нужно; так что оба раза коалиции в сущности не было, и это объясняет неудачу обеих войн. В приведенном разговоре с Гольцем Александр прямо объяснил побуждения, заставлявшие его спешить на помощь Пруссии и уговаривать ее короля не мириться с Наполеоном: Пруссию необходимо было поднять и привязать к себе, иначе она непременно становилась в руках Наполеона орудием против России относительно самых важных русских интересов, относительно Восточного и Польского вопросов. Остаться равнодушным к судьбе Пруссии значило то же самое, что во время войны дать неприятелю овладеть выгодной местностью или крепостью и обратить ее выгоды против нас; все равно что позволить наш собственный авангард обратить против нашего же войска.

Наполеон не думал, чтоб Александр после Аустерлица решил-ся поддерживать Пруссию в обстоятельствах еще менее выгодных, чем в прошлом году перед Аустерлицем, и потому сделал ошибку, предложивши Пруссии слишком тяжелые условия, поднявши этим патриотическую партию, которая представляла, что отчаиваться нечего, что в народе сильное одушевление, что при помощи России можно надеяться на успех, и король оперся на этих представлений. Наполеон увидел свою ошибку. В порыве раздражения он высказал угрозу: «Если русские будут побиты, то не будет больше короля Прусского». Если! А если нет или с ними будет не война, а резня, как уже был опыт? Кампания была кончена необыкновенно блестящим образом; войско ждало славного мира, отдыха, а тут новая война с неприятелем, отличающимся упорством, война в неблагоприятной местности, в самое неблагоприятное время года; притом Наполеону не нравилось долгое отсутствие из Франции, могшее дать большую свободу внутренним врагам. Наполеон стал толковать о своей склонности к миру; но мир должен быть общий, твердый, в одно время с Россией и Англией. От этого зависит судьба Пруссии. Фридрих-Вильгельм поколебался от страха и надежды и отправил в Петербург предложение начать мирные переговоры: есть новая важная выгода. Наполеон хочет договариваться в одно время с Россией, Англией и Пруссией, и мирные переговоры не остановят военных действий. Император Александр не отверг предложения, требуя только подробностей насчет оснований мира, а между тем военные действия уже начались. Мы видели, что двинуты были в Пруссию два корпуса под начальством Беннигсена и Буксгевдена; но для единства действия нужен был главнокомандующий, под начальство которого поступил бы и остаток прусского войска. Александр дал знать королю, что назначает главнокомандующим фельдмаршала графа Каменского. «Во всех отношениях,— писал император,— он способен к должности, которую я на него возложил: с обширными военными познаниями он соединяет большую опытность, пользуется доверием войска, народа и моим».

Каменский был старый генерал, приобретший известность в екатерининское время; при Павле он был сделан графом и фельдмаршалом не за военные подвиги, а за то, что был в опале при Екатерине за невыносимый характер и жестокое обращение с подчиненными; но и при Павле он скоро был уволен от службы, после чего десять лет жил в деревне. Слава Каменского выросла от удаления, от опалы, от отсутствия людей, выдающихся военными способностями, от затруднительного положения, в каком находилась Россия, и Каменский приобрел доверие, о котором говорил император; русская фамилия также способствовала этому доверию у войска и народа. Александр после говорил, что

назначил Каменского против своего убеждения, уступая общественному мнению. 69-летний больной старик, давно отвыкший от дела, принял на себя страшную обязанность бороться с Наполеоном. Но мы знаем, что все лучшие генералы считали лучшим средством в борьбе с Наполеоном избегание решительных битв, отступление, затягивание неприятеля; поэтому неудивительно, что, прибывши к войску в Пултуск, найдя его в неудовлетворительном положении и слыша о наступлении Наполеона, Каменский отдал приказание отступать к границам и, зная, что от него вовсе не этого ожидали в России, послал к государю просьбу об увольнении. Беннигсен не исполнил приказания Каменского, встретил и отбил французов у Пултуска (14 декабря) с большим для них уроном. Сражение под Пултуском доставило Беннигсену главное начальство над войском.

Начало 1807 года ознаменовалось страшной резней: более 50 000 мертвых и раненых покрыли снежные поля под Прейсиш-Эйлау 26 и 27 января; битва была нерешительная. Наполеон, по собственным его словам, потому только признал себя победителем, что русские после битвы первые тронулись от Эйлау к Кенигсбергу. Но впечатление битвы, где Наполеон не разбил неприятеля и где потерял почти половину войска и более десятка орлов, было страшное. Непобеда значила поражение: так Наполеон приучил Францию и Европу смотреть на свои войны. Французское войско упало духом, к чему оно так склонно при неудаче; в Париже ужас, бумаги на бирже упали; Наполеон послал приказание своим сановникам давать балы, чтоб рассеять грустное настроение общества. Действительно, положение Наполеона было крайне неприятное; новая кампания против нового врага только что начиналась, и начиналась неуспешно; одно враждебное государство было побеждено, почти все занято, а на границе новый неприятель, который дерется отчаянно; битва при Эйлау вовсе не похожа на Аустерлицкую. Но нельзя ли следствия ее сделать похожими на следствия Аустерлица? Русские не уйдут, не прекратят войны; но если Пруссия, которая теперь в гораздо худшем положении, чем была Австрия после Аустерлица, согласится на мир? Фридрих-Вильгельм жил тогда в Мемеле, чтоб быть на всякий случай как можно ближе к России; в Мемель явился к нему французский генерал Бертран с мирными предложениями от Наполеона: «Жалко стало императору французов видеть, как Россия затрудняет заключение мира и Пруссия продолжает страдать от войны; императору хотелось узнать поближе Польшу, и теперь он убедился, что эта страна не должна иметь независимого существования; император поставил себе в славу возвратить королю его владения и его права, ему желательно одному приобрести за это благодарность, без чьего бы то ни было вмешательства; с этой точки зрения легко было бы

согласиться на условия, которые дали бы королю возможность снова приобрести силы, необходимые для получения прежнего места среди государей европейских; вследствие всего этого император ожидает, что король пришлет к нему доверенное лицо для заключения мира, посредством которого он может очень скоро возвратиться в свои замки; император Наполеон не требует от короля никакого пожертвования относительно союзников и друзей, он дает ему право улаживаться с ними, как он сочтет для себя выгодным, а император сам по себе будет иметь дело с Россией и Англией, и, как скоро между Францией и Пруссией мир будет заключен, французские войска немедленно очистят прусские владения».

Смысл был ясен: мир Франции с Пруссией прекратит войну, французские войска оставят Пруссию, Россия поневоле, не имея с кем сражаться, уведет свои войска; Наполеон с торжеством возвратится во Францию, как после Аустерлица: он одним ударом сокрушил монархию Фридриха II, гордую своим войском, перед ним русские отступили после резни при Эйлау; Пруссия, счастливая тем, что могла получить мир не столь тяжкий, не скоро опомнится от поражения, не скоро задумает мешать планам иенского победителя; Австрия также, а это изолирует Россию, уничтожит возможность континентальных коалиций. Но первая часть речей, переданных Бертраном, была уже слишком наивна, била совершенно мимо, указывая прямо, что предлагающий находится в неприятном положении и потому принимать эти предложения не следует.

В совещании у короля министр иностранных дел, заменивший Гаугвица, генерал Застров признавал необходимость принять предложения Наполеона; Гарденберг говорил против, и король согласился с ним. 5 марта (н. ст.) Фридрих-Вильгельм отправил к императору Александру только что полученное письмо Наполеона, причем писал: «Язык его носит печать умеренности, но я вам предоставляю судить, должны ли мы этому верить. Он предлагает также перемирие». «После всего того, что произошло в последнее время,— отвечал Александр,— было бы верхом ослепления надеяться получить прочный и честный мир одиночным соглашением с Францией. Отдельный мир между вашим величеством и Францией будет только средством временным и мнимым, Пруссия увидит себя осужденной остаться под игом Франции. Наши средства еще довольно значительны и дают нам возможность продолжать борьбу с энергией. В то же время умоляю ваше величество подумать, что я должен сделать по обязанностям моим к собственной стране, если я должен остаться один. Гоню от себя эту мысль, и сердце мое говорит мне, что с таким союзником, как вы, подобное опасение невозможно. Если бы Бонапарт хотел искреннего соглашения с вашим величеством, то

он сообщил бы вам основания этого соглашения. Он бы обратил внимание на прочность уз, связывающих Пруссию с Россией; он бы сообразил, что ваше величество, изведав по печальному ответу его двоедушие, никогда не согласитесь отделить свои интересы от интересов союзнических; но ему ни до чего дела нет, и самая крайность его бесстыдства является для меня новой причиной причислить и эти коварные предложения к таким хитростям, которые он так любит употреблять и которые так часто служили ему с успехом для того, чтоб ослаблять усилия, против него направленные, и сеять несогласие между противниками. Бонапарт изъявлял также желание мириться с Россией и Англией, но и здесь та же неопределенность, не допускающая никакого доверия. Россия достаточно доказала, что она хочет мира не мнимого, которого выгоды исключительно были бы на стороне Франции; она хочет мира справедливого и прочного; то же должно предполагать и со стороны Англии. Так пусть Бонапарт объяснится точно и прямо об условиях, на которых он хочет мириться с Пруссией, Россией и Англией, и он увидит готовность этих государств уступить все, что совместно с их интересами и достоинством».

2 апреля (н. ст.) приехал в Мемель император Александр. К нему приступили со всех сторон с политическими и военными планами. Гарденберг, которого император хотел непременно сделать министром иностранных дел вместо Застрова, и достиг наконец своей цели,— Гарденберг предлагал употребить все усилия, чтоб поднять Австрию против Наполеона и побудить Англию помогать решительнее; император Александр, разумеется, был с этим совершенно согласен, но ни Австрия, ни Англия не двигались. Гарденберг предполагал, что Пруссия не в состоянии сопротивляться малейшему удару со стороны Франции, если не сделать ее сильнее увеличением территории, лучшим округлением и лучшими границами: Наполеон, чтоб отвлечь Саксонию от Пруссии, сделал саксонского курфюрста королем; по мнению Гарденберга, хорошо было бы этого нового короля перевести в Польшу, а Пруссию за потерю польских областей вознаградить Саксонией.

И это было принято во внимание, но нельзя было делить шкуру, не убивши медведя. Чтоб убить медведя, предлагались разные планы, но ни одного из них нельзя было принять. Находясь в крайнем затруднении, не находя ни между своими, ни между чужими людьми, которых можно было бы выставить против Наполеона, император Александр пришел к мысли заняться самому изучением военного искусства— сначала теоретически, для чего принял в свою службу из прусской генерала Фуля, имевшего известность отличного теоретика, хотя и сомневались в его способности прилагать к делу свои познания. Любопытный

проект военно-политического свойства был представлен князем Радзивиллом: никто не сомневался в намерении Наполеона употребить Польшу орудием для достижения своих целей в Восточной Европе, то есть для подчинения и ее своему влиянию, как подчинялась ему Западная Европа; отсюда у людей, борющихся с Наполеоном, естественно, должна была явиться мысль идти тем же ходом, употреблять Польшу орудием против Наполеона; но Польшу можно было поднять против кого бы то ни было только обещанием ее восстановления. О чем до сих пор только тайком толковалось в петербургских дворцах между императором Александром и другом его юности, князем Чарторыйским, о том теперь явно рассуждалось в совещаниях между государями и их министрами. Мы видели, что Гарденберг предлагал восстановление Польши с чисто прусской точки зрения: отдать Польшу саксонскому королю, а Саксонию присоединить к Пруссии; но это могло случиться, разумеется, только при сведении счетов после поражения Наполеона. Радзивилл предлагал другое: поляки поднимаются по внушению Наполеона, который манит их независимостью; надобно возбудить между ними восстание противоположное, против Наполеона, обещая им независимость со стороны Пруссии и России. Король Прусский должен был принять титул короля Великой Польши, император Русский — титул короля Литовского, великого герцога Подольского и Волынского; оба государя должны устроить польские легионы и тем отвлечь поляков от Франции; князь Радзивилл хотел сам стать в челе прусско-польских легионов. Король был согласен на проект Радзивилла, который собирался в мае месяце ехать в Вену через Галицию, чтоб по дороге переговорить с разными поляками.

Но что же главнокомандующий Беннигсен — какие были его планы? Он о них молчал, и напрасно император Александр предлагал ему произнести свое суждение о чужих планах или начертать свой. Беннигсен упорно молчал; молчал и человек, пользовавшийся полной его доверенностью, — генерал-квартирмейстер Штейнгейль; и вот образуется мнение: генерал Беннигсен — человек лично храбрый и хладнокровный на поле сражения, но у него нет способностей главнокомандующего; ему чужды великие стратегические замыслы, притом же он человек болезненный. Решение насчет справедливости этого приговора мы предоставляем специалистам, военным историкам. Мы сообщим только результат своих наблюдений. Мы видим, что лучшие генералы в борьбе с Наполеоном имеют один план: они советуют прежде всего не начинать с ним войны; когда же война начата, стараются уклониться от решительных битв, отступают; принужденные принять сражение, даже когда им удавалось сделать исход его нерешительным, они опять отступали, поставляя главным средством

успеха завлечь гениального полководца в положение для него новое, крайне затруднительное, воспользоваться особенными условиями места и времени года, наконец, задавить многочисленностью.

План — тяжкий для личного и народного самолюбия, но тем более мы должны поставить его в заслугу людям, которые им руководствовались. Мы видели поведение эрцгерцога Карла, поведение нашего Кутузова, его нежелание принять Аустерлицкое сражение. На него пало обвинение, зачем он не настойчиво высказал это нежелание, зачем не отступил в Венгрию и т. д. Генерал, которому суждено было иметь главное начальство над русскими войсками во второй борьбе с Наполеоном, хорошо воспользовался опытом прошлого: он избегает наступательных движений; принявши поневоле сражение, выдержавши резню, он отступает, он протягивает время, затягивает неприятеля; Наполеону теперь еще желательнее, чем в 1805 году в Моравии, сразиться с неприятелем, победить его, кончить войну и с торжеством возвратиться во Францию, которую нельзя оставлять на такое долгое время; Беннигсен твердо стоит на том, чтоб не исполнять желание врага, не давать ему битвы. План его ясен, зачем же Беннигсен молчит? Высказаться трудно; он в таком же положении, в каком был Кутузов в Моравии.

Нет ничего затруднительнее, как вести войну в земле союзника, для поддержания, спасения которого война и ведется. Народ потерпел страшное поражение, земля его занята неприятелем самым бесцеремонным образом в отношении к побежденным; но остается надежда избавления: идет союзное войско! Чем сильнее страдания, тем сильнее желание избавиться от этих страданий как можно скорее; все сгорают от нетерпения, чтоб союзное войско поспешнее сразилось с неприятелем, побило его, выгнало из страны; в этой болезненной нетерпеливости избавиться от бедствий никто не рассуждает, что борьба идет с первым полководцем века, что первая обязанность его противника быть Фабием в отношении к новому Аннибалу. Медленность в движениях, избегание решительных битв, продолжая бедствия войны, страдания народа, вызывают вопли негодования, проклятия против медленного полководца. Больной в страшных спазмах кричит, чтоб лекарь как можно скорее дал ему чего-нибудь, что бы сейчас же облегчило его страдания, а лекарь говорит, что таких средств нет, что надобно потерпеть, припадок пройдет сам собой, надобно действовать медленно и радикально против причины болезни; естественно, против лекаря раздаются проклятия со стороны больного и людей, к нему близких: что это за лекарь? Нет у него средств прекратить немедленно страдания! Такие же вопли раздавались против Беннигсена от болезненно нетерпеливых пруссаков. А тут еще новые причины к неудовольствиям.

Продовольственная часть в русском войске далеко не отличалась правильностью и бескорыстием людей, ею заведовавших; разделения занятий не было; все зависело от главнокомандующего, который был обременен несвойственными ему занятиями. Если голодные солдаты воспользуются случаем утолить свой голод на счет местных жителей, то отсюда новые вопли: «Союзники вместо помощи разоряют землю! Москвитяне думают об одном, как бы опустошить страну и защитить себя этой пустыней. Если Австрия и Англия нам не помогут, надобно хлопотать о мире. Русские не избавят нас от ига; предположим, что вместо Беннигсена будет другой полководец, который будет после своих побед ходить вперед, а не назад, то мы все же получим от него не страну, а пустыню».

Относительно беспорядков по части продовольственной обвиняли самого главнокомандующего, по крайней мере его жену, будто бы бравшую богатые подарки; мы не имеем теперь средств ни принять, ни отвергнуть этого обвинения; но легко понять, как подобное мнение вредило Беннигсену, тем более что личные средства защиты были у него слабы: он не мог быть популярен в войске, ибо не только носил иностранную фамилию, что несколько не мешало бы ему быть истым русским и популярным между русскими, но он не владел русским языком, не мог говорить с солдатом. Говорят, что сознание этого бессилия своего, невозможности приобретения популярности заставляло Беннигсена быть слабым относительно нарушения дисциплины, что имело чрезвычайно вредные следствия и не могло ни в ком поднять уважения к главнокомандующему; тем менее в недавних товарищах его, генералах, которые простили бы внезапное возвышение победителю-полководцу, блистательно ведшему кампанию, но не хотели оказывать должного уважения человеку, отступавшему или державшему войско в бездействии, скрытному и — к довершению всего — нерусскому. Вражда генералов к Беннигсену достигла такой степени, что государь принужден был отправить к войску Новосильцева для потушения этих распрей; но этот самый приезд Новосильцева для того, чего Беннигсен сам не мог сделать, не мог поднять значения последнего. Наконец, на Беннигсене лежало пятно участия в мрачном событии, предшествовавшем воцарению императора Александра. Жозеф де Местр писал по этому случаю: «Внутренний голос говорит мне, что спаситель Европы не должен называться Беннигсеном».

Благодаря всему этому император Александр по приезде своем в Пруссию находился в самом затруднительном, печальном положении. Он вел войну для избавления союзного государства; но союзники не отходили от него с жалобами, что обещанного избавления нет, что война не ведется, что после битвы при Эйлау, произведшей такое сильное впечатление, русская армия

почти четыре месяца стоит в бездействии: как смел Беннигсен вызвать императора к армии, чтоб сделать его свидетелем такого позора? Государь обращается к главнокомандующему: какой его план, когда же наконец и куда он двинется? Главнокомандующий молчит, не решается сказать государю, требующему движения вперед, что его план состоит в совершенно противном, что он не считает возможным действовать наступательно против Наполеона, а хочет выжидать, отступать, затягивать. Отсюда отношения, которые не могли повести ни к чему хорошему. Император Александр был подозрителен, не любил людей хитрых, скрытных и сейчас же заподозрил Беннигсена в этих качествах, следовательно, оттолкнулся от него; за подозрением в хитрости, естественно, следовало подозрение в неспособности, которую хотелось скрыть отнекиваниями и отмалчиваниями, и, конечно, не было недостатка в людях, которые утверждали государя в этом мнении; досада была тем сильнее, что надобно было признаться в своей ошибке: император прежде имел высокое мнение о способностях Беннигсена. Но этого было мало. Беннигсен отговаривался от движения, указывая на недостаточность продовольствия; но вокруг государя говорили, что Беннигсен сам виноват в этом. Государь взял у него продовольственную часть и поручил старику Попову, известному своею деятельностью при Потемкине. Это, разумеется, оскорбило Беннигсена; оскорбляло его и то, что государь и по чисто военным делам больше обращался к другим, чем к нему. Беннигсен жаловался, что к нему нет доверия, что ему связывают руки, и прямо объявлял, что будет просить увольнения по причине болезни — болезни действительно тяжелой.

Наконец, к довершению затруднений между русскими и людьми, близкими к государю, приехавшими вместе с ним в Пруссию, образовалась сильная партия, требовавшая мира, с двумя оттенками: одни говорили, что нельзя из-за чужого — прусского — интереса приносить такие жертвы людьми и деньгами; другие признавали, что война начата в общих европейских, а следовательно, и русских интересах, но теперь нет средств продолжать ее. Главами этой партии были так называемые «неразлучные» (*inséparables*): Чарторыйский, Новосильцев и Строганов. За войну сильнее всех стоял министр иностранных дел Будберг. Партия мира усилилась с приездом в главную квартиру по дороге в Вену князя Александра Бор. Куракина, пользовавшегося особенной доверенностью императрицы Марии Федоровны. И желавшие продолжения войны, и желавшие мира, и Будберг и Чарторыйский с Новосильцевым, обратились к Куракину с просьбой убедить государя возвратиться в Петербург или по крайней мере утвердить свое пребывание в каком-нибудь близком к границам русском городе. Но убеждения были напрасны: кроме живой природы, не допускавшей императора быть зрителем издалека

важнейших для него событий, кроме неудовлетворительного хода этих событий, чему государь считал своею обязанностью помогать непосредственно, у императора Александра была еще цель, которую он высказал Куракину: наблюдать за пруссаками.

Потом Чарторыйский и Новосильцев открыли Куракину свои взгляды насчет войны и мира: по их мнению, благоприятная минута для начатия переговоров с Наполеоном была пропущена: это после битвы при Эйлау, когда он не получил еще подкреплений, нуждался в продовольствии и был ошеломлен стойкостью русского войска; они, Чарторыйский и Новосильцев, представляли тогда об этом императору на словах и на бумаге, но их представления не имели успеха; они сильно желают мира и не ждут ничего хорошего от продолжения войны; они жалеют, что у России такая тесная связь с Пруссией, и боятся, что ответ, ожидаемый из Вены, будет уклончивый, ибо там увидят, что мы находимся под прусским влиянием и наши требования менее служат к удовлетворению наших интересов, чем прусских; если бы мы ценой всех наших пожертвований достигли восстановления Пруссии во всей целости, то никогда мы не можем положиться на продолжительную преданность Пруссии: как только мир будет заключен, она опять по слабости и привычке подпадет под власть Франции. Чарторыйский и Новосильцев обратились даже к Гарденбергу с представлениями о необходимости мирных переговоров с Наполеоном. Положение Гарденберга было крайне неприятное, потому что император Александр прямо запретил ему говорить о политике с Новосильцевым, а только с одним Будбергом. Между последним и Чарторыйским была вражда: кроме разности во взглядах Чарторыйский питал естественное нерасположение к человеку, его заместившему в заведовании иностранными делами, и Будбергу было неприятно, что экс-министр все еще пользуется большим значением. Чарторыйский и Будберг взаимно унижали друг друга перед Гарденбергом; Будберг твердил, что император ни слова не говорит о политике ни с Новосильцевым, ни с Чарторыйским, и прибавлял, что у последнего одно в голове — восстановление Польши.

Во второй половине мая начались значительные военные действия, в которых русские имели явный успех; но в отзывах императора Александра выражалось раздражение против главнокомандующего, мнение, что трудно ожидать от него чего-нибудь важного. Император объявил, что посмотрит, как будет действовать Беннигсен, и если опять остановится, то будет сменен генералом Эссенем 1-м, а между тем Куракин писал императрице Марии: «Не перестаю повторять, что, не теряя времени, надобно подумать о мерах, по обстоятельствам необходимых для наших истинных интересов. Здесь одно желание у всех — желание мира. Новосильцев и Чарторыйский продолжают утверждать, что, чем

долее будут отлагать, тем менее мир будет выгоден, и я думаю согласно с ними. Пруссия продолжает войну, потому что мы этого хотим и потому что она нас боится. Пруссаки, министры и генералы, дипломаты и военные, единодушно желают мира и кричат, что война опустошает их страну без всякой цели». Сказавши о последних блестящих действиях русских войск, Куракин продолжает: «...по умеренному счету мы уже потеряли до 30 000 людей, не приобретя никаких важных выгод, и если бы даже мы одержали более решительную победу, то недостаток в продовольствии и трудность его приобрести помешает нам преследовать неприятеля и двигаться далеко вперед. Что я говорю — повторяется всеми. Повторяется военными, самыми опытными в своем деле. Как же не желать окончания такой упорной и кровопролитной войны, которая может увеличить затруднения и жертвы всякого рода и вести только к потерям и бедствиям?»

Неожиданный приезд великого князя Константина Павловича еще более усилил это мирное настроение. Между великим князем и Чарторыйским, с одной стороны, и Будбергом — с другой, был сильный спор: Будберг горячо доказывал необходимость и возможность продолжения войны; говорил, что наша армия еще не разбита, что у нас есть еще большая армия в резерве, что мы можем положиться на верность наших польских провинций и вообще император может рассчитывать на свой народ. Чарторыйский возражал, что Будберг сильно ошибается насчет наших польских подданных, что они поднимутся против России, как только Бонапарт перейдет наши границы; а великий князь прибавил, что нет никакой большой армии в резерве, а только 35 000 человек, что у нас нет ни оружия, ни припасов, ни денег, а что касается народа, то он заменит храбростью и преданностью государям, но что он должен быть защищаем правильными военными силами, а сам не может сопротивляться победоносной армии, когда та нападет на него.

Между тем Чарторыйский и Новосильцев опять обратились к Гарденбергу, чтоб он склонил императора и короля к открытию мирных переговоров с Наполеоном. Гарденберг отвечал, что каждый день ожидаются известия от лондонского и венского дворов, и когда эти известия отнимут всякую надежду на поддержку, тогда только можно будет приступить к мирным переговорам. Гарденберг все ждал, что Австрия объявит себя против Франции. По его словам, у него всегда был в голове план немецкого союза, главами которого с равным вполне интересом были бы Австрия и Пруссия, одинаково сильные, чтоб поддерживать свою независимость и свои права против России и Франции; теперь для оправдания своего плана он ссылается и на то, что в русских отношениях большой беспорядок. В начале осени 1806 года, когда Пруссии грозил разрыв с Францией, берлинский

двор высказал венскому желание, чтоб австрийские войска были сосредоточены в Богемии и в нужном случае без потери времени соединились с прусским и саксонским войсками, ибо Австрия и Пруссия фактически находятся в тесном соединении, и падение одной влечет за собою неминуемо и падение другой.

В Вене, разумеется, естественно рождался вопрос, почему берлинский двор не находил такой тесной связи между обоими государствами, когда недавно Пруссии для поддержания Австрии следовало сделать именно то, чего она теперь желает от Австрии. По мнению Стадиона, только страх заставляет Пруссию сближаться с Австрией; чтоб не нести одной всей тяжести войны и разделить опасность или совершенно отклонить ее от себя, она желает загородиться Саксонией и Австрией. Решили: признать принцип взаимного охранения, но этим и ограничиться, наблюдать осторожность в выражениях, чтоб в них не заключалось ничего более, кроме надежды, чтоб не было ничего похожего на обещание; а император Франц наказывал Стадиону, чтоб содержание депеш, отсылаемых в Берлин, сделать в еще более общих выражениях и менее обязательным. Но в Вене хотели воспользоваться удобным случаем, чтоб начать вооружения, не возбуждая против себя гнев Наполеона: когда он спросит, зачем идут вооружения, отвечать, что хотят составить наблюдательный корпус против Пруссии.

Наполеон, по обычаю, не хотел драться с двумя врагами вдруг и, по обычаю, закидал пестрыми речами графа Меттергейма, австрийского посланника в Париже. «Я не хочу,—говорил он,—быть германским императором, я хочу только некоторые земли теснее соединить с Францией, что делали и прежде французские короли и без чего Австрия и Пруссия прикарманили бы себе Германию. Я не хочу от вас ничего более, мы теперь будем жить мирно. Я знаю вашу армию: она так же хороша, как и моя, только деморализована. Мой солдат идет на битву с уверенностью в победе, а у вас наоборот; вы можете бить пруссаков, русских и турок, но никогда французов. Поверьте мне, все требует времени, и вы нуждаетесь в покое. Новая коалиция подвергла бы Австрию большим опасностям; две первые имели религиозную цель: то была борьба религии против неверия, монархии против республики. Генуя не была причиною войны; зачем вы ничего не требовали? Хотите знать основания прусских вооружений? Люккезини распространил слух, что я при переговорах с Россией поставил условием восстановление Польши под властью Константина, а герцог Клевский (Мюрат) должен приобрести Вестфалию. И вот прусский король бросает миллионы за окно, а я над этим смеюсь. Константин посадить на польский престол! Мысль об европеизме и здравая политика должны это отвергнуть. К чему тут русские? У меня 200 000 солдат в Герма-

нии; Пруссии надобно четыре месяца для окончания своих вооружений: я буду скорее в Берлине. Что прусская армия хочет драться—понятно, потому что она со мною еще не мирилась. Я хочу мира. Когда хотят создать флот, то нельзя драться на суше; тратить 250 миллионов ежегодно на корабли, да еще держать 500 000 войска—дело неподходящее. А если бы Англии не было! Господь Бог нашел Францию уже очень красивой и потому посадил ей шишку: эта шишка—Англия!» Талейран предлагал Меттерниху союз между Австрией и Францией, предлагал забыть недавнее прошедшее и помнить, что лучшее время для Франции и Австрии было то, когда они были соединены теснейшим союзом.

Но в Вене не хотели союза, то есть полного порабощения; Стадион твердил, что надобно пользоваться обстоятельствами и как можно скорее вооружаться. «Каждый час дорог,—писал он,—и малейшее промедление в такое важное время может потом повести к гибели монархии». Относительно России в Вене было решено поступить точно так же, как и относительно Пруссии; Стадион предписывал австрийскому посланнику в Петербурге говорить так, чтоб не отнимать у России надежду иметь Австрию впоследствии своею союзницей, но быть при этом крайне осторожным, чтоб не высказать чего-нибудь такого, что могло бы быть сочтено за обещание или обязательство.

Хотя в Вене не ожидали и не желали блестящих успехов Пруссии в войне, но весть о совершенном погроме Пруссии после Иены и Ауерштедта страшно перепугала. «Такой же разгром грозит теперь всей Европе»,—писал Стадион. Не знали, что делать; император Франц спрашивал у всех мнения. Разумеется, нашлись люди, которые советовали сделать то, что в старину делали жители деревень при первом крике нападающих разбойников,—лечь ничком и не шевелиться, пока разбойники будут всем распоряжаться; нашлись люди, которые советовали принять совершенно пассивную политику и прекратить вооружения. Последнего не исполнили—в Богемии ввели войско, несмотря на запросы с французской стороны, задаваемые вместе с требованиями союза. Так как война затягивалась вследствие участия в ней России, то Наполеону нужно было не только удержать Австрию в нейтралитете, но и вступить с ней в союз, чтоб отнять у коалиции всякую надежду иметь ее когда-либо на своей стороне. Французский посланник в Вене Ларошфуко не требовал от Стадиона, чтобы Австрия соединила свои войска с французскими, а только чтобы был заключен договор, где бы стояло слово «союз», за это Австрия получит что-нибудь, а в случае отказа придется ей нехорошо: союз будет заключен между Францией и Россией.

Угроза эта для Австрии соединялась с двумя вопросами—Польским и Восточным. В Париже толковали о восстановлении

Польшу и называли будущим королем ее Иеронима, брата Наполеона. Меттерних писал, что сообщаются статистические сведения по вопросу, будет ли Австрия достаточно вознаграждена Силезией за уступку Галиции. Император Франц боялся восстания поляков в Галиции; боялся, что Наполеон убедит императора Александра сделать противоположное тому, на что Фридрих II уговорил Екатерину, — отказаться от Польши и получить за это богатое вознаграждение на счет Турции; Франц не верил также и выходке Наполеона насчет занятия польского престола русским великим князем; боялся, что Наполеон согласится на это, чтобы только Россия не помогала Пруссии. «Вообще я боюсь, — писал Франц, — что Франция и Россия наконец согласятся поделить между собой Европу, что всего опаснее для нас». Разрыв между Россией и Турцией, по интригам Франции, страшно беспокоил венских государственных людей; боялись успехов России в Турции, боялись, что Наполеон на помощь султану пошлет свои войска чрез австрийские владения. «Пламя войны, зажженное на Востоке, произведет пожар в целой Европе», — писал Стадион. И с русской стороны не скрывали, что готовы на всякие соглашения для изгнания турок из Европы; что если Россия приобретет Молдавию и Валахию, то Австрия может приобрести Сербию, Боснию и турецкую Кроацию.

В Вене чувствовали себя очень неловко, и господствующее мнение было, что Россия покинет Пруссию и воспользуется случаем, чтобы удовлетворительно для себя решить Восточный вопрос, — как вдруг получается известие, что из Петербурга отправлено особое лицо для переговоров с австрийским правительством, — лицо, хорошо известное в Вене: то был Поццо-ди-Борго, корсиканец, один из глав национальной партии на острове, ведшей ожесточенную борьбу с французами и их приверженцами, к которым принадлежали Бонапарты. При торжестве национальной партии Бонапарты были изгнаны, но когда французы овладели островом, то пришла очередь Поццо покинуть отечество; он приютился сначала в Англии, потом в 1804 году вступил в русскую службу, удержав из своего прошлого заклятую ненависть к Бонапартам. Легко было догадаться, с какими предложениями мог явиться полковник русской службы Поццо-ди-Борго в конце 1806 года. Он передал императору Францу письмо от императора Александра: «Как бы ни была велика уверенность русского государя в своих собственных средствах для поддержания своих прав, не может он, однако, при настоящих обстоятельствах надеяться один спасти Европу от удручающих ее зол. У государя Австрийского в распоряжении значительные силы и выгодное положение: судьба мира будет зависеть большей частью от его решения. Война, которую французы ведут в Польше, направлена одинаково и против безопасности австрийских владений. Какой государь

более императора Австрийского испытал лживость французских обещаний? Если он теперь решится вступить в войну, то император Всероссийский не положит оружия до тех пор, пока не достигнет всего того, что необходимо для будущей безопасности обоих государств». Хорошо знали, что главным противником войны против Наполеона будет эрцгерцог Карл, и он получил лестное письмо от русского императора: «Одним из самых действительных средств к победе император считает содействие и великие таланты эрцгерцога, который в предстоящей борьбе, конечно, увидит случай приобрести славу, подобную которой не знает история».

Начались переговоры с Поццо; английский посланник, при них присутствовавший, спешил устранить главное препятствие соглашению между Россией и Австрией, поручившись, что Россия, пока находится в союзе с Англией, не приобретет ничего из турецких областей. Несмотря на то, переговоры не повели ни к чему; и письмо к эрцгерцогу Карлу не помогло: по-прежнему высказался он сильно за мирную политику, и решили соблюдать нейтралитет, но ни у Франции, ни у России не отнимать надежды на будущее. «Австрия, — объявил Стадион Поццо, — основывает свою систему не на общих положениях относительно критического состояния Европы, но на точном и хладнокровном расчете своих собственных отношений. Россия сама затруднила решение Австрии в пользу коалиции своим поведением относительно Каттаро и военным движением против Порты; Австрия не может принять предложения императора Александра, не ставя на карту существования монархии».

Отделались и от французского союза. Наполеон предоставил Австрии на выбор — удержать за собою Галицию или променять ее на Силезию. Таким образом, Силезия была употреблена такой же приманкой для Австрии, как Ганновер для Пруссии. Но в Австрии не пошли на удочку; Стадион отвечал, что императору не угодно меняться владениями и что Силезия, как страна, еще не завоеванная французами и не уступленная им никаким трактатом, не может быть предметом переговоров.

Но, отделавшись от союза с обеими сторонами, не хотели оставаться в страдательном положении, хотели приобрести даром важное значение посредников, примирителей; принять это значение побуждала и боязнь: а что, если воюющие стороны помирятся и Австрия останется предметом неприязни для обеих? В главную французскую квартиру отправился из Вены генерал Винцент, который в самом конце 1806 года нашел Наполеона в Варшаве и был закидан, по обычаю, пестрыми речами: «Зачем Австрия вооружается? Насчет Польши могут быть покойны в Вене: желания польских ветрогонов исполнены не будут с французской стороны. С Россией надобно покончить и обеспечить

независимость Порты, чему Австрия может содействовать, не впутываясь в войну. Что касается Пруссии, то судьба хотела, чтоб император французов уничтожил против своего желания истинную союзницу турок и свою собственную союзницу против России и Австрии. С Австрией он не прочь от союза, и рано или поздно союз будет». Когда Винцент упомянул о посредничестве, то Наполеон отвечал: «Я этого не требую, но и не отвергаю; с Пруссией я уже начал сношения; с Россией я веду войну только из-за Порты; если в России захотят отстать от восточных планов, то я ничего больше не потребую; затем будет следовать мир с Англией, которая также не может смотреть равнодушно на занятие Молдавии русскими». Тут Винцент, не понявши, что Наполеон никак не хочет допустить, чтобы кто-нибудь взял что-нибудь у турок, проговорился очень некстати, что Австрии желательно иметь свою долю в добыче. «Австрийский интерес требует,— сказал он,— не позволять России овладеть Белградом и Оршовою, и если бы Австрия была обеспечена с французской стороны, то заняла бы эти места». Наполеон притворился, что не понял смысла слов Винцента, повернул этот смысл так, что Австрия хочет занять названные города только временно, для турок, и отвечал: «Я ничего против этого не имею, если Австрия согласится наперед с Портой; но во всяком случае австрийцы должны явиться в пределы Порты переодетые турками или сербами. Придет время, когда я, которого представляют злейшим врагом Австрии, явлюсь перед Веной с 100 000 войска, чтоб защищать Австрию против русских».

Увидавши, какое чувствительное место составляет для Австрии Восточный вопрос, с французской стороны тотчас воспользовались им как ловушкой. Талейран предложил Винценту уладиться насчет восточных дел, и из этого соглашения разовьется союз, основанный на взаимных интересах; только Франция и Австрия могут иметь решительный голос относительно судьбы Порты; Австрия союзом своим с Францией может принудить Россию к миру. Но в Вене упорно отвергали союз, настаивая по-прежнему на посредничестве, тем более что из Петербурга приходили успокоительные известия насчет Турции: Россия соглашалась заключить мир с Портой без всяких приобретений; в Петербурге принимали и мысль Стадиона о всеобщем конгрессе. Россия предлагала не трогать турецких владений; но Наполеон из слов Винцента догадался о желаниях Австрии и предложил заключить договор, тайный или явный — все равно, в котором бы постановлено было делить Турцию или оставить ее в целости. Но и эта приманка не помогла. Стадион говорил императору Францу, что вступить в союз с Францией при настоящих обстоятельствах, отделиться от остальной Европы, вступив в дружбу с Наполеоном, и способствовать к собственному вреду укреплению пере-

мен, произведенных с Пресбургского мира в Италии и Германии, принять участие в войне и биться против собственных интересов было бы в его глазах величайшим несчастьем.

В Вене постоянно ставился вопрос: кто опаснее для Австрии: Наполеон или Россия? На этот вопрос Стадион отвечал: «Настоящие отношения Франции к Австрии сокрушают наши государственные силы, отнимают независимость у нашей политики, высасывают все средства администрации; уже и теперь это настоящее порабощение; что же будет, когда военным счастьем такие отношения утвердятся навсегда? Ничего подобного нет в отношениях к России, импонирующей извне своею массой, перед которою мы никогда не будем в равенстве. При военном счастье, по географическому положению России, ее влияние на Западную Европу никогда не может превратиться в господство, каким пользуется теперь Франция, и Россия всегда будет принуждена делить влияние с нами. Наша настоящая слабость перед Россией происходит большею частью от гнета, уничтожающего все наши государственные силы, и как скоро мы избавимся от политического ига Франции, то это даст нам в будущем силы выставить надлежащее сопротивление и русскому преобладанию. Нельзя отрицать, что внешние обстоятельства с последнего ноября чрезвычайно выгодны для Австрии. Все, чего мы желали, случилось. Две великие силы Европы борются друг с другом и взаимно себя ослабляют. Война удалилась от наших пределов, у нас пятью месяцами более времени для восстановления своих сил. Если мы теперь этим не воспользуемся, то мы пропадем, и по своей вине пропадем».

Как в недавние времена при Кобенцеле, воинственному министру иностранных дел возражал миролюбивый полководец, тот же эрцгерцог Карл. «Войска собраны,— писал он,— но находятся далеко не в удовлетворительном состоянии, много недостает, все еще молодо, в зародыше. Новая выставка военных австрийских сил без оглашения с Наполеоном есть объявление войны. Наполеона обмануть нельзя». Голос полководца пересилил голос министра. Стадиону оставалось одно посредничество, и 1 апреля (н. ст.) Австрия предложила его обоим воюющим сторонам. Наполеон принял предложение с условием шестимесячного перемирия и чтобы прежде всего было упомянуто о целостности Порты. Для каждого было ясно, что Наполеону нужно было побывать во Франции и приготовить громадные средства для борьбы, чтобы решить ее поскорее в свою пользу, и для этого он требовал шестимесячного перемирия. Будберг отвечал, что Россия согласна на австрийское предложение, если венский двор представит с французской стороны основания для мира, могущие успокоить насчет успешного окончания переговоров. В том же смысле был и прусский ответ. Надежда на блестящую роль примирительницы

исчезла для Австрии, а между тем приходили страшные вести, что воюющие стороны хотят заключить мир и без нее. В Вене засуетились, начались толки, переговоры о приступлении к коалиции; решили отправить Штуттергейма в русскую главную квартиру, чтоб поддержать сторонников войны, отклонить отдельный мир; а между тем громко раздавался голос австрийской Кассандры, эрцгерцога Карла: «Как только вы вступите в войну с Францией, армия непременно потерпит поражение и государство будет разрушено!» В Вене продолжали суетиться, Штуттергейм не уезжал...

Австрия была неисправима в своем отстаивании — ее нельзя было дожидаться; Англия, в которой прежде так смеялись над отстаиванием Австрии, последовала ее примеру. Знаменитых соперников — Питта и Фокса — более не было, и шла борьба между их партиями, которая мешала заняться как должно европейскими делами. Коалиция не существовала, император Александр один на развалинах Пруссии должен был вести борьбу с Наполеоном, осаждаемый людьми самыми близкими, которым он привык доверять, и эти люди твердили о необходимости мира, о невозможности продолжать войну; главнокомандующий был того же мнения — если двигался, то двигался поневоле; военные действия возобновились, и с успехом; но после успехов Беннигсен по-прежнему отступает, что раздражает и приводит в отчаяние пруссаков, которые приступают с жалобами к императору. То же самое роковое положение, какое было и перед Аустерлицем! Когда пришла весть, что Беннигсен отступил после удачного для него сражения под Гейльсбергом, Гарденберг приступает к императору с представлениями, что в армии у него интриги в пользу мира, что брат его, цесаревич, во главе мирной партии. Александр с жаром отвечает, что относительно великого князя все неправда и что все старания помешать достижению цели поведут только к противоположному. В армию отправлен был Попов с полномочием отнять у Беннигсена главное начальство и передать его генералу Эссену, если Беннигсен не двинется вперед. Наконец 2 июня Александр был выведен из невыносимого положения, хотя лекарство было так же тяжело, как и болезнь: 2 июня больной Беннигсен потерпел поражение под Фридландом.

Нет сомнения, что император Александр имел в виду мир в случае неблагоприятного исхода решительной битвы и потому немедленно согласился на представление Беннигсена о необходимости перемирия вследствие печального состояния армии, немедленно согласился и на предложение Наполеона — начать тотчас же переговоры о мире. Война должна была продолжаться только в том случае, если бы Наполеон потребовал тяжелых условий для России и слишком тяжелых для Пруссии. Война, разумеется, могла продолжаться не иначе, как она велась после, в 1812 году:

русские войска должны были перейти свои границы, отступить внутри страны, не давая битв и завлекая неприятеля все далее и далее. Конечно, естественно прийти к мысли, что дело должно было увенчаться успехом, как увенчалось им после, и, следовательно, Европа выиграла бы шесть лет. Но историк не может рассуждать таким образом. Каждое дело постепенно развивается, зреет и достигает полного развития зрелости тогда только, когда соединяются все благоприятные для того условия.

В 1807 году война велась, во-первых, из-за Пруссии, чтоб не дать этому государству исчезнуть с карты Европы и не сблизить русские границы с границами Наполеоновской империи; во-вторых, вследствие поднятия самых важных для России вопросов — Польского и Восточного: нельзя было позволить Наполеону распорядиться Польшей и хозяйничать в Константинополе. Переселение войны в русские пределы не имело смысла относительно Пруссии, ибо тогда она подпадала окончательно владычеству Наполеона, и Фридрих-Вильгельм должен был бы переехать в Россию; точно так же должно было бы оставить на произвол Наполеона и Польшу; что же касается Турции, то возможно ли было вести войну на Дунае, имея неприятеля во внутренних русских областях? Наконец, вспомним, что около Александра была сильна партия мира, которая твердила, что нельзя вести такую кровопролитную и разорительную войну из-за чужих государств, что же было бы, если б оставалась та же видимая причина войны и война эта переносилась в русские пределы?

Таким образом, перенесение войны внутрь России в 1807 году было немислимо, исключая один случай: если бы Наполеон предложил тяжелые мирные условия. Но понятно, что Наполеон никогда не мог позволить себе предложить подобные условия Александру и затянуть войну в бесконечность переводом ее на русскую почву. Наполеон с восторгом схватился за русское предложение перемирия и потребовал немедленных мирных переговоров. Ему представился теперь желанный случай не только заключить мир, но и союз с Россией. До сих пор при всяком своем захвате, насилии он встречал протест со стороны России, которая служила опорой для всякого, кто был обижен и хотел защищаться от Наполеона; Россия подразумевалась во главе всякой коалиции против Наполеона, всякого сопротивления ему; привлечь Россию на свою сторону значило для Наполеона развязать себе руки относительно исполнения всех замыслов, всех распоряжений в Европе — сломить всякое сопротивление, ибо кто мог восстать против него без России?

Вот почему Наполеон принял с необыкновенной лаской и радостью генерала князя Лобанова-Ростовского, отправленного к нему императором Александром для предварительных переговоров. Он продержал его более пяти часов, говоря без умолку

с необыкновенной живостью и веселостью; пригласил обедать, пил здоровье императора Александра, превозносил его похвалами, клялся, что всегда его уважал, всегда желал его дружбы, а теперь желает это доказать заключением с ним союза, полезного для обеих империй и необходимого для спокойствия Европы.

Когда Наполеон таким образом выражал свое удовольствие неумолкаемых речах перед князем Лобановым, Александра удручала мысль, что он первый принужден был обратиться к врагу с мирными предложениями; он старался перед самим собой и перед другими оправдать этот шаг и придумывал, какие могли быть честные условия, на которых следовало помириться. Границы России должны остаться нетронутыми, иначе мир невозможен; но на руках Пруссия; Наполеон в полном праве, как завоеватель, требовать невозможных уступок с этой стороны, и, чтоб умерить эти требования, надобно ему чем-нибудь заплатить с русской стороны: союзом с ним, разрывом с его врагами; надобно уступить относительно Восточного и Польского вопросов. «Мы потеряли страшное количество офицеров и солдат,— говорил Александр Куракину,— почти все наши генералы, и именно лучшие, ранены или больны; в армии осталось пять-шесть генерал-лейтенантов, не имеющих ни опытности, ни военных талантов. Мне нельзя продолжать войну одному, без союзников; Англия дурно вела себя с самого начала и теперь дает ничего не значащие обещания выставить 10—12 000 человек, не означая срока; субсидий обещает не более 2 200 000 фунтов в год, и эта сумма должна быть разделена между Россией, Пруссией и Австрией: этого слишком мало. Думаю, что Франция не захочет ничего потребовать из русских областей, а для возвращения Пруссии ее владений я предложу занятые нашими войсками: Молдавию, Валахию и семь Ионических островов. Наконец, бываю обстоятельством, когда надобно думать преимущественно о самих себе, иметь в виду единственно благо государственное».

Александр думал о мире и его условиях; Наполеон думал о союзе, для которого готов был на уступки, еще более готов был на всевозможные обещания: это ему ничего не стоило, ибо ему ничего не стоило их неисполнение. Но прельстить обещаниями, закидать пестрыми речами, обмануть притворною искренностью, фальшивым добродушием всего легче было при личных сношениях; прельщать таким образом послов уполномоченных не достигало цели: впечатление ослабевало, исчезало при передаче; притом эти люди имели инструкции, были под властью, могущей отвергнуть все ими постановленное; другое дело, если бы можно было войти в сношения с самим самодержцем, с ним обо всем условиться один на один, его прельстить! Все самые сильные побуждения желать свидания с императором Александром

ром были на стороне Наполеона; со стороны русского государя были также сильные побуждения вести дело непосредственно с Наполеоном. При живости своей природы Александр был страстный охотник лично вести переговоры, иметь непосредственные сношения с государями, влиятельными министрами, направлять совещания, уговаривать, улаживать; страсть усиливалась тем, что тут Александр мог твердо положиться на свои способности, мог надеяться выйти с победой; сюда присоединялась недоверчивость к людям: в одном подозревал он недостаток надлежащих способностей; в другом — нравственных качеств; в третьем при отсутствии этих недостатков подозревал какое-нибудь убеждение, не согласовавшееся с его собственным и могшее повредить в данном случае. После Фридланда, имея при себе Будберга, Чарторыйского, Новосильцева, Александр поручил важное дело ведения переговоров князю Лобанову — к общему удивлению, ибо в наружности, приемах и способностях именно к этому делу у Лобанова никто не видал достаточных условий для такого выбора. Но Будберг был горячий сторонник войны, отъявленный враг Наполеона и потому уже не годился для примирения с Наполеоном; что же касается Чарторыйского и Новосильцева, то мы видели, какое поведение позволяли они себе во время войны: они явно шли наперекор желанию императора толками о необходимости мира, о невозможности продолжать войну; как люди приближенные к государю, видные по своим способностям, они своими речами производили сильное впечатление, смущали, отнимали дух у военных; смущали, раздражали руссаков.

Конечно, Александр не рассердился бы на них, если б они ему одному открыли свои мнения, убеждая к миру: он привык с ними рассуждать и спорить обо всем; но они сделали себя главами партии и дали своим действиям характер интриги. И страсть их к миру была новостью, ибо прежде они были за борьбу с Наполеоном; другое дело — князь Куракин, который постоянно с самого начала был за мир. Здесь, в этом поведении Чарторыйского, Новосильцева и Строганова, заключается причина неудовольствия на них Александра, вследствие чего потом «неразлучные» уже перестали иметь при нем прежнее значение; по неудовольствию на их поведение до Фридланда Александр не сделал их участниками переговоров с Наполеоном после Фридланда, что, разумеется, произвело в них неудовольствие, а непринятие Александром Наполеонова предложения относительно восстановления Польши окончательно отталкивало Чарторыйского и «неразлучных» с ним.

Но неудовольствие на Чарторыйского и Новосильцева, немение людей, которым можно было бы поручить ведение переговоров при таких важных, решительных обстоятельствах,

заставляли императора Александра сильно желать свидания с Наполеоном, лично условиться с ним о мире, союзе; важно было принять к сведению и то, что промелькнет как будто невзначай в потоке пестрых речей. Таким образом, побуждения к личному свиданию были чрезвычайно сильны у обоих императоров, и если один предложил его, то другой должен был сейчас же с радостью согласиться; кто предложил — решить пока нельзя по разногласию свидетельств; но скорее всего предложил Наполеон по характеру и положению своему; первое движение принадлежит нападающему, а напасть хотел Наполеон — Александр должен был защищаться. Как бы то ни было, желанное свидание произошло у Тильзита, на плоту, построенном среди Немана, разделявшего русскую армию от французской; потом это свидание повторилось, и переговоры о мире и союзе кончились между двумя государями; князя Куракин и Лобанов — с русской и Талейран — с французской стороны только формально были уполномочены для ведения переговоров и заключения договора. Этот знаменитый Тильзитский договор был ратифицирован 27 июня.

Целью Наполеона было заключение не мира только, а союза с Россией; целью Александра было, во-первых, спасти сколько можно больше остатков прусского корабля, потерпевшего страшное крушение, а во-вторых, охранить русские интересы по вопросам Польскому и Восточному. Достижение первой цели было чрезвычайно трудно. Наполеон не мог не понимать значения Пруссии в Германии. Чтоб она не служила более помехой для Франции, необходимо было если оставить ей существование, то самое ничтожное; дать же ей сколько-нибудь значительные средства значило создать в ней для Франции непримиримого врага, который никогда не забудет прежнего значения и употребит данные ему средства для возвращения этого значения в ущерб Франции; особенно было неприятно восстанавливать Пруссию в угоду русскому императору, ибо этим, естественно, поддерживалась и затягивалась тесная связь России с Пруссией. В интересах Франции было, чтоб в Германии не существовало крупных независимых владений; ей нужно было прусскими землями увеличить германские владения, вполне зависевшие от Франции; на востоке, вблизи России и Австрии, Наполеон хотел создать значительное государство, вполне ему преданное: таким была Саксония. Чтоб иметь в своем распоряжении прусские земли, чтоб император Александр отказался от заступничества за Пруссию, Наполеон предложил ему приманку: взять себе Восточную Пруссию до Вислы; потом еще большую приманку: взять польские области, принадлежавшие Пруссии, и принять титул короля Польского, иначе польские области Пруссии должны быть вместо немецких отданы саксонскому королю, если немец-

кие останутся за Пруссией. Александр не принял предложения. Для улучшения условий для Пруссии Александр отказался от наследства Екатерины II, княжества Иеверского, между Фрисландией и Ольденбургом, в пользу голландского короля; отказался в пользу Франции от Ионических островов и от Бокка-ди-Каттаро. Пруссия, сохранив свой состав от Эльбы до Немана, сохранила драгоценное наследство от Фридриха II, Силезию, которую Наполеон хотел было присоединить вместе с польскими областями к Саксонии и на престол этого значительного государства возвести своего брата Иеронима, а саксонский король должен быть вознагражден Гёссеном и прусскими владениями на левом берегу Эльбы. Такое соседство Иеронимовых владений с Россией найдено препятствием для сохранения союза между двумя империями, и Наполеон признал за лучшее, чтоб между ними была независимая Пруссия с владениями от Эльбы до Немана. Польские области Пруссии под именем герцогства Варшавского отходили к саксонскому королю, а для Иеронима Бонапарта из прусских владений за Эльбой образовано было новое королевство под именем Вестфальского.

Так покончил император Александр Прусский вопрос, и в первой статье Тильзитского договора говорилось: «Император Наполеон из уважения к императору Всероссийскому и во изъявление своего искреннего желания соединить обе нации узами доверенности и непоколебимой дружбы соглашается возвратить королю Прусскому, союзнику Е. В. императора Всероссийского, все завоеванные страны, города и земли, ниже сего означенные». Король Прусский оставался союзником русского императора — так он назван в договоре. Для подkopания этого союза Наполеон настаивал, чтоб Александр присоединил к России кусок прусской земли, действительно очень выгодный, — от устья Немана к границам Курляндии с гаванью Мемелем. Александр не взял, но согласился взять из польских земель, уже из доли короля Саксонского, Белостокскую область; при поднятии Польского вопроса это приобретение могло иметь значение; кроме того, император мог желать заставить молчать тех, которые говорили, что кровопролитная война велась даром, только из-за Пруссии.

В связи с Прусским вопросом решился Польский, также удовлетворительнее, чем сколько можно было надеяться по обстоятельствам. Восстановление Польши в интересах Наполеона было задержано, оставлено на первой ступени: часть польских земель получила самостоятельное устройство, но под именем не Польши, а герцогства Варшавского и должно было находиться под властью не брата Наполеонова, но короля Саксонского, и некоторая часть польских земель отошла к России. Относительно Восточного вопроса было сделано такое соглашение: если Турция не примет французского посредничества для примирения

с Россией или, приняв его, не заключит мира в продолжение трех месяцев, то Франция соединится против нее с Россией, и обе договаривающиеся стороны согласятся насчет средств избавить от турецкого ига и притеснений все области Оттоманской империи в Европе, исключая города Константинополя и провинции Румелии.

V

ЭРФУРТ И АВСТРИЙСКАЯ ВОЙНА 1809 ГОДА

Некоторые были в восторге от Тильзитского мира и союза. Князь Куракин писал императрице Марии: «Русский Бог не перестает бодрствовать над нами и распространять на нас свои благословения! Россия выходит из этой войны со славою и счастьем неожиданным; у нее заискивает враждебная держава, имеющая решительный перевес сил на своей стороне и победившая нас. Ничего не потеряв из своих владений, Россия приобретает новые, приобретает для своих польских областей новую военную границу. Россия становится ангелом-хранителем прусского короля, который видит в императоре своего спасителя и получит из его рук большую часть своих владений, которых не умел ни охранять, ни защищать».

Но далеко не все русские люди могли быть в таком восторге от Тильзитского мира. Самое непродолжительное спокойное размышление над явлением достаточно было для перемены взгляда, создавшегося под первым впечатлением. Естественно и необходимо рождался вопрос: для чего были эти заискивания со стороны победоносной силы у державы побежденной? И ответ был один: для того, чтоб последняя, оставаясь еще достаточно сильной и опасной, не мешала победителю в дальнейших замыслах; и какие это могли быть замыслы? При тильзитских свиданиях у Наполеона вырывались слова искушения: «Разделим мир!» Но искушение должно было исчезнуть опять при первом спокойном размышлении. Дележ мог иметь одно основание: для Франции — Запад, для России — Восток; Франции на Западе оставалось добрать Пиренейский полуостров; России в соответствие следовал Балканский; но император французов уже и теперь не допускал такого, по-видимому, столь естественного дележа; на Балканском полуострове оба императора должны были действовать вместе и делиться, там была уже указана и местность, на которой начертано: «Nec plus ultra». Что же, спрашивается, остается России при дележе мира? Дележ был неравный и вел к новой борьбе по своей чересполосице. Очевидно, Тильзитский мир был только перемирием; выгода его для России состояла только в том, что давала ей необходимую передышку, время собраться с силами и дать для того время другим. Наполеону нужно было

перемирие, нужен был фальшивый союз с Россией, чтобы осуществить свои планы на Западе; Александру нужно было это перемирие и фальшивый союз с Францией, чтоб иметь известное время свободные руки для действий по вопросам Восточному и Польскому; дальнейший ход их, разумеется, должен был привести к борьбе с Наполеоном, но для этой-то борьбы и нужно было отдохнуть, подготовиться, не спуская глаз с Наполеона, что он еще задумает, как будет далее истощать меру долготерпения народов, где и как споткнется на пути захватов.

Тильзитский мир был необходим, и условия его были выгодны для обеих сторон: для Наполеона — тем, что останавливали помеху его замыслам со стороны России; для Александра — тем, что останавливали вредные для России замыслы Наполеона и относительно Германии — сохранением Пруссии, и относительно Польского вопроса — не восстановлением Польши, а образованием только герцогства Варшавского, следовательно, остановкой на зародыше, и относительно Восточного вопроса — посредничеством Франции вместо враждебного ее действия. Нет никакого основания предполагать, чтобы император Александр смотрел иначе на Тильзитский мир и видел в нем более необходимого перемирия. Он сам не мог быть доволен положением, которое было создано для него Тильзитским миром и союзом с Наполеоном: он, как государь, должен был наложить на себя тяжкую обязанность не выражать этого неудовольствия; но другие, многие и многие, будучи недовольны, громко жаловались и обвиняли того, кто принял на себя всю ответственность, устроивши непосредственно новые отношения. Сознательно и бессознательно в русских людях вкоренилось убеждение, что отношения России к Западной Европе, к Наполеону, как они существовали до сих пор, были самые правильные, согласные с достоинством и значением России; вкоренилось убеждение, что на Западе в лице Наполеона воплотилось хищничество, попрание всех международных прав, поражение народов и что Россия высказала этому протест, не признала прав силы и насилия, постоянно боролась с насильником, защищая слабых. Аустерлиц произвел тяжелое впечатление, тем более что от неудач военных давно отвыкли; но неудача не переменяла отношений, и после Аустерлица Россия осталась в том же возвышенном положении, готовая продолжать борьбу, защищать слабых от насилия. Но теперь, после Тильзита, это возвышенное положение было потеряно; русский государь, бывший постоянно верным святому знамени, которым гордилась Россия, теперь бросил его, протянул руку, побратался с тем, кого привыкли называть врагом рода человеческого.

И для чего? Настоящие побуждения, политические соображения были скрыты, и все отнесено к лицу, его чувствам и впечатлениям. Война была ведена дурно, потерпели поражение, испуга-

лись и отдались в руки победителю, заключили с ним союз — для чего? Союз с Наполеоном — значит, постоянная война, ибо он постоянно воюет, и Россия будет теперь ходить на войну, куда он захочет, — союз! И прежде всего ссоры с Англией, естественной, всегдашней союзницей, прекращение выгодной, необходимой торговли, и за все это Наполеон дал Белостокскую область, отнятую у нашего же союзника, прусского короля. Начавшаяся немедленно шведская война усилила неприятное впечатление: война с государем, который был нашим постоянным союзником, который стал виноват тем, что остался верен знамени, покинутому нами; вот прямые следствия союза с Наполеоном — война, бесконечная война в угоду врага рода человеческого! И все приписывалось одному лицу, ибо все сделано им одним: не было никакого Гаугвица, никакого Ломбарда для отвлечения. Вот уже седьмой год — и ни в чем нет удачи!

Если тяжело было положение императора Александра после Аустерлица, то эта тяжесть не значила ничего в сравнении с тяжестью положения настоящего. Он знал все, знал даже в преувеличенном виде, благодаря людям, находившим свои выгоды напугать его, представить слова делами или близким к делу! Он знал, как смотрели на Тильзит, и не мог не уважать оснований этого взгляда. Он не переменал системы, не отказывался от борьбы с Наполеоном, не верил его словам и обещаниям, ибо и человек с менее тонким умом, чем у императора Александра, не мог им верить; но не мог не признать, что имелось основание толковать о крутой перемене системы, о слабости, непостоянстве человека, способного к таким переменам, о невозможности полагаться на него; самый снисходительный отзыв мог состоять в том, что он был оболещен Наполеоном. Как страшно должно было страдать самолюбие!

Много было сделано для Пруссии; чувствовалась нравственная необходимость сделать это, потому что было обязательство, Пруссия была отклонена от отдельного мира с Францией в конце 1806 года и потом после Эйлау. В России люди, некогда самые близкие, не принимая во внимание нравственных отношений, упрекали за пожертвования чуждым интересам; но по крайней мере в Пруссии были довольны? Нисколько! Александр делал пожертвования, доказывая, что на него можно положиться, что он не изменяет своим союзникам, не забывает своих обязательств, но в Пруссии именно Александр объявлен был человеком, не способным выдерживать, человеком, бросающим своих союзников в беде, на которого поэтому полагаться нельзя. И этот обвинительный голос слышался из уст человека, который пользовался особенным расположением Александра, который ему был обязан настоящим своим положением, — Гарденберга.

Он стал толковать, что Александр был обойден Наполеоном при тильзитских свиданиях; Александру не следовало здесь вступать в борьбу при таком неравном оружии: Наполеон далеко превосходил его опытностью, лживостью и энергией, да еще опирался на хитрого Талейрана, тогда как от Александра он отстранил всех помощников, говоря: «Государь! Я буду вашим секретарем, а вы—моим». Гарденберг решился говорить, что помощь, оказанная Пруссии Александром при тильзитских переговорах, была не сильнее помощи, оказанной оружием, наконец, Гарденберг решился сказать королю, что при всем его злополучии считает его счастливее Александра, у которого Наполеон умел отнять честь. Раздражение Гарденберга объясняется общим раздражением в Пруссии. Как во время войны надеялись, что с приходом русских—сейчас же победа, изгнание французов и выгодный мир, и, когда надежда не исполнялась, начали кричать против русских; так и теперь, при мирных переговорах, надеялись, что император Александр выговорит для Пруссии самые выгодные условия, и, когда условия не понравились, начался крик против Александра. [...]

Александр, заключая мир и союз в Тильзите, имел в виду Польский и Восточный вопросы; но Наполеон очень хорошо понимал, что эти вопросы могут повести очень рано, раньше, чем ему было нужно, к новым столкновениям и борьбе между Россией и Францией; ему хотелось отвлечь внимание русского государя на другую сторону, с юга и запада на север, в местность поближе к его столице, чем Молдавия и Валахия. Всего выгоднее было бы для Наполеона, если бы у России началась война с Швецией: Россия может легко занять Финляндию; но Швеции трудно будет согласиться уступить ее; война затянется, англичане будут поддерживать шведов, и Александру не будет времени думать ни о турках, ни о поляках, ни о ком-либо другом. Как знаменитый гастроном умеет указать неопытному в чревоугодии собеседнику лакомый кусок, так мастер в деле захвата чужих областей, Наполеон, указывая в Тильзите Александру на необходимость взять Финляндию у Швеции. «Шведский король,—говорил он,—в каких бы отношениях случайно к вам ни находился, постоянно он ваш неприятель географический. Петербург слишком близко к шведской границе, петербургские красавицы не должны больше из домов своих слышать грома шведских пушек». Этими словами Наполеон намекал на последнюю шведскую войну при Екатерине II.

Мы видим, что для Наполеона важен был не мир с Россией только, но главным образом союз, уничтожение возможности коалиции, отнятие у Англии надежды на возможность бороться с Францией на континенте посредством России, этим Англия принуждалась заключить с Францией выгодный для последней

мир; если же мира не будет, то Россия по Тильзитскому договору из союзницы станет врагом Англии. Эта вражда была необходима Наполеону для приведения в исполнение его так называемой континентальной системы, имевшей целью уничтожить сбыт английских товаров в Европе; чтоб это уничтожение было повсеместным, в Тильзите было выговорено: если Англия не согласится на мир, то Россия и Франция приглашают Данию, Швецию и Португалию запереть для английских кораблей свои гавани и объявить Англии войну; если же которая-нибудь из этих держав не примет приглашения, то Россия и Франция объявят ей войну; если окажет упорство Швеция, то они заставят Данию воевать с нею. Александр принял на себя посредничество для примирения Франции с Англией; как основное условие мира Наполеон постановил, чтоб Англия возвратила все захваченные ею колонии, французские, испанские и голландские, за что со стороны Франции будет возвращен ей Ганновер; Александр выговорил длинный срок для прекращения дипломатических сношений России с Англией, если последняя не согласится на мир; этот срок был 1 декабря. При заключении Тильзитского мира русским посланником в Лондоне был Алопеус 1-й, знакомый нам по Берлину. В это время виги, которые своею медленностью в подании помощи так содействовали Тильзитскому миру, не управляли более делами страны, их сменило торийское министерство Касльри, Персиваля и Каннинга.

Когда Алопеус объявил Каннингу о заключении Тильзитского мира с объяснением причин, заставивших русского государя заключить его: после Эйлау император всю зиму ждал, что Австрия и Англия примут деятельное участие в войне, Англия обещала помощь и не сдержала своих обещаний,— то Каннинг отвечал самым спокойным тоном: «Я нисколько не буду возражать против справедливости ваших слов; сделайте одолжение, прочтите нынешние газеты, вы там найдете мои слова, сказанные в палате общин в оправдание действий России и для указания ошибок английского кабинета». Но, выставляя с удовольствием ошибки предшествовавшего кабинета, новое министерство решило не повторять их, а с удвоенной энергией продолжать борьбу с Наполеоном; для успеха же этой борьбы необходимо было содействие России. В Англии очень хорошо знали, что Тильзитский мир и союз очень непрочны, что союз Англии с Россией, коренившийся на основных условиях времени, был гораздо прочнее, и потому, несмотря на то что посредничество России не повело ни к чему и последовал разрыв между старыми союзниками, вражда Англии к России по своей действительной цене вполне соответствовала дружбе России с Францией.

Но отношения России к Англии были Тильзитским договором тесно связаны с отношениями к Швеции. Император Александр,

зная хорошо мнение и правительственных лиц в Швеции и, можно сказать, всего народа, имел основание думать, что Швеция не станет воевать с Россией и будет следовать одной с ней политикой, конечно, надобно было взять в расчет характер короля, который мог поступить по-своему; но тут расчет был труден, ибо нельзя было никак угадать, на чем вдруг остановится Густав IV. Он остановился на том, что остался в союзе с Англией и продолжал один войну с Францией, которой войска вытеснили его из Померании; несмотря на то, Густав продолжал прежнюю систему, накликав этим на себя русскую войну.

Таким положением дел воспользовались англичане. В то время как между лучшими людьми, не привыкшими преклоняться пред силой и во всем ее оправдывать, раздавались крики негодования против захватов Наполеона, англичанам захотелось усилить континентальному хищнику, показавши, что на море есть сила, которая ему не уступит и даже еще превзойдет его. В июле месяце 1807 года сильный английский флот явился у берегов Дании и потребовал у ее правительства заключения союза с Англией, выдачи всего флота и введения английских гарнизонов в важнейшие места. «Слабый должен уступать сильному», — отвечали англичане на возражения датчан, и когда последние отказались исполнить их требования, то «сильные» начали бомбардировать Копенгаген, сожгли половину города, истребив 2000 человек, в том числе женщин и детей, и взяли флот и морской арсенал. Но Наполеон не хотел позволить, чтоб англичане соперничали с ним, изумляя мир подобными поступками; он нашел средство заставить забыть копенгагенское происшествие: он задумал покорение Пиренейского полуострова, свержение Бурбонской династии с испанского престола и замену ее династией Бонапартовской.

Своею уступчивостью, готовностью к союзу с сильной соседкой испанские Бурбоны уживались до сих пор в мире и с республикой, и с императорской Францией. Но понятно, что не уступчивость Испании, не союз с нею удерживали Наполеона от захвата. По своей природе, по своему положению и по своим замыслам, которым судьба так благоприятствовала до сих пор, он не мог спокойно смотреть на независимость государств Пиренейского полуострова. Если Людовик XIV говорил: «Нет более Пиренеев», то Наполеон должен был считать Испанию и Португалию необходимым дополнением создаваемой им империи; Бурбоны изгнаны из Франции, из Неаполя: с какой стати оставаться им в Испании? Что такое будет Западная империя без Пиренейского полуострова? Наполеон мог допустить существование Пруссии, даже ее усиление, если б она не мешала ему, находилась в постоянном, тесном союзе с Францией, если б не колебалась между нею и Россией; мог легко допустить существование Австрии, если б не историческое соперничество по поводу

Италии; но Испания была ему так же нужна, как Италия, и только постоянное отвлечение на восток, вражда с Россией, составительницей коалиций, препятствовала ему заняться Пиренейским полуостровом.

Но как только борьба с Россией прекращалась союзным договором, как скоро чрез это Наполеон приобретал безопасность на востоке, сейчас же он обращался к Испании. [...]

Но, начав испанское дело завоеванием Португалии, изгнанием ее королевского дома в Бразилию, приготавливая войска для наводнения ими Испании, обдумывая предлог к ссоре, Наполеон не мог не оглядываться на Россию, что там делается, оставит ли его новый союзник спокойно управиться на Пиренейском полуострове. Наполеону чрезвычайно хотелось, чтоб русский государь немедленно бросился на Швецию и затянулся в долгую войну с ней; Наполеон старался поставить императора Александра в такое же затруднительное положение на Скандинавском полуострове, в какое потом сам попал на Пиренейском! Но к нему пришли тревожные вести, что Александр медлит войной с Швецией, ведет с нею переговоры, а вместо того занимается Восточным вопросом, что было всего хуже для Наполеона. Ему хотелось, чтобы Россия не затрагивала преждевременно Восточного вопроса, заключила перемирие с турками, очистив Молдавию и Валахию, и воевала с Швецией, а там, когда Наполеон управится в Испании, другое дело: тогда он начнет управляться с Турцией.

Но понятно, что Александр должен был спешить приготовить для России успешное решение Восточного вопроса, прежде всего занять выгодную, необходимую позицию, то есть приобрести Молдавию и Валахию и поддержать сербское движение, которое шло под знаменем Георгия Черного. Для разузнания, что делается в России, как ведет себя новый союзник, Наполеон послал в Петербург одного из самых доверенных людей, генерала Савари, который нашел там нового министра иностранных дел.

Мы видели, что Будберг, сменивший Чарторыйского, уже этим самым приобрел себе в нем врага. Чарторыйский не переставал осаждать императора Александра требованиями смены Будберга и военного министра Вязмитинова, который также ему не нравился. Любопытен письменный ответ ему императора: «Выставив бедствия, грозящие России, вы предлагаете для избавления от них: 1) чтоб я объявил себя королем Польским; 2) сменил министров—военного и иностранных дел. Было бы долго входить в рассуждения по первой статье, что же касается второй, то объявляю, что доволен службою обоих министров; кроме того, я не вижу никого, кто бы мог их заменить. Не генерал ли Сухтелен? Говорю громко, что не нахожу в нем способностей, нужных для военного министра, и предпочитаю Вязмитинова. Точно так же я не вижу никого для иностранных дел. Хотите

Паниных, Морковых?⁵ Надобно, чтобы я уважал тех, с которыми работаю; только при этом условии я могу им доверять. Крики меня мало беспокоят, они обыкновенно бывают порождением духа партии». Но Тильзитский мир необходимо должен быть вести к перемене министра иностранных дел. Будберг был отъявленный враг Наполеона, который, не решаясь прямо потребовать у Александра смены министра, как потребовал у Фридриха-Вильгельма смены Гарденберга, однако позволял себе в Тильзите выходки против Будберга. Не Будберг вел переговоры, не он подписался под договором.

При видимой перемене системы нельзя было ему оставаться министром, и на его место был назначен граф Николай Петрович Румянцев, который всегда был против вражды с Францией. Но противники вражды с Наполеоном ставили на вид, что борьба ведется на основании общих начал, из-за чужих интересов, причем пренебрегаются интересы собственные, которые соблюдаются лучше при соглашении с императором французов. [...]

А между тем испанское дело уже началось, надобно было его кончить. Наполеон решил послать льстивое письмо Александру, как ребенку отвести глаза, показавши вдали блестящую игрушку, убедить завязаться в шведскую войну, наконец, предложить личное свидание, чтоб до тех пор было остановлено движение на Дунае. Чем сильнее желал он сам поскорее покончить дело на Пиренейском полуострове, тем сильнее желал, чтоб Александр не начинал дела на Балканском.

2 февраля (н. ст.) 1808 года Наполеон писал Александру: «Генерал Савари только что приехал. Я провел с ним целые часы, чтоб наговориться о вашем величестве. Все, что он ни говорил, доставляло мне сердечное удовольствие, и я ни на минуту не хочу откладывать изъявления благодарности за все милости, вами ему оказанные. Ваше величество прочли речи, говоренные в английском парламенте, и решение продолжать войну до последней крайности. Только посредством великих и обширных средств можем мы достигнуть мира и утвердить нашу систему. Увеличивайте и усиливайте вашу армию. Вы получите от меня всю помощь, какую я только в состоянии вам дать. У меня нет никакого чувства зависти к России; напротив, я желаю ее славы, благоденствия, распространения. Вашему величеству угодно ли выслушать совет от человека, преданного вам нежно и искренно. Вам нужно удалить шведов от своей столицы, вы должны с этой стороны распространить свои границы как можно дальше. Я готов помочь вам в этом всеми моими средствами. Армия в 50 000 человек, франко-русская, быть может, несколько ав-

⁵ Этими именами Александр колет Чарторыйского, который ненавидел Панина за привязанность к Пруссии, а Моркова — за деятельное участие в последних скатертинских распоряжениях насчет Польши.

стрийская, которая направится чрез Константинополь в Азию, не дойдет еще до Евфрата, как Англия затрепещет и бросится на колени пред континентом. Я твердо стою в Далмации, ваше величество — на Дунае. Через месяц после того, как мы уговоримся, армия может быть на Босфоре. Удар отзовется в Индии, и Англия будет покорна. Я не отказываюсь ни от каких предварительных соглашений, необходимых для достижения столь великой цели. Взаимный интерес наших государств должен быть обсужден и уравновешен. Но это может быть сделано только при личном свидании или после зрелых обсуждений между Румянцевым и Коленкуром⁶ и присылки сюда человека, который был бы крепок в системе⁷. Толстой⁸ хороший человек, но наполнен предрассудками, недоверием к Франции и вовсе не в уровень с высотой тильзитских событий и нового положения, в которое поставила вселенную наша тесная дружба с вами. Все может быть решено и подписано прежде 15 марта. К 1 мая наши войска могут быть в Азии, и в то же время войско вашего величества может быть в Стокгольме. Тогда англичане, угрожаемые в Индии, прогнанные из Леванта, будут подавлены под тяжестью событий, которыми будет заряжена атмосфера. Ваше величество и я предпочли бы сладость мира, возможность проводить свою жизнь среди своих обширных империй, оживлять их, доставлять им благоденствие посредством искусств и благодеяний администрации. Всеобщие враги этого не хотят. Надо бы против воли более великими. Мудрость и политика требуют исполнять требования судьбы — идти туда, куда влечет неодолимый ход событий. Тогда тучи пигмеев, которые не хотят видеть, что настоящие события таковы, каким подобных надобно искать в истории, а не в газетах последнего столетия, преклонятся, последуют движению, данному вашим величеством и мною, и русский народ будет доволен славою, богатством и счастьем, которые будут следствием этих великих событий. Тильзитское дело направит судьбы мира».

Александр отвечал в том же тоне: «Письмо вашего величества перенесло меня во времена Тильзита, воспоминание о которых останется для меня всегда драгоценным. Виды вашего величества являются мне одинаково великими и справедливыми. Такому высшему гению, как ваш, предоставлено создать такой обширный план, — вашему же гению предоставлено и руководить его исполнением». Александр писал, что передал Коленкуру русские требования; если Наполеон согласится на их исполнение, то

⁶ Французским послом, приехавшим в Петербург на постоянное пребывание, тогда как Савари приезжал только временно.

⁷ То есть в системе франко-русского союза.

⁸ Граф Петр Александрович, русский посол во Франции, отправленный после Тильзита.

Александр предлагает армию для индийского похода и другую для Малой Азии, также флот. Если идеи Александра сходятся с идеями Наполеона, то первый согласен на личное свидание, для которого избирается город Эрфурт. «Я уже заранее готовлю себе праздник из этого свидания,— писал Александр.— Я смотрю на это время, как на самое прекрасное в моей жизни». Что касается Швеции, то Александр извещал, что русские войска уже занимают все значительные места в Финляндии, идут на Або, бомбардируют Свеаборг.

Пересылая нежный ответ на нежное письмо, Александр очень хорошо знал, что искренний союзник вовсе не думает о походе в Индию, а замышляет что-то другое, о чем тщательно скрывает от своего друга. Но долго скрывать испанских замыслов было нельзя. До сих пор ни один русский посланник не был по душе Наполеону⁹; граф Толстой разделял участь своих предшественников, Колычова и Моркова; Наполеон прямо требует его отозвания, выставляя его человеком не расположенным к Франции, требует присылки человека, который следовал бы противоположной системе, тильзитской системе. Чтоб познакомиться с человеком и узнать причины, почему Толстой так не понравился Наполеону, послушаем разговор, который происходил у императора французов с русским посланником 24 января (5 февраля) 1808 года.

Толстой: «В Тильзите не было помина о том, чтоб связать турецкое дело с прусским; мы готовы помочь вам добыть себе часть Турецкой империи; но в Тильзите не говорилось, что за приобретенное Россией в Турции Франция получает себе вознаграждение на счет Пруссии». *Наполеон:* «Трудно, невозможно теперь осуществить виды на Турецкую империю, я хочу взять Кандию и Морею; но препятствия со стороны англичан, которые овладеют Архипелагом; я не знаю, как удержу и на Ионических островах. Дать вам Молдавию и Валахию— значит слишком усилить ваше влияние, привести вас в прочную связь с сербами, которые вам переданы, с черногорцами, греками— вашими единовверцами и любящими вас». *Толстой:* «Все это не причина для вашего величества искать вознаграждения в Пруссии, которая одна отделяет нас от Франции, и замедлять ее очищение; притом Россия не может не беспокоиться, видя, что ваше величество набираете 80 000 войска, когда у вас его уже 80 000; против кого это, если вы в союзе с Россией? Савари и Коленкур донесут вашему величеству, что вы можете вполне положиться на нашего императора». *Наполеон:* «Чтоб сделать угодное императору Александру, я исполняю все относительно Турции; я не могу не одобрить его желанья иметь Дунайские княжества, потому что

⁹ Мы не считаем Убри, который не был посланником.

они сделают его господином Черного моря; но если вы хотите, чтоб я вам пожертвовал своим союзником, то справедливость требует, чтоб вы пожертвовали мне своим и не противились тому, чтоб я взял у Пруссии Силезию, тем более что она далеко от ваших границ. Силезию я хочу взять ни себе, ни отдать своему родственнику: отдам ее такому государству, которое мне будет благодарно, и ослаблю Пруссию, которой я делал столько зла, что уже рассчитывать более на нее не могу. Я свято исполню Тильзитский договор, если вы согласитесь очистить турецкие владения или согласитесь на какую-нибудь сделку. Я вам доказал, что у вас нет логики». *Толстой*: «Я не могу убедиться словами вашего величества и привык судить не по словам, а по делам».

Тут Наполеон взял обеими руками свою шляпу, бросил ее на пол и сказал: «Слушайте, г. Толстой. Не император французов говорит с вами, а простой дивизионный генерал говорит с другим дивизионным генералом: пусть буду я последним из людей, если не исполню самым добросовестным образом Тильзитского договора, если я не очищу от своих войск Пруссии и герцогства Варшавского, но тогда только, когда вы очистите Молдавию и Валахию. Впрочем, в год все уладится между Россией и Францией». *Толстой*: «Срок очень долго!» *Наполеон*: «Я считаю от Тильзитского мира, значит, в шесть месяцев. Видно, что вы не дипломат: вы хотите, чтоб дело шло как войско — галопом. Такие важные дела, каким подобных никогда не бывало в Европе, должны хорошенько созреть; но у вас, кажется, своя система, и отличная от системы вашего двора; вы принадлежите к партии антифранцузской — и отсюда в вас недоверчивость». *Толстой*: «Эти упреки в принадлежности к партии меня оскорбляют; я русский — и только! Не принадлежу ни к английской, ни к французской партиям». Наполеон кончил разговор словами: «Я еще вам не говорю, что я не очищу Пруссии, если даже вы сделаете Дунай своей границей».

Уже и прежде Наполеон говорил Толстому, что Россия может добыть себе земли от Швеции, а 5 февраля объявил ему решительно, что он согласится на то, чтоб Россия приобрела себе всю Швецию, не исключая и Стокгольма. Тут же он объявил Толстому в первый раз, что готовит войско — против Африки! Объявил, что хочет основать военные колонии по берегам этой части света до самого Египта, хочет запереть Средиземное море для англичан и вознаграждать некоторым образом свой народ за потери торговые и колониальные; объявил, что разрушение Варварийских владений входит также в его планы. На все речи Наполеона относительно Дунайских княжеств, Силезии, Швеции с русской стороны был ответ, что император Александр не может допустить никакого отношения между Портою и Пруссией: Тильзит-

ский договор действительно налагал обязанность на Россию вывести войска из княжеств; но в конференциях между двумя императорами Наполеон согласился на словах, чтоб русские войска остались в княжествах, и обещал не препятствовать тому, чтобы при заключении мира Молдавия и Валахия были присоединены к России; что Франция не исполнила своих обязательств, не очищая до сих пор Пруссии; но Россия исполнила свои, объявив войну Англии и Швеции.

Наполеон говорил Толстому о своих замыслах против Африки, чтоб до последней минуты скрыть движения против Испании. Но долго скрывать было нельзя, и Наполеон не вполне спокойно отправлял свои отряды, один за другим, в Испанию: как взглянут на испанское дело в Петербурге, останутся ли равнодушны к Пиренейскому полуострову, согласятся ли взять себе Скандинавский или захотят воспользоваться отвлечением французского войска в Испанию, чтоб уладить свои дела на Балканском? На всякий случай Наполеон велел спросит у Себастиани в Константинополе: «Если русские захотят удержать Молдавию и Валахию, то Порта намерена ли вести войну против России вместе с Францией? Какие у нее военные средства?»

Но прежде всего нужно было покончить с Испанией. Чтоб кончить скорее, надобно было, разумеется, двинуть как можно более войска. Двинуту было 80 000, но и этого Наполеону казалось мало. Перед Толстым он прикрывал движение войска замыслами против Африки; официально они были прикрыты необходимостью защитить полуостров от предполагаемой высадки англичан у Кадикса. Что же испанское правительство? Оно было в таком положении, что привлекало хищника запахом трупа. С крайней слабостью соединялся страшный скандал: король Карл IV был тенью государя на престоле, и в челе управления стоял фаворит королевы Годой, известный под именем князя Мира, человек, нисколько не похожий на Ришелье или Мазарини; при таких отношениях любовь народа, естественно, обращалась к наследнику престола, принцу Астурийскому Фердинанду, который был во вражде с Годоем, следовательно, с матерью и отцом, ибо король смотрел на все глазами королевы. Фердинанд пишет Наполеону письмо, представляет свое тяжкое положение, умоляет героя, затмевающего всех героев предшествовавших, оказать ему отеческое покровительство и выдать за него одну из принцесс императорской французской фамилии. Но за Фердинандом наблюдали; все бумаги его, между которыми оказались очень подозрительные, были схвачены; сам принц посажен под арест; король издает к народу манифест против своего наследника и в то же время обращается к своему другу, императору французов, открывает свое намерение лишить виновного сына наследства, просит помочь мудрым советом.

Потом узнали о сношениях Фердинанда с Наполеоном, испугались, помирились, по-видимому. Между тем французские войска двигались к Мадриду; областные правители по королевскому повелению принимали их самым дружественным образом, а друзья, где только было можно, занимали крепости. Годоем овладел страх, вследствие чего страшно стало королеве и королю. Главнокомандующим французской армией был назначен зять Наполеона Мюрат, герцог Клевебергский. Но Мюрат был недоволен своим маленьким немецким владением и распалил себе воображение престолом Испании и Америки. Годой уговорил короля и королеву бежать в Севилью; в народ и войске начинается волнение, которое 17 марта (н. ст.) оканчивается возмущением против Годоя; король, чтоб спасти его, отказывается от престола в пользу сына; народ с восторгом приветствует нового короля Фердинанда VII. Известие об этом перевороте очень неприятно поразило Мюрата, уже подошедшего к Мадриду: свергнуть нового короля, обожаемого народом, и занять его место казалось не так легко, как справиться с Карлом IV. Но скоро искатель престолов ободрился, узнавши, что отрекшийся король обнаруживает сильную ненависть к сыну, приписывая последнему все свое несчастье. Мюрат сделал вид, что отречение Карла IV было невольное, и потому не признал королем Фердинанда VII, а между тем, пользуясь смутой, вступил в Мадрид с войском. В решении не признавать Фердинанда Мюрат вполне сошелся с Наполеоном, который писал ему: «Пока новый король не будет признан мною, вы должны делать вид, как будто бы еще царствовал старый» — и в то же самое время написал брату своему Людовику, королю Голландскому: «Я решил посадить французского принца на испанский престол. Голландский климат для вас вреден. Если я вас назначу испанским королем, будете ли вы согласны?» [...]

Сам Наполеон явился на испанских границах; но он не хотел ехать в Мадрид улаживать дело; и старый и новый король были уговорены отправиться к нему на встречу в пограничный французский город Байону, и здесь дело было улажено: Фердинанд был принужден возвратить престол отцу, и Карл IV отрекся от него опять — в пользу Наполеона, которому уступил свои права и Фердинанд как наследник испанского престола. Королем в Испанию был переведен Иосиф Бонапарт из Неаполя, который достался Мюрату.

При этом улажении испанских дел Наполеон счел нужным объяснить пред тильзитским союзником; в письме из Байоны (от 8 июля н. ст.), он писал императору Александру, что Испания будет независимее от него, чем прежде. Он восстановит свои морские силы. Все в Испании довольны переменой, кроме монахов, которые предвидят уничтожение злоупотреблений, и кроме агентов инквизиции. Скажут, что все заранее придумано и воз-

буждено им, Наполеоном? Но если б он имел в виду французские интересы, он завоевал бы что-нибудь в Испании для Франции, ибо узы родства не имеют большого значения в политике, и то уничтожается через 20 лет. Филипп V воевал с дедом Людовиком XIV.

Легко понять, какое впечатление произведено было в Петербурге байонскими событиями, и могло ли письмо Наполеона ослабить это впечатление. Отношения испанских Бурбонов к старшей, французской линии в XVIII веке не могли идти в сравнение, ибо известно было, как Наполеон относился к своим братьям и родственникам, посаженным на разные престолы. В самое время байонских событий голландский король Людовик Бонапарт говорил русскому посланнику при своем дворе кн. Долгорукову: «Если Голландия должна погибнуть, то и я должен погибнуть с нею. Брат меня не слушает, и только покровительство императора Александра может спасти меня. Я вовсе не думал быть королем, когда брату захотелось сделать меня им. Я согласился с условием, что мне будут помогать. Я просил, чтоб мне отдали пять миллионов, взятых в долг у Голландии, чтоб с первого же раза не ожесточить самого республиканского народа. Мне не отвечали на мою просьбу, и вместо помощи затрудняют все мои действия. По возвращении в Париж брат мне сказал, что сделал дурно, не присоединивши Голландию к Франции. «Хотите вы сделать это теперь?»—спросил я его. «Нет, нет,—отвечал он,—так как вы теперь там, то сидите, но если вы умрете—другое дело». Вы видите из этих слов, чего я должен ждать. Горько, будучи первым голландским королем, быть в то же время и последним по испытании таких страданий и усилий бесполезных. Министры французские при моем дворе делают мне постоянные неприятности, мне оказывается всякого рода неуважение. Я хочу быть здесь популярен, говорю с народом откровенно, а французские журналисты все искажают, передают такие мои слова, каких я никогда не говорил. Здесь если человек чувствует себя лучше, чем прежде, то он любит короля и монархию, а если хуже, то злится на короля и посылает его к черту; здесь мне кланяются с видом покровительства. Как будто говорят: я вам кланяюсь, потому что вами доволен. Голландия совершенно разорится от застоя торговли и закрытия гаваней вследствие английской войны». Когда узнали, что Александр и Наполеон должны иметь свидание «для решения участи Европы», по выражению короля Людовика, то последний поручил Долгорукову просить императора Александра заступиться за Голландию, сохранить ей отдельное существование. Людовик не нашел тогда защиты, и немного спустя Голландия была присоединена к Франции.

Указание Людовика на отношения голландцев к королю и к правительственным формам объясняет взгляд Наполеона на

Испанию. Избалованный легкостью, с какою принимались его распоряжения в Италии и Голландии, Наполеон думал, что также легко будет принята династическая перемена и в Испании: будут удовлетворены частные интересы наиболее крупных лиц и станут новому королю кланяться, а шайки недовольных можно перестрелять и тем задать спасительный, успокаивающий страх. Но император французов жестоко ошибся в своих расчетах. Он не рассчитал, что в Испании он будет впервые иметь дело с большим государством. Говоря о сопротивлении, которое встретил Наполеон в Испании, указывают преимущественно на областную особенность в этом государстве, слабость централизации и потому неважное, нерешающее значение столицы при возникновении политических вопросов, вследствие чего Мадрид мог подчиниться Иосифу Бонапарту, но области не следовали его примеру.

Действительно, по природным условиям своей государственной области, по малочисленности народонаселения, ослаблявшегося выселением за океан, выселением не вследствие избытка в числе жителей, а вследствие страсти к приключениям и легкой наживе, по застою, политическому малокровию, отсюда происшедшему, недостатку промышленного и торгового развития — вследствие всех этих причин не было живой циркуляции в государственном организме, откуда и происходила особенность областей, малая зависимость их от столицы; но этим дело не объясняется. Надобно заметить, что значение столиц поднимается не вследствие одной правительственной централизации; а вследствие сосредоточения промышленной и торговой деятельности, вследствие сосредоточения средств жизни не только материальных, но — что важнее — духовных, вследствие сосредоточения учреждений, развивающих духовную жизнь народа, вследствие сосредоточения талантов ученых и художественных, вследствие сильного движения литературного. Только при этих условиях столица имеет могущественный авторитет, решающий голос. Если же в стране вообще нет сильного решения, то столица не может иметь важного значения только по одному административному сосредоточению, а при смуте, происшедшей по причинам внутренним или внешним, это значение может и совсем исчезнуть, правительственный центр может перенестись в другое место.

Испания от наполеоновского погрома спаслась не особенностью областей, а единством, высшим государственным и народным единством, которое было выработано для нее историей. Несколько веков тому назад Испания была объединена, и это единство окрепло в народном сознании и народном чувстве; отдельные области бились против французов не для того, чтоб каждой получить независимое, самостоятельное положение, они бились за единую Испанию, за самостоятельность, независимость еди-

ной, целой Испании, поруганной самым наглым нарушением народных прав. Другое дело, когда завоеватель покорит народ и переменит правительство: народ уступает свои права, видя собственную несостоятельность при их защите, истощив все средства в борьбе, но тут неслыханным образом чужая сила до поколения распорядилась судьбой страны, переменяла правительство. Большого поругания нельзя было нанести народу, и народ поднялся, народ, который долго спал вследствие означенных причин, но в своем сне сохранил всю свою энергию и чувство своей личности.

Иосиф Бонапарт увидел, что Испания не Неаполь. Когда в Неаполе встретил он сопротивление своей власти в некоторых местностях и частях народонаселения, преданного изгнанному королевскому дому, то получил на этот счет такие внушения от Наполеона: «Никогда не сдерживайся общественным мнением; расстреливай лазарони без милосердия; только спасительным страхом можешь ты приобрести уважение итальянцев. Твое поведение нерешительно; солдаты и генералы должны жить в изобилии; любезностями не выигрывается народная привязанность; в твоих прокламациях не довольно виден государь. Вижу с удовольствием, что возмутившаяся деревушка сожжена». Но Иосиф скоро увидел, что эти правила неприменимы в Испании; французские войска не устояли против всеобщего народного движения, Иосиф должен был оставить Мадрид и писал Наполеону: «Нужно было бы 100 000 постоянных эшафотов для поддержания государя, осужденного царствовать в Испании».

Эта неожиданная неудача должна была заставить Наполеона наречь все свои силы, чтоб смыть пятно с французского войска, потерявшего славу непобедимости, и задавить мятеж, как он называл восстание испанцев, тем более что англичане, отличавшиеся до сих пор такою медленностью и вялостью, когда дело шло о высадке их войска на помощь континентальным державам, теперь признали ближайший английский интерес, когда Наполеон наложил свою руку на Пиренейский полуостров, и выслали сюда войско. Но для того чтобы направить большие силы в Испанию, надобно было обеспечить себя насчет Востока, где была своего рода Испания — Пруссия, которой было сделано столько зла, что рассчитывать на ее доброе расположение было нельзя; корсиканец понимал это очень хорошо; там же была ненадежная Австрия, там была Россия, к движению которой могли примкнуть и Пруссия, и Австрия. Правда, русский император был друг и союзник; но он действовал не так, как бы хотелось императору французов, добивался Дунайских княжеств, но для них не хотел покинуть Пруссии, позволить отнять у нее Силезию. Надобно было вследствие испанских дел заручиться, что Россия не двинется, и для этого, делать нечего,

придется кое-что уступить ее государю; чтоб уступок не было или было их как можно меньше, чтоб было как можно больше обещаний, слов и меньше дела, надобно было личное свидание, на что уже давно согласился Александр. В сентябре союзники свиделись в Эрфурте.

Наполеону пришлось уступить, и не на словах, а на бумаге. Начали с того, что предположили мирные переговоры с Англией: основанием договора с нею было определено сохранение каждым того, чем владел (*uti possidetis*): таким образом, Россия получала Финляндию, Молдавию и Валахию, действительно занятые ее войсками; а Франция удерживала для Иосифа Бонапарта Испанию, которая не была занята французскими войсками и потому не подходила под *uti possidetis*, но тем легче было на это согласиться со стороны России. Русский император, занимая Молдавию и Валахию, должен был начать один на один переговоры с султаном для приобретения этих областей, без посредничества Франции; если Турция откажется уступить княжества, то в последующей за это войне Франция не примет участия, но если вмешается в войну Австрия или какая-нибудь другая держава, то Франция помогает России; равно Россия помогает Франции, если Австрия объявит ей войну. Оба императора обязались поддерживать целость всех других областей турецких.

С Наполеоном приехал в Эрфурт Талейран, который не был более министром иностранных дел, был в почетном удалении, не поладив с Наполеоном. Мы теперь должны ближе познакомиться с этим лицом. Знатный господин и епископ времен старой монархии, Талейран сбросил с себя церковный сан перед силой революционного движения. «Только сумасшедшие остаются в доме, который горит»,—говаривал он. Талейран вовремя успел уйти от гильотины; вовремя возвратился в отечество, когда революционная горячка стала утихать. Почувяв вовремя новую силу на очереди, он стал служить Наполеону, и Европа с этим страшным для нее именем привыкла соединять имя Талейрана, герцога Беневентского: в промежутки великих войн дипломатическая игра, сосредоточиваясь в Париже, шла с необыкновенной силой; после каждой кампании изменялась карта Европы, расстраивались старые союзы, приготавливались новые, и понятно, какое значение имел французский министр иностранных дел, как привык он видеть себя в центре громадной деятельности. Он привык, чтоб государи и народы заботливо и тоскливо смотрели на его портфель, заключавший в себе решения их участи. Авторитет неподражаемого дипломатического дельца, блестящие манеры, французская представительность, французское умение товар лицом продать, смелость, умение не стесняться ничем, озадачивать, свободно, властительно, по-барски обращаться с каждым вопросом, с каждым явлением—все это давало Талейрану

средства играть блестящую, видную роль и подле Наполеона, не затмеваться им. И вот эти два человека, которые так подходили друг к другу, разошлись...

С некоторого времени Талейран начал чувствовать, что в великолепном доме, который строил Наполеон, стало пахнуть гарью: пожар! [...]

Талейран увидел, что Наполеона или надобно пересилить, заставить действовать иначе, или низвергнуть; пусть дом горит, надобно только из него выбраться заблаговременно, а дом сгорит непременно, Франция долго не выдержит завоевательной системы Наполеона и терпение чужих народов прекратится.

Несмотря, однако, на холодность Наполеона к Талейрану, император взял последнего с собой в Эрфурт: при переговорах и договорах был необходим такой делец; в Эрфурте же находились Толстой и Коленкур. Главная цель поездки Наполеона была обеспечить себе бездействие Александра на Западе во время окончательного сокрушения испанских затруднений. Беспокоила Австрия: что, если бы удалось посорить с нею Россию окончательно? Между ними холодность, начавшаяся после Аустерлица, усилилась еще оттого, что Австрия не помогла России и Пруссии в последней войне. Наполеон ехал в Эрфурт, чтоб ссорить Россию с Австрией; Талейран ехал туда же с целью мирить Россию с Австрией, устроить между ними сближение. Коленкур находился совершенно под влиянием Талейрана и способствовал сближению его с графом Толстым, который приехал в Эрфурт в самом враждебном расположении к Наполеону.

Но Талейрану нужно было заявить императору Александру о своих отношениях к Наполеону, Франции, Европе. Он явился к русскому государю с такими словами: «Государь, зачем вы сюда приехали? Ваше дело спасать Европу, но достигнуть этого вы можете только борьбою с Наполеоном. Французский народ цивилизован, а его государь — варвар; русский государь — человек цивилизованный, а народ его — варварский: итак, русский государь должен быть союзником французского народа. Рейн, Альпы, Пиренеи — это завоевания Франции; остальное есть завоевание императора; Франция в этом не нуждается». По возвращении в Париж Талейран говорил австрийскому посланнику графу Меттерниху: «Со времен Аустерлица отношения Александра к Австрии никогда еще не были так благоприятны, как теперь; от вас и от вашего посланника в Петербурге (князя Шварценберга) зависит завязать между Россией и Австрией такие же тесные отношения, какие были до Аустерлица. Коленкур вполне разделяет мой политический взгляд, он будет содействовать князю Шварценбергу». Граф Толстой подтвердил Меттерниху слова Талейрана; поведение Коленкура в Эрфурте не оставило в Толстом никакого сомнения в неограниченной преданности его Талейрану,

который толковал Меттерниху: «Интерес самой Франции требует, чтоб государства, могущие противиться Наполеону, соединились и противопоставили оплот его ненасытному честолюбию. Дело Наполеона не есть более дело Франции; Европа может быть спасена только тесным союзом между Австрией и Россией».

Что такой союз был необходим, против этого никто не спорил, только этот союз был неполный, а главное — преждевременный: Россия, имея на руках две войны, шведскую и турецкую, не могла предпринять третью против Франции; если Наполеон хлопотал отвлечь внимание России от Запада, пока не управится в Испании, то Россия старалась воспользоваться испанскими затруднениями, чтоб тем временем управиться с Швецией и Турцией, обеспечить северо-западную границу приобретением Финляндии и занять необходимое положение на Нижнем Дунае, приобретением Молдавии и Валахии. В Петербурге очень хорошо знали, что в Вене именно последнего-то и не желают; но это обстоятельство, конечно, не могло быть побуждением для России спешить заключением союза с Австрией против Франции. С другой стороны, для полноты коалиции нужно было подождать Пруссии, которая обнаруживала признаки жизни, и жизни сильной, но была под ножом. Никто лучше Наполеона не чувствовал верности знаменитого изречения: «Ненавижу того, кого я оскорбил». Он ненавидел Пруссию по-корсикански, был убежден, что она платит ему тем же чувством, и потому мог успокоиться только с прекращением ее политического существования. В Тильзите он должен был согласиться на продолжение этого существования, согласиться на то, чтоб Пруссия осталась в союзе с Россией, под охраною последней, и это еще более усиливало его раздражение; нельзя ничего предпринять против Пруссии без протеста со стороны России, а Россия пока нужна. Несмотря на то что Пруссия по Тильзитскому миру потеряла половину своих земель и более чем половину народонаселения, Наполеон хотел отнять у нее Силезию и в случае согласия на это России соглашался на приобретение последней Дунайских княжеств; но Россия не согласилась.

Несмотря, однако, и на заступничество России, Наполеон придумал средство давить Пруссию: он не выводил из нее своих войск и, когда Россия требовала их вывода, отвечал сначала, что и Россия не выводит своих войск из Дунайских княжеств; а потом, что Пруссия не исполняет своих обязательств, не выплачивает контрибуции по договору. 157 000 французских солдат высасывали Пруссию, они тащили все: лошадей, скот, хлеб, деньги; их начальники задавали балы, праздники, на которые жители должны были поставлять припасы из дальних городов; а между тем торговля упала вследствие разрыва с Англией, вследствие континентальной системы страна наполнилась фальшивой монетой, цены необходимых вещей страшно возросли; тысячи отставных

чиновников и офицеров скитались без хлеба (из одних польских провинций 7000 чиновников). Наконец, испанские затруднения заставили Наполеона подумать об очищении Пруссии: войско понадобилось на Пиренейском полуострове; а между тем как оставить на свободе *озлобленную* Пруссию, которой сделано столько зла? И вот такие условия предлагает Наполеон прусскому принцу Вильгельму (брату королевскому), который семь месяцев понапрасну хлопотал в Париже о выводе войск: Пруссия за этот вывод должна была заплатить 194 миллиона франков; оставить в руках французов три приордерские крепости — Штеттин, Кюстрин и Гюгау, уменьшить свои войска до 42 000, помогать Франции войском в случае войны ее с Австрией. Принц Вильгельм мог выговорить только уменьшение 194 миллионов до 140 миллионов, да император Александр в Эрфурте склонил Наполеона уступить еще 20 миллионов.

Тяжкие испытания, материальные лишения различно действуют на различные характеры людей. Людей, слабых духом, они унижают до последней степени; все те, которые прежде были против борьбы с Францией во что бы то ни стало, теперь подняли головы под предводительством генералов Застрова и Кекерица; они торжествовали победу своей мудрости и советовали довести дело до конца, спасти Пруссию совершенным подчинением воле Наполеона, отказом от независимости, вступлением в Рейнский союз, которого Наполеон был протектором. К счастью для Пруссии, эти люди не победили, а на первый план выступили другие, которые при тяжелых испытаниях, при материальных лишениях обратились к духу народа, к его нравственным силам и стали содействовать их поднятию. Честь принадлежала королю за то, что он сумел дать место деятельности этих людей не без борьбы с самим собою, с известными предрассудками, слабостями власти; он сумел призвать к деятельности Штейна, которого еще недавно за несогласие изменить свои убеждения относительно преобразований высшего управления называл «упрямым, непослушным государственным слугой, гордящимся своими талантами, капризным, действующим по страсти, личной ненависти и раздражению».

Штейн был действительно упрям, страстен, властолюбив; но эти недостатки в великие и страшные для государств времена, времена собрания нравственных сил народа, прежде расточенных, становились драгоценными качествами при высоких основах Штейнова характера. На этих-то основах, религиозности и нравственности, Штейн хотел поднять народную жизнь в Пруссии, хотел в новые формы вложить дух, без которого формы самые лучшие остаются мертвы, не приносят пользы народу. Следствиями деятельности Штейна были уничтожение крепостного права, городское самоуправление, освобождение городов,

находившихся в частной зависимости. Несостоятельность войска вызывала военные преобразования, причем выдвинулись на первый план новые люди, новые способности — Шарнгорст, Гнейзенау, — Гнейзенау, который на самом себе испытал неудобства прежнего порядка: несмотря на познания и способности, он в 46 лет был только капитаном; товарищи в насмешку называли его капернаумским капитаном, потому что десять лет понапрасну ждал повышения.

Военная комиссия под председательством Шарнгорста уничтожила сословные преимущества в военной службе, всякий мог дослуживаться до высших чинов; право на офицерские чины в мирное время могли давать только познания, в военное — подвиги. Уничтожена вербовка за границей. За способность народа воспользоваться новыми формами ручалось нравственное движение, в нем обнаружившееся. Возбудителями и направляющими этого нравственного движения были, разумеется, люди науки: Шлейермахер, в своих «Речах о религии» старавшийся поднять религиозное чувство; Фихте — в «Речах к немецкому народу», Арндт — в «Духе века», возбуждавшие патриотизм и готовность к борьбе с демонической силой Наполеона.

Слово приносило свой плод — дело. Весной 1808 года в Кенигсберге образовалось небольшое общество: члены постановили устно и письменно содействовать усилению патриотизма, приверженности к государю и государственному устройству, религиозности, любви к науке и искусству, гуманитета и братства. Это общество, известное под названием Союза добродетели (Tugendbund), было утверждено королем, но в следующем же году уничтожено по политическим обстоятельствам вследствие враждебности к нему Франции, вследствие враждебности Австрии, где не хотели иметь дело с Шарнгорстом как с членом тугенбунда, и враждебности своих прусских шикателей на всякое высшее, нравственное движение в народе как опасное; эти господа боялись всего больше, что французы, раздраженные патриотическим движением, придут и возьмут их деньги. Общество исчезло, да и не для чего ему было более существовать, ибо движение, которого оно было плодом, распространялось более широкими волнами в народе.

Это движение не зависело от одного человека, не прекратилось, когда должен был сойти с поприща один из самых главных деятелей — Штейн. Французы перехватили письма его к князю Витгенштейну, где говорилось, что надобно поддерживать неудовольствие против французов в Вестфалии и побуждать Пруссию к союзу с Австрией. Как нарочно, это случилось перед заключением договора с принцем Вильгельмом о выводе французских войск из Пруссии. Наполеон воспользовался этим случаем, чтоб оправдать свое стремление давить Пруссию, оправдать

тяжелые условия, предложенные им принцу Вильгельму. Придавая письмам официальный характер, Наполеон объявлял, что Пруссия нарушила Тильзитский мир. «Я с быстротою молнии уничтожу всякое проявление злонамеренности,— говорил он прусскому посланнику,— по письмам одного из ваших министров я знаю, что у вас замышляют, как возлагают надежды на испанские события. Ошибаются: у Франции такая громадная сила, что она везде может противиться врагам своим. Я знаю все, я знаю образ мыслей ваших министров; меня провести нельзя». В Эрфурте император Александр, кроме уступки 20 000 000, не мог ничего сделать для облегчения участи Пруссии, потому что Наполеон выставлял письма Штейна как неопровержимое доказательство враждебности прусского правительства к Франции. Разумеется, самого Штейна Наполеон не мог оставить в покое: он настоял, чтоб король Фридрих-Вильгельм отставил своего министра; в Рейнском союзе Штейн был объявлен изгнанником и лишенным своих имений. Только в России мог он найти безопасное убежище.

Некоторые важные преобразования, замышляемые Штейном, не состоялись после его удаления; но движение в общем характере не останавливалось. В то время как Наполеон думал сдержать враждебное ему движение в Пруссии занятием сильнейших ее крепостей, прусское правительство заложило в Берлине крепость особого рода: в 1809 году, несмотря на страшные финансовые затруднения, основан был Берлинский университет, который при умном, патриотическом пользовании им, при стремлении сосредоточить в нем лучшие ученые силы Германии приучил молодые поколения ее смотреть на Берлин как на духовную столицу Германии, что необходимо приготавлило к политическому преобладанию Пруссии.

И в Австрии был порыв после погрома 1805 года обновиться внутренне. 1 февраля 1806 года император Франц издал удивительный манифест, в котором обещал увеличить внутренние государственные силы посредством распространения духовной культуры, оживления национальной промышленности, восстановления общественного кредита; явились попытки заменить чисто полицейское управление более деятельным, более творческим. Движение шло от нового министра иностранных дел графа Филиппа Стадиона. Мы видели, что Стадион, подобно своему предшественнику, был во главе воинственной партии, требовал присоединения Австрии к прусско-русскому союзу. Но дорогое время было пропущено; заключен был Тильзитский мир и союз между Россией и Францией, вследствие чего Австрия нашлась в самом затруднительном положении. По мнению Стадиона, это положение было такое же, как и после Пресбургского мира, т. е. судьба Австрии будет зависеть совершенно от произвола

Наполеона, от которого надобно ждать требований разных уступок и променов; будет ли Австрия соглашаться на все или выставит сопротивление—во всяком случае она рискует потерять свое существование.

Но Стадион обманулся на этот раз. Наполеону вовсе не нужно было затрагивать Австрию, потому что голова его была занята испанскими замыслами. Он после говорил, что об Испании уже шла речь в Тильзите и русский император был согласен на его распоряжения. Что в Тильзите шла речь об Испании—это более чем вероятно; но что Александр был согласен на последние распоряжения Наполеона относительно Испании—это опровергается приведенным выше письмом Наполеона к Александру из Байоны. Что Наполеон был занят в Тильзите Испанией, доказательством служит ласковый прием, сделанный им известному Штуттергейму, который 9 июля (н. ст.) приехал в Тильзит и прямо к Будбергу—испросить аудиенцию у императора Александра, который в этот вечер оставлял Тильзит. Александр не принял его; тогда он к Наполеону, которому прямо сказал: «Я послан был к императору Александру и королю Фридриху Вильгельму предложить еще раз посредничество Австрии. Но, к сожалению, опоздал». «Дело уже уладилось,—отвечал Наполеон,—я лично обязан вашему императору; мое положение много раз было затруднительно и было бы для меня очень опасно иметь на шею австрийскую армию; в каком положении ваши финансы?» «В хорошем,—отвечал Штуттергейм,—венгерцы склонны к жертвованиям». «Бумажные деньги,—заметил Наполеон,—производят революцию, разрушают дух войска; я советовал императору при личном свидании вырвать зло с корнем. Я ничего не требую, кроме следующего мне по договору; мы уладимся, повторяю еще раз: я обязан императору». Разговор кончился насмешками Наполеона над пруссаками и русскими.

Наполеон ласков. Но что это значит? Он что-нибудь задумывает такое, причем также не хочет иметь на шее австрийскую армию, но что это за новый замысел? Об Испании, разумеется, не догадались; был интерес поближе. Наполеон с Александром заключил союз: первым делом новых союзников будет поделить Турцию, страшная опасность для Австрии! Она очутится совершенно в тисках между двух колоссов, если бы даже ей что-нибудь и дали из остатков после львиной трапезы. Чрез несколько дней после Штуттергейма имел разговор с Наполеоном Винцент, который заметил, что ходят слухи, будто при тильзитских свиданиях решена судьба Порты. «Кто это говорит?—спросил сначала Наполеон, потом, подумавши немного, продолжал:—По этому предмету только вошли в соглашение, что я буду посредником мира с Портою, которой будут возвращены потерянные области, да и не вижу я, как этот раздел Турции произойдет; необходи-

мость мне это предписывает, мой вкус и желание влекут меня к этому разделу, но рассудок запрещает». «Мы,— заметил Винцент,— не имеем никакого интереса ускорять разложение большого гела Турции». «Правда,— сказал Наполеон,— но вы не умеете ни за что взяться, вы хотите соглашений насчет отдельных пунктов, прежде чем последовало соглашение об основаниях». Винцент заметил, что союз с Австрией гораздо более соответствовал бы интересам и видам императора французов, чем русский союз. «Согласен,— отвечал Наполеон,— вы порядочнее, чем русские, и уже из европеизма я бы желал сблизиться с вами, но вы не захотели. Впрочем, наши счета кончены, и я не вижу никакой причины к спору между Австрией и Францией».

В Вене мучились Восточным вопросом: разделят Турцию, и, что всего хуже, разделят без Австрии. Надобно заключить союз с Францией. «Союза не заключать,— отвечал австрийский посланник в Париже, знаменитый впоследствии граф Меттерних.— Нам предложат союз только тогда, когда поссорятся с Россией». Но если нельзя быть в союзе, то нужно сделать как-нибудь, чтоб не быть совершенно оставленными в стороне; сохранение Порты—на первом плане между интересами Австрии; но если Франция и Россия станут давить Турцию, то Австрия должна быть в третьих, «чтобы несоразмерным, односторонним увеличением этих государств судьба Австрии не ухудшилась».

И вдруг Талейран, который уже прежде толковал о присоединении к Австрии нижнедунайских земель, спрашивает Меттерниха, согласен ли его двор принять участие в разделе Турции. И указывает на Боснию и Болгарию, которые должны достаться Австрии. По мнению Стадиона, надобно было принять предложение, хотя назначаемая доля и невыгодна, о Сербии не упомянуто; да и вообще чрез это земельное увеличение Австрия не станет сильнее, ибо эти обе провинции, удаленные от центра монархии, населенные беспокойным и малообразованным народом, пограничные, вследствие раздела с Россией и Францией, принесут Австрии не выгоды, а только постоянную заботу и большие издержки для сохранения внутреннего спокойствия и внешней безопасности. Но делать нечего, из двух зол надобно избирать меньшее, только нельзя ли иначе определить долю Австрии, отдать ей область Хотинскую, Валахию до устья Димбовицы или Алуты в Дунай, турецкую Кроацию, Боснию, Сербию, Болгарию до устья Дуная и потом связать эти области с Архипелагом линией по реке Вардару до Салоник. Но и на это хотели согласиться только в крайности, и Меттерниху был послан наказ употребить все усилия для уничтожения замыслов Наполеона против Порты, и, главное, чтоб не было речи об обязательстве Австрии за свои новые приобретения уступить

что-нибудь из старых владений, именно прежде всего заботиться о сохранении Адриатического побережья.

Когда дело коснулось Восточного вопроса, то и эрцгерцог Карл вышел из своего миролюбивого настроения и подал две записки. «Наполеон,— писал он,— действует быстро; русские уже на берегах Дуная; успеют они занять Оршову и Белград, тогда Австрия потеряет базис своих операций и свободное пользование Дунаем, и доля ее при разделе будет зависеть от доброй воли чужих государей; поэтому Австрия должна обеспечить себе эти два города. Прежде всего для безопасности Австрии необходимо, чтоб Россия не овладела Молдавией и Валахией и не стала госпожою Дуная, не вошла ни в какое соприкосновение с подданными Австрии и не обхватила последней с юга».

Сам император Франц требовал, чтоб были употреблены все усилия сохранить Турецкую империю, как лучшую соседку Австрии; но Меттерних из Парижа и другие министры сообщали самые печальные известия: отказ Англии войти в мирные переговоры ведет к ускорению Восточного вопроса; Наполеон имеет в виду не одну Турцию, но и азиатские владения Англии, хочет склонить Россию к походу в Индию; Константинополь должен остаться нейтральным торговым городом; Россия возьмет левый берег Дуная до самого устья, Болгарию и Румелию как секундогенитиру для одного из великих князей, Австрии отдадут Сербию и Боснию. Франция возьмет адриатические берега и азиатские земли; уже собираются войска, назначены генералы. И все это был обман: морочили Востоком, чтоб отвести глаза от Запада. В первых числах апреля пришла громовая весть об испанских событиях; всех больше поразила она императора: дело пошло о смене династий; нынче Наполеон свергнул безо всякого повода Бурбонов испанских: что помещает ему завтра сделать то же с Габсбургами австрийскими? Австрия ему нужна: через ее владения идет прямая дорога на Восток, относительно которого он питает такие блестящие замыслы.

«Испанская династия,— говорит Стадион,— заслужила свою судьбу: она первая вошла в союз с Францией и служила ей с необыкновенным усердием. Ее гибелью Провидение нас предостерегает. Надобно воспользоваться предостережением и готовиться к борьбе». Воинственность овладела и эрцгерцогом Карлом. «Планы Наполеона стали ясны,— говорил он,— нечего спрашивать, чего он хочет: он хочет всего». Стали вооружаться; но было хорошо известно, что малейший шорох оружия поднимал Наполеона; Меттерних должен был выдержать публично его выходку: 15 августа, в день своих именин, на приеме дипломатического корпуса Наполеон громко говорил Меттерниху: «Ваше вооружение во всяком случае неполитично, возбуждая неудовольствие во Франции и России. Более 500 писем первых купцов

в Вене говорят о предстоящем разрыве; у вас публично оскорбляют французов и немцев из государств Рейнского союза: я не могу этого спокойно сносить». «Цель наших вооружений экономического свойства,— заметил Меттерних,— и, кроме того, она служит для сохранения равновесия в Европе». «Оставьте эти пустяки,— сказал Наполеон,— ваши побуждения мне известны; ваш двор хочет вмешаться в турецкие отношения, чтоб противодействовать Франции и России. Но в вашем интересе щадить меня и Россию; обманываетесь, если думаете, что можете противиться нам обоим. Если вы хотите войны, то зачем вы ее не объявили, когда я стоял на Немане; а теперь это была бы глупость, подобная прусской глупости. Я считаю войну неизбежной, и если ее не будет, то благодаря только русскому императору. Ваши вооружения заставляют и меня вооружаться, а это разорит Германию. Я сделаю двойной набор в этом году, и если мне не достанет мужчин, то я выставлю против вас женщин. Вы соберете 400 000. А я соберу 800 000; вы доставите мне финансовые средства. Два раза я был господином ваших владений и отдал их вам назад, а вы не стали умнее. Если вы не разоружитесь, то война неизбежна — война решительная, не на живот, а на смерть: или вы будете в Париже, или я в сердце австрийских владений. Ваши вооружения не нравятся в Петербурге; Александр вам объявит, чтоб вы разоружились, и вы разоружитесь; но тогда я не вам буду благодарен за сохранение спокойствия в Европе, а царю, и я вас не пушу к решению важных, вас касающихся вопросов, я буду вести дело вместе с Россией, а вы будете только смотреть».

Через несколько дней Меттерних явился к Наполеону с извещением, что вооружения Австрии прекращаются. «Будемте говорить с вами, как частные люди,— отвечал Наполеон,— никогда я не думал, чтобы Франц, Стадион или Карл хотели войны, вы в дурных отношениях с Россией, поэтому не можете объявить мне войны; но я боюсь, что вы вовлечетесь в войну со мною по ложным слухам. Вас испугали испанские события, вы ждете, что и с вами то же будет. Но какая разница! Испанией я должен был овладеть для обеспечения моего тыла; Годой вместо того, чтобы увеличивать морские силы, увеличил сухопутные, трон занимали Бурбоны, мои личные враги, они и я — мы не могли одновременно царствовать. Я делаю различие между домами бурбонским и лотарингским». «Угодно заключить с нами союз? Я готов вступить в переговоры»,— сказал Меттерних. «Для этого нужны прелиминарии; скажите императору Францу, что я считаю все поконченным».

Предложение союза было вовсе не кстати для Наполеона: он ехал в Эрфурт, и до результатов свидания с русским государем нельзя было входить ни в какие определения отношений. [...]

Но надобно кого-нибудь иметь в Эрфурте: отправили Винцента с двумя незначительными письмами Франца к обоим

императорам. Винцент привез из Эрфурта статьи договора, заключенного между Александром и Наполеоном, договора, очень неприятного для Австрии по отношению к Дунайским княжествам и к России в случае войны Австрии с Францией; привез и ответные письма от обоих императоров. Письмо Наполеона было самое дерзкое: «В моей власти было уничтожить австрийскую монархию; настоящее существование вашего величества есть следствие моей воли, доказательство, что наши счеты сведены и я ничего более от вас не требую. Но вы не должны поднимать вопроса, решенного пятнадцатилетнею войной, не должны подавать повода к новой войне. Ваше величество должны удержаться от всякого вооружения, которое может меня обеспокоить». Письмо Александра отличалось противоположным тоном; в нем была одна фраза, важная для Австрии: русский государь уверял императора Франца, что принимает участие в сохранении целостности Австрийской империи. Винцент объяснил, что это значит: Александр требовал от Наполеона, чтоб целостность Австрии не была нарушена; но Наполеон согласился на это с условием, чтоб Австрия прекратила вооружения. Талейран хвалился перед Меттернихом, что он вместе с Толстым склонили Александра не уступать требованиям Наполеона, враждебным Австрии.

Разумеется, было бы слишком странным предположение, что Талейран и Толстой могли убедить императора Александра в необходимости беречь Австрию от Наполеона. Прежде всего надобно было, чтоб Австрия сама себя берегла и не бросалась одна в войну с Наполеоном, но Австрия спешила сделать то, что Наполеон называл безумием и за что Пруссия так дорого поплатилась. Что же могло побуждать ее к этому? Она рассчитывала, во-первых, на испанские дела; но расчет был неверен, причем надобно заметить, что этим испанским делам вообще приписывают больше значения, чем сколько они имели. Из желания нанести испанскому движению решительный удар Наполеон мог в известное время стараться, чтоб его не отвлекали на Востоке; но Испания не могла поглотить все его силы; Испания могла быть для него тем, чем после Алжир был для Франции, Кавказ для России; но она не могла помешать ему распоряжаться в остальной Южной и Средней Европе. Во-вторых, Австрия рассчитывала, что как скоро она начнет войну с Наполеоном, то и в Германии произойдет то же самое, что в Испании,— народная война.

Стадион не ошибался в том, что борьба с Наполеоном начала принимать новый характер, что теперь она не была только борьбой правительств, но и борьбой народов. В 1804 году в известном проекте, который Новосильцев возил в Англию, император Александр предлагал убедить народы, что господство Наполеона не принесет им свободы и благоденствия; но теперь

народы убедились в этом сами, и сильная ненависть к Наполеону, к французскому владычеству, сильное поднятие патриотического чувства, особенно в Северной Германии, были следствием наполеоновского гнета. Но и на эти одни народные чувства Австрии рассчитывать было нельзя: чтоб эти чувства высказались, надобно было, чтоб Наполеон потерпел поражение, чтоб он потерял обаяние непобедимой силы, чтоб другая сила стала на германской почве и дала опору движению; иначе все могло ограничиться только отдельными вспышками, бесплодными и скоро потухающими. Стадион мечтал, что Австрия станет во главе этого нового, народного движения против наполеоновского ига, сокрушит всеобщего врага и этим приобретет себе право на первенствующее положение, ибо все государства пойдут за ней, а не она будет ходить за другими, как было до сих пор. Прекрасная мечта, которая делает честь мечтателю-патриоту. Стадион усыпил Австрию, и она видела прекрасный сон. Сон после и сбился, только не для Австрии.

Третьим побуждением для Австрии к начатию войны были донесения Меттерниха из Франции. «*Дружба, нейтралитет* суть слова, лишенные смысла для Наполеона,— писал Меттерних в конце 1808 года.— Прусская война, казалось, была предпринята для уничтожения приверженцев системы *нейтралитета*. Низвержение испанской династии, древнейшей, испытаннейшей и бескорыстнейшей союзницы не только Наполеона, но и всех прежних французских правительств (замечание важное, ибо уничтожает династическую враждебность), должно доказать миру, что никакое государство не может спастись *дружбою*. Нельзя быть ни врагом, ни нейтральным, ни другом — что же остается правительству, которое не может, подобно португальскому, уложить свои чемоданы и океаном отдалить себя от бича, удручающего Европу?» После этого вступления, знакомящего нас с литературными приемами человека, которого потом величали дипломатическим гением, Меттерних переходит к указаниям на возможность Австрии воевать с Наполеоном. Испанская война нанесла Франции большой урон; средства Франции против Австрии уменьшились наполовину, средства Австрии увеличились вдвое. Теперь уже сражается не французский народ; настоящая война не есть даже война французской армии, но чисто наполеоновская. Внутри Франции давно уже существует партия, противная завоевательным видам Наполеона; она сплотилась в молчании, сам Наполеон дал ей силу своим нападением на Испанию. Ее главы — Талейран и Фуше. «Мы дожили до того времени,— писал Меттерних,— когда союзники представляются нам внутри самой Франции; эти союзники не ничтожные интриганы: люди, имеющие право быть представителями нации, требуют нашей помощи; эта помощь есть наше собственное дело, всецело наше собственное дело, дело потомства!»

Итак, союзники — народ испанский, народ немецкий, союзники в самой Франции — Талейран и Фуше. Но старая союзница Россия будет против! Это останавливало. Меттерних успокаивал и на этот счет: он передавал в Вену убеждения Талейрана, что Наполеон не увлечет Александра против Австрии. Что по-прежнему самый тесный союз может быть заключен между Россией и Австрией. Талейран принадлежал к числу тех предсказателей, которые предсказывают верно, не обозначая только срока, когда сбудется предсказание; а в Вене, как обыкновенно бывает, назначили для исполнения самый ближайший срок. Потому что этого желали, не обращая внимания на главное, что Россия, не кончивши двух войн, как ей надобно, не может начать третьей. В добром расположении императора Александра к Австрии, в нежелании его отдать ее в жертву Наполеону нельзя было сомневаться, для этого не нужно было особенной пронципальности; если в Эрфурте было постановлено, что начатие Австрией войны обязывает Россию помогать Франции, то не мог же Александр предполагать, что Австрия ринется одна в войну.

Русский министр иностранных дел граф Румянцев, будучи после Эрфурта в Париже, прямо говорил Меттерниху, что придет время, когда тесный союз России с Австрией будет необходим для всеобщего избавления. [...]

Александр обещал медлить по возможности выступлением войск в поход и приказать им избегать по возможности всякого столкновения и враждебных действий с австрийцами. Вследствие этого обещания Шварценберг не передал предписанных ему из Вены угроз, что Австрия будет помогать Порте против России и содействовать восстановлению Польши.

От России обратились к Пруссии, которая очутилась между двух огней: с одной стороны, она находилась под ножом Наполеона, у которого было французского войска между Рейном и Эльбой 70 000, да в его распоряжении были войска польские, саксонские и вестфальские, числом до 80 000, а у Пруссии только 42 000. В два перехода саксонцы могли быть в Пюгау и отрезать Силезию, в три перехода французы и вестфальцы из Магдебурга могли быть в Берлине. Вступить в союз с Австрией против Франции значило идти на верную гибель; понятно, что император Александр должен был отклонять от этого Пруссию всеми силами; если уговаривали Австрию ждать удобнейшего времени, когда все главные силы Европы будут в сборе, то тем более должны были уговаривать Пруссию ждать «часа мщенья». Но с другой стороны, самое это положение под ножом было нестерпимо; как отдельные люди, так и целые народы в болезнях и страданиях не могут спокойно относиться к причинам и следствиям этих болезней и страданий и бросаются на первую возможность немедленного облегчения; надежда получить облегчение

растет соответственно желанию облегчения, да и во всяком случае кажется, что хуже настоящего положения уже не будет.

Кроме того, представлялась мысль: благоразумно или неблагоразумно поступает Австрия, но она непременно хочет воевать; если не присоединиться к ней и дать ей погибнуть, что станется с Пруссией? Новое торжество, новое усиление Наполеона есть вместе с тем новое бедствие, окончательное падение Пруссии, которую он будет замучивать на медленном огне. Всего печальнее было положение короля Фридриха-Вильгельма, который видел всю опасность разрыва с Францией, всю справедливость русских внушений: «Австрии король не спасет, а только решит собственную гибель, отнявши у России средства воспрепятствовать ей». И в то же время король должен был сдерживать нетерпение лучших людей, которые требовали войны с Наполеоном, требовали во имя страданий народа, который не хочет более сносить ига и двинется против воли короля.

Фридрих-Вильгельм должен был уступать этим воплям, позволять вести переговоры с Австрией о союзе, но в решительную минуту объявлял: «Не могу без России!» Это объявление не успокаивало его; невыносимо тяжело было беспрестанно встречаться с людьми, в глазах которых он читал упрек в слабости, нерешительности, трусости, и король пишет умоляющее письмо императору Александру, чтоб тот разорвал союз с Францией. Из Петербурга ответа нет. Эти требования с австрийской и прусской стороны не могли не производить здесь раздражающего, оскорбительного впечатления. В 1805 г., после долгих отнекиваний, Австрия вдруг рванулась на войну, не дождавшись русских войск, — потерпела поражение; Пруссия, несмотря на все наставления России, не двинулась. Потом и ей пришла охота повторить ошибку Австрии: в следующем году и она вдруг рванулась на войну одна — была разгромлена; Россия пришла к ней на помощь и, сдержав Наполеона, стала уговаривать Австрию войти в союз против него, что должно было иметь решительное значение. Австрия не двинулась; необходимым следствием был Тильзитский мир, и со всех сторон крики, упреки Александру в слабости, невыдержливости, изменчивости; а теперь, когда Россия занята двумя войнами, Австрия опять рвется на борьбу и требует русской помощи, того же требует и Пруссия! Это была какая-то насмешка над Россией. Тщетно император Александр говорил Австрии, чтоб подождала более благоприятного времени, что она может быть покойна, ее не тронут, он за это ручается. Ему не верили; верили — Талейрану, который советовал предупредить Наполеона войной. 8 февраля (н. ст.) 1809 года эрцгерцог Карл объявил в совете: «Я не подавал голоса за войну; ответственность падет на тех, которые ее непременно хотят». В апреле австрийцы начинают войну вторжением в Италию,

Баварию, герцогство Варшавское. Старая ошибка — разделение сил, старые следствия: Наполеон занимает Вену, одерживает решительную победу при Ваграме (8 июля), австрийцы спешат заключить перемирие (12 июля).

То, что Наполеон называл безумием, было сделано. Наполеон был сердит; сначала он объявил: «Не хочу мира с Австрией; я ее разделю на целый ряд независимых государств; только отречение императора Франца от престола понудит меня вступить в переговоры». В другой раз объявил: «Хотя я не имею никакого доверия к Австрии, однако решаюсь еще раз на мир и даже предложу умеренные условия, если Франц откажется от престола в пользу одного из членов императорской фамилии, и если императором будет великий герцог Вюрцбургский, то я оставлю монархию во всей ее целости». Эти грозные речи показывали, что мир может быть куплен только очень дорогою ценой. Во время перемирия образовались две партии — партия войны и партия мира, и первую поднимали требования Наполеона. Брались за разные планы: одни хотели, чтоб при посредстве английского посланника был заключен поскорее мир между Россией и Турцией, вследствие чего можно было бы образовать тройной союз между Австрией, Англией и Турцией; другие возражали, что, наоборот, надобно уговаривать турок к энергическому продолжению войны с Россией, пока последняя будет в союзе с Наполеоном. Меттерних предложил план восстановления Польши под самостоятельным государем, чтобы поднять поляков против Наполеона. Австрия уступала возобновленному государству Западную Галицию, обещала и остальную, если дадут вознаграждение в Италии или Германии; между Австрией, Пруссией, Польшей, Турцией, Англией, Испанией, Португалией, Сицилией и Сардинией должен быть заключен оборонительный и наступательный союз. Громоздкий план (с Португалией, Сицилией и Сардинией) был разрушен замечанием Стадиона: какая охота полякам для восстановления своего государства входить в союз с Австрией, когда они могут надеяться достичь этого гораздо легче посредством Франции? Притом Россия, увидавши австрийские замыслы, станет усерднее помогать Наполеону.

Из длинного меттерниховского перечня *возможных* союзников одна Англия могла бы оказать действительную помощь; но она спешила, вследствие британских интересов, испортить и теперь дело точно так же, как и в 1807 году. Стадион не напрасно рассчитывал на патриотические движения против французов в Северной Германии: они обнаружались. Но мы уже заметили, что эти движения могли бы иметь значение только тогда, когда получили бы помощь, опору и единство. Прусский майор Шилль поднял восстание и недалеко от Магдебурга побил французов, но, не видя ниоткуда помощи, заперся в Штральзунде, был там осажден и пал в битве; герцог Фридрих-Вильгельм Брауншвейг-

ский набрал себе кавалерийский отряд из 2000 человек («Черный легион мщения»), ворвался в Саксонию, овладел Дрезденом, Мейсеном и Лейпцигом; но опять, не видя ниоткуда помощи, должен был отступить пред превосходными силами вестфальского короля, пробился чрез всю Северную Германию и спасся на английских кораблях. Эти движения могли иметь успех, распространиться, если бы нашли себе опору; эту опору дало бы им английское войско, если бы высадилось где-нибудь на берегах Северной Германии; но такая отдаленная высадка была не в английских интересах, которые требовали овладения чем-нибудь более выгодным, ближайшим.

Чтоб овладеть Антверпеном и устьями Шельды, 40 000 англичан высадились на острове Валхерен и потерпели полную неудачу. В Испании английское войско под начальством Уеллеслея (после — лорда Веллингтона) должно было отступить перед французским маршалом Сультом в Португалию; испанское войско было разбито французами недалеко от Толедо. Эти известия заставили императора Франца принять тяжелые мирные условия и выдать тирольцев, которые геройски дрались за Австрию против французов и баварцев. 14 октября (н. ст.) был заключен Венский мир, по которому Австрия потеряла 2000 квадратных миль и три с половиною миллиона жителей; потеряна была Иллирия, которою она так дорожила и которая теперь так важна была для Наполеона по отношению к Балканскому полуострову, как сам Наполеон заявлял во время переговоров. Западная Галиция с Краковом и остальными областями, доставшимися Австрии по третьему разделу Польши, отошли к Варшавскому герцогству, Восточная Галиция к России; Австрия должна была присоединиться к континентальной системе, заплатить 85 миллионов контрибуции и обязалась не держать более 150 000 войска.

Исчез прекрасный сон, когда Австрии грезилось, что она находится в челе народов, восставших за свободу и независимость. Австрия прокляла коварный сон и поспешила погрузиться в действительность. Человек, который навел этот сон на Австрию, который вздумал было проповедовать какую-то духовную культуру, Стадигер, должен был удалиться, как глава воинственной партии, главный виновник неудавшейся войны. Все пришло в надлежащий порядок; император Франц не имел уже подле себя такого беспокойного, странного нововводителя и мог предаться вполне своей системе, системе освященной. По убеждению Франца, государство была машина, все государственное управление должно было идти, как заведенные часы. Ничто не должно нарушать обычного хода машины: раз заведена — и пусть идет. Нечего трогать, переменять — только испортишь: Иосиф II, как беспокойный, пытливый ребенок, вздумал потрогать машину, переменить колеса — и что же вышло? Только расстроил. Хорошо

шла машина прежде, пусть и теперь так же идет. «Держитесь старины, старина — хорошее дело, — говорил Франц профессорам Лайбахского лицея. — Нашим предкам было хорошо при старине, отчего же нам будет дурно? Теперь новые идеи в моде: я их не могу одобрить, никогда не одобрю». Новых идей было много в новых немецких книгах, печатанных в Северной Германии, и потому эти книги были строго запрещены в Австрии. Но при Иосифе II и в самой Австрии было напечатано много книг с разными идеями: более 2500 этих старых иосифовских книг было теперь запрещено в Австрии. В книжной торговле господствовали рыцарские романы. Рыцарские романы можно читать: они не расстраиывают головы разными идеями, не препятствуют пищеварению, а это главное: здоровый желудок, хороший стол и хорошая музыка — больше ничего не нужно для народного благосостояния. Есть, пить, наслаждаться музыкой и как можно меньше отягочать себя мыслью — вот главное правило доброго подданного. Музыка — очень хорошее искусство: она услаждает и успокаивает, убаюкивает. Франц был большой охотник до музыки и музыкантов: при нем музыкант мог дойти до генерал-адъютантского звания. Франц не любил войны и в мирное время не любил военных упражнений: тут было много движения, шума, блеска; все это способнее было возбуждать, чем успокаивать. Другое дело канцелярия: там все тихо, спокойно и правильно; бумага составляется, прочитывается, докладывается, занумеровывается, подписывается и передается законному правильному течению; течет тихо, плавно, спокойно, медленно, величаво, своим появлением в известных местах возбуждает тихое, спокойное движение, переписки, отписки; наконец, бумага совершает свой путь и впадает в море-океан бумажный. Течение бумаги окончательно, дело сделано. «Какое дело?» — спрашивают. Но такие вопросы могут поднимать только идеологи.

Направлению государя должен был соответствовать первый министр. Кобенцль и Стадион, несмотря на видимое различие, существенно были похожи друг на друга. Разница между ними была такая же, какая между вельможей XVIII века, с пудрою на голове, в расшитом золотом бархатном французском кафтане, и вельможей XIX века, в черном суконном фраке. Но оба были похожи друг на друга тем, что оба были министры беспокойные, воинственные, оба мечтали дать Австрии важное значение посредством борьбы с преобладающею силою Франции, и Стадион даже придумал какое-то внутреннее, народное движение, поднятие нравственных сил народных, какую-то духовную культуру, союз с народными движениями извне. Что же вышло хорошего? Следствием политики Кобенцля была несчастная война 1805 года; следствием политики Стадиона — несчастная война 1809 года. Эта политика осуждена своими следствиями; теперь должна быть

политика другая, и представителем этой новой политики является новый министр иностранных дел Меттерних. [...]

В настоящее время он отказался для Австрии от всякого почина в войне; если Австрия и должна была принять участие в войне, то когда другие сделают главные и самые трудные шаги, когда успех будет верен и выгоды несомненны. Такой образ действия признан для Австрии обязательным и навсегда. Спокойным, свободным от всякого влияния патриотического чувства взглядом взглянул Меттерних на Австрию и нашел, что она слаба, слаба не временно, не относительно только наполеоновской Франции, но слаба вообще, слаба сравнительно с Россией, Францией, Пруссией; слабость заключается в пестроте состава империи, в отсутствии национального единства, что с особенной ясностью выступило именно теперь, когда вопрос народности становился на очередь вследствие наполеоновского гнета.

В Испании, Германии обнаружилось народное движение против поработителей; Стадион и сам Меттерних признавали его необходимым и в Австрии для успеха борьбы; но когда Меттерних, в спокойную минуту, взглянул поближе на дело, то отчурался навсегда от мысли вызывать народное движение. В Пруссии движение было национальное, немецкое, оно обхватывало основное, теперь исключительное народонаселение государства и, распространяясь по Германии, служило только к поднятию значения Пруссии. Но в Австрии, составленной из нескольких народностей, национальный вопрос, вопрос о национальной равноправности, о неподчинении одной национальности другой, вел к усобице и разложению монархии. Как скоро страшная опасность была признана, в основу системы было положено отсутствие всякого внутреннего движения, все должно оставаться по-старому и пребывать в полном спокойствии. Но сохранение существующего порядка внутри Австрийской империи чрезвычайно трудно, если около будут происходить опасные движения и перемены. И потому главной задачей внешней политики Австрии должно быть сохранение старины по возможности во всех государствах Европы, преимущественно ближайших. При сознании своей слабости Австрия должна избегать войны. Но когда война готова будет возгореться между другими государствами, Австрия не может осудить себя на страдательное положение; она пользуется случаем показать свое значение, возвысить его, является посредницей, старается захватить в свои руки узел переговоров и направлять их по своим интересам, выжидая благоприятных обстоятельств, пользуясь каждою случайностью, грозя и отступая, опять грозя и отступая.

Это консервативное во что бы то ни стало стремление внутри и вне дало Австрии характер государства дипломатического: внутри, состоя из разных государств, из разных народов, она

должна управлять ими дипломатическими средствами, сохраняя равновесие, разделяя и властвуя; извне сознание слабости, страх пред решительными мерами, пред войной, заставляет поддерживать и поднимать свое значение также дипломатическими средствами, лавируя между сильными, разделяя их, одиноча сильнейших. Эти черты австрийской политики стали являться постоянными с тех пор, как заведование иностранными делами принял Меттерних, человек системы. Создавши себе раз систему, Меттерних проводил ее неуклонно, и так как основная ее черта, консерватизм, могла быть проведена для Австрии только при помощи проведения ее и в других государствах, то Меттерних является проповедником своей системы; эта система, по обстоятельствам времени, как увидим, приобрела сочувствие многих и многих, поэтому австрийский министр, автор системы, является главой школы, начинает играть роль наставника государей, руководителя министров. Ораторский талант, сильная логика давали ему к тому средства. Каждый политический вопрос учитель объяснял, указывал причины и следствия, приводил в связь с своей системой, прилагал к нему ее правила. Меттерних был охотник писать длинные послания, которые отзывались учительским тоном; основные положения он обыкновенно подчеркивал, точно в учебниках, где важнейшее печатается крупным шрифтом, а менее нужные подробности мелким. Меттерних знал все, что делается тайного в разных углах Европы, и готов был служить каждому государю сообщением нужных для последнего сведений, причем сообщал свои взгляды на то, как должно управлять народами для их благоденствия и для благоденствия правительства. Меттерних очень заботился о спокойствии простого рабочего народа, который в его глазах был настоящим народом. Этот народ, по словам Меттерниха, занят положительными и постоянными работами, и недосуг ему кидаться в отвлеченности и в честолюбие; этот народ желает только одного: сохранения спокойствия. Враги этого спокойствия, враги настоящего народа — это люди обыкновенно из среднего класса, которых самонадеянность, постоянная спутница полужнания, побуждает стремиться к новому, к переменам. Против этих-то людей Меттерних приглашал правительства составить союз.

Но благодетель настоящего народа забывал о достоинстве и обязанностях настоящего правительства. Настоящее правительство не задерживает свой народ, не видит настоящего народа только в неподвижной массе; оно вызывает из массы лучшие силы и употребляет их на благо народа; оно не боится этих сил, оно в тесном союзе с ними. Чтоб не бояться ничего, правительство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально, чтоб поддерживать и развивать в народе жизненные силы, постоянно кропить его живой водой, не допускать в нем

застоя, следовательно — гниения, не задерживать его в состоянии младенчества, нравственного бессилия, которое, в минуту искушения, делает его неспособным отразить удар, встретить твердо и спокойно, как прилично мужам, всякое движение, всякую новизну, критически относиться к каждому явлению; народу нужно либеральное, широкое воспитание, чтоб ему не колебаться, не мястись при первом порыве ветра, не восторгаться первым громким и красивым словом, не дурачиться и не бить стеклом, как дети, которых долго держали взаперти и вдруг выпустили на свободу. Но либеральное правительство должно быть сильно, и сильно оно тогда, когда привлекает к себе лучшие силы народа, опирается на них; правительство слабое не может проводить либеральных мер спокойно, оно рискует подвергнуть народ тем болезненным припадкам, которые называются революциями, ибо, возбудив, освободив известную силу, надобно и направить ее. Правительство сильное имеет право быть безнаказанно либеральным, и только люди очень близорукие считают нелиберальными правительства сильными, думают, что эту силу они приобрели вследствие нелиберальных мер. Дайте волю слабому ребенку, и сколько хороших вещей он перепортит, перебьет, переломает! Обращаться с вещами безжизненными очень просто; но другие приемы, потруднее и посложнее, требуются при обращении с телом живым, при охранении и развитии жизни [...]

РОССИЯ, АВСТРИЯ И АНГЛИЯ ВО ВРЕМЯ ДВИЖЕНИЯ 1848 И 1849 ГОДОВ *

Австрия должна быть самым консервативным государством в мире и стараться прежде всего, чтобы и в других государствах, особенно ближайших, также все оставалось по-старому, не было никакого сколько-нибудь сильного движения — вот основание политики Меттерниха; политики, необходимо вытекавшей из положения и состава Австрийского государства, политики чисто австрийской, ибо национальной ее назвать нельзя по отсутствию в Австрии единой, крепкой национальности. Всякое другое государство могло легче вынести движение, какое бы ослабляющее влияние оно ни производило, легче могло оправиться от самого сильного потрясения и получить от него еще новые средства исторического существования; но в Австрии малейшее движение, затронутие внешнего узла, искусственно, механически связывавшего отдельные, не имевшие внутренней органической связи части, грозило распадением всего здания. Долго дипломатический гений, как величали Меттерниха, умел заговаривать бури; но к концу пятого десятка века почувствовал, что дело становится все труднее и труднее, тогда как личные его силы под старость ослабевали; печальная мысль, что только случай может спасти Австрию, все более и более овладевала человеком системы.

Волновалась Италия, и толчок движения шел из Пьемонта. «В Генуе, Турине манифестации в пользу итальянского единства против Австрии и, следовательно, против положения дел, созданного трактатами 1815 года, происходят ежедневно и терпимы (если не одобряются) самым правительством», — читаем в депеше, отправленной петербургскому двору¹.

В конце 1847 г. туринский журнал *Concordia* напечатал резкую статью под покровительством, так сказать, сардинской цензуры: здесь с революционной развязностью снята маска и формулирована программа, достойная Маццини. Австрийский кабинет отправил курьера *ad hoc* с протестом против статьи и с требованием категорических объяснений относительно участия правительства в таких характеристичных тенденциях. Недавние симптомы показывают ясно, что революционная пропаганда

* Русская старина. 1877. Т. 20. № 11. С. 407—426.

¹ 30 декабря 1847 года.

распространяется и по Ломбардии. Употребляя и здесь те же средства, как в Средней Италии и Пьемонте, революционеры начинают с манифестаций, которые кажутся детскими, но которые, быть может, придуманы нарочно, чтоб заставить участвовать в них массы и возбудить более общее неудовольствие, когда правительство прекратит их. Этот расчет пропаганды, несмотря на свою пошлость, увлекает еще простаков. Милан с некоторого времени также имеет свои революционные оргии в клубах; его собрание провинциальных делегатов формулировало требования, по-видимому, незначительные, но которые носят знаменательную печать в незаконности способа их представления; наконец, в Милане обнаружился табачный бунт, пародия чайного бунта, имевшего следствием освобождение Северо-Американских Штатов. Правительство, уверенное в своей силе, будет до последней минуты идти путем покойного прекращения беспорядков. Клубы были закрыты; революционеры, захваченные на месте преступления, отреклись от своих слов, приписывая их тому, что были в нетрезвом виде. Табачный бунт воспроизведен был в один день по всей Ломбардии; но, по замечанию князя Меттерниха, правительство при этом имело на своей стороне всех курильщиков, то есть сильное большинство, и бунтовщики потерпели поражение. Событие имело более серьезный характер в Милане; вследствие ожесточения солдат пало несколько жертв, отчего произошло значительное возбуждение умов. Фельдмаршал Радецкий для избежания столкновений сосредоточил войска в казармах. Но он решился в крайнем случае разгромить город пушками.

Табачный бунт состоял в том, что революционеры бросились на курящих табак и стали вырывать у них трубки и сигары изо рта на том основании, что табак обложен был пошлиной в пользу правительства. Радецкий после схватки жителей с солдатами и по уходе последних в казармы советовал издать сильную прокламацию; вместо того эрцгерцог вице-король издавал прокламацию одну другой слабее, с обещаниями и с складыванием вины на солдат. Это ободрило миланцев, и к вице-королю явилась депутация с просьбой, чтоб он вывел гарнизон из Милана; но в этом эрцгерцог отказал.

В Вене были недовольны разногласием властей, слабостью вице-короля; особенно был недоволен Меттерних. Дипломатический гений по старой привычке принялся за перо и начал писать трактат об итальянском вопросе. Основная идея сочинения состояла в том, что система так называемых прогрессивных реформ, проповедуемая Гизо, в руках правительства слабых должна вести к анархии и сама по себе составляет революцию. Но что всего горестнее было для человека системы, так это то, что Англия — эта верная союзница Австрии против

России, эта горячая защитница неприкосновенности Турецкой империи, столь же дорогой и для Вены, как для Лондона,— Англия теперь принимала самое деятельное участие в возбуждении итальянских волнений. Меттерних получал об этом верные известия и в то же время получал от лорда Пальмерстона заявления, зачем Австрия вооружается в Италии: там царствует спокойствие и умножение числа войск бесполезно.

Дело объяснялось тем, что Австрия сближалась с Францией: Меттерних на бумаге был против системы Гизо, а на деле надеялся на помощь французского министра, который не мог равнодушно видеть в Италии распространения революционных идей, с которыми боролся у себя во Франции. Но при соперничестве Англии с Францией сближение Австрии с последней возбуждало вражду Англии, которая высказалась немедленно и вследствие характера лорда Пальмерстона, и вследствие постоянного отсутствия политической системы. Континентальное государство должно иметь политическую систему, потому что живет в тесной органической связи с другими государствами; островное британское государство — отрезанный ломоть от Европы — не хочет и не умеет создать себе систему, а руководится ближайшими интересами и соображениями; Австрия сближается с его соперницей Францией — надобно вредить Австрии, поддерживать, усиливать враждебные ей элементы в Италии; что из этого выйдет после, до этого дела нет, и Пальмерстон относительно бессистемности и преследования ближайших английских интересов был настоящий английский министр.

В конце января 1848 года представитель одной из главных континентальных держав имел любопытный разговор с Пальмерстоном. «Все, что происходит теперь на севере, в центре и на юге итальянского полуострова,— говорил посланник,— ведет не к прогрессу, не к реформе, а прямо к революции. Симпатизируя такому стремлению, куда вы хотите с ним достигнуть? Английская политика не имеет никакого интереса расстраивать государства, которые имеют известное значение в системе европейского равновесия. Напротив, ваш интерес требует поддержания в целости сил сопротивления, которые вам могут понадобиться, чтоб построить плотину против наводнения, а наводнение легко предвидеть, если Франции станет тесно в ее границах. Эту возможность разве вы не всегда имеете перед глазами? И если она осуществится, то к чему послужат вам все эти падающие государства, все эти возмущенные народы, все эти разрушенные троны?» Пальмерстон согласился, что тут есть правда, и признавал, что, по его мнению, король Людовик-Филипп не без удовольствия и не без задней мысли видел волнения в Сицилии.

«Если этот остров,— сказал Пальмерстон,— отделится от неаполитанской монархии, то это будущее наследство для одного

из принцев Орлеанского дома». При этом Пальмерстон уверял, что Англия сильно желает, чтоб Неаполитанское государство оставалось в целости при настоящей своей династии. «Англия,— замечает посланник в донесении своему двору,— Англия без твердо определенной системы последует за течением событий. Только одно у нее решение: если австрийцы вмешиваются в итальянские дела, французы также не замедлят там явиться: в таком случае эскадра адмирала Паркера должна покрыть своим флагом интересы либеральной стороны. Самое гибельное из всех заблуждений состоит в мнении, что происходящее в Италии может завершиться, не затронув серьезным образом общественного порядка в Европе».

В дипломатических кругах в Вене упрекали австрийский кабинет в том, что он, действуя нерешительно в начале итальянских волнений, приобрел себе отъявленного врага в лорде Пальмерстоне и ненадежного друга в французском кабинете, который, каковы бы, впрочем, ни были его намерения, сталкивается с итальянскими революционерами, прикрывая их дело именем прогрессивных улучшений. Австрия решилась допустить французское вмешательство в итальянские дела. В недавнем разговоре с одним из членов дипломатического корпуса Меттерних сказал, что в случае нужды Франция должна помочь королю Неаполитанскому. Кроме того, австрийскому кабинету нужна была поддержка Франции в швейцарских делах. Австрийская политика формулировалась таким образом: в вопросах общей политики теснее сблизиться с государствами самодержавными и германской конфедерацией и в то же время воспользоваться добрым расположением Франции; в отдельном вопросе, итальянском,— укрепить военное положение в Ломбардии, сделать его неодолимым изнутри и извне и дожидаться, пока соперничество Англии и Франции и ошибки, которые могут произойти, дадут Австрии средство восстановить свое прежнее положение.

Дождаться следствий чужих ошибок для поднятия своего значения— одно из основных правил австрийской политики, которое можно поставить подле другого правила—*felix Austria pube* (счастливая Австрия, заключай браки). В Ломбардии можно удержаться посредством военной силы, но как быть с Неаполем? Меттерних понимал, что время военного вмешательства во внутренние дела независимых государств для Австрии прошло; Меттерних счел необходимым уступить относительно внутренних вопросов и хотел спасти одно положение, чтоб внутренние волнения не изменяли границ государств, чтоб внутренние движения в разных местах Италии не имели влияния на постановления 1815 года, по которым Австрия владела Ломбардией. Меттерних говорил по поводу неаполитанских событий: «Это дела внутренние, в которые мы не призваны мешаться; при настоящих

обстоятельствах мы можем требовать одного — чтоб и другие в них не вмешивались и чтоб порядок вещей, созданный договорами 1815 года, не зависел более от революционной партии и не был искажен в предосуждение одного государства или к выгоде другого».

Луч надежды поласкал дипломатического гения перед самым началом страшного революционного урагана. Соперничество между Англией и Францией в Италии выказывалось все сильнее и сильнее. Начали выказываться и следствия чужих ошибок: стоило только теперь удвоить внимание. Меттерних с восторгом услышал о беспокоействах лорда Пальмерстона и других государственных людей Англии насчет неаполитанских дел; это беспокоейство усилился и будет иметь влияние на общественное мнение, когда узнают, что другие итальянские государства вступают на путь конституционных идей французских и чрез это подвергаются опасности подпасть под влияние правительства Людовика-Филиппа. Депеша Пальмерстона, врученная в начале февраля (ст. ст.) Меттерниху британским послом в Вене Понсонби, свидетельствовала о перемене в идеях английского премьера. Пальмерстон заявлял сильную заботу Англии относительно опасностей, грозивших положению Австрии в Италии, уверяя венский кабинет, что может положиться на помощь Англии, и выражая надежду, что Австрия не двинет своих войск за границу, советовал укреплять свое военное положение в Ломбардии и обеспечить целостность своих владений, что Англия считает существенным условием для поддержания общего мира.

Но впечатление, произведенное английской депешей, ослаблялось печальными вестями из Ломбардии. Волнение и раздражение усиливались с каждым днем. Слова «Смерть немцам!» слышались изо всех уст и часто переходили в дело; но что всего хуже — вместо того, чтобы дожидаться следствий чужих ошибок, надобно было опасаться очень дурных последствий ошибок своего правительства. Император Фердинанд, по болезненному состоянию своему, был не способен заниматься делами правления, которое потому сосредоточивалось в так называемой Государственной конференции, состоявшей из эрцгерцога Людвига, дяди императора, князя Меттерниха и графа Колловрата. По неимению детей у императора наследником престола считался брат его эрцгерцог Франц-Карл; жена его София приписывала плохое состояние дел в Ломбардии слабости вице-короля эрцгерцога Райнера. Она обратилась к эрцгерцогу Людвигу с требованием отозвать Райнера, неспособность которого может быть причиной разрушения монархии. Людвиг был человек нерешительный, да и тяжело ему было принять такую меру против Райнера, как старшего брата; эрцгерцог Иоанн был также против этой меры. Но София не отставала от своего требования. «Вы старик,—

говорила она Людвигу, — вам все равно; но вы губите монархию. И я не хочу, чтоб мои дети пошли потом по миру». Услыхав эти слова, эрцгерцог Людвиг объявил, что готов отказаться от правления в пользу эрцгерцога Франца-Карла; но тот отказался от этой чести. Следствием было охлаждение между членами императорской фамилии, эрцгерцог Людвиг и Иоанн перестали являться на придворных балах.

Эти явления и проистекшая от них слабость, бездействие правительства не обещали ничего хорошего. В дипломатических кругах были уверены, что если Австрия будет сохранять свое страдательное положение, то, несмотря на ее военные силы, жители Ломбардии будут продолжать свою враждебность к ней, будут добиваться независимости: в этом будут поддерживать их реформы, введенные в Пьемонте и готовящиеся в Тоскане и римских владениях, наконец, симпатия к этим реформам со стороны Франции и Англии. Подобный порядок вещей может ли быть продолжителен? Австрийское правительство принуждено было содержать 100 000 войска в Ломбардии; Меттерних говорил: «Быть может, мы будем принуждены послать туда 200, даже 300 000». Такое развитие военных сил должно кончиться истощением финансовых средств, уже и без того находящихся далеко не в цветущем состоянии. Но итальянские затруднения не одни. В Венгрии реформы, стремящиеся к демократизированию страны, парализуют влияние аристократии, влияние беспорядочное, но в сущности благоприятное для династии. Галиция, опустошенная голодом, отдана на жертву борьбе между землевладельцами и крестьянами. Та же борьба, хотя в меньшей степени, идет в Богемии, Штирии, Каринтии. Во всех этих областях правительство только материальной силой может заставить себе повиноваться. Не должно терять из виду деятельность так называемой партии прогресса, которая, хотя теперь и в меньшинстве, со дня на день, однако, приобретает все больше влияния и стремится к восстановлению привилегий чинов различных провинций. Если прибавить к этому величайшее зло положения, то есть дряхлость людей, держащих в руках правление, дряхлость людей, которая обнаруживает, быть может и в преувеличенном свете, дряхлость вещей, то должно согласиться, что кризис, в котором находится австрийская монархия, — один из самых серьезных. Нельзя ручаться за будущее этой монархии, если ее союзники не придут к ней на помощь и поддержкой нравственной, а в случае нужды и материальной не доставят ее правительству необходимую силу и энергию. Князь Меттерних не раз жаловался, что союзники покинули Австрию. Ждут слова русского императора, как якоря спасения: якорь спасения заключался в деньгах, которых австрийское правительство просило у русского.

Ожидание было но напрасно, просьба о деньгах была исполнена. Но события скоро заставили потребовать другой помощи.

20 февраля дипломатический корпус в Вене был поражен громовым известием о революции в Париже, об отречении Людовика-Филиппа. Один из членов дипломатического корпуса поспешил к Меттерниху и застал его в беседе с министром полиции. «Ну, дорогой мой,— обратился князь к дипломату,— все кончено! Напишите к себе домой, что, несмотря на всю крайность нашего положения, вы нашли меня сидящим прямо на своих креслах; рассматривая спокойно положение дел, я думаю, что если зло уже существует, то лучше бороться с явным злом, чем с скрытым. Не бывает зла без добра: по свыше определенному совпадению в ту минуту, как пришло известие о парижских событиях, я получил объявление из Петербурга, которое нам поможет в борьбе с последствиями этих событий: император посылает нам просимые суммы. В эту минуту парижские события еще представляют загадку; посмотрим, как объяснится дело; но для меня не существует ни малейшего сомнения, что оно в связи с большим радикальным заговором, которого признанная подпора — это лорд Пальмерстон».

До какой степени парижские события были загадкой для Меттерниха, видно из того, что он видел в отречении Людовика-Филиппа штуку самого короля, чтоб потом тверже опять усесться на престоле!

Как же отнесся к парижским событиям Пальмерстон, признанная подпора радикального заговора — по уверению Меттерниха? Пальмерстон объявил тому же посланнику одной из великих держав, что Англия не будет спешить своими решениями относительно этих событий. В настоящее время во Франции все еще провизуарно; установление республики было бы самым большим из неудобств, во-первых, потому, что соседство произвело бы движение в умах англичан, вовсе не желательное; во-вторых, потому, что республика по своему существу есть постоянная опасность, которая рано или поздно может повести к войне. Впрочем, Англия по конституционному принципу, ею управляющему, не имеет права навязывать Франции какую бы то ни было правительственную форму. Английское правительство, приостанавливаясь в своих решениях по этому предмету, будет готово открыться союзным кабинетам относительно будущего своего решения, как скоро явится возможность установить свое суждение на твердом порядке вещей, а не на таком неустойчивом и непрочном, как теперь. Пальмерстон не скрывал, как он озабочен тем, что может произойти в Бельгии, на Рейне, в Италии. «Я первый,— говорил он,— заявил австрийскому посланнику о необходимости соглашения его двора с Сардинским, чтоб выставить общее сопротивление враждебным предприятиям Франции, направленным к Италии».

При взрыве новой революции любопытно было выслушать мнение главы британских консерваторов, знаменитого герцога

Веллингтона, и наш дипломат отправился к нему. Дипломат напомнил герцогу, как много лет назад Веллингтон сказал ему: «Помните хорошенько, мы продолжаем быть в революции (*nous coutinuons toujours à être en révolution*)». «Что касается меня,— сказал на это герцог,— то я вовсе не удивляюсь тому, что происходит во Франции; немного ранее, немного позднее, но это должно было случиться. Я заметил, что, каждый раз как обнаруживался беспорядок, возмущение, республиканский дух был душою этого движения. Видите почему: во Франции со времен республики народ привык считать власть незаконной. Наполеон уничтожил республику: это было похищение власти в глазах народа. Потом точно так же смотрели на всякую перемену правления, и республика оставалась основной единственно законною формой в убеждениях народных. Династии прошли одна за другой, не пустивши корней; малейшее потрясение их низвергало; знаете ли почему? Потому, что монархия, раз поруганная, не имеет более власти над умами народа. Почему Стюарты не могли никогда утвердиться в Англии? Потому, что народ видел Марию Стюарт Шотландскую под судом и на эшафоте. Почему Бурбоны не пустили корней во Франции? Потому, что Людовик XVI был поруган, осужден на смерть возмущившимся народом. Теперь Орлеанская фамилия поругана, ее трон сожжен, дворец разграблен. Будьте уверены, с нею покончено. Скажут, что еще возможно регентство— пожалуй. Скажут, что граф Парижский может взойти на престол— согласен. Но я вам говорю, что династия пала навсегда, потому что привыкли к мысли, что она поругана народом и пала к стопам народа. Что произойдет во Франции—никто этого предвидеть не может. Что до меня касается, то я спрашиваю: кто этот человек, который будет Наполеоном Франции? Вот вопрос. Будет ли это Ламорисьер? Увидим. Франции нужен Наполеон. Вот что я говорю. Где он? Я его еще не вижу. Из вопроса, который теперь волнует мир, лучше всего сделать вопрос территориального владения, защищать свое имущество против всякого, кто к нему протягивает руку, сплотить свои ряды против общего врага, но оставить его хозяином управляться у себя, как он умеет и может. Революционные инстинкты кончат тем, что или истощат его, или совсем уничтожат».

Собеседник герцога по поводу его слов сделал такое замечание: «В этих мнениях, без сомнения, есть значительная доля правды; к несчастью, когда рассуждаешь о континентальных делах с государственными людьми Англии, то легко заметить у последних странные взгляды, зависящие от островного положения их страны. Они всегда думают, что пограничные государства могут уединиться относительно Франции, как будто бы последняя была окружена океаном. Они забывают, что на твердой

земле границы соприкасаются и что непосредственное соприкосновение с революционной Францией представляет для ее соседней постоянную опасность».

События, немедленно последовавшие, доказали всю справедливость взгляда нашего дипломата. Мы с своей стороны должны заметить, что в исторических выводах знаменитого герцога была значительная доля неправды. Судьба Марии Стюарт не имела никакого влияния на судьбу ее потомства в Англии. Стюарты два раза лишались престола потому, что не могли отречься от привычек, взглядов и убеждений, принесенных ими из Шотландии, проистекавших из всей истории этой фамилии здесь и нисколько не совместных с ходом дел в Англии. Как англичане были привязаны к этой фамилии, видно из того, что Ганноверский дом получил английский престол вследствие происхождения своего от Стюарта, не говоря уже о той трудности, с какою современники Иакова II решились отказаться от мужской линии Стюартов. Эта консервативность — стремление не порывать исторической связи, не нарушать исторического права — отличает историю политических движений в Англии в противоположность с историей этих движений во Франции. У людей в известных положениях часто недостает скромности вследствие привычки быть на треножнике и вещать среди слушателей, благоговейно внимающих изречениям оракула; от этого они забывают, что победитель Наполеона не приобретает на полях Ватерлоо способности делать правильные исторические сближения и выводы.

«Англия хочет мира, она его требует во что бы то ни стало, — писали из Лондона в Петербург в феврале, — она согласится вступить в борьбу с Францией, если только какой-нибудь интерес английский — торговый, морской — не подвергнется опасности. Что ей за дело до того, будет ли Ломбардия австрийской провинцией или цизальпинской республикой; что ей за дело, если Кёльн или Кобленц переменят государя. Она найдет, что это дурно; она будет протестовать, как протестовала против уничтожения вольности Кракова, но войны из-за этого не начнет. Иное дело, если французский флаг будет поднят в Антверпене или Остенде: это ее обеспокоит, ибо тут она увидит нарушение собственного интереса. Англия находится в выжидательном положении. Она не согласится возратить Францию к порядку вещей, более правильному, соединенными усилиями ее и государств континентальных по духу союзного договора 1815 года. Англия не может этого сделать, находясь под влиянием идей, господствующих теперь в ней. Республика для нее самой представляет не только политическую опасность, но и социальное несчастье, как и для остальной Европы. Ни один английский государственный человек не забывает, что рабочий вопрос, которым волнуются во Франции, есть и для Англии также вопрос жизни и смерти. Лорд

Дж. Россель не скрывает, до какой степени занимает его этот вопрос. Страна в эту минуту спокойна; но дурные страсти, которые дремлют нынче, могут проснуться. В один прекрасный день народ может потребовать у государства отчета относительно неудовлетворительности народного представительства и неравенства в положении классов и имущества. Гроза революционного уравнивания висит над Англией. Всякий это чувствует. Думают, что гроза разразится нескоро. Но ее считают возможной. Коммунизм пугает. Отсюда сильная озабоченность, но отсюда же и робость, с какой Англия смотрит на французские события. Тридцать три года мира сильно изменили положение дел в Англии. Если бы великие люди, боровшиеся с революционным духом 1792 года, встали из гробов, их смелость поколебалась бы перед затруднениями, под которыми гнутся Роберт Пиль и Джон Россель. Система, на которой остановился английский кабинет, держится средины между добром и злом.

Господствующая идея этой системы следующая: сохранять мир, отнять у Франции всякий повод к завоевательному движению, но не давать монархическим державам никакого ободрения, которое могло бы повести их к действию. Выжидающая, стоящая настороже, робкая Англия будет иметь для нас значение отрицательное. Она не сделает нам зла, но зато не будет служить и опорой, на которую мы могли бы с уверенностью полагаться».

Англия не хотела затрагивать революционную, республиканскую Францию в угоду охранителям; но зато не хотела затрагивать и Россию в угоду людям, которые кричали против России по поводу Восточного и Польского вопросов. Лорд Пальмерстон так отвечал этим господам в парламенте: «С 1840 года недоверчивость Англии к России, начавшаяся с 1830 года (только?), прекратилась, и все последующие обстоятельства привели британское правительство к убеждению, что русская политика по Восточному вопросу находится в полном согласии с политикой Англии, то есть состоит в том, чтоб поддерживать Оттоманскую империю и не допускать до раздробления ее территории. Что касается Польши, то для оказания ей помощи надобно было бы вступить в войну с Россией. Англия не сочла себя призванной к этому. Но, говорят, вы имели бы союзницей Францию. В таком случае Австрия и Пруссия по общности своих интересов с Россией сокрушили бы Польшу, и в Европе возгорелась бы континентальная война. Но, говорят, вы имели бы союзницей Швецию. Если бы она на это решилась, то надобно было бы из любви к Богу уговаривать ее оставаться спокойной, чтобы не обрушить на нее всю тяжесть русского могущества. Но, говорят, вы имели бы союзницей Турцию с ее двухсоттысячною кавалериею. В таком случае надобно было бы сказать туркам: мало вас еще били?

Одурели вы, что ли? Мало вам, что русские были в Адрианополе? Вам непременно хочется, чтобы они пришли в Константинополь! То же самое должно было бы сказать и Персии. Польша пала. В том, что случилось после, Англия могла найти много поводов к сожалению. Ее симпатии были сильно затронуты. Но все эти причины вместе не были довольно важны; они не представляли для Англии интереса достаточно прямого, чтоб она при каком бы то ни было правительстве захотела испытать случайности и поднять тяжесть войны».

Между тем Веллингтон в консервативных видах давал монархическим государствам советы, которые показывали, как мало знали в Англии положение этих государств, характеры, стремления действующих лиц. По мнению герцога, самая необходимая мера в интересе Венского двора должна была состоять в том, чтоб утверждать сардинского короля в системе бдительного нейтралитета с целью прикрыть большое место Австрии в Ломбардии. Согласно с этим, лорд Пальмерстон отправил английскому посланнику в Турине инструкцию уговорить тамошний двор постоянно держаться системы строгого нейтралитета, принимая с этою целью оборонительные меры, какие сочтет необходимыми. Но в Турине думали только о наступательных, ждали с нетерпением, когда революционный дух, веявший в Европе, коснется неприступной до сих пор для него Вены, чтоб броситься на дележ пестрой монархии Габсбургов.

Почин пошел из Венгрии, где на сейме известный адвокат Кошут после сильных выходов против системы Меттерниха предложил проект адреса к императору, где заключалась просьба об учреждении для Венгрии национального управления, независимого от чуждого влияния. Проект был принят, и депутация, членом которой был Кошут, отправлена в Вену, где речь Кошута на сейме читалась с восторгом и начали также составляться адреса, сначала умеренные, а потом все сильнее и сильнее. 1 марта, при открытии собрания чинов Нижней Австрии, раздались крики: «Мы хотим конституции! Да здравствует конституционный император Австрийский!» Произошла схватка революционеров с войском, образовалась сама собою национальная гвардия. Депутация от горожан является во дворец и объявляет об опасном состоянии города.

Во дворце начинаются долгие совещания; призывают самых значительных из горожан, и те объявляют, что могут отвечать за город только до 9 часов вечера, и если к этому времени правительство не примет какого-нибудь решения, то они не ручаются ни за что. В 8¹/₂ часов эрцгерцог Иоанн входит в залу конференций и говорит: «Господа! Вы все рассуждаете, а уже половина девятого; нам остается только полчаса». Тут граф Монтекукули и граф Бреунер решаются сказать Меттерниху, что народ желает

его удаления от дел. Меттерних отвечает: «Если я составляю единственное препятствие спокойствию монархии, то я удаляюсь». И, обратившись к городским депутатам, прибавил: «Ступайте. Скажите народу: с этой минуты я не принимаю более участия в делах».

Падение Меттерниха, бегство его в Англию многих поражало сильнее, чем изгнание Людовика-Филиппа, ибо привыкли думать, что знаменитый проповедник ультраконсерватизма, наставник государей в его теории долженствовал быть и хорошим практиком и, заправляя государственной машиной Австрии, должен был принять самые действительные меры для предохранения ее от разрушительных влияний революционного духа. И Меттерних не устоял!

Люди, бывшие внимательными наблюдателями последних лет жизни старой, меттерниховой Австрии, спешили сообщить о причинах поразительного явления. Этими причинами, по их мнению, были: устарелые формы; ничтожность людей; итальянские волнения; соглашения, установившиеся между итальянскими прогрессистами и прогрессистами других провинций империи; последние события в Париже; их отражения на юге Германии, особенно пример Мюнхена, как самый близкий. Но какое бы затруднительное положение ни создавали эти влияния для правительства, оно могло бы выйти из него, если бы оно отличалось силой, единством, ясным пониманием средств, какие должно было употреблять. Но австрийское правительство таким не было; можно сказать, что беспечность и ослепление его увеличивались вместе с затруднениями его положения.

Самая большая беда состояла в несогласиях, обнаружившихся в совете регентства. Началом несогласий было отозвание вице-короля из Ломбардии. Консервативная партия дала повод общественному мнению высказаться против Меттерниха как представителя принципов Священного союза, указывая на вмешательство России с целью напугать революционеров. В Венгрии партия графа Аппони, следуя внушениям правительства, сочла возможным сдержать оппозицию угрозой вступления в страну корпуса русских войск. Эта угроза, соединенная с толками, что Россия дала тридцать миллионов в распоряжение австрийского правительства, которое отдает в залог России Галицию и часть Венгрии, возбудила между венгерцами национальный дух и дала возможность Кошуту провести свои предложения. Успех этих движений мгновенно воспламенил общественное мнение в Вене. Князь Меттерних, на которого смотрели как на олицетворение русской системы, стал предметом всеобщей ненависти. В недрах самого правительства интриги усилились. Партия, враждебная Меттерниху, пользовалась нерешительностью, составлявшею отличительную черту в характере как его, так и эрцгерцога Людвига, пользовалась недостатком энергии,

предусмотрительности и бдительности графа Седленицкого, министра полиции.

Все знали, что готовятся демонстрации 1 марта по поводу собрания чинов. Во всех кофейнях говорили открыто, что Меттерних получил русские деньги под условием не делать никаких уступок; раздавались программы демонстраций. Никто из членов дипломатического корпуса не обманывался насчет важности положения.

Когда в Лондоне получены были известия, что революция овладела Берлином и Веной, лорд Пальмерстон сказал: «Англия и Россия представляют два больших корабля, которые одни не потеряли своих мачт во время бури. Посмотрим, можем ли мы, когда буря утихнет, отважиться спустить свои барки в море, чтоб спасти от кораблекрушения тех, которых еще не поглотило море».

Как следовало ожидать, после венского переворота в Австрии поднялась страшная разноголосица, вавилонское столпотворение: славяне, немцы, итальянцы, венгерцы заговорили по-своему, и крикливее всех были поляки. Их крики были направлены против России. Еще в марте месяце было в Вене несколько славянских собраний; одно было в числе 3000 человек. Рассуждали о судьбе различных славянских племен, очередь дошла до поляков. Один хорват в длинной речи доказывал, как губительна вражда поляков к России для всех славян, как этою усобицей между русскими и поляками воспользуются враги славян. Но в ответ раздались обычные польские крики против России, и поляки явились главными деятелями смуты. Кошут в борьбе Венгрии с Австрией всего более надеялся на поляков, их приглашал бороться за одно дело с Венгрией и для того ставил польских генералов Бема, Дембинского в челе венгерских войск.

9 июля два знатных хорвата явились в русское посольство с объявлением от имени бана Иелачича о своем несчастном положении: венгерское министерство не дает им ничего на содержание их войска, которое сражается в Италии; им остается одно из двух: или отдаться совершенно Венгрии и увеличить венгерское войско своим к невыгоде австрийского правительства, или передаться на сторону итальянцев, которые их зовут и к которым у их народа гораздо больше сочувствия, чем к венгерцам. Не желая ни того, ни другого, бан спрашивает, нельзя ли им обратиться к императору Николаю с просьбой о помощи; нельзя ли получить от России какую-нибудь денежную сумму или гарантию для займа. Им отвечали, что политика России состоит в поддержании целостности австрийской монархии и спасении династии; Россия, следовательно, сочувствует всем и всему, что содействует достижению этих целей; но, с другой стороны, она твердо решилась не вмешиваться во внутренние дела других стран.

Но это невмешательство должно было прекратиться, когда внутренние австрийские движения начали окрашиваться польскими цветами. Из Англии слышались предостережения от ватерлооского победителя.

«В моих глазах,—говорил Веллингтон,—военное положение русского императора в Царстве Польском есть якорь спасения для целой Европы. Это положение надобно удержать нетронутым до тех пор, пока отношения определятся в прочих странах. Никто не может предвидеть, что произойдет из всего этого. Одно я очень хорошо понимаю: это то, что военное положение русского императора в Польше составляет единственный операционный базис для монархической Европы. Вот почему для общего блага необходимо, чтобы это положение оставалось нетронутым».

В сентябре 1848 года русский посланник в Вене граф Медем обратил внимание австрийского министерства на состояние Кракова как гнезда революции. По письму графа Нессельроде Медем должен был выразить сожаление, что австрийское правительство смотрит на это так равнодушно, напомнить, что Краков был присоединен к Австрии именно для того, чтобы положить конец революционным затеям, которых Краков был очагом. Если эта цель не достигается, если австрийское правительство не в состоянии выполнить обязательств, принятых им на себя при взятии Кракова в свое владение, то император Николай не позволит, чтоб революция утвердилась на постоянное жительство подле границ его империи, и может прибегнуть к мерам, какие ему внушит обязанность законной защиты. В октябре первенствующий министр граф Феликс Шварценберг выразил графу Медему желание австрийского правительства для большего упрочения безопасности империй получить надежду в случае нужды на помощь русских войск.

Отношения борющейся за свое существование Австрии к двум большим кораблям, не тронутым революционной бурей, оказались в конце года. С известием о восшествии на престол императора Франца-Иосифа отправился в Петербург эрцгерцог Вильгельм; но этой чести не могли оказать английской королеве, желая пощадить эрцгерцога от встречи с лордом Пальмерстоном, который при каждом случае давал ясные знаки своего нерасположения к Австрии. Мы видели, что в начале революционных движений лорд Пальмерстон советовал туринскому кабинету соблюдать строгий нейтралитет. Но Карл-Альберт только и ждал той благоприятной минуты, когда смуты потрясут здание Австрийской империи, чтоб напасть на Ломбардию. Когда сардинский посланник стал объяснять лорду Пальмерстону побуждения, заставлявшие его короля принять враждебное положение относительно Австрии, то английский министр отвечал ему: «Я вас слушаю, но вам не отвечаю».

Пальмерстон предположил, что Австрия не выдержит революционной бури, распадется или по крайней мере страшно ослабеет и не будет в состоянии бороться с Францией, которая была постоянно на первом плане для англичанина как самый опасный враг; потому надобно было создать новый оплот против Франции, которым должно было служить усиленное Сардинское королевство. Лорд Пальмерстон прямо высказался на этот счет австрийскому посланнику, что потеря Ломбардии для Австрии составляет совершившийся факт и что, соединяясь с Сардинией, она получает политическое значение оплота между Австрией и Францией; потом, принявши участие в переговорах между Австрией и Сардинией, Англия настаивала сначала на уступке всего Ломбардо-Венецианского королевства Сардинии, а после — хотя одной Ломбардии, чем сильно озлобила против себя австрийское правительство. Кроме того, узнавши, что австрийское правительство желает приобрести в Англии несколько военных пароходов и набрать для них матросов, лорд Пальмерстон выставил этому всевозможные препятствия. Наконец, когда фельдмаршал Радецкий наложил денежную пеню на ломбардскую знать, принимавшую участие в революционном движении, лорд Пальмерстон поручил английскому посланнику в Вене сделать против этого распоряжения серьезные представления.

Венгерцы сначала не признавали нового императора, а потом, в апреле 1849 года, австрийский дом был объявлен лишенным венгерского престола, и Венгрия была объявлена республикой. В марте граф Медем донес, что Шварценберг, представляя несостоятельность австрийской армии против венгерцев, усиленных особенно поляками, просит сосредоточения русских войск на границах Буковины и Галиции, чтобы в случае нужды они могли действовать заодно с австрийскими против мятежников. Чрез несколько дней после этого Шварценберг представлял Меду опасное состояние Трансильвании как революционного гнезда: «Движение направляется поляками, к которым присоединились итальянцы, французы, немцы и даже несколько англичан. Овладевши Трансильванией, они хотят действовать в Дунайских княжествах; необходимо прекратить такое положение дел, необходимо вступление русских войск. В числе от 25 до 30 000 человек; русские вступят в Трансильванию, австрийцы будут действовать в Венгрии».

В то же время герцог Веллингтон говорил русскому послу барону Бруннову: «Время Австрии покончить с Венгрией. Если у нее нет для этого средств, пусть просит их у вашего государя. Но надобно, чтоб эти средства были достаточны. Просить 4000, когда надобно было 40 000,—это была ошибка, большая ошибка». Барон Бруннов передал эти слова Веллингтона князю Меттерниху, жившему тогда в Лондоне. Меттерних отвечал: «Замеча-

ние герцога напоминает мне, что случилось после трокадерской кампании. Мадридский кабинет обратился к Увару с просьбой ссудить ему 20 миллионов франков. Увар отвечал: «Я не знаю ни одного банкира в Европе, который бы согласился дать Испании 20 миллионов; но если б она спросила 200 миллионов, то я бы завтра же их ей доставил»».

На представления Шварценберга пришел ответ из Петербурга, согласный с мнением Веллингтона: император Николай готов подать помощь только под условиями: 1) чтоб вспомогательный корпус был значительный; 2) чтоб он не соединялся с австрийскими войсками для избежания столкновений. Условия были приняты.

В Англии не все смотрели на дело глазами Веллингтона. Лорд Пальмерстон говорил: «Можно сожалеть о факте, не отвергая его необходимости. В публике сначала было сильное сочувствие к венгерскому делу; сочувствие охладело, когда увидели, что в этом деле принимают участие революционеры польские, итальянские, французские. Противообщественный характер, принятый от этого борьбою, охладил жар самых ревностных приверженцев венгерской свободы. Когда барон Бруннов дал знать английским министрам, что Киселев снова назначен поверенным в делах в Париже, то это известие было принято с живейшим удовольствием. В интересе английского кабинета было не давать русскому походу против Венгрии вид движения, организованного в больших размерах против конституционного порядка Западной Европы. Если б такова была мысль, руководившая русским вооруженным вмешательством, то трудно было бы британскому кабинету отнестись равнодушно к реакции, которою английская публика была бы сильно встревожена, ибо увидела бы в ней сигнал к войне за принципы, могущие нарушить мир всей вселенной.

Этот страх теперь был удален восстановлением дипломатических отношений между Россией и Францией. Внутренно британский кабинет был убежден в необходимости и пользе прихода России на помощь к Австрии; но при этом его мучила мысль, что эта помощь даст России преимущество пред Австрией, даже некоторое господство над нею. То же беспокойство разделяла с правительством и публика. Один из влиятельных членов кабинета сказал: «Мы увидим, что Австрия после этого низойдет на степень вассальной державы относительно России». Вследствие этого страха британский кабинет стал придумывать, как бы найти противовес русскому влиянию на Австрию. Поэтому Англия так благоприятно смотрела на усиление Пруссии в Германии и стала сблизать ее с Францией, даже решилась терпеливо смотреть, как последняя усиливала свое влияние в Италии, ибо это будет вредно для Австрии. Самолюбие лорда Пальмерстона

сильно пострадало от неудачи его итальянской политики. Противники воспользовались этим, чтобы его унижить и отнять у него кредит; это раздражило Пальмерстона до крайности, и он вымещал удары противников на Австрии. Лорд Дж. Россель относился к делу иначе; он говорил: «Счастье, что Кошут дал этой борьбе характер движения чисто анархического. Нам было бы труднее, если б он держался на конституционной почве защиты национальных прав и вольностей. Явления приняли характер социальной дезорганизации. Этого не любят в Англии».

Когда барон Бруннов объявил Пальмерстону, что граф Берг отправлен в Вену для соглашений насчет венгерской кампании, тот отвечал: «Кончайте с этим скорее».

Кончили скоро.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август III, польский король 203—207
Аврамий, игумен 22
Аддингтон, английский министр 344, 348
Адольф, сторож князя Кейстута 91
Азара, испанский посол во Франции 348
Акинф, суздальский боярин 169
Ако, старшина ливов 47
Александр Ахия, турецкий царевич 141, 142
Александр, князь литовский, сын Казимира 77, 108—113
Александр, князь тверской, псковский 64, 65
Александр I Павлович, российский император 328—331, 334, 336—340, 343, 344, 349, 350, 353—356, 362—364, 368—370, 375—377, 380—383, 385, 388, 389, 391—393, 395—402, 405—413, 415, 418, 421, 424, 428, 429, 431—434, 436—438, 440—442, 446, 447, 450—455, 457—469, 472, 473, 475, 477, 478, 481, 482, 484, 485
Александр III, папа римский 43
Александр Васильевич, князь суздальский 168
Александр Юрьевич, князь, виленский воевода, литовский посол в Москве 113—120
Александр Ярославич Невский, князь новгородский, вел. князь владимирский 58—61, 63, 73, 79, 168—170
Алексей Михайлович, русский царь 151, 184—186, 188, 212
Алексий (Олексий), юрьевский епископ 28
Алопеус 1-й, русский посланник в Берлине и Лондоне 362, 364, 386, 392, 393, 407, 414, 415, 425, 460
Алопеус 2-й, русский посланник в Стокгольме 385
Алоэ, агент саксонского принца Карла 261
Альберони Хулио, кардинал испанский, дипломат, гос. деятель 322
Альберт, епископ 45—49, 51, 56
Ангелов Микула, московский посол в Литву 117
Ангьенский (Ангиенский), герцог 363—366, 369, 386, 508, 512
Андреев Коленик, гетман 138
Андрей, князь, сын Ольгерда 68, 69
Андрей Александрович, князь суздальский 168—170
Андрей Васильевич, князь можайский 102, 104
Андрей Константинович, князь суздальский 168
Андрей Юрьевич Боголюбский, вел. князь владимирский 11, 12, 24—26, 28
Андрей фон Штунланд, ливонский магистр 87
Андрей Ярославич, князь владимирский 168, 169
Андреян Выдобычинский, белгородский епископ 28
Анна (Янка), дочь вел. князя Всеволода Ярославича 6, 11
Анна Иоанновна, российская императрица 250
Аннин Василий (Васька), торговец 106
Антоний, игумен Киево-Печерского монастыря 21, 22
Антоний (Онтий), новгородский епископ 28, 29
Антоний, старец 194, 196
Антоний, черниговский епископ 28
Аппони, граф, венгерский министр 503
Арандаренко Тимофей, гетман Войска Запорожского 143
Армфельд, барон, шведский майор, волонтер русской армии 258

- Ардт Иоганн, немецкий писатель-богослов 476
- Арнольд фон Неундорф, командор нелетельстандтский 57
- Арсений, инок 64
- Арсений, канонархист Троице-Сергиева монастыря 194—196
- Арсений, новгородский епископ 29
- Аскольд, полулегендарный киевский князь 33
- Афанасьев Иван, гость, посол Ивана IV Васильевича 125
- Багратион Петр Иванович, князь, генерал 397
- Барабаш (Барабашенок) Яков Федорович, запорожский кошевой атаман 155, 157, 158, 161
- Бартольд, бременский епископ 44
- Безбородко Александр Андреевич, князь, гос. деятель, дипломат, канцлер 235, 246, 248
- Бейме, прусский тайный кабинет-советник 426, 431
- Бекет, московский купец 103
- Беклемишев Берсень (Берсенеv) Иван Никитич, московский боярин 108
- Белевские, князья 108, 111, 112
- Белевский Андрей Васильевич, князь 107, 110
- Белевский Василий Васильевич, князь 110, 115
- Белевский Иван Васильевич, князь 106, 107, 118
- Белобородок, антверпенский купец 125
- Белосельский Михаил, князь 363
- Бем, генерал 559
- Беневский Станислав, волынский каштелян, польский посол в Россию 161
- Беннигсен Леонтий Леонтьевич, граф, генерал от кавалерии 432, 434, 435, 438—442, 450
- Бенуа, секретарь прусского посольства, затем резидент в Варшаве 225, 272, 284, 295, 309, 317, 318
- Берг, русский поверенный в Вене 508
- Бернгард фон дер Борх, магистр 77
- Бертран, французский генерал 435, 436
- Беспалый (Безпалый) Иван, наказной гетман, затем войсковой судья 163, 164
- Бестужев-Рюмин Алексей Петрович, граф, гос. деятель, дипломат, канцлер 205, 206
- Беффарт фон. вел. магистр Ливонского ордена 66
- Бибиков Александр Иванович, гос. и воен. деятель, генерал-аншеф, сенатор 303, 308, 312—314, 317
- Билибин, дьяк во Пскове 122
- Блазновы, вологодские оброчники 121
- Бобровский, шляхтич 278—280
- Богарне Евгений, пасынок Наполеона I 410, 415
- Богарне Жозефина, жена Наполеона I 353, 475
- Богдан, литовский посол в Москву 109
- Бокей Василий, литовский посол в Москву 117
- Бонапарт, см. Наполеон I
- Бонапарт Иероним, брат Наполеона, вестфальский король 446, 455
- Бонапарт Иосиф (Жозеф), брат Наполеона, испанский король 345, 352, 353, 381, 383, 416, 421, 460, 468, 470, 471
- Бонапарт Каролина, сестра Наполеона 415
- Бонапарт Луциан, брат Наполеона 353, 507
- Бонапарт Людовик, брат Наполеона, голландский король 415, 468, 469
- Бонапарты, династия французских императоров 446, 461
- Борецкий, см. Иов Борецкий
- Борис, князь новгородский, сын князя Андрея Александровича 168
- Борис Михайлович, боярин 196
- Борх, вице-канцлер, польский коронный 294, 295, 297, 301, 307
- Боус Джером, английский посол в Москве 125, 127
- Браницкий Ян, граф, вел. гетман коронный 209, 210, 246, 285, 286, 291, 292, 301, 302, 318
- Бреунер, граф, австрийский министр 502
- Бруннов, барон, русский посол в Англии 506—508
- Бруно, магистр Ливонского ордена 65

- Брюль Генрих фон, граф, польский министр 204
Брюс 254
Будберг, барон, русский министр иностранных дел 414, 415, 425, 441—443, 449, 453, 462, 478, 481
Буксгевден, русский генерал 432, 434
Булгак Георгий, пинский епископ 216
Булгаков, посол в Константинополе 241
Бурбоны, испанская королевская династия 468, 480, 481
Бурбоны, французская королевская династия 232, 363, 378, 416, 461, 483, 484, 499
Бутурлин Андрей Васильевич, боярин, киевский воевода 152, 154
Бывалецкий, князь 103, 109
- Василий, князь, брат Андрея Васильевича, князя белевского 107
Василий, поп 30
Василий I Македонянин, византийский император 18
Василий II Васильевич Темный, вел. князь московский 72, 73, 101, 111, 112
Василий I Дмитриевич, вел. князь московский 70, 71, 99, 101
Василий Иванович Шуйский, князь, боярин, затем царь 169, 190, 195, 197
Василий Михайлович, князь верейский 104
Василий Михайлович, князь, сын князя суздальского Михаила Андреевича 168
Василий Онисимович, островский посадник 67
Василько Ростиславич, князь теребовльский 23
Вашингтон Джордж, первый президент США, главнокомандующий 323
Веймарн Иван Иванович, русский генерал 289, 299, 300, 303, 308, 316
Вейнротер (Вейротер), австрийский полковник 400, 428
Велиопольский, маркиз, краковский земский посол 273
- Веллингтон Артур Уэлсли, герцог, английский фельдмаршал 487, 499, 502, 503, 507
Вельгурский (Виельгурский), литовский кухмистр 260, 265, 274
Верблюдо Игнат, московский купец 105
Верейский, московский беглец 120
Вернер фон Брейтгузен, магистр 60
Вернер фон Орселен, комендант крепости Рогнега 89
Верхуслава (Анастасия), жена вел. князя Ростислава Рюриковича, дочь князя Всеволода Рюриковича 14, 28
Веселицкий, русский посланник в Крымском ханстве 239
Вессель, граф, казначей, великий коронный 266
Вильгельм, прусский принц, брат короля Фридриха-Вильгельма III 475—477
Вильгельм, австрийский эрцгерцог 505
Виндгам, английский лорд 345
Винно фон Рорбах, магистр Ливонского ордена 45
Винрих фон Книпрод, вел. магистр Тевтонского ордена 91
Винцент, австрийский генерал 447, 448, 478, 479, 482
Витгенштейн, князь 476
Витенес, князь литовский 65
Витовт, вел. князь литовский, сын вел. князя Кейстута Гедиминовича 70—72, 92—99, 101
Вишневецкий, князь 145, 147
Владимир, князь галицкий 11
Владимир, князь полоцкий 43
Владимир Мстиславич, князь псковский 50—53, 56
Владимир I Святославич, вел. князь киевский 7, 10, 13, 18, 19, 39, 194
Владимир II Мономах, вел. князь киевский 10, 13, 15, 23, 63
Владислав, польский королевич 136, 137, 143
Владислав Ягайло, см. Ягайло
Владычко, товарищ литовского посла 109
Воишелг, князь литовский, сын Миндовга 60
Войтех Табор, виленский епископ 111

- Волквин, магистр Ливонского ордена 56, 57
- Волковский Михаил Никитич, князь, генерал-майор, посол в Польше 288—299, 303, 305, 306
- Володимирович Федор Иванович, князь 104
- Вольнский, шляхтич 278—280
- Вонжа, управляющий имением 279
- Воронцов Александр Романович, граф, дипломат, канцлер 334, 335, 337, 338, 349, 350, 362, 368—373, 382, 387
- Воронцов Михаил Илларионович, граф, гос. деятель, дипломат, канцлер 242, 254, 334
- Воронцов Семен Романович, граф, посол в Лондоне 333—336, 338, 343, 344, 349, 350, 370, 371, 373, 374, 377—380, 413, 418, 419
- Воронцова Елисавета Романовна, фаворитка Петра III 334
- Воронцовы, графы 335, 338, 339, 349, 370, 387
- Воротынские, князья 103, 104, 107, 108, 111, 112, 117
- Воротынский Дмитрий Федорович, князь 106
- Воротынский Иван Михайлович, князь, боярин 106
- Воротынский Семен Федорович, князь 106, 110, 116
- Ворошилов Василий, московский купец 103
- Всеволод, князь Гёрсика 49, 50, 52
- Всеволод Ольгович, князь черниговский 23
- Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо, вел. князь киевский и владимирский 13, 14, 27, 28, 50
- Всеволод I Ярославич, вел. князь киевский 6, 10, 11, 15, 23, 53, 60, 68
- Выговский Иван Евстафьевич, писарь из шляхтичей, позже украинский гетман 148—167
- Вяземский, князь 102
- Вяземский Александр Алексеевич, князь, гос. деятель 254
- Вяземский Андрей Юрьевич, князь 110
- Вяземский Михаил, князь 110
- Вязмитинов Сергей Козьмич, русский военный министр 462
- Вячеслав Ярославич, князь смоленский 16, 23
- Вячеслав, князь кукейносский 48, 53—55
- Габсбурги, династия, правившая в Австрии 480
- Гаврила, новгородский архиепископ 28
- Гаврила Гориславич, псковский воевода 58, 81
- Гарденберг, барон, прусский министр иностранных дел, канцлер 361, 386, 388—390, 393—396, 407, 408, 410—412, 414, 415, 426, 431, 436—438, 442, 443, 450, 458—460, 462
- Гарроуби, лорд, английский министр 378
- Гасс, английский агент 128
- Гаугвиц, австрийский министр иностранных дел 361, 370, 371, 386—389, 391, 395—397, 404—408, 410, 412, 414, 415, 424—427, 431, 433, 436, 458
- Гафрон, прусский поверенный в Турции 233
- Гедимин, вел. князь литовский 64, 89, 90, 94, 97, 100, 101
- Гедувиль, французский посланник в Петербурге 351
- Гедувиль, мадам, жена французского посланника в Петербурге 363
- Генрих, прусский принц 308, 319
- Генрих I, французский король 525
- Генрих IV, французский король 201, 327
- Генрих VIII, английский король 531
- Генрих Дусемер фон Арфберг, вел. магистр Тевтонского ордена 90, 91
- Генц Фридрих, публицист 495
- Георг III, английский король 336, 348, 361, 390, 413
- Георгий, князь полоцкий 6
- Георгий Конисский, белорусский епископ 204, 216, 270
- Гервасий, переяславский епископ 280
- Герден, князь литовский 61
- Герман Балк, магистр Ливонского ордена 57, 84
- Герман фон Зальц, магистр Ливонского ордена 56, 57, 84
- Гермоген, патриарх всея Руси 190
- Герпольте 81
- Герц, прусский посланник 233

- Герцберх (Герриберг), прусский министр 242, 247
- Гизо, французский министр 493, 494
- Гирия Иван, козак 141
- Гладкий, путивлец 143
- Глеб Святославич, князь новгородский, сын Святослава Ярославича 7, 14, 20
- Глебович Станислав, полоцкий наместник, литовский посол в Москву 109, 119
- Глинские, князья 102, 104
- Гнейзенау, прусский генерал 476
- Годой, фаворит испанской королевы 467, 468, 481
- Голицын, князь 293
- Голохвастов Алексей, посол в Литву 118
- Гольц, прусский посланник в Петербурге 414, 415, 425, 432, 433
- Гольц, граф, маршал конфедерации в Торне 259
- Гонта Иван, козацкий сотник 281—283
- Гонфис, датский агент 241
- Гостомысл, легендарный правитель древнего Новгорода 41
- Гоуксбюри, английский министр иностранных дел 344
- Грабовский, генерал, маршал конфедерации в Слуцке 259
- Грамотин Иван Тарасович, думный дьяк 137, 141
- Грейг Самуил Карлович, контр-адмирал 251
- Гренвиль, английский лорд 345
- Григорий, игумен 23
- Григорий IX, папа римский 57, 80
- Груша, сторонник гетмана И. Выговского 163
- Гудсон, агент Английской торговой компании 127, 129
- Гуляницкий, нежинский полковник 164
- Гумбольт Вильгельм, прусский уполномоченный 531, 534
- Гуня, козацкий старшина 146
- Гуровский, граф, литовский маршал 226, 301
- Гурьев, полковник 283
- Густав II Адольф, шведский король, полководец 202, 250
- Густав I Ваза, шведский король 124
- Густав III, шведский король 249—253, 256, 258, 385
- Густав IV, шведский король 364, 385, 388, 461
- Далматов Третьян, московский гонец 115
- Давид Святославич, князь смоленский, черниговский 7
- Давыд, князь псковский 63, 71
- Даниил Александрович, вел. князь московский 169, 170
- Даниил Александрович, князь, московский наместник в Пскове 70
- Даниил Романович, князь галицкий 8, 86
- Даниил фон Леневарден, немецкий рыцарь 48
- Данила, брат гетмана И. Выговского 166, 167
- Данила Дмитриевич, князь, воевода 76
- Дантрег 352
- Дашкова Екатерина Романовна, княгиня 334
- Дебалмен, граф, генерал-поручик 239
- Де-Линь, принц 251
- Дембинский, польский генерал 559
- Дерби, граф, ланкастерский герцог, позже английский король Генрих IV 95
- Джанибек-Гирей, крымский хан 137
- Димитрий, царевич, сын Ивана IV Грозного 190
- Димитрий (Дмитрий) Александрович, вел. князь владимирский, сын Александра Невского 60—62
- Димитрий Александрович, князь 169
- Димитрий Владимирович, великокняжеский казначей 109
- Дионисий, архимандрит Троице-Сергиева монастыря 187—197
- Дионисий Балабан, киевский митрополит 157
- Дир, полулегендарный князь киевский 33
- Длуский, люблинский подкоморий 298
- Дмитрий Донской, вел. князь московский, сын Ивана II 101
- Дмитрий Константинович, князь суздальский 168
- Довгаль Степан, миргородский полковник 157, 164

- Довмонт (Тимофей), князь литовский, позже псковский 60—63, 68, 71, 73
- Долгорукий, князь, посланник в Голландии 469
- Долгорукий Петр Петрович, князь, генерал-адъютант 400, 401, 428
- Долинский, староста 273
- Донец Иван, запорожский козак, посланник в Москву 158
- Дорожкович Василий, литовский посол в Москву 118
- Дорофей Елеферьевич, псковский посажник 74
- Дорошенко Михаил, козацкий полковник 139, 142, 143
- Дусемер, см. Генрих Дусемер фон Арфберг
- Дуска, козацкий сотник 281
- Дюргеви 30
- Еберггард фон Монгейм, магистр Ордена тамплиеров 66
- Евфросиния, дочь князя полоцкого Георгия Весславича 11, 13
- Егергорн, майор 252
- Екатерина II Великая, российская императрица 203—205, 207—213, 227, 228, 231, 234, 235, 239, 242—246, 249—252, 256—258, 327, 329—331, 334, 335, 342, 349, 354, 355, 358, 367, 410, 413, 434, 446, 455, 459
- Екатерина Павловна, сестра императора Александра I 410
- Елена, гречанка 141
- Елена, княжна, дочь вел. князя Ивана III 112—115, 117—119
- Елена, миф., жена царя Спарты Менелая 430
- Елена Богдановна, дочь Богдана Хмельницкого 166
- Елизавета, английская королева 125, 531
- Елизавета Петровна, российская императрица 205—207, 209, 327, 368
- Еренфрид фон Неуенбург, альтенбургский командор 57
- Ессен, саксонский посланник в Польшу 277
- Железняк Максим, козацкий предводитель 280—283
- Жигомонт, см. Сигизмунд III Ваза
- Жолкевский Станислав Станиславович, коронный гетман Речи Посполитой 135
- Заберезский Ян, полоцкий наместник 108—111, 113
- Заболоцкий Петр, московский посол в Литву 116
- Завадовский Петр Васильевич, граф, гос. деятель 254, 364
- Загряжский, посол в Литву 110, 116
- Залуский, киевский епископ 273
- Замойский, владелец крепости Замосц 284, 285, 291
- Застров, прусский генерал-адъютант, министр иностранных дел 388, 436, 437, 475
- Заурау, австрийский посланник в Петербурге 357
- Зенко, литовский посол в Москву 116
- Зиновевич, посол в Литву 114
- Змеев, московский купец 124
- Зюзин Григорий, путивльский воевода 161
- Иаков II, шотландский король 500
- Иван, поп села Клементьева 194—197
- Иван, псковский посажник 69
- Иван Берладник 23
- Иван III Васильевич, вел. князь московский 73, 76, 79, 101, 103, 105, 106, 108—120
- Иван IV Васильевич Грозный, вел. князь московский и царь 5, 76, 123—125, 127, 134, 182, 238
- Иван I Данилович Калита, великий князь московский и владимирский 64, 73
- Иван Иванович Молодой, князь тверской, сын вел. князя Ивана III 76, 102, 103, 111
- Иван Михайлович, князь перемышльский 102
- Иван Юрьевич, см. Патрикеев Иван Юрьевич
- Ивашев Дмитрий, купец 125
- Ивашко, дьяк, псковский воевода 74
- Игельстром, полковник 273
- Игельстром И. А., русский генерал 240, 258

- Игорь Ольгович, князь черниговский 23
 Игорь I Рюрикович, вел. князь киевский 18, 32, 33, 35, 37, 40
 Игорь Святославич, князь северский 17
 Иелачич, хорватский бан 504
 Измаил, козацкий полковник 139
 Измаил, ногайский князь 124
 Изяслав Вячеславич, князь 15
 Изяслав II Мстиславич, вел. князь киевский 8, 11, 14, 15, 27
 Изяслав Ярославич, вел. князь киевский 21—23, 27, 79
 Иларион, киевский митрополит 10, 19—21
 Ильинич Иван, пан 105
 Иннокентий III, папа римский 45
 Иннокентий IV, папа римский 80
 Иоанн, митрополит 9, 15, 26
 Иоанн, пробст Рижской Богородичной церкви 51
 Иоанн, эрцгерцог 497, 502
 Иоанн Калита, см. Иван I Данилович Калита
 Иоанн фон дер Фехте, архиепископ 65
 Иоасаф, коринфский митрополит 149
 Иов Борецкий, митрополит 138, 140, 141, 146
 Иоганн фон Апфельдерн, рыцарь Ливонского ордена 55
 Иона, крутицкий митрополит 195, 197
 Иосиф, архимандрит Новоспасского монастыря 171
 Иосиф II, австрийский император 203, 233, 234, 236, 256, 257, 487, 488
 Иракий, грузинский царь 241
 Исая, монах Киево-Печерского монастыря 22
 Исакий, луцкий епископ 138, 139
 Искра, посланец в Москву 159
- Казимир Ягеллонович, вел. князь литовский, польский король 101—106, 108—112, 116
 Кайзерлинг, см. Кейзерлинг
 Калачов Николай Васильевич, историк, правовед, археолог 5
 Калита, см. Иван I Данилович Калита
 Калхас, древнегреческий прорицатель 209
 Каменский Михаил Федорович, граф, фельдмаршал 434, 435
- Каннинг, английский министр 460
 Кантемир Дмитрий, князь, молдавский господарь 418
 Канут VI, датский король 44
 Караимович Ильяш, гетман 146
 Карамзин Николай Михайлович, писатель, историк 17, 27, 168, 169
 Карамышев Андрей, князь, посол в Литву 104
 Карл, австрийский эрцгерцог, полководец 356, 368, 381, 384, 392, 398, 399, 416, 439, 447, 449, 450, 480, 481, 485
 Карл, лотарингский герцог, крестоносец 98
 Карл, лотарингский принц 206
 Карл, саксонский принц 261
 Карл-Альберт, сардинский король 505
 Карл Великий, франкский император 82, 401
 Карл IV, испанский король 467, 468
 Карл XII, шведский король, полководец 385
 Карп Данилович, пскович 67
 Касльри, лорд, английский министр иностранных дел 460
 Кастелли, австрийский поэт 500
 Кауниц Венцель Антон, граф, австрийский посол во Франции, канцлер 248
 Кейзерлинг Карл, граф фон, дипломат 204, 208, 212, 213
 Кейстуг Гедиминович, вел. князь литовский 67, 68, 90—92, 96, 97, 111
 Кекериц, генерал 393, 431, 475
 Керсдорп, магистр 72
 Кизименко, предводитель козацкого восстания на Украине 146
 Кикин, стольник 152, 153, 160, 161
 Кирик, дьякон Антониева монастыря в Новгороде, писатель 9
 Киселев, русский поверенный в делах в Париже 507
 Кисель Адам, черниговский подкоморий 144—146
 Кишка Станислав Петрович, воевода и смоленский наместник, литовский посланник в Москву 118
 Кларке, французский генерал 420, 421
 Клерон, французская актриса 261
 Клим, митрополит 27

- Климент (Клемент) V, папа римский 66
 Климент (Клемент) VIII, папа римский 265
 Ключко Воинко, литовский посол в Москву 107, 111
 Клютниг Корнил Класен, мастер городского земельного дела 172
 Кнобельсдорф, прусский генерал 426
 Кобенцль Людвик, граф, австрийский министр иностранных дел 367, 368, 385, 392, 398, 416, 429, 449, 488, 495
 Кобенцль Филипп, австрийский посланник во Франции 381
 Кожуховский, шляхтич 270—273
 Кокориц, прусский министр 370, 371
 Коленкур, французский посол в Петербурге 464, 465, 473, 476
 Коллоредо, граф, австрийский министр иностранных дел 355, 356, 400
 Коловрат, граф, австрийский министр 496
 Колычев, московский наместник в Черокунстве 107
 Колычев (Колычов), русский посланник в Париже 340—342, 400, 465
 Комаровский Петр, комиссар 147
 Конашевич, см. Сагайдачный
 Конде, принц 363
 Кондрат, тысяцкий 62
 Конецпольский Станислав, польский гетман 139—141, 143—145
 Конисский, см. Георгий Конисский
 Кононович Савва, гетман 145
 Конрад, князь мазовецкий 82—84, 91
 Конрад Валленрод, вел. магистр Тевтонского ордена 95
 Конрад Тирберг, прусский магистр 89
 Конрад фон Юнгинген, вел. магистр Тевтонского ордена 96
 Конрад Цольнер, вел. магистр Тевтонского ордена 93
 Константин, князь острожский 135
 Константин Васильевич, князь суздальский 168
 Константин Всеволодович, вел. князь владимирский и ростовский 11
 Константин Дмитриевич, князь московский 71
 Константин Павлович, вел. князь, внук Екатерины II 236, 424, 443, 444
 Константин I, митрополит 25—27
 Константин VII Багрянородный, византийский император 18, 36, 38
 Коробка, сотник, посланец Б. Хмельницкого в Москву 151, 154
 Косинский, поляк 135
 Котошихин Григорий Карпович, подъячий Посольского приказа 186
 Кочмаров Лука, подъячий 188
 Кочубей Виктор Павлович, граф, гос. деятель 349, 350, 357
 Кошка Самуил, гетман запорожских козаков 135
 Кошут Лайош, руководитель борьбы венгерского народа за независимость 502—504, 508
 Кравченко, белоцерковский полковник 163
 Красинский (Красицкий), каменецкий епископ 222, 227, 266, 276, 277
 Красинский, розанский подкоморий 276
 Кречетников Михаил Никитич, генерал 283, 288
 Кристэн, швейцарец на русской службе 352
 Кричевский Рейнолд Излич, плебан 216
 Крошинские, князья 109
 Кувшинов Филат, посадский человек 184
 Кукша, монах Киево-Печерского монастыря, проповедник 22
 Куракин, князь, воевода 162, 163
 Куракин Александр Борисович, князь, гос. деятель, посланник во Франции 333, 338, 355, 409, 441—443, 452—454, 456
 Курицын, дяк 107
 Кутузов Борис, князь, боярин, посол в Литву 105, 115
 Кутузов Михаил Илларионович, князь, фельдмаршал 397, 399, 400, 439
 Куцка (Куцко) Иван, гетман запорожских козаков 135
 Лаврентий, монах 38
 Лаврин, писарь 108
 Лагарп, воспитатель императора Александра I 421
 Лазаренок (Лазаренко) Антон, запорожский полковник 138
 Лазарь, смоленский епископ 28

- Ламорисьер, фр. генерал 499
 Ларошфуко, французский посланник в Вене 445
 Лафорест, французский посланник в Берлине 411
 Ледович Филипп, псковитянин 67
 Ленарт, уманьский комендант 282
 Леон, ростовский епископ 26, 28
 Леонтий, монах Киево-Печерского монастыря, проповедник 22
 Леопольд II, австрийский император 257
 Лесницкий Грицко (Григорий), миргородский полковник 151, 152, 154, 157—159, 167
 Лизогуб, каневский полковник 167
 Лисянский, архиепископ 216
 Литвин Михалон 123
 Лобанов-Ростовский, князь 451—454
 Логин, головщик Троице-Сергиева монастыря 193—195, 197
 Ломбард, тайный секретарь при прусском короле 371, 396, 426, 458
 Лопухин, полковник 304
 Лубенский, князь, примас, гнезенский архиепископ 264
 Лудвиг (Людвиг) фон Оттинген, наместник вел. магистра Ливонского ордена в Пруссии 57
 Лудовик (Людовик) XIV, французский король 199, 202, 461, 469
 Лудовик (Людовик) XVI, французский король 499
 Луиза, прусская королева 430
 Лука, игумен, позже суздальский епископ 28
 Любомирская, княгиня, жена Любомирского, литовского подстолия 278
 Любомирский, князь, коронный маршал 225, 255, 272, 276, 278, 285, 291, 294, 295, 298, 301, 306, 307, 316
 Любомирский, князь, литовский подстолий 278, 279
 Любомирский, князь, любельский воевода 278
 Людвиг-Фердинанд, прусский принц 394, 427, 429
 Людовик, см. Бонапарт Людовик
 Людовик (Людвик), австрийский эрцгерцог 496, 497, 503, 504
 Людовик-Филипп, австрийский император 494, 496, 498, 503
 Люккезини, прусский посланник в Париже 322, 342, 424, 426, 444
 Лях Андрей, козацкий атаман 124
 Маврокордат (Маврокордато) Николай, молдавский господарь 241
 Магомет, турецкий султан 141, 142
 Мазарини Джулио, кардинал, первый министр Франции 322, 467
 Мак Карл, австрийский генерал 392, 395, 398
 Макс Иосиф, баварский король 415
 Максим, белогородский епископ 14, 28
 Малчевский Игнатий, сплавский староста 278
 Мамонов, посол в Литву 120
 Маргер, начальник крепости Пунэ 90
 Мария-Антуанетта, французская королева, жена Людовика XVI 430
 Мария Стюарт, шотландская королева 499, 500
 Мария-Терезия, австрийская императрица 207, 356, 405
 Мария I Тюдор, английская королева, жена Филиппа II 126
 Мария Федоровна, императрица, жена Павла I 441, 442, 456
 Марк, монах Бердичевского монастыря 276, 277
 Маркел, ризничий дьякон 195
 Мартирий, новгородский архиепископ 28
 Мартянов, воевода 186
 Марфа Ивановна, мать царя Михаила Федоровича Романова 195—197
 Матвеев Артамон Сергеевич, боярин, стрелецкий голова 154
 Матье, секретарь Талейрана 341
 Медем, русский посланник в Вене 505, 506
 Мезецкие, князья 102, 116
 Мезецкий Михаил Романович, князь 110
 Мейнгард, монах Августинского ордена 43, 44
 Мелхиседек, игумен Мотренинского монастыря 281
 Менгли-Гирей, крымский хан 115, 116, 118—120

- Местр Жозеф де, сардинский министр в Петербурге 375, 387, 440
- Меттергейм, граф, австрийский посланник в Париже 444
- Меттерних Клеменс, князь, австрийский министр иностранных дел, канцлер 445, 446, 473, 474, 479—484, 486, 489, 490
- Миндовг, вел. князь литовский 60, 86—88
- Миневский, есаул 154
- Миних Бурхард Кристоф, граф, гос. деятель, генерал-фельдмаршал 200
- Митаревский Никанор, иеромонах 216
- Митрофан, новгородский архиепископ 28
- Митусов, дьяк 176
- Михаил, вел. князь тверской 168, 169
- Михаил, новгородский посадник 61
- Михаил Андреевич, князь суздальский 168, 169
- Михаил Федорович Романов, царь 140, 141, 171, 180—182, 184, 195, 196, 201
- Михаил Юрьевич, князь торчесский, сын вел. князя Юрия Долгорукого 8, 11
- Михаил Ярославич, князь 62
- Михайло, псковский иконописец 123
- Михайлов Василий, царский посланник 162
- Михалев Климуша, торговец 106
- Младанович, главный управитель киевского воеводы Потоцкого 281, 282
- Млодзеевский, коронный канцлер, познанский епископ 284, 298, 301, 315
- Мнишек, граф, коронный маршал 204, 227, 266, 270, 273, 301
- Можайский Семен, князь 111, 116
- Моира, лорд, английский министр 377
- Монк Джордж, английский полководец 323
- Монтекули, граф, австрийский министр 502
- Морков (Марков), граф, русский посол во Франции 333, 335, 342—344, 348—354, 365, 367, 400, 463, 465
- Моро, французский генерал 397
- Мортье, французский маршал 397
- Мосальские, князья 210
- Мосальский, виленский епископ 222, 300, 305
- Мосальский Тимофей, князь, посол в Москву 102—105
- Мстислав Владимирович Великий, вел. князь киевский 13, 23
- Мстислав Изяславич, князь волынский 27
- Мстислав Мстиславич Удалой, князь торопецкий, новгородский и галицкий 23, 50, 61, 79, 80
- Мстислав Романович, вел. князь киевский 80
- Мстислав Ростиславич Храбрый, князь смоленский 8
- Мудров Алексей 17
- Мюрат, неаполитанский король, зять Наполеона I Бонапарта 415, 444, 468
- Наливайка Северин, козацкий атаман 135
- Наполеон I Бонапарт, французский император 321, 323—325, 327, 330—333, 335, 339—343, 346—354, 357—359, 361—369, 371—373, 375, 378, 379, 381—387, 389—407, 409—417, 419—439, 441—490, 492, 499, 500
- Наримант (Глеб), князь туровский и пинский, сын Гедимины 90
- Наудют, предводитель пруссов 88
- Неврот, сын Хама 16
- Негочевич Борис 56
- Ней, французский маршал 395
- Нельсон, английский адмирал 395
- Немирич Юрий, поляк 159, 164
- Неронов, царский посланник 149
- Нессельроде Карл Васильевич, граф, министр иностранных дел, канцлер 505
- Нефедьев Маруша, мастер печатных книг 122, 123
- Никифор, митрополит 23, 27, 28, 30
- Никифоров Васюк, резных дел мастер 123
- Николай, магистр Ливонского ордена, епископ 56
- Николай, митрополит 23
- Николай, ростовский епископ 27, 28, 31
- Николай I Павлович, российский император 504, 505, 507

- Николев Иван, иркутский воевода 188
 Николев Иван Самойлович, нерчинский воевода 188
 Николев Михаил, сын нерчинского воеводы 188
 Николев Самойло, стольник, нерчинский воевода 188
 Никон, монах Киево-Печерского монастыря 22
 Никон, патриарх 151
 Никулаев Гришка, подмастерье 172
 Нифонт, новгородский епископ 27
 Новосильцев Николай Николаевич, князь, гос. деятель 374, 375, 377, 379, 382—384, 389, 418, 419, 440—443, 453, 485
 Ноздреватый Василий, князь 109
 Нумерс, генерал-поручик 273

 Оболенский, князь 103
 Оболенский Александр, князь, воевода 78
 Обух, полковник 282
 Обухова, пани, жена полковника Обуха 282
 Огинская, жена гетмана Огинского 316
 Огинский Михаил-Казимир, князь, гетман литовский 246, 294, 307, 308, 316
 Оградский, управляющий кабинетом Станислава-Августа 262
 Одинец, дьяк 104
 Одинец Петр, козацкий атаман, посланец в Москву 137
 Одоевские, князья 102, 107, 112
 Одоевский Иван, князь 107
 Одоевский Семен Иванович, князь 102, 107
 Одоевский Федор Иванович, князь 107
 Окулов, монастырский человек 129
 Олег, древнерусский князь 32, 35—37
 Олехнович Андрей, литовский посол в Москву 111
 Олифер, козацкий полковник, гетман 139, 142
 Ольга, княгиня, жена князя Игоря 32—41
 Ольгерд Гедиминович, вел. князь литовский 67—69, 90—92, 101, 111, 112
 Ольгердовичи, наследники Ольгерда, вел. князя литовского 95
 Ольговичи, князья черниговские 15, 29
 Онуфрий, черниговский епископ 27
 Опухтин Иван, царский посланец 160
 Орлов Григорий Григорьевич, граф, фаворит Екатерины II 302
 Орловы, графский род 206
 Осман, турецкий султан 137
 Оссолонский, волынский воевода 227, 260
 Остана, псковский иконописец 123
 Остерман Андрей Иванович, граф, генерал-адмирал, кабинет-секретарь 251, 254
 Остриин, козацкий атаман 146
 Острожские, князья 138
 Оттокар, см. Пршемьсл Оттокар
 Оттон, бранденбургский маркграф 86

 Павел, монах 149
 Павел I Петрович, российский император 250, 327, 334, 336, 337, 340—342, 344, 354, 356, 366, 418, 434
 Павлик (Павлюка) Карп Павлович, предводитель козацкого восстания, полковник Войска Запорожского 145, 146
 Палецкий, князь, посол в Литве 103, 104
 Палицын Авраамий, келарь Троице-Сергиева монастыря 194, 196
 Пальм, нюрнбергский продавец книг 416
 Пальмерстон, лорд, английский министр 494—496, 498, 501, 502, 504—508
 Пальчовский, польский публицист 136
 Панин Никита Иванович, граф, гос. деятель, дипломат 205, 210, 212—214, 219—222, 225, 226, 231, 254, 261—264, 266—270, 273, 275, 276, 281, 283, 284, 286, 287, 290—294, 296—299, 302, 304, 305, 307—310, 312—314, 316—318, 334, 335
 Панин Никита Петрович, граф 333, 335—338, 355, 463
 Панины, графы 339, 464
 Паркер, адмирал 495
 Патрикеев Иван Юрьевич, князь, московский боярин 108—111
 Патрикий, князь литовский, сын Кейстуга 91
 Пенко Данила, князь, воевода 78

- Персиваль, английский министр 460
 Першин Федор, купец 125
 Петр, см. Янович Петр
 Петр I Алексеевич Великий, российский император 13, 187, 200, 203, 205, 250, 329, 334, 410, 418, 419
 Петр Могила, киево-печерский архимандрит 143
 Петр Оге, слуга 55
 Петрижицкий-Кулага Иван, гетман Войска Запорожского 143
 Петров Артемий, мастер иконных окладов 123
 Петров Родион, мастер иконных окладов 123
 Петряшкович Станислав, литовский посол в Москву 106, 114
 Пиатоли, учитель Адама Чарторьского 375
 Пиль Роберт, английский министр 501
 Питт Уильям Младший, премьер-министр Великобритании 242, 344, 345, 373, 374, 377—380, 383, 412, 415, 418, 450
 Плеттенберг Вальтер, магистр Ливонского ордена 77, 78
 Плещеев Петр Михайлович, окольный, московский посол в Литву 102, 117
 Плюсков Иван Федорович, посол 104
 Погожий Михаил, гонец 115
 Погорелов Федот, купец 125
 Подкурский Иван, псковитянин 75
 Подоский Гавриил, граф, коронный референдарий 227, 260, 261, 264, 266, 267, 290, 292, 300, 305
 Пожарский Семен Иванович, князь 164, 165
 Поликарп, игумен Киево-Печерского монастыря 6, 7, 23, 28, 29
 Понинский, граф, коронный кухмистр 292, 301, 305, 306
 Понсонби, английский посол в Вене 496
 Понятовский, обер-камергер, брат Станислава-Августа 284, 307
 Понятовский Станислав-Август, см. Станислав-Август
 Попов, генерал-квартирмейстер 441, 450
 Потемкин Григорий Александрович, князь, гос. и воен. деятель, генерал-фельдмаршал 230, 231, 237—239, 241—246, 251, 252, 254—259, 334, 441
 Потончины, братья, угличские посадские люди 184
 Потоцкие, польские магнаты 260, 295
 Потоцкий, брацлавский воевода 146
 Потоцкий, коронный гетман 147, 148, 150
 Потоцкий, полоцкий палатин 209
 Потоцкий, русский воевода 247, 266, 281
 Потоцкий Андрей, коронный обозный 166, 167
 Потоцкий Иоаким, трембовльский староста 216, 227
 Потоцкий Иоаким, литовский подचाший 276
 Поццо-ди-Борго, русский дипломат 446, 447
 Предслава, дочь князя полоцкого Георгия 6, 14
 Прозоровский Семен Васильевич, князь, боярин 149
 Прохор, игумен Киево-Печерского монастыря 29
 Пршедецкий (Пршедецкий), литовский вице-канцлер 217, 301, 316
 Пршемысл Оттокар, чешский король 86
 Псарский, польский резидент в Петербурге 296
 Пулавский Иосиф, адвокат, маршалок конфедерации 276, 279, 281
 Путятин Григорий, посол в Литву 106
 Путятин Павел, литовский посол в Москву 113
 Пушкарь Мартын, полтавский полковник 152, 154, 156—161
 Пырский, гетман Войска Запорожского 139
 Радецкий, фельдмаршал 493, 506
 Радзивилл, князь 438
 Радзивилл, князь, литовский гетман 135, 150
 Радзивилл Карл, князь 209, 210, 246, 260, 262, 264, 270, 271, 273
 Разумовский, граф, посол в Вене 382, 398, 410, 417

- Райнер, эрцгерцог, вице-король Ломбардии 496
 Ракоци, князь седмиградский 155, 159
 Ревицкий, барон, австрийский уполномоченный в Польше 317, 318
 Репнин Борис Александрович, князь, посол в Польше 212
 Репнин Николай Васильевич, князь, генерал-фельдмаршал, дипломат 212—215, 218—227, 259—277, 280, 281, 283—290, 293, 294, 298, 299, 303, 307
 Ржевуский, граф, польский посол в Москве 223, 225
 Ржевуский Венцеслав, краковский воевода 273
 Ржевуский Северин, долинский староста 273
 Ришелье Арман Жан дю Плесси, кардинал, факт. правитель Франции 467
 Рогалинский, граф 301
 Рогашевский, кассир киевского воеводы Потоцкого 281, 282
 Рожевский, глава люблинской конфедерации 276
 Роман Мстиславич, князь волынский и галицкий 30
 Роман Ростиславич, князь смоленский, вел. князь киевский 10, 23
 Ромодановский Василий, князь, московский боярин, посол в Швеции 115, 117—119, 125
 Ромодановский Григорий Григорьевич, князь, воевода 152, 154, 160, 162, 163
 Россель Джон, лорд, английский министр 501, 508
 Ростислав Мстиславич, князь смоленский, вел. князь киевский 6, 7, 26, 27
 Ростислав Рюрикович, вел. князь киевский 13—16, 28
 Руда, борисоглебский священник 68
 Рудольф, австрийский эрцгерцог из династии Габсбургов 86
 Румбольдт, английский посланник при Нижнесаксонском округе 386, 387
 Румянцев Николай Петрович, граф, министр иностранных дел 364, 410, 463, 464, 484
 Румянцев Петр Александрович, граф, генерал-фельдмаршал 242, 243, 311
 Русалка Марья, жена посла в Литву
 Русалки Михаила 114
 Русалка Михаил Яковлевич, князь, боярин, посол в Литву 107, 114
 Руссов 81
 Рюрик, легендарный основатель династии Рюриковичей 13, 14, 170
 Рюрик Ростиславич, князь смоленский, вел. князь киевский 7, 23, 28, 30
 Рюриковичи, династия русских князей 200
 Рюхель, прусский генерал 424, 428
 Ряполовский Василий, князь, посол в Литву 113
 Ряполовский Семен, князь, боярин 113, 114
 Савари, французский генерал 462—465
 Сагайдачный Петр Канашевич, гетман 136—138
 Сагиб-Гирей, крымский хан 230
 Салтыков, генерал-майор 207, 224
 Сальдерн Фридрих-Христоф, русский посланник в Польше 299, 300, 302—309, 312—317
 Свенельд, воевода вел. князя Игоря 35
 Свидригайло, князь, наместник польского короля в Литве 95, 96
 Свитен, барон фон, австрийский посланник в Берлине 311, 312
 Святополк, князь поморский 85
 Святополк Изяславич, вел. князь киевский и новгородский 23, 29
 Святослав, князь киевский, сын князя Игоря 18, 33, 35, 38, 41
 Святослав (Николай) Давыдович, князь черниговский 6
 Святослав Ольгович, князь новгородский, черниговский 6, 30
 Святослав Ростиславич, князь новгородский 10
 Святослав Юрьевич, князь 10
 Святослав Ярославич, князь тверской и псковской 61, 62
 Святослав Ярославич, князь черниговский, вел. князь киевский 10, 11, 13—15, 20, 22, 28, 29
 Себастиани, французский посланник на Востоке 348, 422, 423, 467
 Селкович Олферий, псковитянин 67

- Семен Борисович, московский боярин, посол в Крыму 101
- Семен Высокий Плагол, псковский иконописец 123
- Семичев, боярский сын 118
- Сенявин Наум Акимович, вице-адмирал 422
- Серапион, суздальский архиепископ 171
- Сигизмунд (Жигомонт) III Ваза, польский король, позже шведский король 120, 134, 137—140, 201, 202
- Симеон (Семен) Иванович Гордый, вел. князь московский 111
- Симон, епископ 23, 28
- Скидан, предводитель восстания на Украине 145, 146
- Скоробогатенко Тимофей, наказной гетман 163, 164
- Славн, тысяцкий 14
- Смыгалов Тимофей, купец 125
- Созон, киевский мещанин 138
- Соколинский Семен, князь, торопецкий наместник 104
- Солтык, краковский епископ 222, 227, 260, 265—267, 270, 272, 273, 295
- Сольмс, граф фон, прусский посол в Петербурге 232, 308—312, 319
- Сопегин Ивашка, литовский посол в Москву 116
- Сосновский, литовский писарь 278
- София, жена эрцгерцога Франца-Карла 551
- Спешнев Савва, кашинский губной староста 182
- Стадион Филипп, граф, австрийский министр иностранных дел 368, 385, 416, 444—449, 477—483, 486—489
- Станислав, см. Янович Станислав
- Станислав-Август Понятовский, польский король 203, 205, 206, 208—212, 218, 223, 261, 262, 274, 284, 289—291, 293—295, 297, 298, 302, 317, 318
- Стефан, дьякон 46
- Стефан, игумен 31
- Стефан, молдавский господарь 104, 116, 118, 119
- Стефан Баторий, польский король, полководец 134, 136
- Стрекалов 254
- Строганов, барон, посланник в Мадриде 441, 453, 470
- Строганов Григорий, солепромышленник, землевладелец 122
- Строгановы, солепромышленники, землевладельцы 122
- Строилович Володша, псковитянин 67
- Струenze, граф, прусский министр 370
- Стрыж Михаил, посланец атамана Барабаша 157
- Стюарты, королевская династия в Англии 499, 500
- Суворов Александр Васильевич, граф, полководец, генералиссимус 242, 244, 256, 304, 308, 314, 359, 392, 397, 408
- Сулима Иван, гетман Войска Запорожского 144
- Сульт, французский маршал 487, 524
- Сухтелен, русский посланник 464
- Талейран Шарль Морис, французский дипломат, министр иностранных дел 340—342, 351, 353, 365, 366, 371, 381, 391, 395, 402—405, 409, 411, 418—420, 426, 445, 448, 454, 459, 472, 473, 479, 482—485
- Тарас, козацкий полковник 143
- Татищев Василий Никитич, историк, гос. деятель 7, 10, 11, 16, 17, 27, 40, 41, 80
- Твердиков Степан, купец 125
- Твердило Иванович, псковский боярин 58
- Твердислав, новгородский посадник 53
- Тевтивил, князь полоцкий 60
- Телешов Иван, посол в Литву 117
- Тетеря Павел, переяславский полковник 159
- Тимофей, духовник князя Мстислава Удалого 23
- Тихонов Алексей, писец Троице-Сергиева монастыря 191
- Толстой, граф, обер-гофмаршал 399
- Толстой Петр Александрович, посол во Франции 464—467, 473, 482
- Томиленко, гетман Войска Запорожского 145, 146

- Томкевич Феодосий, львовский мешанин 161
- Торгоша Иван, псковитянин 75
- Тофрала Петров Иван, грек 149
- Тохтамыш, хан Золотой Орды 97
- Траутмансдорф, граф 356
- Тройнат, князь жмудский 60
- Трубецкой Алексей Никитич, князь, боярин 104, 152, 154, 164—166
- Тугут Франц, австрийский гос. деятель 356, 368
- Тымберский, козацкий полковник 279, 280
- Тышкевичи, православные паны 138
- Убри, статский советник, русский поверенный в делах во Франции 354, 364—366, 417, 418, 420, 421, 425, 426, 465
- Увар 507
- Уитворт, лорд, английский посланник в Париже 348, 351, 352
- Ульрих фон Юнгинген, магистр Тевтонского ордена 99
- Ульяна Мстиславская, княгиня 105
- Унковский, царский посланец 150
- Урбан VIII, папа римский 138
- Федор (Феодор) Алексеевич, царь 182
- Федор (Феодор) Иванович, царь 174
- Федор Юрьевич, московский воевода 74, 75
- Федоров Марк, македонянин 141
- Федька, писарь 115
- Феогност, митрополит 64
- Феодор, белгородский епископ 23
- Феодор, владимирский епископ 24—26, 31
- Феодор, епископ 20
- Феодорих, монах Цистерциенского ордена 44, 46, 53
- Феодосий, игумен Киево-Печерского монастыря 15, 17, 21—23, 31
- Феофан, иерусалимский патриарх 197
- Феофанов Семен, московский купец 103
- Фердинанд, австрийский император 496
- Фердинанд, неаполитанский король 419, 421, 460
- Фердинанд VII, испанский король 467, 468
- Филарет, уставщик Троице-Сергиева монастыря 193—195
- Филарет Никитич, ростовский митрополит, позже патриарх, отец царя Михаила Федоровича 142, 195, 197
- Филипп, бургундский герцог 96
- Филипп II, испанский король 126, 201, 202
- Филипп IV Красивый, французский король 65
- Филипп V, испанский король 469
- Фильный, вождь венгров 12
- Фихте, прусский общественный деятель 476
- Флеминг, граф, померанский воевода 300
- Фокс, английский министр 377—379, 412, 415, 418, 419, 421, 450
- Фома, псковский староста 68
- Фома, священник 114, 117
- Фосс, прусский министр 431
- Фотий, патриарх 18
- Франц I, австрийский император 354—356, 365, 381, 384, 397, 402, 406, 407, 416, 444—446, 448, 477, 480—482, 486—488
- Франц II, см. Франц I
- Франц-Иосиф, австрийский император 505
- Франц-Карл, эрцгерцог 496, 497
- Фредегельм, вождь крестоносцев 54
- Фридрих, вождь крестоносцев 54
- Фридрих I Барбаросса, германский король, император Свящ. Рим. империи 359
- Фридрих II, прусский король, полководец 203, 207—210, 212, 227, 228, 231, 233, 247, 295, 309—312, 340, 357, 359, 362, 368, 393, 427, 429, 436, 455, 459, 476
- Фридрих II Штауфен, германский король, император Свящ. Рим. империи 84
- Фридрих-Вильгельм, брауншвейгский герцог 486
- Фридрих-Вильгельм Великий, бранденбургский курфюрст 13, 247, 358, 393, 427

- Фридрих-Вильгельм I, прусский король 202, 359
- Фридрих-Вильгельм II, прусский король 253
- Фридрих-Вильгельм III, прусский король 357, 361, 362, 364, 385—388, 390, 392, 393, 395, 396, 404, 406, 407, 412, 424—427, 431, 434—436, 451, 462, 477, 478, 485
- Фрязин Демьян, новгородский купец 104
- Фуилью 351
- Фуль, прусский генерал 424, 437
- Фуше, французский министр полиции 475, 483, 484
- Хам 16
- Хитрово Богдан Матвеевич, окольный 152, 155—159
- Хлебовский, ротмистр 278
- Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович, гетман Украины, руководитель освободительной борьбы украинского народа 138, 148—156, 158, 159, 162
- Хмельницкий Юрий Богданович, гетман Украины, сын Богдана Хмельницкого 151—153, 166, 167
- Ходыка Федор, войт 138
- Холмский Данила Дмитриевич, воевода Ивана III 76
- Хосе-Асан 120
- Хребтович Василий, литовский посол в Москву 107
- Хребтович Лютавор, литовский посол в Москву 113
- Цесельский, польский пан 281, 282
- Цыбура Тимофей, переяславский полковник 163, 166
- Чарторыйские, ополяченный русско-белорусский княжеский род 204, 208, 210, 213, 218—221, 223—227, 259, 261—264, 272, 283—287, 289—296, 300, 317
- Чарторыйский Август, князь, русский воевода 205, 221, 222, 262, 263, 273, 293—296, 301, 315
- Чарторыйский Адам-Казимир, польский князь 205, 206, 225, 272
- Чарторыйский Адам-Юрий (Ежи), польский князь 338, 339, 349, 364, 368, 375—379, 382, 384, 387, 388, 393, 395, 398, 399, 410, 413, 414, 418, 438, 441—443, 453, 462, 463
- Чарторыйский Александр, князь 73
- Чарторыйский Михаил, князь, литовский вице-канцлер 291, 294, 295, 301, 316
- Чацкий, шляхтич 266, 273
- Челищев, боярский сын 104
- Черный Георгий, руководитель сербского движения 462
- Черный Григорий, козацкий полковник 143
- Чернышев, полковник 308
- Чернышев, посланник в Париже 516
- Чигирин Яким, козацкий полковник 138
- Чичагов Павел Васильевич, русский адмирал 251
- Чюрыня, киевский боярин 14
- Шагин-Гирей, крымский хан 230, 234, 237, 239, 240
- Шампань, французский министр иностранных дел 365, 484
- Шарнгорст, прусский генерал 476
- Шафиров Петр Павлович, барон, вице-канцлер, дипломат 418
- Шаховской, князь, виленский воевода 160
- Шварценберг Феликс, граф, австрийский министр 355, 473, 484, 487, 505—507
- Швейковский, опекун князя любомирского 279
- Шемячич, князь 114
- Шереметев Василий Борисович, боярин, киевский воевода 152, 160, 163, 166
- Шереметев Петр Борисович 252
- Шиг-Алей, крымский хан 238
- Шила, сотник 283
- Шиль, прусский майор 486
- Ширий Ивашка, псковский каменщик 122
- Шлейermaхер, прусский общественный деятель 476
- Штакельберг Отто-Магнус, граф, русский посланник в Польшу 317, 318, 425
- Штакельберг, подполковник 273
- Штейн, прусский министр 424, 431, 475—477
- Штейнгейль, русский генерал-квартирмейстер 438
- Штуттергейм, австрийский военный агент 369, 381, 383, 391—393, 407, 414, 428, 450, 478, 481
- Шувалов Андрей 254

- Шуйский, см Василий Иванович Шуйский
 Шуйский Василий, князь, воевода 78
 Шулембург, граф, прусский министр 370
 Шуленберг, граф, губернатор Берлина 430
- Щеня Данила, князь, воевода 78
- Эверс Иоганн Филипп Густав, русский историк 33, 36, 37
 Эдигей, правитель Золотой орды 97
 Эссен 1-й, русский генерал 442, 450
- Юрий Андреевич, князь суздальский 168, 169
 Юрий Васильевич, князь дмитровский, сын Василия Васильевича Темного 73
 Юрий Витовтович, князь, псковский наместник 67, 69, 70
 Юрий Владимирович Долгорукий, князь суздальский и вел. князь киевский 23, 27
 Юрий Данилович, князь московский, вел. князь владимирский 64
- Яворский Феофан, игумен 216
 Ягайло Владислав Ольгердович, вел. князь литовский, позже польский король 92—97, 99
 Ягеллоны, польская королевская династия 97, 101
 Ядвига, польская королева, жена Ягайлы, вел. князя литовского 94
 Ядров Ян, литовский гонец 115
- Яков, боярин 14
 Яков, псковский иконописец 123
 Яков Захарьич, новгородский воевода 108, 110
 Яковлев Посник, церковный мастер 122
 Якушка, псковский иконописец 123
 Ян, воевода вел. князя Святослава 20
 Янович Петр, троцкий воевода, литовский посол в Москву 111, 112
 Янович Станислав, жмудский староста, литовский посол в Москву 111, 112
 Ярема, сотник 281
 Ярмут, лорд, английский уполномоченный в Париже 419—421
 Яропкин Михаил Степанович, московский посол в Литву 102—104, 106, 116
 Ярополк, князь 81
 Ярополк Изяславич, князь 7
 Ярослав Владимирович, князь новгородский 28, 29, 36
 Ярослав Владимирович Мудрый, вел. князь киевский 6, 8, 10, 13, 19—21, 27, 43, 50, 56, 58, 61
 Ярослав Владимирович Осмомысл, князь галицкий 7, 23
 Ярослав Всеволодович, князь переяславский 53, 55—58
 Ярослав Изяславич, вел. князь киевский 29
 Ярослав Ярославич, князь, брат Александра Невского 60
 Ярославичи, князья 47

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАМЕЧАНИЕ О СЛОВЕ «ДУМА»

5

О НРАВАХ И ОБЫЧАЯХ, ГОСПОДСТВОВАВШИХ В ДРЕВНЕЙ РУСИ ОТ ВРЕМЕН ЯРОСЛАВА I ДО НАШЕСТВИЯ МОНГОЛОВ

6—17

ВЗГЛЯД НА СОСТОЯНИЕ ДУХОВЕНСТВА В ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО ПОЛОВИНЫ XIII в.

18—31

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА

32—41

ПСКОВ И ЛИВОНΙΑ

42—81

КРЕСТОНОСЦЫ И ЛИТВА

82—100

ОБЗОР ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СНОШЕНИЙ МОСКОВСКОГО ДВОРА С ЛИТОВСКИМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

101—120

РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ В XVI в.

121—131

МАЛОРОССИЙСКОЕ КОЗАЧЕСТВО ДО ХМЕЛЬНИЦКОГО

132—147

ГЕТМАН ИВАН ВЫГОВСКИЙ

148—167

КНЯЗЬЯ СУЗДАЛЬСКИЕ-ШУЙСКИЕ

168—170

РУССКИЙ ГОРОД В XVII в.

171—188

РУССКИЕ ИСПОВЕДНИКИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В XVII в.

189—197

ЕВРОПА В КОНЦЕ XVIII в.

198—319

**РОССИЯ И ЕВРОПА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА I**

320—491

**РОССИЯ, АВСТРИЯ И АНГЛИЯ
ВО ВРЕМЯ ДВИЖЕНИЯ 1848 И 1849 ГОДОВ**

492—507

УКАЗАТЕЛЬ

509—525

Соловьев С. М.
С 60 **Сочинения. В 18 кн. Кн. XXII. Дополнительная.**
Работы разных лет.— М.: Мысль, 1998.— 527 с.
ISBN 5-244-00075-6
ISBN 5-244-00912-5

Двадцать вторая книга Сочинений состоит из статей, публиковавшихся автором в ведущих русских журналах — «Современнике», «Русском вестнике», «Вестнике Европы» и др. — в 50—70-х гг. прошлого столетия и с тех пор не переиздававшихся. Эти работы исключительно ярко раскрывают творческую лабораторию великого ученого и позволяют проследить развитие его мысли. Они дают возможность по-новому взглянуть на ряд сложных сюжетов русской истории (роль Пскова и Литвы в борьбе с натиском с Запада, неоднозначный характер движения казачества, историю русского города). Для широкого круга читателей.

ББК 63.3(2)

Научная

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

КНИГА XXII

Дополнительная

РАБОТЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Зав. редакцией **В. С. АНТОНОВ**
Художественный редактор **А. А. БРАНТМАН**
Технический редактор **С. П. ЛЕБЕДЕВА**
Корректор **Т. И. ОРЕХОВА**

ЛР № 010150 от 30.12.96

Сдано в набор 30.06.98. Подписано в печать 03.08.98. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Таймс». Офсетная печать. Усл. печатных листов 33. Усл. кр.-отт. 33,75. Учетно-издат. листов 36,33. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1235.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Государственное ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Московское предприятие «Первая Образцовая типография» Государственного комитета Российской Федерации по печати.
113054, Москва, Валуевская, 28.

ISBN 5-244-00912-5

9 785244 009125

